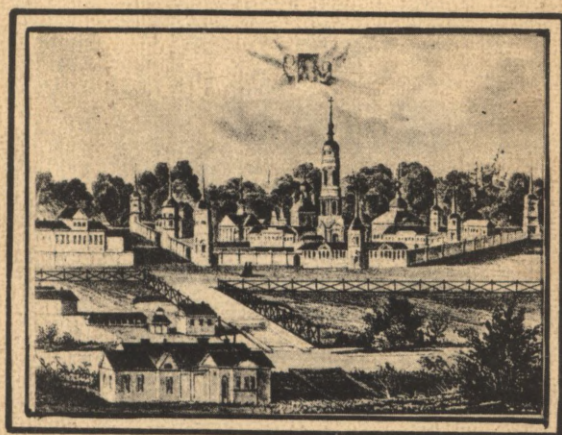

И.М.КОНЦЕВИЧЪ.

Оптина Пѣствнь и еѧ врѣма

Свѣто-Троицкій Монастырь
Типографія Пр. Іова Пѣсковскаго
въ Джорданвилѣ. 1970г.

† И. М. Концевичъ.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ и ея время.

(Редакція Е. Ю. Концевичъ и Г. Д. Подмошенскій.)

Τύπογραφία πρὸς. Ἱωάν. Ποτάμσκαιω.
Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
1970 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ было перенесено на Русь и то духовное дѣланіе древнихъ египетскихъ пустынниковъ, которое развивалось въ послѣдствіи среди монашества въ Византійской Имперіи на протяженіи болѣе 1000 лѣтъ ея существованія.

Въ XV столѣтіи, когда Русь потеряла связь съ Христіанскимъ Востокомъ, въ слѣдствіи нашествія турокъ, это внутреннее дѣланіе было забыто. И когда въ концѣ 18 вѣка его возродилъ въ Молдавіи схи-архимандритъ Паисій Величковскій, оно — это дѣланіе — многимъ показалось небывалымъ новшествомъ.

Съ момента его проникновенія въ Россію, Оптиная Пустынь явилась главнымъ средоточіемъ этого подвига и связаннаго съ нимъ старчества.

Въ Оптиной оно передавалось около 100 лѣтъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и прервалось только съ разгромомъ этого монастыря большевиками.

Этой темѣ я посвятилъ всю свою жизнь.

Когда въ Духовной Академіи мнѣ предстоялъ выборъ темы для кандидатскаго сочиненія, я хотѣлъ писать объ Оптиной Пустыни и ея старцахъ. Для кандидатскаго сочиненія необходимо изучить всю литературу, касающуюся данной темы.

При изученіи ея я увидѣлъ, что вопросъ о сущности старчества совершенно неосвѣщенъ въ богословской наукѣ. Мало того, встрѣчались неправильныя и противорѣчивыя мнѣнія.

Не было даже опредѣленія понятія старчества. Поэтому я началъ съ самаго начала: съ объясненія духовнаго дѣланія и его возникновенія въ исторіи, а въ частности и въ духовной жизни нашего народа, такъ какъ духовная жизнь народа связана съ духовной жизнью монашества.

Плодомъ этого явилась моя книга «Стяжаніе Духа Святаго въ путяхъ древней Руси».

Въ ней выражено Православное міросозерцаніе съ исторической перспективой. Но эта книга только служитъ введеніемъ къ главной темѣ.

Г л а в а I.

Опредѣленіе понятія старчества.

Достигайте любви, ревнуйте о дарахъ духовныхъ, особенно же о томъ, чтобы пророчествовать. А кто пророчествуетъ, тотъ говоритъ людямъ въ назиданіе, утѣшаніе и утѣшеніе.

(1 Кор. XIV, 1, 3).

Апостолъ Павелъ, независимо отъ іерархіи, перечисляетъ три служенія въ Церкви: апостольское, пророческое и учительское.

Непосредственно за апостолами стоятъ пророки (Еф. IV, 11; 1 Кор. XIII, 28). Ихъ служеніе состоитъ, главнымъ образомъ, въ назиданіи, увѣщаніи, и утѣшеніи (1 Кор. XIV, 1, 3). Съ этой именно цѣлью, а также для указанія, или предостереженія, пророками предсказываются будущія событія.

Черезъ пророка непосредственно открывается воля Божія, а потому авторитетъ его безграниченъ.

Пророческое служеніе — особый благодатный даръ, даръ Духа Святаго (харизма). Пророкъ обладаетъ особымъ духовнымъ зрѣніемъ — прозорливостью. Для него какъ бы раздвигаются границы пространства и времени, своимъ духовнымъ взоромъ онъ видитъ не только совершающіяся событія, но и грядущія, видитъ ихъ духовный смыслъ, видитъ душу человѣка, его прошлое и будущее.

Такое высокое призваніе не можетъ не быть сопряжено съ высокимъ нравственнымъ уровнемъ, съ чистотою сердца, съ личной святостью. Святость жизни и требовалась отъ пророка съ первыхъ временъ хри-

стіанства: «Онъ долженъ имѣть «нравъ Господа». Отъ нрава можетъ быть познанъ лже-пророкъ и (истинный) пророкъ», говоритъ древнѣйшій памятникъ II-го вѣка — «Ученіе Двѣнадцати Апостоловъ» (Дидахи) *).

Служенія, перечисленныя Апостоломъ Павломъ, сохранялись въ Церкви во всѣ времена. Апостольское, пророческое и учительское служенія, являясь самостоятельными, могутъ совмѣщаться съ саномъ епископа, или пресвитера.

Пророческое служеніе, связанное съ личной святостью, процвѣтало съ подъемомъ жизни Церкви и оскудѣвало въ упадочные періоды. Ярче всего оно проявляется въ монастырскомъ старцествѣ.

Вліяніе старчества далеко распространялось за предѣлами стѣнъ монастыря. Старцы окормляли не только иноковъ, но и мірянъ. Обладая даромъ прозорливости, они всѣхъ назидали, увѣщевали и утѣшали (1 Кор. XIV, 1, 3), исцѣляли отъ болѣзней духовныхъ и тѣлесныхъ. Предостерегали отъ опасностей, указывали путь жизни, открывая волю Божию.

Представляя собою прямое продолженіе пророческаго служенія, старчество съ этимъ именемъ и въ этой формѣ появляется лишь въ IV вѣкѣ, вмѣстѣ съ возникновеніемъ монашества, какъ руководящее въ немъ начало.

*) К. Поповъ. «Ученіе Двѣнадцати Апостоловъ». Кіевъ, 1884 г., стр. 21 и 36. Проф. К. Поповъ, написавшій объ этомъ памятникѣ специальное изслѣдованіе, относитъ его къ концу 1-го вѣка. Слѣдовательно, еще живъ былъ тогда ап. Іоаннъ Богословъ, а, м. б. и другіе апостолы. Благодаря этому памятнику, мы узнаемъ многое изъ жизни первохристіанской Церкви. Пять лѣтъ искалъ я оформить понятіе о старцествѣ, т. к. въ нашей современной богословской литературѣ его нѣтъ. И вотъ отвѣтъ на свое исканіе я нашелъ, хотя и подъ другимъ именемъ — не подъ именемъ старчества — въ самомъ древнемъ христіанскомъ памятникѣ: «Ученіе 12-ти апостоловъ».

Благодатное старчество есть одно изъ высочайшихъ достижений духовной жизни Церкви, это ея цвѣтъ, это вѣнецъ духовныхъ подвиговъ, плодъ безмолвія и Богосозерцанія.

Оно органически связано съ иноческимъ внутреннимъ подвигомъ, имѣющимъ цѣль достиженія безстрастія, а потому и возникаетъ одновременно съ монашествомъ на зарѣ христіанства.

Но въ бѣгѣ время старчество процвѣтаетъ мѣстами, достигая апогея своего развитія, потомъ ослабѣваетъ, приходитъ въ упадокъ и даже совсѣмъ забывается, чтобы, можетъ быть, снова возродиться, подобно волнообразной кривой, то вздымающейся, то падающей и снова возстающей. Такъ забыто оно было и въ Россіи ко времени Паисія Величковскаго (18-й вѣкъ). Онъ возродилъ старчество, которое и стало процвѣтать у насъ во многихъ мѣстахъ.

И, хотя это было возрожденіемъ древней традиціи той же Россіи, но для большинства казалось малопонятнымъ новшествомъ. Прот. Сергій Четвериковъ ¹⁾, писавшій о старцахъ, говоритъ, что въ нашемъ до-революціонномъ прошломъ русское монастырское старчество мало было изучено и недостаточно оцѣнено русскимъ обществомъ.

Послѣднее имѣло смутное представленіе о старцествѣ. Даже наша молодая богословская наука не успѣла разработать этого вопроса. Такъ: «Вопросъ о старцествѣ въ древне-русскихъ монастыряхъ совершенно не затронутъ въ научной литературѣ. Судя по житіямъ, оно было **общераспространено**», говоритъ профессоръ Сербрянскій ²⁾.

Также и церковная іерархія нерѣдко становилась въ тупикъ передъ этимъ явленіемъ. Отсюда частыя гоненія, которымъ подвергались старцы: Преп. Серафимъ Саровскій, о. Варнава Геосиманскій, Оптинскіе: о. Леонидъ, о. Амвросій, а на нашей памяти о. Варсонофій.

Эта послѣдняя исторія гоненія на выдающагося

¹⁾ «Изъ ист. русскаго старчества», «Путь», № 3, 1927 г., стр. 99.

²⁾ «Древне Рус. Дух.» Смирнова, стр. 26; сноска 5 (Москва, 1913).

старца о. Варсонофія настолько характерна, что на ней остановимся нѣсколько подробнѣе. Въ 1911 году, по ложному на него доносу гр. Игнатьевой, религіозно-политическій салонъ которой въ Петербургѣ имѣлъ вѣсь, а также по доносу горсти монаховъ, изгнанныхъ о. Варсонофіемъ совмѣстно съ о. Ксенофонтомъ, оптинскимъ настоятелемъ, изъ монастыря за бунтарство, Св. Синодомъ было назначено слѣдствіе. Туда былъ посланъ Еп. Серафимъ Чичаговъ — авторъ извѣстной «Дивѣвской Лѣтописи» и впослѣдствіи Архіепископъ Тверскій и Митрополитъ Петербургскій. Послѣдній, не произведя никакого разслѣдованія, сразу же сталъ на сторону бунтарей водворилъ ихъ обратно въ Оптину, смѣнилъ отца Варсонофія и перевелъ его въ Старо-Голутвенскій монастырь. Подымался даже вопросъ о закрытіи скита и уничтоженіи старчества. Потрясенный этимъ разгромомъ, скончался вскорѣ настоятель Оптиной о. Ксенофонтъ, а черезъ годъ — 4-го апр. 1912 г. о. Варсонофій. Объ этомъ событіи вскользь упоминаетъ о. Василій Шустинъ³⁾, но болѣе подробно эта исторія будетъ рассказана въ жизнеописаніи о. Варсонофія въ 3-й части нашего труда со словъ еще живыхъ свидѣтелей этого событія.

Конечно, далеко не всѣ іерархи гнали старчество. Такъ, напримѣръ, ему въ свое время покровительствова-ли такіе выдающіеся святители, какъ митр. Гавріилъ (1801) или оба Филарета — Московскій и Кіевскій, которые сами были подвижниками и аскетами.

Но если непониманіе старчества вызывало его гоненіе, то это непониманіе было причиной и обратнаго явленія, когда довѣрчиво принимались всякіе проходимцы, самозванцы, или самопрельщенные, которые выдавали себя за старцевъ, но ничего общаго съ ними не имѣли.

Такое невѣжество и легкомысліе общества приносило вредъ не только потому, что подрывало вѣру и уваженіе къ этому имени, но было и губительно, т. к. причиняло духовную смуту, и даже разложеніе въ политической жизни страны.

³⁾ «Изъ личныхъ Воспоминаній» В. И. Бѣлая Церковь, 1929 г. стр. 40.

Отмѣтимъ еще одно явленіе псевдо-старчества, которое мы можемъ наблюдать и въ современной дѣйствительности: современное духовничество, какъ мы вскорѣ увидимъ, родилось изъ древняго монастырскаго старчества и является его вторичной формой. Благодаря родственности этихъ двухъ явленій, духовничества и старчества, у малоопытныхъ священниковъ, знакомыхъ съ аскетической литературой только теоретически, всегда можетъ возникнуть соблазнъ «превышенія власти» — перехода грани духовничества, чтобы старчествовать, — въ то время какъ они даже понятія не имѣютъ въ чемъ сущность истиннаго старчества. Это «младо-старчество» (по одному мѣткому выраженію), вноситъ разладъ въ окружающую жизнь. Оно таитъ опасность причинить и непоправимый вредъ душѣ опекаемаго. Извѣстны случаи даже самоубійства, какъ результатъ такого поврежденія.

Отъ иноковъ-учениковъ требовалось всецѣло послушаніе старцамъ-учителямъ: «Если кто имѣетъ вѣру къ другому, и самъ себя отдаетъ въ подчиненіе ему, тотъ не имѣетъ нужды внимать заповѣдямъ Божиимъ, а долженъ предать волю свою отцу своему, и не останется виновнымъ передъ Богомъ»⁴⁾).

Предавшіе себя всецѣло водительству истиннаго старца испытываютъ особое чувство радости и свободы о Господѣ. Это лично на себѣ испыталъ, пишущій эти строки. Старецъ — непосредственный проводникъ воли Божіей. Общеніе же съ Богомъ всегда сопряжено съ чувствомъ духовной свободы, радости и неописуемаго мира въ душѣ. Напротивъ того, лже-старецъ заслоняетъ собою Бога, ставя на мѣсто воли Божіей свою волю, что сопряжено съ чувствомъ рабства, угнетенности и, почти всегда, унынія. Мало того, всецѣлое преклоненіе ученика предъ лже-старцемъ вытравливаетъ въ немъ личность, хоронитъ волю, извращаетъ чувство справедливости и правды и, такимъ образомъ, отучаетъ его сознаніе отъ отвѣтственности за свои дѣйствія.

⁴⁾Смирновъ: «Древнее духовенство и его происхожденіе», Богословскій Вѣстникъ, Москва, 1906 г.

О лже-старчествахъ преосвященный Игнатій Брянчаниновъ говоритъ такъ: «Страшное дѣло принять обязанности (старчество), которыя можно исполнить только по повѣленію Св. Духа, между тѣмъ, какъ общеніе съ сатаною еще не расторгнуто и сосудъ не перестаетъ оскверняться дѣйствіями сатаны (т. е. еще не достигнуто безстрастіе). Ужасно такое лицемѣрство и лицедѣйство. Гибельно оно для себя и для ближнихъ, преступно оно передъ Богомъ, богохульно»⁵⁾).

Лже-старчество вызываетъ гипнозъ идей. И т. к. въ основѣ лежитъ ложная идея — эта идея вызываетъ духовное ослѣпленіе. Когда ложная идея застилаетъ **реальность**, то никакіе доводы больше не принимаются, т. к. натываются на *idée fixe*, которая считается неизблемой аксіомой.

Человѣкъ движется впередъ, какъ сомнамбула, пока не ударится лбомъ о стѣну. Онъ разбиваетъ голову себѣ и зачастую тѣмъ, кто съ нимъ связанъ. Подобная катастрофа постигаетъ приверженцевъ лже-старчества. Оттого среди нихъ такъ часты случаи самоубійствъ и всякаго рода отчаянія.

Отчаяніе есть первый симптомъ того, что человѣкъ болѣнъ духовной болѣзью, которую мы именуемъ «гипнозъ идей». Отчаяніе — это неизбежный результатъ крушенія тѣхъ построеній, которыя созданы на ложномъ основаніи. Отчаяніе есть осязательное доказательство тому, что человѣкъ попалъ въ заколдованный кругъ, имъ самимъ же созданный, благодаря невѣрнымъ, ложнымъ предпосылкамъ. Отецъ же лжи есть діаволь.

Такая трагедія постигаетъ приверженцевъ лже-старца. Поэтому лже-старчество есть явленіе анти-христіанское, ведущее къ погубленію душъ.

Когда истинные старцы, можно сказать, отсутствуютъ, люди жаждущіе найти себѣ духовную опору, выбираютъ какое либо духовное лицо имъ почему либо симпатичное и говорятъ: «я отношусь къ нему, какъ къ старцу». Если духовникъ окажется трезвымъ, духовночестнымъ, онъ рѣзко отстранитъ такое отношеніе. Но

⁵⁾ Соч. Еп. Игнатія Брянч., томъ IV, СПб, 1867 г., стр. 94.

сколько такихъ, которые охотно попадаютъ въ сѣти, имъ разставляемыя. Ибо это «лицедѣйство» по выраженію еп. Игнатія Брянчанинова, ведетъ самозваннаго старца къ духовной смерти. Онъ самъ теряетъ почву подъ ногами и идетъ уже кривыми путями, растерявъ все то, что собиралъ и пріобрѣталъ за всю прошлую жизнь.

Истинное отношеніе старца къ ученику именуется въ аскетикѣ **духовнымъ таинствомъ**, оно находится подъ водительствомъ Духа Святаго. Всякія же поддѣлки и фальсификаціи — суть явленія съ лѣвой стороны. Если первое ведетъ къ жизни, то второе, если человѣкъ вовремя не опомнится, то ввергнетъ его въ полное разстройство духовной жизни имѣющей концомъ всякаго рода катастрофы.

Вліяніе старчества далеко распространялось за предѣлами стѣнъ монастыря. Старцы духовно окормляли не только иноковъ, но и мірянъ. Обладая даромъ прозорливости, они, какъ уже было выше сказано, всѣхъ **назидали, увѣщавали и утѣшали** (1 Кор. XIV, 1, 3), исцѣляли отъ болѣзней душевныхъ и тѣлесныхъ, предостерегали отъ опасностей, указывали путь жизни, открывая волю Божию.

Такимъ образомъ **старчество есть пророческое служеніе**.

Нельзя отнести къ старчеству и другое, наблюдаемое послѣднее время въ монастыряхъ: это установленіе такъ называемыхъ «монастырскихъ старцевъ», которымъ поручается чисто внѣшнее руководство первоначальными и обученіе ихъ монастырскимъ обычаямъ и послушаніямъ. Но здѣсь не подразумѣвается наставленіе о внутренней брани или благодатное руководство братьями.

Въ трудѣ проф. Малинина «Старецъ Филофей» мы находимъ цѣлый рядъ примѣровъ употребленія слова «старецъ» въ различныхъ значеніяхъ по письменнымъ памятникамъ 15 и 16 вѣковъ.

Такъ слово «старецъ» обозначало:

1) вообще престарѣлаго инока независимо отъ его іерархическаго положенія въ средѣ братства монасты-

ря въ противовѣсъ мірскому человѣку (грамота 1543 г. Арх. Θεодосія въ Псковско-Печерскій мон., а также въ актахъ).

2) иногда подъ «старцемъ» разумѣется монахъ, не имѣющій никакой степени священства, и въ этомъ случаѣ «старецъ» противопоставляется игумену, священнику и дьякону (грамота В. К. Василия Іоан. отъ 1533 г.).

3) въ нѣкоторыхъ многолюдныхъ монастыряхъ со временемъ выдѣлялись «старцы соборные», принимавшіе участіе въ управленіи дѣлами монастыря вмѣстѣ съ игуменомъ, келаремъ и казначеемъ (уставная грамота Соловецкаго мон. отъ 1548 г. и др.).

4) «старцемъ» называется тотъ, кому поручено духовное руководство новонаначальнаго или падшаго инока (грамота 1543 г. арх. Θεодосія).

5) эти старцы-руководители обыкновенно выбирались изъ лицъ высокой нравственной жизни, назывались иногда «духовными старцами». Они пользовались большимъ почетомъ и считались кандидатами не только на должности монастырскія, но даже въ митрополиты. Имѣло значеніе, конечно, и прежнее социальное положеніе инока въ міру. Защищая монастырскую недвижимость, Іосифъ Волоцкій писалъ: «Аще у монастырей сель не будетъ, како честному и благоразумному человѣку постричися, и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взять на митрополию, или архіепископа, или епископа. А коли не будетъ «честныхъ старцевъ» и благородныхъ, то будетъ вѣрѣ поколебаніе.»

6) въ значеніи наставника, руководителя старцемъ является и игумень монастыря. Вотъ, напримѣръ, древняя тріодь Волоколамскаго монастыря съ надписью: «Тріодь постная, письмо самаго отца нашего преподобнаго старца Іосифа Чудотворца».

Наконецъ, прибавимъ отъ себя, слово «старецъ», какъ раньше, такъ и теперь можетъ быть отнесено ко всякому монаху. Всякій монахъ, какъ таковой есть *λερβν* или *καλουργας*, т. е. «старецъ». Славяне это наименованіе употребляли буквально: «калугеръ» или переводили: «старецъ».

Но всѣ эти понятія, вкладываемыя въ слово «старецъ», не соотвѣтствуютъ тому понятію старца-хариз-

матика, которое является предметом нашего изслѣдованія. Также и самъ старецъ Филоеѣй не относится къ послѣднему типу — это обыкновенный учительный старецъ, не одаренный особыми харизмами⁶⁾.

Съ самаго своего возникновенія, монашество ставило себѣ цѣлью достиженіе безстрастія. Вся аскетическая литература говоритъ о психологическихъ законахъ, по которымъ протекаетъ жизнь души, указываетъ пути очищенія отъ страстей, разрабатываетъ методы къ достиженію безстрастія, говоритъ о немъ и связаннымъ съ нимъ безмолвіемъ и Богосозерцаніемъ. Создается цѣлая наука о душѣ, и возникаетъ цѣлое Исихастическое Богословіе. Новоначальный монахъ самостоятельно не въ состояніи разобраться во всемъ этомъ огромномъ матеріалѣ. На пути къ безстрастію долженъ быть руководитель, учитель-старецъ, самъ прошедшій эту школу и достигшій уже безстрастія.

Обратимся теперь къ историческому изслѣдованію происхожденія современнаго духовничества и его связь съ древне-монастырскимъ старчествомъ, которое производитъ проф. С. И. Смирновъ въ своемъ трудѣ «Древне-Русскій Духовникъ». Этотъ трудъ помогаетъ намъ, съ одной стороны, раскрыть понятіе старчества, а съ другой уяснить современное состояніе духовенства, его происхожденіе, а также взаимоотношеніе и границы этихъ двухъ институтовъ Церкви.

Проф. Смирновъ, въ своей магистерской диссертациі «Духовный отецъ въ древней Восточной Церкви» указываетъ, что «харизматическія явленія первыхъ вѣковъ христіанства повторились среди древняго монашества, что старцы были носителями этихъ харизмъ — особыхъ даровъ Св. Духа, подаваемымъ человѣку непосредственно отъ Бога по личной заслугѣ». «Духовные писатели устанавливаютъ чрезвычайно высокую точку зрѣнія на монашество. Подвижникъ въ идеалѣ есть существо богоносное, духоносное, богъ. Какъ таковой онъ получаетъ духовныя дарованія, изліяніями которыхъ отличались первыя времена христіанства. Дары пророчества, изгнаніе бѣсовъ, исцѣленія болѣзней

⁶⁾ Малининъ. «Старецъ Филоеѣй». Кіевъ, 1901.

и воскрешенія мертвыхъ не являются исключительными. Они обнаруживаютъ только нормальную степень духовнаго возраста инока». «Тайная исповѣдь и духовническое врачеваніе разсматривались тоже, какъ благодатный даръ, «разсужденія духовомъ» (1 Кор. XII, 10). Онъ не связывался съ іерархической степенью епископа и пресвитера, а былъ приобретаемъ постриженіемъ въ схиму»⁷⁾. «Право вязать и рѣшить», или «власть ключей» они трактовали, какъ совершенство дарованій⁸⁾).

Въ древнихъ монастыряхъ Востока исповѣдь и покаяніе слагаются въ самостоятельную систему, отличную отъ современной ей церковной покаянной дисциплины.

Разсмотримъ, какова эта монастырская практика: «отецъ духовный» — «пневматикосъ патиръ»⁹⁾ — обозначаетъ собою не священника, не исполнителя епископскаго порученія, это «простой монастырскій старецъ, обязательный наставникъ инока, самостоятельно поставленный въ монастырь и свободно выбранный ученикомъ, большею частію не имѣвшій священнаго сана»... «Онъ бралъ души учениковъ на свою душу, руководилъ ими въ каждомъ шагѣ духовной жизни, а потому, принимая исповѣдь ихъ помысловъ и дѣлъ, поощрялъ и наказывалъ».

Нравственно бытовые отношенія старца и ученика — духовнаго отца и духовнаго сына — очень скоро и рано выработались внѣшне и внутренне въ прочную и стройную систему, окрѣпи въ монастырски-бытовую форму»^{9а)}). Древній старецъ, какъ позднѣйшій духов-

⁷⁾ Смирновъ. «Древнее духовничество и его происхожденіе». Бог. Вѣст. 1906, Т. II. стр. 377-378.

⁸⁾ Тамъ же. Въ древности не существовало взгляда на сакраментальную исповѣдь, какъ на единственное и неизбѣжное средство для прощенія грѣховъ, допущенныхъ человѣкомъ послѣ крещенія. Исповѣдь и покаяніе представлялись только однимъ изъ многихъ способовъ очищенія отъ грѣховъ. Св. Іоаннъ Златоустъ, напримѣръ, указываетъ пять такихъ способовъ: 1) Публичная исповѣдь. 2) Путь плача о грѣхахъ. 3) Смирненіе. 4) Милостыня — иарига добродѣтелей. 5) Молитва.

⁹⁾ Старецъ обычно принималъ исповѣдь инока по всѣмъ грѣхамъ. Этотъ терминъ появляется уже съ IV вѣка и существуетъ до половины IX вѣка.

^{9а)} Смирновъ. «Древнее духовничество и его происхожденіе». Бог. Вѣст. 1906, Т. II, стр. 377-378.

никъ, принималъ исповѣдь и совершалъ покаяніе. Старецъ обычно принималъ исповѣдь инока по вѣсѣмъ грѣхамъ, начиная съ мимолетнаго помысла, слегка возмущившаго монашескую совѣсть, кончая смертнымъ грѣхомъ. «Старческая исповѣдь и покаяніе замѣняли церковную исповѣдь и покаяніе.»

Распространеніе вліянія старчества въ мірской средѣ начинается очень рано, вѣроятно съ первыхъ же лѣтъ установившагося монашества. На исповѣдь къ старцамъ ходятъ міряне, минуя своихъ пастырей.

Причиной распространенія монастырской покаянной дисциплины въ Церкви надо признать ея сравнительную легкость, превосходство надъ церковной и большую жизненность «строгаго-пастырскій характеръ при наличности превосходнаго, популярнаго въ Церкви органа-старчества, такого органа, какого не имѣла официальная церковная исповѣдь».

За иной каноническій грѣхъ, древняя Церковь подвергала виновнаго сначала отлученію, а затѣмъ публичному покаянію. Старецъ же принявшій исповѣдь брата, тотчасъ примирялъ его совѣсть и налагалъ епитимію сравнительно болѣе легкую, чѣмъ церковная, «рѣшилъ и вязалъ».

Со временемъ монастырская исповѣдь по всему Востоку вытѣсняетъ церковную, которую совершала бѣлая іерархія по канонамъ и монастырскіе старцы — «духовные отцы» превращаются въ духовниковъ.

Какимъ же путемъ совершился переходъ старчества въ духовничество, т. е. превращеніе монастырскаго института въ обще-церковный и сближеніе старческой исповѣди съ сакраментальной?

Начало этого явленія мы можемъ уловить въ Византійской Церкви только со времени гоненія Льва Армянина — 820 г. — на иконопочитателей, когда монастырскіе старцы были признаны официально константинопольскимъ патріархомъ Никифоромъ Исповѣдникомъ, какъ законные совершители таинства покаянія, наряду съ епископами и пресвитерами. Мѣра вызвана была нуждами времени: православію грозила опасность, и оно опирается на содѣйствіе наиболѣе ревно-

стныхъ защитниковъ иконопочитанія — монаховъ, главнымъ образомъ Студитовъ. Будучи мѣстной, эта мѣра пролагала путь къ вытѣсненію бѣлой іерархіи изъ покаянной практики на всемъ православномъ Востокѣ и на долгое время, что произошло уже послѣ эпохи вселенскихъ соборовъ. Въ теченіе 10-12 вѣковъ тайная исповѣдь окончательно завоевываетъ господствующее положеніе, вытѣснивъ исповѣдь публичную и покаяніе по канонамъ.

Итакъ, институтъ «духовнаго отца» сначала является въ формѣ монастырскаго старчества. Терминъ «духовный отецъ» служитъ долгое время для обозначенія монастырскаго старца. Затѣмъ эта церковно-бытовая форма цѣликомъ повторилась въ позднѣйшемъ духовничествѣ.

Монастырски-бытовая форма превратилась въ форму церковно-бытовую и въ такомъ видѣ просуществовала на Востокѣ почти неизмѣнно цѣлый рядъ столѣтій¹⁰⁾.

При возникновеніи христіанства на Руси, духовенство, пришедшее изъ Греціи и изъ Болгаріи, принесло съ собою почти готовую дисциплину покаянія и институтъ духовничества въ тѣхъ бытовыхъ чертахъ своихъ, въ которыхъ они зародились и сложились на Востокѣ въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

У насъ дисциплина эта просуществовала почти нетронутой до начала 18-го вѣка, т. к. древне-русская церковная власть, живя традиціей и стариной, проявляла въ этой сферѣ очень мало творчества.

Покаянныя дисциплины греческой и славянскихъ церквей нѣсколько отличались между собой. Повидимому у южныхъ славянъ была допущена одна важная особенность — участіе бѣлаго духовенства въ духовничествѣ, чего не знала Греческая Церковь того времени. Возможно, что не въ одинаковой степени сохранились остатки древне-христіанской публичной дисциплины.

Хотя мы покаянную дисциплину получили изъ Греціи и Болгаріи, однако у насъ въ отличіе отъ нихъ, въ силу огромнаго пространства территоріи, очень скоро

¹⁰⁾ Смирновъ. «Древне-русскій духовникъ». Москва, 1913 г.

пересталъ существовать отдѣльный классъ духовниковъ, и право на совершеніе исповѣди сталъ получать каждый бѣлый священникъ при своемъ постановленіи.

Другой особенностью Русской Церкви явилось то обстоятельство, что духовникъ сталъ, такимъ образомъ, непременно и носителемъ пресвитерскаго сана.

Разсмотримъ теперь какова же была эта дисциплина? По обычаю того времени всякій воленъ былъ выбирать себѣ духовника по своему желанію, но уже разъ выбраннаго не имѣлъ права оставлять.

Отношеніе къ послѣднему характеризуется безусловнымъ, беззавѣтнымъ и непрекословнымъ повиновеніемъ ему, постоянствомъ и вѣрностью до конца жизни. Духовникъ же со своей стороны принимаетъ всю отвѣтственность за грѣхи своего духовнаго сына и грѣхи его бралъ на свою душу. Приведемъ примѣръ такой передачи грѣховъ: выслушавъ исповѣдь и прочитавъ молитвы надъ преклоненнымъ покаяннымъ сыномъ, духовникъ подымаетъ его съ земли и возлагаетъ правую его руку на свою шею со словами: «На моей ви согрѣшенія твоя, чадо, и да не истяжетъ о сихъ Христосъ Богъ, егда придетъ во славу Своей на судъ страшный».

Духовникъ «не точію свидѣтель есть» покаянія духовнаго сына предъ Богомъ, но является какъ бы отвѣтчикомъ за его грѣхи.

Грѣхъ сына, сообщаемый духовнику на исповѣди, становился ихъ общимъ грѣхомъ, они являлись, какъ бы соучастниками преступленія. Будучи «поручникомъ стада» своего, древній русскій духовникъ становился вождемъ его, ведущимъ въ высшій Іерусалимъ, долженъ былъ открыть ему Божіе царство и привести къ престолу Божію, чтобы сказать: «Се азъ и чада, яже ми еси далъ».

Духовный отецъ былъ безусловнымъ и неограниченнымъ руководителемъ своихъ духовныхъ дѣтей, подобно игумену или старцу въ монастырѣ и наложенная имъ епитимія была все равно, что «заповѣди Божіи» и что духовникъ связывалъ, то только онъ и могъ одинъ развязать.

Труды проф. Смирнова цѣнны для насъ тѣмъ, что они вскрываютъ генезисъ старчества и современнаго духовничества. Они освѣщаютъ эти явленія съ исторической и бытовой стороны.

Становится яснымъ, что быть и церковная дисциплина съ самаго начала возникновенія христіанства на Руси были благопріятны старчеству. И мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что оно расцвѣло на этой почвѣ и существовало на протяженіи всей русской исторіи.

Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, что старецъ есть руководитель своего ученика въ трудной и крайне сложной «духовной брани», цѣль которой есть достиженіе безстрастія. Чтобы руководить другими, старецъ самъ долженъ быть въ этомъ состояніи.

«Кто сподобился быть въ семъ устроеніи» (т. е. безстрастіи), говоритъ епископъ Теофанъ Вышенскій, «тотъ еще здѣсь, облеченный брэнною плотію, бываетъ храмомъ живаго Бога, Который руководитъ и наставляетъ его во всѣхъ словахъ, дѣлахъ и помыслахъ, и онъ по причинѣ внутренняго просвѣщенія, познаетъ волю Господню, какъ бы слыша нѣкоторый гласъ».

«И вотъ, наконецъ, Богообщеніе и Богоселеніе, послѣдняя цѣль исканія духа человѣческаго, когда онъ бываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Исполняется, наконецъ, благоволеніе Господа и молитва Его, чтобы, какъ Онъ въ Отцѣ и Отецъ въ Немъ, такъ и всякій вѣрующій былъ едино съ Нимъ (Іоан. XVII, 21) . . . Таковы суть храмъ Божій (1 Кор. III, 16) и Духъ Божій живетъ въ нихъ (Рим. VIII, 9) »).

«Достигшіе сего суть таинники Божіи, и состояніе ихъ есть то-же, что состояніе Апостоловъ.»

«Богоявленіе-же является источникомъ множества другихъ благодатныхъ даровъ, и первѣе всего — пламенной любви, по коей они съ дерзновеніемъ удостоверяютъ: кто насъ разлучитъ отъ Бога? (Рим. VIII, 35).

«А любовь есть подательница пророчества, причина чудотвореній, бездна просвѣщенія, источникъ огня Божественнаго.»

¹¹⁾ Слова еп. Теофана Вышенскаго, приведенныя Арх. Веніаминомъ, «Всемирный Свѣтильникъ». Парижъ, 1932, стр. 81.

«Поелику такое состояніе есть плодъ безмолвія, когда проходятъ его съ **разумомъ**, то не всѣ безмолвники оставляются въ безмолвіи навсегда. Достигающіе чрезъ безмолвіе **безстрастія** и чрезъ то удостаивающіеся пріискренняго Богообщенія и Боговселенія, изводятся оттуда на служеніе ищущимъ спасенія, просвѣщая, руководя, чудодѣйствуя. И Антонію Великому, какъ Іоанну въ пустынѣ, гласъ былъ въ безмолвіи, извѣдшій, его на труды руководства другихъ по пути спасенія, и всѣмъ извѣстны плоды трудовъ его. То же было и со многими другими» ¹²⁾.

И далѣе продолжаетъ Затворникъ Вышенскій: «Достигшіе совершенства слышатъ голосъ Божій явно въ душѣ своей. На нихъ начинается сбываться слово Господа: «Когда пріидетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину» (Іоан. XIV, 13). И Апостоль Іоаннъ также пишетъ: «Помазаніе (отъ Духа) въ васъ пребываетъ, и вы не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ; но какъ самое сіе помазаніе учитъ васъ всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило васъ въ томъ и пребывайте (1 Іоан. II, 27)» ¹³⁾.

Разсмотримъ теперь вопросъ о старцествѣ по матеріаламъ, какія мы находимъ у проф. Смирнова въ его трудѣ — «Исповѣдь и покаяніе въ древнихъ монастыряхъ Востока».

«По древнимъ монашескимъ представленіямъ, старецъ существо богоизбранное и богоодаренное. Всякій старецъ непременно обладаетъ какими нибудь духовными дарованіями. Прежде всего даръ **различенія ду-**

¹²⁾ Вотъ прямое указаніе, что при принятіи на себя подвига старческаго служенія, требуется особый зовъ Божій, или непосредственно, какъ было съ особо великими святыми (Преп. Серафимъ) или за послушаніе другому старцу, какъ мы видимъ въ жизнеописаніи старца Варнавы или слѣпца старца Агапита Валаамскаго и лично намъ извѣстнаго, недавно скончавшагося (1943) старца, прот. Николая Загоровскаго (въ тайномъ постригѣ Серафима), получившаго благословеніе на старчество отъ оптинскаго старца отца Анатолія. Такое же «послушаніе Божіему веленію» требуется и при взятіи на себя подвига юродства. Какъ въ прежнее время появлялось множество лже-юродивыхъ, такое-же бѣдствіе постигло современную намъ русскую эмиграцію въ лицѣ лже-старцевъ.

¹³⁾ Арх. Веніаминъ. «Всемірный Свѣтильникъ». Парижъ, 1923. Ссылается на Теофана Затв., Лѣствицу гл. 29, 30, Исаака Сир., стр. 138 и Добр. 3, 5.

ХОВЪ (*χάρις διακρίσεως τῶν πνευμάτων*), о которомъ говоритъ Ап. Павелъ (1 Кор. XII, 10). Даръ различенія духовъ необходимъ для монаха. Еще Антоній Великій предписываетъ молиться о томъ, чтобы пріять дарованіе различенія духовъ, чтобы не всякому духу вѣровать (1 Іоан. IV, 1). Даръ различенія получается путемъ подвига и съ помощью старческихъ молитвъ. Варсануфій Великій заявляетъ: «Безъ болѣзни сердечной никто не получаетъ дарованія различать помыслы. Я молю Бога даровать тебѣ его, но пусть и твое сердце поболѣзнуетъ немного, и Богъ подастъ тебѣ это дарованіе... Когда же Богъ по молитвамъ святыхъ и за болѣзнованіе твоего сердца дастъ тебѣ это дарованіе, то уже всегда будешь въ состояніи различать помыслы Духомъ Его» (Русск. пер. 262) ¹⁴⁾.

Различать внушенія въ душѣ человѣка со стороны Св. Духа и Ангеловъ и со стороны духовъ злобы не такъ легко, потому что они не являются отличными, какъ свѣтъ и тьма. Дѣйствіе благодати обнаруживается въ мирѣ и радости, въ блаженномъ настроеніи, но и грѣхъ сладокъ и сладкій недугъ страсти, особенно страсти духовной не трудно смѣшать съ блаженствомъ духовнымъ. «Грѣхъ преображается въ свѣтлаго ангела и уподобляется почти благодати» — говоритъ Макарій Великій и указываетъ признаки того и другого (Р. п. 65). Внушенія въ душѣ человѣка обнаруживаются въ видѣ тонкихъ и порою сложныхъ помысловъ (*λογισμός*) въ «сердцѣ раждающихся» или «вкрадующихся въ разсудокъ», порывающихся «откуда-то совнѣ» (Преп. Діадокъ, 68-84 стр.). Чтобы склониться къ доброму внушенію и исполнить его, чтобы пресѣчь худой помыслъ и сдѣлать его безсильнымъ, нужно открыть источникъ каждаго внушенія или помысла. Но въ состояніи это сдѣлать только человѣкъ, достигшій высшей мѣры духовнаго возраста, внутреннее, око, котораго очищено. «Если человѣкъ не достигъ сей мѣры, то не можетъ различать помысловъ, но будетъ поруганъ демонами и впадетъ въ обольщеніе, повѣривъ имъ: потому что они измѣняютъ вещи, какъ хотятъ, особенно для тѣхъ, кто

¹⁴⁾ «Богосл. Вѣст.» Февр., Мартъ, и Апр. 1905 г. стр. 763.

не знаетъ козней ихъ» (Варс. р. п. 44) ¹⁵⁾... Проявленіе въ монашествѣ чрезвычайнаго дара различенія духовъ встрѣчается съ перваго его времени. Св. Аѳанасій сообщаетъ о преп. Антоніи Великомъ, что онъ «имѣлъ даръ различенія духовъ» (*χάρισμα διακρίσεως πνευμάτων ἔχων*) (Р. п. 3, 214-245). Преподобный Евагрій, извѣстный писатель-подвижникъ, между другими благодатными дарованіями обладалъ даромъ различенія духовъ и очищенія помышленій (*gratia discernendorum spirituum et purgandarum... congitationum*). Никто изъ братіи не возвышался до такой степени духовныхъ отношеній. Онъ приобрѣлъ даръ этотъ изъ жизни, изъ собственнаго духовнаго опыта и, что важнѣе всего, при помощи благодати Божіей (*per gratiam Dei*) (Руфинъ, Исторія монаховъ, Р. п. 96-97). Объ аввѣ Серидѣ разсказывается: «И помолился Богу дать ему даръ разсужденія, приобрѣтѣя который, онъ могъ съ помощію небесной благодати путеводить къ жизни души, врачевать оскорбленныхъ, преподавать цѣлительное врачевство, слово отъ Духа истекающее (*χάρισμα*) » ¹⁶⁾.

«Затрудняемся сказать,» говоритъ дальше проф. Смирновъ, «въ какомъ отношеніи къ дару различенія духовъ стоитъ даръ **прозорливости**, который между прочимъ выражается въ способности проникать непосредственно въ нравственное состояніе другого чловѣка, читать въ душахъ другихъ людей. Есть ли прозорливость самостоятельное духовное дарованіе, или особый видъ пророческаго дара различать духовъ, говоря конкретнѣе — ощущать присутствіе духовъ злобы или ангеловъ, — мы не знаемъ. Только это дарованіе болѣе рѣдко, чѣмъ различеніе духовъ. Однако примѣры обладанія этимъ даромъ идутъ также съ первыхъ временъ монашества. Пахомій Великій и Теодоръ Освященный обладали даромъ прозорливости. Каждый узнавалъ грѣхи братіи или по Духу Божію, «Который былъ на немъ», или же по откровенію отъ ангела. Даръ этотъ подвижники употребляютъ въ интересахъ исправленія людей. Преп. Геленъ поселился въ одной оби-

¹⁵⁾ «Богосл. Вѣстн.» Апрѣль 1905, стр. 765.

¹⁶⁾ Тамъ же.

тели «нѣкоторымъ изъ братіи открывалъ тайныя помышленія и совѣты сердца: одинъ увлекался духомъ прелюбодѣянія, другой духомъ гнѣва, въ иныхъ прозрѣвала кротость, праведность, терпѣніе. . . И тѣ, которыхъ онъ обличалъ, сами должны были признать, что онъ какъ бы читаетъ въ душахъ ихъ, и сокрушались сердцемъ (Лавсаикъ, 183-184). Преп. Іоанну открыто было поведеніе каждаго (монаха) въ сосѣднихъ монастыряхъ и онъ писалъ отцамъ, что вотъ такіе то и такіе то предаются нерадѣнію, не исполняютъ въ страхѣ Божіемъ положеннаго правила, а другіе преуспѣвали въ вѣрѣ и духовномъ совершенствѣ. Писалъ и самимъ братіямъ. . . Дѣянія и самые поводы къ нимъ, подвиги и нерадѣніе онъ такъ изображалъ, что иноки, сознавая правду написаннаго про нихъ, приходили въ сокрушеніе совѣсти» (Лавсаикъ, 188) ¹⁷⁾. Преп. Стефанъ Савваитъ также въ изобиліи обладалъ этимъ даромъ — умѣлъ «видѣть духомъ». Онъ самъ говорилъ: «Я удостоенъ отъ Бога дара прозорливости и понимаю по одному виду и зрѣнію помыслы и тайныя страсти души изъ всего, что мы зримъ, или о чемъ насъ спрашиваютъ, или кто къ намъ попадаетъ, я узнаю духовныя и душевныя нужды» (Vita St. Steph. Iulii, 538-522) ¹⁸⁾.

Одинъ изъ живыхъ примѣровъ старческаго служенія находимъ мы въ житіи преп. Серафима. Это ярко выступаетъ въ разсказѣ о томъ, какъ къ нему пришли одновременно Владимірскій купецъ и будущій намѣстникъ Сергіевой Лавры, тогда игуменъ Антоній. Этотъ разсказъ читатель найдетъ ниже въ жизнеописаніи митрополита Филарета Московскаго. Изъ этого случая видно, что преп. Серафимъ готовилъ о. Антонія къ его будущему служенію и раскрывалъ ему духовныя законы. На просьбу о. Антонія объяснить ему какимъ образомъ происходитъ дѣйствіе прозорливости, Преподобный отвѣтилъ ему слѣдующее: «Я грѣшный Серафимъ такъ и думаю, что я грѣшный рабъ Божій: что мнѣ повѣдаетъ Господь, то я и передаю требующему полезнаго. . . Первое помышленіе, являющееся въ душѣ моей,

¹⁷⁾ «Богосл. Вѣстн.» Апр. ,стр. 766.

¹⁸⁾ «Богосл. Вѣстн.» Апр. стр. 733-774.

я считаю указаніемъ Божіимъ и говорю не зная, что у моего собесѣдника на душѣ, а только вѣруя, что такъ мнѣ указываетъ воля Божія для его пользы. А бываютъ случаи, когда мнѣ выскажутъ какое-либо обстоятельство, и я, не повѣривъ его волѣ Божіей, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибѣгая къ Богу, рѣшить своимъ умомъ: въ такихъ случаяхъ всегда дѣлаются ошибки».

Весьма назидательную и многообъяснительную сію бесѣду старецъ заключилъ такъ: «Какъ желѣзо ковачу, такъ я передалъ себя и свою волю Господу Богу: какъ Ему угодно, такъ и дѣйствую, своей воли не имѣю, а что Богу угодно, то передаю».

Изъ сего видно, что Самъ Всемогущій Господь говорилъ устами преп. Серафима. Поэтому онъ, не задумываясь, сразу отвѣчалъ съ полной несомнѣнностью, и говорилъ даже и то, что не приходило и на помыслъ его собесѣднику, но что открывалъ Духъ Святой.

Рѣшительно то же самое говорилъ Оптинскій старецъ о. Варсонофій своему духовному сыну Василию Шустину: «Отслужишь обѣдню, приобщись и затѣмъ идешь принимать народъ. Высказываютъ тебѣ свои нужды. Пойдешь къ себѣ въ келью, обдумаешь, остановишься на какомъ нибудь рѣшеніи, а когда придешь сказать это рѣшеніе, то скажешь совсѣмъ другое, чѣмъ думалъ. И вотъ это и есть дѣйствительный отвѣтъ и совѣтъ, котораго если не исполнить спрашивающій, то навлечетъ на себя худшую бѣду. Это и есть невидимая Божія благодать, особенно ярко проявляющаяся въ старчества послѣ приобщенія Святыхъ Таинъ».

Иначе говоря, это есть совѣтъ, преподанный не черезъ человѣческой разумъ, а черезъ наитіе свыше, такъ называемое въ аскетикѣ «сердечное извѣщеніе». Такъ бываетъ по отношенію къ внѣшнимъ, но и между старцемъ и его ученикомъ, когда отношенія уже болѣе интимны, старцу открывается объ ученикѣ гораздо больше: тотъ же о. Варсонофій открываетъ эту тайну своему любимому духовному сыну: «Тутъ онъ задумался, видимо чувствуя скорое приближеніе смерти... И началъ говорить о благодати старчества... - «Насъ на-

зываютъ прозорливцами, указывая тѣмъ, что мы можемъ видѣть будущее; да, великая благодать дается старчеству, — это даръ разсужденія. Это есть наивеличайшій даръ, даваемый Богомъ человѣку. У насъ кромѣ физическихъ очей, имѣются еще очи духовныя, передъ которыми открывается душа человѣческая, прежде чѣмъ человѣкъ подумаетъ, прежде чѣмъ возникла у него мысль, мы видимъ ее духовными очами, мы даже видимъ причину возникновенія такой мысли. И отъ насъ не сокрыто ничего. Ты живешь въ Петербургѣ и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты дѣлаешь и думаешь. Для насъ нѣтъ пространства и времени...»¹⁹⁾.

Интимная связь старца и ученика простирается до того, что старецъ принимаетъ на себя его грѣхи послѣ исповѣди, что является возможнымъ благодаря тѣмъ благодатнымъ дарамъ старца, которые мы только что разсмотрѣли²⁰⁾. «Монахъ, тревожимый демономъ хулы, цѣлыхъ 20 лѣтъ напрасно боролся съ искушеніемъ, наконецъ написалъ на хартіи свою немощь и пошелъ на исповѣдь къ старцу. Отдавъ ему свое писаніе, монахъ повергся на землю. Старецъ, какъ скоро прочелъ, улыбнулся и, поднявъ брата, говоритъ ему: «возложи руку твою, чадо, на выю мою» и когда инокъ сдѣлалъ это, великій старецъ говоритъ: «на выѣ моей грѣхъ этотъ, сколько лѣтъ не дѣйствовалъ и ни будетъ дѣйствовать въ тебѣ, а ты ужъ послѣ этого не ставь его ни во что». И этотъ монахъ подтверждалъ, что прежде, нежели вышелъ онъ изъ келліи старца, немощь его прекратилась»²¹⁾ (Лѣст. Слово 23).

Другимъ и притомъ болѣе обязательнымъ средствомъ прощенія грѣховъ было молитвенное представительство предъ Богомъ за грѣшника со стороны лица, принявшаго его исповѣдь. Авраамъ, ученикъ преп. Сисоя, былъ однажды искушенъ отъ демона. Старецъ, увидя его паденіе, всталъ, простеръ руки къ небу и сказалъ: «Боже, угодно ли Тебѣ, или негодно исцѣлить,

¹⁹⁾ В. Ш. «Изъ Лич. Восп.». Бѣлая Ц. 1929, стр. 19 и стр. 49.

²⁰⁾ Смирновъ. «Исповѣдь и покаяніе въ древн. мон. Востока», стр. 474-475.

²¹⁾ Этотъ разсказъ легъ въ основу исповѣди въ древней Руси, какъ мы видѣли выше.

но я не отступлю отъ Тебя, пока Ты не исцѣлишь его...» И ученикъ тотчасъ исцѣлился (Aporh. Mig, P.G. XXV, 3961). Когда старецъ принялъ исповѣдь инока, отрекшагося отъ вѣры и отъ св. своихъ иноческихъ обѣтовъ, онъ наложилъ на падшаго епитимію и прибавилъ: «А я буду умолять Бога за тебя». Старецъ трудился за брата и молился Богу: «Господи, прошу Тебя, даруй мнѣ душу эту и пріими покаяніе ея». И услышалъ Богъ молитву его (Пат. из. по гл. 5 §41, стр. 108-109).

Приводимъ аналогичный разсказъ Лавсаика. Авва Аполлосъ говорилъ предводителю разбойничьей шайки: «Если ты, другъ, слушаешь меня, то я умолю Владыку простить тебя грѣхи» (Лавс. стр. 162).

Молитвы старца въ большей степени возбуждали милосердіе Божіе къ грѣшнику и доставляли ему прощеніе, чѣмъ его собственные покаянные подвиги. По разсужденію преп. Варсануфія, грѣшникъ, «будучи самъ по себѣ недостаточенъ къ уплатѣ долговъ своихъ, приноситъ малое, а молитвы святыхъ (т. е. старцевъ) многое». Но это не освобождаетъ ученика отъ личнаго подвига: «Знакъ великаго невѣжества, чтобы не сказать безумія, искать спасенія молитвами святыхъ тому, кто въ сердцѣ услаждается пагубными дѣлами...» Молитва въ такихъ случаяхъ бесплодна (Добр. 3, стр. 300).

Связь старца и ученика не разрывается даже смертію. Молитвы старца о послушникѣ неизмѣнно сопровождали его въ пути жизни, какъ этой, такъ и будущей, и на землѣ и за гробомъ. Инокъ спрашиваетъ подвижника: «Какъ должно молить отцовъ о прощеніи грѣховъ своихъ? Говорить ли: «простите меня», или: «испросите мнѣ прощеніе?» Когда молю Самого Господа, какъ долженъ я говорить?» Отвѣтъ дается такой: «Когда молилъ отцовъ, отошедшихъ къ Богу, то слѣдуетъ говорить: «простите меня», когда еще пребывающихъ съ нами, то: «помолитесь о насъ, чтобы получить намъ прощеніе». А когда молишь Самого Владыку, говори такъ: «помилуй меня, Владыко, ради святыхъ Твоихъ мучениковъ и ради святыхъ отцовъ, и молитвами ихъ прости мнѣ согрѣшенія мои» (Вар. р. п. стр. 439-440).

Одинъ братъ, почувствовавъ приближеніе смерти, просилъ у пр. Варсануфія прощенія. Старецъ отвѣчалъ ему: «Не скорби, братъ: смерть безъ грѣховъ не смерть... Говорить же тебѣ Богъ Великій Царь нашъ: прощаются тебѣ всѣ грѣхи твои; преимущественно за молитвы и моленія святыхъ (т. е. старцевъ) и ради твоей вѣры въ Него» (Варс. р. п. 101) ²²⁾.

Высочайшіе благодатные дары неразрывно связаны съ глубочайшимъ смиреніемъ. Отца Амвросія Оптинскаго спросили: «можно ли совершенствоваться въ жизни духовной?»

Отвѣтъ старца:

«Не только можно, но и должно стараться совершенствоваться въ **смиреніи**, т. е. въ томъ, чтобы считать себя въ чувствѣ сердца хуже и ниже всѣхъ людей и всякой твари.» ²³⁾.

Старчество никогда не превозносилось своими духовными дарованіями и отнюдь не ставило себя выше духовной іерархіи.

Вотъ, что пишетъ въ 4-мъ вѣкѣ великій подвижникъ и старецъ св. Θεодоръ Освященный о смиреніи:

«Великъ даръ видѣній, какъ даръ Св. Духа, но велика должна быть при семъ и осторожность. Да не мыслить о себѣ такой человѣкъ много, будучи самъ никто, и да не увлекается желаніемъ владѣть болѣе даромъ видѣній, дабы все его благочестіе не обратилось въ дымъ и тѣнь, что со многими случалось... Это говорю не только тѣмъ, которые не достигли высшей степени совершенства, но и тѣмъ, которые стоятъ на немъ, дабы всѣ мы о себѣ и своихъ дѣлахъ думали смиренно и молились о томъ, чтобы избѣжать вѣчныхъ мученій. Объ этомъ молились и самые святые — Давидъ не говоритъ ли: «сохрани душу мою и избави мя» (Пс. 24, 20). Св. Павелъ не говоритъ ли также: «и избавленъ быхъ отъ устъ львовыхъ» (2 Тим. IV, 17).

Поистинѣ мы имѣемъ дѣло съ врагомъ тонкимъ и хитрымъ, который часто заблужденіе и ложь прикрываетъ видомъ истины, такъ что не имѣя особаго дара

²²⁾ Смирновъ. «Бог. Вѣст.» Мартъ, Апр. стр. 475-478, 733-774. 1905 г.

²³⁾ Жизнеописаніе Оптинскаго Старца Амвросія, стр. 99. Москва, 1900.

различенія, мы всегда въ опасности обмануться. Но тотъ не будетъ прельщенъ, кто во всемъ повинуется Богу и его рабамъ.

«Наблюдая сіе, братія, каждый да хранить данную ему отъ Бога мѣру благодати, пастырь ли онъ или овца. Но всѣ будемъ молиться, дабы быть въ числѣ овецъ. Ибо одинъ только есть истинный Пастырь — это Тотъ, Кто сказалъ о себѣ: «Азъ есмь Пастырь добрый». Но послѣ того, какъ Господь Богъ явился, послѣ того, какъ и слово Божіе приняло образъ и подобіе человѣка, и по особой милости, чрезъ познаніе истинной вѣры, поставило насъ на путь спасенія, потомъ, восходя на небо, поставило преемниками Себѣ Апостоловъ, мы и теперь имѣемъ нужду въ пастыряхъ, чтобы пастись въ Господѣ». Несмотря на всѣ благодатные дары Св. Духа, Св. Ѳеодоръ смиряется передъ епископомъ:

«Знаемъ, что Апостоламъ въ достоинствѣ отцовъ преемствовали епископы. Тѣ, которые въ ихъ голосѣ слышатъ голосъ Іисуса Христа, суть истинно сыны Божіи, хотя бы не были изъ клира». Проф. Казанскій въ своей книгѣ «Исторія Православнаго монашества на Востокѣ», откуда приведены слова св. Ѳеодора, комментируетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Такимъ образомъ, сей святой человѣкъ, коего опытность въ благодати видѣній и откровеній не могла быть большею, научаетъ насъ судить о нихъ только по сообразности съ рѣшеніями Церкви и сужденіе епископовъ, назначенныхъ для наставленія, предпочитаетъ всѣмъ частнымъ откровеніямъ.»

По словамъ св. Аѳанасія и св. Антоній Великій высказывалъ смиреніе подобное сему: «Какъ ни былъ славенъ Антоній, но никогда слава не омрачала его смиренія: смиренно наклонялъ онъ голову передъ епископами и пресвитерами. Діаконовъ, приходившихъ къ нему за наставленіями, назидаль словомъ и вмѣстѣ просилъ молиться за себя»²⁴).

Этотъ случай относился къ древности, но такое же точно отношеніе видимъ мы и у современнаго намъ оптинскаго старца. Въ жизнеописаніи старца о. Варсоно-

²⁴) Казанскій. «Ист. пр. мон. на Востокѣ». Москва, 1854 Стр. 80 и 215.

фія мы ниже приводимъ случай, когда онъ запретилъ С. А. Нилусу возставать на епископа, допустившаго варварское реставрированіе чудотворной иконы Тихвинской Божіей Матери. «Только не идите войной на епископскій санъ», заключилъ свою рѣчь Старецъ, «а то васъ накажетъ Сама Царица Небесная».

Приведемъ теперь примѣръ идеальнаго взаимоотношенія одного изъ величайшихъ епископовъ — Аѳанасія Великаго къ одному изъ величайшихъ старцевъ, наставнику десятковъ тысячъ монаховъ: Теодору Освященному.

Послѣдній «взялъ съ собою болѣе уважаемыхъ въ братствѣ, и имѣющихъ лучшей голосъ въ пѣніи и пошелъ навстрѣчу святому Аѳанасію, который, пользуясь миромъ Церкви, посѣщалъ Египетъ и въ то время по Нилу плылъ въ Фиваиду. Онъ встрѣтилъ его выше округа Герміопольскаго. По обоимъ берегамъ рѣки было безчисленное множество народа, среди которыхъ находились епископы, великое число клириковъ и множество иноковъ, которые стекались туда изъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ.

Святой Аѳанасій, увидавъ Теодора съ иноками, сказалъ словами пророка: «Кіи суть, иже яко облацы летятъ, и яко голубіе со птенцы ко мнѣ?» (Ис. 60, 8). Онъ съ любовію привѣтствовалъ Теодора и съ отеческимъ участіемъ спрашивалъ о состояніи его обителѣй.

Св. Аѳанасій, выйдя на берегъ, сѣлъ на осла, котораго св. Теодоръ, взявъ за узду, провелъ черезъ толпу народа, шедшаго съ горящими факелами, при пѣніи иноками псалмовъ и священныхъ пѣсень. Аѳанасій, видя смиреніе Теодора и ту радость, съ которою совершалъ свое дѣло, сказалъ окружающимъ слова, свидѣтельствующія о смиреніи, какъ Теодора, такъ и самого Аѳанасія: «Смотрите, съ какой ревностію идетъ впереди насъ сей начальникъ множества иноковъ! Вотъ истинные отцы, болѣе заслуживающіе носить сіе имя, чѣмъ мы, по своему смиренію и покорности ради любви Божіей. Какъ блаженны и достойны уваженія тѣ, кто постоянно носятъ крестъ своего Спасителя, славу свою полагаютъ въ униженіи, покой въ трудѣ до тѣхъ

поръ, пока воспримуть вѣнецъ изъ рукъ ихъ Владыки»... .

Въ лицѣ этихъ двухъ святыхъ: старца и епископа, мы видимъ образецъ идеальнаго отношенія. Старецъ смиряется передъ епископомъ, какъ если бы былъ предъ нимъ Самъ Христосъ, а епископъ предъ старцемъ, т. к. чрезъ него непосредственно открывается воля Божія. Въ этомъ сотрудничествѣ, въ этомъ синергизмѣ, епископскаго сакраментально-административнаго служенія и старческаго, руководительнаго-пророческаго, въ ихъ гармоническомъ сочетаніи-симфоніи кроется залогъ расцвѣта духовной жизни Церкви. Разительный примѣръ этого мы находимъ въ сотрудничествѣ Митрополита Гавріила (Петрова) съ Архимандритомъ Теофаномъ Новоезерскимъ, что создало цѣлую эпоху расцвѣта монашества и духовной школы.

Изъ свойствъ старца вытекаетъ и безграничная его власть.

По поводу власти старца проф. Смирновъ говоритъ: «Неизвѣстно точно, съ какого момента времени, но по видимому очень рано, въ монастыряхъ и игуменскимъ и старческимъ епитиміямъ стали придавать большее значеніе, чѣмъ простому дисциплинарному наказанію. Эпитимія признавалась не разрѣшимой никакой иной властію кромѣ наложившей ее. Происходило это изъ представленія объ абсолютной игуменской и старческой власти, а также отъ того, что въ эпитиміяхъ старцевъ стали видѣть проявленіе связующей и рѣшающей власти, данной Господомъ Апостоламъ, хотя большая часть игуменовъ и старцевъ не имѣла іерархическаго сана»²⁵⁾.

Наложенную старцемъ эпитимію никто, кромѣ него, не можетъ отмѣнить. Въ подтвержденіе этого Теодоръ Студитъ²⁶⁾ приводитъ разсказъ:

«Одинъ старецъ не разъ приказывалъ ученику своему исполнить нѣкоторое дѣло, но тотъ все откладывалъ. Недовольный этимъ, въ негодованіи старецъ наложилъ на ученика запрещеніе не вкушать хлѣба, пока не исполнитъ порученное дѣло. Когда ученикъ отпра-

²⁵⁾ Смирновъ. «Исп. и пок. въ древ. м-ряхъ Вост.». Бог. Вѣст. 1905, стр. 743.

²⁶⁾ «Огласит. Поуч.» Изд. Опт. Пуст. Поуч. 33.

вился исполнить порученное повелѣніе, старецъ умеръ. Послѣ его смерти ученикъ желалъ получить разрѣшеніе отъ наложеннаго на него запрещенія. Но не нашлось никого въ пустынной мѣстности, кто бы рѣшилъ разрѣшить это недоумѣніе. Наконецъ, ученикъ обратился съ просьбой къ Константинопольскому Патріарху Герману, который для разсмотрѣнія этого дѣла собралъ другихъ архіереевъ. Но ни патріархъ, ни соборъ²⁷⁾ не нашли возможнымъ разрѣшить эпитимію старца, о которомъ даже неизвѣстно, имѣлъ ли онъ степень священства. Посему ученикъ до смерти принужденъ былъ питаться пищею изъ однихъ овощей.»²⁸⁾

Другой случай помѣщенъ въ прологъ 15-го октября. Приведемъ цѣликомъ эту необычайную повѣсть, которая ярко изображаетъ всю силу власти старца «вязать и рѣшить».

«Въ скиту жилъ монахъ, который въ продолженіи многихъ лѣтъ былъ послушливъ своему отцу. Наконецъ, по зависти бѣсовской, отпалъ отъ послушанія и безъ всякой благословной причины ушелъ отъ старца, презрѣвъ и запрещеніе (эпитимію) за непослушаніе. Пришедши въ Александрію, онъ былъ схваченъ и принужденъ тамошнимъ княземъ отречься отъ Христа, но онъ остался непоколебимъ въ твердомъ исповѣданіи вѣры и за то былъ мученъ и преданъ смерти. Христиане того града взяли тѣло новаго мученика, положили въ раку и поставили въ святомъ храмѣ. Но въ каждую литургію, когда діаконъ возглашалъ: «елицы оглашеніи изыдите» — рака съ тѣломъ мученика, къ удивленію всѣхъ невидимою силою выносилась на паперть, а по окончаніи литургіи сама собою поставлялась опять въ храмѣ. Одинъ Александрійскій вельможа молился о разрѣшеніи этого недоумѣнія. И ему было открыто въ видѣніи, что замученный монахъ былъ ученикомъ та-

27) Ясно, что дѣло идетъ здѣсь о такъ называемыхъ «*Εὐνοδος ἐνδουμῆτα*»; это соборъ изъ епископовъ, случайно пребывающихъ по дѣламъ въ данный моментъ въ столицѣ, созываемый патріархомъ въ случаѣ нужды.

28) Этотъ примѣръ приводитъ Смирновъ въ своей статьѣ въ Бог. Вѣстн. 1905 г. (февр., мартъ, апр.) «Исп. и пок. въ др. м-ряхъ Востока». Наша работа произведена независимо отъ этого изслѣдованія проф. Смирнова. Несмотря на это принципиальные взгляды и выводы совпадаютъ.

кого то старца и за непослушаніе былъ связанъ запрещеніемъ старца. Какъ мученикъ, онъ получилъ вѣнецъ мученическій, а какъ связанный епитиміей старца, не можетъ оставаться при совершеніи Божественной Литургіи, пока связавшій не разрѣшитъ его. Тогда-же отысканъ былъ старецъ, который пришелъ въ Александрію и разрѣшилъ связаннаго отъ запрещенія. Съ того времени рака уже не трогалась со своего мѣста.»

Ссылаясь на эту повѣсть, проф. Смирновъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы:

«Изъ этого разсказа выходитъ, говоритъ онъ, что старческая епитимія имѣетъ полную каноническую силу. Она есть проявленіе апостольскаго права «вязать и рѣшить», и никакіе личныя подвиги связаннаго, даже мученическая смерть за Христа, не освобождаютъ отъ ея узъ.»²⁹⁾

Такой взглядъ на власть старца мы находимъ не только въ древніе времена. Не измѣнился онъ и въ наше время.

Вотъ 30-лѣтній послушникъ Василій (будущій старецъ іером. Варнава, сконч. въ 1906 г.) въ Геосиманскомъ скиту Троице-Сергіевой Лавры находится на послушаніи старца Григорія.

«Однажды во время предсмертной болѣзни старца Григорія, Василій зашелъ навѣстить болящаго и долго въ тотъ разъ оставался у его одра, въ послѣдній разъ утоляя мудрыми наставленіями старца свою жажду духовной жизни. Въ это-то время на него и былъ возложенъ подвигъ старчества, который онъ подъялъ на себя послѣ смерти своихъ наставниковъ.

Давая Василию завѣтъ съ любовію принимать всѣхъ приходящихъ и не отказывать никому въ совѣтахъ и наставленіяхъ, старецъ Григорій подалъ ему двѣ просфоры и сказалъ: «Симъ питай алчущихъ — словомъ и хлѣбомъ, тако хочетъ Богъ». Въ концѣ же всего онъ присовокупилъ, открывая ему волю Божию, что имъ должна быть устроена женская обитель въ отдаленной мѣстности и сплошь зараженной расколомъ. При этомъ старецъ съ любовію и жалостію взглянулъ на

²⁹⁾ Смирновъ. «Исп. и пок. въ древ. м-ряхъ. Вост.» Бог. Вѣст. Апр. стр. 744.

своего ученика, не скрывая отъ него, что ему много придется потерпѣть и понести скорбей и непріятностей.

Въ 1865 году послушникъ Василій лишился другого старца — Даниїла, который, умирая, подтвердилъ своему ученику прежній завѣтъ — принять и продолжать послѣ него подвигъ старчества. Когда же Василій со слезами просилъ освободить его отъ этой тяготы, изъ устъ старца Даниїла пошла кровь... и онъ тихо скончался на рукахъ своего любимаго ученика.

Вступленіе Василія на путь народнаго наставничества совершилось естественно. Еще при жизни старца Даниїла послушникъ Василій по порученію старца и отъ его имени давалъ посѣтителямъ отвѣты и совѣты на ихъ различные запросы.

Такимъ образомъ о. Василій началъ старчество и скоро приступилъ къ созданію Иверскаго-Выксунскаго женскаго монастыря. Не миновалъ онъ и скорбей. Дошло до того, что невиннаго старца судили на Лаврскомъ «соборѣ». Заступился тогда за него схимникъ о. Александръ. Мудрое онъ сказалъ слово, и всѣ умолкли послѣ того. «Если кто можетъ», сказалъ о. Александръ, «снять съ него старческій завѣтъ — устроить обитель и заботиться о ней, — то и онъ станетъ въ сторонѣ, а если нельзя никому снять съ него этого послушанія, завѣщаннаго старцемъ, то нельзя и запрещать нести его». Молча выслушано было это мудрое слово, и всѣ молча оставили собраніе, чѣмъ и былъ положенъ тогда же конецъ всѣмъ нареканіямъ и на батюшку»³⁰⁾).

Воля старца обязательна была не только для духовныхъ его чадъ, но и для всего монастыря. Вотъ къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводили нарушенія завѣщанныхъ ими традицій.

«Прошелъ слухъ, что кто то изъ оптинскихъ совѣтуетъ о. архимандриту спилить для лѣсопилки вѣковыя сосны, что между скитомъ и монастыремъ: все равно-де, накорню погніють отъ старости.

Приходилъ сегодня нашъ скитскій другъ о. Нектарій (послѣдній оптинскій старецъ).

«Слышали?» спрашиваю.

³⁰⁾ Жизнеоп. о. Варнавы. Сергіевъ Посадъ, 1907.

«О чемъ?»

Я рассказалъ о слухѣ.

«Этому», съ живостью воскликнулъ о. Нектарій, «не бывать, ибо великими старцами положенъ завѣтъ не трогать во вѣки лѣса между скитомъ и обителью. Кустика не дозволено рубить, не то, что вѣковыхъ деревьевъ.»

И тутъ онъ повѣдалъ мнѣ слѣдующее:

«Когда помиралъ старецъ о. Левъ, то завѣщалъ скиту день его кончины поминать «утѣшеніемъ» братіи и печь для нихъ въ этотъ день оладьи. По смерти же его, нашими старцами Моисеемъ и Макаріемъ было установлено править на тотъ же день соборную по немъ панихиду. Такъ и соблюдалась заповѣдь эта долгое время до дней игумена Исаакія и скитоначальника Иларіона. При нихъ вышло такое искушеніе. — Приходитъ наканунѣ дня памяти о. Льва къ игумену пономарь Θεодосій съ предложеніемъ отмѣнить соборное служеніе.

Игуменъ не согласился.

И что же послѣ этого вышло?

Видитъ во снѣ Θεодосій: батюшка Левъ схватилъ его съ затылка за волосы, поднялъ на колокольную на крестъ и три раза погрозилъ:

«Хочешь, сейчасъ сброшу?»

И въ это время показалъ ему подъ колокольной страшную пропасть. Когда проснулся Θεодосій, то почувствовалъ боль между плечами. Потомъ образовался карбункулъ. Болѣе мѣсяца болѣлъ, даже въ жизни отчаялся. Съ тѣхъ поръ встряхнулись, а то было хотѣли перестать соборно править.

А въ скиту въ тотъ день келейникъ о. Иларіона, Нилъ, сталъ убѣждать его отмѣнить оладьи.

«Батюшка», говоритъ, «сколько на это крупчатки уходитъ, печь приходится ихъ на рабочей кухнѣ, рабочаго отрывать отъ дѣла, да и рабочихъ тоже надо подчивать; гдѣ же намъ муки набраться?»

И склонилъ-таки Нилъ скитоначальника, — отмѣнили оладьи. Тутъ вышло посерьезнѣе Θεодосьева карбункула: съ того дня заболѣлъ о. Иларіонъ и уже до конца дней не могъ совершать Божественную службу,

а Нила поразила проказа, съ которой онъ и умеръ, обезсилевъ при жизни до того, что его рабочій возилъ въ креслѣ въ храмъ Божій. Мало того: въ ту же ночь, когда состоялась эта злополучная отмѣна «утѣшенія», на рабочей кухнѣ въ скиту угорѣлъ рабочій и умеръ. Сколько возни съ полиціей-то было. А тамъ и боголюбцы муку крупчатку въ скитъ жертвовать перестали...» — добавилъ о. Нектарій къ своему разсказу, и заключилъ его такими словами:

«Пока старчество еще держится въ Оптиной, завѣты его будутъ исполняться. Вотъ, когда запечатаютъ старческія хибарки, повѣсятъ замки на ихъ двери, ну, тогда... всего ожидать будетъ можно, а теперь «не у приде время.»

Батюшка помолчалъ немного, затѣмъ улыбнулся своей свѣтлой добродушной улыбкой и промолвилъ:

«А пока пусть себѣ на своихъ мѣстахъ красуются наши красавицы-сосны.» Дѣйствительно — красавицы.

«Не у приде время», сказалъ старецъ въ 1909 году...но, увы! — «время приде»...^{30а}).

Но вотъ, что передаетъ современный очевидецъ:

«Хочу вамъ разсказать одинъ эпизодъ поруганія оптинскихъ святынь. Уже послѣ закрытія монастыря, я съ Мамочкой по дорогѣ къ Батюшкѣ (старцу о. Нектарію) въ Холмищи заходилъ часто въ Оптину пустынь, которая была превращена въ лѣсопилъную артель, а скитъ въ домъ отдыха. Безжалостно спиливали великолѣпныя сосны оптинскаго лѣса, визжали пилы, слышна была ругань рабочихъ, нѣтъ ни одного монаха. Грустно и тяжело было видѣть настоящее, вспоминая духовный расцвѣтъ Оптиной въ прошломъ. Поклонившись, тогда еще существовавшимъ могиламъ старцевъ, мы съ Мамочкой пошли къ скиту, чтобы побывать возлѣ благодатной хибарки старца. Подойдя къ св. воротамъ скита, мы остановились и молча думали о Батюшкѣ, вспоминая, какъ въ хибаркѣ преподавалъ св. благословеніе старецъ. Вы помните, что въ скитъ женщинамъ входить было нельзя, и можете себѣ представить нашъ ужасъ, когда мы увидѣли, что изъ скита

^{30а}) С. А. Нилусъ. «На берегу Божіей Рѣки». Тронц.-Серг. Посадъ. 1916 г.

святыми воротами Іоанна Предтечи выходить — жирный брюнетъ съ курчавой головой въ трусахъ, его толстая супруга въ купальномъ костюмѣ и голый ихъ отпрыскъ . . . трудно писать и говорить объ этомъ . . . »

Итакъ, благодатный старецъ, личнымъ опытомъ прошедшій школу трезвенія и умно-сердечной молитвы и изучившій, благодаря этому, въ совершенствѣ духовно-психическіе законы, и лично достигшій безстрастія, отнынѣ становится способнымъ руководить новоначальнымъ инокомъ въ его «невидимой брани» на пути къ безстрастію. Онъ долженъ проникать до самыхъ глубинъ души человѣческой, видѣть самое зарожде-ніе зла, причины этого зарожденія, установить точный діагнозъ болѣзни и указать точный способъ леченія. Старецъ искусный духовный врачъ. Онъ долженъ ясно видѣть «устройство» своего ученика, характеръ его души и степень духовнаго развитія его. Онъ долженъ непременно обладать даромъ разсужденія и «различенія духовъ», т. к. ему все время приходится имѣть дѣло со зломъ, стремящимся преобразиться во ангела свѣтла. Но, какъ достигшій безстрастія, старецъ обычно обладаетъ и другими духовными дарами: прозорливости, чудотворенія, пророчества.

Старчество на своихъ высшихъ степеняхъ, какъ на примѣръ, преп. Серафимъ Саровскій, получаетъ полную свободы въ своихъ проявленіяхъ и дѣйствіяхъ, неограниченныхъ никакими рамками, т. к. уже не онъ живетъ, но въ немъ живетъ Христосъ (Гал. 2, 20) и всѣ его дѣйствія въ Духѣ Святѣ, а потому всегда въ гармоніи съ Церковью и ея установленіями.

Старчество не есть іерархическая степень въ Церкви, это особый родъ святости, а потому можетъ быть присущъ всякому. Старцемъ могъ быть монахъ безъ всякихъ духовныхъ степеней, какимъ былъ вначалѣ отецъ Варнава Геосиманскій. Старцемъ можетъ быть и епископъ: на примѣръ Игнатій Брянчаниновъ, или Антоній Воронежскій — великій современникъ преп. Серафима. Изъ іереевъ назовемъ св. Іоанна Кронштадт-

скаго, о. Егора Чекряковского. Наконецъ, старчествовать можетъ и женщина, какъ на примѣръ прозорливая блаженная Прасковья Ивановна во Христѣ юродивая Дивѣевская, безъ совѣта которой ничего не дѣлалось въ монастырѣ.

Истинное старчество есть особое благодатное дарованіе — харизма — непосредственное водительство Духомъ Святымъ, особый видъ святости.

Въ то время, какъ церковной власти обязаны подчиняться всѣ члены Церкви, старческая власть не является принудительной ни для кого. Старецъ никогда никому не навязывается, подчиненіе ему всегда добровольно, но найдя истиннаго, благодатнаго старца и подчинившись ему, ученикъ долженъ уже безпрекословно повиноваться во всемъ старцу, т. к. черезъ послѣдняго открывается непосредственно воля Божія³¹⁾. То же самое вопрошать старца ни для кого не обязательно, но спросивъ совѣта, или указаніе, надо непременно слѣдовать ему, потому что всякое уклоненіе отъ явнаго указанія Божія чрезъ старца влечетъ за собою наказаніе.

³¹⁾ Такое иноческое послушаніе, въ томъ видѣ или характерѣ, какъ оно проходило среди древняго монашества епископъ Игнатій называетъ «высокимъ духовнымъ таинствомъ».

Г л а в а II.

Распространеніе “умнаго дѣланія” на Руси

Съ древнихъ временъ христіанскій міръ раздѣляется на двѣ главныя вѣтви: восточную и западную — Византію и Римъ.

По восточному міросозерцанію главою Церкви является Христосъ; мистическимъ тѣломъ ея — совокупность вѣрующихъ, объединяемыхъ Духомъ Божиимъ, пребывающимъ въ Церкви, какъ въ живомъ организмѣ, и живущимъ въ каждомъ членѣ ея.

Древняя Византія осуществила государство, построенное на идеѣ православія. Проф. А. В. Карташевъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ такое государство: — «государству, царству и народу вручены величайшіе, вѣчные завѣты: служеніе, входящее въ планъ Божественнаго міроуправленія. Оно имѣетъ вѣчное значеніе. Поэтому власть государственная установлена Богомъ. Она служитъ цѣлямъ царствія Божія и отвѣтственна передъ Богомъ за приведеніе управляемаго ею народа въ чистой, неповрежденной еретиками вѣрѣ, къ порогу царства Христа грядущаго»¹⁾).

Управление государствомъ представлялось въ теократической симфоніи двухъ властей — царской и патріаршей. Каждый въ своей области — царь въ свѣтской, патріархъ — въ духовной стремятся къ осуществленію этой единой цѣли. Такъ было на Востокѣ.

На Западѣ христіанство получаетъ отъ умирающей языческой Римской Имперіи идею мірового господства,

¹⁾ Проф. А. В. Карташевъ, «Святая Русь въ путяхъ Россіи». 3-я лекція, стр. 8. Парижъ.

претворяетъ ее въ свою плоть и кровь и уже на этомъ основаніи созидаетъ свою идеологию.

Идея вселенскости Церкви обращается въ идею церковнаго земнаго государства. Единство мистическое ея въ этомъ аспектѣ осуществляется въ сосредоточеніи всей власти, какъ духовной, такъ и политической въ одномъ лицѣ ея главы. Это лицо воплощаетъ въ себѣ всю полноту идеи Церкви. Папа становится единственнымъ носителемъ откровенія, ему постоянно присуща непогрѣшимость. Идея Церкви, какъ единаго живого организма ослабляется. Всѣ ея члены становятся простыми подданными Папы.

Тяжелымъ гнетомъ лежала власть римско-католической церкви на германскихъ народахъ. Ихъ свободолюбивый духъ являлъ какъ разъ обратное—стремленіе каждой личности къ самостоятельному свободному развитію. И протестантизмъ освободилъ государство и науку отъ сковывающаго вліянія римскаго деспотизма. Но, отвергнувъ ложныя притязанія Рима, протестантизмъ исказилъ понятіе Церкви и ея соборности и долженъ былъ признать изолированное стремленіе каждой личности къ Богу — собирательную религіозность. И, естественно, протестантизмъ не могъ удержаться отъ распада на множество сектъ, безнадежно утеравъ способность къ единомыслію и единству.

Протестантизмъ уже не имѣлъ духовнаго главы и собственнаго органа власти. Обычно во главѣ реформации становились свѣтскіе властители и естественно подчиняли государству всю церковную сферу. Ею уже завѣдуетъ государственное учрежденіе. Церковь становится частью государства.

Подъ вліяніемъ гуманизма появились новыя идеи «естественнаго права». Цѣлью государства является теперь достиженіе здѣсь на землѣ «всеобщаго блага». Осуществленію этого блага должна подчиняться и Церковь, какъ и все въ государствѣ. Власть свѣтская становится абсолютной, самодовлѣющей, все исключаящей. Такъ возникла протестантская система абсолютнаго государственнаго верховенства надъ Церковью.

Раздѣлившись, Западъ вступилъ въ безконечную и безнадежную междоусобную борьбу.

Съ необычайной легкостью восприняла Русь отъ Византіи Православіе. Сама того не подозрѣвая, Византія готовила себѣ въ русскомъ народѣ достойнаго историческаго наслѣдника.

Съ момента политической гибели Константинополя, Московское государство принимаетъ отъ него въ наслѣдіе миссію «новаго Израиля» — единственнаго во всемъ мірѣ государства-хранителя истинной религіи. По этому міровоззрѣнію «василевсъ» есть канонически полный попечитель Церкви. Царь — защитникъ неповрежденныхъ догматовъ и всякаго благочестія. Онъ одинъ носитъ этотъ вселенскій православно-церковный санъ для всѣхъ другихъ православныхъ народовъ.

Міровой центръ изъ Рима, согласно этой идеологіи, перемѣщается въ Византію, а затѣмъ, когда Византія теряетъ свое первородство, принявъ унію на Флорентійскомъ соборѣ, этотъ центръ переходитъ въ Москву.

Подъ вліяніемъ Православія и идеи «Третьго Рима» — «Святой Руси» выковывается могучій культурно-историческій типъ русскаго народа, который и началъ создавать Великую Имперію.

Но вотъ этому міросозерцанію приходится выдерживать рядъ испытаній. Послѣ внѣшняго натиска «ветхаго Рима» и смутнаго времени, въ эпоху Петровскихъ реформъ наступаетъ врагъ, или конкурентъ гораздо болѣе могущественный — это міровая секуляризація европейской культуры, смѣна теократіи — антропокраціей, Боговластія — человѣковластіемъ, христіанства — гуманизмомъ, права Божественнаго — правомъ человѣческимъ, абсолютнаго — относительнымъ, снятіе запрета съ мысли и воли. Цѣлью «Святой Руси» было небо, здѣсь земля. Тамъ законодателемъ былъ Богъ черезъ Церковь — здѣсь автономный человѣкъ черезъ вооруженную научнымъ просвѣщеніемъ государственную власть. Тамъ критеріемъ повѣденія былъ мистическій страхъ грѣха, здѣсь — утилитарный мотивъ «общаго блага»²⁾.

Въ то время въ русское православіе проникли като-

²⁾ Проф. А. В. Карташевъ. «Святая Русь въ путяхъ Россіи». 3-ья лекція. Парижъ, стр. 20.

лическіе и протестантскіе начала, при-чемъ каждое стремится подчинить его себѣ.

Русь была совершенно не подготовлена встрѣтить натискъ враговъ, совпавшій съ періодомъ ея духовнаго упадка, а кромѣ того богословская мысль ея еще не успѣла ни развиться, ни окрѣпнуть.

Не было своихъ ученыхъ, не было своей самобытной школы. Просвѣщеніе шло съ Запада или Юга. Ученые богословы были призываемы главнымъ образомъ изъ Кіева. Это были выученики Академіи Петра Могилы или получившіе образованіе въ европейскихъ богословскихъ школахъ. Методы образованія въ Академіи Петра Могилы были взяты также съ западнаго образца. Такимъ ученымъ западной формаціи и явился Теофанъ Прокоповичъ, авторъ «Духовнаго регламента», въ которомъ торжественно была провозглашена церковная реформа.

Въ сущности этотъ «Регламентъ» является программой русской реформаціи. Творцами его были Петръ Великій и Теофанъ Прокоповичъ. Въ лицѣ Теофана Петръ нашелъ понятливаго и исполнительнаго истолкователя своихъ пожеланій, идейнаго помощника, который не только создалъ «Регламентъ», но и сохранилъ реформу и послѣ смерти Петра.

Петръ тщательно изучилъ церковное управленіе въ протестантскихъ странахъ и ввелъ его у себя по образцу скандинавскихъ государствъ. Органомъ управленія Церкви стало не церковное, а государственное учрежденіе. Въ своемъ объясненіи «Что есть Духовное Collegіумъ», Теофанъ исходитъ изъ государственной пользы, игнорируя церковные примѣры и каноны. Необходимость этой реформы Теофанъ аргументируетъ въ «Регламентѣ» доводами отъ государственной безопасности: — «Велико и се, что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущеній, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великаго, высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть то второй Государь, самодержцу равносильный или большій

его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство»³⁾).

Θеофанъ желаетъ подорвать въ народѣ «высшее представленіе о первосвятителѣ, для этого показываетъ народу подчиненное положеніе духовнаго сана: — «А когда еще видитъ народъ, что соборное сіе правительство монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ установлено есть, то и паче пребудетъ въ кротости своей, и весьма отложить надежду имѣть помощь къ бунтамъ своимъ отъ чина духовнаго»⁴⁾).

Въ своей брошюрѣ «историческій розыскъ», Θеофанъ называетъ царя епископомъ, играя софистически на буквальномъ переводѣ этого слова, что значитъ, «надзиратель»: «и понеже и надъ духовнымъ чиномъ государское надсмотрительство отъ Бога установлено есть, того ради всякъ законный государь въ государствѣ своемъ есть воистину епископъ епископовъ», какъ будто епископы такъ называются по своей должности, а не по своему сану. «Такъ Θеофанъ и думалъ въ дѣйствительности», замѣчаетъ по этому поводу проф. Флоровскій. «Существуетъ только власть и нѣтъ никакой особой духовной власти — «папѣжскій се духъ»⁵⁾).

Эта доктрина была типична для той эпохи и вытекала изъ реформатскаго принципа: “Cuius regio, eius religio”.

Государю принадлежала вся полнота власти надъ его страной и надъ всѣмъ, что тамъ находится, а, слѣдовательно, и надъ Церковью.

Этимъ регламентомъ каноническій статутъ монарховъ, какъ сыновъ Церкви, подмѣняется нѣмецкимъ еретическимъ правомъ, которое поглощаетъ свободу Церкви, т. к. монархъ становится уже главою ея и деспотомъ.

«Духовный регламентъ» былъ направленъ не только противъ патріаршества, но и противъ монашества.

Въ Россіи издавна монашество пользовалось высокимъ авторитетомъ: въ монастыряхъ спасались прославленные подвижники Земли Русской, монастыри были очагами вѣры и патріотизма, несокрушимыми тверды-

³⁾ Ю. Θ. Самаринъ. Томъ V. Москва, 1880 г., стр. 288. «Ст. Яворскій и Θ. Прокоповичъ»

⁴⁾ Тамъ же, стр. 289.

⁵⁾ Прот. Флоровскій. «Пути русскаго Богословія». 82

нями противъ нашествія враговъ, разсадниками просвѣщенія, воспитателями народа, русскіе цари передъ смертью принимали схиму.

На Западѣ монашество развивалось у католиковъ въ связи съ ученіемъ объ оправданіи личными заслугами. Протестанты отвергали монашество, т. к. по ихъ ученію, не дѣла оправдываютъ человѣка, а вѣра.

Оеофанъ Прокоповичъ о монашествѣ разсуждалъ по протестантски, считая, что вести богоугодную жизнь можно и въ міру, и часто указывая на лицемѣріе, суевѣріе, гордость, связанныя по его мнѣнію съ монашествомъ. Въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ монашеству Оеофанъ вполне сходилъ съ Петромъ. «Можно сказать, что Петръ въ каждомъ монахѣ склоненъ былъ видѣть празднаго человѣка, готоваго при угодномъ случаѣ сдѣлаться бунтовщикомъ, Оеофанъ — католика, возлагающаго упованіе на свои личныя заслуги»⁶⁾).

Въ изданномъ въ 1724 г. пространномъ «Объявленіи о званіи монашескомъ», написанномъ Оеофаномъ, содержится рѣзкое осужденіе монашества.

Въ духѣ этого «Объявленія» написаны Оеофаномъ Прокоповичемъ постановленія о монашествѣ, содержащіяся во 2-й части прибавленія къ «Духовному Регламенту» и сводящіяся къ значительнымъ стѣсненіямъ монашества.

Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ: — «Не принимать въ монахи ниже тридесятаго году возраста. Женщинъ моложе 50-ти не постригать. Скитковъ пустынныхъ строити не попускати. Монахамъ никакихъ писемъ какъ и выписокъ изъ книгъ не писать, чернилъ и бумаги не держать».

По поводу этого послѣдняго, Гиляровъ-Платоновъ говоритъ: «Когда Петръ I издалъ указъ, запрещавшій монаху держать у себя въ кельѣ перо и чернила, духовенство должно было почувствовать, что отселѣ государственная власть становится между нимъ и народомъ и старается разрушить то взаимное довѣріе, какое было между пастырями и паствою».

Въ дополненіе къ постановленіямъ о монашествѣ,

⁶⁾ Ю. О. Самаринъ. «Стефанъ Яворскій и О. Прокоповичъ». Москва, 1880.

былъ изданъ въ 1723 г. слѣдующій указъ: «Во всѣхъ монастыряхъ учинить вѣдомость, колико въ нихъ монаховъ и монахинь обрѣтаются, и впредь отнюдь никого не постригать, а на убылые мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ»⁷⁾.

Двумя указами управленіе монастырскими вотчинами было передано особому Приказу, а монахамъ было повелѣно выдавать жалованіе. «Указы Петра I-го (П. С. 3. т. VII 4455, 4456, 4572), Анны Іоанновны (П.С. 3. т. IX 6585) и Екатерины II (П.С. 3. XVI 12060) ограничивали число поступающихъ въ монашество. Монастыри обезлюдили съ отнятіемъ земель и вотчинъ. Богатыя обители обѣднѣли до крайности, а среднія закрылись. Во многихъ монастыряхъ церкви нерѣдко стояли безъ главъ и крестовъ, крыши ихъ проросли мхомъ, кельи подкосившись въ сторону стояли на подпорахъ, ограды были полуразрушенными» (Чт. Общ. люб. дух. просв. 1893, Сент. 166). Отсутствовали іеромонахи и приходилось приглашать бѣлаго священника. Въ монастыряхъ доживали престарѣлые и больные, а иногда всѣ «разбродились розно» и монастырь закрывался. Въ одномъ синодальномъ донесеніи говорится: «Въ монастыряхъ монаховъ весьма недостаточно, въ числѣ же наличныхъ многіе къ употребленію въ священнослуженіе и прочія монашескія послушанія совершенно неспособные. Какъ въ мужскихъ, такъ и въ дѣвичьихъ монастыряхъ таковъ же недостатокъ» (П.С. 3. т. XI 8303).

Теперь монашество перестало являться идеаломъ общества какъ было въ древней Руси, когда оно привлекало къ себѣ одухотворенные элементы. Высшіе слои общества увлекались идеями, принесенными съ Запада среди престопаго распротранились всевозможныя секты. Монашество же обезкровленное и обездоленное въ большинствѣ являетъ собою картину распада. Такъ, назначенный благочиннымъ игуменъ Валаамскаго монастыря Назарій въ 1795-6 гг. жалуется на общее бродяжничество монашествующихъ. Но еще въ 1786 г. и самъ м. Гавріилъ дѣлаетъ распоряженіе, чтобы монашествующіе по дворамъ не шлялись. Настоятели смотрятъ

⁷⁾ Тамъ же, стр. 325.

на свою должность, какъ на источникъ дохода. Пьянство является общимъ бичемъ ⁸⁾).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ серединѣ XVIII столѣтія при этомъ полномъ упадкѣ и вымираніи неожиданно наступаютъ признаки весны. Такъ послѣ строгой и суровой зимы вдругъ начинаютъ пробиваться изъ нѣдръ земли новые, молодые побѣги свѣжей растительности. Пролился теплый благодатный дождь. Повѣяло духомъ. Началось Воскресеніе. И яркая, благоуханная весна вступила въ свои права.

Двѣ сильныя личности дали толчекъ этому возрожденію: одинъ — Архимандритъ Паисій Величковскій за предѣлами Россіи возобновляетъ ученіе о духовной молитвѣ, другой — Преосвященный Гавріилъ, митрополитъ С.-Петербургскій создаетъ питомники, откуда это ученіе могло распространяться. Переведенное Паисіемъ Величковскимъ и изданное митрополитомъ Гавріиломъ «Добротолюбіе» послужило основаніемъ этому движенію.

Настоящій трудъ позволяетъ намъ вкратцѣ коснуться того великаго значенія, какое имѣлъ Паисій Величковскій для жизни всей религіозной Россіи за 2 послѣднія столѣтія. Повторимъ слова оптинскаго составителя его жизнеописанія: «Мы, россияне, должны чувствовать изліянную на насъ Промысломъ Божиимъ черезъ него духовную пользу, не для одного монашества, но и для укрѣпленія всей Православной Церкви» ⁹⁾).

Схи-архимандритъ Паисій, въ міру Петръ Ивановичъ Величковскій, сынъ священника былъ, какъ онъ самъ любилъ выражаться, «родимецъ Полтавскій» (1722-1794).

«Старецъ Паисій», говоритъ проф. Флоровскій, «не былъ самостоятельнымъ мыслителемъ, а былъ вообще скорѣе только переводчикомъ, чѣмъ даже писателемъ. Однако въ исторіи русской мысли у него есть свое мѣсто, и видное мѣсто... Есть что-то символическое въ томъ, что, совсѣмъ юноша, онъ уходитъ изъ Кіевской Академіи, гдѣ учился, странствуетъ и идетъ въ молдавскіе скиты, и дальше на Аѳонъ. Въ Кіевѣ онъ

⁸⁾ Свѣдѣнія взяты изъ «Христіанскаго Чтенія» за 1901 г., ч. 2-я, стр. 500 и др.

⁹⁾ Житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Велич. Москва 1847 г.

тврдо отказывается и перестаетъ учиться, ибо не хочетъ учиться той языческой мудрости, какой только и учили въ Академіи: «слыша бо въ немъ часто воспоминаемыхъ боговъ и богинь еллинскихъ и басни піетическія, возненавидѣхъ отъ души таковое ученіе» (здѣсь разумѣтся, очевидно, просто чтеніе древнихъ авторовъ). Паисій не пошелъ въ Академіи дальше синтаксисы: «точію грамматическому ученію латинскаго языка научился бѣхъ». Это было въ ректорство Сильвестра Кулябки. По преданію, Паисій укрекалъ его за то, что въ Академіи мало читають отцовъ... Изъ латинской школы Паисій уходитъ въ греческій монастырь. Это не былъ уходъ или отказъ отъ знанія. Это былъ возвратъ къ живымъ источникамъ отеческаго богословія и богомыслія... Паисій былъ прежде всего, устройтелемъ монастырей на Аѳонѣ и въ Молдавіи. И въ нихъ онъ возстановляетъ лучшіе завѣты Византійскаго монашества. Онъ какъ бы возвращается въ XV-й вѣкъ. И не случайно такъ близокъ былъ старецъ Паисій къ преп. Нилу Сорскому: онъ возобновляетъ и продолжаетъ именно его прерванное дѣло (литературная зависимость старца Паисія отъ преп. Нила вполне очевидна). Это было возвратное движеніе русскаго духа къ Византійскимъ отцамъ... Еще на Аѳонѣ Паисій началъ собирать и провѣрять славянскіе переводы аскетическихъ памятниковъ. Это оказалось трудной работой, по неискусству древнихъ переводителей и еще болѣе по нерадѣнію переписчиковъ. Очень нелегко оказалось собрать и греческія рукописи. Нашелъ Паисій нужныя ему книги не въ большихъ обителяхъ или скитахъ, но въ небольшомъ и отдаленномъ уединенномъ скитѣ св. Василія, недавно предъ тѣмъ устроенномъ пришельцами изъ Кесаріи Каппадокійской. И тамъ ему объяснили, «яко книги сія самымъ чистымъ еллино-греческимъ языкомъ суть написаны, егоже нынѣ кромѣ ученыхъ лицъ, едва кто отъ грековъ, мало что разумѣтъ, множайши же отнюдь не разумѣють, того ради и книги таковыя мало не въ всесовершенное приидоша забвеніе»... Съ переселеніемъ въ Молдавію переводческая работа старца Паисія становится планомѣрной, особенно въ Нямец-

комъ монастырѣ (съ 1779 г.). Паисій очень ясно понималъ всѣ трудности переводческаго дѣла и всю необходимость знанія языковъ для этого. Въ первое время онъ опирался на молдавскіе переводы. Онъ собираетъ у себя большой кружокъ писцовъ и переводчиковъ, посылаетъ своихъ учениковъ учиться по-гречески даже въ Бухарестъ. И самъ съ большимъ увлеченіемъ входитъ въ эту литературную работу. «Какое же писаше удивлятися подобаеть: немощень бо тѣломъ отнюдѣ баше, и во всемъ правомъ боку бяху ему раны: на одрѣ убо, идѣже почиваше, окрестъ облагаше себе книгами: ту положени бяху словари разноразныи, Библия Греческая и Словенская, Грамматика Греческая и Словенская, книга изъ нея же преводъ творяше, посреди же свѣщи: самъ же аки малое отроча, сѣдя согнувшеся всю ночь писаше, забывая и немощъ тѣла и тяжкія болѣзни и трудъ». Старецъ былъ очень строгъ къ своимъ переводамъ, боялся ихъ широко распространять — «аки по всему храмлющи и несовершенни». . . Переводили у него и съ латинскаго. . . Немецкій м-рь становится при старцѣ Паисіи большимъ литературнымъ центромъ, очагомъ богословски-аскетическаго просвѣщенія. Литературная дѣятельность органически здѣсь сочеталась съ духовнымъ и «умнымъ дѣланіемъ». О старцѣ Паисіи писатель житія замѣчаетъ: «умъ же его всегда соединяемъ бѣ любовію съ Богомъ, свидѣтель сему — слезы». . . И въ тотъ вѣкъ душевной раздвоенности и разорванности проповѣдь духовнаго собиранія и цѣльности получала особую значительность. Изданіе словено-русскаго Добротолубія было событіемъ не только въ исторіи русскаго монашества, но и въ исторіи русской культуры вообще. Это былъ сдвигъ и толчекъ. . . Интересно сравнить: Теофанъ Прокоповичъ былъ весь въ ожиданіяхъ и въ новизнѣ, въ будущемъ, прогрессѣ; а старецъ Паисій, — онъ весь въ прошломъ, въ преданіяхъ, въ преданіи. Но именно онъ былъ пророкомъ и предтечей. . . Возвратъ къ истокамъ былъ открытіемъ новыхъ путей, былъ обрѣтеніемъ новыхъ кругозоровъ». . . ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ Прот. Флоровскій. «Пути Русскаго Богословія». Парижъ 1937 г., стр. 127.

— «Подвиги, наставленія и писанія Молдавскаго Старца Паисія», говоритъ оптинскій издатель его житія, «соотечественника нашего и по мѣсту рожденія и по союзу любви, имѣли великое вліяніе на російскіе монастыри, примѣръ жизни и свѣтъ ученія его пролился обильно на російское монашество. Ибо многіе изъ росіянъ, ищущихъ спасенія и отрекшихся міра и яже въ мірѣ, странствуя въ Палестинѣ, Аѳонской горѣ и Молдовлахіи, и собирая, подобно пчеламъ съ цвѣтовъ, медъ спасительнаго ученія отъ обитавшихъ въ тамошнихъ мѣстахъ подвижниковъ, находили особенно въ обители старца Паисія величайшую духовную пользу, научаясь примѣромъ его высокой жизни и медоточивыми наставленіями, подвигамъ монашескимъ и внутреннему дѣланію умной молитвы. По возвращенію въ Россію, они передавали пріобрѣтенное ими тамъ духовное сокровище и другимъ ищущимъ спасенія, нѣкоторые начальствуя надъ обителями, а другіе находясь въ числѣ братства»¹⁾).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОРЪ.

Прот. о. Сергій Четвериковъ въ жизнеописаніи своемъ старца Паисія Величковскаго (т. II-й) раздѣляетъ сферу проникновенія и распространенія его ученія на три округа: 1) сѣверный, 2) центральный и 3) южный. Въ сѣверномъ онъ отмѣчаетъ слѣдующіе центры: Соловки, Валаамъ и Александро-Невскую Лавру, которая собственно и была главнѣйшимъ средоточіемъ всего. Въ Соловкахъ насадителемъ Паисіевыхъ преданій былъ іеросхимонахъ Теофанъ. По смерти кievскаго старца Досіея, Теофанъ переселился на Соловки, куда и перенесъ завѣты старца Паисія. На Валаамѣ и въ Александро-Свирскомъ м-рѣ трудились ученики старца Паисія — схимонахъ Теодоръ и іеросхимонахъ Клеопа. Отъ нихъ ученіе перешло въ Оптину Пустынь черезъ старца Леониды. Но вся душа сѣвернаго движенія сосредото-

¹⁾ Житіе молдавскаго старца Паисія Велич. Москва 1847 г. Предисловіе стр. 1.

чена въ Петербургѣ. Оттуда исходитъ назначеніе настоятелей-возобновителей. Такъ, напримѣръ на Валаамъ выписанъ изъ Сарова игуменъ Назарій и изъ иныхъ мѣстъ и другіе настоятели. Въ рукахъ митрополита Гавріила соединились всѣ нити и онъ даетъ нужный толчекъ и направленіе. У него-же въ Лаврѣ первоначально появляется Филаретъ (впослѣдствіи Новоспасскаго монастыря старецъ), который въ дальнѣйшемъ руководилъ братьями Путиловыми, изъ которыхъ схи-архимандритъ Моисей былъ великимъ Оптинскимъ настоятелемъ. Тотъ же Филаретъ руководитъ въ Москвѣ четой Кирѣевскихъ — сотрудниковъ старца Макарія Оптинскаго по изданію святоотеческой литературы. Наконецъ, въ А. Н. Лаврѣ пребываетъ о. Аѳанасій (изъ сенатскихъ секретарей), принесшій м. Гавріилу «Добротолюбіе» отъ старца Паисія.

Теперь бѣгло рассмотримъ центральный округъ: главные пункты его — Москва, Владимірская и Калужская епархіи и Брянскій монастырь Орловской епархіи, Рославльскіе лѣса. Наиболѣе выдающейся здѣсь личностью является о. Клеопа, настоятель Введенской пустыни Владимірской епархіи. Этотъ о. Клеопа жилъ долгое время со старцемъ Паисіемъ, сначала на Аѳонѣ, затѣмъ въ Драгомирнскомъ м-рѣ и, м. б., въ Секулѣ, и вышелъ въ Россію еще до 1778 года. Мы приведемъ ниже о немъ подлинный разсказъ его ученика — архимандрита Ѳеофана Новоезерскаго, входящій въ автобіографію послѣдняго. Учениками о. Клеопы были: упомянутый арх. Ѳеофанъ, другъ его арх. Игнатій, полагавшій съ нимъ начало въ Санаксарской обители. Арх. Игнатій былъ послѣ о. Клеопы строителемъ Введенской пустыни, позднѣе Пѣшношской и въ 1788-мъ году онъ возобновляетъ Тихвинскій м-рь въ Новгородской епархіи. Кончаетъ жизнь онъ свою въ 1796 г. въ Симоновомъ м-рѣ, будучи также его возобновителемъ. Другой ученикъ старца Клеопы — Макарій Пѣшношскій, (замѣститель Игнатія послѣ его перевода въ Тихвинъ) Его монастырь былъ разсадникомъ, откуда было взято 24 настоятеля въ разные монастыри и, между прочимъ, оттуда взятьъ былъ Авраамій, — возсоздатель Оптиной

пустыни. Макарій Пѣшношскій былъ въ духовной перепискѣ со старцемъ Паисіемъ. Другимъ важнымъ пунктомъ, откуда развилось Паисіевское движеніе была Москва, и въ ней Симоновъ и Новоспасскій м-ри. Въ первомъ подвизался ученикъ Паисія монахъ Павелъ, пострадавшій отъ французовъ въ 1812 г. и другой ученикъ Паисія — Арсеній. Настоятелемъ былъ, какъ мы упоминали — арх. Игнатій, ученикъ старца Клеопы. Въ Новоспасскомъ м-рѣ жили іеромонахи Филаретъ и Александръ — ученики Паисіева ученика Аѳанасія (Захарова) бывшаго ротмистра гусарскаго полка (не надо смѣшивать съ другимъ о. Аѳанасіемъ, принесшимъ Добротолубіе).

Іеромонахъ Аѳанасій (Захаровъ) жилъ при старцѣ Паисіи болѣе семи лѣтъ и принялъ отъ него монашескій образъ. Занимался выписками изъ отеческихъ книгъ о молитвѣ, смиреніи, послушаніи, терпѣніи и любви. И самъ преуспѣвалъ въ этихъ добродѣтеляхъ. Въ 1777 г. о. Аѳанасій вернулся въ Россію и жилъ во Флорищевой пустыни, откуда ѣздилъ въ Москву, гдѣ и общался съ іеромонахами Филаретомъ и Александромъ (послѣдній былъ въ перепискѣ съ самимъ старцемъ Паисіемъ). Скончался о. Александръ въ 1823 г. въ Площанской пустыни Орловской епархіи. Другимъ важнымъ мѣстомъ, гдѣ переплетаются духовныя нити, шедшія отъ старца Паисія, былъ Брянскій Свѣнскій м-рь. Тамъ подвизался схимонахъ Аѳанасій изъ сенатскихъ секретарей (тотъ самый, который доставилъ митрополиту Гавріилу Добротолубіе). Схимонахъ Аѳанасій, оставивъ міръ, странствовалъ по святой Аѳонской горѣ и Молдавіи, былъ у старца Паисія, который поручилъ его своему ученику Софронію. Въ оптинскомъ жизнеописаніи старца Паисія имѣется замѣчательное письмо старца Софронія къ о. Аѳанасію о томъ, какъ хранить миръ душевный ¹²⁾. Онъ скончался въ 1811 г. на рукахъ о. Аѳанасія (Захарова). Первый о. Аѳанасій руководилъ братьями Путиловыми (настоятель оптинскій Моисей), а второй о. Аѳанасій (Захаровъ) руководилъ въ бытность въ Площанской пустыни будущимъ старцемъ оптин-

¹²⁾ Житіе молдавскаго старца Паисія Велич. Москва, 1847 г., стр. 312.

скимъ Макаріемъ. Отъ перваго о. Аѳанасія въ Свѣнскомъ м-рѣ имѣлъ возможность узнать о духовномъ дѣланіи и настоятель м-ря, въ послѣдствіи ректоръ Московской Дух. Акад. Калужскій епископъ и Кіевскій митрополитъ, покровитель монашества и старчества знаменитый Филаретъ, который былъ создателемъ оптинскаго скита въ 1822 году. Онъ убѣдилъ подвижниковъ, жившихъ въ Рославльскихъ лѣсахъ, основать скитъ при Оптиной пустыни. Такимъ образомъ, прибыли въ Оптину пустынь о. Моисей съ братомъ своимъ, Антоніемъ и пустынники Иларіонъ и Дороѳей. Оптина явилась, какъ бы чашей, куда сливалось все драгоцѣнное духовное вино.

Теперь скажемъ о третьемъ Южномъ центрѣ. Изъ непосредственныхъ учениковъ старца Паисія извѣстны на югѣ: монахъ Герасимъ, постриженникъ старца Паисія и др. Въ Екатеринославской епархіи подвизался іеросхимонахъ Ливерій. Его ученикомъ былъ инспекторъ духовной семинаріи инокъ Макарій (Глухаревъ), въ послѣдствіи знаменитый начальникъ алтайской миссіи. Широкое вліяніе на югѣ Россіи имѣлъ извѣстный іеросхимонахъ Василій (Кишкинъ). Онъ имѣлъ счастье слушать бесѣды Тихона Задонскаго и былъ другомъ Антонія Воронежскаго. Его ученикомъ былъ также Моисей Оптинскій. Другимъ его ученикомъ (и одновременно арх. Ѳеодосія, пришедшаго изъ Молдавіи въ Сафроніеву пустынь), былъ знаменитый подвижникъ Глинской пустыни Филаретъ. Отъ него идетъ Глинская линія старчества. Тамъ былъ послѣ него не менѣе извѣстный арх. Иліодоръ, имѣвшій пророческія видѣнія о судьбахъ Россіи и послѣднимъ тамъ старцемъ былъ Іассонъ, въ схимѣ Іоаннъ, «списатель» житія схи-архим. Иліодора.

Такова схема: сѣверъ, центръ и югъ. Но главнымъ нервомъ откуда шелъ двигательный токъ распространенія Паисіева движенія былъ сѣверъ: Ал. Нев. Лавра въ Петербургѣ, гдѣ пребывалъ великій митрополитъ Гавріилъ, который планировалъ, насаждалъ, укрѣплялъ и возвращалъ свой духовный садъ, принесшій столь блистательные плоды.

Поэтому мы коснемся въ своемъ повѣствованіи главнымъ образомъ сѣвернаго округа и попутно тѣхъ лицъ,

которыя входили въ соприкосновеніе съ его главными дѣтелями.

Вотъ краткая біографія митрополита Гавріила: онъ былъ сыномъ синодальнаго вподіакона (въ мірѣ Петръ Петровъ). Родился въ Москвѣ 18 мая 1730 г. Обучался въ московской славяно-греко-латинской академіи. Кончилъ курсъ въ 1750 г. Въ слѣдующемъ поступилъ справщикомъ въ московскую синодальную типографскую контору. Въ 1758 г. принялъ монашество и назначенъ учителемъ въ Лаврскую семинарію. Затѣмъ, послѣдовательно проходитъ должности: ректора этой семинаріи, намѣстника Лавры и ректора славяно-греко-латинской Академіи. Въ 1763 г. назначенъ на Тверскую кафедру, гдѣ и оставался до 1770 г., когда онъ былъ переведенъ архіепископъ въ Петербургъ. 1-го января 1775 г. его вѣдѣнію была подчинена и новгородская епархія. Въ 1783 г. ему данъ былъ титулъ митрополита. Обѣими епархіями управлялъ до 1799 года, когда назначенъ былъ митрополитомъ Новгородскимъ и Олонецкимъ съ увольненіемъ отъ управленія петербургской епархіи. 19 декабря 1800 г. уволенъ на покой по болѣзни. Скончался 26-го января 1801 года въ Новгородѣ.

Личность митрополита Гавріила носила, въ силу обстоятельствъ, двойственный характеръ. Великій аскетъ и подвижникъ, онъ для внѣшнихъ былъ пышный сановникъ екатериненскаго времени, кавалеръ ордена Андрея Первозваннаго. Однажды, сопровождая крестный ходъ изъ Казанскаго Собора въ Александро-Невскую Лавру (около 3-хъ верстъ), Екатерина всю дорогу провела въ разговорѣ съ митрополитомъ и нашла, что онъ «мужъ острый и резонабельный». Она ему посвящаетъ переводъ Мармонтелева Велизарія и заказываетъ его портретный мраморный барельефъ для лаврскаго собора, котораго онъ былъ строителемъ.

Митрополитъ несетъ еще на себѣ и чисто свѣтское почетное званіе: онъ состоитъ вице-президентомъ Академіи Наукъ, гдѣ часто предсѣдательствуетъ въ отсутствіи Дашковой. Онъ много потрудился и при изданіи словаря, куда вложилъ и свой личный трудъ. Онъ охраняетъ церковныя древности и археологическія цѣнности. Спасаетъ древнія книги.

Но съ другой стороны — въ своей келейной жизни — этотъ пышный вельможа и ученый мужъ — является смиреннымъ подвижникомъ «все молится въ зѣмлю», питается грѣбыми щами, говоря, что, быть можетъ, скоро и этого не будетъ. Онъ не вступаетъ въ открытую борьбу съ правительствомъ, не пытается переубѣждать власть имущихъ и внушать имъ свою точку зрѣнія, но онъ твердо ведетъ свою линію: созидаетъ, возрождаетъ и обновляетъ церковную жизнь. Мы здѣсь не будемъ входить во всѣ детали его широкой дѣятельности, его заботъ по созданію Невской Академіи, которую онъ поставилъ на должную высоту, его заботу о семинаріяхъ и нисшихъ школахъ. Скажемъ только, что онъ не только занимался учебной программой, но входилъ самъ во всѣ мельчайшія подробности быта подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній. Церковная проповѣдь, расколъ, богослуженіе, духовенство — все было предметомъ его величайшихъ заботъ.

Келейникъ митрополита Гавріила, арх. Теофанъ, приводитъ случай обращенія въ Православіе ожесточеннаго раскольника. Случай этотъ даетъ понятіе о духоносности и силѣ молитвы преосвященнаго Гавріила. — «Видя, что никакими убѣжденіями нѣтъ возможности вразумить раскольника, митрополитъ Гавріиль обратился къ образу Божьей Матери съ такою молитвою: «не могу это жестокое сердце привести въ чувство. Ты уже, ими же вѣси судьбами, обрати его». Тотъ смягчился и сталъ просить посмотриѣть, какъ служатъ литургію. Старичекъ игуменъ Нифонтъ служилъ. Вдругъ превеличайшее благоуханіе услышалъ Ксенофонтъ и видитъ свѣтъ, а этотъ свѣтъ явился и опустился въ потиръ. Послѣ этого обратился, а прежде и слышать не хотѣлъ, — сядетъ и шапку нахлобучить. Пошелъ на Валаамъ и тамъ постригся».

Кромѣ внѣшней дѣятельности, м. Гавріиль трудился еще какъ проповѣдникъ и церковный писатель. Въ проповѣдяхъ онъ дѣйствовалъ на разумъ слушателей въ отличіе отъ м. Платона, который дѣйствовалъ на чувствительность и воображеніе. Однажды въ день тезоименитства Екатерины, м. Гавріиль имѣлъ смѣлость говорить противъ крѣпостного права въ ея присут-

ствіи, разумѣется, всей придворной знати. Онъ былъ плодотворнымъ писателемъ и труды его имѣли большое значеніе въ его эпоху. Но главнымъ дѣтищемъ м. Гавріила было монашество, на возстановленіе котораго онъ и положилъ всѣ свои силы.

Митрополитъ Гавріиль безспорно является центральной фигурой въ эту эпоху возрожденія. Расцвѣтъ монашества обязанъ ему въ большой степени. Его келейникъ, старецъ Теофанъ мѣтко о немъ выразился: «Монашество, даромъ, что все по школамъ учился, знаетъ лучше нашего». Это былъ святой подвижникъ и аскетъ. Путь святости былъ ему оттого не чуждъ, что этимъ путемъ шелъ онъ самъ. Изъ автобіографіи его келейника мы узнаемъ подробности его домашняго быта. — «Вотъ и преосвященный Гавріиль мужъ былъ добродѣтельный, премудрый, богословъ и философъ, а больше всего то, что угоденъ Господу Богу. Я сподобился послужить ему недостойный. Господь Богъ привелъ меня послужить такому великому мужу. Десять лѣтъ жилъ я у него. Преосвященный Гавріиль прозорливъ былъ и великій святитель былъ». И далѣе онъ говоритъ о своемъ Владыкѣ: — «Преосвященный Гавріиль былъ все въ слезахъ, все плакалъ. Когда служилъ, все со слезами служилъ». — «У преосв. Гавріила положено было раздавать нищимъ каждый день 50 рубл., это мѣдныхъ только, а ассигнаціями и золотомъ самъ раздавалъ, да по 300 рублей каждый мѣсяцъ на тюрьмы. Мѣдныя деньги раздавалъ я, и по всѣмъ тюрьмамъ я же развозилъ. А какъ былъ воздержанъ преосвященный, то это видно изъ слѣдующаго: когда онъ кушалъ одинъ, то всегда было два блюда — кусокъ свѣже-просоленной осетрины и уха, а когда архимандриты обѣдали, то четыре блюда и не болѣе. Въ каждый постный день ѣлъ только однажды. Разъ пріѣхалъ къ Преосвященному Псковскій Иринеи, а у Преосвященнаго рыбнаго то кушанья не было приготовлено. Подаютъ пироги съ горохомъ, тотъ говоритъ: — «Что это такое?» Преосвященный смѣется: — «Пироги съ горохомъ. Ты я думаю ѣдалъ. Что развѣ забылъ?» — Ну перекрестился преосв. Иринеи: — «Благослови, Господи, ѣсть новаго изобрѣтенія кушанье — пирожки съ горошкомъ».

Въ постный день столъ былъ: щи съ грибами и съ постнымъ масломъ. Я говорю Преосвященному: «У насъ есть всякія масла, даже миндальное — не угодно ли съ тѣми готовить кушанья?» Преосвященный изволилъ сказать: «Надобно, братъ, привыкать къ этому, можетъ быть со временемъ и этого не будетъ». Однажды говоритъ: «Навари-ка ты мнѣ щей на недѣлю, только можно было разогрѣть». А я говорю: «чтобъ заморозить — вѣдь это не такъ хорошо». — «То-то я примѣчаю, нѣтъ уже вкусу-то никакого». Послѣ ранней обѣдни никогда не кушалъ. Въ 9 часовъ уѣдетъ въ Свнодъ, а въ 3-мъ пріѣдетъ. Къ вечернѣ и утрени всегда ходилъ. Онъ любилъ строиться. Троицкій соборъ въ Лаврѣ при немъ украшенъ. Когда въ дворецъ ѣздилъ, то прежде всего молился Богу, все въ землю. Однажды кладетъ поклоны земные, — я пришелъ, онъ говоритъ мнѣ: «Дай Богъ, чтобъ сегодняшний день такъ прошелъ». Передъ смертью своей въ Новгородѣ такъ говорилъ: «О, это столѣтіе-то страшное начинается». Умеръ онъ безъ меня, въ то время послалъ меня съ Лаврою разсчитаться. Умеръ сидя. Секретныя письма передъ этимъ все я писалъ: онъ не довѣрялъ никому другому. Я за недѣлю до кончины былъ у него съ о. Назаріемъ, сидѣлъ съ нами за столомъ, только уже мало кушалъ. За годъ предчувствовалъ свою кончину и, когда я былъ у него, говорилъ мнѣ: «Близка моя кончина». Пріобщался передъ смертію почти каждый день. Передъ смертію послалъ за преосв. Антоніемъ — тогда бывшимъ викарнымъ въ Новгородѣ и за другимъ кѣмъ-то изъ консисторіи, призвалъ ихъ и говоритъ: — «Вѣдь у меня ничего спрятаннаго нѣтъ — не ищите». Отставленъ онъ былъ 24 декабря 1800 года, а 1801 г., января 28-го, скончался, а императоръ Павелъ на 12-е марта того же года скончался, только-что 6 недѣль прошло послѣ смерти Митрополита»¹³⁾.

Надо сказать нѣсколько словъ объ архимандритѣ Ѳеофанѣ, записки котораго мы только-что приводили. Ѳеофанъ — это талантливая и даровитая русская на-

¹³⁾ «Старческія совѣты XVIII и XIX вѣковъ». 1913 г., стр. 208, 214, 215, 222, 223. Москва.

тура. Рѣчь его престонародная, но вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне образная, остроумная и живописная, она даетъ намъ живые портреты и вѣрныя картины тогдашняго быта. Мѣткими и мастерскими штрихами рисуетъ онъ свои наброски. Гдѣ онъ только не былъ и кого онъ только не встрѣчалъ. Начиная съ Святителя Тихона Задонскаго, онъ имѣлъ близкія отношенія ко всѣмъ многочисленнымъ подвижникамъ своей эпохи. Поэтому м. Гавріиль, — человѣкъ книжный и не имѣвшій случая путешествовать и общаться съ разнообразными людьми, очень цѣнилъ его въ этомъ отношеніи и пользовался связями своего келейника съ міромъ истинныхъ подвижниковъ. При возсозданіи обителей Ѳеофанъ оказывалъ неоцѣнимыя услуги, рекомендуя въ соотвѣтственное мѣсто соотвѣтственнаго человѣка. Такимъ образомъ всѣ тайные рабы Божіе, укрывавшіеся по глухимъ захолустьямъ, были выдвинуты впередъ и поставлены на свѣщницѣ «да свѣтятъ всѣмъ въ домъ».

Вотъ подлинный рассказъ арх. Ѳеофана о возобновленіи Тихвинскаго монастыря. — «Малороссы меня не любили — и вотъ за что: прежде монастыри вѣрялись имъ — все малороссіянь опредѣляли въ архимандриты, — и всѣ монастыри опустѣли. Преосвященный тужилъ о семъ и пекся о ихъ исправленіи, спрашивалъ меня о духовныхъ старцахъ, нѣтъ ли мнѣ извѣстныхъ, годныхъ для сего, а я говорилъ ему о всѣхъ своихъ знакомыхъ, съ которыми вмѣстѣ жилъ у старцевъ въ послушаніи, въ Петербургъ перетаскивалъ ихъ, напримѣръ: вотъ отца Назарія, отца Игнатія, отца Іону и прочихъ.

Въ Новгородской епархіи всѣ монастыри опустѣли. Клопскій монастырь упразднить хотѣли, въ Тихвинскій монастырь пріѣхалъ Преосвященный (и я былъ съ нимъ), посмотрѣлъ, увидѣлъ его въ великомъ упадкѣ и сказалъ:

«О! какъ запустѣлъ». Архимандритъ тутъ былъ старичекъ Евѣимій. Преосвященный, возвратясь изъ сего монастыря въ Петербургъ, спрашиваетъ меня: — «Кого бы сдѣлать архимандритомъ въ Тихвинъ?» — Я отвѣчалъ: — «Ежели угоднѣе будетъ вашему преосвя-

щенству, то пѣшношскаго строителя отца Игнатія». Изволилъ спросить меня: — «Ты знаешь его?» Я сказалъ, что вмѣстѣ жили въ Санакарской пустыни. Онъ приказалъ написать въ Синодъ докладъ, взялъ его съ собою и предложилъ Синоду, что нужно Тихвинъ монастырь поправить, какъ самъ лично видѣлъ, въ какомъ онъ великомъ упадкѣ, и находить способнымъ къ тому пѣшношскаго строителя Игнатія. Но какъ онъ не учился богословію и прочимъ наукамъ, хотя съ великими природными дарованіями былъ, то Синодъ не соглашался неученаго въ архимандриты произвести. Такъ продолжалось это съ полгода. Напоследокъ, пріѣхавши изъ Синода Преосвященный былъ веселъ и сказалъ мнѣ: «Ну, слава Богу! Синодъ согласился». Итакъ, первый неученый, о. Игнатій произведенъ былъ въ архимандриты, и съ того времени началось производство въ архимандриты неученыхъ. Онъ завелъ порядокъ въ Тихвинѣ, при немъ началось стѣнное росписание живописью соборной Тихвинской церкви. Потомъ о. Игнатій переведенъ въ московскій Симоновъ монастырь, который былъ упраздненъ, и стоялъ въ немъ конный полкъ. Онъ его возобновилъ попеченіемъ именитаго московскаго гражданина А. И. Долгова»¹⁴⁾).

Другой выдающейся личностью, выдвинутой архимандритомъ Теофаномъ былъ о. игуменъ Назарій — Саровскій подвижникъ. М. Гавріилъ поручилъ ему восстановление Валаамской обители. Изъ епархіи и Саровской пустыни, не желая его отпускать, дали отзывъ, что онъ человѣкъ малоумный. Митрополитъ отвѣтилъ: — «У меня много умниковъ, пришлите своего глупца». Въ 1782 г. онъ вступилъ въ должность строителя Валаамскаго монастыря.

Отецъ Назарій, въ міру Николай Кондратьевичъ, сынъ причетника села Аносова, Тамбовской губ., родился въ 1735 г. На 17-омъ году ушелъ въ Саровскую пустынь, въ 1760 г. постриженъ и въ 1776 посвященъ въ іеромонахи. О. Назарій строжайшимъ образомъ соблюдалъ уставъ. Чтеніе священное было пищею его души. Его мысль настолько была проникнута божествен-

¹⁴⁾ Тамъ же, стр. 212-213.

нымъ, что для дѣлъ мірскихъ онъ не зналъ и словъ, какъ говорить о нихъ. Когда же говорилъ онъ о Богѣ, то слушатели забывали время. Всѣ свои бесѣды онъ основывалъ всегда на изрѣченіи Св. Писанія. Слово его было прямо, право и рѣзко. Свидѣду онъ былъ строгъ и какъ бы неприступенъ, но сила его словъ привлекала къ нему сердца. Одежда его была близка къ рубищу. Обитель Валаамская, куда былъ назначенъ строителемъ о. Назарій, расположенная на островѣ среди Ладожскаго озера, представляла особое удобство для иноческой жизни. Эта обитель на протяженіи своей исторіи дала не мало великихъ угодниковъ, какъ Германъ и Савватій, и Александръ Свирскій. Теперь она пришла въ полный упадокъ. Обитель состояла за штатомъ, средствъ къ содержанію не было, зданія рушились, немногочисленное братство состояло изъ престарѣлыхъ людей. Некому было служить, некому пѣть на клиросѣ.

Въ день закладки собора съ церковью въ нижнемъ этажѣ во имя преп. Сергія и Германа, было слѣдующее видѣніе иноку Иннокентію: — «Въ монастырѣ необычайное стеченіе разнаго народа, къ всѣмъ ожидаютъ прибытія м. Гавріила для положенія основного камня. Вскорѣ явился самъ Владыка, облеченный въ мантию и съ жезломъ архіерейскимъ въ рукѣ, по обѣ его стороны шли два свѣтолѣпныхъ схимника. Приблизились къ мѣсту, гдѣ почіють многоцѣлебныя мощи преп. Сергія и Германа; они остановились, осѣнили крестнымъ знаменіемъ святую могилу и все пространство, назначенное подѣ строеніе и стали невидимы»¹⁵⁾).

При о. Назаріи возникъ внутренній четырехугольникъ обители, и состоящій изъ каменныхъ сооруженій: собора, двухъ церквей, ризницы, трапезы и келлій. Монастырь включенъ въ число штатныхъ монастырей, и штатъ опредѣленъ въ 30 человѣкъ, строитель возведенъ въ санъ игумена. Императоромъ Павломъ пожалованы монастырю Кюменскія рыбныя ловли, главный источникъ его содержанія. По волѣ митр. Гавріила, о. Назарій ввелъ на Валаамѣ общежительный уставъ

¹⁵⁾ «Сказаніе о жизни преп. Сергія и Германа». СПб. 1908 г., стр. 26

Саровской пустыни и установилъ три рода жизни: общежительный, скитскій и пустынный. Слава о Валаамѣ стала расходиться по православному міру, даже приходившіе туда аѳонскіе иноки смотрѣли на него съ удивленіемъ, говоря, что по внутреннему устройству онъ выше аѳонскихъ монастырей.

Отецъ Назарій подавалъ всѣмъ примѣръ своей жизнию. Строгій исполнитель устава, онъ во всѣхъ трудахъ общежитія подвизался впереди всѣхъ. Особенно любилъ онъ безмолвіе и удалялся на цѣлыя недѣли въ уединенную пустыню. Кромѣ возстановленія древняго Валаама, о. Назарій оказалъ великую услугу дѣлу православной проповѣди въ русскихъ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ. По благословенію Синода, онъ избралъ изъ братіи Валаама десять человекъ миссіонеровъ. Изъ нихъ особенно памяты: архимандритъ Іоасафъ, начальникъ миссіи, возведенный въ санъ архіерея и утонувшій, іеромонахъ Іовеналій, принявшій мученическую кончину, и монахъ Германъ. Послѣдній былъ яркимъ носителемъ Паисіевской традиціи; не смотря на всѣ трудности миссіонерской работы среди дикой Аляски, идя путемъ «внутренняго дѣланія» и уча этому другихъ, онъ достигъ святости въ такой мѣрѣ, что былъ въ общеніи съ міромъ духовъ и съ природой: молитвой останавливалъ наводненіе, пожаръ, кормилъ изъ рукъ дикихъ звѣрей, творилъ чудеса и даромъ прозорливости видѣлъ на десятки и сотни лѣтъ впередъ.

Вотъ два случая изъ жизни о. Назарія. Въ царствованіе Екатерины II у Петербурга произошло морское сраженіе со шведами. Весь городъ былъ въ страхѣ, митрополитъ молился, заключившись въ келлію. Въ это время о. Назарій настоятельно потребовалъ свиданія съ митрополитомъ и увѣрилъ его въ побѣдѣ и безопасности. Въ подтвержденіе своихъ словъ показалъ на сторонѣ моря души убитыхъ воиновъ восходящихъ на облакахъ къ небу.

Другой случай такой. Сановникъ К. подвергся царской немилости. Его жена умоляла о. Назарія молиться за мужа. Тотъ обѣщалъ попросить царскихъ приближенныхъ. — «Всѣхъ ужъ просила», отвѣчала жена

опальнаго. — «Да не тѣхъ кого надо», отвѣтилъ о. Назарій и, взявъ у К. много мелкихъ денегъ, отправился раздавать ихъ бѣднымъ. Только къ вечеру онъ роздалъ все и вернулся въ обезпокоенную семью со словами: — «Ну, слава Богу, общали всѣ приближенные царскіе просить за васъ». Вслѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе, что дѣло кончилось благополучно. Тогда, отвѣчая на вопросъ, объяснилъ о. Назарій кто тѣ приближенные, которыхъ онъ просилъ и какого Царя.

Когда былъ предпринятъ переводъ-пересмотръ перевода «Добротолубія», присланнаго м. Гавріилу старцемъ Паисіемъ провѣряли таковой учителя, знающіе греческій языкъ, Александро-Невской Академіи. Митрополитъ предписалъ ученымъ переводчикамъ во всемъ совѣтываться съ духовными старцами и, прежде всего указалъ на о. Назарія. «Они изъ опыта лучше васъ понимаютъ духовныя истины», сказалъ Митрополитъ. Въ 1801 г. о. Назарій испросилъ себѣ увольненіе на покой. Онъ вернулся въ Саровъ, гдѣ полагалъ начало монашеству. Тамъ онъ устроилъ себѣ пустынную келью въ лѣсу при рѣчкѣ Саровкѣ. Когда хватало силъ, онъ въ ночное время ходилъ по лѣсу, совершая на память молитвословіе 12-ти псалмовъ, и къ разсвѣту возвращался въ келью. Не разъ встрѣчался онъ съ медвѣдями, которые его не трогали и онъ ихъ не боялся. Многіе отшельники повѣряли ему свои помыслы¹⁶⁾.

Въ Тамбовскомъ и Нижегородскомъ краю образовалось подъ руководствомъ о. Назарія много женскихъ общежитій. Имѣя даръ прозорливости о. Назарій видѣлъ обнаженными человѣческія мысли и грѣхи. Дѣлатель умной молитвы, такъ писалъ о ней старецъ — «Помолимся духомъ, помолимся и умомъ. Взойдите-ка въ слова апостола Павла: «Хочу рещи лучше пять словъ умомъ, нежели тысячу языкомъ». Изобразить не могу, сколь мы счастливы, что сіи пять

¹⁶⁾ Однимъ изъ таковыхъ былъ и преп. Серафимъ. Эти годы соотвѣтствовали центральному періоду подвига преп. Серафима, когда онъ жилъ въ лѣсу пустынникомъ. Можно съ увѣренностью предположить, что не безъ участія о. Назарія познакомился преп. Серафимъ съ «Добротолубіемъ», на которое онъ многократно впослѣдствіи ссылается. Въ одномъ жизнеописаніи преп. Серафима есть прямое указаніе на ихъ близость съ о. Назаріемъ.

словъ удостоилися говорить. Что за радость. Господи, Иисусе Христе, помилуй меня грѣшнаго. Вообразите-ка: Господи, Кого я называю. Создателя, Творца всего, Кого вся силы небесныя трепещуть. Умъ и сердце собрать во едино, глаза закрыть, мысленныя очи возвести къ Господу. О сладчайшій и дрожайшій, Господи, Иисусе Христе Сыне Божій».

Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Саровѣ, о. Назарій скончался, 74 лѣтъ — 23 февраля 1809 г. и погребенъ у алтаря теплой церкви¹⁷⁾.

Вернемся къ архимандриту Ѳеофану Новоезерскому такъ много способствовавшему возрожденію древнихъ обителей.

Въ мірѣ Ѳеодоръ Соколовъ, (1752-1832), изъ мелкопомѣстныхъ дворянской семьи. По тому времени образованія большого онъ не получилъ, кромѣ простой грамотности. Онъ читаетъ духовныя книги и съ дѣтства стремится къ монашеству. 19-ти лѣтъ сначала уходитъ въ Саровъ, гдѣ знакомится съ о. Назаріемъ, на котораго онъ впослѣдствіи указываетъ м. Гавріилу для возобновленія Валаамской обители. Саровъ показался молодому послушнику еще недостаточно «жестокимъ» и онъ поступаетъ къ о. Ѳеодору въ Санаксаръ.

Вотъ что рассказываетъ о ней арх. Ѳеофанъ: — «Мы искали, гдѣ бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали — въ Саровской пустыни... Нѣтъ, еще слабо; пошли къ о. Ѳеодору въ Санаксаръ. Обитель безъ ограды, заборомъ огорожена, церковь маленькая, волоковыя окошки, внутри и стѣны не отесаны, и свѣчъ-то не было: съ лучиной читали въ церкви. И платье-то какое носили! Балахоны! Одинъ смурый кафтанъ былъ для одного, который для покупокъ выѣзжалъ. Начало-то недостаточное и трудное. Въ лаптяхъ ходили, — одни было мелко плетены, другія крупно; такъ и лежали: одна куча маленькіе, другая — крупные. Ноги обертывали онучами изъ самыхъ толстыхъ изгребней, а босикомъ не ходили. Придутъ къ о. Ѳеодору: — «Что благословите взять ступни». И велитъ самому выбрать — изъ маленькихъ и выберутъ. Отецъ Ѳеодоръ позоветъ: «поди-ка сюда», — и возъ-

¹⁷⁾ Е. Поселянинъ. «Подвижники 19-го вѣка». СПб. 1910 г., стр. 120.

метъ у него. Случалось это съ о. Игнатіемъ: и у него отбиралъ частыя ступни, и бранивалъ за то, что на лапти прельстился, а Игнатій былъ изъ придворныхъ. Начнутъ (братія) говорить: — «живи, живи, а и въ этомъ утѣшенія не сдѣлають, въ какихъ нибудь ступняхъ». Услышитъ это о. Ѳеодоръ, призоветъ: — «что тамъ?» — «Да вотъ, батюшка, какое смущеніе, и въ этомъ-то утѣшенія не сдѣлаете». Начнетъ представлять: — «Что вы изъ эдакой бездѣлицы теряете спасеніе». Да! мы жили у старцевъ духовныхъ. Я съ Макаріемъ въ одной кельѣ жилъ. Ему больше всѣхъ искушенія было отъ о. Ѳеодора. О. Ѳеодоръ нарочно искушалъ, давалъ балахоны худо сшитые, съ долгою спиною или и заплатами. Одинъ изъ такихъ балахоновъ о. Ѳеодоръ и даетъ о. Макарію, — тотъ смущается, придетъ къ о. Ѳеодору, показываетъ, какъ на немъ сидитъ балахонъ, какая спина несоразмѣрная. О. Ѳеодоръ начнетъ увѣщевать: — «Зачѣмъ пришелъ въ монастырь? да есть ли разумъ? Что вы! Чѣмъ занимаетесь! Лишаетесь милости Божіей. Что вы занимаетесь тряпками! А надобно заниматься, душу-то свою очистить, чтобы ни къ чему временному не пристраститься». А послѣ и привыкли. А что бы при себѣ что-нибудь имѣть — ничего ужъ не было. Огня въ кельѣ никогда не бывало. А послушаніе было такое, что я самъ и полы мылъ, и пищу варилъ и щепки собиралъ и ложки мылъ; сами караулили по ночамъ, походимъ, да поклоновъ нѣсколько земныхъ и положимъ — помолимся. А всенощная продолжалась въ Санаксарѣ 7 часовъ. Когда закладывали въ Санаксарѣ церковь, гдѣ алтарю-то быть, вдругъ прилетѣлъ рой пчелъ. О. Ѳеодоръ велѣлъ о. Герасиму огрести въ улей, съ тѣхъ поръ все пчелы въ монастырѣ. Смущались нѣкоторые, что о. Ѳеодоръ двумя монастырями управлялъ: своимъ и женскимъ Алексѣевскимъ, который онъ завелъ. Ходили къ знаменитому схимнику Досіею въ Кіевъ, говорили, что о. Ѳеодоръ два монастыря — мужской и женскій — имѣетъ подъ своимъ управленіемъ. «Вы слабости какія въ немъ замѣтили?» — «Нѣтъ, онъ строгой жизни». — «Недостатки что-ли какіе есть?» — «Нѣтъ никакихъ». — «За кого вы его почи-

таете?» — «За святого». — «Что онъ грамотѣ знаетъ?» — «Ученый». — «Что вы сомнѣваетесь, не сомнѣвайтесь. Умная голова не только два стада, и десять можетъ пасти». Такъ и успокоились.

А отецъ-то Игнатій раза два къ преосвященному при мнѣ уже бѣгалъ, и когда былъ поставленъ іеродіакономъ, то съ вечера примочилъ волосы, заплелъ, да послѣ и расчесалъ, надѣлъ парчевой стихарь, а въ лаптяхъ. Какъ сталъ на амвонъ, о. Ѳеодоръ его подозвалъ: — «Ты», говоритъ, «павлинъ, хвостъ-то распустилъ, посмотри на ноги-то. Поди сними стихарь-то». Тотъ оскорбился и убѣжалъ ночью къ преосвященному Іерониму жаловаться, что пристыдилъ, посрамилъ меня, а преосвященный и прислалъ его къ о. Ѳеодору, чтобы на поклоны поставилъ. О. Ѳеодоръ никого изъ братій не удерживалъ въ монастырѣ силою, и говорилъ: — «У меня ворота отворены для всѣхъ, кто хочетъ выходить». А ужъ не терпѣлъ слова «не хочу», и слышать не могъ.

Взгляды о. Ѳеодора характеризуетъ и слѣдующій случай: «Однажды о. Ѳеодору необходимо было, по монастырскимъ нуждамъ своимъ, поѣхать въ Москву, гдѣ и пробылъ онъ мѣсяца два. Въ это время приходили къ нему усердствующіе люди, ради совѣта и пользы душевной, а благородные господа почти каждый день приглашали его къ себѣ кушать, присылая за нимъ своихъ лошадей. У одного господина случилось о. Ѳеодору такимъ образомъ встрѣтиться и кушать вмѣстѣ съ другими настоятелями и игуменами московскихъ монастырей. Зашелъ между ними разговоръ о монашескихъ одеждахъ. Вѣроятно, старецъ, какъ пустыльникъ, одѣтъ былъ скудно, и тѣмъ невольнo, какъ бы укорялъ московскихъ отцовъ, одѣтыхъ не по пустынночески. Московскіе отцы говорили, что имъ, въ столичномъ городѣ, нельзя носить одежды изъ простой и дешевой матеріи, и спрашивали у. о. Ѳеодора мнѣнія его объ этомъ. Отецъ Ѳеодоръ сказалъ: «Могли бы вы, святые отцы, имѣть благословное себѣ оправданіе, если бы при постриженіи, предъ св. Евангеліемъ, давали свои обѣты о претерпѣніи нищеты по другимъ какимъ правиламъ, но какъ чинъ

постриженія одинъ и обѣты одни, то не много требуется толкованія. По страстямъ же толковать и послаблять себѣ, это въ свое время послужить только въ осужденіе таковымъ себѣ потакателямъ. Неприлично духовнымъ людямъ имѣть богатое платье, келейныхъ служителей свѣтскихъ съ пуклями, также богатые кареты, какъ знакъ любви къ пышности» ¹⁸⁾).

Между тѣмъ, въ 1774 г., случилось обстоятельство, имѣвшее важное значеніе для всего Братства Санакарской обители: о. Феодора неожиданно постигло тяжкое испытаніе. Виновникомъ его бѣдствія былъ тогдашній Темниковскій воевода Ниловъ. За нѣскольکو лѣтъ передъ этимъ, онъ упросилъ о. Феодора быть его духовнымъ отцомъ, на что послѣдній согласился, но не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы духовный сынъ повиновался ему во всемъ, что касается спасенія души. Сначала онъ, дѣйствительно, былъ послушенъ духовному отцу, но потомъ сталъ нарушать посты, дѣлать притѣсненія городскимъ жителямъ и при каждомъ удобномъ случаѣ брать съ нихъ поборы. Всѣ увѣщанія и обличенія о. Феодора были тщетны. Наконецъ, одно обстоятельство до крайности огорчило старца: въ самую горячую пору полевыхъ работъ воевода заставилъ крестьянъ строить ему покои. Крестьяне пришли къ о. Феодору съ просьбой заступиться за нихъ передъ воеводой, выпросить имъ позволеніе убрать поля, чтобы не погибнуть съ голода. Тронутый ихъ бѣдствіемъ, старецъ поѣхалъ въ Темниковъ. Воевода, давно наскучивъ его наставленіями и упреками, велѣлъ позвать его въ канцелярію: здѣсь старецъ не затруднился высказать ему все, что считалъ своимъ долгомъ сказать, по поводу беззаконныхъ поступковъ своего духовнаго сына, а этотъ послѣдній приказалъ немедленно составить протоколъ, что настоятель Санакарской пустыни передъ зеркаломъ называлъ его грабителемъ и другими оскорбительными именами. Началось дѣло, по которому состоялось опредѣленіе — Санакарскаго настоятеля, какъ человѣка безпокойнаго, отправить въ Соловецкій монастырь въ число братства. Въ видѣ снисхожде-

¹⁸⁾ «Старческіе совѣты». Москва. 1913 г., стр. 420.

нія къ виновному приказано было отпустить съ нимъ въ сундукахъ его имѣніе, сдѣлавъ ему предварительно опись. Когда явился чиновникъ для описанія имущества, о. Ѳеодоръ показалъ ему шерстяной войлокъ съ жесткой подушкой, овчинную шубу, мантию, рясу и сказалъ: «Описывайте». Въ этомъ состояло все его богатство»¹⁹⁾). Въ Соловкахъ о. Ѳеодору пришлось пробыть лѣтъ 10, пока о. Ѳеофанъ не попалъ въ келейнику къ м. Гавріилу, который добился пересмотра этого дѣла и реабилитации о. Ѳеодора.

Вернемся теперь къ прерванному разсказу объ арх. Ѳеофанѣ. Послѣ того, какъ былъ сосланъ о. Ѳеодоръ, обитель Санаксарская совсѣмъ сиротѣетъ: ее оставляютъ о. о. Игнатій и Макарій, перейдя въ Введенскую пустынь къ знаменитому старцу Клеопѣ. Къ нимъ рѣшился присоединиться и Ѳеофанъ. Настоятель о. Клеопа получилъ воспитаніе иноческое на Аѡнѣ, упражняясь въ умной молитвѣ и духовномъ дѣланіи вмѣстѣ съ великимъ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ. Здѣсь юный послушникъ — будущій арх. Ѳеофанъ получилъ новые, еще болѣе совершенные уроки монашеской жизни. Это тотъ же чисто-евангельскій духъ, который мы наблюдали въ XV и XVI вв. у созерцательныхъ подвижниковъ Сѣверной Оиваиды. Вотъ подлинный разсказъ самого архим. Ѳеофана о своемъ тогдашнемъ настоятелѣ:

— «Сколько случалось мнѣ знать мужей добродѣтельныхъ! Великіе старцы были, отъ которыхъ я учился: Тихонъ Воронежскій, о. Ѳеодоръ, о. Клеопа, можно сказать, что чудотворцы. Да, о. Клеопа жизни подлинно святой былъ... Онъ всегда былъ въ молитвѣ и читалъ книги Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника. Общее правило о. Клеопы полтораста поклоновъ поутру и послѣ вечерни полтораста поклоновъ. Клеопа скончался болѣе 70-ти лѣтъ. Виду онъ былъ такого: лицомъ кругловатъ, сѣдъ, сухъ, всегда плакалъ. Онъ самъ записался въ синодикъ и сказалъ, въ какое время умереть. Онъ любилъ день 40 мучениковъ, — въ этотъ день и умеръ. Жизнь онъ престокою вель,

¹⁹⁾ «Жизнеописанія подвижн. 18 и 19 в.», Декабрь. Москва, 1910 г., стр. 107.

былъ изъ малороссіянъ, изъ Кіева, жилъ на Аѳонской горѣ. О себѣ сказывалъ, что въ юности чистоту соблюлъ и никакихъ плотскихъ грѣховъ не зналъ, потому исполненъ былъ благодати Божіей.

«Въ Введенской пустыни однажды случилось вотъ что: одинъ послушникъ сказалъ, что онъ видѣлъ очевидно явленіе. О. Клеопа велѣлъ искусить его, немножко пожурить со стороны, тотъ смутился, почелъ за оскорбленіе, пришелъ къ о. Клеопѣ и говоритъ: — «Я не могу жить, — меня оскорбляютъ». — «Какъ же ты говоришь, что удостоился видѣнія, а не можешь терпѣть. Слѣдовательно, это прелесть. Въ голову камень класть, поститься, на голой землѣ спать, — это пустое, — «научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ», сказалъ Господь, а не чудесь и явленій какихъ нибудь обѣщалъ»...

«У о. Клеопы позволялось съ бѣлымъ хлѣбомъ, кто могъ, на трапезу ходить, и самъ идетъ на трапезу съ бѣлымъ хлѣбомъ, другіе не роптали, и блины у него пекли. Одинаково нельзя вести всѣхъ, иныхъ грубая пища можетъ привести въ изнеможеніе. Одни пришли изъ бѣдности, отъ трудовъ въ покой, другіе отъ богатства, отъ нѣжнаго воспитанія, для послѣднихъ и то за велико вмѣнится, что они оставили богатство. А брашно и питье не поставитъ насъ предъ Богомъ.

«Преосвященный Сильвестръ, когда былъ у Потемкина въ Москвѣ, тогда тотъ рассказывалъ: — «Въ Молдавіи какіе отцы! Высокой жизни! Почтенные! Здѣсь такихъ нѣтъ». Преосв. Сильвестръ говоритъ: — «Нѣтъ, есть да только они не видны». — «Кто такой?», — «А вотъ Клеопа». Свѣтлѣйшій говоритъ: — «Представьте мнѣ». Преосвященный сказалъ ему, гдѣ его искать — у купца Матвѣева квартируетъ. У Матвѣева столъ открытый былъ для всѣхъ странныхъ. Свѣтлѣйшій карету послалъ, они обѣдали. Спрашиваютъ: — «Который тутъ изъ васъ Клеопа». — «Я. На что?» — «Да Свѣтлѣйшій прислалъ за Вами». Удивляется, почему узналъ Свѣтлѣйшій. — «Хорошо, говоритъ, я приѣду у меня есть своя повозка». — «Нѣтъ, безъ васъ не велѣно приѣзжать». Принужденъ былъ ѣхать».

«Увидѣлъ преосвященнаго. «Это вы, ваше преосвященство, затащили сюда старика?» Начали говорить, — понравился Потемкину. Свѣтлѣйшій хотѣлъ его представить Государинѣ, а онъ скорѣе убрался во Введенскую пустыню. На дорогѣ, когда онъ ѣхалъ туда, солдатъ жестоко билъ его. Офицеръ, знакомый Клеопѣ, это увидалъ и спрашиваетъ: «За что онъ бьетъ», — хотѣлъ этого солдата наказывать, но о. Клеопа, упросилъ его: — «Не троньте, — Богъ приказалъ. Клеопа не тщеславься! ѣздилъ въ каретѣ! былъ во дворцѣ».

«Отецъ Клеопа въ лѣсу жилъ, было съ нимъ двое учениковъ: одинъ Лука, въ Давидовской пустыни живущій, а другой Матѳей, — послѣ удалился на Аѳонскую гору. Хлѣба не достало, — стали проситься ученики: «Батюшка, отпустите насъ въ деревню попросить хлѣба». — «Подождите». День прошелъ, другой, и третій насталъ, — просятъ опять, чтобы отпустилъ ихъ. — «Подождите, завтра отпущу васъ». На третій день къ вечеру на парѣ лошадей пріѣзжаетъ чело-вѣкъ и спрашиваетъ: — «Гдѣ это Клеопа». Всего навезъ: и пшеничной муки, и ржаной, и масла коровьяго, и постнаго, и крупы. Смотрятъ, какимъ образомъ онъ пріѣхалъ — дороги-то нѣтъ, лѣсъ превеличайшій, частый, по зарубамъ ходили.

«Да много на него (о. Клеопу) и искушеній-то было. Былъ іеромонахъ Паисій, — такой простой, пресimple былъ. Поѣхалъ онъ въ Москву покупать, лошадей-то у него и увели. Да воръ-то и пріѣзжаетъ на нихъ въ монастырь, увидѣли, узнали ихъ, — спрашиваютъ: гдѣ вы ихъ взяли? вѣдь это монастырскія лошади. Привели ихъ къ о. Клеопѣ. — «Гдѣ вы ихъ взяли?» спрашиваетъ ихъ о. Клеопа. — «Виноваты: увели». — «Вѣдь вотъ васъ теперь надобно подъ судъ отдать. Да что вы нужные, что ли?» — «Недостаточные». — «Ну, такъ возьмите себѣ одну». Въ другой разъ въ полночь пришли воры въ церковь, но какъ только они вступили, то какъ будто громъ какой сдѣлался, и они всѣ попадали и лежали такъ до разсвѣту, а поутру приходятъ и раскаиваются о. Клеопѣ, и говорятъ: нечего намъ дѣлать.

«Воронцовъ, генераль-губернаторъ, прислалъ спрашивать о. Клеопу²⁰⁾, чего ему надобно — земли, рыбныхъ ловлей? — «Кланяйтесь господину генераль-губернатору, благодарю за усердіе, скажите, что для меня нужно земли три аршина — болѣе не надобно, такъ у насъ столько-то есть, а рыбу мы у мужиковъ покупаемъ». Хотѣлъ имъ одинъ купецъ строить каменную ограду, 30 тысячъ давалъ. Кланяйтесь, благодарю за усердіе. Если ему угодно, пускай строятъ». Тому показалось обидно, въ Сарову пустынь и отдалъ»²¹⁾).

Вотъ рассказы, которые подлинно переносятъ насъ къ преп. Кириллу Бѣлозерскому и Корнилию Комельскому — эпохѣ расцвѣта нестяжателей.

Если въ Санакарской обители молодой послушникъ — будущій архим. Теофанъ научился терпѣнію, трудолюбію, строгому исполненію монашескихъ правилъ и непрекословному послушанію, то жизнь въ

²⁰⁾ Рассказываетъ о случайномъ нахожденіи мощей о. Клеопы игуменъ Уссурійскій о. Сергій:

— «13 октября 1893 г., вступивъ на священный островъ Валаамъ, я скорѣ былъ принятъ на послушаніе въ скитъ Всѣхъ Святыхъ.

Прежде меня поступившіе братья-послушники рассказали мнѣ, что незадолго до моего прихода въ екитъ скончался тамъ о. Арсеній фотографъ. Когда они рыли для него могилу за алтаремъ храма, примѣрно на двухъ аршинахъ глубины, начали ощущать нѣкое благоуханіе. Не довѣряя своему чувству, они сначала не говорили объ этомъ другъ другу, но по мѣрѣ углубленія могилы, благоуханіе усиливалось и, наконецъ, стало настолько яснымъ, что ощущалось всѣми, о чемъ они тогда и заговорили между собой. Когда работа ихъ близилась къ концу, то сбоку изъ сосѣдней могилы выпалъ человѣческій черепъ. Благоуханіе еще больше увеличилось. Братья послали за старцемъ о. Теофиломъ, управлявшимъ въ то время скитомъ. Послѣдній пришелъ и распорядился позвать о. Алексія и другихъ скитскихъ старцевъ.

О. Алексій, подойдя къ могилѣ, взялъ благоухавшую главу въ руки и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, благоговѣнно облобызалъ ее, при чемъ сообщилъ всѣмъ присутствующимъ, что это глава святопочившаго старца о. Клеопы, ученика знаменитаго подвижника XVIII-го вѣка схи-архимандрита Паисія Величковскаго.

Тутъ же по блаженномъ старцѣ была отслужена панихида, послѣ которой глава съ благоговѣніемъ была возложена на свое мѣсто.

Іеросхимонахъ Клеопы, какъ извѣстно, поселился на Валаамъ въ 1811 г., а почилъ о Господѣ въ 1816 г.

Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего іеросхимонаха Клеопы и его святыми молитвами помилуй меня грѣшнаго. Иг. Сергій. (М. Янсонъ. Большой Скитъ на Валаамѣ, Таллинъ, 1940 г., 70-71).

²¹⁾ «Старческіе сов. подвиж. 18-19 столѣтія». Москва, 1913 г., стр. 204-207.

Введенской пустыни имѣла для него важное значеніе: здѣсь онъ вступаетъ въ духовное общеніе съ великой семьей иноковъ, средоточіемъ которыхъ былъ въ то время великій старецъ Паисій Величковскій. Разказы настоятеля объ Аѳонѣ, о старцѣ Паисіи возбудили въ молодомъ послушникѣ желаніе лично побывать въ этихъ мѣстахъ, особенно онъ имѣлъ желаніе посѣтить Святую Землю. Съ 15-ю спутниками въ 1776 г. отправляется онъ сначала въ Молдо-Валахію. Но дальше ему ѣхать не пришлось. За святое послушаніе игумену Θεодосію, настоятелю Тисманскаго монастыря, остается онъ тамъ въ числѣ братіи. На третій день вступленія его въ Тисманскую обитель его постригаютъ въ монашество и нарекаютъ Θεофаномъ. Настоятель Тисманскаго монастыря о. Θεодосій былъ одновременно со старцемъ Паисіемъ, ученикомъ великаго старца схи-монаха Василия Поляно-Мерульскаго и потому о. Θεодосій могъ быть для Θεофана достойнымъ замѣстителемъ старца Паисія, и тотъ фактъ, что онъ остался въ Тисманской обители, не явился для него духовной потерей. Однако, настоятель былъ вынужденъ скорѣе отправить Θεофана въ Россію, чтобы хлопотать о перемѣщеніи всей обители туда. Они не могли оставаться въ Валахіи изъ-за измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ: — «Намъ въ Валахіи нельзя было жить, какъ съ турками замирье сдѣлалось». Скорѣе удалось перевести Тисманскій монастырь въ Россію, въ Софроньеву пустынь. Тамъ пробылъ Θεофанъ только полтора года. Потребовались строгіе и надежные иноки для Александро-Невской Лавры. Въ ихъ число попалъ и Θεофанъ. Скорѣе онъ дѣлается келейникомъ м. Гавріила и на этомъ скромномъ поприщѣ оказываетъ величайшія услуги всему русскому монашеству, содѣйствуя возсозданію запустѣвшихъ монастырей, указывая на опытныхъ настоятелей лично ему извѣстныхъ. Такимъ образомъ, былъ возстановленъ Валаамъ, Тихвинъ, Пѣшношскій и Клопскій монастыри. Самъ о. Θεофанъ возобновилъ сначала Моденскій монастырь, а потомъ въ теченіе 36-ти лѣтъ управлялъ Новоезерскимъ. Обитель онъ нашелъ въ крайнемъ упадкѣ. И за время своего игуменства онъ создалъ чудеса въ смыслѣ возведенія новыхъ

построекъ, ограды, сооруженной на сваяхъ. Былъ созданъ многолюдный, благоустроенный, подвижническій монастырь. Онъ получалъ при украшеніи храмовъ пожертвованія отъ всѣхъ царствовавшихъ царей: Екатерины, Павла, но болѣе всѣхъ его почиталъ Александръ I-й, который цѣнилъ его заслуги. Архимандритъ Теофанъ являлся старцемъ и для многихъ мірскихъ лицъ. Онъ велъ со многими переписку. Кромѣ того, онъ духовно руководилъ монахинями Горицкаго женскаго монастыря. Вышедшая оттуда его духовная дочь мать Теофанія (Готовцева) была основательницею С.П.Б. Новодѣвичьяго монастыря. Въ 1829 г. арх. Теофанъ вышелъ на покой и предался всецѣло молитвѣ и приготовленію къ смерти. 1832 г. былъ послѣднимъ въ его жизни. Когда келейникъ его монахъ Антоній, 30 лѣтъ ему вѣрно служившій, говорилъ, что ему необходимъ отдыхъ: — «А вотъ скоро отдохну», отвѣчалъ ему старецъ. Съ Іисусовой молитвой на устахъ тихо и мирно предалъ онъ духъ Богу, 3-го декабря 1832 г.²²⁾.

НАСТАВЛЕНІЯ АРХИМАНДРИТА ТЕОФАНА.

§ 118. Намъ тщеславиться и гордиться нечѣмъ: что имѣемъ, то все Божіе, а только одна наша собственность: грѣхи. А что на первый случай, вступя въ духовную жизнь, ни въ чемъ не успѣваете, примѣръ намъ новосажденіе: сперва только покажется, потомъ произрастаетъ листъ, цвѣтъ и плодъ. То же и въ духовной жизни. Не ужасайтесь, что не успѣваете. Должно прилагать только попеченіе ко исправленію и просить Господа Бога: «Научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Богъ мой».

§ 171. Духовная жизнь должна быть проста, чистосердечна, кротка, благопокорлива и паче смиренна.

§ 187. Ежели пожелаешь смириться, проси Господа: Господи, даждь ми смиреніе. Потомъ себя укори, себя уничижи, тогда удостоишься и милости Божіей. Смиреніе столь велико, что можетъ благодать Божію въ душу привлечь.

²²⁾ Е. Поселянинъ. «Русск. подвижники». СПБ., 1910 г., стр. 136-145.

§ 192. Не надобно думать: любятъ ли насъ, или не любятъ. А лучше думать, что недостойна быть любимою, сама-же люби всѣхъ: потому что намъ не сказано быть любимыми, но велѣно всѣхъ любить. Даже не надобно и замѣчать, кто сердится или кто какъ посмотрѣлъ. Не нужно даже проникать въ ихъ намѣренія.

§ 218. Иные уходятъ въ затворы, другіе носили тяжелыя вериги, но этого не взыщется отъ насъ, а надобно смиряться, терпѣть, имѣть послушаніе, вотъ чего требуется. Скорбное слово претерпишь — вотъ и вериги твои.

§ 251. Не мысли, «что некому вразумлять насъ». — Да Евангеліе, развѣ не ученіе? Это гласъ Божій. А Апостоль? Это духъ Божій. По нихъ должны настаивать себя.

§ 383. Небесную мысль съ нуждою приобрѣсти можно, а дурная сама приходитъ, и отогнать ее можно только молитвою.

§ 393. Мы бѣгаемъ скорбей, а святые-то скорбѣли о томъ, что нѣтъ скорбей: можно ли, говорили, спастись безъ нихъ?

§ 400. Праведницы просвѣтятся, яко солнце, въ царствіи Отца небеснаго: какое воздаяніе за малое терпѣніе.

§ 408. Если Господь на одну минуту оставитъ насъ, куда мы годимся?

§ 441. О. Клеопа говаривалъ: мысль одну надобно имѣть, что я только одинъ на землѣ да Богъ, — никого больше не воображать. Не съ кѣмъ ссориться, когда одинъ я на земли. Были такіе, которые это и исполняли.

§ 466. Кто на земли лежитъ тому нѣтъ опасности, что упадетъ и разобьется, а вотъ кто по верхамъ-то лазитъ, тому угрожаетъ такая опасность.

§ 473. Вся сила въ смиреніи. Сколько поклоновъ ни клади, а будешь мечтать о себѣ, что я жестокою жизнь веду, такъ въ этихъ трудахъ никакой пользы нѣтъ. — «Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ» (Мѡ. XI, 29). Нестяжаніе, раздаяніе милостыни, постъ и молитва — безъ смиренія — ничто. Безъ смиренія хотя бы власяницу носилъ, хотя бы ве-

риги, хотя бы чрезмѣрный постъ имѣли, все не принесетъ никакой пользы: «научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ». А кто учитель-то?

§ 535. Если кому, ради послушанія и придется не быть въ церкви, Господь не взыщетъ. Изъ ста чело-вѣкъ, — кто на послушаніи, кто на молитвѣ. Если пятокъ, десятокъ соблюдаютъ себя въ чистыхъ мысляхъ, онѣ восполняютъ недостатокъ другихъ. Кто облѣнился, тотъ исправится, кто бодрствовалъ, можетъ впасть въ лѣнность; общій-то недостатокъ и восполняется за общія молитвы.

§ 536. Надобно думать, что я на земномъ небѣ, на рукахъ Божіей Матери. «Десною Твоею рукою пріимь, Ты, Слове, сохрани мя, соблюди да не огонь мя опалитъ грѣховный». Видите-ли: грѣхи-то огонь!

§ 549. Вотъ я передаю вамъ то, что самъ слышалъ, какъ самъ научился: слышанное отъ старцевъ простыхъ и неученыхъ, и говоритъ вамъ неученый»²³⁾.

Въ приведенныхъ нами наставленіяхъ архим. Оеофана, мы видимъ какъ бы отраженнымъ весь духъ древняго заволжскаго монашества. Евангельскій духъ любви, кротости и смиренія являются какъ тамъ, такъ и тутъ основнымъ мотивомъ, ибо это плодъ того же «умнаго дѣланія».

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ.

Преподобный Серафимъ Саровскій (1759-1833 г.г.) былъ самымъ яркимъ и самымъ современнымъ представителемъ вновь возрожденной подвижнической школы внутренняго дѣланія.

Какими путями достигло до него это новое вѣяніе?

Хотя школа умнаго дѣланія къ тому времени почти всюду была забыта, но живая струя, ведущая начало отъ древняго времени, окончательно не изсякла. Свѣдѣнія о духовномъ дѣланіи передавались въ видѣ поученій изъ поколѣнія въ поколѣніе. Во многихъ монастыряхъ должны были уцѣлѣть и древнія рукописи отеческихъ твореній. Примѣръ кіевскаго старца Досіея и духовныхъ столповъ Саровскихъ о. о. На-

²³⁾ Старческіе совѣты XVIII-XIX вѣковъ. Москва. 1913 Стр

зарія и Пахомія показываетъ, что такіе опытные подвижники существовали и тогда. По преданію о. Досіеѣй даетъ юному Прохору наставленіе о твореніи непрестанной умно-сердечной молитвы. Когда послѣдовало явленіе Богоматери преп. Серафиму и монахинѣ Евпраксіи, ей было сказано, что она удостоилась этого видѣнія за молитвы о. о. Серафима, Марка, Назарія и Пахомія, представлявшихъ собою единую духовную семью. Какъ мы уже упоминали въ жизнеописаніи о. Назарія, оба подвижника, — преп. Серафимъ и о. Назарій, одновременно отшельничаютъ въ Саровскомъ лѣсу. Преп. Серафимъ возвращается въ 1810 г. въ монастырь, т. е. на слѣдующій годъ послѣ кончины о. Назарія. Въ лѣсу они пробыли одновременно 8 лѣтъ. О. Назарій былъ однимъ изъ тѣхъ, къ кому обращались за разъясненіемъ темныхъ мѣстъ при печатаніи Добротолубія. Митр. Гавріилъ сказалъ: «подвижники лучше васъ (ученыхъ) понимаютъ духовныя истины». Зная касаніе о. Назарія къ дѣлу печатанія Добротолубія, можно съ увѣренностью сказать, что не безъ его участія стала извѣстна эта книга и преп. Серафиму. Привезъ ли онъ ее въ Саровъ въ 1801 г., — прислалъ ли онъ ее ранѣе, — объ этомъ можно только гадать. Утверждать можно лишь одно, — что въ лицѣ преп. Серафима книга эта встрѣтила добрую, подготовленную почву. Преп. Серафимъ всецѣло проникается духомъ Добротолубія и многія его наставленія и совѣты взяты оттуда. Онъ осуществляетъ на дѣлѣ весь путь «умнаго дѣланія» и въ достиженіяхъ своихъ превосходитъ многихъ святыхъ. «Сей отъ роду нашего» — говоритъ о немъ Божія Матерь. Преп. Серафимъ — это живое откровеніе того совершенства, къ которому можетъ придти земнородный. И путь его тотъ же, что и у древнихъ отцовъ и у нашихъ «течественныхъ подвижниковъ, описанныхъ нами въ предшествующей главѣ, занимавшихся «умнымъ дѣланіемъ». Вотъ что онъ самъ говоритъ о подвижническомъ пути: — «Путь дѣятельной жизни (πραξις) составляютъ: постъ, воздержаніе, бдѣніе, колѣнопреклоненіе, молитва и прочіе тѣлесныя подвиги, составляющіе тѣсный путь и прискорбный, который по сло-

ву Божию вводить въ животъ вѣчный (Мѡ. V, 14). Путь умосозерцательной жизни (*θεωρία*) состоитъ въ возношеніи ума ко Господу, въ сердечномъ вниманіи, умной молитвѣ и созерцаніи чрезъ таковыя упражненія вещей духовныхъ». И далѣе слѣдуетъ цѣннѣйшій аскетическій совѣтъ: — «Не должно оставлять дѣятельную жизнь и тогда, когда бы въ ней человѣкъ имѣлъ преуспѣяніе и пришелъ бы въ умозрительную: ибо она содѣйствуетъ умозрительной и ее возвышаетъ»²⁴⁾ . . . Такъ толковалъ подвижническую жизнь преп. Серафимъ.

Но самъ онъ былъ духовнымъ наслѣдникомъ и о.о. Пахомія и Назарія, небывшихъ типичными представителями саровскаго духа. Ихъ нужно отнести къ тѣмъ рѣдкимъ единицамъ, понимавшимъ и практиковавшимъ внутреннее дѣланіе, которое сохранилось въ глубинѣ монашества съ древнихъ временъ. Величавый же Саровъ воплощалъ въ себѣ всецѣло ту суровую школу аскетическаго внѣшняго дѣланія, которая господствовала до Паисія Величковскаго: уставной строгой службы и жестокой жизни, но безъ истиннаго пониманія внутренняго дѣланія.

Серафимъ Саровскій былъ, м. б., самымъ яркимъ и самымъ совершеннымъ представителемъ, какъ мы только что сказали, вновь возрожденнаго внутренняго дѣланія, настолько яркимъ, что за нимъ какъ бы даже скрываются величайшіе аскетическіе подвиги, принятые имъ, какъ на примѣръ, 1000 дневно-ночное стояніе на камнѣ, невѣроятный постъ и др. подвиги. (Всѣ виды подвиговъ древнихъ отцовъ пустынниковъ). Наиболѣе типичное и характерное столкновение этихъ двухъ теченій, стараго и новаго, мы видимъ въ томъ непониманіи и въ томъ непризнаніи преподобнаго Серафима братіей монастыря и его настоятелями, которыя, несмотря на всю парадоксальность, продолжались не только при жизни Преподобнаго, но и по его смерти.

Въ Дивѣевской Лѣтописи²⁵⁾ многократно упоминается о недовѣрчивомъ и непріязненномъ отношеніи къ Преподобному со стороны монастырскаго началь-

²⁴⁾ Лѣтопись С. Д. м-ря. СПб. 1903. Стр. 146.

²⁵⁾ Лѣтопись С. Д. м-ря СПб. 1903. Стр. 187 и 249

ства. Къ нему вторгаются ночью съ обысками. Такіе же обыски постигаютъ и приходящихъ къ нему дивѣевскихъ сестеръ. Характеренъ случай (уже послѣ смерти Преподобнаго), когда батюшка Серафимъ является въ видѣніи исцѣленной имъ монахинѣ Магдалинѣ, пріѣхавшей въ Саровъ на богомолье. Въ видѣніи онъ говоритъ ей: «теперь иди въ Дивѣевъ». — «Зачѣмъ же идти мнѣ туда, тамъ нечего дѣлать». Но батюшка нѣсколько разъ повторилъ приказаніе идти въ Дивѣевъ и добавилъ: «Все мое тамъ, и я самъ постоянно и болѣе всего тамъ пребываю». Когда мать Магдалина проснулась, то все это передала Саровскому пещернику, о. Парѣнію, прося записать все случившееся исцѣленіе. Онъ рѣшительно отказался, говоря: «ступайте въ Дивѣевъ, тамъ запишутъ непременно, иди, иди въ Дивѣевъ, это великая благодать, тебѣ и самъ о. Серафимъ на то указалъ. Тамъ запишутъ, потому-что тамъ болѣе всего почитаютъ его. И Богъ знаетъ, что еще будетъ изъ насъ и изъ Дивѣева. У насъ вотъ три раза видѣли горящія свѣчи на могилѣ его, да и то мы не вѣримъ, пока на гробъ его развѣ что-либо ясно случится»²⁶⁾).

Читатель невольно спроситъ насъ: какъ же это такъ — господствующая школа ставитъ во главу угла внѣшніе аскетическіе подвиги, уставъ, быть, но вѣдь преп. Серафимъ превосходитъ ихъ всѣхъ своими подвигами? Да, это все такъ. Но никто изъ представителей господствовавшаго въ то время уклада еще не доросъ до пониманія умозрительнаго подвига. Потому все касающееся преп. Серафима для нихъ остается загадкой и вызываетъ у нихъ одно лишь подозрѣніе и полное недовѣріе. Самый взглядъ на подвигъ у стараго и новаго теченія не совпадаетъ. Возрожденная школа не дровитъ подвиговъ, а только не переоцѣниваетъ ихъ: это не цѣль, а средство; сами по себѣ они — ничто. Неправильно же примѣняемые и ставимые какъ цѣль, они могутъ только повредить, явившись причиною духовной прелести. Но, кромѣ того, по лѣстницѣ духовнаго восхожденія у подвижника могутъ встрѣтиться величайшія испытанія. Это борьба

²⁶⁾ Лѣтопись С. Д. м-ря СПб. 1903. Стр. 581.

съ духомъ злобы, обычно людьми не аскетами даже и не подозрѣваемая. Тогда подвижникъ прибѣгаетъ къ величайшимъ подвигамъ соразмѣрно съ силою борьбы.

Здѣсь можно привести случай изъ жизни схимонахини Платониды (род. въ 1802 г., Ставрополь) со словъ ея духовника: — «Засуха или сухость сердца — это самое тяжелое положеніе въ подвижнической жизни». Но это испытаніе застало Платониду не въ расплехъ: она встрѣтила его благодушно. Когда почувствовала у себя сухость сердца и нѣкоторое разстройство духовной жизни, она не опустила рукъ, не впала въ уныніе. Напротивъ, она порѣшила въ душѣ своей поститься и молиться дотолѣ, пока Господь снова не коснется ея сердца Своею благодатью и не устроить попрежнему ея духовную жизнь. Подвигъ этого нарочитаго поста (неяденія) и молитвы начался. День за днемъ повторилось уже 10 разъ. Старица постилась и молилась, но душа ея все еще, яко земля безводная... Изсохли у ней языкъ и гортань, грудь надрывалась отъ стоновъ и воздыханій, но на очахъ все еще не слезинки. На сердцѣ лежитъ словно камень какой, а въ немъ ожесточеніе и страхъ, ужъ не дѣйствительно ли Господь отринулъ ее отъ лица Своего и отвергъ навсегда?... Вотъ и врагъ издѣвается надъ нею, открыто говоритъ ей: «гдѣ же Богъ твой?» Такъ шло до 14-ой ночи, но тутъ положенъ былъ и конецъ испытанію. Не допускающій искушеній сверхъ силъ нашихъ, Господь явилъ рабѣ Своей знаменіе Своего благоволенія и благоугодности Ему подвиговъ ея. Когда въ полуночный часъ, въ растерзанномъ сердцѣ своемъ, произнесла она слова: «слышишь ли Ты меня, Господи, слышишь ли стоны мои и страданія сердца моего?» въ это мгновеніе она почувствовала нѣкую теплоту въ сердцѣ и во всемъ существѣ своемъ. Въ это же мгновеніе отверзлись и ея духовныя очи. Она увидѣла двухъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ стоялъ по правую, а другой по лѣвую ея сторону. Оба они писали, каждый въ своей книгѣ. «Смотри», сказалъ одинъ изъ нихъ указывая на книги: «мы записали каждый вздохъ твой, каждый стонъ

и слово твое». Позади же себя увидѣла толпу демоновъ. Ближе другихъ стоявшій къ ней былъ въ изорванной одеждѣ. Когда стоявшіе поодаль хотѣли подойти къ нему на помощь, онъ закричалъ: «куда лѣзете! Смотрите, какъ я изорванъ». Ангелы стали невидимы, демоны бѣжали. Съ тѣхъ поръ, до самой кончины своей блаженная Платонида не знала уже искушеній, и наслаждалась всегда невозмутимымъ миромъ души, радуясь о Господѣ ²⁷⁾).

Серафимово стояніе на камнѣ — столпничество —

²⁷⁾ Жизнеоп. подв. благочестія. Декабрь. Москва 1910. Стр. 342-43.

безконечно превосходящее по суровости и долговременности только что описанный подвигъ Платониды (по времени въ 70 разъ болѣе продолжительный). Подвигъ этотъ превышаетъ человѣческое разумѣніе. По поводу его можемъ мы лишь замѣтить, что нѣкоторые біографы неправильно понимаютъ и по своему истолковываютъ это боренье: — то полагаютъ, что здѣсь была брань съ плотью, то съ помыслами честолубія и т. д. Но такія гаданія не вяжутся съ той духовной высотой преп. Серафима, на которой онъ уже находился въ то время (1804-1807). Здѣсь только могло быть мѣсто борьбѣ не противъ плоти и крови, а непосредственно съ духами злобы поднебесной. Изъ бесѣды съ Мотовиловымъ выясняется эта тайна: — «Какъ-то разъ въ бесѣдѣ съ преп. Серафимомъ коснулся разговоръ о вражьихъ нападеніяхъ на человѣка. Свѣтски-образованный Мотовиловъ не преминулъ, конечно, усомниться въ реальности явленій этой человѣконенавистнической силы. Тогда Преподобный повѣдалъ ему о своей страшной борьбѣ въ теченіе 1000 ночей и 1000 дней съ бѣсами и силою своего слова, авторитетомъ его святости, въ которомъ не могло быть и тѣни лжи или преувеличенія, убѣдилъ Мотовилова въ существованіи бѣсовъ не въ призракахъ или мечтаніяхъ, а въ самой настоящей горькой дѣйствительности».

Выйдя побѣдителемъ изъ этой страшной борьбы, преп. Серафимъ вознесся на высоту древнихъ величайшихъ подвижниковъ.

Итакъ, мы видимъ, что тотъ ключъ живой воды, который сохранился въ глубинѣ монашества съ древнихъ временъ и почти уже совсѣмъ изсякавшій, въ преп. Серафимѣ сливается съ вешними водами возрожденнаго Паисіемъ Величковскимъ ученія Св. Отцовъ о внутреннемъ дѣланіи и обращается въ его лицѣ въ такой мощный и сильный потокъ, который поражаетъ и до нашихъ дней своимъ величіемъ и державностью весь духовный міръ.

Проф. прот. о. Г. Флоровскій въ немногихъ словахъ охватываетъ всю неизмѣримую глубину значенія преп. Серафима: «Начало прошлаго вѣка въ судь-

бахъ Русской Церкви ознаменовано какимъ то внутреннимъ и таинственнымъ сдвигомъ. Объ этомъ свидѣтельствуется пророческій образъ преп. Серафима Саровскаго (1759 -1833), его подвигъ, его радость, его ученіе. Образъ вновь явленной святости оставался долго неразгаданнымъ. Въ этомъ образѣ такъ дивно смыкаются подвиги и радость, тягота молитвенной брани и райская уже свѣтлость, предображеніе уже нездѣшняго свѣта». Онъ «съ неожиданнымъ дерзновеніемъ свидѣтельствуется о тайнахъ Духа». Преп. Серафимъ весьма напоминаетъ древнихъ тайновидцевъ, преп. Симеона больше другихъ, съ его дерзновеннымъ призывомъ искать даровъ Духа. Преп. Серафимъ былъ начитанъ въ отцахъ. Въ его опытѣ обновляется исконная традиція взысканія Духа, истинная цѣль жизни нашей и христіанской состоитъ въ «стяжаніи Духа Святаго Божія». Все другое должно быть только средствомъ. Подъ елеемъ, котораго не доставало у юродивыхъ дѣвъ Евангельской притчи преп. Серафимъ подразумѣваетъ не добрыя дѣла, но именно благодать Св. Духа», творя добродѣтели, дѣвы эти, по духовному своему неразумію полагали, что въ этомъ то и дѣло лишь христіанское, а до того получена ли была ими благодать Духа Божія, достойны ли онѣ ея, имъ и дѣла не было»²⁸⁾. Такъ со властію противопоставляется морализму духовность. «Духъ подается, но и взыскуется. Требуется подвигъ стяжанія. И подаваемая благодать открывается въ нѣкоемъ неизреченномъ свѣтѣ. Бесѣда съ Мотовиловымъ преп. Серафима внутренне принадлежитъ византійской традиціи и въ немъ она становится вполне живой»²⁹⁾. Въ своемъ изслѣдованіи «Духовные предки Св. Григорія Паламы» Проф. Арх. Кипріанъ тоже говоритъ о непрерывной преемственности православной мистики: «Путь православной мистики и цѣль ея — стяжаніе Св. Духа, а не подражаніе страдающему Христу и не жертвенное само-

²⁸⁾ Толкованіе притчи о десяти дѣвахъ взято преп. Серафимомъ у преп. Макарія Египетскаго, который двукратно разбираетъ эту притчу и подъ елеемъ подразумѣваетъ благодать Св. Духа. Макарій Египетскій. Троицкая Лавра. 1904 стр. 25 и 405.

²⁹⁾ Прот. о. Флоровскій. «Пути Русскаго Богословія». Парижъ 1937. Стр. 391.

истязаніе. Въ этомъ совершается для него личная встрѣча съ Параклитомъ, и заключается имъ его личный завѣтъ со Св. Духомъ, почему ему и чуждо ожиданіе Третьяго Завѣта и Третьяго Откровенія всему человѣчеству. Это откровеніе совершается на его личномъ пути, личнымъ стяжаніемъ благодати. Эта традиція нашей мистики идетъ отъ древнѣйшихъ духовидцевъ Востока, эта линія тянется отъ псевдо-Діонисія черезъ Максима Исповѣдника, Симеона Новаго Богослова, Григорія Паламу къ подвижникамъ и мистикамъ нашихъ дней, когда еще разъ расцвѣтаетъ въ лицѣ Пр. Серафима Саровскаго и опытно раскрываетъ въ его бесѣдѣ съ Мотовиловымъ то что было драгоцѣннымъ сокровищемъ въ мистической ризницѣ Востока: видѣніе обоженной полноты человѣческаго существа»³⁰).

³⁰) Арх. Кипріанъ: «Духовные предки Св. Григорія Паламы». Вѣст. Мысль. Парижъ. 1942. Стр. 130.

Г л а в а III.

Исторія Оптиной Пустыни.

Архимандритъ Моисей

Оптина Пустынь —
ея значеніе въ духовной и культурной жизни Россіи.

ВВЕДЕНИЕ.

Оптина Пустынь находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Козельска Калужской губерніи. Она расположена на берегу быстрой рѣчки Жиздры, отрѣзающей ее отъ остального міра, и окружена дѣвственнымъ боромъ. Оптиный монастырь представляетъ собой величественный бѣлый кремль съ 4-мя храмами, крѣпостными стѣнами и башнями.

Высокая духовная жизнь Оптиной гармонируетъ съ ея внѣшней красотой. Гоголь послѣ посѣщенія Оптиной описываетъ ея исключительную духовность и благотворное ея вліяніе на все съ ней соприкасающееся.

Изъ Долбина отъ И. В. Кирѣевского Гоголь съ М. А. Максимовичемъ съѣздили въ сосѣдную обитель Оптину. За двѣ версты, Гоголь со своимъ спутникомъ вышли изъ экипажа и пошли пѣшкомъ до самой обители. На дорогѣ встрѣтили они дѣвочку съ миской земляники и хотѣли купить у нея землянику, но дѣвочка, видя, что они люди дорожные, не захотѣли взять отъ нихъ денегъ и отдала имъ свои ягоды даромъ, отговариваясь тѣмъ, что «какъ можно брать съ дорожныхъ, т. е. странствующихъ людей?» — «Пустынь эта распространяетъ благочестіе въ народѣ» — замѣтилъ Гоголь, удивленный этимъ трогательнымъ проявленіемъ ребенка,

«и я не разъ», — продолжалъ онъ — «замѣчалъ подобное вліяніе такихъ обителѣй.»

О посѣщеніи своемъ Оптиной Пустыни (въ іюнѣ 1850 г.) вотъ что писалъ Гоголь графу А. П. Толстому: «Я заѣхалъ по дорогѣ въ Оптиную Пустынь и навсегда унесъ о ней воспоминаніе. Я думаю на самой Аѳонской горѣ не лучше. Благодать видимо тамъ присутствуетъ. Это слышится и въ самомъ наружномъ служеніи... Нигдѣ я не видалъ такихъ монаховъ. Съ каждымъ изъ нихъ, мнѣ казалось, бесѣдуетъ все небесное. Я не спрашивалъ, кто изъ нихъ какъ живетъ: ихъ лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили свѣтлой ласковостью ангеловъ, лучезарной простотой обхожденія; самые работники въ монастырѣ, самые крестьяне и жители окрестностей. За нѣсколько верстъ, подъѣзжая къ обители, уже слышимъ ея благоуханье: все становится привѣтливѣе, поклоны ниже и участія къ человеку больше. Вы постарайтесь побывать въ этой обители; не позабудьте также заглянуть въ Маломъ Ярославцѣ къ тамошнему игумену, который родной братъ Оптиному игумену и славится также своею жизнію; третій же ихъ братъ игуменомъ Саровской обители и тоже, говорятъ, очень достойный настоятель» («Жизнь и труды М. Н. Погодина», Николая Барсукова, XI книга, стр. 145-46).

Теперь хочу перейти отъ историческихъ воспоминаній къ своимъ личнымъ и изобразить читателю ту картину, которая однажды раскрылась передо мной на пути при приближеніи къ монастырю: каждый разъ, когда я подъѣзжалъ къ Оптиной Пустыни уже издали она производила на меня своимъ видомъ неотразимое впечатлѣніе, но былъ такой случай, когда я увидѣлъ нѣчто необыкновенное и незабываемое: я ѣхалъ съ вокзала къ монастырю и вдругъ за поворотомъ увидѣлъ я какъ бы въ воздухѣ бѣлый городъ-кремль: бѣлыя крѣпостныя стѣны съ башнями, бѣлые храмы, надъ которыми господствовала, уходя далеко ввысь бѣлая колокольня. И все это высилось на фонѣ зубчатой стѣны многовѣкового дѣвственнаго бора.

Бѣлое облако-туманъ растилалось у подножія стѣнъ монастыря, символически отдѣляя его отъ земли и унс-

ся въ «горняя». А другое бѣлое облако далеко на горизонтѣ вздымалось надъ монастыремъ и въ немъ, — этомъ облакѣ, непрестанно сверкали беззвучныя зарницы, прообразъ того небеснаго, нетварнаго свѣта ѡаворскаго, носительницей котораго была Оптиная Пустынь.

То было внѣшнее впечатлѣніе. А когда я поселился внутри стѣнъ и сталъ оптинскимъ богомольцемъ, мои внутреннія ощущенія превзошли всѣ мои ожиданія, несмотря на то, что я былъ достаточно подготовленъ къ этому и уже зналъ многое изъ книгъ и слыхалъ рассказы о старцахъ отъ очевидцевъ!

Передать это впечатлѣніе тому, кто не испыталъ его лично, невозможно!

Вотъ раннее лѣтнее утро! Вы идете въ церковь. Прохлада. Кругомъ чудный шумъ вѣковѣчныхъ сосенъ. Ихъ аромат разливается повсюду. А передъ вами на фонѣ дѣвственнаго бора красуется величественный бѣлый кремль: это Оптина съ ея крѣпостными стѣнами, башнями, церквями.

И въ то же время вы испытываете реальное ощущеніе присутствія Божія, а отсюда страхъ за каждую мысль, дѣйствіе, чувство и одновременно ощущаете непостижимый миръ на душѣ и радость, которая такъ дивно гармонируетъ съ внѣшней обстановкой.

ЗНАЧЕНІЕ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Значеніе Оптиной Пустыни очень велико въ духовной жизни Россіи. Она является лучшимъ представителемъ того духовнаго возрожденія, возникшаго въ концѣ 18-го вѣка въ Россіи.

Расположенная у опушки дѣвственнаго сосноваго бора, отрѣзанная отъ міра рѣкой Жиздрой, она была превосходнымъ мѣстомъ для отшельнической созерцательной жизни. Это былъ чудный духовный оазисъ, гдѣ повторялись благодатные дары первыхъ вѣковъ монашества. Они — эти дары, получили полное выраженіе въ особомъ служеніи — старчества. Дѣйствительно, оптинскіе старцы отличались высшимъ изъ всѣхъ даровъ — даромъ разсудительности, а также прозорливостью, даромъ исцѣленій и чудотвореній. Это служеніе проро-

ческое — какъ въ апостольскія времена это творили пророки, такъ и теперь старцы утѣшали страждущихъ, возвѣщали по волѣ Божіей будущее ¹⁾).

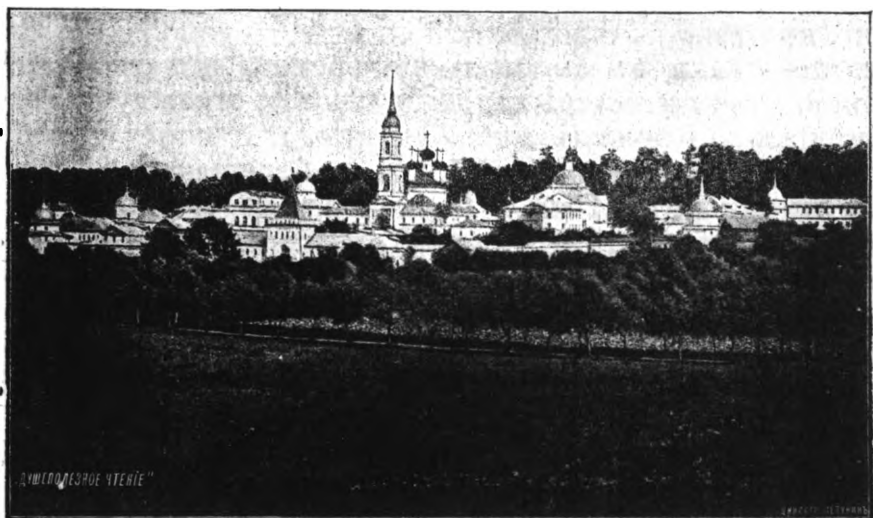
Старчество въ Оптиной Пустыни беретъ начало отъ схи-архимандрита Паисія Величковскаго молдавскаго старца, возродителя «Духовнаго дѣланія» въ монашествѣ, выходца изъ Полтавской губерніи. Изъ Рославльскихъ лѣсовъ въ Оптину переселились его послѣдователи во главѣ съ іеросхимонахомъ Львомъ. Старецъ Левъ, могучій и властный, открываетъ рядъ старцевъ. Его ученикъ и сотаинникъ о. Макарій возглавляетъ группу ученыхъ и литераторовъ — монаховъ и мірскихъ лицъ, которые обрабатываютъ и перекладываютъ на литературный языкъ переводы, сдѣланные старцемъ о. Паисіемъ съ греческаго языка писаній величайшихъ аскетовъ древности какъ Исаакъ Сиринъ, Макарій Великій, Іоаннъ Лѣствичникъ. Подъ вліяніемъ о. Макарія русскій философъ И. В. Кирѣевскій закладываетъ основаніе философіи «Цѣльности духа», которая должна была лечь въ основу русской самобытной культуры.

При старцѣ о. Амвросіи, — ученикѣ о. Льва и о. Макарія, Оптина достигаетъ расцвѣта. Слава о Старцѣ гремитъ по всей Россіи. Къ нему устремляются со всѣхъ концовъ ея. Необычайно сострадательный и благодатно одаренный, онъ умѣетъ скрыть свою прозорливость и благодатную помощь подъ покровомъ шутокъ. Онъ всегда говоритъ краткими афоризмами стихотворной формы.

Во время расцвѣта Россіи и Оптиной Пустыни, тысячи и тысячи людей находили у него поддержку и наставленіе. Слѣдующіе старцы: о. Анатолій (Зерцаловъ), ученикъ старца Амвросія — Іосифъ, старецъ Варсонофій, — въ міру полковникъ генеральнаго штаба, по благодатной одаренности подобны своимъ учителямъ. Послѣдніе старцы: Феодосій-мудрецъ, Анатолій-утѣшитель (Потаповъ) и дивный Нектарій продолжаютъ ту же традицію.

Послѣдній изъ нихъ — старецъ Нектарій во дни огненнаго испытанія Родины утоляетъ духовную жажду вѣрующихъ, самъ находясь въ изгнаніи.

¹⁾ Смотри въ началѣ опредѣленіе понятія старчества.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

Когда возникла Оптиная — точно неизвѣстно. По преданію ее основалъ въ древнія времена покаявшійся разбойникъ Опта.

Во время гоненій на монастыри она была закрыта. Возстановлена вновь Оптиная въ 1821 г. Но расцвѣтъ ея начинается съ введеніемъ старчества.

Въ 1829 году тамъ поселился Старецъ Леонидъ (1768—1841). Онъ въ схимѣ носилъ имя Льва и былъ учредителемъ старчества. Сильный и властный, онъ царственно открываетъ собою рядъ великихъ старцевъ. Къ нему въ 1834 г. присоединяется старецъ Макарій, знаменитый своей издательской и переводческой дѣятельностью. Подъ его руководствомъ переводятся на рускій языкъ и издаются святоотеческія творенія. Но зенита своей славы Оптиная достигла при Старцѣ Амвросіи, ученикѣ старцевъ Льва и Макарія.

Отъ древнѣйшихъ временъ мѣстность, гдѣ расположены городъ Козельскъ и Оптиная Пустынь была уже обитаема. Такъ, археологическія раскопки 1899 года обнаружили здѣсь предметы каменнаго вѣка. Въ историческія времена ее населяли племена вятичей, просвѣщенные св. Кукшей (пострадавшимъ въ Мценскѣ въ 1213 году).

Городъ Козельскъ впервые упоминается въ лѣтописи подъ 1146 годомъ. Въ 1238 г. онъ былъ взятъ та-

тарами. Городъ мужественно сопротивлялся въ теченіе 7-ми недѣль. Всѣ жители были перебиты. По преданію 2-лѣтній князь Василій утонулъ въ крови. Тары прозвали Козельскъ «злымъ городомъ».

Въ началѣ 15-го вѣка Козельскъ перешелъ въ руки Литвы, и въ теченіе полувѣка переходилъ изъ рукъ въ руки, пока окончательно не утвердился за Москвой.

Время основанія Оптиной неизвѣстно. Есть предположеніе, что она была основана монахолюбивымъ княземъ Владиміромъ Храбрымъ, или ближайшими его наслѣдниками. Но вѣроятнѣе всего, что основателями ея стали неизвѣстные отшельники, избравшіе для своихъ подвиговъ глухое мѣсто въ лѣсу, вдали отъ всякаго жилья, у пограничной засѣки съ Польшей, мѣсто неудобное для хлѣбопашества, никому не нужное и никому не принадлежащее. Такимъ образомъ, Оптина принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ монастырей. Извѣстно, что въ 1625 году ея игуменомъ былъ Сергій. Въ 1630 г. тамъ была деревянная церковь, шесть келлій и 12 человекъ братій и управлялъ ею іеромонахъ Ѳеодоръ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ Оптиной мельницу и землю въ Козельскѣ подъ огороды. Въ 1689 году братья Шепелевы (мѣстные бояре) построили Введенскій соборъ. Вскорѣ наступило время реформъ Петра 1-го. Въ 1704 г. отобрали въ казну мельницу, перевозъ черезъ Жиздру и рыбныя ловли, а въ 1724 г. обѣднѣвшая обитель указомъ Синода и совсѣмъ была упразднена, какъ «малобратный монастырь». Но уже въ 1726 г. по ходатайству стольника Андрея Шепелева она была восстановлена. При закрытіи совершенно разоренная, она теперь медленно возстанавливалась. Указомъ 1727 года ей была возвращена мельница.

Но ея полное восстановленіе началось лишь съ 1795 года, когда на нее обратилъ вниманіе московскій митрополитъ Платонъ и назначилъ туда строителемъ іеромонаха Іосифа, а черезъ годъ былъ назначенъ вмѣсто него строителемъ о. Авраамій. Произошло это такъ: м. Платонъ рѣшилъ устроить въ Оптиной общежительный монастырь на подобіе Пѣсношскаго монастыря и просилъ его настоятеля о. Макарія выбрать изъ своей

братіи для этой цѣли способнаго человека. О. Макарій отвѣтилъ: «Да у меня нѣтъ такихъ, владыко, — а вотъ развѣ дать тебѣ огородника Авраамія?» Авраамій былъ представленъ митрополиту. Болѣзненный и смиренный, онъ пробовалъ отказаться, но старцы Самуиль Голутвенскій и Іоаннъ Пѣсношскій сказали, что это зовъ Божій и о. Авраамій отправился въ Оптину.

Обитель нашель въ крайнемъ запустѣніи: «не было полотенца руки обтереть служащему». Братій было 3 престарѣлыхъ монаха. Въ скорби своей о. строитель отправился къ своему старцу въ Пѣсношь. О. Макарій повезъ его съ собой по окрестнымъ помѣщикамъ-благотворителямъ и о. Авраамій привезъ въ Оптину 2 воза разныхъ вещей. Кромѣ того съ благословенія о. Макарія, изъ его монастыря въ Оптину перешло 12 братій. Число монашествующихъ стало быстро возрастать. Отецъ Макарій все время ободрялъ и руководилъ о. Аврааміемъ. Вскорѣ о. Авраамій привелъ въ порядокъ хозяйство, огородилъ обитель, закончилъ судебныя дѣла въ пользу обители. Построилъ колокольню, Казанскую Больничную Церковь, братскія кельи, развелъ садъ. Въ 1812 году онъ, въ ожиданіи непріятеля, скрылъ церковное имущество въ землѣ подъ церковью и пріискалъ для братіи въ дремучемъ лѣсу недоступный оврагъ съ пещерой. Но врагъ не дошелъ до Оптиной. Скончался о. Авраамій въ 1817 году. Послѣ него настоятелемъ былъ Маркеллъ, а затѣмъ Даніиль.

Но расцвѣтомъ своимъ и славой Оптина Пустынь обязана слѣдующему своему настоятелю Архимандриту Моисею. При немъ перестроены были и увеличены храмы, построены и новые. Старые братскіе корпуса надстроены, прибавлено семь новыхъ корпусовъ, каменная ограда съ семью башнями, новый большой корпусъ для братской трапезы, бібліотека, гостиницы (8 корпусовъ съ тремя флигелями), два конныхъ двора, скотный дворъ, заводы черепичный и кирпичный, мельница близъ монастыря выстроена вновь, братское кладбище, весь скитъ съ его церковью, келліями и службами: все это возникло при о. Моисеѣ. Кромѣ того разведены огромные огороды, фруктовые сады и земельныя владѣнія Оптиной увеличены вдвое, причемъ лѣсъ

занималъ 188 десятинъ. Притокъ средствъ шелъ со стороны богомольцевъ, которыхъ привлекала Оятинъ Пустынь съ ея особымъ духомъ, напоминающимъ времена древняго подвижничества.

АРХИМАНДРИТЪ МОИСЕЙ.

Отецъ Архимандритъ Моисей родился 15 января 1782 г. въ благочестивой семьѣ Путиловыхъ въ гор. Бо-

рисоглѣбскѣ. Онъ и его два брата приняли монашество и были настоятелями обителей. На могильномъ памятникѣ ихъ отца начертаны имена его строителей: «Путиловы дѣти: Моисей, Игуменъ Оптиной Пустыни; Исаія, Игуменъ Саровской Пустыни; Антоній, Игуменъ Малоярославецкаго Николаевского Монастыря». Всѣ три брата были великіе подвижники христіанскаго духа²⁾.

Значеніе о. Моисея не только въ томъ, что онъ создалъ внѣшній расцвѣтъ Оптиной Пустыни, но и возможность ея духовнаго расцвѣта создавалась благодаря его сотрудничеству со старцами Львомъ и Макаріемъ. Самъ онъ съ молодыхъ лѣтъ понялъ сущность и глубину духовной жизни. Съ нимъ бесѣдуетъ въ Москвѣ прозорливая старица Досіѳея и направляетъ его въ Саровскую обитель, гдѣ онъ принимаетъ духовныя наставленія отъ самого преп. Серафима. Далѣе о. Моисей подвизался среди пустынниковъ въ Рославльскихъ лѣсахъ на подобіе древнихъ египетскихъ отцовъ, проводя 6 дней въ одиночествѣ, въ вычитываніи ежедневнаго круга богослуженій и въ умной молитвѣ и сходясь въ Воскресный день съ другими старцами для совмѣстной молитвы. На Пасху, Рождество и др. великіе праздники приходилъ священникъ и пріобщалъ всѣхъ запасными дарами. Въ 1812 году нашествіе французовъ прерываетъ пустынножительство о. Моисея, который поступаетъ въ Бѣлобережскую пустынь и здѣсь встрѣчаетъ трехъ выдающихся подвижниковъ: о. Θεодора, Клеопу (учениковъ Паисія Величковскаго) и ихъ сподвижника о. Леонида, незадолго передъ этимъ бывшимъ строителемъ этой обители. Это три великихъ имени въ

²⁾ Въ г. Мологѣ, Ярославской губерніи, на городскомъ кладбищѣ, близъ алтаря церкви во имя «Всѣхъ Святыхъ» стоитъ скромный, оѣненый крестомъ, мраморный памятникъ, на которомъ съ одной стороны такая надпись: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло Московскаго купца Ивана Григорьевича Путилова. Житія его было 57 лѣтъ; скончался 1809 года января 2-го дня», а съ другой стороны написаны имена его дѣтей, воздвигнувшихъ памятникъ: «Путиловы дѣти: Моисей, игуменъ Оптиной Пустыни, Исаія, игуменъ Саровской Пустыни, Антоній, Игуменъ Малоярославецкаго Никольскаго Монастыря.» (Жизнеописаніе Настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пуст. Архимандрита Моисея. Москва, 1882 стр. 1).

исторіи русскаго монашества. Встрѣча съ о. Леонидомъ была промыслительна. Когда о. Моисей послѣ основанія имъ оптинскаго скита (въ 1825 г.) сдѣлался настоятелемъ всей обители (1826), въ скитъ прибылъ о. Леонидъ (1829) и положилъ начало старчеству. Благодаря тому, что о. Моисей прошелъ тотъ же духовный путь внутренняго дѣланія, что и о. Леонидъ, между обоими строгими подвижниками было глубокое взаимное пониманіе, полное единодушіе въ полномъ смыслѣ этого слова. И если епархіальное начальство не понимало сущности старчества и преслѣдовало старца Леонида (въ схимѣ Льва), то о. Моисей, бывшій и самъ на одинаковомъ духовномъ уровнѣ со старцемъ Львомъ, понималъ великое значеніе старчества и между Старцемъ и Настоятелемъ никогда не бывало малѣйшаго тренія. Такимъ образомъ старчество, процвѣтавшее въ Оптиной, обязано всецѣло своимъ существованіемъ отцу Моисею.

Самъ строгій постникъ и подвижникъ, о. Моисей преисполненъ былъ самой нѣжной любовью къ людямъ и былъ сострадателенъ къ ихъ погрѣшностямъ. Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ: въ обители работалъ печникъ, плутовавшій и неисправно работавшій. О. Архимандритъ рѣшилъ его расчитать, но печникъ просилъ прощенья и обѣщалъ исправиться. О. Архимандритъ простилъ его и снова нанялъ. Экономъ, узнавъ объ этомъ, говоритъ о. Моисею: «Батюшка! Вы опять того печника наняли, вѣдь онъ плутъ, какъ и Вамъ хорошо извѣстно.» — «Да, вѣдь онъ бѣдный человѣкъ, я видѣлъ, что на немъ и рубашки-то нѣтъ, а только кафтанъ, надобно ему помочь, притомъ онъ обѣщалъ исправиться». «Батюшка, когда же онъ исправится? Онъ извѣстный негодяй!» «Какъ! человѣкъ хочетъ исправиться, а ты говоришь, что онъ негодяй. Самъ ты негодяй! Ступай!» Такъ экономъ и ушелъ.

Неподражаемо было искусство о. Архимандрита говорить съ каждымъ въ его тонѣ; съ образованными на ихъ языкѣ, а съ средними сообразно съ ихъ понятіями и ихъ образомъ рѣчи. Онъ хорошо понималъ потребность cadaго.

Съ удивительнымъ искусствомъ старался онъ всегда избѣгать среди бесѣдъ разговора о людяхъ въ смыслѣ ихъ осужденія. «Да, кто же можетъ это одобрить» — скажетъ онъ мягко.

«Слово его было сладко, встрѣча радовала, присутствіе его было драгоцѣнно, такъ всегда было обдуманно и нѣжно. Эта прекрасная душа ни передъ кѣмъ не оставалась въ долгу» (Игуменъ Антоній Бочковъ).

Состраданье къ бѣднымъ о. Моисея не имѣло предѣла. Разорившійся торговецъ привезъ продавать негодную сбрую. О. Моисей ее купилъ и на упрекъ эконома: «все гнилье, на что вы это купили?» — отвѣтилъ: «Экой ты, братъ, какой, вѣдь продавалъ то человѣкъ бѣдный и у него пятеро дѣтей, все равно надобно ему и такъ помочь». Такихъ случаевъ множество. Не отказывая бѣднымъ въ помощи, питая множество странниковъ и въ трапезѣ и на гостиницѣ и все бесплатно, когда монастырь самъ нуждался въ средствахъ, о. Архимандритъ нерѣдко предпринималъ и новыя постройки съ цѣлю прокормить бѣдныхъ людей изъ окрестныхъ жителей. Онъ построилъ огромную ограду вкругъ монастыря. «Ничего нѣтъ, хлѣба даже у братій нѣтъ, а онъ такую огромную постройку ведетъ. И повелъ, и повелъ, да такъ безъ перерыва и довелъ ее до конца, а ограда то какая, нѣсколько домовъ каменныхъ можно изъ нея выстроить».

Однажды былъ пожаръ, сдѣлавшій убытокъ на 2 тысячи. Вынесли на пожаръ чудотворную икону Казанской Божіей Матери. Стали съ ней противъ вѣтра, и послѣдній измѣнилъ свое направленіе, обратился въ лѣсъ и пожаръ былъ потушенъ. О. Моисей послѣ выразился о пожарѣ такъ: «да, ужъ нельзя не подумать, что это плоды моихъ грѣховъ. Бѣды ходятъ по людямъ, а не по лѣсу. Пріятенъ Богу человѣкъ въ пещи смиренія. И такъ благо мнѣ, что смирилъ меня Господь.» Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: «Гдѣ не присутствуетъ свѣтъ, тамъ все мрачно и гдѣ нѣтъ смиренномудрія, тамъ все нечисто и суетно».

Всю жизнь о. Архимандрита можно выразить такими словами: онъ жилъ сокровенно въ Богѣ. Среди непрестанныхъ заботъ и попеченій внѣшнихъ, въ немъ

былъ «потаенный сердца человекъ въ неистлѣннѣи кроткаго и молчаливаго духа» (1 Петр. 3, 4)³.

Одна игуменія, окруженная сестрами встрѣтила о. Моисея на дорогѣ. Всѣ онѣ ему поклонились, прося благословенія, но онѣ, всегда привѣтливый, шелъ не замѣчая никого. Игуменья громко назвала его имя, онѣ очнулся, удивился, что около него цѣлая толпа людей, сталъ извиняться. Но выраженіе лица его, орошенное слезами свидѣтельствовало въ какомъ состояніи его застигли. Онѣ настолько углубился въ молитву, что не замѣтилъ монахинь.

«Самъ то я хуже всѣхъ», часто повторялъ о. Архимандритъ; «другіе можетъ быть только думаютъ, что они хуже всѣхъ, а я на самомъ дѣлѣ дознался, что я хуже всѣхъ». Сбывались на немъ слова Пр. Аввы Дорофея: «Какъ деревья, когда на нихъ бываетъ много плодовъ, то самые плоды преклоняютъ вѣтви къ низу и нагибаютъ ихъ, такъ и душа, когда смиряется, тогда приноситъ плоды и чѣмъ болѣе приноситъ плода, тѣмъ болѣе смиряется, ибо и святые, чѣмъ болѣе приближаются къ Богу, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными». На вопросъ одного іеромонаха о келейномъ правилѣ о. Моисей сказалъ: «да, я прежде различныя правила исполнялъ, а теперь мнѣ осталось одно только правило — мытаревъ: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному» (Лк. 18, 13).

Такъ смиренно выражался о себѣ Старецъ, но близко знавшимъ и понимавшимъ его жизнь было очевидно въ немъ не только «дѣяніе», но въ «видѣніи восходѣ», т. е. созерцательная молитва и богатство дарованій.

³) Послѣ кончины о. Моисея были найдены отрывки его дневника, написаннаго въ его молодости въ бытность его отшельничества въ Рославльскихъ лѣсахъ: «Декабря 15-го. Во время трапезы блеснуло въ умѣ разумнѣе относительно до сожительства съ мною братьевъ, чтобы ихъ погрѣшности, видимыя мною и исповѣдуемыя ими, принимать на себя и каяться какъ за собственные свои, дабы не судить ихъ строго и гнѣвомъ отнюдь не воспламеняться. Равномѣрно и имъ мои погрѣшности должно принимать на себя, съ исповѣданіемъ передъ Богомъ. И такъ да дастъ Господь разумъ и силы другъ друга тяготы носить и тѣмъ соблюдать законъ Христовъ, любовь и миръ. Ошибки, проступки и грѣхи братьевъ да будутъ мои.» («Жизнеоп. Наст. Опт. Пуст. Архим. Моисея», Москва 1882, стр. 33).

О. Архимандритъ Моисей успѣлъ благополучно скрыть себя отъ людей, почему при жизни его многіе, не знавшіе его близко считали его, хотя и хорошимъ, но обыкновеннымъ человѣкомъ: только духовные мужи, «востязующіе вся», по слову Апостола (1 Кор. 2, 15); ощущали благоуханіе добродѣтелей о. Моисея и считали его высоко-духовнымъ Старцемъ, не напрасно проведеншемъ жизнь свою въ трудахъ и подвигахъ. На немъ исполнились слова Св. Епископа Нифонта: «въ послѣднее время тѣ, которые по истинѣ будутъ служить Богу, благополучно скроютъ себя отъ людей и не будутъ совершать среди нихъ знаменій и чудесъ, какъ въ настоящее время, но пойдутъ путемъ дѣланія, раствореннаго смиреніемъ, и въ Царствіи Небесномъ окажутся больше Отцевъ, прославившихся знаменіями» (Варсануфій Великій, Москва 1855 г., стр. 654).

Письмо отца архимандрита Моисея Оптинскаго къ сестрѣ своей м. Максимиллѣ.

Отецъ архимандритъ Моисей писалъ письмо къ двоюродной сестрѣ своей Максимиллѣ, монахинѣ Московскаго Вознесенскаго монастыря.

«Пречестнѣйшая въ монахиняхъ, любезнѣйшая сестрица, Максимилла Ивановна. Возмогай о Господѣ.

«Къ удовольствію моему, ваше пріятное для меня писаніе получилъ исправно. Усерднѣйше за все благодарю. Не оставляйте впредь писывать ко мнѣ и не затрудняйтесь въ томъ: пишите ко мнѣ просто, что только чувствуете и такимъ образомъ, какъ говорите. Не нужно мнѣ изъясненій о расположеніи вашемъ и любви ко мнѣ: я объ этомъ и безъ того давно знаю. Мнѣ пишите больше всего о себѣ, въ какихъ вы немощахъ и злостраданіяхъ бываете по духу, чтобы и я могъ съ своей стороны оказать вамъ участіе, единственно, ради пользы душевной вашей, а не въ тщетное ласканіе.

«Намъ съ вами, немощнымъ, о крѣпкихъ подвигахъ и высокотворныхъ добродѣтеляхъ, видно, нечего разговаривать, развѣ только-что о немощахъ и злострадательной жизни. Нынѣшнимъ письмомъ вашимъ я доволенъ: оно самое тѣ, какимъ и всегда быть должно. Вы пишите съ искреннею прямою и довѣренностію

ко мнѣ о вашемъ немощствованіи. Сіе изъявленіе ваше пріятно для меня, потому что и Апостолъ Павелъ предъ цѣлымъ свѣтомъ изъяснился за себя, что онъ ежели силенъ, то благодатію Христовою, о себѣ же немощенъ. «Сладцѣ», говоритъ, «похваляю паче въ немощѣхъ моихъ и, окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея, яко не живетъ въ тѣлѣ моемъ доброе.»

Послушайте, сестрица. Не смущайте своей души о томъ, что вы немощны и исправленія не имѣете. Конечно, вы большихъ исправленій, можетъ статья, и не имѣете, однако уповаю, имѣете малыя, которыхъ вы не видите, а ихъ можетъ набраться довольно. Они, повидимому не велики, будто ничего не значать, однако, могутъ быть ко спасенію не только не малы, но и довольны. Я вамъ, хотъ отчасти перечту тѣ самыя, которыхъ вы не чужды, но они точно бываютъ въ васъ при слушающихъ:

Если кому когда милованіе какое-нибудь сдѣлаете — за что помилованы будете.

Если постраждете со страждущимъ (невелико, кажется, сіе) — съ мученики счисляетесь.

Если простите обидящаго, и за сіе не только всѣ грѣхи ваши простятся, но дщерью Отца Небеснаго бываешь.

Если помолишься отъ сердца о спасеніи — хотя и мало — и спасешься.

Если укоришь себя, обвинишь и осудишь себя предъ Богомъ за грѣхи, совѣстію чувствуемые, и за то оправдана будешь.

Если исповѣдуешь грѣхи свои предъ Богомъ — и за сіе вамъ прощеніе и мзда.

Если попечалуешь о грѣхахъ, или умилишься, или прослезись или воздохнешь, — и воздыханіе твое не утаится отъ Него: «не таится бо отъ Него», глаголетъ св. Симеонъ, «капля слезная, ниже капли часть нѣкая». А св. Златоустъ глаголетъ: «аще посѣтуеши точію о грѣсѣхъ — и то приметъ Онъ въ вину твоего спасенія».

Видите ли сколько дѣлъ вы исправили, о которыхъ и не знаете. Да тѣмъ и лучше для васъ, чтобы вы сладцѣ похвалялись въ немощахъ своихъ, а не исправленія-

ми своими любовались: пусть цѣнить ихъ праведный
Мздовоздаятель, а мы только на грѣхи свои смотрѣть
будемъ и о нихъ каяться во всѣ дни, и о прощеніи ихъ
пещися.»

Глава IV.

Основаніе Скита Оптиной Пустыни.

Игуменъ Антоній.

Основаніе скита Оптиной Пустыни. 1821 г.

Сердцемъ Оптиной Пустыни — мѣстомъ, гдѣ бился пульсъ ея жизни, откуда исходила та благодатная сила, которая освящала жизнь насельниковъ монастыря — былъ знаменитый оптинскій скитъ — мѣстопробываніе святыхъ оптинскихъ старцевъ. Скитъ создалъ историческую славу Оптиной Пустыни.

Основаніе скита произошло слѣдующимъ образомъ: о. Моисей, въ то время пустынножитель Рославльскихъ лѣсовъ, ѣздилъ по дѣлу въ Москву и оттуда на обратномъ пути заѣхалъ въ Оптину Пустынь. Настоятель — о. Даніилъ, зная желаніе преосвященнаго Филарета, тогда епископа Калужскаго, основать вблизи Оптиной Пустыни лѣсной скитъ, представилъ ему о. Моисея, который въ это время былъ далекъ отъ мысли разстаться съ пустынною жизнью въ Рославльскихъ лѣсахъ. Владыка и о. Даніилъ усердно его убѣждали о преимуществѣ жизни вблизи монастыря и онъ уѣхалъ, увезя съ собой письмо Вл. Филарета къ рославльскихъ пустынножителямъ, приглашавшее ихъ перебраться въ Калужскую епархію подъ его воскрыліе. Прибывъ на мѣсто, о. Моисей разсказалъ своимъ сопостникамъ свои впечатлѣнія. Отшельники, выслушавъ его, одобрили планъ переселенія, тѣмъ болѣе, что въ этотъ моментъ имъ угрожали непріятности отъ земской власти. Съ о. Моисеемъ отбыли въ Оптину Пустынь его братъ о. Антоній и два монаха: Иларіонъ и Савватій. О. Аѳанасій, ученикъ о. Паисія Величковскаго и о. До-

сиеей должны были прибыть въ скитъ послѣ его устроства. О. Досиеей прибылъ только въ 1827-мъ году и вскорѣ скончался, а о. Аѳанасій кончилъ свои дни въ Свѣнскомъ монастырѣ въ 1844 году. Другіе отшельники продолжали оставаться въ Рославльскихъ лѣсахъ.

По прибытіи въ Оптину Пустынь, въ 1821 г. о. Моисею съ братіей предстоялъ огромный трудъ: надо было расчистить отъ вѣковыхъ сосенъ огромную площадь для постройки скита. Оба брата — о. Моисей и Антоній, вмѣстѣ съ наемными рабочими валили сосны и корчевали пни. Скитъ былъ расположенъ въ 170 саженьяхъ отъ Обители. Планъ скита былъ одобренъ Вл. Филаретомъ, который начерталъ: «1821 г., Іюня 17-го. Строить скитъ да благословить Богъ благодатію Своею, да поможетъ совершить».

Благочестивые мѣстные граждане помогли деньгами. Сначала поставили домъ, въ которомъ поселились начальные насельники. 26 октября о. Моисей писалъ родственнику, что они 3 мѣсяца трудились около строенія келлій и св. храма. «Благодарю Бога, что Онъ насъ привелъ сюда», закончилъ этими словами свое письмо о. Моисей. Въ другомъ письмѣ, написанномъ вскорѣ послѣ этого, о. Моисей извѣщаетъ одного іеромонаха, что «выстроены уже 3 келліи и храмъ во имя св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня». Но средства оскудѣвали и о. Моисей поѣхалъ за сборами въ Москву. Онъ вернулся съ переполненнымъ возкомъ поклажею, которая состояла изъ церковной утвари. 5-го февраля 1822-го г. состоялось освященіе храма.

Епископъ Филаретъ предложилъ о. Моисею принять санъ священника. О. Моисей на отрѣзъ отказался. Но Владыка ему пригрозилъ, что въ случаѣ отказа, онъ будетъ съ нимъ судиться на Страшномъ Судѣ и о. Моисею пришлось уступить. Послѣ сего, о. Моисей былъ назначенъ духовникомъ скитской братіи. Постепенно возникали по сторонамъ храма отдѣльные домики братскихъ келлій. Были посажены плодовые деревья, кедровые орѣхи, которые превратились въ стройные деревья и дали плоды черезъ 25 лѣтъ. Также было посажено множество ягодныхъ кустарниковъ. Было выкопа-

но 2 пруда. О. Моисей былъ вынужденъ сдѣлать долги и поѣхалъ вторично въ Москву за сборомъ для погашенія ихъ, но былъ вскорѣ вызванъ назадъ, т. к. Владыка Филаретъ, принимая Кіевскую епархію и покидая Калужскую, назначилъ его настоятелемъ Оптинскаго монастыря и онъ долженъ былъ къ нему явиться для принятія прощальнаго благословенія. Это знаменательное событіе совершилось въ 1825-мъ году.

Послѣ о. Моисея скитона начальникомъ сталъ его младшій братъ о. Антоній.

Новый начальникъ скита о. Антоній, родился въ 1795 г. Съ юныхъ лѣтъ подобно братьямъ, стремился къ монашеству. При нашествіи французовъ въ 1812 г. онъ оказался въ Москвѣ и жестоко пострадалъ отъ нихъ. Еле спасся. Послѣ многихъ мытарствъ онъ присоединился къ о. Моисею жившему пустынникомъ въ Рославльскихъ лѣсахъ. Здѣсь онъ навѣкъ истинному подвижничеству, смиренію, послушанію. Онъ вмѣстѣ съ братомъ, какъ было уже сказано, собственными руками выстроилъ скитъ въ Оптиной Пустыни. Начальникомъ скита онъ сталъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ.

Въ Оптиной Пустыни въ скитскомъ братствѣ не было такого смиреннаго послушника, какимъ былъ молодой скитона начальникъ о. Антоній, который ни малѣйшаго распоряженія не дѣлалъ безъ благословенія своего старца и брата о. Моисея. Въ сохранившихся его помянникахъ мы читаемъ: «помяни, Господи, господина моего духовнаго отца и благодѣтеля всечестнѣйшаго игумена іеромонаха (въ другихъ игумена, схи-архимандрита) Моисея». Скитская братія состояла главнымъ образомъ изъ почтенныхъ старцевъ и какой кротостью и какимъ тактомъ надо было обладать молодому начальнику, чтобы не имѣть ни съ кѣмъ недоразумѣній. Ввиду малочисленности братства, самъ начальникъ исполнялъ многія братскія послушанія. Часто доводилось ему оставаться безъ келейника, который исполнялъ обязанности то повара, то садовника, то хлѣбопека. «Какъ самый бѣдный бобыль, писалъ о. Антоній въ 1836 г. одному родственнику, живу въ кельѣ одинъ: самъ и по воду, самъ и по дрова . . . Чиномъ священства почтенныхъ, теперь у насъ въ скиту собралось пять чело-

вѣкъ; но всѣ они престарѣлы и многонемощны, почему и тяготу служенія за всѣхъ несутъ одинъ».

Онъ жилъ «всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу» (I Кор. IX, 22). Этотъ текстъ въ прямомъ смыслѣ относится къ старческому служенію. Однако, ни о. Антоній, ни о. Моисей не брали на себя прямой обязанности душепопеченія лицъ монастырской братіи. Но будучи сами духоносными старцами, они понимали значеніе старчества и представили тѣмъ великимъ старцамъ, которыхъ они привлекли въ Оптиный скитъ, самое широкое поле дѣятельности. Такимъ образомъ насажденіе въ Оптиной Пустыни старчества было всецѣло обязано этимъ двумъ братьямъ. И не только насажденіе, но и процвѣтаніе.

Вотъ какое впечатлѣніе оставилъ по себѣ скитъ въ воспоминаніи лица, бывавшаго тамъ въ юности при скитоначальникѣ о. Антоніи:

«Величественный порядокъ и отраженіе какой-то неземной красоты во всей скитской обители, часто привлекали дѣтское мое сердце къ духовному наслажденію, о которомъ вспоминаю и теперь съ благоговѣніемъ, и считаю это время лучшимъ временемъ моей жизни. Простота и смиреніе въ братіяхъ, вездѣ строгій порядокъ и чистота, изобиліе самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и благоуханіе ихъ, и вообще какое-то чувство присутствія благодати, невольно заставляло забывать все, что внѣ обители этой. Въ церкви скитской мнѣ случалось бывать преимущественно во время обѣдни. Здѣсь уже при самомъ вступленіи, бывало, чувствуешь себя внѣ міра и превратности его. Съ какимъ умиленнымъ благоговѣніемъ совершалось священнослуженіе! И это благоговѣніе отражалось на всѣхъ предстоящихъ до такой степени, что слышался каждый шелестъ, каждое движеніе въ церкви. Клиросное пѣніе, въ которомъ часто участвовалъ самъ начальникъ скита о. Антоній, было тихое, стройное, и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное и правильное, подобно которому послѣ того и нигдѣ уже не слыхалъ, за всѣмъ тѣмъ, что мнѣ очень часто приходилось слышать самыхъ образованнѣйшихъ пѣвчихъ въ столицахъ и извѣстнѣйшихъ пѣвцовъ Европы. Въ пѣніи скитскомъ слышались кротость, смиреніе,

страхъ Божій и благоговѣніе молитвенное, между тѣмъ, какъ въ мірскомъ пѣніи часто отражается міръ и его страсти, — а это уже такъ обыкновенно! Что-жъ сказать о тѣхъ вождѣленнѣйшихъ дняхъ, когда священнодѣйствіе совершалось самимъ начальникомъ скита о. Антоніемъ? Въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ словѣ и возгласѣ видны были дѣвственность, кротость, благоговѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ святое чувство величія.

Подобнаго священнослуженія послѣ того я нигдѣ не встрѣчалъ, хотя былъ во многихъ обителяхъ и церквахъ¹⁾).

О. Антоній пробылъ начальникомъ скита 14 лѣтъ, когда епископъ Калужскій Николай, враждебно относившійся къ старчеству и причинившій много горя о. Моисею, назначилъ его родного брата о. Антонія настоятелемъ Ярославцакаго Николаевского монастыря. Въ это время о. Антоній переступилъ сорокалѣтній возрастъ и на ногахъ его открылись раны, какъ послѣдствіе его подвиговъ и трудовъ. Ему было крайне тяжело разставаться съ созданнымъ его трудами уединеннымъ Оптинскимъ скитомъ, гдѣ его окружала всеобщая любовь, со своимъ братомъ, который былъ его старцемъ. Начальствованіе въ чуждыхъ ему условіяхъ жизни, являлось для него тягчайшимъ и величайшимъ крестомъ. Однажды, пишетъ онъ, «сильно уны во мнѣ духъ мой, и воздремавши вижу въ тонкомъ снѣ ликъ отцовъ, и одинъ изъ нихъ, якобы первосвятитель, благословляя меня, сказалъ: вѣдь ты былъ въ раю, знаешь его, а теперь трудись, молись и не лѣнись! И вдругъ, проснувшись, ощущаю въ себѣ нѣкое успокоеніе. Господи! даруй мнѣ конецъ благій!»

Больной настоятель игуменъ Антоній часто могъ только лежа давать приказанія и не былъ въ состояніи слѣдить за точнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій. Онъ многократно просился отпустить его на покой, но еп. Николай былъ неумолимъ. 14 лѣтъ продолжалось его злостраданіе. Иногда онъ долженъ былъ ѣздить въ Москву за сборами пожертвованій на окончаніе мона-

¹⁾ «Жизнеописаніе настоятеля Малоярославцакаго Николаевского монастыря Игумена Антонія». Москва, 1870 г., стр. 27.

стырскихъ построекъ. Въ Москвѣ о. Антоній пользовался особымъ вниманіемъ со стороны митрополита Филарета, который понималъ духовное устройство смиреннаго подвижника-страдальца. Онъ полюбилъ его и приглашалъ его къ сослуженію съ собой, оказывалъ ему знаки

Игуменъ Антоній.

отеческой милости и утѣшалъ его бесѣдами. Наконецъ, митрополитъ вступился за него передъ епархіальнымъ архіереемъ, который, наконецъ, согласился его отпустить на покой въ Оптину Пустынь, что состоялось въ 1853. Возвратившись въ Оптину Пустынь, о. Антоній прожилъ еще 12 лѣтъ.

Въ теченіе этого времени, онъ жилъ въ Оптиной Пустыни, какъ лицо, находящееся «на покоѣ» и не вмѣшивался во внутреннія дѣла монастыря и скита и даже избѣгалъ давать совѣты. Только утѣшалъ въ скорбяхъ, приходившихъ къ нему.

Ему пришлось пережить кончину брата своего схимандрита Моисея, что было для него тяжелой потерей. Два мѣсяца провелъ онъ въ затворѣ въ непрестанной молитвѣ за усопшаго. Онъ не могъ говорить о братѣ безъ слезъ и потому отказывался сообщить свѣдѣнія, ему извѣстныя, о сокровенной, внутренней жизни покойнаго. Это осталось нераскрытымъ.

У о. игумена Антонія было много духовныхъ чадъ среди мірянъ, многіе знали его въ бытность его настоятелемъ Малоярославецкаго монастыря. Послѣ кончины удалось собрать и издать сборникъ его писемъ къ этимъ лицамъ. Выбраны были письма, содержащія общее назиданіе. «Письма эти», говоритъ его жизнеописатель, «отличались тѣми же достоинствами, какъ и устные его бесѣды, тѣмъ же естественнымъ краснорѣчіемъ и сладкорѣчіемъ, тою же назидательностью и своеобразной выразительностью и силою. Слогъ его совершенно особенный, свойственный одному о. Антонію. Въ нихъ ясно отпечатлѣлись всѣ высокія душевныя свойства любвеобильнаго старца. Читая ихъ, какъ будто слышишь самую его бесѣду». О. Антоній обладалъ даромъ прозорливости и часто, не ожидая полученія писемъ, писалъ утѣшенія и наставленія. О. Макарій — оптинскій старецъ — называлъ о. Антонія: «и по сану и по разуму старшимъ и мудрѣйшимъ себя».

Въ жизнеописаніи о. Антонія приведено не мало совершенныхъ имъ чудесъ. Приведемъ одинъ случай: одна дѣвица, не пожелавшая выйти замужъ за опредѣленнаго человѣка, подверглась вліянію чаръ отъ колдуна. Отецъ Антоній, не будучи приглашеннымъ, явился въ этотъ домъ. «Когда пришелъ часъ воли Божіей быть мнѣ у васъ», пишетъ онъ этой дѣвицѣ, «то въ началѣ цѣлую толпу бѣсовъ встрѣтилъ я, съ бранью воспрещающихъ входъ, но Господь разогналъ ихъ». О. Антоній вошелъ въ домъ совершенно блѣдный. Молитвами о. Антонія, дѣвица получила облегченіе и поступила въ монастырь, но окончательное освобожденіе отъ недуга

получила отъ преосв. митрополита Филарета Московскаго, къ молитвамъ котораго, вѣроятно, прибѣгалъ о. Антоній, ибо между этими подвижниками существовала связь и близость. Митрополитъ явился страждущей въ сонномъ видѣніи, прочелъ псаломъ 60-й и приказалъ читать его ежедневно. Съ тѣхъ поръ монахиня Р. освободилась отъ вражескихъ нападеній ²⁾).

О. Антоній непрерывно почти всю жизнь жестоко страдалъ отъ ранъ на ногахъ. День преставленія старца о. Антонія 7-го августа 1865 года. Онъ погребенъ рядомъ съ братомъ о. Моисеемъ.

²⁾ «Жизнеоп. иг. Антонія», стр. 103. Москва, 1870 г.

Глава V.

Начало Оптинского Старчества.

Иеросхимонахъ Левъ.

Начало Оптинского старчества.

Приступая къ исторіи оптинскаго старчества, мы еще разъ повторимъ: «Оптина явилась какъ бы чашей, куда сливалось все драгоцѣнное духовное вино». Или другими словами напомнимъ читателю о той предварительной связи, которая существовала между братьями Путиловыми — о. о. Моисеемъ и Антоніемъ съ тѣми старцами, которыхъ они призвали старчествовать въ построенный ими скитъ. Всѣ они были «одного поля ягода» — люди одного и того же духовнаго воспитанія и закала. И именно этимъ и объясняется то полное единодушіе и взаимное пониманіе, которое царило между ними. Какъ во всей церковной исторіи между святыми отцами не случалось идеалогическаго разномыслія, такимъ же образомъ не существовало такового и между этими святыми подвижниками. На этомъ согласіи и взаимномъ пониманіи между строителями скита и прибывшими старцами и могла установиться прочно жизнь скита. И это согласіе явилось какъ бы фундаментомъ и твердымъ цементомъ крѣпко скрѣплявшимъ духовное зданіе.

Мы знаемъ, что о. Моисей въ теченіе 14 лѣтъ проводилъ пустынножизнь въ Рославльскихъ лѣсахъ. Нашествіе французовъ въ 1812 г. заставило его перенестись въ Свѣнскую обитель, откуда онъ перешелъ въ Бѣлобережскую пустынь и здѣсь онъ встрѣтился съ бывшимъ строителемъ этой пустыни о. Леонидомъ — въ схимѣ Львомъ — и его сопостниками о. о. Клеопой и Теодоромъ. «А потомъ я перешелъ», пишетъ игуменъ

Моисей, «въ монастырь, гдѣ ходилъ за добродѣтельнымъ старцемъ схимонахомъ Аѳанасіемъ, ученикомъ Молдавскаго старца Паисія, скончавшагося въ Площанской Пустыни въ 1823 г. на рукахъ іеромонаха Макарія» (второго Оптинскаго старца).

Житіе старца Клеопы уже извѣстно читателю изъ предыдущаго, намъ остается его теперь познакомить съ краткимъ жизнеописаніемъ старца Ѳеодора, неразрывно связанное съ житіемъ старца Льва.

СХИМОНАХЪ ѲЕОДОРЪ. (1756 — 1822 г.).

Однимъ изъ родоначальниковъ старчества Оптиной Пустыни надо считать послѣ старца Паисія Величковскаго его ученика старца схимонаха Ѳеодора.

Родился онъ въ Карачевѣ Орловской губ. въ 1756 г. Лишившись рано отца, онъ былъ данъ въ обученіе мѣстному протоіерею. Ѳеодоръ обладалъ чуднымъ голосомъ, любилъ чтеніе свв. отцовъ и церковныя службы. Въ юношескомъ возрастѣ сталъ заниматься вмѣстѣ съ матерью небольшою торговлей. Но его тянуло къ монашеству. Дважды онъ уходилъ въ монастырь, но каждый разъ мать возвращала его домой. Вернувшись въ міръ, онъ не избѣжалъ и паденій. Хотя онъ и женился, но вкусивши въ юности отъ сладости духовнаго житія, онъ уже не былъ въ состояніи найти удовлетворенія въ міру и умиротворенія своей совѣсти.

Вскорѣ, оставивъ жену и младенца-дочь, онъ уходитъ на богомолье въ Кіевъ. А оттуда направляется къ старцу Паисію въ Молдавію. Истощенный долгимъ путемъ безъ денегъ и безъ теплой одежды глубокой осенью, прибылъ Ѳеодоръ въ Нямецкій монастырь, въ которомъ въ то время имѣлъ пребываніе старецъ Паисій со своей братіей. Но ему отказываютъ въ пріемѣ изъ-за недостатка мѣста и скудости монастыря. Ѳеодоръ умоляетъ разрѣшить повидать старца Паисія, дабы принять его благословеніе. Увидѣвъ Ѳеодора, о. Паисій глубоко пожалѣлъ его и принялъ въ монастырь.

Тяжкими физическими подвигами и безропотнымъ послушаніемъ суровому старцу на пчельникѣ, Ѳеодоръ искупаетъ свои паденія. Затѣмъ онъ переселился къ пу-

стынникамъ Онуфрію и Николаю, ученикамъ старца Паисія, монахамъ высокой духовной жизни. Къ Онуф-

*Молдовлаіійожиць, НЯМЕЦКАГО и прогнать Монастырени
Великій Старець, Сви монахъ и Архимандритъ
ПАИСІЙ Величковскій.*

рію благодаря его дару разсудительности, стекались монахи за наставленіемъ и руководствомъ. Θεодоръ ухаживалъ за престарѣлымъ Онуфріемъ до самой его смерти.

Вернувшись послѣ этого къ старцу Паисію, Θεодоръ помогалъ ему, переписывая книги его перепи- пѣль

на клиросѣ, и, подъ руководствомъ великаго старца, обучился «искусству всѣхъ искусствъ» — умному дѣланію, умносердечной непрестанной молитвѣ. Съ этого времени его всю жизнь преслѣдовала страшная клевета и зависть.

Ѳеодоръ присутствовалъ при кончинѣ старца Паисія въ 1794 г.

Въ 1801 г. былъ изданъ манифестъ имп. Александра I-го, разрѣшавшій вернуться всѣмъ бѣжавшимъ изъ Россіи. Старецъ Софроній, преемникъ старца Паисія, посовѣтовалъ Ѳеодору вернуться на родину. Передъ отъѣздомъ онъ постригъ его въ схиму.

По возвращеніи въ Россію, Ѳеодору, вслѣдствіи клеветъ и зависти, приходилось вести жизнь скитальческую, переходя изъ одного монастыря въ другой, много терпя отъ злобы людской.

Сначала онъ поселился въ Челнскомъ м-рѣ, оттуда перешелъ въ Бѣлобережскій м-рѣ, но и здѣсь не укрылся онъ отъ зависти, ибо, по словамъ людей духоносныхъ, «возвышался духовнымъ совершенствомъ неимѣющимъ предѣловъ духовной высоты!» Безпрестанно стекались въ его келлію братія, отягощенные бременемъ страстей и отъ него, какъ отъ искуснаго врача получали исцѣленія и руководство въ призываніи «страшнаго имени Иисусова, которымъ христіанинъ испепеляетъ сперва терніе страстей, потомъ разжигаетъ себя любовію къ Богу и вступаетъ въ океанъ видѣній». Самымъ ревностнымъ ученикомъ старца Ѳеодора былъ строитель Бѣлобережскій о. Леонидъ, будущій основатель старчества въ Оптиной.

Здѣсь старца Ѳеодора постигла болѣзнь (горячка), которая проявлялась жаромъ въ тѣлѣ и слабостью. Ѳеодоръ былъ въ памяти, и на лицѣ его обнаруживалось дѣйствіе внутренней сердечной молитвы. Съ нимъ началось состояніе изступленія и онъ выступилъ изъ самаго себя. Тогда ему явился нѣкій безвидный юноша, **ощушаемый и зримый однимъ сердечнымъ чувствомъ**, который повелъ его узкою стезею въ лѣвую сторону. Самъ о. Ѳеодоръ, какъ потомъ рассказывалъ, испытывалъ чувство, что уже умеръ, и говорилъ себѣ: я скончался. Неизвѣстно, спасусь ли, или погибну. — «Ты

спасень!» — сказалъ ему на эти помыслы незримый голосъ. И, вдругъ, какая-то сила, подобная стремительному вихрю, восхитила его и перенесла на правую сторону.

Схимонахъ Ѳеодоръ.

«Вкуси сладость райскихъ обрученій, которыя даю любящимъ Меня», провѣщаль невидимый голосъ. Съ этими словами о. Ѳеодору показалось, что Самъ Спаситель положилъ десницу Свою на его сердце, и онъ былъ восхищенъ въ неизреченно пріятную, какъ бы обитель совершенно безвидную, неизъяснимую словами земнаго языка.

Отъ этого чувства онъ перешелъ къ другому, еще превосходнѣйшему, затѣмъ къ третьему; но всѣ эти чувства, по собственнымъ его словамъ, онъ могъ помнить только сердцемъ, но не могъ понимать умомъ.

Потомъ онъ увидѣлъ храмъ и въ немъ близъ алтаря, какъ бы шалашъ, въ которомъ было 5 или 6 человѣкъ.

«Вотъ, для этихъ людей», сказалъ мысленный голосъ, «отмѣняется смерть твоя. Для нихъ ты будешь жить». Θεодору даже были показаны тѣ великія скорби, которыя ему предстояли на землѣ.

Θеодору устроили келью въ лѣсу, гдѣ съ нимъ жили іеросхимонахъ Клеопа, вышедшій, какъ и онъ, изъ Молдавіи. Вскорѣ къ нимъ присоединился и о. Леонидъ, сложившій съ себя настоятельство (будущій оптинскій старецъ).

Но и тамъ они не обрѣли тишины и рѣшили перебраться на сѣверъ. Но здѣсь начались тѣ великія скорби, которыя были предсказаны Θεодору въ его видѣніи. Въ Палеостровской пустыни его держали взаперти, какъ въ тюрьмѣ. Два года онъ жилъ безъ одежды и обуви и ему еще грозили посадить въ погребъ и кормить травой. На эту угрозу Θεодоръ отвѣчалъ: «вѣрую милосердному Богу моему: мнѣ сдѣлать могутъ только то, что Онъ попуститъ за грѣхи мои».

Далѣе Θεодоръ попалъ на Валаамъ, гдѣ его ждали его ученики Клеопа и Леонидъ. Валаамъ посѣтилъ министра князь Голицынъ, который все вниманіе свое удѣлилъ старцамъ и даже доложилъ о нихъ Государю Александру I-ому. Это возбудило зависть и злобу, тѣмъ болѣе, что къ ихъ руководству устремились и монахи и мірскіе. Старцамъ бы было не сдобровать, если бы за нихъ не вступились Филаретъ Московскій и Иннокентій Пензенскій. Хотя старцы и были оправданы, но они предпочли перебраться въ Александро-Свирскій монастырь, гдѣ Θεодоръ послѣ тяжелой полуторолѣтней болѣзни скончался. «За день до кончины онъ имѣлъ видѣніе: онъ видѣлъ себя въ нѣкоей великолѣпной церкви, исполненной бѣлоризцевъ, и изъ ихъ среды, съ праваго клироса, слышалъ торжественный голосъ покойнаго друга своего, іеросхимонаха Николая: «Θеодоръ, настало время твоего отдохновенія прійти къ намъ».

Это совершилось въ пятницу Свѣтлой седмицы 1822 года. Въ девятомъ часу вечера заиграла на устахъ Θεодора радостная улыбка, лицо его просвѣтилось, черты измѣнились божественнымъ измѣненіемъ. Уче-

ники, окружавшіе одръ старца, забыли слезы и сѣтованія и погрузились въ созерцаніе величественной необыкновенной кончины. Благоговѣйный страхъ, печаль, радость, удивленіе овладѣли вдругъ ихъ чувствами: они ясно прочитали на лицѣ отца своего, что душа его съ восторгомъ излетѣла въ объятія свѣтоносныхъ Ангеловъ».

Рукописное житіе такъ кончается: «Отче святыи, Ты нынѣ обитаешь въ райскихъ чертогахъ и ненасытимо наслаждаешься хлѣбомъ небеснымъ, пролей о насъ молитву передъ Царемъ царей, не предай чадъ твоихъ челюстямъ вражимъ, будь намъ помощникомъ въ страшныя смертныя минуты и представъ насъ Лицу Всевышняго, да и мы соединимъ съ ликующимъ гласомъ твоимъ наши слабые гласы и удостоимся съ трепетомъ прославлять въ вѣчныя вѣки Трійпостаснаго Бога, славимаго всею вселенною. Аминь».

ІЕРОСХИМОНАХЪ ЛЕВЪ — ВЕЛИКІЙ СТАРЕЦЪ.

(1768 — 1841 г.)

Первый приснопамятный Оптинскій старецъ родился въ г. Карачевѣ, Орловской губ., и въ святомъ крещеніи нареченъ былъ Львомъ. Въ міру онъ вращался въ купеческомъ быту и служилъ приказчикомъ въ пеньковомъ дѣлѣ. Онъ возилъ пеньку для сбыта на дальнія разстоянія, дѣлая большія разѣзды. Однажды онъ подвергся нападенію отъ волка, который вырвалъ у него изъ ноги огромный кусокъ тѣла. Будучи необычайно сильнымъ и смѣлымъ, юноша Левъ засунулъ кулакъ въ глотку волка, а другой рукой сдавилъ ему горло. Обезсиленный волкъ упалъ съ воза. О. Левъ прихрамывалъ послѣ этого всю жизнь.

Смѣтливый и въ высшей степени способный приказчикъ во время этихъ переѣздовъ сталкивался съ представителями всѣхъ классовъ общества, онъ хорошо освоился съ манерами и бытомъ каждого изъ нихъ. Этотъ опытъ пригодился ему въ годы его старчества, когда къ нему приходили и раскрывали ему душу самыя разнообразныя люди, знатныя и незнатныя.

Начало монашеской жизни о. Левъ положилъ въ

Оптиной Пустыни, но потомъ перешель въ Бѣлобережскую Пустынь, гдѣ въ то время настоятельствовалъ извѣстный Аѳонскій подвижникъ о. Василій Кишкинъ. Вскорѣ о. Левъ принялъ монашескій постригъ съ именемъ Леониды. Здѣсь онъ прошелъ искусъ обученія монашескимъ добродѣтелямъ: послушанію, терпѣнію и всѣмъ внѣшнимъ подвигамъ. Въ 1804-омъ году о. Леонидъ сталъ преемникомъ о. Василя. Еще до назначенія своего настоятелемъ, о. Леонидъ временно прожилъ нѣкоторое время въ Чолнскомъ монастырѣ, гдѣ встрѣтился съ ученикомъ старца Паисія Величковскаго — о. Ѳеодоромъ и сталъ его преданнымъ послѣдователемъ. Старецъ Ѳеодоръ сталъ обучать о. Леониды высшему монашескому дѣланію, этой «наукѣ изъ наукъ и искусству изъ искусствъ», какъ зовется подвигъ непрестанной молитвы и посредствомъ, которой происходитъ очищеніе сердца отъ страстей. Въ описываемое время о. Леонидъ также встрѣтился съ инспекторомъ Орловской семинаріи игуменомъ Филаретомъ, будущимъ митрополитомъ Кіевскимъ и имѣлъ съ нимъ духовное общеніе. Это обстоятельство имѣло для старца значеніе въ его послѣдующей жизни.

Какъ только о. Леонидъ былъ назначенъ настоятелемъ Бѣлобережской пустыни, о. Ѳеодоръ перешель къ нему на жительство. Впослѣдствіи оба подвижника во многихъ скитаніяхъ прожили совмѣстно отъ 15 до 20 лѣтъ. Подъ руководствомъ о. Ѳеодора о. Леонидъ достигъ высокихъ духовныхъ дарованій.

Въ Бѣлыхъ Берегахъ о. Ѳеодора постигла продолжительная болѣзнь, послѣ которой построили ему уединенную келлію въ лѣсной глуши, въ 2-хъ верстахъ отъ обители, гдѣ онъ и поселился съ о. Клеопой, о которомъ читатель знаетъ изъ предыдущаго. Къ этимъ великимъ подвижникамъ скорѣ присоединился и самъ о. Леонидъ, сложившій съ себя званіе настоятеля — 1808 г. Здѣсь въ пустынномъ безмолвіи онъ принялъ келейно постриженіе въ схиму и нареченъ былъ Львомъ. Какъ уже извѣстно изъ его предыдущаго жизнеописанія о. Ѳеодора, онъ перешель въ Новоезерскій монастырь, откуда его митроп. Амвросій перевелъ въ Палеостровскую пустынь. Тамъ онъ провелъ 3 скорбные года и въ

1812-омъ году переселился въ Валаамскій монастырь. Здѣсь его встрѣтили о.о. Клеопа и Леонидъ, которые ранѣе его переселились туда же.

Около шести лѣтъ прожили великіе старцы въ Валаамскомъ скиту, гдѣ имъ вначалѣ жилось хорошо, какъ объ этомъ писалъ о. Ѳеодоръ: «Взаправду можно похвалиться милосердіемъ Божиимъ на насъ недостойныхъ явленнымъ: привелъ насъ въ мѣсто безмолвное, спокойное, отъ человѣковъ удаленное, молвы свободженное». Тамошній юродивый Антонъ Ивановичъ сказалъ: «торговали хорошо». То есть привлекли мудростью и смирениемъ многихъ братій, которые къ нимъ стали ходить за духовнымъ руководствомъ. Имъ удалось спасти отъ глубокаго отчаянія келліарха о. Евдокима, который исполняя внѣшніе подвиги, не могъ справиться со страстями, какъ гнѣвъ и проч. Старцы указали ему истинный путь къ отверженію сердца и онъ понялъ смиренную науку отцовъ, началъ смиряться, возрождаться и въ послѣдствіи самъ сталъ учителемъ братіи. Имена Ѳеодора и Леонида всегда были на его устахъ. Игуменъ монастыря о. Иннокентій вознегодовалъ, что старцы отняли у него его ученика и обратился съ жалобой къ Петербургскому Митрополиту Амвросію. Въ результатѣ старцы были оправданы и игумену было слѣдано строгое внушеніе. Но зная человѣческую природу, старцы побоялись оставаться на Валаамѣ, въ особенности послѣ посѣщенія монастыря княземъ Голицынымъ, который оказалъ имъ особое вниманіе. Послѣ этого Старцы перебрались въ Александрo-Свирскій монастырь. Въ 1820 г. Государь объѣзжалъ сѣверныя свои владѣнія. Путь его пролегалъ вблизи Александрo-Свирскаго монастыря. Жившіе тамъ старцы о. Ѳеодоръ и о. Леонидъ почтительно предложили своему настоятелю о. архимандриту приготовиться къ встрѣчѣ Государя, хотя въ маршрутѣ монастырь этотъ не былъ обозначенъ. О. настоятель принялъ это предложеніе и въ часы назначенные для проѣзда Императора, ожидалъ его у воротъ. Между тѣмъ Государь на пути по своему обыкновенію спрашивалъ о мѣстности и ея жителяхъ у ямщиковъ иногда самъ, иногда черезъ кучера Илью, неизмѣннаго своего возницу. Приближаясь къ дорогѣ, гдѣ поставленъ былъ крестъ въ знакъ близо-

сти монастыря и для указанія къ нему пути, Государь спросилъ: «Что это за крестъ?» Узнавъ же что недалеко Свирскій монастырь, онъ велѣлъ туда ѣхать. При этомъ онъ началъ спрашивать, — каково въ монастырѣ и каковы братія. Ямщикъ, нерѣдко туда ходившій, отвѣчалъ, что нынѣ стало лучше прежняго. «Отчего?», спросилъ Государь. «Недавно поселились тамъ старцы о. Ѳеодоръ и о. Леонидъ; теперь и на клиросѣ поютъ лучше и во всемъ болѣе порядка». Государь, слыхавшій отъ кн. Голицына эти имена, пожелалъ со старцами познакомиться. Между тѣмъ, ожидавшіе Царя, испытанные скорбями старцы, сотворили между собою краткое совѣщаніе, какъ поступить, если Государю угодно будетъ изъ-за Государя?» «Потому, о. Леонидъ, не будь было намъ искушеніе, сказалъ о. Ѳеодоръ, — то что будетъ изъ-за Государя?» «Потому о. Леонидъ не будь велерѣчивъ, а всячески помалкивай и не выставляйся». Подъѣхавъ къ монастырю, Государь удивился встрѣчѣ. «Развѣ ждали меня?» Настоятель сказалъ, что вышелъ на встрѣчу по совѣту старцевъ. Приложившись къ мощамъ, Царь спросилъ: «гдѣ здѣсь о. Ѳеодоръ и о. Леонидъ?» Старцы нѣсколько выдались, но на всѣ вопросы Императора отвѣчали сдержанно и отрывисто. Государь это замѣтилъ и прекратилъ вопросы, но пожелалъ принять благословеніе отъ о. Ѳеодора. «Я монахъ непосвященный», сказалъ смиренный старецъ, «я просто мужикъ». Царь вѣжливо откланялся и поѣхалъ въ дальнѣйшій путь.

Во время пребыванія въ Александро-Свирскомъ монастырѣ о. Левъ однажды ѣздилъ по дѣламъ въ Петербургъ и изъ разсказа о его пребываніи въ столицѣ видно, что уже тогда онъ былъ истиннымъ «старцемъ», обладателемъ духовныхъ дарованій и между ними прозорливостью. Онъ посѣщалъ одну духовную дочь, которую онъ спасъ отъ неправильнаго духовнаго состоянія, именуемаго «прелестью». Однажды онъ пришелъ къ ней и потребовалъ, чтобы она немедленно переѣхала на новую квартиру, которую ей предлагали и отъ которой она отказывалась. Старецъ настоялъ на своемъ. Ночью въ старую ея квартиру забрался ея бывший слуга съ цѣлью

ограбленія и убійства. Его намѣреніе было потомъ доказано.

Когда скончался великій старецъ о. Ѳеодоръ, о. Левъ не сразу прибылъ въ Оптину Пустынь, куда его призывали еп. Филаретъ Калужскій и о. Моисей — настоятель обители. Сначала старца удерживали въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, потомъ онъ пробылъ нѣкоторое время въ Площанской Пустыни, гдѣ находился о. Макарій, — его будущій помощникъ во время старчества въ Оптиномъ скиту и впослѣдствіи его замѣститель. Можно сказать, тамъ подготовилъ онъ себѣ преемника.

Наконецъ, въ Оптину Пустынь (1829 г.) прибылъ основатель знаменитаго ея старчества, той духовной школы, откуда вышла вся плеяда послѣдующихъ старцевъ. Но заслуга о. Льва не ограничивается только основаніемъ старчества, но имъ былъ данъ тотъ импульсъ, который вдохновлялъ послѣдующія поколѣнія старцевъ въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ до самаго конца жизни и процвѣтанія знаменитой Оптиной Пустыни.

Послѣдующіе старцы о. Макарій и о. Амвросій, будучи также великими старцами, были его присными учениками.

О. Левъ прибылъ въ Оптину Пустынь уже на склонѣ лѣтъ. Онъ былъ большого роста, величественный, въ молодости обладавшій баснословной силой, сохранившій до старости лѣтъ, несмотря на полноту, грацію и плавность въ движеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его исключительный умъ, соединенный съ прозорливостью давалъ ему видѣть людей насквозь. Душа старца была преисполнена великой любви и жалости къ человѣчеству. Но дѣйствія его иногда были рѣзки и стремительны. Старца Льва нельзя обсуждать, какъ обыкновеннаго человека, потому что онъ достигъ той духовной высоты, когда подвижникъ дѣйствуетъ, повинаясь голосу Божию. Вмѣсто долгихъ уговоровъ, онъ иногда сразу выбивалъ у человека почву изъ подъ ногъ и давалъ ему сознать и почувствовать свою несостоятельность и неправоту и такимъ образомъ своимъ духовнымъ скальпелемъ онъ вскрывалъ гнойникъ, образовавшійся въ огрубѣвшемъ сердцѣ человека. Въ результатѣ лились слезы покаянія.

Старець, какъ психологъ зналъ какимъ способомъ достигнуть своей цѣли. Вотъ примѣръ: Жилъ недалеко отъ Оптиной одинъ баринъ, который хвастался, что какъ взглянетъ на о. Леонида, такъ его насквозь и уви-

Іеросхимонахъ Левъ.

дитъ. Приѣзжаетъ разъ къ старцу, когда у него было много народа. Былъ онъ высокій, тучный. А у старца о. Леонида былъ обычай, когда онъ хотѣлъ произвести на кого особое впечатлѣніе, то загородитъ глаза лѣвой рукой, точно отъ солнца, приставивъ ее козырькомъ ко

лбу. Такъ поступилъ онъ при входѣ этого барина и сказалъ: «Эка остолопина идетъ! Пришелъ, чтобы насквозь увидѣть грѣшнаго Льва, а самъ, шельма, 17 лѣтъ не былъ у исповѣди и св. причащенія». Баринъ затрясся, какъ листъ и послѣ каялся и плакалъ, что грѣшникъ невѣрующій и дѣйствительно 17 лѣтъ не исповѣдывался и не причащался св. Христовыхъ Таинъ. Другой случай: пріѣхалъ въ Оптину помѣщикъ П. и, увидѣвъ старца, подумалъ про себя: «что же это говорятъ, что онъ необыкновенный человѣкъ! Такой же, какъ и прочіе, необыкновеннаго ничего не видно». Вдругъ старецъ говоритъ ему: «Тебѣ все дома строить. Здѣсь вотъ столько-то оконъ, тутъ столько-то, крыльцо такое-то!» Нужно замѣтить, что П. по пути въ Оптину увидѣлъ такую красивую мѣстность, что вздумалъ выстроить тамъ домъ и составлялъ въ умѣ планъ какой онъ долженъ быть и сколько оконъ, въ чемъ и обличилъ его старецъ. Когда же П. сталъ исповѣдываться, о. Левъ напомнилъ ему забытый имъ грѣхъ, который онъ даже за грѣхъ не считалъ. Тогда П. призналъ старца за необыкновеннаго человѣка.

Еще однажды былъ случай, когда одинъ пріѣзжій господинъ объявилъ старцу, что пріѣхалъ на него «посмотрѣть». Старецъ всталъ съ мѣста и сталъ поворачиваться передъ нимъ: «вотъ изволите посмотреть меня». Господинъ пожаловался на старца настоятелю, который ему возразилъ, что старецъ святой, но по его словамъ былъ ему и отвѣтъ. Пріѣзжій послѣ этого немедленно вернулся къ старцу, кланяясь ему земно и говоря: «простите, батюшка, я не сумѣлъ вамъ объяснить о себѣ». Старецъ выслалъ изъ келліи присутствующихъ и бесѣдовалъ съ пріѣзжимъ 2 часа. Послѣ этого послѣдній прожилъ въ Оптиной мѣсяцъ, часто ходилъ къ старцу, потомъ писалъ ему письма, объясняя, что онъ былъ въ отчаянномъ положеніи и что старецъ оживилъ и воскресилъ его.

Славный и знаменитый герой Отечественной Войны, находясь по пути со своей частью по близости отъ Оптиной Пустыни, заглянулъ въ скитъ къ старцу отцу Льву. Старецъ спросилъ у него его фамилію. «Кульневъ, отвѣчалъ генераль, я остался послѣ отца малолѣтнимъ,

поступилъ въ учебное заведеніе, окончилъ курсъ наукъ и съ того времени нахожусь на службѣ». Старецъ: «А гдѣ же ваша матушка?» Кульневъ: «Право не знаю, въ живыхъ ли она находится, или нѣтъ. Для меня, впрочемъ это все равно». Старецъ: «Какъ такъ? Хорошъ же вы сынокъ». — Кульневъ: «А что же? Она мнѣ ничего не доставила, все имѣніе роздала, потому я и потерялъ ее изъ виду». Старецъ: «Ахъ, генераль, генераль! Что мелешь? Мать тебѣ ничего не доставила, а все прожила. И какъ это ты говоришь, что все она роздала? А вотъ объ этомъ-то ты и не подумаешь, что она едва могла перенести ударъ лишенія твоего родителя, а своего супруга: и съ этого времени и до настоящаго стоитъ передъ Богомъ, какъ неугасимая свѣча, и какъ чистая жертва посвятила свою жизнь на всякое злостраданіе и нищету за благо своего единственнаго сына Николушки. Вотъ уже около тридцати лѣтъ она проходитъ такой самоотверженный подвигъ. Неужели же эти ея молитвы для своего Николушки не наслѣдство? У многихъ генераловъ при всѣхъ изысканныхъ средствахъ, дѣти не лучше прохвостовъ, а Николушка и безъ средствъ, да вотъ генераль!» Глубоко потрясли Кульнева эти простыя, но и правдивыя старческія слова. Обратившись къ св. иконамъ онъ зарыдалъ. Затѣмъ генераль при безчисленныхъ благодарностяхъ спросилъ адресъ своей матери. А прибывши къ ней, онъ палъ на колѣни и на колѣняхъ подползъ къ ея кровати и расцѣловалъ у нея руки и ноги... Старушка чуть не умерла отъ радости...

Очень характеренъ разсказъ одного аѳонскаго монаха, посѣтившаго старца Льва. Монахъ былъ одѣтъ въ мірскую одежду, однако старецъ, называя его аѳонскимъ монахомъ, запретилъ ему становиться передъ собой на колѣни, какъ это дѣлали міряне. Среди присутствующихъ былъ человѣкъ, который сознался, что не исполнилъ старческое приказаніе. Онъ не бросилъ куреніе, какъ приказалъ ему старецъ. О. Левъ грозно приказалъ вывести этого человѣка вонъ изъ его келліи. Потомъ пришли 3 женщины въ слезахъ. Онѣ привели одну ума и разсудка лишившуюся... Онѣ просили о больной помолиться. Старецъ надѣлъ на себя эпитрахиль, возложилъ конецъ эпитрахили и свои руки на гла-

ву болящей и, прочитавши молитву, трижды главу больной перекрестилъ и приказалъ отвести ее на гостиницу. «Сіе дѣлалъ онъ сидя; что уже не могъ встать, былъ боленъ и доживалъ послѣдніе свои дни». Когда о. Парѣеній пришелъ къ старцу на другой день, вчерашняя больная пришла совершенно здоровой, выгнанный господинъ пришелъ просить прощеніе. Старецъ его простилъ, но повторилъ свое приказаніе. Аѳонскій монахъ ужаснулся, что старецъ, не боясь вреда для себя, творить исцѣленія. Старецъ отвѣтилъ: «я сіе сотворилъ не своей властью, но это сдѣлалось по вѣрѣ приходящихъ, и дѣйствовала благодать Святаго Духа, данная мнѣ при рукоположеніи; а самъ я человѣкъ грѣшный».

Чудеса, совершаемыя старцемъ, были безчислены: толпы обездоленныхъ стекались къ нему, окружали его. «Случилось мнѣ однажды», писалъ іеромонахъ Леонидъ — Кавелинъ — (будущій намѣстникъ Троице-Сергіевской Лавры) проѣзжать изъ Козельска въ Смоленскую губернію. По дорогѣ въ уединенныхъ деревушкахъ поселяне, узнавъ, что я ѣду изъ Козельска, наперерывъ спѣшили узнать что нибудь объ о. Леонидѣ. На вопросъ почему вы его знаете, они отвѣчали: «Помилуй, кормилецъ, какъ намъ не знать о. Леониду? Да онъ для насъ бѣдныхъ, неразумныхъ пуще отца родного. Мы безъ него почитай сироты круглые».

Но совсѣмъ иначе относились къ старцу нѣкоторые духовныя лица, въ томъ числѣ калужскій епархіальный архіерей преосв. Николай, который творилъ много непріятностей Оптиной Пустыни. Этотъ епископъ имѣлъ твердое намѣреніе сослать старца Льва въ Соловецкій монастырь для заключенія. И если бы не сильное заступничество митрополитовъ Филаретовъ — Кіевского и Московскаго, старцу Льву было бы не сдобровать. Но не всѣ епископы мыслили одинаково. Были между ними и духовные. Однажды въ бытность о. Льва въ Калугѣ встрѣчныя лица, узнавъ его, становились на колѣни и кланялись ему въ ноги. Увидѣвъ это, начальникъ полиціи рѣшилъ, что дѣло нечисто и сдѣлалъ соотвѣтствующее донесеніе еп. Никанору, будущему митрополиту С. Петербургскому. Владыка вызвалъ къ себѣ старца и на вопросъ какъ онъ вѣруетъ, старецъ спѣлъ ему

«Вѣрую» по-кіевски, т. е. начиная съ низкой ноты и повышая тонъ до самой высокой. По пословицѣ «рыбакъ рыбака видитъ издалека», добрый Владыка понялъ кого онъ видитъ передъ собой и почему старцу кланяются въ землю. Онъ задержалъ старца у себя въ теченіе нѣсколькихъ дней, ухаживалъ за нимъ, угощалъ его, такъ что старецъ два дня не ѣлъ, вернувшись домой. Къ сожалѣнію, этотъ добрый архипастырь правилъ не долго, тогда какъ еп. Николай правилъ долго и даже пережилъ старца.

Здѣсь надо сдѣлать нѣкоторое отступленіе для тѣхъ, кто незнакомъ съ первой частью нашей работы ¹⁾). Нами было показано, что вскорѣ послѣ крещенія Руси и до паденія Византіи безчисленныя толпы паломниковъ устремлялись на Востокъ, воспринимая тамъ духъ и традиціи подлиннаго Православія и привозя съ собой святоотеческую литературу. Такъ было до Флорентійской уніи, когда колебался греческій авторитетъ и до скоро послѣдовавшаго затѣмъ паденія Византіи. По справедливому выраженію англійскаго ученаго Дональда Николь, въ его книгѣ «Метеоры» ²⁾): «Исихазмъ не былъ доктриной XIV вѣка — его происхожденіе исходитъ изъ подлинныхъ корней византійской духовности». Этой духовностью и питались наши древніе святые. Когда же прекратилась связь съ православнымъ Востокомъ, русское подвижничество замкнулось само въ себѣ. Духовныхъ школъ тогда не существовало. Послѣ свѣтлой эпохи XIV и XV столѣтій, связанныхъ съ преп. Сергіемъ и плеядой его учениковъ, наступилъ періодъ духовнаго застоя. Вмѣсто подвига, указаннаго св. Отцами, состоявшаго въ очищеніи сердца отъ страстей съ помощью непрестанной молитвы, настало время внѣшнихъ подвиговъ, время желѣзныхъ цѣпей и пудовыхъ веригъ. Число святыхъ уменьшилось. Послѣ же царствованія императора Петра въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ монашество вообще подверглось преслѣдованію со стороны правительства. Наступилъ полный упадокъ. Когда же вначалѣ XIX столѣтія ученики схи-архимандрита Паисія Величковскаго вновь насадили на Руси святоотече-

¹⁾ И. М. Концевичъ. Стяжаніе Духа Св. въ путяхъ древней Руси. Парижъ, 1952.

²⁾ Дональдъ Николь. «Метеоры». Лондонъ. 1963 г., стр. 39.

скую традицію, плодомъ которой является благодатное старчество, число святыхъ умножилось необычайно. Житія этихъ неканонизованныхъ подвижниковъ собралъ въ 14-ти объемистыхъ томахъ еп. Никодимъ незадолго до первой міровой войны. Многократно въ житіяхъ этихъ упоминается о преслѣдованіи подвижника полиціей. Пустынникамъ приходилось скрываться. Игуменъ оптинскій Моисей съ братомъ о. Антоніемъ, какъ было выше сказано, скрывались съ другими пустынниками въ Брянскихъ лѣсахъ. Чисто духовное начало встрѣчало полное непризнаніе со стороны гражданской власти. Также и молодая наша богословская наука еще не вышла на самостоятельный, независимый православный путь и находилась подъ вліяніемъ западной науки. А потому и старчество не было изучено съ православной точки зрѣнія. Естественно, что многіе архіереи гнали старчество, не постигая его сущности и значенія. Такова была судьба преп. Серафима, старца Льва, старца Амвросія, старца Анатолія, старца Варсонофія. Блаженный о. Іоаннъ Кронштадтскій, яркій представитель старчества, также встрѣчалъ непониманіе со стороны Санктпетербургскаго митрополита.

Теперь вернемся къ старцу Льву. Старчествованіе его продолжалось въ Оптиной Пустыни съ 1829 г. и до года его кончины — 1841 г., т. е. всего 12 лѣтъ. Этотъ промежутокъ времени старецъ переживалъ, какъ почти непрерывное гоненіе. Когда о. Левъ прибылъ въ Оптину Пустынь, игуменъ Моисей передалъ ему духовное руководство братіей, а самъ занялся исключительно хозяйственной частью и самъ ничего не предпринималъ безъ старческаго благословенія. Такъ же относился къ о. Льву и братъ игумена скитоначальникъ о. Антоній.

Противъ старца возсталъ нѣкто о. Вассіанъ, который себя считалъ старожиломъ въ монастырѣ и не признавалъ старческаго руководства. Этотъ о. Вассіанъ былъ крайне неразвитый и грубый человѣкъ. Подобный ему инокъ описанъ Достоевскимъ въ романѣ «Братья Карамазовы» подъ именемъ Ѳерапонта. Отсюда пошли интриги, доносы.

Однако въ теченіе первыхъ шести лѣтъ гоненія на старца еще не принимали крутого характера. Но съ теченіемъ времени дѣло стало принимать болѣе угрожающій оборотъ. Такъ еще къ начальному періоду относится запись нѣкой Паши Труновой, сестры Павла Трунова, старцева ученика. Она рассказываетъ, что однажды въ бытность ея въ Оптиной Пустыни, старецъ запретилъ ей придти къ нему на завтрашній день, т.к. «будетъ судъ» — «Кого же будутъ судить?», — спросила Паша. — «Да меня же», отвѣтилъ старецъ. На другой день слѣдователи допрашивали весь монастырь, но всѣ показанія благопріятствовали старцу. Это было начало. Но съ 1835 г. и особенно до 1836 г. гоненія усилились. Кромѣ всѣхъ ложныхъ донесеній, калужскій преосвященный получилъ еще черезъ московскую тайную полицію, анонимный доносъ съ обвиненіями по адресу старца и настоятеля. Говорилось, что послѣдній несправедливо оказываетъ скитскимъ старцамъ предпочтеніе передъ живущими въ монастырѣ и что скитъ причиняетъ монастырю большой подрывъ; и если онъ не уничтожится, то древняя обитель разорится и т. д. Слѣдствіемъ этого доноса было то, что настоятель былъ вызванъ для объясненій. А старцу было запрещено носить схиму, т.к. онъ былъ постриженъ келейно, и строжайше запрещено принимать посѣтителей.

Старца перевели изъ скита въ монастырь и тамъ переселяли изъ кельи въ келью. Старецъ относился къ этимъ невздамъ съ полнымъ благодушіемъ и съ пѣніемъ «Достойно есть» онъ переносилъ на новое мѣсто самолично икону Владимірской Божьей Матери — благословеніе о. Паисія Величковскаго старцу Θεодору. «Однажды, игуменъ Моисей» — говоритъ жизнеописатель старца, «проходя по монастырю, увидѣлъ огромную толпу народа передъ кельей старца, между тѣмъ какъ послѣдовало изъ Калуги повелѣніе никого не пускать къ нему. О. игуменъ вошелъ къ старцу въ келью и сказалъ: «О. Леонидъ! какъ же вы принимаете народъ? Вѣдь владыка запретилъ принимать». Вмѣсто отвѣта старецъ отпустилъ тѣхъ, съ кѣмъ занимался, и велѣлъ келейникамъ внести къ себѣ въ келью калѣку, который въ это время лежалъ у дверей его кельи. Они принесли

и положили передъ нимъ. О. игумень въ недоумѣніи смотрѣлъ на него. «Вотъ, — началъ старецъ свою рѣчь, — посмотрите на этого человѣка. Видите, какъ у него всѣ члены тѣлесные поражены. Господь наказалъ его за нераскаянные грѣхи. Онъ сдѣлалъ то-то и то-то, и за все это онъ теперь страдаетъ — онъ живой въ аду. Но ему можно помочь. Господь привелъ его ко мнѣ для искренняго раскаянія, чтобы я его обличилъ и наставилъ. Могу ли его не принимать? Что вы на это скажете?» Слушая о. Леонида и смотря на лежащаго передъ нимъ страдальца, о. игумень содрогнулся. «Но преосвященный», — промолвилъ онъ, — «грозитъ послать васъ подъ началъ». «Ну такъ чтожъ» — отвѣтилъ старецъ, — «хоть въ Сибирь меня пошлите, хоть костеръ разведите, хоть на огонь меня поставьте, я буду все тотъ же Леонидъ! Я къ себѣ никого не зову, кто ко мнѣ приходитъ, тѣхъ гнать отъ себя не могу. Особенно въ просто-народьи многіе погибаютъ отъ неразумія и нуждаются въ духовной помощи. Какъ могу призрѣть ихъ вопіющія духовныя нужды?»

О. игумень Моисей ничего на это не могъ возразить и молча удалился, предоставляя старцу жить и дѣйствовать, «какъ укажетъ ему Самъ Богъ».

Старцу, какъ уже сказано, не удалось бы сдобровать, если бы не заступничество обоихъ митрополитовъ Филаретовъ. Митрополитъ Кіевскій заступился за старца, находясь на чредѣ въ Синодѣ, а также посѣтилъ Оптину Пустынь, гдѣ оказывалъ о. Льву въ присутствіи епархіальнаго архіерея особые знаки уваженія. Къ митрополиту Филарету Московскому прибѣгъ письменно старецъ о. Макарій черезъ епископа Игнатія Брянчанинова. Митрополитъ Филаретъ написалъ калужскому епископу: «Ересь предполагать въ о. Леонидѣ нѣтъ причины».

Незадолго до смерти старца опять возникли гоненія на него и на монашествующихъ женскихъ обителей, гдѣ находились духовныя дщери оптинскихъ старцевъ. Монахини были изгнаны.

Это гоненіе было основано на невѣроятномъ невѣжествѣ. Старца называли масономъ, а святоотеческія книги, какъ Авва Дорофей, имъ данныя монашествующимъ «чернокнижіемъ». Однако передъ самой кончиной

старца монахини были оправданы, такъ что старецъ вздохнулъ свободно. Впослѣдствіе выдающіяся ученицы о. Льва заняли начальственные должности.

Съ первыхъ чиселъ сентября 1841 г. старецъ сталъ ослабѣвать и проболѣлъ пять недѣль. Молодой келейникъ старца о. Іаковъ слышалъ его молитву: «Благодарю Тебя, милостивый Создатель мой, Господи, что я избѣжалъ тѣхъ бѣдъ и скорбей, которыхъ ожидаетъ грядущее время, но не знаю избѣжите ли вы ихъ». — «Поди сюда Яша!» Я подошелъ. Старецъ благословилъ меня и еще повторилъ тѣ самыя слова. Я какъ былъ въ то время младъ и неопытенъ, не спросилъ Батюшку, какія это бѣды и скорби. А послѣ его кончины и желалъ бы знать, да ужъ было поздно». Такова была записка келейника Іакова, впослѣдствіи іеромонаха Іоакима Кіево-Печерской Лавры.

Послѣ жестокихъ страданій великій старецъ отецъ Левъ отошелъ ко Господу 11-го октября 1841 года. Общая скорбь была неопишима и велико было стеченіе народныхъ массъ у гроба усопшаго.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Образъ великаго старца іеросхимонаха отца Льва менѣ знакомъ русскому боголюбивому читателю, чѣмъ образъ старца о. Амвросія. Авторъ книги «Оптина Пустынь»³ о. прот. Сергій Четвериковъ различаетъ въ жизни скита три періода: весну при жизни о. Льва, лѣто при жизни о. Макарія и, наконецъ, плодоносную осень при о. Амвросіи. Съ его легкой руки проф. Смоличъ въ своемъ трудѣ “Leben und Lehre der Startzen. Wien 1936” повторилъ подраздѣленіе прот. Четверикова, причѣмъ изобразилъ старца Льва какъ человѣка почти что невѣжественнаго.

Но, между тѣмъ, если о. Левъ и употреблялъ простонародныя выраженія, то ими онъ попадалъ въ цѣль и совершалъ перевороты въ человѣческихъ душахъ. Старцы Левъ и Амвросій жили, вѣрнѣе сказать дѣйствовали, въ разныя эпохи. При жизни о. Льва не было регулярнаго почтоваго и телеграфнаго сообщенія, не бы-

³) Прот. Сергій Четвериковъ. Оптина Пустынь. Парижъ, 1926 г.

ло желѣзныхъ дорогъ, какъ позднѣе во время жизни о. Амвросія, о которомъ еще при его жизни были сообщенія въ печати. При этомъ доступъ къ нему народный не бывалъ никогда закрытымъ. Тогда какъ о. Левъ былъ гонимъ еще въ первые годы XIX столѣтія, когда братія Бѣлобережскаго монастыря была недовольна его простотой въ жизни по ихъ мнѣнію не соотвѣтствующей сану игумена. Когда же онъ удалился въ лѣсной скитъ къ о. Ѳеодору, новый настоятель изгналъ обоихъ старцевъ изъ-за стеченія къ нимъ народа. Мы знаемъ о гоненіи на Валаамъ и въ Оптиной Пустыни. Доступъ къ отцу Льву далеко не всегда былъ для всѣхъ открытъ и слава о немъ не могла гремѣть повсемѣстно. Образъ же старца Амвросія достойно сіялъ, какъ солнце по просторамъ русскаго царства. Но не намъ судить кто былъ выше изъ нихъ. Это извѣстно одному Богу.

Глава VI.

Митрополитъ Филаретъ Московскій.

(1782 — 1867 г.)

Митрополитъ Филаретъ — въ міру Василій Дроздовъ, родился 26-го декабря 1782 г. въ семьѣ діакона московскаго пригорода Коломны. Это было чуть позднѣе полувѣковаго періода послѣ смерти Петра I-го. Было еще свѣжо упраздненіе патріаршества, обезглавившаго Церковь, и недавнее учрежденіе на протестантскій манеръ Синода, ломка православнаго быта и учрежденія духовныхъ школъ по католическому образцу. Это было смутное, переходное, неустойчивое время. Нуженъ былъ новый Моисей, который бы могъ вывести народъ Божій на истинный путь, закрѣпить истинные православные устои, не дать имъ исказиться на не должный ладъ, какъ это легко могло случиться въ этихъ создавшихся условіяхъ.

Въ такой критическій моментъ Богомъ былъ посланъ духовный вождь, соединившій въ себѣ и геній и святость. Такого другого Филарета не было и не будетъ, возгласила о немъ народная молва!

Мы здѣсь не въ состояніи коснуться, хотя бы даже кратко, жизнеописанія Митрополита. Мы только можемъ попытаться отмѣтить его значеніе касательно интересующей насъ темы, т. е. распространенія святоотеческаго ученія о внутреннемъ дѣланіи въ Россіи. Мы скажемъ предварительно только нѣсколько словъ о томъ, какое выдающееся мѣсто занималъ м. Филаретъ въ церковной жизни своего времени.

Съ 24-го марта 1821 г., еще въ санѣ архіепископа, Филаретъ занялъ московскую кафедру. Ему было тогда 39 лѣтъ. Здѣсь онъ пробылъ до самаго гроба. Въ теченіе этихъ 36-ти лѣтъ (1821-1867) какъ утверждаетъ его

жизнеописатель Н. И. Барсовъ: «... Ни одинъ вопросъ догматическій, каноническій, церковно-законодательный, ни одно административное распоряженіе Св. Синода, имѣвшее значеніе для Церкви, не рѣшались и не вос-

Митрополитъ Филаретъ.

производились безъ предварительной справки о томъ, какъ думаетъ объ этомъ вопросѣ, или рѣшеніи Филаретъ, и рѣдко что-нибудь дѣлалось въ Синодѣ иначе, нежели думалъ Филаретъ». И это положеніе существова-

ло даже несмотря на то, что вслѣдствіе несогласій съ 1843 г. митрополитъ разъ навсегда отказался отъ присутстванія въ Синодѣ. Но по вѣрному замѣчанію проф. архим. Константина «въ этой обособленности и могъ возвыситься м. Филаретъ до значенія близкаго къ положенію главы Церкви, съ которымъ надо было договариваться обо всемъ значительномъ въ области церковнаго». Изъ Синода ему посылались на разсмотрѣніе всѣ затруднительные дѣла. Онъ разсмотрѣлъ до 1000 такихъ дѣлъ и далъ на нихъ свое рѣшеніе. Эти рѣшенія по церковнымъ и общегосударственнымъ вопросамъ были отпечатаны въ 1885-87 гг. въ восьми томахъ и служили образцами для дальнѣйшихъ рѣшеній. Единственно, что м. Филаретъ, несмотря на свое желаніе, не могъ провести въ жизнь, — это возстановленіе живого единства помѣстнаго епископата, осуществляемаго въ постоянномъ совѣщательномъ общеніи сопастырей и епископовъ, и закрѣпляемомъ по временамъ малыми съѣздами и соборами. Какъ извѣстно, въ синодальный періодъ Церковь не имѣла до самаго конца свободы дѣйствованія.

«Авторитетъ Филарета», говоритъ проф. Сумароковъ, «особенно цѣненъ въ тѣхъ случаяхъ, когда погрѣшности въ ученіи исходятъ отъ лицъ священнаго сана. Тотъ или другой отрывокъ изъ Филарета обнаружитъ всякую ошибку. И вотъ почему лица, имѣющія болѣе пристрастія къ самочинію, чѣмъ къ мнѣніямъ Церкви, относятся къ Филарету съ трудно скрываемымъ озлобленіемъ, чувствуя въ немъ вѣчнаго и строгаго судью, стоящаго на стражѣ Православія».

«Богъ послалъ Филарета Русской Церкви, чтобы предъ тѣми днями, когда умножатся лжеученія, отлить содержаніе Православія въ металлическія незыблемыя формы, ясности очертанія которыхъ нельзя закрыть никакими чуждыми придатками, отъ глазъ тѣхъ кто прежде всего станетъ искать въ жизни вѣрности своей Церкви». «Въ своихъ безчисленныхъ трудахъ», продолжаетъ Сумароковъ, «м. Филаретъ выразилъ въ полнотѣ всѣ истины Православія, давъ современной и будущей Россіи основанный на многовѣковомъ опытѣ церковной

жизни и въ твореніяхъ всей совокупности учителей церковныхъ совершенный кодексъ того «како вѣровати»¹⁾

Такимъ образомъ, отрѣзокъ времени, проведенный митрополитомъ Филаретомъ на кафедрѣ московской, можетъ быть названъ «Филаретовскимъ вѣкомъ». И если въ свое время Санктпетербургскій митрополитъ Гавріиль, возобновитель монастырей, послѣдователь святоотеческаго ученія о внутреннемъ дѣланіи, посѣялъ повсюду сѣмена этого ученія, то содѣйствіе и вниманіе со стороны митрополита Московскаго Филарета во многомъ благопріятствовало произрастанію этихъ сѣмянъ.

Мы здѣсь пытались обрисовать Филарета, какъ геніальнаго церковнаго дѣятеля, но мы оставили въ сторонѣ его столь же великій даръ церковнаго оратора и проповѣдника. Вотъ какъ Владиміръ Николаевичъ Лосскій въ краткихъ и сжатыхъ словахъ касается этой темы:

«Не будучи до сихъ поръ канонизованнымъ, Филаретъ Московскій (1782-1867) принадлежитъ къ великой линіи епископовъ-богослововъ, которыхъ церковь прославляетъ, именуя ихъ «Отцами». Дѣйствительно, можно сказать, что онъ былъ отцомъ богословской мысли въ Россіи.

«Послѣ Екатерининскаго вѣка «просвѣщенія», послѣ смущенія отъ «религіи сердца піетистовъ», Филаретъ обращается къ мысли, призывая ее изслѣдовать бездонныя тайны Откровенія. «Христіанство не есть юродство, или невѣжество, но Премудрость Божія». Подобно самымъ величайшимъ между Отцами Церкви, онъ настаиваетъ надъ необходимостью богословскаго разсужденія, надъ бдительностью мысли, которая должна приступать безъ страха къ разрѣшенію умственныхъ затрудненій. Проповѣди Филарета напоминаютъ гомилии св. Григорія Назіанзина своимъ богословскимъ богатствомъ, также св. Василія — безупречнымъ мастерствомъ, которымъ онъ сдерживаетъ полетъ своей мысли, требуя отъ нея точной мѣры. Въ классической своей проповѣди на Великій Пятокъ (1816) Филаретъ развиваетъ свою любимую тему: Искупленіе. Послѣ разсужденія о крестѣ, воздвигнутомъ «ненавистью іудеевъ и

¹⁾ Сумароковъ. Лекціи по Исторіи Русск. Церкви. томъ 2-й, стр. 356-357.

буйствомъ язычниковъ» онъ переходитъ къ поклоненію кресту, какъ символу Божественной любви, укорененной въ предвѣчномъ святилищѣ Св. Троицы. Это «Тайна сокрытая отъ вѣковъ и родовъ» (Кол. 1, 26). Тайна «Агнца, закланнаго отъ созданія міра» (Ап. 13, 8). «Такъ Богъ возлюбилъ міръ».

Обычный день митрополита рисуетъ намъ Сушковъ: «День его былъ насыщенъ до отказа. Когда онъ отгоняетъ сонъ, когда уступаетъ сну, т. е. въ какомъ часу прерываетъ труды, молитвы, бдѣніе, и въ какомъ покидаетъ ночное ложе, этого никто не знаетъ. Послѣ утрени и обѣдни чай. Послѣ чая служебныя занятія, доклады письмоводителя, объясненія съ просителями и т. д.; къ двумъ или тремъ час. по полудни конченъ трудъ питанія: легкій, не изысканный обѣдъ. Послѣ обѣда часъ-два отдыха, а отдыхомъ называется чтеніе книгъ, газетъ, журналовъ. Послѣ такого отдохновенія — опять дѣла, переписка, доклады. Два дня въ недѣлю — вторникъ и пятница — работа съ обоими викаріями, независимое отъ частыхъ съ ними занятій и утромъ и вечеромъ по другимъ днямъ. Если бы возможно было исчислить время, которое употребляется имъ на личныя и письменныя сношенія по епархіи и консисторіи съ духовенствомъ, съ ректорами и инспекторами духовной академіи и семинаріи, съ начальствующими въ мужскихъ и женскихъ обителяхъ, съ благочинными и членами разныхъ учрежденій, не говоря о перепискѣ съ Синодомъ, съ Намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры, съ епископами и частными лицами, да если присовокупить къ этому частое служеніе, соборное и домашнее, освященіе церквей, приготовленіе проповѣдей, встрѣчи царственныхъ посѣтителей, испытанія воспитанниковъ академіи и семинаріи, посѣщеніе свѣтскихъ училищъ и т. д., то сколько же остается досуга на успокоеніе отъ заботъ, на пищу, сонъ и рѣдкія бесѣды съ посѣтителями. Какъ кратка его ночь!»

Внѣшній обликъ митрополита Филарета рисуетъ намъ его викарій еп. Леонидъ Краснопѣвковъ: «Вчера долго молча смотрѣлъ на него, когда онъ разсматривалъ каталоги, и стоялъ передъ нимъ. Пройдутъ вѣка: имя его вырастетъ необыкновенно. Мысль будетъ ис-

катъ въ прошедшемъ его великаго образа, и счастливъ тотъ, кто увидить его несовершенный портретъ, а я, недостойный, стою отъ него въ полуаршинѣ и смотрю на эту чудно-правильную, кругленькую головку, покрытую рѣдкими, мягкими темно-русыми волосами, на это высокое, выпуклое чело, этотъ рѣзко очертанный носъ и дивно-правильныя губы, на эти блѣдныя, худыя, осанистой бородой покрытыя щеки. Подъ прекрасно очеркнутыми бровями не вижу его глазъ, но замѣчаю, что какую-то особенную выразительность придаетъ его благородному лицу эта черепаховая оправа очковъ»²⁾).

Обозначивъ кратко то высокое мѣсто, которое занималъ м. Филаретъ въ церковной исторіи своего времени, справедливо именуемымъ «Филаретовскимъ» вѣкомъ», мы теперь перейдемъ къ его значенію касательно нашей темѣ о старчествахъ.

Нашей цѣлью будетъ раскрыть то содѣйствіе, которое оказывалъ митрополитъ въ процвѣтаніи «умнаго дѣланія» и связаннаго съ нимъ старчества. Для этого намъ нужно показать принадлежность самаго Филарета къ этому духовному движенію.

Митрополитъ Филаретъ былъ необычайно скрытнымъ во всемъ, что касалось его лично. Вотъ отрывокъ изъ письма къ его духовнику Намѣстнику Троице-Сергіевой Лавры: «Нужно, чтобы борьба и отвлеченія, которыя намъ доставляютъ дѣла, не мѣшали бы намъ уединяться въ нашу внутреннюю клѣть и втайнѣ молиться Отцу. Да, дѣла внѣшняго міра насъ разстраиваютъ, насъ преслѣдуютъ и кто входитъ въ свою клѣть, недостаточно закрываетъ за собою дверь. Но Ты, Который сказалъ «Я есмь дверь», дай намъ войти во внутрь и закрой за нами дверь» (т. I. стр. 168).

Дверь, за которой хранились тайники его души была дѣйствительно закрыта, но плодомъ его внутренней жизни на склонѣ лѣтъ былъ даръ чудотвореній и даръ пророческій, т. е. святость. Гдѣ же и какъ было положено начало этой святости?

Нѣкоторый ключъ намъ даютъ житія близкихъ ему людей, а именно: старца Филарета Новоспасскаго, так-

²⁾ Душеп. Чт., ч. II, кн. 7, стр. 347.

же его школьнаго сверстника и близкаго друга еп. Инокентія Пензенскаго — человѣка исключительной святости — и, наконецъ, архим. Макарія — Алтайскаго миссіонера — его ближайшаго ученика. Эти три житія являются среди лучшихъ украшеній 14-томнаго собранія житій Русскихъ подвижниковъ XIX столѣтія.

Василій Дроздовъ, какъ уже сказано, родился 26-го дек. 1782 г. въ гор. Коломнѣ — пригородѣ Москвы, и какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, Москва являлась однимъ изъ центральныхъ округовъ по распространенію ученія объ умномъ дѣланіи. Новоспасскій монастырь являлся средоточіемъ откуда исходило это ученіе. Здѣсь жили о. о. Филаретъ и Александръ. Сюда пріѣзжалъ о. Аѳанасій Захаровъ, ротмистръ гусарскаго полка, семь лѣтъ жившій при старцѣ Паисіи. Онъ имѣлъ бесѣды съ о. о. Филаретомъ и Александромъ объ умномъ дѣланіи, которые имѣли великую любовь къ духовному вождю-старцу Паисію. О. Аѳанасій переписывалъ творенія св. Отцовъ, впослѣдствіи переданныя въ Оптину Пустынь.

О. Филаретъ, въ міру Θεодоръ (1758-1842) началъ въ юности монашескую жизнь въ Александро-Невской Лаврѣ, но его старецъ, видя его рвеніе къ монашескимъ подвигамъ, направилъ его въ Саровскую пустынь. Въ то же самое время тамъ же началъ свою подвижническую жизнь будущее свѣтило Церкви Русской — преп. Серафимъ. Черезъ нѣкоторое время о. Филарета затребовалъ въ Невскую Лавру митр. Гавріиль въ качествѣ примѣрнаго подвижника.

Изъ Петербурга о. Филаретъ перебрался въ Москву, гдѣ тогда подвизался его братъ Аполлинарій въ Симоновомъ монастырѣ. Когда же Симоновъ монастырь обратили въ больницу, о. Филаретъ окончательно обосновался въ Новоспасскомъ монастырѣ. Послѣ ряда подвиговъ сосредоточенной жизни онъ принялъ на себя подвигъ старчества. Къ нему устремились толпы людей. Нерѣдко случалось, что старецъ не имѣлъ времени ни для трапезы, ни для краткаго отдыха. Каждая человѣческая душа была ему несравненно дорога. Онъ обладалъ исключительной прозорливостью и той духовной любовью, которая является вѣнцомъ совер-

щенства. И. В. Кирѣевскій, знавшій его лично, пишетъ о немъ ³⁾: «Никто страждущій не оставлялъ его порога, не получивъ отрады: недоумѣвающий находилъ у него спасительный совѣтъ, ищущій поученія — высокое назиданіе, ожесточенный — умиленіе, отчаянный — молитву, маловѣрный — проясненіе истины, слабодушный — подкрѣпленіе силъ. Въ бесѣдѣ его особенно ясно выражалась удивительная кротость его души, крайнее смиреніе, горячая любовь къ ближнему, сострадательность, терпѣніе, и красота и сила глубокаго духовнаго вѣдѣнія». Въ его «житіи» приведено нѣсколько фразъ имъ произнесенныхъ — «Сядь, другъ», говоритъ онъ плачущей старушкѣ, «полно плакать, твой сынъ не пропасть, онъ въ хорошемъ мѣстѣ» ... А когда этотъ пропадавшій юноша пришелъ просить благословеніе на поступленіе въ монастырь, онъ говоритъ ему: «Погоди, дитя мое, погоди. . . ты не вынесешь». Дѣвушкѣ, пришедшей просить благословеніе на бракъ, онъ тихо сказалъ, что ее ждетъ женихъ лучшій: она простудилась и черезъ 3 дня умерла.

Онъ же — старецъ Филаретъ былъ ангеломъ-утѣшителемъ и наставникомъ августѣйшей затворницы Ивановскаго монастыря монахини Досиѣи. Блаженная Досиѣя (1746-1810) затворница Ивановскаго монастыря, въ міру княжна Разумовская, законная дочь Императрицы Елисаветы насильно была пострижена въ 1785 г. Въ житіи ея сказано, что духовникъ ей былъ назначенъ по выбору митрополита Платона. И, очевидно, выбранъ имъ изъ лучшихъ священниковъ въ Москвѣ. Самъ митрополитъ былъ другомъ отца ея и бывалъ у него въ домѣ во дни молодости, будучи еще дьякономъ. Оба были любителями церковнаго пѣнія и вмѣстѣ пѣвали. Митрополитъ сочувствовалъ невинной страдальцѣ и считалъ долгомъ являться къ ней съ поздравленіемъ въ праздничные дни. Когда же со смертію Екатерины II-ой затворъ узницы былъ ослабленъ, въ ея жизнь возможно очень скоро вошелъ старецъ Филаретъ Новоспасскій. Какъ и когда это произошло — мы не знаемъ. Знаемъ только, что блаженная Досиѣя пожелала быть

³⁾ Житіе и писанія молдавскаго старца Пансіа Величковскаго стр. XII Москва.

похороненной въ Новоспасскомъ монастырѣ, чтобы старецъ видѣлъ ея могилу изъ окна своей кельи. Только общеніемъ съ такимъ дивнымъ подвижникомъ и можно объяснить тѣ высокіе духовные дары, которыми обладала смиренная затворница. Къ ней потянулся народъ за наставленіями и утѣшеніями, которыя она подавала черезъ окно своей кельи. Нѣкто г. К. овдовѣла и была безутѣшной. Она хотѣла непременно быть принятой м. Досиѳеей, но та уже прекратила пріемъ людей, ввиду своей близкой кончины. Однако о. Филаретъ все же посоветовалъ г. К. добиваться пріема у затворницы. Она простояла у дверей ея кельи съ утра до вечера. Наконецъ двери отворились и горестная вдова получила желаемое утѣшеніе. Когда г-жа К. упомянула, что знаетъ о. Филарета, она поклонилась до земли и велѣла передать о. Филарету, что скоро и онъ поклонится ей. Это вскорѣ сбылось при погребеніи Блаженной. Г-жа К. увидѣла о. Филарета въ клобукѣ, кланяющимся останкамъ умершей. Но когда она тутъ же вошла въ сѣни о. Филарета, то онъ самъ открылъ ей двери. Оказалось, что онъ не выходилъ наружу.

На погребеніи была вся московская сановная знать и родня по отцу почившей. Хоронилъ м. Досиѳею еп. Августинъ, такъ какъ митр. Платонъ былъ боленъ.

Мы уже упоминали въ житіи старца Моисея, что онъ съ братомъ Іоной былъ у м. Досиѳеи, которая приняла ихъ у себя въ келліи и ихъ направила къ Новоспасскимъ старцамъ Филарету и Александру, провидя въ нихъ своей прозорливостью будущихъ свѣтильниковъ Церкви. Юношамъ тогда было 20 и 14 лѣтъ. Она вела переписку съ о. Моисеемъ.

Такъ было заложено духовное начало Оптиной Пустыни.

Какъ отъ одной свѣчки загорается другая, пока не загорится цѣлое море свѣта, подобно сему распространялось и разгоралось духовное вліяніе о. Филарета Новоспасскаго. Благодаря многимъ собраннымъ имъ рукописямъ святоотеческой литературы, возникла у его духовныхъ чадъ Ивана Васильевича и Наталіи Петровны Кирѣевскихъ мысль объ ихъ изданіи въ Оптиной Пу-

стыни, что осуществилось, благодаря содѣйствію и помощи митрополита Филарета.

Между двумя соименными Филаретами существовала несомнѣнная духовная связь. Когда Василій Дроздовъ былъ студентомъ, старецъ Филаретъ шагаль уже къ полувѣковому возрасту. Глубоко религіозный юноша не могъ не знать того, кого почитала вся вѣрующая Москва. Когда же наступила кончина старца Филарета (1842), его посѣтилъ самъ митрополитъ Московскій. Его приходъ вызвалъ слезы радости у умирающаго подвижника. Обильными слезами проводилъ старца, погребавшій его митрополитъ. Онъ такъ плакалъ, что вызвалъ общій плачъ всѣхъ присутствующихъ.

Рядомъ съ именемъ старца Филарета стоитъ имя о. Александра Арзамасскаго. Онъ былъ уроженцемъ Малороссіи. Род. въ 1758 г. Учился свѣтскимъ наукамъ въ Кіевской Дух. Академіи и поступилъ пономаремъ въ Новоспасскій монастырь. Въ 1793 г. настоятель монастыря взялъ его въ качествѣ секретаря въ Петербургъ. Здѣсь митр. Гавріиль, прозрѣвъ его высокое духовное устроение, постригъ его въ монашество и рукоположилъ въ іеромонахи. Это былъ годъ выхода въ свѣтъ Добротолюбія. «Митрополитъ Гавріиль», говоритъ о себѣ о. Александръ, «сверхъ всѣхъ любимцевъ любилъ меня по духу». О. Александръ еще будучи міряниномъ былъ истиннымъ подвижникомъ и дѣлателемъ молитвы Иисусовой. Онъ былъ въ перепискѣ съ самимъ старцемъ Паисіемъ и впослѣдствіи съ его учениками. Митрополитъ Гавріиль предлагалъ ему архимандритство въ Новгородской епархіи, но о. Александръ вернулся въ свой монастырь и когда настоятель получилъ епископство, онъ былъ назначенъ намѣстникомъ Новоспасскаго монастыря. Но черезъ годъ онъ, по болѣзни уволился на покой и причислился къ больничнымъ іеромонахамъ. Онъ велъ сосредоточенный, подвижническій образъ жизни и пребывалъ въ непрестанной молитвѣ Иисусовой. О. Теодоръ и о. Александръ въ теплые лѣтніе вечера обходили стѣны монастыря, ведя между собой боговдохновенную бесѣду. Позже о. Александръ былъ переведенъ въ Арзамасъ, гдѣ онъ посвятилъ свое служеніе воспитанію молодежи духовнаго званія. Мы здѣсь

касаемся только его жизни въ Москвѣ, чтобы передать ту Московскую атмосферу, среди которой слагалась духовная жизнь будущаго епископа Пензенскаго Иннокентія. Они оба въ Петербургскій ихъ періодъ жизни были не только коллегами по своей педагогической дѣятельности, но были соединены единомысліемъ и дружбою. О. Иннокентій былъ назначенъ настоятелемъ Сергіевой пустыни, преподавателемъ въ Академіи, а также духовнымъ цензоромъ. Александровская эпоха того времени была прообразомъ нынѣшняго экуменизма, когда было общимъ стремленіемъ уравнивать всѣ религіи, чтобы создать нѣкую общую ложно-христіанскую религію. Въ началѣ XIX в. былъ изданъ слѣдующій указъ: «Всякое твореніе (книга), въ которомъ подъ предлогомъ защиты, или оправданія одной изъ церквей христіанскихъ, порицается другая, яко нарушающая союзъ любви всѣхъ христіанъ единымъ духомъ во Христѣ связующимъ, подвергается запрещенію». Слѣдовательно, каралась защита Православія противъ еретиковъ. Нѣкто Станкевичъ осмѣлился нарушить это запрещеніе, выступивъ на защиту Православія. Арх. Иннокентій, несмотря на совѣтъ митрополита Филарета, далъ разрѣшеніе на выходъ въ свѣтъ этой книги. Послѣдовала высылка автора изъ столицы и опала цензора арх. Иннокентія. Онъ былъ высланъ въ Пензу епископомъ. Сломленное аскетическими подвигами, петербургскимъ нездоровымъ климатомъ и душевными потрясеніями, слабое здоровье еп. Иннокентія не выдержало и ранняя смерть унесла этого земного ангела. Еще ранѣе арх. Филаретъ говорилъ своему другу: «Мы оба архимандрита не можемъ измѣнить положеніе». Но арх. Иннокентій не признавалъ компромиссовъ. Въ первыхъ годахъ XIX стол. оба друга — вліятельные столичные архимандриты, какъ было сказано, спасли гонимыхъ на Валаамѣ старцевъ: о. о. Ѳеодора, Клеопу и Леонида. Имъ обоимъ несомнѣнно было вполнѣ ясно духовное значеніе гонимыхъ.

Третьимъ житіемъ, проливающимъ свѣтъ на духовную сущность тогда еще весьма молодого ректора духовной академіи о. Филарета — это жизнеописаніе о. Макарія Глухарева, будущаго знаменитаго миссіонера Алтайскаго. Въ академіи онъ былъ подъ духовнымъ влія-

ніемъ своего ректора — человѣка волевого и блестящаго лектора, которому онъ ежедневно исповѣдывалъ свои помыслы. Арх. Филаретъ, будучи чуждымъ господствовавшей въ столицѣ ложно-мистической литературы, запретилъ юношѣ Глухареву чтеніе духовно-нездоровыхъ книгъ и тѣмъ спасъ его отъ сѣтей сектантскихъ обществъ, царившихъ въ столицѣ. Онъ внушилъ своему ученику чтеніе Добротолубія.

Окончивъ курсъ наукъ, молодой Глухаревъ былъ посланъ въ Екатеринославъ наставникомъ въ семинарію. Здѣсь онъ встрѣтился съ еп. Іовомъ Потемкинымъ, постриженникомъ молдавскихъ старцевъ и черезъ него сблизился съ о. о. Каллиникомъ и Ливеріемъ, монахами изъ Молдавіи. Подъ ихъ вліяніемъ онъ принялъ постригъ и вошелъ въ кругъ послѣдователей старца Паисія. О. Макарій извѣстенъ, какъ великій Алтайскій миссіонеръ. На Алтаѣ онъ пробылъ около 15 лѣтъ и былъ вынужденъ изъ-за болѣзни вернуться въ европейскую Россію. Здѣсь онъ былъ назначенъ настоятелемъ Болховскаго монастыря Орловской губ. Будучи благодатнымъ и прозорливымъ старцемъ, онъ цѣлыми днями принималъ народъ, обо всѣхъ молясь, бѣднымъ помогая, печальныхъ утѣшая, больныхъ исцѣляя. Для этой цѣли онъ пользовался св. водой, освященнымъ масломъ, антидоромъ. Преставился 19 мая 1847 г. со словами: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ». «Осуществленное Евангеліе», говорилъ о немъ архіеп. Смарагдъ. «Макарій былъ истинный слуга Христа Бога», писалъ о немъ послѣ его смерти въ 1847 г. м. Филаретъ.⁴⁾

Важной проблемой того времени было печатаніе и распространеніе въ народѣ Слова Божія.

Въ до-Петровской Руси духовное воспитаніе народныхъ массъ шло отъ скитовъ, пустынь, монастырей, густо покрывавшихъ широкіе просторы земли Русской. Но послѣ того, какъ всѣ эти источники народнаго образованія были пресѣчены, прошло болѣе полутора вѣка. Простой народъ оказался въ крѣпостной зависимости, а столичные господа — подражателями европейской культуры. Со стороны государственной власти не про-

⁴⁾ Прот. Г. Флоровскій. Пути Р. Бог. Парижъ 1937., стр. 169, а также «Новое объ арх. Макаріи Глухаревѣ», К. Харламповичъ. Приб. къ 1700 г. 25.

являлось и малѣйшей заботы о духовномъ просвѣщеніи народа.⁵⁾ Православіе, хотя и было господствующей религіей, однако, терпѣло не мало униженій. Такое положеніе видѣли иностранцы, готовые вмѣшаться въ народное просвѣщеніе съ коварной цѣлью: «въ нескрывае-момъ намѣреніи привести греко-россійскую Церковь къ своеобразной «реформѣ» къ безразличному объединенію со всѣми другими исповѣданіями и сектами»⁶⁾. Библейское Общество было открыто въ 1813 г. Въ слѣдующемъ году была напечатана славянская Библия. Однимъ изъ видныхъ дѣятелей Библейскаго О-ва былъ Лабзинъ, открывшій въ С. П.-бургѣ ложу «Умиращій Сфинксъ». Это былъ кружокъ розенкрейцеровъ. Вмѣстѣ съ изданіями св. Писанія они высылали свою собственную литературу. Кн. Голицынъ былъ во главѣ главнаго почтоваго департамента, гдѣ рѣдкій чиновникъ не былъ масономъ. Такимъ образомъ литература Лабзина была обезпечена своимъ распространеніемъ вмѣстѣ со св. Писаніемъ, что въ послѣдствіи и послужило закрытію Библейскаго Общества. Это Общество почитало себя всеконфессіональнымъ — всѣ конфессіи были представлены, какъ равно владѣющими словомъ Божиимъ. Члены его участвовали въ кружкѣ Татариновой, гдѣ происходили хлыстовскія радѣнія. Они декламировали противъ церковности и читали Штиллинга, который писалъ о «тѣмъ нелѣпостей и суевѣрій, называемымъ греко-восточнымъ исповѣданіемъ».

Въ 1816 г. былъ постановленъ переводъ св. Писанія на русскій языкъ «дабы предложить свят. Синоду искреннее желаніе Его Величества доставить россянамъ способъ читать Слово Божіе на природномъ своемъ россійскомъ языкѣ, яко вразумительнѣйшемъ для нихъ

⁵⁾ Относительно заботы правительства о народномъ просвѣщеніи, м. Филаретъ выразилъ мысль, что это дѣло обоюдоострое. Онъ ссылается на Гизо, который писалъ, что въ Голландіи, гдѣ царилъ Библия — тамъ явился полезный результатъ, а въ безбожной Франціи получится обратное дѣйствіе. «У насъ», дополняетъ Митрополитъ, «запрещено издавать переводы житій святыхъ и съ тѣхъ поръ стали появляться сказки и глупые романы» (Душ. Чт. 1905 г., ч. III, стр. 37). Ту же самую мысль высказывалъ въ своихъ письмахъ и оптинскій старецъ о. Макарій.

⁶⁾ В. Маевскій. «Новое Русское Слово», 8-го декабря 1968 г.

славянскаго нарѣчія, на коемъ книги свящ. Писанія у насъ издаются»⁷⁾).

Однако, Синодъ не принялъ на себя руководства надъ переводомъ и не принялъ отвѣтственности на себя. Переводъ былъ отданъ въ вѣдомство комиссіи духовныхъ училищъ, которой надлежало избрать надлежащихъ переводчиковъ. Веденіе перевода отъ комиссій духовныхъ училищъ было поручено Филарету, тогда архимандриту и ректору С. П. Б. Академіи. Филаретъ взялъ Евангеліе отъ Іоанна, отъ Матѳея — прот. Павскій, отъ Марка — арх. Поликарпъ — вскорѣ ректоръ московской дух. семинаріи, отъ Луки — Моисей — ректоръ Кіевской дух. семинаріи, вскорѣ экзархъ Грузіи⁸⁾). Евангеліе было отпечатано въ 1819 г. въ числѣ 18 тыс. экземпляровъ. Послѣ этого началась работа надъ Пятюкнижіемъ Моисея, которое въ отпечатанномъ видѣ при «обратномъ ходѣ» было сожжено на кирпичномъ заводѣ Александро-Невской Лавры.

«Обратный ходъ» — это выраженіе самаго митр. Филарета, оно обозначаетъ то обратное движеніе, которое смѣнило увлеченіе Библейскимъ Обществомъ, послѣ того, какъ архимандритъ Фотій раскрылъ глаза Императору Александру I-ому на коварныя цѣли этого общества. Князь Голицынъ былъ замѣщенъ другимъ министромъ-адмираломъ Шишковымъ, который оказался яримъ противникомъ перевода св. Писанія на русскій языкъ подъ предлогомъ, что якобы русскій языкъ, господствовавшій тогда по всей Имперіи и уже успѣвшій стать языкомъ прекрасной нашей литературы, достигшей въ это время своей высшей точки расцвѣта, является языкомъ пошлымъ, непригоднымъ для перевода на него св. Писанія. Шишковъ и его сторонники считали достаточнымъ для мірянъ слышаніе Евангелія на церковныхъ богослуженіяхъ, опасаясь, что въ домашнемъ быту священныя книги могутъ подвергнуться неблагоговѣйному обращенію и также, что при знакомствѣ съ Евангеліемъ могутъ возникнуть ереси. Такая точка зрѣнія является чисто католической. Этимъ путемъ Евангельская проповѣдь была исключена изъ до-

7) Прот. Г. Флоровскій. «Пути Р. Б.», Парижъ 1937 г., стр. 134.

8) Тамъ же, стр. 154.

машняго быта русскихъ людей и это при наличіи вредной для души западной литературы, наводнявшей безпрепятственно книжный рынокъ. Печатаніе житій святыхъ было также запрещено. Но еще въ 18-омъ вѣкѣ свят. Тихонъ Задонскій находилъ необходимымъ распространеніе св. Писанія на общепонятномъ языкѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе въ этомъ была нужда... Въ результатъ немудрено, что часть духовно-одичавшаго русскаго общества вылилась въ атеистически-настроенное поколѣніе «шестидесятниковъ». И выступила соотвѣтствующая свѣтская литература въ лицѣ Чернышевскаго и подобныхъ ему... Раздвоеніе въ русскомъ обществѣ мѣшало къ объединенію всѣхъ силъ страны, чтобы общимъ усиліемъ стремиться къ осуществленію духовныхъ и государственныхъ цѣлей и заданій и въ особенности въ тѣ моменты, когда въ исторіи представлялись къ этому благопріятныя условія. Она же, эта двойственность, расшатывала наши древніе государственные устои.

Мудрость Филарета охватывала все значеніе распространенія св. Писанія среди русскаго народа тогда еще не отравленнаго ядомъ ложнаго просвѣщенія, кромѣ высшихъ его классовъ. И по этой причинѣ онъ принималъ участіе въ работахъ Библейскаго общества, ибо ему казалось, что за библейское дѣло должны взяться церковныя силы, «да не отымѣтся хлѣбъ чадомъ». Въ обновляющую силу Слова Божія онъ твердо вѣрилъ. Съ библейскимъ дѣломъ онъ неразрывно и самоотвержено связалъ свою жизнь и свое имя. Его библейскій подвигъ трудно оцѣнить въ должной мѣрѣ. Для него лично онъ былъ связанъ съ великими испытаніями и скорбями... «Въ каждой чертѣ Слова Божія», говорилъ онъ, «скрывается свѣтъ, въ каждомъ звукѣ — премудрость. Достоувѣрность священнаго Писанія простирается далѣе нашего разумѣнія»⁹⁾.

Но прошло почти полъ вѣка и только старѣющему м. Филарету удалось увидѣть осуществленіе завѣтнаго желанія всей своей жизни: выхода въ свѣтъ Свящ. Писанія на русскомъ языкѣ.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 178.

Это событіе совершилось уже въ царствованіе Императора Александра II-го. Государь этотъ былъ съ нимъ въ перепискѣ и въ его царствованіе Митрополитъ пользовался всегда неизмѣннымъ почетомъ. М. Филаретъ редактировалъ по порученію Государя манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

Въ 1824 г. (черезъ 3 года послѣ вступленія м. Филарета на Московскую кафедру) произошло значительное событіе въ его жизни: ему представился іеромонахъ Антоній (Медвѣдевъ), который въ качествѣ богомольца объѣзжалъ святыя мѣста въ Россіи и прибылъ для поклоненія въ Сергіеву Лавру. Бесѣда съ о. Антоніемъ произвела на м. Филарета глубокое впечатлѣніе и ровно черезъ 7 лѣтъ онъ вызвалъ его для того, чтобы его назначить намѣстникомъ Тр. Сергіевой Лавры. Архимандритъ Антоній пробылъ на этой должности 46 лѣтъ.

Митрополита и намѣстника связывала всю ихъ жизнь совершенно исключительная духовная близость. Это объясняется тѣмъ, что оба они были истинными монахами въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова и, кроме того, оба были послѣдователями святоотеческаго ученія о внутреннемъ дѣланіи. Въ письмѣ митрополита къ намѣстнику (Т. I, № 95, 7 февр. 1834 г.) мы читаемъ: «Сужденіямъ старца Паисія и старца Серафима покаяюсь... Прекрасный совѣтъ о. Серафима не бранить за порокъ, а только показывать его срамъ и послѣдствіе. Молитвы старца да помогутъ намъ научиться исполненіемъ».

«Какъ нерѣдко встрѣчается въ особенныхъ натурахъ, писалъ проф. Казанцевъ въ своемъ «Очеркѣ жизни архимандрита Антонія», въ митрополитѣ Филаретѣ совмѣщались повидимому несомвѣстимыя свойства. При глубокомъ критическомъ умѣ, онъ отъ дѣтства до могилы сохранилъ дѣтскую вѣру; при строгости и малодоступности къ подчиненнымъ, при величавости въ официальныхъ отношеніяхъ, былъ простъ въ домашней жизни и искренно смиренъ въ мнѣніи о себѣ; при сухости и холодности внѣшняго обращенія, онъ имѣлъ любящее, довѣрчивое сердце. Тонкій политикъ въ дѣлахъ, онъ мало зналъ практическую жизнь и жилъ въ своего рода идеальномъ мірѣ. Въ завѣтной чертѣ, кото-

рой онъ оградилъ себя отъ подчиненныхъ, была тропа, которою можно было дойти прямо до его сердца — онъ былъ монахъ. Въ своей частной нравственно-религіозной жизни онъ охотно становился въ ряды послѣднихъ послушниковъ; съ благоговѣніемъ внималъ словамъ лицъ, которыхъ считалъ высокими въ духовной жизни; счастьемъ считалъ ихъ молитвенную память о немъ; юродивые, блаженные находили у него свободный доступъ. Образы древняго иночества постоянно носились предъ его духовнымъ взоромъ, и сердце его стремилось къ общенію съ міромъ патериковъ и древнихъ житій. Съ этой стороны нашелъ близкій и скорый доступъ къ сердцу м. Филарета арх. Антоній, именно какъ къ монаху!.. Порывами духа своего о. Антоній и самъ стремился сблизиться съ этимъ міромъ избранныхъ подвижниковъ, идти ихъ путемъ къ царству небесному. . . Внимательно слѣдилъ онъ за особыми опытами духовной жизни и проявленіями благодати Божіей въ Сергіевой Лаврѣ и дѣлился своими наблюденіями съ м. Филаретомъ, сочувствовавшимъ глубоко всѣмъ такимъ явленіямъ». Для ищущихъ пустыни и безмолвія о. Антоній устроилъ въ трехъ верстахъ отъ лавры Геосиманскій скитъ. Одна за другой возникали уединенныя келліи въ лѣсу, и въ нихъ совершались подвиги поста, молитвы, молчанія. . .

Обмѣнъ мыслей о близкомъ для ихъ сердца предметѣ, постоянныя ихъ сношенія, такъ сблизили святителя Филарета съ о. Антоніемъ, что помимо дружбы, онъ избралъ его своимъ духовникомъ. Въ перепискѣ между ними, изданной въ двухъ томахъ, (Москва. 1878-85) всюду явствуетъ со стороны митрополита выраженіе глубокаго уваженія и смиренія по отношенію къ подчиненному ему лицу: «Благодарю за утѣшеніе», пишетъ онъ отъ 27-го іюня 1835 г., «не лучше было бы, если вы сдѣлали мнѣ наставленіе». . . «Благодарю за искреннія слова, я нуждаюсь въ поученіи» (4 авг. 1842). . . «Скажите, какъ поступить въ этомъ случаѣ». . . «Поспѣшите сказать мнѣ ваши мысли». . . «Тя рекохъ друга давно въ расположеніи сердца моего», писалъ святитель къ о. Антонію, «когда же Провидѣніе Божіе устроило, что ты нарекохъ и отца

въ таинствѣ, то уже твоей душѣ остается рещи, до какой степени она не чуждается уничиженной души моей».

Изъ этой переписки видно, что ни одно важное рѣшеніе, какъ въ дѣлѣ управленія епархіей, или въ государственныхъ дѣлахъ ему порученныхъ, или касавшихся его личной жизни не было предпринято и не обходилось безъ обсужденія съ о. Антоніемъ.

Вотъ случай изъ жизни Митрополита, характеризующій взаимныя отношенія между нимъ и намѣстникомъ Лавры. Вопреки мнѣнію большинства, м. Филаретъ слѣдуетъ совѣту своего духовника, какъ это ему дорого ни стоитъ:

Готовилось освященіе триумфальныхъ воротъ въ Москвѣ. На нихъ были изображенія языческихъ боговъ и м. Филаретъ отказался ихъ освящать. Царь рѣшилъ пріѣхать въ Москву на торжество. Флигель-адъютантъ отправился къ митрополиту передать желаніе Государя видѣть лично его на торжествѣ. Выслушавъ сообщеніе, митрополитъ произнесъ только одно слово: «слышу». Посланецъ повторилъ свое сообщеніе. Ничего въ отвѣтъ не послѣдовало, кромѣ того же слова: «слышу». На вопросъ, что же передать Государю пришедшій въ полное недоумѣніе посланецъ получилъ отвѣтъ: «А что слышите». Когда посланецъ, доложивъ о своемъ недоумѣніи, передалъ точно сказанное митрополитомъ Государю, тотъ сказалъ: «А, такъ я понимаю. Приготовьте лошадей: я сегодня уѣзжаю». Государь уѣхалъ. Но вотъ что по сему поводу, какъ тайну, сообщилъ епископу Леониду Намѣстникъ Лавры о. Антоній:

... «Когда Владыкѣ Филарету объявлено было, чтобы святилъ ворота (триумфальныя съ статуями языческими) Владыка пріѣхалъ въ Лавру и передалъ мнѣ», говоритъ о. Антоній, «что онъ въ борьбѣ помысловъ. Ему говоритъ совѣсть: не святы, а всѣ говорятъ: святы! Ты что скажешь?

— «Не святить».

— «Будетъ скорбь».

— «Потерпите».

Послѣ этого возвратился Владыка въ Лавру крайне смущенный.

— «Вотъ какая скорбь пришла!»

— «Это и прежде видно было».

— «Да ужъ хорошо ли я поступилъ: раздражилъ Государя. Я не имѣю достоинствъ св. Митрофана».

— «Да не берите ихъ на себя, а помните, что вы епископъ христіанскій, пастырь Церкви Христовой, которому страшно одно: разойтись съ волею Іисуса Христа».

До глубокой ночи толковали; но Владыка остался въ смущеніи. По утру рано присылаетъ за мной. Я испугался, ибо зналъ, что смущеніе уже перешло въ тѣлесную болѣзнь. Однако, прихожу и невольно улыбнулся, взглянувъ на Владыку.

— «Что ты?»

— «Да видѣнъ орелъ по полету».

Владыка уже сіяющій сказалъ мнѣ: «пойдемъ, поблагодаримъ преп. Сергія. Онъ мнѣ явился чувственнымъ образомъ. Я заснулъ, а былъ уже часъ пятый, какъ слышался шорохъ въ двери. Я чутокъ, проснулся, привсталъ: дверь, которую я обыкновенно запираю, тихонько отворилась и вошелъ Преподобный, старенькій, сѣденькій, худенькій и росту средняго, въ мантии безъ епитрахили и, наклонясь къ кровати, сказалъ мнѣ: **«не смущайся, все пройдетъ»**... И скрылся. «Спасибо», сказалъ мнѣ Владыка — «ты говорилъ мнѣ противъ всѣхъ». **И оправдались слова Преподобнаго!** (Слышалъ отъ о. Намѣстника за тайну 16 авг. 1853 г. въ скиту за всенощной въ алтарѣ ¹⁰⁾).

Еще за два мѣсяца до назначенія строителя Высокогорской Арзамаской пустыни іеромонаха Антонія намѣстникомъ Сергіевой Лавры, когда живъ былъ прежній намѣстникъ архимандритъ Аѳанасій и не было рѣчи о его замѣщеніи, о. Серафимъ предсказалъ это назначеніе. Разсказъ объ этомъ предсказаніи записанъ самимъ о. Антоніемъ.

Въ январѣ 1831 г. о. Антоній отправился къ преп. Серафиму для совѣта по случаю сильно смущавшихъ его неотвязчивыхъ мыслей о смерти.

¹⁰⁾ Душеп. Чт., 1905 г., ч. III, кн. 9-я, стр. 35.

Приѣхавши въ Саровъ вечеромъ и никуда не заходя, Антоній пошелъ прямо къ келліи старца Серафима. Не доходя до нея, онъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ братій Саровской пустыни, которые сказали ему, что о. Серафимъ въ монастырь не возвратился еще изъ своей пустыни. Было уже около пяти часовъ вечера и темнѣло. Приѣхавшій остановился въ раздумьѣ: идти ли ему куда или тутъ дожидаться? Въ это время стоящая съ нимъ братія, завидѣвъ издали грядущаго старца, извѣстила: вотъ о. Серафимъ идетъ. Старецъ шелъ въ обыкновенной своей одеждѣ съ мѣшкомъ за плечами, опираясь на топоръ. О. Антоній тотчасъ подошелъ къ нему и поклонился обычно.

— Что ты? спросилъ его старецъ.

— Къ вамъ, батюшка со скорбной душой, — отвѣчалъ Антоній.

— Пойдемъ, радость моя, въ келлію, — привѣтливо сказалъ старецъ.

Въ келліи наединѣ Антоній умолялъ старца Серафима сказать ему откровенно: совершится ли съ нимъ то, что внушаютъ ему скорбные помыслы? Не приближается ли въ самомъ дѣлѣ смерть его? Сижущи я въ келліи, говорилъ Антоній, выйду на монастырь, мнѣ представляется, что послѣдній разъ вижу обитель. Изъ сего заключаю, что скоро умру, и потому указалъ уже и мѣсто могилы для себя. Желая знать о смерти единственно для измѣненія моей жизни, чтобы, отказавшись отъ должности, посвятить остальные дни свои безмолвному вниманію. Извѣщеніе о смерти не будетъ страшно для меня.

О. Серафимъ слушалъ рассказъ, не измѣняя положенія и держа за руку о. Антонія. Когда же тотъ окончилъ, блаженный старецъ, взирая на него съ любовію, сказалъ: не такъ ты думаешь, радость моя, не такъ: Промыселъ Божій ввѣряетъ тебѣ обширную лавру.

О. Антонію подумалось, что старецъ Серафимъ желаетъ развлечь его отъ скорбныхъ мыслей, поэтому, прерывая рѣчь его, сказалъ: батюшка, это не успокоитъ меня, не усмирить моихъ помысловъ: я умоляю васъ, скажите прямо: мысли мои о смерти не служатъ

ли отъ Бога указаніемъ на близкую мою кончину? и въ такомъ случаѣ я буду просить молитвъ о душѣ моей и приму мирно и благодарно ваше слово. Мнѣ хочется встрѣтить часъ смертный съ должнымъ приготовленіемъ.

О. Серафимъ съ ангельской улыбкой отвѣчалъ: невѣрны твои мысли, я говорю тебѣ, что Промыселъ Божій ввѣряетъ тебѣ лавру обширную. Строитель же сказалъ на это: гдѣ же Высокогорской пустыни быть лаврою? Дай Богъ, чтобы не сошла ниже, чѣмъ теперь стоитъ.

Къ большому удивленію Антонія, старецъ Серафимъ, не перемѣняя своихъ мыслей, сталъ просить его милостиво принимать изъ Сарова братію, кто придетъ въ лавру, или онъ пришлетъ. Оставаясь въ прежнемъ впечатлѣніи, Антоній продолжалъ: батюшка! кто захочетъ изъ Сарова переходить въ скудную Высокогорскую пустынь? А если бы кто пожелалъ, или кого бы вы прислали, то вы знаете всегдашнюю мою готовность дѣлать все, что вамъ угодно: да на дѣлѣ сего не можетъ быть.

О. Серафимъ, какъ будто идя по одной и той же дорогѣ, сказалъ: не оставь сиротъ моихъ, когда дойдетъ до тебя время.

Не выдержалъ строитель Антоній и въ порывѣ безпредѣльной любви и уваженіи къ старцу, бросился къ нему, обнялъ его и долго плакалъ. Не понимая значенія сказанныхъ словъ, онъ остановился вниманіемъ своимъ на словѣ «сиротъ»: ему казалось, что старецъ говоритъ о скорой своей кончинѣ. Блаженный Серафимъ продолжалъ: поминай моихъ родителей Исидора и Агаѳію. Затѣмъ сталъ совѣтовать покоряться во всемъ волѣ Господней, быть прилежнымъ къ молитвѣ, строго исполнять свои обязанности, быть милостивымъ и снисходительнымъ къ братіи, и вообще ко всѣмъ быть милостивымъ и по себѣ смиреннымъ. Смиреніе и осторожность, говорилъ онъ, есть красота добродѣтелей. Потомъ о. Серафимъ нѣсколько разъ обнялъ строителя, благословилъ висѣвшимъ на груди его крестомъ и сказалъ: теперь гряди во имя Господне. Время уже тебѣ: тебя ждутъ.

Во время возвратнаго пути Антоній слышитъ, что ѣдущій съ нимъ монахъ началъ плакать. О чемъ ты плачешь? — спросилъ Антоній. Въ Саровѣ онъ встрѣтилъ о. Серафима, возвращающагося изъ пустыни въ монастырскую свою келлію, который сказалъ ему: ну вотъ и вамъ предстоитъ разлука съ вашимъ строителемъ.

Между тѣмъ время шло: прошелъ январь, февраль, наступилъ мартъ и великій постъ. На второй день марта мѣсяца въ понедѣльникъ 1-й недѣли поста, отправивъ чреду неусыпаемаго чтенія Псалтири, отправляемую каждымъ братомъ по два часа, строитель всталъ на свое мѣсто. Здѣсь подали ему письмо отъ митрополита Московскаго. О. Антоній пошелъ въ свою келлію. При письмѣ, приглашающемъ Антонія въ намѣстника Сергіевой Лавры, приложенъ былъ конвертъ къ Нижегородскому преосвященному Аѳанасію о скорѣйшемъ увольненіи о. Антонія отъ должности строителя Высокогорской пустыни и отправленіи его въ Москву.

По полученіи письма митрополита Филарета, о. Антоній немедленно отправился въ Нижній; и представивъ преосвященному Аѳанасію отношеніе митрополита Московскаго, 4 числа получилъ увольненіе отъ должности настоятеля Высокогорской пустыни; 5 и 6 сдалъ монастырь казначею; въ субботу первой недѣли совершилъ литургію и, причастивъ Св. Таинъ братію, простился съ нею и, проѣздомъ посѣтивъ Арзамасъ, простился съ знакомыми; 10 числа прибылъ въ Москву и остановился въ Симоновомъ монастырѣ и въ тотъ же день явился Митрополиту. Въ домово́й церкви митрополита приведенъ былъ къ присягѣ на служеніе въ должности намѣстника; 15 посвященъ въ санъ архимандрита Виѳанскаго монастыря; 19 числа въ Четвертокъ во время часовъ пріѣхалъ въ Лавру и прямо вошелъ въ алтарь безъ всякой встрѣчи, одѣтый по пустынному въ монашескую рясу, съ которой не скоро разстался и на новомъ мѣстѣ служенія¹¹⁾.

Кѣмъ же былъ новоприбывшій въ Лавру ея новый намѣстникъ? Архимандритъ Антоній, въ міру Андрей Гавриловичъ Медвѣдевъ былъ сыномъ крестьянина

¹¹⁾ См. П. Казанскій. Очеркъ жизни арх. Антонія, намѣстника Св. Тр.-С. Лав. Москва 1878 г.

Нижегородской губерніи. Родился въ 1792 г. Въ молодости былъ аптекарскимъ ученикомъ и пѣвчимъ, а въ 1812 получилъ право на врачебную практику. Былъ принятъ въ Саровскій монастырь въ 1818 г. Въ 1820 г. перешелъ въ Высокогорскую пустынь. Постриженъ въ монашество въ 1822 г. и рукоположенъ во іеромонахи. Путешествовалъ по святымъ мѣстамъ и въ 1826 г. назначенъ строителемъ означенной пустыни. Привелъ таковую въ благоустройство. Въ 1831 г. назначенъ м. Филаретомъ въ намѣстники Троице-Сергіевой Лавры, гдѣ пробылъ 46 лѣтъ и привелъ Лавру въ цвѣтущее состояніе: расширилъ зданія, украсилъ церкви, устроилъ гостиницы и больницы, домъ призрѣнія, училище для дѣтей, иконописную мастерскую, поднялъ уровень монашеской жизни, много издалъ аскетическихъ и духовнонравственныхъ книгъ. Скончался въ 1877 г. (Пр. Бог. энциклопедія С. П. Б. 1900, стр. 906). Въ бытность свою въ Саровѣ о. Антоній былъ почитателемъ преп. Серафима и посѣщалъ его. Въ Дивѣвской Лѣтописи разсказывается случай, когда въ келлію преп. Серафима одновременно вошли строитель Высокогорской пустыни іеромонахъ Антоній и Владимірскій купецъ.

О. Антонія о. Серафимъ попросилъ сѣсть обождасть, а съ купцомъ началъ разговаривать.

— Всѣ твои недостатки и скорби, — сказалъ онъ, — суть слѣдствія твоей страстной жизни. Оставь ее — исправь пути твои.

И затѣмъ кратко и ласково началъ обличать его въ порокахъ, но съ такой теплотой сердца, что оба его слушатели заливались слезами. Въ заключеніе велѣлъ купцу отговѣться въ Саровѣ обнадеживая его, что въ случаѣ искренняго покаянія Господь не отниметъ отъ него Своей благодати и милости. Купецъ съ умиленіемъ поклонился ему въ ноги, обѣщаясь исполнить всѣ его совѣты, и въ слезахъ, но съ облегченной душой вышелъ отъ него.

Удивленный прозорливостью старца, о. Антоній сказалъ потомъ:

— Батюшка! душа человѣческая передъ вами открыта, какъ лицо въ зеркалѣ въ моихъ глазахъ: не вы-

слушавши духовныхъ нуждъ и скорбей бывшаго сейчасъ богомольца, вы ему все высказали.

О. Серафимъ не сказалъ ни слова.

Строитель продолжалъ:

— Теперь я вижу: умъ вашъ такъ чистъ, что отъ него ничего не сокрыто въ сердцѣ ближняго.

О. Серафимъ положилъ правую руку на уста своему собесѣднику и сказалъ: — Не такъ ты говоришь, радость моя. Сердце человѣческое открыто одному Господу, и одинъ Богъ — сердцеѣдецъ: а «человѣкъ приступитъ и сердце глубоко» (Пс. 63, 7). За симъ разсказалъ онъ, какъ нѣкоторые укоряли Св. Григорія Богослова за то, что онъ приблизилъ къ себѣ Максима циника. Но святитель сказалъ: «единъ Богъ вѣдаетъ тайны сердца человѣческаго; а я видѣлъ въ немъ обратившагося отъ язычества въ христіанство, что для меня — велико».

Строитель опять спросилъ:

— Да какъ же, батюшка, вы не спросили отъ купца ни единого слова и все сказали, что ему потребно? —

Отецъ Серафимъ, отверзши уста и распространивъ слово, началъ изъяснять:

— Онъ шелъ ко мнѣ, какъ и другіе, какъ и ты шелъ, яко къ рабу Божию. Я, грѣшный Серафимъ, такъ и думаю, что я грѣшный рабъ Божій: что мнѣ повѣляетъ Господь, то я и передаю требующему полезнаго. Первое помышленіе, являющееся въ душѣ моей, я считаю указаніемъ Божиимъ и говорю, не зная, что у моего собесѣдника на душѣ; а только вѣрую, что такъ мнѣ указываетъ воля Божія для его пользы. А бываютъ случаи, когда мнѣ выскажутъ какое-либо обстоятельство; и я, не повѣривъ его волѣ Божіей, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибѣгая къ Богу, рѣшивъ умомъ: въ такихъ случаяхъ всегда дѣлаются ошибки».

Еп. Леонидъ, викарій, записываетъ (1849 г.): «Замѣчательный разсказъ, слышанный о. Феодоромъ отъ намѣстника и ему переданный».

О. Антоній разсказываетъ, что когда постригся онъ въ монахи, было у него пламенное желаніе того житія, образецъ котораго встрѣчалъ онъ въ книгахъ

отеческихъ имъ прочитанныхъ: ему хотѣлось, по примѣру древнихъ, начать съ того, чтобы волю свою бросить въ горнъ послушанія, совершенно отречься отъ себя и предать волю свою въ волю избраннаго старца. Съ этой мыслию пошелъ онъ къ о. Серафиму (это было въ Саровѣ). Выслушавъ его, о. Серафимъ взялъ его за руку и вложилъ въ руку старца, который случился въ его келліи. «Я такъ и обмеръ», говоритъ о. намѣстникъ, п. ч., какъ нарочно, судьба его свела его въ келліи о. Серафима въ такую важную минуту, съ человѣкомъ, котораго слабости были ему извѣстны, и котораго особенно не хотѣлось бы ему имѣть своимъ наставникомъ, что было бы дѣломъ неизбѣжнымъ, если бы такъ рѣшилъ о. Серафимъ, ибо о. Антоній рѣшилъ во всемъ повиноваться его волѣ. «Если бы зналъ о. Серафимъ», — былъ помыслъ Антонія, — что этотъ, впрочемъ добрый старецъ, такъ часто приглашаетъ меня къ себѣ, чтобы только полакомиться со мною между тѣмъ, какъ я, оставивъ въ мірѣ и то что было гораздо поважнѣе, такъ мало имѣлъ расположенія ввязываться въ эти пустяки; или, если бы о. Серафимъ замѣтилъ теперь, какъ одобряетъ онъ движеніе о. Серафима соединить меня съ нимъ, конечно, узами послушанія. Всѣ эти мысли толпились въ головѣ о. Антонія, возмутили его. Но скоро дѣло выяснилось. Отецъ Серафимъ сказалъ старцу: «Возьми ты этого молодого брата, введи его въ церковь, поставь передъ мѣстнымъ образомъ Спасителя, вели сдѣлать 3 земныхъ поклона и скажи: — Вотъ тебѣ наставникъ и покровитель: все что Онъ скажетъ тебѣ, дѣлай и спасешься. Такъ и къ мѣстному образу Божіей Матери и скажи: «вотъ тебѣ наставница и покровительница — иныхъ тебѣ не нужно». Послѣ этого распоряженія, онъ сдѣлалъ о. Антонію, какъ бы поясненіе слѣдующаго содержанія: «Ты хорошую взялъ мысль всецѣло подчинить свою волю волѣ другого, но посмотри, чего ты хочешь: хочешь ты, чтобы тебя, какъ свѣчу поставили въ свѣтлый, крѣпкій фонарь, гдѣ ты безопасенъ отъ вѣтра и несли тебя бережно; или хочешь ты чтобы черезъ рѣку перевезъ тебя надежный челнъ?... Самъ умѣй укрываться отъ вѣтра, чтобы не потухъ пламень; самъ

борись съ волнами, чтобы перебраться за рѣку». И указаль только кого можно выбрать въ совѣтники».

Духовное общеніе съ преп. Серафимомъ «любезнѣйшимъ его сердцу» не прерывалось о. Антоніемъ до самаго конца. Однажды, идучи по лаврскому сосновому лѣсу, о. Антоній нашель плоскій и гладкій камень, на подобіе аспидной дощечки, велѣль написать на немъ явленіе Божіей Матери преподобному Сергію, освятиль этотъ образъ на мощахъ угодника Божія и послалъ въ благословеніе о. Серафиму. Подвижникъ за недѣлю до смерти вручилъ его одному изъ монаховъ съ такими словами: «Сей образъ надѣньте на меня, когда я умру, и съ нимъ положите меня въ могилу: онъ присланъ мнѣ честнымъ архимандритомъ Антоніемъ, намѣстникомъ святой лавры, отъ мощей преподобнаго Сергія». Завѣщаніе старца было исполнено.

О. Антоній, который духомъ и жизнью подражалъ древнимъ подвижникамъ и всегда носилъ въ сердцѣ слова преп. Серафима: «Будьте милостивы, къ милости, прибѣгайте и въ словахъ и въ дѣлахъ, и въ помышленіяхъ, ибо милость есть жизнь души», неоднократно былъ сподобленъ благодатныхъ явленій: причащая братію, онъ увидѣль, какъ два старца-инока, со страхомъ приступившіе къ Чашѣ со св. Таинами, причастились изъ нея небеснаго огня. Умирая 85-ти лѣтъ и лежа въ тяжкомъ недугѣ, о. Антоній увидѣль на яву своего покойнаго друга м. Филарета: «Тяжко тебѣ?» — спросилъ онъ его. — «Да, владыка святой». — «Читай пять разъ Христось Воскресе и одинъ разъ Отче нашъ», сказалъ іерархъ, и сталъ невидимъ. О. Антоній почилъ 12 мая 1877 г. Посмертнымъ явленіемъ о. Антоній исцѣлилъ одну монахиню жестоко страдавшую судорожными припадками. Это засвидѣтельствовано священникомъ, начальницей обители и докторомъ. И было напечатано въ «Нижегородскихъ епар. вѣд.» въ 1888 г. № 16.

Въ 1833 представился преп. Серафимъ и стало вскорѣ сбываться его пророчество о Дивѣвѣ. Его ложный ученикъ о. Іоасафъ вмѣшался въ жизнь обители и сталъ отмѣнять заповѣди Преподобнаго, данныя ему Самой Царицей Небесной. Обитель стала при-

нимать другой характеръ. Онъ отстранилъ «Серафимовыхъ сиротъ» и возвысилъ группу своихъ послѣдовательницъ, Н. А. Мотовиловъ, которому преп. Серафимомъ было поручено попеченіе о сестрахъ, поѣхалъ въ Москву и обратился къ намѣстнику лавры, которому, въ свою очередь, было поручено заступленіе за сиротъ. Вслѣдствіе этого между намѣстникомъ и митрополитомъ послѣдовалъ рядъ писемъ, посвященныхъ этому дѣлу. Митрополитъ откликнулся самымъ горячимъ образомъ. Онъ помогалъ «сиротамъ» изъ своихъ средствъ. Дѣло тянулось годами. Но митрополитъ въ концѣ настоялъ, чтобы Іоасафовскія сестры были удалены. Онѣ основали собственный Понетаевскій монастырь. Дивѣевская обитель была отчислена въ Тамбовскую епархію, гдѣ тогда епископомъ былъ Ѳеофанъ, будущій затворникъ Вышенскій. Игуменьей Дивѣевской стала Елисавета, родомъ Ушакова, согласно предсказанію Преподобнаго, въ монашествѣ игуменія Марія. Въ Дивѣевѣ спасалось одновременно до 1000 монахинь. Игуменія Марія дожила до прославленія Преподобнаго.

Другой заботой Митрополита было изданіе житій о.о. Марка, Серафима и Георгія Затворника, а также отдѣльное изданіе наставленій старца Серафима Саровскаго. Митрополиту пришлось пройти черезъ безконечный рядъ препятствій, чинимыхъ синодальными архіереями. Ихъ пугалъ присущій этимъ писаніямъ элементъ чудесь.

Какъ извѣстно, чисто православной богословской науки во времена митр. Филарета не существовало. Недавно возникшія Академіи пользовались иностранными, иновѣрными учебниками. Чистое Восточное Православное ученіе хранилось, главнымъ образомъ, въ незатронутыхъ ученостью нѣдрахъ народныхъ, разумѣется среди монашествующихъ, и прежде всего, среди обителей, куда успѣли проникнуть ученики старца Паисія и занести ученіе св. Отцовъ о внутреннемъ дѣланіи. Поэтому совершенно неудивительно, что среди образованныхъ архіереевъ господствовалъ протестантскій образъ мышленія.

По поводу этого дѣла тоже возникла переписка

между митрополитомъ и намѣстникомъ. Пишетъ Митрополитъ отъ 28 іюля 1838 г. за № 199: «А я хотя черезъ порогъ смотрѣлъ въ безмолвіе, прочитавъ житіе о. Серафима, и, какъ вамъ хотѣлось, поправилъ нѣсколько словъ, гдѣ они казались поставлены не совсѣмъ правильно. Если думать о напечатаніи, то затрудненіе представить нѣкоторыя сказанія о видѣніяхъ. Цензура едва ли согласится пустить въ свѣтъ чудесное въ жизнеописаніи безъ высшаго свидѣтельства Церкви. Но исключить изъ жизнеописанія сказанія сего рода мнѣ кажется было бы похоже на святотатство. Если хотите, поговорите съ цензурой»...

Отъ авг. 2-го 1838 г. митрополитъ пишетъ: «Посылаю вамъ, о. Намѣстникъ, просмотрѣнные мною поученія, или духовныя наставленія о. Серафима. Я позволилъ себѣ перемѣнить, или дополнить нѣкоторыя выраженія, частью, чтобы языкъ былъ правильнѣе, частью, чтобы мысли, недовольно полно, или недовольно обыкновенно выраженные, оградить отъ неправильнаго разумѣнія или отъ прекословія. Посмотрите и скажите мнѣ: можно ли подумать, что я не переиначилъ, или не повредилъ гдѣ либо мысли старца»... Отъ авг. 11 1838 г. онъ пишетъ... «Духовныя наставленія лучше цензуровать отдѣльно, чтобы въ случаѣ затрудненій въ житіи не затруднить и имъ дорогу»... Отъ 20 ноября 1838 г. онъ пишетъ:... «Сказаніе о онѣмѣвшемъ діаконѣ едва ли не останется въ архивѣ. Я опасался быть неуступчивымъ въ части, чтобы не испортить цѣлаго дѣла». Отъ дек. 31, 1839 г.: «Дѣло о житіяхъ о. Серафима и затворника Георгія молчитъ: я не напоминаю о семъ въ ожиданіи Преосв. Кіевскаго, котораго мнѣніе благопріятно сему дѣлу». Наконецъ, въ письмѣ отъ дек. 6-го 1840 г. митр. жалуется, что: «Владыка Новгородскій опять возсталъ со своими недоумѣніями о чудесныхъ событіяхъ». Также возсталъ митр. Іона. «Видно согрѣшилъ саровскій игуменъ, написавъ къ митр. Іонѣ свои несвѣтлыя мысли». Однако, по милости Божіей и благодаря настойчивости митрополита Филарета, эти драгоцѣнные документы, наконецъ, увидѣли свѣтъ.

М. Филарету также принадлежала другая великая заслуга: его «усердіемъ и стараніемъ» дважды было пере-

издано въ 1822 г. и въ 1852 г. Добротолубіе, впервые напечатанное въ 1793 г. митр. Гавріиломъ (см. «Житіе и писаніе Молдавскаго старца Паисія Величковскаго». Москва. 1847. 111 стр.). Это «усердіе и стараніе» Филарета являются неоспоримымъ доказательствомъ его приверженности съ раннихъ поръ къ святоотеческому ученію о внутреннемъ дѣланіи.

Кромѣ попеченія о Серафимовомъ наслѣдіи, митр. Филаретъ не меньше усердія вкладывалъ въ покровительство Оптиной Пустыни. Мы уже говорили, что Оптинскому старцу Льву угрожала ссылка въ Соловки за его подвигъ старчества, причемъ скиту грозило закрытіе. По этому случаю м. Филаретъ написалъ Калужскому архіерею, что о. Левъ отнюдь не является еретикомъ. Съ другой стороны митрополитъ Кіевскій Филаретъ въ бытность свою въ Оптиной Пустыни оказалъ старцу Льву знаки глубокаго уваженія въ присутствіи враждебно-настроеннаго епископа и тѣмъ заставилъ его смириться, такъ что старчество въ Оптиной не было нарушено. Извѣстно, что м. Филаретъ Московскій имѣлъ личную встрѣчу со старцемъ Львомъ въ бытность его въ Москвѣ. О. Левъ остановился въ Симоновомъ монастырѣ, гдѣ настоятелемъ былъ о. Мельхиседекъ, бывшій казначей Бѣлобережской пустыни, благодаря интригамъ котораго, о. Левъ уступилъ ему настоятельскую должность. Арх. Мельхиседекъ повезъ о. Льва, чтобы его представить митрополиту. Владыка охотно принялъ о. Льва, а о. Мельхиседеку сказалъ, что онъ ему не нуженъ и можетъ, если понадобится, придти въ другой разъ. Кромѣ о. Льва, расположеніемъ митрополита пользовался о. Макарій, который по его приглашенію пріѣзжалъ въ Москву. Съ нимъ митрополитъ имѣлъ постоянныя сношенія во время печатанія святоотеческой литературы. Но особой любовью митрополита пользовался о. Антоній Малоярославецкій, братъ игумена Моисея — поистинѣ святой старецъ. Отношенія съ Оптиной пустынью поддерживались также черезъ о. намѣстника Троицкой лавры о. Антонія. О посѣщеніи имъ Оптиной пустыни въ первой половинѣ XIX в. сохранилась запись въ Оптинскомъ дневникѣ ¹²⁾.

¹²⁾ См. С. А. Нилусъ. «Святѣя подѣ спудомъ». Изд. Св. Тр. Лавры, стр. 39-41.

«21 октября. Пятокъ. Пополудни въ 8 часовъ вечера неожиданно прибылъ въ монастырь нашъ о. Намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры, архимандритъ и кавалеръ Антоній съ Малоярославецкимъ о. игум. Антоніемъ ¹³⁾).

«22 октября. Храмовой праздникъ явленныя иконы Богоматери Казанскія. Божественную службу совершалъ о. игуменъ М. соборне. Высокіе гости — о. архимандритъ Антоній съ о. игуменомъ Антоніемъ утромъ посѣтили всѣ монастырскія службы: братскую трапезу, хлѣбопекарню, рухольную и проч.; потомъ слушали позднюю литургію. Трапезовали обще съ братіей. О. архимандритъ Антоній, по смиренію своему, не согласился въ трапезѣ сѣсть на приготовленномъ стулѣ возлѣ настоятеля, но сидѣлъ вмѣстѣ съ братією, почитая себя странникомъ и ничтоже глаголаше.

«Пополудни, въ 3 часа о. Намѣстникъ съ о. игуменомъ Антоніемъ отправились въ Скитъ, посѣтили скитоначальника, о. М., церковь и прочія въ Скиту мѣста.

«23 октября. Воскресенье. О. Намѣстникъ съ о. игуменомъ Антоніемъ паки отправились въ Скитъ къ обѣднѣ въ 7 часовъ утра и до 11 часовъ время проводили въ духовной бесѣдѣ со скитоначальникомъ — старцемъ, о. М. Оттуда всѣ трое прибыли въ обитель къ настоятелю о. игумену М. и трапезовали четверо. Отецъ Намѣстникъ при трапезѣ, казалось, болѣе насыщалъ — питалъ своею любвеобильною, смиренномудрою бесѣдою души слушающихъ, нежели пища — тѣло: такъ онъ сладкоглаголивъ, что, слушая его, не почувствуешь усталости и въ цѣлыя сутки.

«Пополудни, въ 3 часа, паки о. Намѣстникъ съ о. иг. Антоніемъ отправились въ Скитъ; отправили панихиду въ скитской церкви по Іеросхимонахъ Іоаннѣ и прочихъ почившихъ старцахъ, записанныхъ о. Намѣстникомъ, и вновь продолжали бесѣду съ о. скитоначальникомъ,

¹³⁾ Не изъ числа обыкновенныхъ смертныхъ были эти оба посѣтителя: Намѣстникъ Лавры Архимандритъ Антоній и Малоярославскій Игуменъ Антоній. Первый былъ близокъ къ Преподобному Серафиму и къ великому Митрополиту Московскому, Филарету; второй — родной братъ великаго Оптинскаго игумена (впослѣдствіи архимандрита) Моисея и Саровскаго игумена Исаіи, отличался великимъ подвигомъ личной духовной жизни. Оба были яркими представителями духовной силы истиннаго монашества первой половины XIX вѣка.

о. М. о душевной пользѣ. Вечеромъ же въ настоятельскихъ келліяхъ продолжали духовную бесѣду до 12 ч. ночи.

«24 октября. Понедѣльникъ. Намѣстникъ и старцы были у ранней Литургіи, послѣ которой назначенъ отъѣздъ изъ обители. Бесѣдуя въ послѣдній разъ въ настоятельскихъ келліяхъ, о. Намѣстникъ сказалъ:

— «Время, старцы Божіи, разстаться намъ!»

Трогательны были минуты прощанія ихъ. О. Намѣстникъ прочиталъ молитвы съ отпускомъ на путешествіе; всѣ четверо поверглись смиренно другъ другу въ ноги, плакали и просили взаимныхъ молитвъ другъ о другѣ.

До монастырскаго парома шли всѣ пѣши. На берегу, простившись со старцемъ о. М., убѣдили его не входить въ паромъ, опасаясь для него простуды, ибо онъ, забывъ свою недавнюю болѣзнь и старость, провожалъ легко одѣтый. Когда паромъ двинулся отъ берега, о. Намѣстникъ сказалъ съ поклоненіемъ старцу о. М., стоявшему на берегу:

— «Простите, батюшка о. М., перекрестите насъ!»

Батюшка, въ свою очередь, поклонился и, смиренно повинувшись, осѣнилъ знаменіемъ крестнымъ плившихъ на паромѣ и сказалъ:

— «Не пойду, пока не увижу благополучной переправы вашей». — Когда же паромъ присталъ къ другому берегу, старецъ о. М. сказалъ:

— «Теперь радуюсь, видя благополучно достигшихъ берега. Благословите же и меня, о. Архимандритъ!»

Повинувшись старцу, и о. Намѣстникъ сдѣлалъ на старца знаменіе креста и умиленно сказалъ:

— «Буди съ вами благословеніе Божіе. Простите, батюшка, и помолитесь». И оба они на разныхъ берегахъ низко поклонились другъ другу.

О. игуменъ М. провожалъ о. Намѣстника съ о. игуменомъ Антоніемъ до сельца Кожемякина за 20 верстъ отъ обители, гдѣ посѣтили помѣщика. Николая Ивановича Хлюстина, который нарочито пріѣзжалъ въ нашу обитель и убѣдительно просилъ заѣхать къ нему въ домъ. Тамъ разстались и съ о. игуменомъ М., который

возвратился въ монастырь въ 9-мъ часу вечера, а о. Намѣстникъ съ о. игуменомъ Антоніемъ отправились до Перемышля на обительскихъ лошадяхъ; изъ Перемышля того же вечера, въ 8 ч., отправились въ Калугу, поспѣвая изъ опасенія осенней ненастной погоды.

Посѣщеніе достоуважаемаго о. архимандрита Антонія, изъявленное имъ архипастырское благословеніе высокопреосвященнѣйшаго митрополита Филарета Московскаго и доставленные неоцѣненные дары на благословеніе монастырю и скиту пребудутъ неизгладимо въ памяти. Трогательно видѣть обращеніе между собою такихъ, соединенныхъ духовнымъ союзомъ любви о Христѣ, мужей; еще болѣе назидательно и утѣшительно было слышать духовную ихъ другъ съ другомъ бесѣду.

Вотъ, какъ о семъ посѣщеніи выразился батюшка, старецъ нашъ, о. М. въ письмѣ отъ 25 октября къ знакомымъ.

«Всѣ эти дни были мы въ пріятныхъ хлопотахъ: въ пятницу вечеромъ, т. е. 21-го числа, утѣшили насъ своимъ посѣщеніемъ почтенно-любезные гости — Лаврскій Намѣстникъ, о. Архимандритъ Антоній съ Малоярославскимъ игуменомъ о. Антоніемъ. Ласковому, пріятному его обращенію съ нами, убогими, а паче сомною, ничтоже стоящимъ, надо было удивляться. Кажется, онъ любовію дышалъ, что все выражалось умиленными его чувствами. Всякое слово его любвеобильной бесѣды запечатлѣвалось въ сердцахъ нашихъ, а описать оныя тупое мое перо съ такимъ же умомъ не имѣетъ способности. Наградилъ Скитъ нашъ святынею и еще обѣщалъ прислать. Съ какимъ благоговѣніемъ принялъ рукодѣліе Скита нашего — ложечки и точенныя штучки — надо было удивляться! И хотѣлъ представить оныя Митрополиту. Ну, словомъ, оставилъ память и примѣръ нелестной любви и смиренія. Что можемъ воздать ему? Токмо въ благодарномъ сердцѣ сохранить сіе чувство и молить Господа простымъ словомъ: спаси его, Господи!»

Въ жизни Оптиной важной страницей въ исторіи ея является работа скита по изданію святоотеческихъ твореній. Участіе въ этомъ дѣлѣ митрополита москов-

скаго имѣло рѣшающее значеніе. Безъ этого участія оно оказалось бы невысказуемо. Филаретъ даже лично работалъ надъ переводами и Кирѣевскій къ нему обращался въ случаяхъ недоумѣній. Прот. Ф. А. Голубинскій, профессоръ Академіи былъ цензоромъ и благодаря этому печатаніе совершалось безъ вмѣшательства со стороны Св. Синода и могло безболѣзненно осуществиться. Это издательство въ жизни Церкви имѣло безпримѣрное значеніе.

Мы видимъ изъ всего вышеизложеннаго, что въ кѣм. Филарета былъ въ комѣ, когда лучшія церковныя силы пытались, вопреки свѣтскому модернизму и европейскому вернуть сердца русскихъ людей къ прежней Святой Руси, къ «стяжанію Духа Святаго», по выраженію преп. Серафима. Центральнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ былъ московскій митрополитъ Филаретъ, покровитель Серафимова наслѣдія и Оптиной Пустыни. Въ его время и его въ кѣмъ возросъ и созрѣлъ другой великій пророкъ и дѣятель на нивѣ Христовой — о. Іоаннъ Кронштадтскій — истинный сосудъ Духа Святаго, преисполненный благодати Божіей, также бывшій послѣдователемъ святоотеческаго ученія о внутреннемъ дѣланіи. «Хотя о. Іоаннъ священствовалъ въ міру и не имѣлъ монашескаго постриженія, но внутренняя жизнь его была вся въ монашескомъ подвигѣ, согласно святоотеческой традиціи. Онъ постоянно говоритъ о внутреннемъ духовномъ дѣланіи, о «невидимой брани» — не только противъ страстей, но и противъ «духовъ злобы поднебесныхъ», говоритъ объ «умно сердечной молитвѣ» и силѣ и дѣйственности «Имени Іисуса»¹⁴⁾.

Какъ уже было ранѣе сказано, внутренняя духовная жизнь м. Филарета была глубоко сокрыта отъ его современниковъ; дверь его спальни запиралась на замокъ, такъ что никто не зналъ, когда онъ ложился, или вставалъ, какъ провелъ ночь. Тѣмъ не менѣе, «не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы» (Мѡ. 5, 14), такъ и святость м. Филарета открылась въ его исцѣлѣніяхъ, пророчествованіяхъ, откровеніяхъ, ему бывшихъ и также изъ бывшихъ ему явленій изъ потусто-

¹⁴⁾ И М. Концевичъ. О. Іоаннъ Кр. и дух. кризисъ Россіи. 50-лѣтіе преставленія приснопам. Іоанна Кроншт. Нью Йоркъ, 1958 г., стр. 95.

ронняго міра. Въ письмахъ къ Намѣстнику онъ неоднократно упоминаетъ объ откровеніяхъ «въ сонномъ бдѣніи». Въ письмѣ отъ апр. 1-го 1838 онъ пишетъ: «Молитва безъ любви не бываетъ услышана, сказалъ нѣкто во снѣ наяву». Въ письмѣ отъ дек. 30-аго 1836 г. онъ пишетъ: «Въ прошедшемъ ноябрѣ около дня Михаила Архангела сказано кѣмъ-то кому-то во снѣ: земля празднуетъ ихъ дни и они горькую обязанность имѣютъ быть на земли. Потому надобно съ ними соединяться. Они просятъ нашихъ молитвъ и говорятъ: мы принесемъ ваши молитвы уже очищенные въ нашемъ предствѣтельствѣ передъ Престоломъ Всевышняго. Предствѣтельство Святыхъ есть звено, соединяющее слабое существо земныхъ съ небомъ . . . О, если и всѣ со вниманіемъ, а не по памяти только именовали дневного Святого. (Прим. Въ сохранившейся послѣ м. Филарета памятной книжкѣ подъ 11 ноября 1836 г. записано: «1836. По случаю недовольнаго вниманія къ празднику Михаила Архангела сказано во снѣ». Далѣе слѣдуютъ, переписанныя въ семь письмѣ, слова). Въ письмѣ отъ 25-го февр. 1843 г. на вопросъ своего духовника-Намѣстника, знавшаго о томъ, что многія тайны духовнаго міра ему открыты, м. Филаретъ отвѣчаетъ: «Не умѣю говорить не только о свѣтломъ небесномъ, но и о темномъ, о чемъ спрашиваете. Чтонибудь скажу, а вы разсуждайте. Что степени духовъ тмы различны въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Примѣтно, что между ними есть низшіе роды, подобные тому, что между людьми малосмысленные и дикіе, или какъ будто скотъ духовнаго міра. Входя въ соприкосновеніе съ здѣшнимъ міромъ они дѣлаютъ ребячества и глупости, но едва ли можно сказать, что вреда не сдѣлаютъ . . . но какой вредъ могло бы сдѣлать другому подобное привидѣніе трудно опредѣлить. Посему искушаемому не то должно говорить, что совсѣмъ не могутъ сдѣлать вреда, но что Богъ не попустилъ повредить вѣрующему, призывающему Имя Божіе и крестомъ ограждающемуся. Для ободрѣнія можно присовокупить, что по признакамъ дѣйствій видно уже храненіе Божіе въ томъ, что попущено не сильнымъ врагамъ нападать, а незначущимъ». Далѣе говорится о томъ, что человѣкъ долженъ испытывать себя не удерживаетъ ли онъ въ совѣсти

«страстнаго помысла, или чего темнаго въ совѣсти, что открываетъ дорогу и доступъ обитателямъ тьмы, а также «волненіе и раздраженіе нервовъ усиливаетъ способность принимать впечатлѣніе темнаго невидимаго». Въ письмѣ отъ 28-го окт. 1846 г. сказано: «Апостолъ говоритъ о духахъ злобы поднебесныхъ и что духамъ свойственно быть въ адѣ, то не придется ли заключить, что нашъ бѣдный міръ съ одной стороны по дару творенія и благодати искупленія проницаемый благодатною свѣтлою атмосферою, а съ другой — по бѣдственному грѣховному поврежденію не совсѣмъ запертъ для расширившейся въ немъ темной атмосферы ада? Души, облагодатствованныя и совершившіяся, отражаютъ сію атмосферу вселившимся въ нихъ благодатнымъ свѣтомъ и, не ощущая ея, идутъ на небо; къ душамъ менѣе очистившимся, менѣе сильнымъ въ свѣтѣ она приражается — вотъ мытарства. Слава же Божіей Матери есть боголѣпная и безпримѣрная. Съ симъ сообразно будетъ представить, что когда слава Ея открылась въ духовномъ мірѣ, преизобильный свѣтъ Ея не только прошелъ до предѣловъ чистаго духовнаго міра, но можетъ быть молніей проторгся и въ нѣкую часть атмосферы темной».

Какъ нами выше упомянуто, Митрополитъ, особенно въ послѣдніе годы своей жизни, обрѣлъ даръ пророческаго предвидѣнія. «Однажды», говоритъ еп. Леонидъ (Краснопѣвковъ), «я сказалъ м. Филарету (1865 г.), что было бы желательнѣе закрѣпить письменно его взгляды, касающіеся до расхожденія съ старообрядцами, Филаретъ отвѣтилъ: «Для чего?» — «Для будущаго», былъ мой отвѣтъ. Митрополитъ отвѣтствовалъ горячо и волнуясь, что онъ чувствуетъ, что будущее покрыто темнымъ облакомъ и что когда буря разразится, люди, потрясенные громовыми ударами, забудутъ обо всемъ, что было до этой бури» (Русскій Архивъ. 1901 г.). Тотъ же еп. Леонидъ пишетъ: «Муравьевъ говорилъ, что печалень взглядъ Владыки на будущее и передалъ его подлинныя слова: «Когда я смотрю на малолѣтнихъ дѣтей, я не могу остаться равнодушнымъ отъ мысли, что они, должны будутъ, бѣдны, вытерпѣть въ сію пору», и при этихъ словахъ — заплакалъ. Такъ говорилъ Ан-

дрей Николаевичъ (Еп. Леонидъ. Душ. чт. ч. I, кн. 4). «За два мѣсяца до его смерти (1867) онъ сказалъ Намѣстнику Лавры, что онъ сталъ видѣть свое собственное прошлое яснѣе, чѣмъ раньше. Архимандритъ ему сказалъ: «А будущее тоже?» — «Будущее тоже», отвѣтилъ митрополитъ. — «Что видите въ будущемъ?» — «Ужасную бурю, которая къ намъ идетъ съ Запада». (N. Arsenief. La Sainte Moscou).

Другое пророчество, подобное сему, встрѣчается въ словахъ старца Оптинскаго Амвросія: «Не хлопочи о ризѣ, я передумалъ, и рѣшилъ, что лучше теперь не дѣлать ризу на Калужскую икону Божіей Матери. Первое у насъ денегъ мало... Второе, запомнилъ я слова покойнаго митрополита Филарета, который не совѣтывалъ дѣлать ризы на иконы, п. ч. «приближается время, когда неблагонамѣренные люди будутъ снимать ризы съ иконъ». (Письма о. Амвросія къ мірскимъ особамъ. Тр.-Серг. Лавра. 1908 № 225. стр. 207).

Каковы же были тѣ потрясающія видѣнія, если Митрополитъ Филаретъ узрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ то, что послѣдовало ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ его кончины? Великій старецъ и великій пророкъ Божій не могъ не обладать и даромъ исцѣленій. Не будучи въ состояніи вмѣстить весь матеріалъ, касающійся сего въ нашу работу, мы отсылаемъ читателя къ книгѣ Поселянина: «Русскіе подвижники 19-го и 20-го вѣка», СПб., 1910 г., а также къ «Жизнеописаніямъ отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣковъ», ноябрь, стр. 483-488. Въ этой книгѣ кратко упомянуты 4 случая: «Одна восьмилѣтняя дѣвочка, бывшая въ полномъ разслабленіи, тотчасъ стала ходить, какъ только мать поднесла ее подъ благословеніе святителя Филарета. Дѣвица, бывшая въ продолженіи 13 лѣтъ нѣмой, тотчасъ заговорила, какъ только святитель, благословивъ, спросилъ ее: «Какъ тебя зовутъ?» И заставилъ ее тутъ же прочитатъ молитву Господню. У одного купца появился на рукѣ антоновъ огонь; доктора уже рѣшили отнять руку; но болящій черезъ своего приходскаго священника, попросилъ съ вѣрою молитвъ у святителя Филарета, и вслѣдъ за тѣмъ увидѣлъ во снѣ, что владыка благословилъ его; проснувшись, онъ почувствовалъ себя лучше,

и когда явились врачи для операціи, то рука, къ ихъ изумленію, оказалась совершенно бѣлою, такъ что ни въ какой операціи не было надобности. Одинъ купецъ, заблудившійся въ киргизской степи во время страшнаго бурана, призвалъ въ молитвѣ святителя, задремалъ и въ дремотѣ увидѣлъ святителя, который благословивъ его, промолвилъ: «Богъ благословитъ тебя, продолжай путь благополучно», и купецъ былъ спасенъ. Много и другихъ было случаевъ съ благоговѣйными читателями памяти святителя Филарета».

Но есть исключительное чудо, которое не вошло въ общеизвѣстныя книги. Это исцѣленіе митрополитомъ дѣвицы-монахини Р, духовной дочери игумена о. Антонія Малоярославецкаго, у котораго была особая духовная близость съ Митрополитомъ, желавшимъ его имѣть старцемъ въ одной изъ пустынь въ Лаврѣ. Юная монахиня страдала отъ чаръ, наведенныхъ на нее, подобно тому, какъ отъ такихъ же чаръ страдала св. мученица Іустина. Митрополитъ исцѣлилъ ее, явившись ей во снѣ. Онъ прочиталъ 60-ый псаломъ и велѣлъ ей повторять за нимъ каждый стихъ и затѣмъ читать этотъ псаломъ ежедневно ¹⁵⁾).

Вотъ какъ говорилъ о послѣднихъ дняхъ Митрополита его духовникъ арх. Антоній: Владыка ему сказалъ 17 сентября: Я нынѣ видѣлъ сонъ и мнѣ сказано: «береги 19-ое число». На это о. Антоній отвѣтилъ: «Владыка святой, развѣ можно вѣрить сновидѣніямъ и искать въ нихъ какогонибудь значенія?» Выслушавъ это, онъ съ чувствомъ сердечной увѣренности сказалъ мнѣ: «Не сонъ я видѣлъ: мнѣ явился родитель мой и сказалъ тѣ слова. Я думаю съ этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Св. Таинъ». — «Я сказалъ, что это желаніе доброе. Митрополитъ служилъ литургіи 19 сентября и 19 октября, а также въ ноябрѣ. Въ это роковое 19 число онъ скончался». «Лицо м. Филарета», рассказываетъ еп. Леонидъ, «всегда сіяло и духъ его ликовалъ при совершеніи Литургіи. Всѣ знали и особенно кому это было нужно, что послѣ обѣдни онъ былъ кротокъ и доступенъ; когда же онъ самъ совершалъ св. Литургію,

¹⁵⁾ Жизнеоп. иг. Антонія Малоярославецкаго. Москва 1870 г., стр. 101-110.

онъ обыкновенно плакалъ. Но при освященіи Св. Даровъ въ день своей кончины, его умиленіе было исключительное и слезы его были обильны» ¹⁶).

Въ этотъ день митрополитъ совершалъ литургію такъ бодро и громогласно, какъ давно уже не служилъ, потомъ принималъ въ покояхъ своихъ новаго Московскаго губернатора. Передъ обѣдомъ писалъ, какъ говорятъ, отвѣтъ Антиохійскому патріарху на его привѣтствіе по случаю юбилея. Черезъ 10 минутъ пришли напомнить ему объ обѣдѣ и нашли его на полу въ колѣнопреклонномъ положеніи съ опершимися въ полъ руками. Онъ уже не могъ говорить и въ исходѣ второго часа въ Бозѣ почилъ. И когда торжественно переносили его тѣло изъ Троицкаго подворья въ Чудовъ монастырь — народъ собиралъ съ пути можжевельникъ и притомъ съ такимъ усердіемъ, что опоздавшіе не могли уже найти для себя ни одной вѣтки.

Такъ любила своего святителя и такъ благоговѣла передъ нимъ его паства.

¹⁶) Р. Архивъ, 1901г., кн. 8, ст. 523.

Г л а в а VII.

Старець Іеросхимонахъ Макарій.

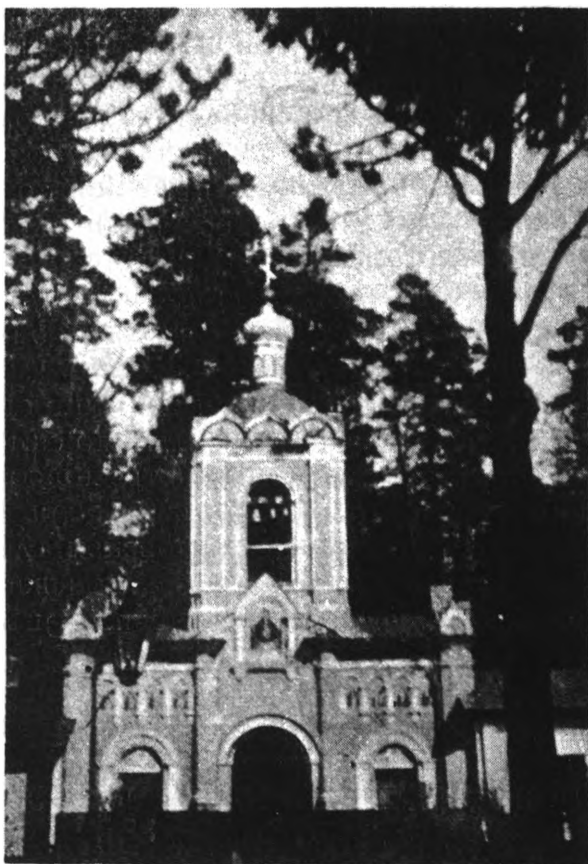
I.

Іеросхимонахъ Макарій — старецъ Оптиной Пустыни, въ міру Михаилъ Николаевичъ Ивановъ, изъ дворянъ Дмитровскаго уѣзда, Орловской губ., родился 20 ноября 1788 г. и скончался 7 сент. 1860 г. Онъ старчествовалъ въ Оптиной Пустыни совмѣстно со старцемъ Леонидомъ въ схимѣ Львомъ, а затѣмъ до самой смерти несъ единолично великій и святой подвигъ старчества въ обители.

Начнемъ съ описанія первой встрѣчи одного инока со старцемъ. Она происходила въ ранней его юности, когда жаждалъ онъ монашескаго житія.

«Въ тѣ времена, скитскій лѣсъ былъ гуще и величественнѣе, чѣмъ теперь, и, въ вѣчномъ полусумракѣ его святой тайны Божьяго дѣвственнаго созданія, догорающій день быстро смѣнялся мракомъ ночи, и ночная тѣнь ложилась плотнѣе и гуще, чѣмъ на просторѣ обширнаго Оптинскаго монастырскаго двора. Красотой былъ въ то время скитскій лѣсъ, когда въ благоговѣйномъ трепетѣ подходилъ я со своимъ путеводителемъ къ св. воротамъ, скрывавшимъ за собой, казалось мнѣ, истинныхъ небожителей, временно и только для назиданія, спшедшихъ съ горняго неба на грѣшную землю. Вспомнилъ я по дорогѣ, что о. Герасимъ, прощаясь со мной въ Сергіевой Лаврѣ, сказалъ мнѣ: «А ты постарайся найти, какъ придешь въ Оптину, въ скиту двухъ рясофорныхъ монаховъ, отца съ сыномъ — они ваши Саратовскіе. Зовутъ отца Никитой, а сына Родіономъ; они навѣрное къ тебѣ будутъ ближе другихъ».

И, вотъ, идя дорожкой по лѣсу въ скитъ, я и думалъ: ахъ, еслибы мнѣ найти своихъ земляковъ — все бы было лучше . . .

Святыя ворота въ скиту.

Когда ушелъ мой старецъ путеводитель, я, еще не входя въ святыя ворота, бросился на колѣни передъ изображеніемъ свв. Отцевъ на стѣнахъ св. входа и слезно имъ помолился, чтобы они меня приняли въ скитскую братію, и затѣмъ трепетно переступилъ порогъ скита, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. . . Меня сразу обдалъ густой, чудный запахъ резеды и всей роскоши скитскихъ цвѣтовъ благовонной вечерней зари догоравашаго знойнаго лѣтняго дня. Прямо передо мною, пересѣкая мнѣ дорогу, смотрю, идутъ два инока. Въ скитскомъ храмѣ звонили во всѣ колокола . . . Я поклонился инокамъ въ землю.

«Откуда братъ?»

Я назвалъ свою родину. Иноки переглянулись между собой...

«Не знаете ли», спросилъ я, «гдѣ мнѣ здѣсь найти двухъ монаховъ, отца съ сыномъ изъ Саратовской губерніи, по фамиліи, кажется, Пономаревыхъ?»

«А, чтожъ, они родственники тебѣ, что-ли?»

«Нѣтъ», говорю, «не родственники, а какъ у меня здѣсь никого нѣтъ, то я ищу хоть земляковъ».

«Ну и слава Богу: твои земляки съ тобой-то и разговариваютъ — я отецъ, а это — мой сынъ».

При этомъ они мнѣ дали братское цѣлованіе. Это были Никита и Родіонъ Пономаревы, въ монашествѣ Нифонтъ и Иларіонъ. Сильно обрадовался я этой встрѣчѣ, въ которой не могъ, конечно, не усмотрѣть промыслительнаго о мнѣ грѣшномъ Божьяго усмотрѣнія. Скитъ мнѣ сразу сдѣлался роднымъ.

«А, гдѣ бы мнѣ увидать старца Макарія?» спросилъ я земляковъ. Отецъ Родіонъ, сынъ старика Никиты, сказалъ мнѣ:

«Пойдемъ за мной въ церковь — онъ тамъ, и я тебя поведу къ нему подъ благословеніе».

Батюшку Макарія мы, дѣйствительно, застали на молитвѣ въ церкви. Шло бдѣніе. Доложили ему обо мнѣ:

«Какъ-то странникъ, батюшка, Васъ спрашиваетъ. Желаетъ Васъ видѣть и рассказываетъ, что нашъ землякъ», доложилъ старцу о. Родіонъ.

Надо сказать, что Пономаревымъ я при встрѣчѣ не успѣлъ ничего другого объяснить, кромѣ того, что я ихній землякъ: ни имени моего, ни фамиліи они не знали, да и во всей Оптиной меня никто знать не могъ.

«Гдѣ онъ?» — спросилъ старецъ.

«Стоитъ у церкви».

«Приведите его сюда ко мнѣ...»

И меня ввели въ церковь къ старцу. Я упалъ ему въ ноги съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ и, когда всталъ, старецъ, благословляя меня, сказалъ:

«Э, да это, знать Θεодоръ!»

Дивное прозрѣніе...

«Откуда ты сегодня пришелъ?»

«Прямо изъ Калуги», отвѣтилъ я внѣ себя отъ изумленной радости, представъ передъ дивнымъ старцемъ.

«Такъ, веди-же его скорѣй въ трапезу», сказалъ батюшка отцу Родіону, «Да скажи повару, чтобы онъ хорошенько, чѣмъ Богъ послалъ, его накормилъ... Да, ты ужь», обратился ко мнѣ старецъ: «послѣ ужина-то не ходи ко бдѣнію, а ложись спать, а то ты усталъ, голодный!» ¹⁾).

Старецъ средняго роста, лицомъ не красивъ, со слѣдами оспы, но было оно бѣлое, свѣтлое. Взглядъ былъ тихъ и полонъ смиренія. Нравъ его былъ чрезвычайно живой и подвижной. Память прекрасная: послѣ первой исповѣди на всю жизнь запоминалъ онъ человѣка. Былъ онъ косноязыченъ: не хватало дыханія при разговорѣ. Это его смущало всю жизнь. Одѣтъ былъ всегда бѣдно.

Съ тѣхъ поръ, какъ появился въ скиту о. Макарій, гдѣ его возвели въ настоятели, жизнь его приняла характеръ не измѣнявшійся до самой смерти. Она была полна попеченій, какъ чисто пастырскихъ, такъ и о внѣшнемъ благоустроеніи, съ ранняго утра до поздней ночи. Въ церкви имъ было установлено пѣніе кievскаго распѣва, введена должность канонарха, плавное чтеніе и пѣніе «на подобны». Вокругъ храма благоухали массы цвѣтовъ, расходясь по бокамъ многочисленныхъ скитскихъ дорожекъ. Внутренность скита, превращенная въ плодовый садъ ея основателемъ отцемъ Моисеемъ, усердно поддерживалась заботами о. Макарія, и нерѣдко зимою городскіе и сельскіе жители просили плодовъ для болящихъ. Самъ о. Макарій, хотя и былъ іеромонахомъ, не служилъ по физическому недостатку косноязычія, но болѣе по глубокому своему смиренію. Но зато съ усердіемъ пѣвалъ онъ часто и со слезами. Особенно любилъ онъ «Чертогъ Твой».

Объ его внѣшности такъ говоритъ жизнеописатель:

«Лицо — ничѣмъ не поражающее съ перваго взгляда, вовсе некрасивое по обыкновеннымъ понятіямъ о красотѣ физической, даже неправильное, по недостатку въ глазахъ, съ печатью постоянного углубленія въ

¹⁾ С. Нилусъ. «Сила Божія и немощь человѣчская», записки игумена Θεодосія. Сергіевъ Посадъ, 1908 г.

себя, слѣдовательно на видъ болѣе строгое, нежели ласковое; но такова сила благодати, что лицо это, служа зеркаломъ чистой, любвеобильной и смиренной души,

Старецъ Іеросхимонахъ Макарій.

сіяло какою-то неземною красотою, отражая въ себѣ то или другое изъ свойствъ внутренняго человѣка, плодовъ духа, исчисленныхъ Апостоломъ. Вообще въ немъ было рѣдкое соединеніе дѣтской простоты, тихости и

смирения, дѣлавшее его приступнымъ всѣмъ и каждому²⁾).

А вотъ что пишетъ одинъ свѣтскій человѣкъ, какъ мы узнаемъ изъ дневника іеромонаха Евѣимія:

«Первая наша встрѣча со старцемъ, противъ нашего ожиданія, не имѣла ничего особеннаго. Припоминая себѣ рассказъ о. К., мы думали встрѣтить подвижника съ особеннымъ выраженіемъ въ лице, съ особенными приѣмами: оказалось, что это былъ простой, обыкновенный монахъ, чрезвычайно скромный, неразговорчивый и къ тому же косноязычный. Я положительно былъ разочарованъ; но жена моя, несмотря на свою свѣтскую бойкость, съ перваго раза почувствовала какой-то безотчетный страхъ, смѣшанный съ благоговѣніемъ; а въ слѣдующія его посѣщенія привязалась къ нему всей душой.

«Въ слѣдующую осень мы опять посѣтили Оптину Пустынь. О. Макарій былъ уже обходительнѣе и откровеннѣе съ нами. Онъ подробно спрашивалъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ, говорилъ о Петербургѣ и встрѣчающихся въ немъ на каждомъ шагу искушенійхъ. Когда я признался въ смущеніяхъ, которыя такъ безотвязно преслѣдовали меня среди столичныхъ развлеченій, о. Макарій заговорилъ такъ, какъ никогда до того не говорилъ съ нами. Жадно ловили мы каждое слово подвижника и, по уходѣ его, совѣтуя другъ другу, записали чудную рѣчь старца Божія...

«Вся пошлость жизни свѣтской встала передъ нами во всемъ своемъ безобразіи; въ груди стало тѣсно отъ накопившихся слезъ, которыя неудержимо потекли потокомъ изъ глазъ моихъ. Да, мы плакали! и сладки были эти слезы глубокаго раскаянія въ грѣхахъ. О. Макарій посовѣтовалъ намъ поговѣть и, благословивъ насъ, пошелъ въ другіе номера гостиницы для назиданія и поученія посѣтителей, которые жаждали его внушающаго слова. Во все время приготовленія нашего къ исповѣди и Св. Причащенію, старецъ ежедневно навѣщалъ насъ и назидалъ духовно»³⁾).

²⁾ «Жизнеописанія отеческихъ подвижниковъ благочестія XVIII и XIX вѣковъ». Москва, 1909 г. Книга за сентябрь, стр. 120.

³⁾ С. Нилусъ. «Святѣя подѣ спудомъ». Тайна православнаго монашескаго духа. Сергіевъ Посадъ 1911 г.

Иеросхимонахъ Макарій родился 20-го ноября 1788 года. Онъ происходилъ изъ дворянской семьи Орловской губерніи. Семья отличалась благочестіемъ. Прадѣдъ его, Іоаннъ, сталъ инокомъ. Родители, коллежскій ассессоръ Николай Михайловичъ Ивановъ и мать Елизавета Алексѣевна, нарекли старшаго сына Михаиломъ, въ честь св. князя Тверскаго, память котораго 22-го ноября; послѣ было еще трое сыновей и одна дочь. Жили они въ окрестностяхъ Калуги, весьма красивомъ мѣстѣ, близъ Лаврентіева монастыря, архимандритъ котораго, Теофанъ, духовно окормлялъ ихъ. «Среди впечатлѣній, пріятныхъ для зрѣнія и отрадно-мирныхъ для сердца видовъ сельской природы, имѣя передъ глазами тихую иноческую обитель, изъ которой ежедневно доносился до слуха обитателей Ж. звонъ колоколовъ, призывающій иноковъ къ молитвѣ, возрасталъ будущій инокъ и молитвенникъ, еще тогда невѣдомый міру», такъ описываетъ жизнеописатель первыя впечатлѣнія мальчика.

Когда Михаилу было пять лѣтъ скончалась любившая его больше другихъ дѣтей мать, не разъ говорившая про тихаго и кроткаго сына: «сердце мое чувствуетъ, что изъ этого ребенка выйдетъ что-нибудь необыкновенное!» Въ связи съ болѣзною матери, семья мѣняла мѣсто жительства. Въ годъ здѣ Карачевъ онъ началъ и окончилъ школьное образованіе, а ужъ на 14-омъ году поступилъ на не легкую службу бухгалтера, съ чѣмъ отлично справился, обративъ на себя вниманіе. Однако, Михаилъ продолжалъ жить своимъ міркомъ. Много читалъ, ища разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ ума и сердца. Любилъ музыку, отлично игралъ на скрипкѣ, находя въ ней большую отраду. На 24-мъ году жизни, уже по смерти отца, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Управлялъ хозяйствомъ плохо. Однажды мужики покрали множество гречихи. Михаилъ ихъ долго вразумлялъ, ссылаясь на Св. Писаніе. Въ результатѣ мужики пали на колѣни въ искренномъ раскаяніи, на посрамленіе роднымъ Михаила, которые надъ нимъ смѣялись. Была сдѣлана попытка его женить, но какъ и ли-

цомъ онъ былъ непригляденъ, да и стремленія не имѣлъ, то такъ это и осталось. Съѣздивъ онъ на Коренную ярмарку, купилъ тамъ книгъ духовнаго содержанія и въ нихъ зарылся. Изрѣдка выходилъ въ столярню, тамъ работалъ до усталости, покоряя юную плоть духу.

Въ 1810 г. осенью онъ поѣхалъ на богомолье въ Площанскую Пустынь, гдѣ позналъ свое давнишнее влеченіе и рѣшилъ посвятить жизнь Богу. Онъ тамъ и остался. Приславъ братьямъ отреченіе отъ имѣнія, онъ одно лишь просилъ: построить на тысячу рублей часовню на могилѣ родителя.

Въ то время въ Площанской Пустыни находился ученикъ великаго старца Паисія Величковскаго Аѳанасій, который не могъ не заинтересовать юнаго молитвенника. Подъ его полное руководство онъ и отдалъ себя, получивъ тѣмъ правильное начальное направленіе. Къ сожалѣнію, почти нѣтъ матеріаловъ, проливающихся свѣтъ на эту дивную личность. У него было много переводовъ аскетическихъ твореній древнихъ отцовъ монашества, сдѣланныхъ о. Паисіемъ. Они потомъ перешли въ Оптину и были изданы въ переводѣ со славянскаго на русскій.

Тутъ послушникъ Михаилъ изучилъ церковный уставъ и нотное пѣніе. Помогалъ въ письмоводствѣ. 7 марта 1815 г. былъ постриженъ въ мантию съ именемъ Макарія, въ честь преп. Макарія Великаго. Пѣшкомъ, съ посохомъ, ходилъ въ Кіевъ. На обратномъ пути былъ въ Глинской пустынѣ, гдѣ познакомился со старцемъ Филаретомъ, игуменомъ. Въ 1824 г. ѣздивъ въ Ростовъ на поклоненіе мощамъ Св. Димитрія Ростовскаго, послѣ чего впервые былъ въ Оптинѣ. На другой годъ умираетъ его старецъ. Макарія назначаютъ духовникомъ Сѣвскаго дѣвичьяго монастыря. Такъ начинается его духовническая дѣятельность.

Трудно было Макарію безъ своего учителя. Но вотъ происходитъ замѣчательная встрѣча. Въ его обитель пріѣзжаетъ со своими учениками отецъ Леонидъ, который былъ подъ руководствомъ у схимонаха Θεодора, ученика того же Молдавскаго архимандрита Паисія. О. Макарій вновь обрѣлъ себѣ руководителя. Это былъ отвѣтъ на его молитвы, ибо духовное сиротство тяже-

лѣе плотского. Хотя о. Леонидъ считалъ о. Макарія со-товарищемъ въ дѣлѣ монашескомъ, но, уступая прось-бамъ и смиренію его, рѣшилъ съ нимъ обращаться какъ съ ученикомъ. Впрочемъ, ихъ совмѣстное пребываніе скоро прекратилось: о. Леонидъ былъ отправленъ въ Оптину. Шла переписка, кончившаяся переѣздомъ о. Макарія въ Оптину, что стоило не малыхъ затрудненій. Къ Площанской Пустыни онъ долго хранилъ любовь.

Старецъ Леонидъ былъ необыкновенный человѣкъ. Онъ велъ постоянную внутреннюю борьбу, творилъ Иисусову молитву, имѣлъ даръ прозрѣнія и исцѣленія. Чтобы укрыться отъ суетной славы слегка юродство-валъ. Онъ не терпѣлъ неискренности, самомнѣнія, тепло-хладности. О. Макарій былъ постоянно при немъ до са-мой его смерти. Оба они «вынянчили» великаго старца Амвросія, прозорливца и чудотворца. Это была атмо-сфера, насыщенная благодатью, совершающая чудеса. Стопами страждущихъ и убогихъ, физически и духовно, была истоптана тропинка къ Оптиной еще съ большей силой, чѣмъ къ обычнымъ монастырямъ. Старецъ Лео-нидъ принималъ всѣхъ съ огромной любовью, онъ на-училъ и учениковъ своихъ цѣлить недуги проходящихъ, не гнушаясь ничѣмъ, но презирая одинъ лишь грѣхъ. Подъ его руководствомъ они отдавались всецѣло къ нимъ проходящимъ: выслушивали все, что открывали имъ возмущенныя грѣхомъ души, принимали открове-ніе помысловъ, отвѣчали и на письменныя вопрошенія. Старецъ нерѣдко прозрѣвалъ, гдѣ кроется, что недоб-рое, обличалъ ихъ, но для того лишь, чтобы потомъ такимъ тепломъ любовнымъ обдать ихъ, что имъ осо-бо запоминалась радость обрѣтенія чистой совѣсти. Отецъ Макарій былъ болѣе мягкаго склада души. Онъ занимался много корреспонденціей. По смерти о. Лео-нида вся тяжесть подвига духовнаго руководства легла на него. Тихая радость о Господѣ никогда не покидала этого святого дѣланія, цѣлившаго и души, и тѣла. «По-мазвѣ елеемъ изъ лампады, горѣвшей въ его келліи пе-редъ чтимою имъ Владимірскою иконою, старецъ при-носилъ великую пользу больнымъ тѣломъ, и случаи

такихъ исцѣленій немалочисленны. Особенно часты были исцѣленія бѣсноватыхъ»⁴⁾).

Старецъ жилъ въ келліи, съ лѣвой стороны у самыхъ скитскихъ вратъ, раздѣленной коридоромъ на двѣ половины, для него и келейника. Старцева половина состояла изъ пріемной и спальни, т. е. маленькой келліи съ однимъ окномъ на югъ, откуда открывался видъ на дорожку, ведущую отъ скитскихъ вратъ къ церкви, а передъ нимъ столъ. На немъ въ полномъ порядкѣ лежали кучами письма, спѣшныя и неспѣшныя, письменный приборъ, новые духовные журналы и всегда двѣтри святоотеческія книги на главномъ мѣстѣ. Передъ нимъ кресло съ подушкой. Въ восточномъ углу — иконы, виды монастырей и т. д. Главная тутъ была икона Владимірской Божіей Матери съ неугасаемой лампадой, а подъ ней деревянный угольникъ вмѣсто аналогія для совершенія правила, со Слѣдованной Псалтирю и Св. Евангеліемъ и другими книгами. Вдоль западной стѣны — узкое ложе съ Распятіемъ у изголовья, а выше образъ Спасителя съ овцой на рукахъ. Вдоль стѣны портреты: Св. Тихона Задонскаго, Симеона Бѣлобережской Пустыни, іеромонаха Филарета Новоспасскаго монастыря, старцевъ Аѳанасія, Ѳеодора, Леонида. Въ этой кельѣ онъ пробылъ 20 лѣтъ. Все свидѣтельствовало о его тайныхъ воздыханіяхъ и о духѣ, отрешенномъ отъ удѣловъ земли. Тутъ проводилъ онъ частыя безсонныя ночи и вставалъ на правило при ударѣ скитскаго колокола въ 2 часа утра; часто самъ будилъ своихъ келейниковъ. Прочитывали: утреннія молитвы, 12 псалмовъ, 1-й часъ, Богородичный канонъ съ акаѳистомъ. Ирмосы пѣлъ онъ самъ. Въ 6 часовъ ему вычитывали «часы съ изображительными», и онъ выпивалъ одну-двѣ чашки чаю. Скрипѣла затѣмъ дверь въ переднюю, и появлялись посѣтители. Женщинъ принималъ за вратами скита въ особой кельѣ. Тутъ внималъ онъ горю людскому. У него явно былъ даръ духовнаго разсужденія, а также

⁴⁾ «Русскіе подвижники XIX вѣка». Е. Поселянинъ. С.- Петербургъ. 1910 г., стр. 240.

сила смиренія и любви, что дѣлало его слово особенно властнымъ. Послѣ бесѣды съ нимъ люди обновлялись. Приѣмная была увѣшена портретами святителей и подвижниковъ, живыхъ еще, или недавно минувшихъ дней.

Въ 11 часовъ звонили къ трапезѣ, и старецъ туда шелъ, послѣ чего отдыхалъ, а затѣмъ опять принималъ посѣтителей. Въ два часа старецъ, съ костылемъ въ одной рукѣ и четками въ другой, шелъ въ гостиницу, гдѣ его ждали иногда сотни народа, каждый со своими нуждами, духовными и житейскими. Всѣхъ онъ съ любовью выслушивалъ: однихъ вразумлялъ, другихъ возводилъ отъ рова отчаянія. Онъ понималъ и разрѣшалъ современные вопросы: объ улучшеніи народнаго быта, грамотности, воспитаніи. Когда ему сообщили о безнадежномъ состояніи Севастополя, онъ зарыдалъ и упалъ на колѣни съ мольбой предъ образомъ Владычицы. Онъ былъ глубоко тронутъ кончиной Государя Николая Павловича.

Слѣдующій случай стоитъ вниманія:

«Одинъ образованный челоѣкъ подвергся припадкамъ бѣснованія, проявлявшимся при приближеніи къ священнымъ предметамъ; долго родные, не хотѣвшіе признать сущность болѣзни, лѣчили его за границей, у докторовъ и на водахъ; пользы не было. Одинъ вѣрующій товарищъ привезъ его въ Оптину, и изъ гостиницы послалъ потихоньку просить старца. Больной, неслыхавшій о немъ никогда, сталъ беспокоиться и заговорилъ: «Макарій идетъ, Макарій идетъ!» — и едва вошелъ старецъ, бросился на него съ неистовымъ крикомъ, заушилъ его. Великій подвижникъ, познавъ козни врага, употребилъ сильнѣйшее орудіе — смиреніе, и быстро подставилъ ему другую ланиту. Опаленный смиреніемъ, бѣсъ вышелъ изъ страждущаго, который въ оцѣпенѣніи лежалъ долго у ногъ старца, а готомъ, не помня о своемъ поступкѣ, всталъ исцѣленнымъ»⁵⁾.

Измученный, едва переводя дыханіе, возвращался онъ съ ежедневнаго подвига. Время подходило слу-

⁵⁾ «Русскіе подвижники XIX вѣка». Е. Поселянинъ. С.-Петербургъ, 1910 г., стр. 240.

шать правило, состоявшее изъ 9-го часа, каѳизмъ съ молитвами и канона Ангелу Хранителю. Звонятъ къ вечерней трапезѣ. Иногда ее ему приносятъ. Но и въ это время онъ принимаетъ монастырскую и скитскую братію, если кто изъ послѣднихъ не успѣлъ побывать днемъ на ежедневномъ откровеніи помысловъ. Если долго не бываетъ кто-либо изъ относящихся къ нему постоянно — онъ обезпокоивается, самъ приходитъ къ тому въ келью и притомъ всегда вовремя, оставляя послѣ себя успокоеніе и веселіе. Онъ же давалъ послушаніе: чтеніе святоотеческихъ книгъ, назначая это по мѣрѣ духовнаго возраста каждаго. Начиналъ онъ съ книги аввы Дорофея, называя ее «Монашеской Азбукой». Праздности не терпѣлъ. Завелъ онъ поэтому въ скиту рукодѣлья: токарное, переплетное и др. Каждый изъ братіи зналъ и чувствовалъ, что бремя его трудовъ и скорбей раздѣляется любвеобильнымъ и мудрымъ отцомъ. Онъ такъ умѣлъ утѣшать и ободрять, что виновный выходилъ изъ кельи его, себя не помня отъ радости.

Поэтому подвижническая жизнь казалась легкой.

Заканчивая день, выслушивали правила: малое повечеріе, молитвы на сонъ грядущимъ, двѣ главы Апостола, одну Евангелія, потомъ краткое исповѣданіе, старецъ благословлялъ и отпускалъ. Было уже поздно. Старецъ входилъ въ свою келью гдѣ мерцала лампада передъ образомъ Заступницы. На столѣ лежала кипа писемъ, требующихъ отвѣта. Тѣло ныло отъ изнеможенія, а сердце отъ впечатлѣній обильно открывавшагося человѣческаго страданія. Глаза орошались слезами, а въ умѣ звучало дивное пѣснопѣніе:

«Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ оны: просвѣти одѣяніе души моя, Свѣтодавче, и спаси мя».

За окномъ огоньки скитскихъ келлій давно уже потухли. Воцарилась молитвенная ночь. Старецъ опускался къ столу. Онъ писалъ. Вотъ одно письмо:

«Какъ можно мимолетное чувство умиленія и слезъ считать уже любовью Божіей? Умъ тайно увлекается самъ и стяжеваетъ высокоуміе и гордость, и всего онаго лишается, а смиренія тутъ не бывало. Богъ показалъ

вамъ, что есть благодать Его съ нами и отнялъ, да не превозносимся; впрочемъ, не лишилъ совершенно, но скрылъ отъ насъ, чтобы мы смиренно къ Нему припадали. Ему угодно иногда попускать на насъ протяжную тьму и мракъ духовный, холодность и окаменѣніе, чтобы мы считали себя послѣднѣйшими и худшими всѣхъ и не искали бы духовныхъ утѣшеній, считая себя оныхъ недостойными; въ этомъ то и состоитъ совершенная, смиренная преданность Спасителю. Онъ шель скорбнымъ путемъ и даже въ молитвѣ Своей къ Отцу Своему произнесъ: прискорбна есть душа Моя до смерти (Матѳ. 26, 38), но предавался волѣ Его и намъ повелѣлъ идти путемъ креста, а не отрады. Вы, думая найти въ утѣшительныхъ чувствахъ любовь Божию, ищите не Бога, а себя, т.-е., своего утѣшенія, а прискорбнаго пути уклоняетесь, считая себя будто погибшими не имѣя духовныхъ утѣшеній; напротивъ, лишеніе оныхъ насъ смиряетъ, а не возвышаетъ»⁶⁾.

Потухла свѣча. Старецъ сталъ на молитву... Молитва въ немъ не прекращалась, будь онъ въ многлюдствіи, за трапезой, въ бесѣдѣ, или въ тиши ночи. Она источала елей его смиренномудрія.

**

За годъ до своей смерти старецъ предсказалъ одной тяжело болящей помѣщицѣ: «Ты выздоровѣешь, а умремъ мы вмѣстѣ». Она скончалась 23-го августа 1860 г. Спустя три дня старецъ внезапно заболѣлъ. 30-го его соборовали. Онъ раздавалъ свои вещи, прощаясь и наставляя. Народъ стекался. За два дня до смерти, по его желанію, его вынесли въ переднюю и положили на полъ, чтобъ посѣтителіи смогли видѣть его черезъ окно. «Къ вечеру больному сдѣлалось значительно хуже, и онъ вновь пожелалъ приобщиться Св. Таинствъ, что и исполнилъ въ 8 часовъ, сидя въ креслахъ. Около полуночи старецъ потребовалъ къ себѣ духовника и, послѣ получасовой бесѣды съ нимъ, попросилъ читать отходную. — «Слава Тебѣ, Царю мой и Боже мой!» — восклицалъ Старецъ при чтеніи отход-

⁶⁾ «Старецъ Макарій Оптинскій». Харбинъ, 1940 г., стр. 100.

ной, обращая свои взоры то на стоявшую у его ложа на столикъ икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, то на особенно чтимую имъ икону Владимірской Божіей Матери. — «Матерь Божія, помози мнѣ!» — такъ молился Ей отходящій въ путь всея земли батюшка, прося скорѣйшаго разрѣшенія отъ узъ тѣла»⁷⁾).

Ночь была очень тяжелой, но и тутъ черезъ пожатіе рукъ, благословеніе и взглядами — выражалъ онъ свою благодарность ухаживающимъ за нимъ. Въ 6 часовъ 7 сентября онъ пріобщился Св. Христовыхъ Таинъ въ полномъ сознаніи и умиленіи, а черезъ часъ, на 9-ой пѣсни канона на разлученіе души отъ тѣла — Великій Старецъ Макарій тихо и безболѣзненно отошелъ ко Господу въ Чертогъ Небесный.

Такова краткая исторія, міру чуждаго, великаго смиренномудрца⁸⁾).

II.

Оптинское книгоиздательство.

Отцу Макарію принадлежитъ неоцѣнимая заслуга и подвигъ его въ изданіи святоотеческой литературы.

Дѣло этого изданія было событіемъ первостепенной важности и вотъ почему: въ силу Духовнаго регламента Петра I-го и указами 1787 и 1808 г.г. печатаніе книгъ духовнаго содержанія предоставлено было на усмотрѣніе св. Синода, а согласно цензурному уставу 1804 г. онѣ могли печататься только въ духовной типографіи. Всего лишь одна аскетическая книга — «Добролюбіе» была напечатана въ 1793 г. по распоряженію

⁷⁾ Тамъ же, стр. 49.

⁸⁾ Глѣбъ Подмошенскій, «Прав. Жизнь», 1960 г., № 9.

св. Синода. Такимъ образомъ, читатель былъ лишенъ духовной литературы. Напримѣръ, Исаака Сирскаго можно было достать лишь въ рукописи, или въ заграничномъ изданіи Паисія Величковскаго и тоже, какъ рѣдкость. Тогда какъ свѣтская печать породила большое количество переводныхъ произведеній западнаго лже-мистическаго направленія, и многія изъ нихъ, печатавшіяся съ дозволенія гражданской цензуры, были прямо враждебны Православію. При такомъ положеніи вещей начало издательства святоотеческихъ твореній было дѣломъ имѣющимъ историческое значеніе. Совершилось оно только благодаря покровительству мудраго митрополита Филарета Московскаго. Эта работа объединила вокругъ себя духовно-устремленныя интеллектуальныя силы. Въ ней участвовали профессоры: Шевыревъ, Погодинъ, Максимовичъ, писатель Гоголь, братья Кирѣевскіе, издатель «Маяка» Бурачекъ, Аскаченскій, Норовъ, А. Н. Муравьевъ и впослѣдствіи Л. Кавелинъ (арх. Леонидъ), Карлъ Зедергольмъ (о. Климентъ), и Т. И. Филипповъ. Но центромъ этого дѣла была Оптиная Пустынь, душою же всего и инициаторомъ и возглавителемъ былъ старецъ Макарій при ближайшемъ участіи И. В. Кирѣевскаго, который служилъ и знаніемъ греческаго языка и философскихъ терминовъ. Онъ и жена держали корректуру, причемъ изданія дѣлались большею частью на ихъ средства.

Всѣ эти лица, помимо литературныхъ отношеній, многія пользовались и духовнымъ руководствомъ старцевъ. Гоголь писалъ въ Оптину: «Ради Самаго Христа, молитесь: мнѣ нужно ежеминутно быть мыслями выше житейскаго дрязгу и на мѣстѣ своего странствованія быть духомъ въ Оптиной Пустынѣ» (Ист. опис. Оп. Пуст., Троиц. Лавра, 1902 г., стр. 102).

Началось это дѣло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Ив. Вас. Кирѣевскій — редакторъ учено-литературнаго журнала «Москвитянинъ» предложилъ старцу Макарію напечатать статью духовнаго содержанія. О. Макарій пожелалъ помѣстить жизнеописаніе старца Паисія. Таковая статья появилась въ 12-ой книгѣ «Москвитянина» за 1845 г. и была украшена портретомъ старца Паисія.

Въ слѣдующемъ 1847 г. о. Макарій гостилъ у Кирѣвскихъ въ ихъ имѣніи Долбино, гдѣ, обсуждая общее духовное положеніе, старецъ коснулся о недостаткѣ духовныхъ книгъ, руководствующихъ въ дѣятельной христіанской жизни. Онъ упомянулъ, что у него имѣются рукописи твореній св. Отцовъ, переведенныя съ греческаго старцемъ Паисіемъ. Н. П. Кирѣвская сказала, что и она хранитъ рукописи, доставшіяся ей въ наслѣдство отъ ея покойнаго старца Филарета Новоспасскаго. Супруги Кирѣвскіе тутъ выразили, пришедшую имъ на сердце мысль: «Что мѣшаетъ явить міру эти духовныя сокровища?» Старецъ съ обычнымъ смиреніемъ отвѣчалъ, что онъ никогда такимъ дѣломъ не занимался и что можетъ-быть не пришло еще время и нѣтъ воли Божіей... Кирѣвскіе предложили попробовать просить о семъ Владыку Митрополита и если не будетъ удачи, то тогда и они готовы признать, что нѣтъ воли Божіей. И съ этими словами великое дѣло Божіе и было начато: было постановлено, что прежде всего необходимо написать предисловіе. Принесена была бумага и прочее и всѣ трое помолились Богу. Хозяева удалились, оставивъ старца одного въ комнатѣ. Черезъ часъ онъ позвалъ ихъ къ себѣ: первая страница была написана и прочтена. Кирѣвскіе, близко знавшіе старца Филарета Новоспасскаго, присоединили свѣдѣнія о немъ. Макарій взялъ этотъ листокъ и показалъ о. игумену Моисею, который присоединилъ свѣдѣнія объ архимандритѣ Александрѣ.

Игуменъ Моисей и братъ его о. Антоній также представили для изданія свои рукописи, списанныя ими во время ихъ подвижнической жизни въ Рославльскихъ лѣсахъ, гдѣ они подвизались совмѣстно съ прямыми учениками старца Паисія, доставившими въ Россію списки его переводовъ. Это были: схимонахъ Теофанъ, іеросхимонахъ Аѳанасій и его сопостникъ Досіѳей, съ ними то и даже въ одной келліи поселился Тимоѳей, какъ звали до пострига о. Моисея.

Собравъ всѣ рукописи, ихъ начали переписывать и готовить для печати.

Кирѣвскіе написали профессору московскаго университета С. П. Шевыреву, прося его взять на это дѣло благословеніе митрополита Филарета. Митрополитъ не

только благословилъ, но обѣщалъ свое покровительство. Чтобы имѣть нѣкоторое представленіе о томъ, какъ м. Филаретъ принималъ близко къ сердцу дѣло оптинскаго изданія, мы приведемъ выдержку изъ письма Н. П. Кирѣевской къ старцу Макарію, которая подносила Митрополиту только что вышедшій печатный экземпляръ Варсонуфія и Іоанна: «Владыка съ большимъ удовольствіемъ принялъ книгу» пишетъ она, «и сказалъ: — У старцевъ какъ все поспѣваетъ, удивительно! очень имъ благодаренъ». Я просила Владыку обратить вниманіе на печать, на алфавитъ, и Владыка все очень, очень одобрилъ. Любезно говорилъ. Я подала Владыкѣ (экземпляръ) 3-й сотницы перевода Фалассія. Владыка спросилъ: «Что это?» — «Остальная сотница Фалассія — самыя послѣднія главы 4-ой сотницы батюшка о. Макарій не перевелъ, потому что боялся погрѣшить въ изложеніи сихъ высокихъ предметовъ и оставилъ это на волю В. В-а, и какъ Вамъ Господь возвѣститъ». «Напрасно, лучше бы перевели и мнѣ бы помогли. — Погодите, сейчасъ» — пошелъ Владыка въ другую комнату.

Владыка возвратился, держа въ рукахъ 1-ую сотницу св. Фалассія. «Вотъ 1-ая сотница, я ее прочиталъ, нѣкоторое измѣнилъ, въ одномъ мѣстѣ думалъ, что догадался, переправилъ, а какъ здѣсь въ лаврѣ нашелъ греческій подлинникъ, то увидѣлъ, что я ошибся, и измѣнилъ поправку. Въ другомъ же мѣстѣ было не такъ, вѣроятно потому, что пропущено было одно слово въ подлинникѣ. Вотъ, отдайте отъ меня старцамъ и спросите, угодны ли будутъ имъ мои поправки? Я озабочивался и не зналъ, какъ мнѣ имъ переслать эту сотницу, очень радъ, что могу Вамъ отдать ее!» Потомъ я спросила: «Когда старцы перепишутъ, то позвольте къ Вамъ обратно доставить?» — «Можно и въ цензуру отдать, — какъ хотите».

Великое дѣло издательства твореній св. Отцовъ началось съ выпускомъ въ свѣтъ книги «Житіе и писанія Молдавскаго старца Паисія Величковскаго». Къ матеріалу, напечатанному передъ этимъ въ «Москвитянинѣ» было прибавлено: . А) предисловіе, заключающее въ себѣ краткое сказаніе о жизни и иноческихъ подвигахъ учениковъ старца Паисія и нѣкоторыхъ ему современ-

ныхъ старцевъ духовной жизни, съ которыми онъ былъ въ духовномъ и единомысленномъ общеніи и.Б) всѣхъ извѣстныхъ писаній старца Паисія.

Это святое дѣло продолжалось и при преемникѣ старца Макарія — старцѣ Амвросіи.

Богъ, — какъ говорилъ о. Макарій, — посылалъ средства на благое дѣло черезъ добрыхъ людей, и одно за другимъ было издано большое количество книгъ.

Занятія о. Макарія состояли въ приготовленіи къ печатанію славянскихъ переводовъ (снабженіе примѣчаніями малопонятныхъ мѣстъ) и переводъ нѣкоторыхъ на русскій языкъ. Дѣятельность въ этомъ отношеніи о. Макарія была изумительна. Онъ жертвовалъ для этого дѣла своимъ краткимъ отдыхомъ, и, не отказываясь отъ своего старческаго подвига въ отношеніи приходящаго народа, онъ неотступно слѣдилъ за своими помощниками изъ скитской братіи. Всякое слово взвѣшивалось, обсуждалось и безъ благословенія старца ни одно не вписывалось въ рукопись, приготовляемую для типографіи. Сотрудниками старца были: о. Ювеналій, о. Леонидъ и о. Амвросій. Впослѣдствіи — о. Климентъ (Зедергольмъ) магистръ греческой словесности.

Ввиду того, что изданія эти совершались на средства благодѣтелей, старецъ Макарій и игуменъ Моисей щедро разсылали книги во всѣ библіотеки, какъ академическія, такъ и семинарскія, почти всѣмъ архіереямъ, ректорамъ, инспекторамъ семинарій и академій, а также во всѣ общежительные монастыри на Аѳонѣ.

Вотъ заглавія изданій, вышедшихъ съ 1847 до 1860 года.

1. Житіе и писаніе Молдавскаго старца Паисія Величковскаго.

2. Четыре огласительныхъ словъ къ монахинѣ.

3. Преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго, преданіе ученикамъ своимъ о жительствѣ скитскомъ.

4. Восторгнутые классы въ пищу души.

5. Преподобныхъ отцовъ Варсонофія Великаго и Іоанна руководство къ духовной жизни, въ отвѣтъ на вопрошаніе учениковъ (по-славянски).

6. Преподобнаго отца нашего Симеона Новаго Богослова, игумена, слова весьма полезныя (12 словъ).

7. Оглашеніе преподобнаго Θεодора Студита.

8. Преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника толкованіе на молитву «Отче нашъ» и его же слово постническое по вопросу и отвѣту.

9. Книга преп. отцовъ Варсонофія и Іоанна, руководство къ духовной жизни (въ русскомъ переводѣ).

10. Преп. отца нашего аввы Фалассія, главы о любви, воздержаніи и духовной жизни.

11. Преподобнаго отца нашего аввы Дорофея, душеполезныя поученія и посланія.

12. Житіе преподобнаго отца нашего Симеона Нового Бѣгослова.

13. Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Марка подвижника, нравственно-подвижническія слова.

14. Преп. отца нашего Орсисія, аввы Тавенисіотскаго, ученіе объ устроеніи монашескаго жительства.

15. Преподобнаго отца нашего аввы Исаіи, отшельника египетскаго, духовно-нравственныя слова.

Просвѣтительная дѣятельность Оптиной Пустыни была значительна. Въ XIX вѣкѣ ею выпущено свыше 125-ти изданій въ количествѣ 225.000 экземпляровъ. Библіотека, собранная о. Моисеемъ, состояла изъ 5 000 книгъ.

Письма Оптинскаго Старца Іеросхимонаха Макарія.

III.

Старецъ Макарій великій учитель смиренія. «Ибо», какъ говоритъ преп. Исаакъ Сирскій, «смиреніе и безъ дѣлъ многія прегрѣшенія дѣлаетъ простительными, потому что безъ смиренія напрасны всѣ дѣла наши, всякія добродѣтели и всякое дѣланіе (Слово 46, стр. 202, Серг. Посадъ 1893).

Старецъ Макарій не сказалъ ничего новаго отъ себя, но въ его ученіи, какъ въ тихой водной глади, отразилось все звѣздное небо святоотеческаго ученія.

Его духовное ученіе, главнымъ образомъ, запеча-

тлѣлось въ сборникахъ его писемъ. Интересно отмѣтить его личные взгляды на современность. Эти взгляды можно назвать «Оптинскими». Ихъ раздѣляли духовныя лица «оптинскаго духа», какъ напр. о. Антоній (Бочковъ), такъ думали и мірскіе «оптинцы», какъ братья Кирѣевскіе и многіе другіе. Въ письмахъ къ монашествующимъ (письмо № 165) Старецъ пишетъ: «Сердце обливается кровію, при разсужденіи о нашемъ любезномъ отечествѣ Россіи, нашей матушкѣ, куда она мчится, чего ищетъ? Чего ожидаетъ? Просвѣщеніе возвышается, но мнимое; оно обманываетъ себя въ своей надеждѣ; юное поколѣніе питается не млекомъ ученія св. нашей Православной Церкви, а какимъ-то иноземнымъ мутнымъ, ядовитымъ заражается духомъ; и долго ли это продолжится? Конечно, въ судьбахъ промысла Божія написано то, чему должно быть, но отъ насъ сокрыто по неизреченной Его премудрости. А, кажется, настаетъ то время, по предреченію отеческому: «Спасай да спасетъ свою душу!» Въ письмѣ № 172 Старецъ говоритъ: «Намъ надобно, оставя европейскіе обычаи, возлюбить святую Русь, и каяться о прошедшемъ увлеченіи во оныя, быть твердымъ въ православной вѣрѣ, молиться Богу, приносить покаяніе о прошедшемъ». Въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ: «Благодѣтельная Европа научила насъ внѣшнимъ художествамъ и наукамъ, а внутреннюю доброту отнимаетъ, и колеблетъ православную вѣру; деньги къ себѣ притягиваетъ».

Подобное неодобреніе старцемъ погони за европейскими обычаями и презрѣнія обществомъ добрыхъ нравовъ прежней Св. Руси, можно не разъ встрѣтить въ письмахъ о. Макарія.

Что касается до Алексѣя Степановича Хомякова, который неизвѣстно бывалъ ли въ Оптиной Пустыни и во всякомъ случаѣ не можетъ считаться послушникомъ Оптинскихъ старцевъ, о немъ, или о его міровоззрѣніи не встрѣчается никакихъ отзывовъ въ старческихъ письмахъ.

Славянофилы относились отрицательно къ византизму. Для Оптиной же Пустыни святыя византійскіе служили базой и основой ея вѣры и идеалогіи. Кирѣев-

скій, который былъ совершенно единомыслененъ со старцами и былъ одного духа съ ними, принималъ личное и дѣятельное участіе въ издательствѣ святоотеческой литературы, не можетъ быть названъ «славянофиломъ». Это доказываетъ незнаніе исторіи Оптиной Пустыни и ея значенія.

Письма старца Макарія вышли въ двухъ книгахъ: 1) Собраніе писемъ блаженныхъ памяти опт. старца іеросхимонаха Макарія къ монашествующимъ лицамъ. И приложеніе: Двѣ статьи сост. старцемъ на основаніи Слова Божія и писаній св. отцовъ и его же выписки о смиреніи. Изд. Коз. Введ. Опт. Пуст. Москва 1862. 343 стр., и 2) Собраніе писемъ блаж. памяти опт. старца іеросхимонаха Макарія къ мірскимъ особамъ. Изд. Коз. Введ. Опт. Пуст. Москва 1862. 700 стр.

Мы ниже предлагаемъ читателю семь первыхъ писемъ изъ послѣдняго собранія, разобранныхъ И. М. Концевичемъ незадолго до смерти.

ВВЕДЕНІЕ.

«Будучи любознателенъ, будь и трудолюбивъ, ибо голое знаніе надымаетъ человѣка» (Маркъ Подвижникъ).

Въ основу всякаго созиданія надо класть правильное основаніе: отъ этого зависитъ доброкачественность и прочность творимаго.

Будь это постройка дома въ мірѣ матеріальномъ, или въ сферѣ умственной пріобрѣтеніе знаній, творчество, или въ духовной жизни внутреннее дѣланіе, однимъ словомъ, во всемъ, гдѣ происходитъ созиданіе, все зависитъ отъ основанія, отъ фундамента, на которомъ оно строится. Домъ можетъ быть выстроенъ на камнѣ или на пескѣ; въ послѣднемъ случаѣ паденіе его бываетъ великое, какъ говоритъ намъ Евангеліе.

Мы имѣемъ намѣреніе изучать творенія святыхъ отцовъ, а въ ближайшее время письма старца Макарія, органически связанныя съ этими твореніями.

Что же мы должны положить въ основаніе нашего этого изученія?

Прежде всего мы должны дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое представляютъ собою творенія святыхъ отцовъ. Кромѣ каноническаго и литургическаго богатства, въ нихъ заключенъ благодатный многовѣковой психологическій опытъ православныхъ подвижниковъ. На протяженіи вѣковъ восточные аскеты при содѣйствіи благодати Святаго Духа въ совершенствѣ изучили душу человѣка, законы ея жизни и путь къ духовному ея восхожденію. Въ ихъ твореніяхъ разработанъ и указанъ правильный и единственный путь къ высшему совершенству святости и Боговѣдѣнію на всѣ времена и для всѣхъ народовъ.

Въ этихъ твореніяхъ дивное единомысліе и все органически вытекаетъ одно изъ другого. Святые отцы въ благодати Святаго Духа говорили только истину, а потому авторитетъ ихъ для насъ долженъ быть абсолютнымъ.

Теперь разберемъ съ какимъ настроеніемъ мы должны подойти къ этому дѣлу.

Господь говоритъ: «Блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тѣи насытятся» (Мѳ. 5, 6). Здѣсь открывается намъ законъ познанія высшихъ духовныхъ истинъ: цѣлью познанія должна быть истина ради самой истины, ради правды Божіей въ ней заключенной, ради желанія ея и любви къ ней; и тогда и только тогда, она будетъ открываться намъ.

Но можетъ быть и иной подходъ, когда истина уже не является цѣлью самой по себѣ, но средствомъ для иныхъ цѣлей.

Въ этомъ случаѣ можетъ быть много различныхъ побужденій: и честолюбное стремленіе достигнуть успѣха въ жизни, и простое тщеславіе — блеснуть богатствомъ своихъ познаній; можетъ быть и простое любопытство — нахватать побольше всякихъ свѣдѣній. Можетъ быть много еще и иныхъ побужденій.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ знаніе остается поверхностнымъ, внѣшнимъ; оно не проникаетъ вглубь души и не приноситъ плода подобно приточному зерну, упавшему на каменистую почву, и можетъ причинить только

вредъ. Истинное познаніе правды Божіей — Евангельскихъ заповѣдей непременно влечетъ и къ исполненію скихъ заповѣдей, непременно влечетъ и къ исполненію голое знаніе надымаетъ человѣка» (Маркъ Подвижникъ, 4, 7).

Отъ такого поверхностнаго воспріятія истины не спасаетъ человѣка никакое его положеніе: онъ можетъ быть и ученѣйшимъ богословомъ, и ректоромъ духовной академіи, и высокимъ іерархомъ въ Церкви, и подвижникомъ въ монастырѣ, и такъ далѣе, не говоря уже о тѣхъ, кто живетъ всецѣло мірской жизнью.

Принимая это во вниманіе, мы не будемъ удивляться тому, что и богословы и іерархи впадали въ ереси и учиняли расколы и смуты въ Церкви, а прославленные подвижники впадали въ прелесть (прельщеніе) и гибли.

Все это происходитъ отъ того, что «строители отвергаютъ камень, который долженъ лечь во главу угла». Камень же Христосъ и заповѣди Его! Пренебреженіе заповѣдей Божіихъ ведетъ къ острашенности; всякая же страсть, какъ дымъ, застилаетъ умственный взоръ, и онъ не можетъ уже постигать истину.

Самый разительный примѣръ этого даетъ намъ Евангеліе въ лицѣ Іуды-предателя: даже исключительная близость къ Спасителю, его апостольское званіе не спасло его отъ гибели. Іудѣ, какъ и другимъ апостоламъ была дана власть творить чудеса, изгонять бѣсовъ; онъ былъ свидѣтелемъ безчисленныхъ чудесъ и дивныхъ дѣяній Самаго Господа; какъ апостолъ Іуда зналъ сокровенный смыслъ притчей и ученія Христова, ему были открываемы тайны Царствія Божія. И, несмотря на все это, страсть сребролюбія осталась неисцѣльной; мало того, она возрасла до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что даже подвигла Іуду на предательство своего Учителя.

ПИСЬМА СТАРЦА МАКАРІЯ.

Первыя сорокъ писемъ относятся къ одному лицу и охватываютъ собою періодъ почти въ 11 лѣтъ: съ мая 1840-го года по январь 1851-го.

Это лицо молодой богатый помѣщикъ. Онъ служитъ чиновникомъ, но не по нуждѣ, а ради принесенія пользы ближнимъ. Онъ читаетъ духовныя книги, стремится достигнуть безстрастія, но оно ему не дается: постоянныя «поползновенія». Онъ унываетъ: «Увы мнѣ! «Рабъ лукавый и лѣнивый есмь, и потому добыча ада и смерти»; «погибшее овча азъ есмь».

Въ душѣ его смущеніе и борьба: онъ никакъ не можетъ рѣшить, какой избрать путь въ жизни: идти ли въ монастырь, или оставаться въ міру.

Затѣмъ замѣтенъ въ перепискѣ нѣкоторый пробѣлъ, можетъ быть, по интимности содержанія писемъ получатель не рѣшился предать ихъ гласности, но возможно, что писемъ и вовсе не было вслѣдствіе личныхъ встрѣчъ со старцемъ.

Послѣ этого уже иной періодъ жизни: онъ женатъ. Умираетъ сынъ-первенецъ; слѣдуютъ и другія скорби, и въ духовной жизни затрудненія и борьба.

По поводу всего этого духовный сынъ старца обращается къ послѣднему за совѣтомъ и утѣшеніемъ. Прозорливый старецъ видитъ его устроеніе, и даетъ совѣтъ, точно соотвѣтствующій нуждѣ; но не отъ себя, не отъ своего мудрованія, но отъ святыхъ отцовъ, которыхъ онъ знаетъ въ совершенствѣ.

Прозорливость свою старецъ Макарій такъ искусно прикрываетъ, что очень легко ея и вовсе не замѣтить.

Семь писемъ Старца Макарія къ мірянину.

П и с ь м о 1.

(Отвѣтъ).

Приносимая Вами малая жертва — **лампада**, да будетъ благопріятна предъ Богомъ.

Она только символъ Вашего усердія, а не Вашихъ **благихъ дѣлъ**, о коихъ надобно имѣть стараніе, дабы исправить сердце свое по **заповѣдямъ Божиимъ**, просить же на сіе Его помощи, потому что **безъ Него не можемъ творить ничесоме** (Іоан. XV, 5). Но діаволъ яко **левъ рыкающій** кого поглотити» (1 Петр. V, 8) сопротивляется благому нашему произволенію, ведетъ съ нами брань и **привлекаетъ къ страстямъ**.

Когда же не успѣетъ сего, то вводитъ во **мнѣніе о своихъ добродѣтеляхъ** — десными и шуими ратуетъ воина Христова.

Несомнѣнное оружіе противъ него **смиреніе**. О немъ **всемѣрно** должно имѣть попеченіе, какъ при исправленіяхъ, такъ и при нашихъ немощахъ душевныхъ.

Осужденіе признакъ **гордыни**, также и **гнѣвъ**.

Желающіе себя исправить, но побѣждающіеся страстями, **промыслительно** искусь сей пріемлютъ, чтобы смиряли себя хотя бы **невольнo**, и этимъ **привлекли къ себѣ Божию благодать**.

Имѣйте и вы всегдашнее **смиреніе**. то и **гнѣвъ** вами не пообладаетъ; побѣждаясь же онымъ, **не смущайтесь**. но кайтесь и смиряйтесь, и съ помощью Божіей оный отъ васъ отыдетъ.

П и с ь м о 2.

Предлагаю вамъ малое разсужденіе не отъ моего скуднаго разума, но уповая на Бога разумовъ и Господа, дающаго слово и безсловеснымъ къ пользѣ людей Своихъ; отъ слова Его и отъ писаній Боговдохновенныхъ отцевъ, кои послѣ **дѣятельной жизни**, оставили намъ въ руководство свое **ученіе**.

Вѣра есть основаніе всѣхъ благъ, и безъ вѣры невозможно угодити Господу (Евр. 11, 6), она же и даръ Божій (Марк. 16, 16; Матѹ. 28, 19-20).

Св. Ап. Іаковъ учитъ: «Кая польза, братіе моя, аще вѣру кто глаголетъ имѣти, дѣлъ же не имать; еда можетъ вѣра спасти его? Вѣра аще дѣлъ не имать мертва есть о себѣ... и якоже бо тѣло безъ духа мертво есть, тако и вѣра безъ дѣлъ мертва есть (Іак. II, 14, 17-19, 21, 22, 24, 26).

Къ нашему спасенію нужна не одна вѣра, но и дѣла. Слова Ап. Павла: «Отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть» (Рим. III, 20) относятся къ ветхозавѣтнымъ обрядовымъ дѣламъ, а не къ новоблагодатнымъ заповѣдямъ.

Мудрованіе же, что оправданіе обрѣтается одною вѣрою, безъ дѣлъ, есть **лютеранское**, неправославное.

Но кто на дѣла свои надѣется даже при вѣрѣ — заблуждается.

По крещеніи непременно нужно дѣланіе заповѣдей Божіихъ, коими сохраняется данная въ **крещеніи** благодать и по мѣрѣ успѣянія въ нихъ умножается.

Преступая же заповѣди, покаяніемъ опять приобрѣтаемъ благодать. И все это дѣйствуется чрезъ вѣру, а безъ вѣры и къ дѣламъ покаянія не приступили бы.

Вездѣ вѣра и дѣла.

Но нельзя думать дѣлами своими заслужить спасеніе: его доставляютъ намъ заслуги Спасителя.

Должно дѣлать, но не полагать на дѣла надежду. Полагать же на дѣла надежду — признакъ **самонадѣянія**. Всегда не подаетъ намъ Господь силы къ исполненію добродѣтелей, но паче попускаетъ на насъ укрѣпиться страстями, чтобы мы познали свою немощь и смирились предъ Богомъ, помня заповѣдь Божию: «Аще и сотворите вся повеленная вамъ, глаголите, яко раби неключимы есмы, еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ» (Лук. XVII, 10). Прочтите въ Добролюбіи I у Марка Подвижника о мнящихся отъ дѣлъ оправдиться (4, 1-7, 11-24).

Зная, что для спасенія необходимы дѣла, и стремясь исполнять ихъ не находите въ себѣ силы и побѣждаясь страстями — смущаетесь и недоумѣваете, что дѣлать? Конечно, возложеніе надежды на Бога и на молитвы угождающихъ Ему много можетъ помогать въ

дѣлѣ нашего спасенія, но смущеніе при поползновеніяхъ происходитъ отъ духовной гордости. Злые духи сопротивляются нашему спасенію: супостатъ нашъ діаволъ яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити (I Петр. V, 8).

«Будучи любознателенъ, будь и трудолюбивъ, ибо голое знаніе надмѣваетъ человѣка» (Марк. Подв. 4, 7).

«Нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властямъ и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебесныхъ» (Ефес. 6, 12).

Съ такими то борцами боровшись, надобно на нихъ оружіе крѣпкое имѣть, а оно есть **смиреніе**, которому они не могутъ противиться. А безъ онаго сражаясь съ ними самонадѣянно и гордо, всегда бываемъ побѣждаемы. Для того Господь и попускаетъ намъ падать, чтобы смирились (См. 58 слово Исаака Сирина; а также Добр. 4-ое, 7 и 46 слова Іоанна Карпаѳійскаго). «Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ» (Пс. 50, 19) и «Близъ Господь сокрушеннымъ сердцемъ и смиренные духомъ спасетъ» (Пс. 33, 19).

П и с ь м о 3.

Отсѣченіе своей воли и непоставленіе своего разума (не полагаться на свой разумъ) есть первое средство къ стяжанію смиренія, а отъ онаго разсужденія раждается смиреніе. Но вы, только разсуждая объ этомъ, возмущаетесь умомъ и сердцемъ, корень же сего есть самолюбіе и гордость.

Вы до сихъ поръ на своемъ мнѣніи и разумѣ и своею волею основывали свое исправленіе и спасеніе; отъ того и силы ваши въ противоборствѣ изнемогаютъ, что по причинѣ онаго самомнѣнія имѣетъ врагъ свободный и сильный къ вамъ приступъ. Что дѣлается не разсуждая съ повиновеніемъ, исполняется весьма лѣгко и спокойно съ пользою. (Какъ врагъ не терпитъ того, кто находится въ покореніи отеческомъ и какія совершаетъ козни см. Добр. 4, Θεодор. Эдесскій, гл. 44).

Вы пишете: «Надобно меньше разсуждать, а стараться, чтобы мысли были заняты молитвою». Но вся ваша бѣда въ томъ, что все это зная, не исполняете и при томъ еще чувствуете, что совершенно **будете безотвѣтны на**

Страшномъ Судѣ. Если это послѣднее сильно на васъ дѣйствуетъ и смущаетъ, то это козни вражи и плодъ гордости.

Вы, созная себя грѣшнымъ, не должны отчаяваться, а больше **смиряться** и дивиться челоуѣколюбію Божію, терпящему васъ и ожидающему вашего обращенія и покаянія. (См. I. Злат. О покаяніи).

«Покаяніе есть пластырь прегрѣшеній, потребленіе беззаконій, отъятіе слезъ, дерзновеніе къ Богу, оружіе на діавола, мечъ, главу его отсѣкающій, спасенія надежда, отчаянія истребленіе. Оно челоуѣку отверзаетъ небо, оно въ рай вводитъ, оно діавола одолѣваетъ.

Грѣшенъ ли ты? не отчаявайся... Оружіе ваше противъ діавола **неотчаяніе ваше**... Ежели во всякъ день согрѣшаешь, во всякъ день и каяться долженъ. Обветшалъ ли ты сегодня отъ грѣха? Обнови себя покаяніемъ... Всю жизнь проведъ я во грѣхахъ, аще покаюсь, буду ли спасенъ? Конечно, будешь!

Потому что съ покаяніемъ милость Божія сопряжена, а челоуѣколюбіе Божіе безмѣрно, и благодать Его изречи неможно, ибо твоя злоба имѣетъ мѣру, твой грѣхъ, каковъ бы ни былъ, есть грѣхъ челоуѣческій, а милосердіе Божіе есть неизреченное; то и надѣйся, что оно одолѣетъ злость твою; вообрази себѣ искру въ морѣ впадшую, можетъ ли она устоять или являться? Сколь мала есть искра противъ моря, столь малъ есть грѣхъ противу челоуѣколюбія Божія. Паче же и не столькій, но зѣло меньшій поелику море хотя и велико есть, однако мѣру свою имѣетъ, Божіе же челоуѣколюбіе безпредѣльно». (См. также Добротолюбіе, т. III, Петра Дамаскина.)

«Вы просите научить васъ стяжать даръ **молитвы**. Это похоже на то, какъ бы у нищаго кто просилъ богатства. Я сознаю себя въ семъ отношеніи въ весьма нищенскомъ положеніи. Какъ же могу научить тому, чего самъ не имѣю?» Но предлагаю о семъ **ученіе Св. Отцовъ**.

Молиться мы должны по долгу нашему, по заповѣди Божіей и апостольской и ученію Св. Отцовъ о всемъ; какъ то: о сохраненіи насъ, о спасеніи нашемъ, о прощеніи грѣховъ, о ближнихъ нашихъ и о прочемъ многомъ, но съ **великимъ смиреніемъ, и не искать въ себѣ дара**. Оный Самъ Господь даруетъ, но достойнымъ того, какъ пишетъ св. Исаакъ Сир., Слово 2:

«Яже Божія, само отъ себя проходить тебѣ неоущающую, но аще мѣсто будетъ чисто, а не скверно. Аще ли же зеница очесе души твоя чиста нѣсть, да не посмѣеши воззрѣти на округъ солнца, да не лишишися и самыя тоя зари, яже есть простая вѣра и смиреніе, и исповѣданіе сердечное и малая дѣла, яже по силѣ твоей, и отверженъ будеши во едино мѣсто мысленныхъ, еже есть тма кромѣшная, внѣшняя отъ Бога, образъ носящая ада, якоже онъ, обезстудствовавыйся внити на бракъ въ скверныхъ ризахъ».

Макарія В. (Сл. 1, № 9) «Глава всякія добродѣтели и верхъ исправляемыхъ дѣлъ есть непрестанное въ молитвѣ пребываніе, чрезъ что и прочія добродѣтели испрошеніемъ у Бога ежедневно получать можемъ. Но если смиренномудріемъ, простодушіемъ и благостью украшени не будемъ, образъ молитвы ничтоже насъ воспользуетъ». И учитъ какъ должно надо пребывать въ молитвѣ: начать съ того же, «во-первыхъ, вѣровати Господу твердо, и предати всего себя глаголамъ заповѣдей Его, и отречься міра во всемъ, дабы ни въ чемъ же изъ видимыхъ вещей обращался умъ и выну пребывати непоколебимо въ молитвахъ, и не отчаяваться въ ожиданіи Господня призрѣнія и помощи на всякое время, предложеніе ума своего всегда въ Немъ имѣя (Сл. 1, 13).

«Если же кто насилуетъ себя въ молитвѣ, пока не получитъ дарованія нѣкоего отъ Бога; а къ смиренномудрію, къ любви, къ кротости и къ прочимъ добродѣтелямъ тѣмъ же образомъ насилія себѣ не творитъ, и лѣностію одержимъ есть, таковому хотя иногда по прошенію его и дается благодать Божія: благъ бо есть и милостивъ Богъ, и просящимъ Его даетъ по ихъ прошеніямъ; но т. к. не приуготовилъ себѣ и не приобрѣлъ навыка къ реченнымъ добродѣтелямъ, то или погубляетъ благодать, или приѣмлетъ, и снова падаетъ, или ничтоже преуспѣваетъ, впадая въ высокоуміе. Селеніе бо и покой Духа Святаго смиренномудріе есть, любовь и кротость и прочія заповѣди Господни (Сл. 1, 14).

«Если со смиренномудріемъ и любовію, простодушіемъ же и благостію соединена не будетъ въ насъ молитва, то это не молитва, но только маска молитвы есть, ни единыя же пользы принести намъ могущая» (Сл. 3, 5).

Видите, какое должно быть приуготовленіе къ молитвѣ и ея прохожденіе и достиженіе ея дара. Разсмотрите же себя, на той ли степени вы стоите, и вашей ли мѣры достигнуть высоты такой добродѣтели, которой и удалившіеся изъ міра и все отвергшіе не многіе достигли.

Исаакъ Сиринъ говоритъ: «Якоже едва отъ темъ челоувѣкъ единъ обрѣтается исполнимый заповѣди и законная мало недостаточнѣ и достигъ въ чистоту души; тако единъ отъ тысячи обрѣтается сподоблься достигнути со многимъ охраненіемъ въ чистую молитву, и расторгнути предѣлъ сей и получить оно таинство. Зане же мнози и чистыя молитвы никако сподобившася, но мали къ таинству же оному еже по онѣй и на объ онъ полъ достигнуый, едва обрѣтается въ родѣ и родѣ благодатию Божіею (Сл. 16) ⁹). А о прежде времени желающихъ достигнути въ какое-либо дарованіе Св. Іоаннъ Лѣствичникъ пишетъ:

«Загляни въ помышленіе неискусныхъ послушниковъ и обрящешь тамъ мысль заблужденную: обрящешь въ ней желаніе крайняго безмолвія, жесточайшаго пощенія, неразвлекаемой отъ разныхъ помысловъ молитвы, совершеннаго славы суетныя отверженія, незабвенныя смертныя памяти, безпрестаннаго о грѣхахъ сокрушенія, наикротчайшаго безгнѣвія, глубокаго молчанія и превосходнѣйшаго цѣломудрія. Они, при вступленіи въ иноческій подвигъ, сихъ добродѣтелей, **по особенному Божію промыслу не достигнувъ**, напоследокъ въ намѣреніи своемъ обманувшись вовсе отъ него отпадаютъ. **Ибо врагъ внушаетъ искать ихъ прежде времени съ тѣмъ**, да по довольномъ въ нихъ обращеніи въ настоящую пору оныхъ не получаютъ» (4 Степень).

Прочтите еще въ Добротолюбіи 1, Григ. Синаитъ 8 гл., съ половины «простыхъ убо»... и «Тѣ, о преле-

⁹) Переводъ: Какъ изъ многихъ тысячъ едва находится одинъ, исполнившій заповѣди и все законное съ малымъ недостаткомъ и достигшій душевной чистоты: такъ изъ тысячи развѣ одинъ найдется при великой осторожности, сподобившійся достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этотъ предѣлъ и пріять оное таинство; потому что чистой молитвы никакъ не могли сподобиться многіе: сподобились же весьма рѣдкіе; а достигшіе того таинства, которое уже за сею молитвою, едва по благодати Божіей, находятся и изъ рода въ родъ (Стр. 69. Москва 1893 г. Серг. Посадъ).

сти», увидите, что память Божія или молитва умная выше всѣхъ дѣланій есть и какое бываетъ наказаніе дерзающимъ самочинно проходить ее.

Все это написалъ Вамъ не отводя васъ отъ молитвы, но предлагая, какъ опасно искать дара ея прежде времени и самочинно, и выше своей мѣры.

Видите какая бываетъ прелесть отъ сего, ибо:

«Чѣмъ кто о большемъ дарѣ прилежитъ, тѣмъ большимъ усиліемъ нападеніе чинить лукавый, почему и нужно пещись о плодахъ любви, смиренномудрія и прочихъ» (Макарій Великій, Слово 3, 2), а какъ думаю, вы сознаетесь въ неимѣніи еще смиренія, **то и опасно высокихъ искать.**

Молитесь просто въ опредѣленное время количествомъ со смиреніемъ, **отъ чего рождается и качество**, понуждая себя къ молитвѣ, о чемъ пишетъ Св. Зосима: «Еже бо съ нуждею молиться отъ произволенія есть, а еже съ покоемъ се отъ благодати есть» (Восторгнутые Класы. Бесѣды Св. Зосимы, стр. 166, 1848).

Св. Петръ Дамаскинъ (Добр. 111, 2 книга, сл. 24): «давай молитву молящемуся, сирѣчь **молящемуся добръ тѣлесною молитвою, даетъ Богъ умную молитву...**»

Разсѣянностью въ молитвѣ не надо смущаться, но смирять себя и окаевать, что можетъ насъ успокаивать, въ чемъ Св. Іоаннъ Лѣстничникъ укрѣпляетъ, поучая: «Старайся всегда бродящія твои мысли собрать воедино. Богъ не взыскиваетъ того, чтобы ты во время молитвы совсѣмъ никакихъ не могъ имѣть другихъ мыслей; не отчаявайся, будучи мыслями расхищаемъ, но благодушествуй, созывая всегда бродящіе свои помыслы: никогда бо не быти расхищаему мыслями, единому ангелу свойственно» (Ст. 4).

Можно молиться и не въ опредѣленное время, а и всегда, но только, принимая мечъ сей противъ враговъ, надо остерегаться, чтобы не обратить оный противъ себя, «не у пришедшу времени».

Хотя многіе отцы пишутъ о молитвѣ и дѣйствіяхъ ея, но къ тѣмъ, кто пришли въ мѣру сію, и по чину оную проходили; но между тѣмъ смотрите, какія дѣлали и предосторожности, зная многое множество подсадъ вражіихъ, являемыхъ въ видѣ истины и прельщавшихъ тѣхъ, кои дерзновенно приступаютъ къ сему священно-

му, умному дѣланію, желающимъ и ищущимъ въ себѣ дарованіе. Исаакъ Сир. говоритъ:

«Посему умоляю тебя, святой, да не входитъ тебѣ и на помыслъ это, но больше всего пріобрѣти терпѣніе для всего, что ни бываетъ съ тобою, и въ великомъ смиреніи и сокрушеніи сердца о томъ, что въ насъ и о помыслахъ нашихъ, будемъ просить отпущенія грѣховъ своихъ и душевнаго смиренія.

«Однимъ изъ святыхъ написано: «Кто не почитаетъ себя грѣшникомъ, того молитва не пріемлется Господомъ». Если же скажешь, что нѣкоторые отцы писали о томъ, что такое душевная чистота, что такое здравіе, что такое безстрастіе, то писали не съ тѣмъ, чтобы намъ съ ожиданіемъ помогать этому прежде времени; ибо написано, что «не пріидетъ царствіе Божіе съ соблюденіемъ» (Лук. 17, 20) ожидания. И въ комъ оказалось такое намѣреніе, тѣ пріобрѣли себѣ гордость и паденіе; а мы область сердца приведемъ въ устройство дѣлами покаянія и житіемъ благоугоднымъ Богу; Господне же пріидетъ само собою, если мѣсто въ сердцѣ будетъ чисто и неосквернено. Чего же ищемъ съ **соблюденіемъ**, разумѣю Божіи высокія дарованія, то не одобряется Церковью Божіей; и пріемшіе это пріобрѣтали себѣ гордость и паденіе, и то не признакъ того, что человекъ любитъ Бога, но душевная болѣзнь» (Исаакъ Сиринъ, Сл. 55, стр. 258, рус. изд.).

Кто прежде совершеннаго обученія въ первой части — а именно, полнаго очищенія сердца отъ страстей внѣшними подвигами и исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, стремится перейти ко второй части, т. е. уже умозрительной, ищетъ высокихъ духовныхъ дарованій, того постигаетъ гнѣвъ Божій за то, что не умертвилъ прежде уды свои «яже на земли» (Кол. 3, 5) терпѣливымъ упражненіемъ въ дѣланіи **крестнаго поношенія**, но дерзнулъ въ умѣ своемъ возмечтать о славѣ крестной.

Другими словами, сначала Голгоѳа подвига, а потомъ уже слава Воскресенія: утѣшеніе въ молитвѣ и высокія дарованія.

И еще: «Всякаго человека, который прежде совершеннаго обученія въ первой части, переходитъ къ сей второй, привлекаемый ея сладостію, не говорю уже сво-

ею лѣнностію, постигаетъ гнѣвъ за то, что не умертвилъ прежде уды свои «яже на земли» (Кол. III, 5), т.е. не уврачевалъ немощи помысловъ терпѣливымъ упражненіемъ въ дѣланіи крестнаго поношенія, но дерзнулъ въ умѣ своемъ возмечтать о славѣ крестной» (Сл. 2, стр. 20, рус. пер.). Первая часть есть: «дѣяніе, исполняемое дѣйствомъ яростной части души въ претерпѣніи скорбей плотскихъ, очищающее страдательную часть души силою ревности; а вторую — видѣніе, совершаемое тонкимъ дѣланіемъ ума и божественнымъ приснопоученіемъ и пребываніемъ въ молитвѣ и прочими».

Таково ученіе отцовъ, которыхъ молитвами да поможетъ Вамъ Господь идти путемъ истиннымъ, смиреннымъ, непрелестнымъ и получить спасеніе души.

П и с ь м о 4 .

Упомяная о причащеніи св. Таинъ, говорите:

«Но если на мое окаянство назрѣтъ Господь, то едва ли и когда нибудь буду я допущенъ къ причащенію отъ источника безсмертія. Увы мнѣ! рабъ лукавый и лѣнливый есмь, и потому добыча ада и смерти!»

Отвѣтъ:

Считать себя достойнымъ — признакъ недостойнства. Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ говорятъ: «Вѣмъ, Господи, яко недостойнѣ причащаюся». . . «Нѣсмь достоинъ, Господи, да внидеши подъ кровь души моя». . .

П и с ь м о 5 .

«Однако не подобаетъ намъ отчаяваться (не сущимъ яко же быти подобаетъ). Это зло, потому что ты этимъ согрѣшилъ, человѣкъ. Что же ты Бога прогнѣвляешь, и отъ своего неразумія немощнымъ вмѣняеши Его. Развѣ не можетъ спасти твою душу, сотворившій толикій міръ ради тебя. Если же говоришь, что и это послужитъ мнѣ къ осужденію, какъ Его снисхожденіе, то покайся и пріиметъ покаяніе твое, якоже блуднаго и блудницы. Если же и этого не можешь, но по навывковенію согрѣшаеши, хотя бы этого и не хотѣлъ, то имѣй смиреніе, яко же мытарь, и довлѣетъ и этого для спасенія. Ибо непокаяннѣ согрѣшающій и не отчаивающійся вынужденъ считать себя хуже всей твари и

не дерзаетъ осудити или укорити кого-либо, но больше дивится челоѡколюбію Божію, и благодарнымъ къ благодѣтелю пребываетъ и иная многая благая имѣти можетъ. Если и діаволу въ согрѣшеніи повинутся, но ради страха Божія преслушаетъ врага, понуждающаго его къ отчаянію и **отъ сего часть Божія есть**». (1 Добр. Петръ Дамаскинъ), и еще о томъ: «о еже **яко веліе благо есть истинное покаяніе**: если кто захочетъ, опять полагаетъ начало покаяніемъ. Палъ ли, говорить, возстани; если снова палъ, снова возстань, отнюдь не отчаявайся о своемъ спасеніи, если что-либо и будетъ. Не предавай себя волею врагу и довлѣетъ тебѣ терпѣніе сіе съ самоукореніемъ во спасеніе».

«Ты же отнюдь не отчаявайся, не вѣдая Божіей помощи, можетъ бо, что захочетъ сотворити, но уповай на Него и одно изъ сихъ сотворишь тебѣ: или нѣкими искушеніями, или другимъ образомъ, ими же Онъ вѣсть, устроить твое исправленіе, или пріиметъ твое терпѣніе и смиреніе вмѣсто дѣланія, или инымъ образомъ, его же не вѣси, по упованію содѣлаетъ челоѡколюбиво, чтобы спасти бездерзновенную твою душу; **но только не оставляй Врача**, т. к. за оставленіе люто потерпишь двойную смерть за невѣдѣніе сокровеннаго Божьяго намѣренія».

Кажется, сіе должно васъ возставитъ отъ рва отчаянія. Я напомнилъ Вамъ, что смущеніе Ваше происходитъ отъ духовной гордости. Св. Дороѡей говоритъ: «Если страсть и досаждаетъ намъ, мы этимъ не должны смущаться, потому что это смущеніе происходитъ отъ безумія и превозношенія, а также отъ невѣдѣнія (незнанія) своего устроенія и отъ **уклоненія отъ труда**, какъ сказали отцы» (Авва Дороѡей)

Желаю вамъ умудряться въ духовныхъ браняхъ, познавать козни вражія, и болѣе всего смиряться. Смиреніе есть сильнѣйшее оружіе противъ врага и его стрѣль.

Да укрѣпитъ васъ Господь на брани сей, и да увѣнчаетъ въ день онъ, а теперь не ищите въ себѣ воздаяній: смиренный не видитъ себя того достойнымъ, а предъ Богомъ великъ.

Святые имѣли себя хуже всей твари въ своихъ помыслахъ, а Богъ ихъ прославилъ.

П и с ь м о 6.

«Слава Богу, даровавшаго Вамъ съ жизнью и возможность пользоваться благами оной. Чувствуя неисповѣдимую благодать къ щедротамъ Его, должны стараться, исполненіемъ святыхъ Его заповѣдей, стяжать любовь Его по слову святыхъ устъ Его: «Любяй Мя, заповѣди Моя соблюдаютъ» (Іоан. XIV, 23).

Вы жалуетесь на недосуги, на волны житейскаго моря, и на невозможность, какъ бы слѣдовало, заняться своею душою. Но въ житейскихъ волнахъ при общеніи съ людьми дается намъ средство къ занятію своею душою, т. е. исполненію заповѣдей Божіихъ. Какъ же мы ихъ исполнимъ, не имѣя съ людьми общенія?

Вы еще не такой мѣры, чтобы могли вести жизнь совершенно отшельническую и уединенную и бороться съ одними бѣсами или наслаждаться умозрѣніемъ сокровенныхъ таинствъ, объ этомъ вы уже читали въ 55-омъ и 2-омъ словахъ Исаака Сирина, а Іоаннъ Лѣствичникъ даже слѣдъ безмолвія не позволяетъ видѣть имѣющему о себѣ мнѣніе.

За исполненіе заповѣдей Божіихъ должно много потерпѣть отъ міра, плоти и діавола, ибо «хотящіи благочестно жити, гоними будутъ» (2 Тим. III, 12), говоритъ Апостоль Павелъ, и «хотящій быти другъ міра, врагъ Божій бываетъ» (Іак., IV, 4). «Мудрованіе плотское вражда на Бога есть» (Рим. VIII, 7). «Діаволь же, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити» (1 Петр. V, 8). Вотъ препятствія намъ отъ сихъ 3-хъ враговъ, къ исполненію заповѣдей Божіихъ. Враги эти — міръ, т. е. страсти, плоть наша и діаволь.

Они и въ монастырѣ противятся намъ, но въ монастырѣ меньше соблазновъ, и въ малолюдствѣ удобнѣе исполнить заповѣди Божіи (см. Авву Дорофея объ отверженіи міра).

Но вы еще не находите себя въ силахъ оставить житейскія вещи. Что же вамъ дѣлать? — Подражать св. Петру, утопавшему въ волнахъ: Господи, спаси мя, погибаю (Мѳ. XIV, 31) и св. Давиду вопіющему: скажи мнѣ, Господи, путь, въ онъже пойду (Пс. 142, 8) и путь неправды отстави отъ мене (Пс. 118, 29).

Причина всѣхъ вашихъ поползновеній **гордость**: отрасли ея — превозношеніе, о себѣ мнѣніе, зазрѣніе

людей и осужденіе ихъ. Какъ бы мы ни старались дѣлать добродѣтели, но при сихъ дѣйствіяхъ онѣ мрачны и не приносятъ пользу, потому что онѣ-то и суть преступленіе и сопротивленіе волѣ Божіей.

Ученіе Господа и самая жизнь есть кротость и смиреніе; чему и заповѣдалъ намъ поучаться отъ Него. Всѣхъ нашихъ золъ причина гордость, а всѣхъ благъ ходатай смиреніе!

Если даже при исполненіи благихъ дѣлъ должны мы имѣть сердце сокрушенно и смиренно и духъ сокрушенъ, коихъ Богъ не уничтожитъ (Пс. 50, 19), кольми же паче въ нищетѣ нашего устроенія должны повергать себя въ бездну смиренія.

Читайте отеческія книги, но болѣе дѣятельныя, потому что при нашемъ устроеніи умозрительныя могутъ принести больше вреда, чѣмъ пользы. А изъ дѣятельныхъ вы будете познавать свою немощь и смирать свое сердце, и тогда Богъ призритъ на васъ и пошлетъ Свою помощь къ исполненію Его воли.

А то хоть весь разумъ Писанія будете имѣть, но съ самомнѣніемъ никакой пользы не обрящете. Ибо, врагъ умѣетъ строить подсады и прельщать таковыхъ мнимымъ утѣшеніемъ, какъ онѣ является и во образѣ Ангела свѣта (2 Кор. 11, 14), такъ и въ мысленныхъ и душевныхъ дѣланіяхъ производитъ свои дѣйствія, отъ которыхъ да избавитъ Васъ Господь (I Тим. 2, 4).

Господь печется о тваряхъ Своихъ и промышляетъ по премудрому Своему промыслу и прелвѣдѣнію, кого наказуетъ, и кого награждаетъ. Судьбы Его намъ непостижимы.

П и с ь м о 7.

Вы пишете, что при чтеніи духовныхъ книгъ вы приходите въ уныніе, чрезъ то, что понуждая себя на постъ, бдѣніе, молитву, думаете, что дѣлаете это, сами не зная для чего, а надо дѣлать это изъ любви къ Богу, а этой любви въ себѣ не ощущаете. Когда мысль сія отходитъ, и занимаетъ другая, и страсти одна другой передаютъ ваше бѣдное сердце, и просите моего совѣта.

Отвѣтъ: Чтеніе отеческихъ книгъ очень нужно и полезно къ познанію воли Божіей, ибо отцы исполнили Слово Божіе, переданное намъ въ Писаніи и прошли его дѣятельной жизнью и оставили примѣръ въ своихъ ученіяхъ.

Если вы читаете только слово Божіе, не читая отцовъ, то, не зная образа жизни и борьбы, думаете, что можете его исполнить и не смиряетесь.

А читая отцовъ, вы стремитесь исполнить написанное, но не достигая ихъ мѣры, познаете свою немощь и смиряетесь и получаете милость Божію, которая особенно на смиренныхъ простирается.

Въ Отечникѣ написано:

«Братъ вопроси старца, глаголя: что сотворю, яко чту писанія отецъ и не творю? Отвѣща старецъ: Чтя словеса отеческія и не творя, смиряется и получаетъ милость Божію, а не чтя не смиряется и не получаетъ милости Божіей».

Посему не малая польза читать дѣятельныя ихъ ученія.

Исполняемая вами тѣлесныя дѣланія, «сами не зная для чего» — невѣрно, а совершаете это изъ любви къ Богу, но несовершенной, но какъ зародышъ малый въ сердцѣ имѣя, отъ вѣры происходящій.

Читая слово Божіе и примѣры жизни отцовъ, побѣдившихъ страсти и достигшихъ любви Божіей, вѣруемъ сему и понуждаемся исполнять прежде дѣянія тѣлесныя и показать дѣломъ любовь къ ближнему.

Когда совершаемъ это правильно, со смиреніемъ, то переходимъ къ **видѣнію**, получаемъ душевное утѣшеніе и любовь Божія (къ Богу) показывается намъ явственнѣй.

Г л а в а VIII.

И. В. Кирѣвскій.

1806 - 1856.

I.

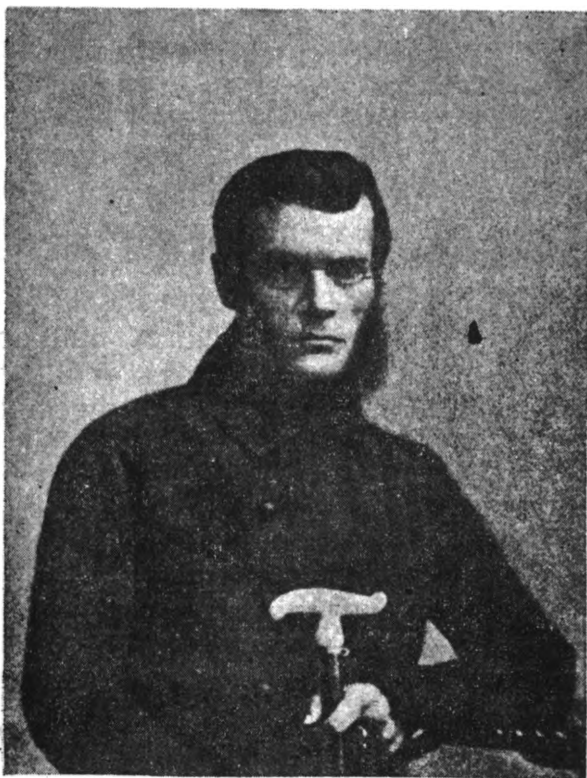
Ивану Васильевичу Кирѣвскому одновременно со старцемъ Макаріемъ принадлежитъ инициатива великаго предпріятія — изданія Святоотеческихъ писаній. Благодаря этому начинанію, и смогло произойти снабженіе этими книгами академій, семинарій, правящихъ епископовъ, ректоровъ и инспекторовъ и чтеніе этой доселѣ недоступной аскетической литературы могло стать доступнымъ монашествующимъ и всѣмъ духовно-настроеннымъ русскимъ людямъ. Истина Православія возсіяла, утвердилась и укрѣпилась въ противовѣсъ западнымъ книгамъ ложнаго направленія. Явленіе міру этихъ рукописей — событіе не поддающееся оцѣнкѣ простыми словами.

Другая заслуга Кирѣвскаго, какъ признано въ исторіи русской философіи — это положенное имъ начало независимой мысли въ русской философіи и, какъ утверждаетъ проф. Н. О. Лосскій, Кирѣвскій и Хомяковъ «хотя не выработали системы въ философіи, но они установили духовное философское движеніе, которое составляетъ самое оригинальное и цѣнное достиженіе въ русской мысли» ¹⁾).

Основное положеніе философіи Кирѣвскаго было слѣдующее: «Ученіе о Святой Троицѣ не потому только привлекаетъ умъ, что является ему, какъ высшее средоточіе всѣхъ святыхъ истинъ, намъ откровеніемъ сообщенныхъ, но и потому еще, что, занимаясь сочиненіемъ

¹⁾ Н. О. Лосскій. Лондонъ, 1952 г., стр. 13 (по англійски).

о философіи, я дошелъ до того убѣжденія, что направленіе философіи зависитъ въ первомъ началѣ своемъ отъ того понятія, которое мы имѣемъ о Пресвятой Троицѣ» ²⁾).

Иванъ Васильевичъ Кирѣвскій.

Иванъ Васильевичъ Кирѣвскій былъ сыномъ прекрасныхъ русскихъ людей. Его отецъ, Василій Ивановичъ, секундъ-маіоръ гвардіи, былъ крупнымъ помѣщикомъ, владѣльцемъ села Долбино, въ 40 верстахъ отъ Оптиной Пустыни. Онъ отличался необыкновенной добротой. То была истинная, горячая любовь къ людямъ, готовая всегда дѣлить чужое горе, помогать чужой нуждѣ. Всю свою недолгую жизнь В. И. положилъ на дѣла милосердія. Въ 1812 г. онъ пріѣхалъ въ Орель, близъ котораго у него была деревня, и оба свои дома — городской и деревенскій, отдалъ подъ больницы для

²⁾ Пол. собр. соч. И. В. Кирѣвскаго, томъ I, стр. 100, Москва 1861.

раненныхъ, пріютивъ, кромѣ того, многія семейства, бѣжавшія отъ непріятеля со Смоленской дороги. Онъ самъ ходилъ за больными, заразился тифомъ и умеръ въ Орлѣ 1-го ноября 1812 г. въ день безсребрениковъ Космы и Даміана, исполнивъ до конца заповѣдь Христову.

При всей своей добродѣтели В. И. былъ большой оригиналъ: онъ былъ англофилъ, занимался химіей и медициной, сочиненія Вольтера онъ покупалъ и сжигалъ. Любилъ читать лежа на полу и мало заботился о своей внѣшности. Когда они жили въ Москвѣ изъ за родовъ его молоденькой жены, онъ цѣлыми днями пропадалъ въ книжныхъ лавкахъ, оставляя по разсѣянности жену безъ денегъ, не знавшую какъ накормить многочисленную дворню.

Своихъ крѣпостныхъ крестьянъ онъ наказывалъ не иначе, какъ ставилъ ихъ на поклоны. То же онъ дѣлалъ по отношенію городскихъ чиновниковъ, когда исправлялъ должность судьи по выборамъ. «Нерадѣніе въ должности — вина передъ Богомъ», говорилъ онъ.

Его жена, Авдотья Петровна, рожденная Юшкова, была родовой дворянкой, культурной и образованной. Если онъ представлялъ типъ моральный, то она — типъ эстетическій. Одаренная литературнымъ дарованіемъ, она писала, переводила. Любила цвѣты, поэзію, живопись и сама рисовала. Она помогала Жуковскому въ переводахъ. Съ нимъ ее соединяло родство: она была дочерью его старшей сестры — крестной его матери и отчасти воспитательницы и была подругой дѣтства Жуковского. Овдовѣвъ и выйдя за Елагина, она создала въ своемъ московскомъ домѣ знаменитый салонъ, гдѣ объединялись для обмѣна мыслей всѣ выдающіяся и замѣчательныя лица. Это продолжалось многія десятки лѣтъ, вплоть до ея смерти.

Послѣ смерти Василя Ивановича Кирѣевскаго, Жуковский прожилъ болѣе года у своей племянницы. Его личность оставила глубокій слѣдъ въ душѣ сиротѣвшаго отрока — Вани. Близость между ними сохранилась на всю жизнь.

Отчимъ — Елагинъ, далъ прекрасное образованіе своимъ пасынкамъ. Они основательно изучили математику, языки — французскій и нѣмецкій и перечитали множество книгъ по словесности, исторіи, философіи изъ библіотеки, собранной ихъ отцомъ. Въ 1822 г. вся семья для окончанія ихъ ученія переѣхала въ Москву, гдѣ профессора университета давали имъ частные уроки. Кромѣ того, Иванъ слушалъ публичныя лекціи по природовѣденію, читанныя М. Г. Павловымъ, послѣдователемъ Шеллинга. Товарищемъ его по ученію былъ А. И. Кошелевъ. Въ это время братья Кирѣевскіе выучились англійскому языку и древнимъ языкамъ. Но знаніе таковыхъ было не столь велико, такъ что Иванъ Васильевичъ доучивался впослѣдствіи, когда начались въ Оптиной Пустыни переводы св. Отцовъ, въ чемъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Вскорѣ Кирѣевскій сдалъ государственный экзамень, какъ тогда говорилось, «при комитетѣ» и поступилъ на службу въ Архивъ Иностранной Коллегіи.

Первое литературное выступленіе Кирѣевскаго началось съ статьи о Пушкинѣ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» въ 1828 г. подѣ заглавіемъ «Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина». Статья его была едва ли не первою въ Россіи попыткою критики серьезной и строго художественной, вызвавшей одобреніе Жуковскаго. Въ слѣдующемъ 1829 г. онъ напечаталъ въ альманахѣ Максимовича «Денница» «Обозрѣніе Русской Словесности за 1829 годъ».

Въ томъ же году, сдѣлавъ предложеніе Н. П. Арбениной и получивъ отказъ, онъ заболѣлъ и поѣхалъ доучиваться за границу, гдѣ слушалъ лекціи въ Берлинѣ и Мюнхенѣ по богословію, философіи и исторіи. Въ числѣ профессоровъ были Гегель и Шеллингъ, съ которыми онъ лично познакомился. Вернувшись черезъ годъ на родину, онъ издаетъ журналъ «Европеецъ». Вышло два номера. Журналъ былъ самый благонамѣренный, но былъ заподозрѣнъ правительствомъ въ скрытой революціонной пропагандѣ. Жуковскій едва спасъ И. В. отъ административной высылки. Съ тѣхъ поръ на Кирѣевскаго легла черная тѣнь подозрѣнія въ неблагонадежности, которая въ теченіе всей его жизни

не дала ему возможности проявлять свои таланты и силы. Въ 1834 г. онъ женится, наконецъ, на любимой имъ дѣвушкѣ.

Послѣ женитьбы Кирѣевскій въ теченіе 12 лѣтъ своей жизни въ Долбинѣ ограничилъ свою общественную дѣятельность исполненіемъ обязанности почетнаго смотрителя Бѣлевскаго народнаго училища, добросовѣстно относясь къ этому дѣлу. Эта жизнь въ деревенской тиши казалась одному недоброжелательному «біографу» какимъ то сномъ и бездѣйствіемъ. Но эти годы для него не были потерянными, они прошли въ духовномъ и умственномъ самоуглубленіи. Если въ юные годы онъ вѣрилъ въ европейскій прогрессъ и былъ западникомъ (журналъ «Европеецъ»), то теперь его міровоззрѣніе круто измѣнилось. Иванъ Васильевичъ сталъ самымъ собой, тѣмъ «Кирѣевскимъ», образъ котораго запечатлѣнъ въ исторіи нашей духовной культуры. Годы, проведенные въ чтеніи научныхъ книгъ расширили его познанія. Въ сороковыхъ годахъ онъ дѣлаетъ попытку вновь выступить на арену общественной дѣятельности, но опять неудачно. Онъ ищетъ кафедры при Московскомъ Университетѣ и получаетъ отказъ. Желаніе высказать вполне созрѣвшія и глубоко продуманныя въ деревенской тиши философскія убѣжденія въ немъ было, однако, настолько настойчиво, что онъ рѣшается взяться за редактированіе журнала «Москвитянинъ», издаваемого Погодинымъ (1844 г.). Цензура и тяжелый характеръ издателя, впрочемъ, заставляютъ И. В. К. отказаться отъ этого дѣла послѣ трехъ первыхъ книжекъ журнала.

Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ воздѣйствій, которыя способствовали и помогли окончательному образованію міровоззрѣнія Ивана Васильевича. Съ одной стороны то былъ братъ его Петръ Васильевичъ, съ которымъ его соединяла самая тѣсная дружба, а съ другой — его жена Наталья Петровна.

Петръ Васильевичъ былъ борцомъ за сохраненіе чертъ русскости въ русскихъ людяхъ. Въ этомъ былъ весь смыслъ его существованія — личной жизни у него не было. Онъ былъ собирателемъ древнихъ духовныхъ стиховъ и народныхъ пѣсень. Поэтъ Языковъ называлъ

его: «Великій печальникъ древней Руси» и «Своенородности подвижникъ просвѣщенный».

«Полнота національной жизни можетъ быть только тамъ», говоритъ Петръ Кирѣевскій, «гдѣ уважено преданіе и гдѣ просторъ преданію, слѣдовательно и просторъ жизни»... Всякое «подражаніе уже средоточить безжизненность. Что живо, то самобытно. Чѣмъ полнѣе существо человѣка, тѣмъ лицо его выразительнѣе, не похоже на другихъ. То, что называется общечеловѣческой фізіономіей, значитъ не что иное, какъ **одно лицо со всѣми**, т. е. фізіономія пошлая». Изъ этого видно, какъ глубоко сознавалъ П. В. К. важность сохраненія русскими людьми своего своеобразія, своихъ отличительныхъ чертъ, чтобы не быть «на одно лицо со всѣми» и не утратить своего національнаго характера. Онъ глубоко сознавалъ, какая тяжелая травма была нанесена полтора вѣка передъ этимъ всему русскому народу въ внезапной и насильственной европеизаціи всего его быта.

Мысли Петра Васильевича не прошли даромъ для его старшаго брата. Что касается религіознаго отношенія, здѣсь было вліяніе Наталіи Петровны. Иванъ Кирѣевскій никогда не былъ невѣрующимъ. Еще въ бытность въ Германіи въ 1830 г. онъ совѣтуетъ въ письмѣ своей сестрѣ, чтобы она ежедневно читала Евангеліе. Но, будучи христіаниномъ, Иванъ Васильевичъ не былъ православнымъ церковникомъ. Онъ былъ далекъ отъ Церкви, какъ почти и вся среда тогдашняго передового образованнаго общества. Другое дѣло была его супруга — духовная дочь о. Филарета Новоспасскаго. Она въ юности ѣздила въ Саровскую Пустынь и имѣла общеніе съ преп. Серафимомъ. Поэтому Намѣстникъ Троицкой Лавры, архимандритъ Антоній, въ своемъ письмѣ къ ней именуетъ ее «сестрой». Встрѣча съ о. Филаретомъ Новоспасскимъ была рѣшающимъ моментомъ въ жизни Кирѣевскаго: онъ сталъ его преданнымъ духовнымъ сыномъ. Но дни жизни старца были уже сочтены. Послѣ его кончины, старцемъ четы Кирѣевскихъ сталъ о. Макарій Оптинскій. Кирѣевскій пишетъ своему другу Кошелеву: «Существеннѣе всякихъ книгъ и всякаго мышленія, найти святаго православнаго старца, который

бы могъ быть твоимъ руководителемъ, которому ты бы могъ сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнѣніе, болѣе или менѣе умное, но сужденіе св. Отцовъ». Такое исключительное счастье онъ имѣлъ въ лицѣ о. Макарія!

Изъ всѣхъ мірскихъ лицъ, перебивавшихъ въ Оптиной Пустыни, Кирѣевскій ближе всѣхъ другихъ подошелъ къ ея духу и понялъ, какъ никто иной, ея значеніе, какъ духовной вершины, гдѣ сошлись и высшій духовный подвигъ внутренняго дѣланія, вѣнчаемой изобиліемъ благодати даровъ стяжанія Святаго Духа и одновременно служеніе міру во всей полнотѣ, какъ въ его духовныхъ, такъ и житейскихъ нуждахъ. Онъ видѣлъ въ Оптиной претвореніе въ жизнь мудрости святоотеческой. Будучи философомъ, онъ почувствовалъ, что и высшее познаніе истины связано съ цѣльностью духа, съ возстановленной гармоніей всѣхъ духовныхъ силъ человѣка. Но это возстановленіе достигается внутреннимъ подвигомъ, духовнымъ дѣланіемъ. И Кирѣевскій въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ, а именно въ ученіи о познаніи (гносеологія) указалъ на внутреннюю зависимость (функціональную связь) познавательныхъ способностей человѣка отъ духовнаго подвига, претворяющаго естественное, низшее состояніе силъ человѣка въ духовный высшій разумъ (связалъ философію съ аскетикой)...

При своемъ служеніи дѣлу оптинскаго издательства Иванъ Васильевичъ имѣлъ возможность въ совершенствѣ изучить святоотеческую литературу, а ранѣе, получивъ прекрасное домашнее философское образованіе и еще дополнивъ его во время пребыванія въ Германіи, онъ такимъ образомъ былъ также въ совершенствѣ знакомъ и съ западной культурой. Въ его лицѣ встрѣтились западная философская традиція съ традиціей Восточной Церкви. Чѣмъ же разрѣшилась эта встрѣча двухъ враждебныхъ началъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ статья «О характерѣ просвѣщенія Европы по его отношенію къ просвѣщенію Россіи», напечатанная въ 1852 г. въ «Московскомъ Сборникѣ», издаваемомъ славянофильскимъ кружкомъ. Эта статья навлекла цензурное запрещеніе

на сборникъ; но ничего антиправительственного въ ней не было. Смыслъ статьи таковъ:

Будучи выученникомъ Запада, зная его въ совершенствѣ, онъ сурово критикуетъ его культуру. Западъ зашелъ въ духовный тупикъ. Духовная болѣзнь западной культуры — это «торжество раціонализма». Въ этомъ ея сущность, какъ свидѣтельствуемъ проф. В. Зѣньковский: «Обвиненіе въ раціонализмъ всего Запада возникло еще въ XVIII в. на Западѣ же, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи»³⁾. Кирѣевскій объ этой болѣзни Запада говоритъ подробно: «Европейское просвѣщеніе достигло нынѣ полного развитія, но результатомъ этой полноты было почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. Самое торжество европейскаго ума обнаружило односторонность коренныхъ его стремленій. Жизнь была лишена своего существеннаго смысла»⁴⁾. «Многовѣковой холодный анализъ разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ стояло европейское просвѣщеніе отъ самаго начала своего развитія, такъ что его собственныя коренныя начала, изъ которыхъ оно выросло (т. е. христіанство), сдѣлалось для него посторонними и чужими, а прямой его собственностью оказался этотъ самый, разрушившій его, анализъ, этотъ самодвижущійся ножъ разума, этотъ силлогизмъ, не признающій ничего, кромѣ себя и личнаго опыта, этотъ самовластный разсудокъ, эта логическая дѣятельность, отрѣшенная отъ всѣхъ познавательныхъ силъ человѣка» (II, 232). Но «Западъ, какъ и Востокъ, изначала жилъ вѣрой, но произошло поврежденіе въ самой вѣрѣ, когда Римъ поставилъ силлогизмы выше сознанія всего христіанства» (II, 285). Кирѣевскій показалъ, что изъ этого поврежденія «развилась сперва схоластическая философія внѣ вѣры, потомъ реформація въ вѣрѣ и, наконецъ, философія внѣ вѣры» (II, 284). Западная Церковь подмѣнила внутренній авторитетъ истины внѣшнимъ авторитетомъ іерархіи (когда самовольно, безъ согласія съ Востокомъ измѣнила символъ вѣры), что «привело къ . . . раціонализму, т. е. торжеству автономнаго разума»⁵⁾, «повлекшему неизбѣжно распадъ

³⁾ Прот. В. В. Зѣньковский. Ист. Русск. Философіи. Томъ II, стр. 200. Парижъ.

⁴⁾ Кирѣевскій. Т. II. Москва 1861, стр. 231.

⁵⁾ Прот. В. В. Зѣньковский, томъ I, стр. 230

духовной цѣльности. Раздвоеніе и разсудочность — послѣднее выраженіе западной культуры» ⁶⁾).

Западъ просмотрѣлъ восточную мудрость. Его ученые до тонкости изучили всѣ философіи съ древнѣйшихъ временъ: египетскую, персидскую, китайскую, индусскую и т. д. Но мистика православнаго Востока для нихъ была закрыта. Мы же унаслѣдовали отъ Византіи сокровища этой духовной мудрости, заключенной въ твореніяхъ св. отцовъ. И наша историческая задача была построить на богатомъ византійскомъ наслѣдіи новую духовную культуру, которая бы оплодотворила весь міръ. Кирѣевскій поставилъ проблему во всей ея полнотѣ. Онъ указываетъ, что русская философія должна строиться на «глубокомъ, живомъ и чистомъ любомудріи святыхъ отцовъ, представляющихъ зародыши высшаго философскаго начала» (II, 332). «Путь русской философіи лежитъ не въ отрицаніи западной мысли, а въ воспитаніи ея тѣмъ, что раскрытость духа, утерянная въ грѣхопаденіи, но возстановленная въ христіанствѣ, а затѣмъ ущербленная въ западномъ христіанствѣ торжествомъ логическаго мышленія» ⁷⁾).

Статья Кирѣевского, какъ сказано, была напечатана въ славянофильскомъ «Московскомъ Сборникѣ» и, хотя самъ Иванъ Васильевичъ, отойдя отъ западниковъ, очутился въ окруженіи славянофиловъ, изъ которыхъ Хомяковъ и особенно Кошелевъ, были его близкими друзьями, но тѣмъ не менѣе на нашъ взглядъ, причисленіе Кирѣевского къ «раннимъ славянофиламъ» является ошибкой. Во всемъ собраніи его сочиненій нѣтъ ни единого слова, дающаго право на такое наименованіе. Онъ боролся, какъ и его братъ, за сохраненіе чертъ русской самобытности. Ему, подобно К. Н. Леонтьеву, дороги византійскіе наши корни, на которыхъ основано Православіе. Въ той же статьѣ имъ сказано: «Ученія Св. Отцевъ Православной Церкви перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ христіанскаго колокола, подъ ихъ руководствомъ

⁶⁾ Тамъ же, стр. 232.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 230.

сложился и воспитался коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта»⁸⁾). А въ болѣе ранней статьѣ («Отвѣтъ Хомякову», 1838), онъ пишетъ: «Эти отшельники, изъ роскошной жизни уходившіе въ лѣса, въ недоступныхъ ущеліяхъ, изучившіе писанія глубочайшихъ мудрецовъ христіанской Греціи, и выходившіе оттуда учить народъ, ихъ понимавшій». Это созвучно словамъ К. Н. Леонтьева: «Византійскій духъ, византійскія начала и вліянія, какъ сложная ткань нервной системы, проникаетъ насквозь великорусскій общественный организмъ. Имъ обязана Русь своимъ прошлымъ»... (Византизмъ и славянство). Неудивительно, что западники считали Кирѣевскаго славянофиломъ по недоразумѣнію. «Я отъ всей души уважаю Кирѣевскаго», пишетъ Грановскій, «несмотря на совершенную противоположность нашихъ убѣжденій. Въ нихъ такъ много святости, прямоты, вѣры, какъ я не видѣлъ ни въ комъ». Герценъ съ грустью выразился по поводу Кирѣевскаго: «Между нами были церковныя стѣны»... Братья Кирѣевскіе не примыкали всецѣло ни къ одному изъ существовавшихъ тогда идеологическихъ теченій. Объ этомъ свидѣлствуетъ тотъ же Герценъ: «Совершенной близости у него (И. В. К.) не было ни съ его друзьями, ни съ нами. Возлѣ него стоятъ его братъ и другъ Петръ. Грустно, какъ будто слеза еще не обсохла, будто вчера постигло несчастіе, появлялись оба брата на бесѣды и сходки». Печаль эта понятна: ни тогда, ни послѣ Кирѣевскаго не были должнымъ образомъ понятны и оцѣнены. Они до сихъ поръ ждутъ своего безпристрастнаго изслѣдователя... Оба они желали обновленія національной жизни. «Что такое національная жизнь?» спрашиваетъ Петръ Кирѣевскій — «она, какъ и все живое, неуловима ни въ какія формулы. Преданіе нужно». Это преданіе понималось ими, какъ закрѣпленіе подлинной русской культуры и преображеніе ея духомъ Православія.

Въ 1856 г. въ славянофильскомъ сборникѣ «Русская Бесѣда» вышла въ свѣтъ послѣдняя статья Кирѣевскаго: «О возможности и необходимости новыхъ началъ для философіи». Это и была та статья, которая

⁸⁾ О харак. просв. Европы. Полн. Собр. Соч. т. II, стр. 259. Москва 1861 г.

положила начало независимой мысли въ русской философіи. Поэтъ Хомяковъ посвятилъ И. В. К. еще въ 1848 г. слѣдующіе стихи:

“Ты сказалъ намъ: “За волною
Вашнихъ мысленныхъ морей
Есть земля — надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новой мысли эмпирей.

Распусти-жь твой парусъ бѣлый
Лебединое крыло,
Гдѣ тебѣ, нашъ путникъ смѣлый,
Солнце новое взошло.

И съ богатствомъ многоцѣннымъ
Возвратися снова къ намъ,
Дай покой душамъ смятеннымъ.
Крѣпость волямъ утомленнымъ
Пищу алчущимъ сердцамъ”.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода въ свѣтъ этой статьи послѣдовала неожиданная кончина (11-го іюня 1856 г.) ея автора. Иванъ Васильевичъ умеръ отъ холеры въ Петербургѣ, куда онъ поѣхалъ навѣстить своего сына, окончившаго лицей. Смерть его сильно потрясла всѣхъ его близко знавшихъ. Петръ Васильевичъ умеръ въ томъ же году.

Французскій писатель Грасье, біографъ Хомякова, заканчиваетъ свою книгу такими словами: «Онъ, также, какъ Иванъ Кирѣевскій, скончался внезапно отъ холеры, также, какъ и онъ оставилъ неоконченнымъ трудъ имъ унаслѣдованный, и эта двойная судьба, прерванная тѣмъ же случаемъ, въ преслѣдованіи той же цѣли.— должна была бы показать, что истинное величіе челоѣка состоитъ скорѣе въ исканіи, чѣмъ въ нахожденіи, болѣе въ попыткахъ, чѣмъ въ завершеніи, болѣе въ начинаніи, чѣмъ въ окончаніи. Забота о дальнѣйшемъ — дѣло самаго Хозяина. И это должно служить утѣшеніемъ доброму труженику, который отходитъ, чтобы заснуть въ мирѣ»⁹⁾).

⁹⁾ A. Gratieux. A. S. Khomiakov et le mouvement slavophile des Hommes. Paris, 1939, p. 194.

Тѣло Ивана Васильевича Кирѣвскаго было погребено въ Оптиной Пустыни въ скиту у ногъ могилы старца Льва. Узнавъ объ этомъ, митрополитъ Филаретъ оцѣнилъ ту великую честь, какая была оказана Оптиной Пустынью ея преданному сыну.

На могильномъ памятникѣ И. В. К. выгравировано: «Узрятъ кончину премудраго и не разумѣютъ, что усовѣти о немъ Господь. Премудрость возлюбихъ и поискахъ отъ юности моя. Познавъ же яко не инако одержу, аще не Господь дастъ, придохъ ко Господу» (Прем. 8. 2, 21).

II.

Антропология и гносеология философіи Кирѣвскаго.

(Это ученіе должно быть разсматриваемо въ связи съ аскетикой, какъ имѣющее непосредственное отношеніе къ ней, связывающее ее съ философіей и утверждающее вѣковѣчное значеніе аскетическаго подвига).

Въ своемъ ученіи о душѣ Кирѣвскій указываетъ на ея іерархическій строй. Въ основу ученія онъ кладетъ «исконный христіанскій антропологическій дуализмъ»¹⁰⁾, различеніе «внѣшняго» и «внутренняго» чловѣка. Онъ различаетъ, выражаясь современными психологическими терминами, «эмпирическую сферу души» съ ея многочисленными функціями отъ ея глубинной сферы, лежащей ниже порога сознанія, центральное средоточіе которой можно назвать «глубиннымъ Я». Это тѣ силы духа, которыя отодвинуты внутрь чловѣка (за порогъ сознанія), грѣхомъ, и благодаря чему, нарушена та исконная цѣльность, въ которой таится корень индивидуальности и ея своеобразіе. Эти силы, этотъ внутренній чловѣкъ, закрытъ от сознанія властью грѣха. Преодолѣніемъ грѣха и «собираніемъ» силъ души надо стремиться связать эмпирическую сферу съ глубиннымъ центромъ, этимъ «внутреннимъ средоточіемъ», подчиняя ему эту сферу. «Главный характеръ вѣрующаго мышленія», говоритъ Кирѣвскій въ

¹⁰⁾ Прот. В. Зѣньковскій, томъ I, стр. 222.

этомъ замѣчательномъ отрывкѣ, «заклѣчается въ стремленіи собрать всѣ силы души въ одну силу; надо отыскать то внутреннее средоточіе бытія, гдѣ разумъ и воля, и чувство, и совѣсть, прекрасное и истинное, удивительное и желаемое, справедливое и милосердное, и весь объемъ ума сливаются въ одно живое единство и, такимъ образомъ, **возстанавливается** существенная личность человѣка въ ея первозданной недѣлимости» (II, 337). Въ этой возстановленной цѣльности силъ іерархическій приматъ принадлежитъ моральной сферѣ, отъ здоровья которой зависитъ здоровье всѣхъ другихъ сторонъ, или свойствъ души¹¹⁾).

Основное положеніе въ своемъ ученіи о познаніи (гносеологія) Кирѣевскій выражаетъ такъ: «Тотъ смыслъ, которымъ человѣкъ понимаетъ Божественное, служить ему къ разумѣнію истины вообще» (II, 306). Другими словами, — «познаніе реальности есть функція Богопознанія»¹²⁾).

Это чрезвычайной важности свойство познавательной способности души лежитъ въ основѣ гносеологическихъ построеній Кирѣевского и даетъ ключъ къ разумѣнію послѣднихъ. «Въ основной глубинѣ человѣческаго разума, въ самой природѣ его, заложена возможность сознанія его коренныхъ отношеній къ Богу» (II 322), т. е. къ вѣрѣ. Вѣра, Богопознаніе — это есть глубокое таинственное единеніе не только духа человѣка, но и всей его личности въ ея цѣльности съ Богомъ — этой высшей единственно истинной реальности.

Подобно этому и познаніе реальности вторичной, тварной должно касаться не только одного разума, но и «всѣмъ существомъ своимъ въ его цѣломъ пріобщаться реальности». Глубина познанія «овладѣніе реальностью», той истиной, которая въ ней скрыта, совершается не однимъ умственнымъ познаніемъ, но «свѣченіемъ смысла, его осуществленіемъ во внутреннемъ средоточіи человѣка»¹³⁾). Это возможно только въ цѣльности духа, собранности всѣхъ его силъ.

Но въ грѣхопаденіи строй души поврежденъ, и хотя ущерблена также и вѣра и отодвинута вглубь души,

¹¹⁾ Тамъ же, стр. 225.

¹²⁾ Тамъ же, стр. 228.

¹³⁾ Тамъ же.

но ей все же осталась присуща та сила, которая может возстановить утерянную цѣльность духа и въ той мѣрѣ, въ какой вѣра сохранилась во внутреннемъ средоточіи духа, она восполняетъ естественную работу ума и «вразумляетъ умъ, что онъ отклонился отъ своей первоестественной цѣльности, и этимъ вразумленіемъ побуждаетъ къ возвращенію на степень высшей дѣятельности», т. е. подняться выше своего «естественнаго» состоянія. «Ибо православно-вѣрующій знаетъ, что для цѣльности истины нужна цѣльность разума и исканіе этой цѣльности составляетъ постоянную задачу его мышленія» (II, 311) . . . «Такимъ образомъ, въ мышленіи вѣрующаго происходитъ двойная работа: слѣдя за развитіемъ своего разумѣнія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдитъ и за самымъ способомъ своего мышленія» (II, 312) (контролируетъ правильность его дѣятельности), «постоянно стремясь возвысить разумъ до того уровня, на которомъ бы онъ могъ сочувствовать вѣрѣ» (II, 312), и благодаря этому, поврежденность нашего ума по причинѣ распада цѣльности восполняется тѣмъ, что вноситъ въ нашъ духъ вѣра. Здѣсь нѣтъ мѣста насилію надъ разумомъ, которое подрывало бы его свободу и творческія силы, но возведеніе разума съ низшей ступени на высшую.

«Живыя истины не тѣ, которыя составляютъ мертвый капиталъ въ умѣ человѣка, которыя лежатъ на поверхности его ума и могутъ пріобрѣтаться внѣшнимъ ученіемъ, но тѣ, которыя зажигаютъ душу, которыя могутъ горѣть и погаснуть, которыя даютъ жизнь жизни, которыя сохраняются въ тайнѣ сердечной и по природѣ своей не могутъ быть явными общими для всѣхъ, ибо, выражаясь въ словахъ, остаются незамѣченными, выражаясь въ дѣлахъ, остаются непонятными для тѣхъ, кто не испыталъ ихъ непосредственнаго соприкосновенія». «Логическое мышленіе, отдѣленное отъ другихъ ніемъ въ истинѣ, т. е. дѣломъ не одного лишь ума, а всей жизни. Знаніе «живое» пріобрѣтается по мѣрѣ вательной способности, связанной съ вѣрой, и «естественности и исчезаетъ вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ, оставляя въ душѣ одну наружность своей формы». Такимъ образомъ, «духовное просвѣщеніе» въ противоположность логическому знанію связано съ нравственнымъ

состояніемъ души и потому требуетъ подвига и нравственнаго напряженія. «Его можно погасить въ себѣ, если не поддерживать постоянно того огня, которымъ оно загорѣлось» (II, 327). Одно лишь отвлеченное познание влечетъ за собой «отрывъ отъ реальности» и обращаетъ самого человѣка въ «отвлеченное существо» (II, 305). Разрывъ съ реальностью начинается въ области вѣры: заболѣваніе духа, распадъ его силъ, отражается прежде всего въ области вѣры и вызываетъ какъ слѣдствіе возникновеніе «отвлеченнаго мышленія». «Логическое мышленіе отдѣленное отъ другихъ познавательныхъ силъ, составляетъ естественный характеръ ума отпавшаго отъ своей цѣльности» (I, 276). Это отпаденіе разума вызываетъ и утерю высшей познавательной способности связанной съ вѣрой, и «естественный разумъ» неизбѣжно опускается ниже своего первоестественнаго уровня». Разрывъ съ духовными силами, эта «аморальность» западнаго просвѣщенія, сообщаетъ ему своеобразную устойчивость, тогда какъ знаніе духовное по природѣ своей динамично, какъ непосредственно зависящее отъ все время мѣняющагося состоянія моральной сферы.

Такимъ образомъ, Кирѣевскій разрѣшаетъ основную проблему въ гносеологіи — согласованія вѣры и разума. Какъ уже говорилось, вдохновенія свои онъ черпалъ у святыхъ отцовъ. Приведемъ ихъ ученіе о степеняхъ разума въ изложеніи св. Димитрія Ростовскаго, чтобы еще полнѣе освѣтить это ученіе о познаніи.

§ 1. Разумъ невоздѣланный и долгимъ временемъ не очищенный, есть разумъ неразумный — неправый и неистинный разумъ. Въ разумѣ бываетъ различіе, какъ и во всѣхъ внѣшнихъ вещахъ. Бываетъ разумъ совершенный — духовный, бываетъ разумъ посредственный — душевный, бываетъ и разумъ весьма грубый — плотскій. § 2. Кто не позаботится самолично пройти тѣснымъ путемъ Евангельскимъ, и будетъ имѣть небреженіе объ очищеніи ума, — тотъ слѣпъ душею, хотя бы и всю внѣшнюю мудрость изучилъ, онъ держится только буквы убивающей, а оживляющаго духа не принимаетъ. § 3. Правый и истинный разумъ не можетъ быть удобно углубленъ въ душу, безъ великаго и долговременнаго труда и подвига, а насколько умерщвляется

похоть, настолько возрастаетъ и процвѣтаетъ истинный разумъ. Но подвигъ у всѣхъ долженъ быть сугубый, состоящій изъ внѣшняго труда и умнаго дѣланія: одинъ безъ другого не совершается. § 4. Всѣ тѣ, которые научились внѣшнему наставленію, о внутреннемъ же духовномъ дѣланіи — о просвѣщеніи и очищеніи разума вознерадѣли, — совершенно обезумѣли, развратились различными страстями, или впади въ пагубныя ереси». «Не искусиша, не познаша Бога имѣти въ своемъ разумѣ, сего ради предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная» (Рим. 1, 28). § 9. Умъ, будучи очищенъ и просвѣщенъ, можетъ разумѣть все внѣшнее и внутреннее, ибо онъ духовенъ, и судить обо всемъ, а о немъ самомъ судить никто не можетъ (I Кор. 2, 15)¹⁴.

Философія это наука о познаніи истины. Но истина лишь одна. «Азъ есмь Путь, Истина и Животъ», говоритъ Господь (Іо. XIV, 6). Этотъ путь и для философской мысли единственный, кто идетъ инымъ — «прелазитъ инуде».

Нагруженный верблюды только на колѣняхъ съ трудомъ могъ протискиваться сквозь низкія, тѣсныя іерусалимскія врата, именуемыя «Игольные уши», но еще труднѣе, несмотря на всѣ усилія, мыслителю, богатыщемуся «лжеименнымъ разумомъ» (I Тим. VI, 20) войти въ Царствіе Божіе истины и духовной свободы: «Господь есть Духъ, а гдѣ Духъ, тамъ свобода» (II Кор. III, 17). «Если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными» (Іоан. VIII, 31-32).

Основываясь на законѣ динамичности знанія по причинѣ его органической связи съ духовной сферой, Кирѣевскій предполагаетъ, что и упадокъ «самобытной русской образованности», хотя произошелъ и при неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, но и «не безъ внутренней вины человѣка». «Стремленіе къ внѣшней формальности, которое мы замѣчаемъ въ русскихъ раскольникахъ, даетъ поводъ думать, что въ первоначальномъ направленіи русской образованности произошло

¹⁴) Дух. Алфавитъ свят. Димитрія Рост. Москва 1909 г., стр. 38-43.

нѣкоторое ослабленіе еще прежде петровскаго переворота» (II, 327). Здѣсь важно отмѣтить, что начало упадка Кирѣевскій относитъ къ XV и XVI вѣкамъ, что совпадаетъ съ началомъ упадка духовнаго дѣданія, согласно и нашему изслѣдованію.

Итакъ, Кирѣевскій положилъ начало новой одухотворенной философіи «цѣльности духа», которая могла бы стать основаніемъ для развитія самобытной русской культуры.

Въ его лицѣ русское самосознаніе достигаетъ уже своего полнаго раскрытія. Русская мысль освобождается отъ многовѣкового плѣна чуждыхъ ей началъ, выходитъ на самостоятельный исконный путь, обращаясь къ истокамъ своего возникновенія. Она возвращается въ «отчій домъ». Но Кирѣевскій не успѣлъ совершить задуманный имъ трудъ — написать философію, онъ положилъ лишь ея основаніе и указалъ путь. Смерть унесла его въ расцвѣтъ его силъ. Онъ погребенъ въ Оптиной Пустыни рядомъ со старцемъ Львомъ. Старецъ Макарій легъ здѣсь же вскорѣ. Все, что совершалось въ Оптиной, имѣетъ таинственный смыслъ. Самъ Митрополитъ Филаретъ удивился, какой чести удостоился Кирѣевскій ¹⁵⁾.

Писатели и философы слѣдующаго поколѣнія, хотя и посѣщали Оптину, но подлиннаго ея духа уже не охватывали.

¹⁵⁾ Жизнь К-го была подтвержденіемъ его ученія. «Сердце, исполненное нѣжности и любви, говоритъ о немъ близко его знавшій Хомяковъ, умъ, обогащенный всѣмъ просвѣщеніемъ современной намъ эпохи, прозрачная чистота кроткой и беззлобной души, какая-то особенная мягкость чувства, дававшая особенную прелесть разговору, горячее стремленіе къ истинѣ, необычайная тонкость въ діалектикѣ въ спорѣ, сопряженная съ самою добросовѣстною уступчивостью, когда противникъ былъ правъ, и съ какою-то нѣжною пощадою, когда слабость противника была явною, тихая веселость, всегда готовая на безобидную шутку, врожденное отвращеніе отъ всего грубаго и оскорбительнаго въ жизни, въ выраженіи мысли, или въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, вѣрность и преданность въ дружбѣ, готовность всегда прощать врагамъ и мириться съ ними искренно, глубокая ненависть къ пороку и крайнее снисхожденіе въ судѣ о порочныхъ людяхъ, наконецъ, безукоризненное благородство, не только не допускавшее ни пятна, ни подозрѣнія на себя, но искренно страдавшее отъ всякаго неблагородства, замѣченнаго въ другихъ людяхъ, таковы были рѣдкія и неоцѣненные качества И. В. Кирѣевскаго». . . (Русскій Біограф. Словарь. СПб. 1897, стр. 695.).

Могло казаться, что продолжателемъ дѣла Кирѣвскаго былъ В. Соловьевъ. И, дѣйствительно, въ своей магистерской диссертациі «Кризисъ западной философіи» онъ взялъ у Кирѣвскаго цѣликомъ его міровоззрѣніе: «синтезъ философіи и религіи, взглядъ на западную философію, какъ на развитіе раціонализма, идеи о цѣльности жизни, о метафизическомъ познаніи. Но онъ исключилъ всѣ русскіе мессіанскіе мотивы и западной мысли противопоставилъ не русское православіе, а туманныя умозрѣнія (не христіанскаго) Востока». И въ дальнѣйшемъ творествѣ Вл. Соловьевъ остается не только внѣ «любомудрія св. Отцовъ», но и внѣ православія: онъ мнилъ себя выше исповѣдныхъ раздѣленій и говорилъ о себѣ, что онъ скорѣе протестантъ, чѣмъ католикъ. Онъ приѣмлетъ идею спасенія по протестантски: не отъ дѣлъ, а отъ вѣры. Отсюда отрицаніе духовнаго дѣланія: «грѣши постоянно и не кайся никогда»¹⁶). Естественно, что познаніе истины уже не связывается съ состояніемъ моральной сферы и съ цѣльностью духа, какъ у Кирѣвскаго. И Соловьевъ, благодаря исключительному своему вліянію на современниковъ, использовавъ вначалѣ идеологію Кирѣвскаго, отвелъ затѣмъ пробуждающуюся русскую религіозную мысль отъ того пути, который указывалъ ей этотъ послѣдній.

У Достоевскаго въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» мы находимъ лишь внѣшнее описаніе, сходное съ видѣннымъ имъ въ Оптиной Пустыни. Старецъ Зосима вовсе не списанъ со старца Амвросія, какъ полагали нѣкоторые.

Сердцемъ ближе другихъ къ Оптиной былъ Леонтьевъ, тайный постриженникъ ея. Тамъ жилъ онъ нѣсколько лѣтъ, тамъ сложилъ бремя ошибокъ и грѣховъ молодости, которые онъ искупалъ болѣзнями и искреннѣйшимъ покаяніемъ. Леонтьевъ — художникъ слова и одинъ изъ выдающихся русскихъ мыслителей, о чемъ свидѣтельствуетъ его глубокое пониманіе современной ему жизни и ея проблемъ, и прозрѣніе судебъ Россіи. Въ своей идеологіи онъ отстаиваетъ греко-россійское православіе, утверждая, что сущность русскаго православія ничѣмъ не отличается отъ византійскаго. Тѣ

¹⁶) К. Мочульскій. Вл. Соловьевъ. II изд., Парижъ 1951 г., стр. 52 и 254.

выводы о русской святости, къ которымъ мы пришли въ нашемъ изслѣдованіи, находятъ подтвержденіе и въ словахъ Леонтьева: «византійской культурѣ вообще принадлежатъ всѣ главные типы той святости, которой образцами пользовались русскіе люди»... «Аѳонская жизнь, созданная творческимъ гениемъ византійскихъ грековъ, послужила образцомъ нашимъ первымъ кievскимъ угодникамъ Антонію и Ѳеодосію», «возгорѣвшей-ся сердечной вѣрой, еще и долгою политическою дѣятельностью въ средѣ восточныхъ христіанъ, я понялъ почти сразу и то, что я самъ лично внѣ православія спасенъ быть не могу, и то, что государственная Россія безъ строжайшаго охраненія православной дисциплины разрушится еще скорѣе многихъ другихъ державъ, и то, наконецъ, что культурной самобытности нашей мы должны попрежнему искать въ греко-россійскихъ древнихъ корняхъ нашихъ»...¹⁷⁾

Изъ мыслителей, общавшихся со старцами, дальше всѣхъ отъ оптинскаго духа былъ Левъ Толстой. По причинѣ его крайней гордости о. Амвросію было всегда трудно вести съ нимъ бесѣду, которая сильно утомляла старца. Послѣ своего отлученія Толстой больше со старцами не видѣлся. Такъ однажды, подойдя къ скиту, онъ остановился: какая-то невидимая сила задерживала его у святыхъ воротъ. Ясно было, что въ немъ шла сильная борьба со страстью гордости; онъ повернулся обратно, но нерѣшительно вернулся опять. Вернулся онъ и въ третій разъ уже совсѣмъ нерѣшительно и затѣмъ, рѣзко повернувшись, быстро ушелъ оттуда и уже больше никогда не дѣлалъ попытокъ войти въ скитъ. Только въ послѣдніе дни своей жизни, можно думать, почувствовавъ близость конца, и что ему не уйти отъ суда Божія, Толстой рванулся въ Оптину, бѣжавъ отъ своего ближайшаго окруженія, но былъ настигнутъ. И когда оптинскій старецъ о. Варсонофій, по порученію св. Синода, прибылъ на станцію Астапово, дабы принести примиреніе и умирненіе умирающему, онъ не былъ допущенъ къ нему тѣми же лицами. Отецъ Варсонофій

¹⁷⁾ К. Леонтьевъ. Москва 1902, т. 6. Письма къ Вл. Соловьеву, стр. 332-333, 337.

до конца своей жизни безъ боли и волненія не могъ вспомнить объ этой поѣздкѣ.

III.

Письмо И. В. Кирѣевского къ старцу Макарію.

(Изъ пропущенной главы книги С. А. Нилуса «На берегу Божіей Рѣки», т. II).

«1855-го года. 6 іюля. Полночь. Искренне-любимый и уважаемый батюшка! Сейчасъ прочелъ я ваше письмо изъ Калуги къ Натальѣ Петровнѣ и теперь же хочу поздравить васъ съ полученіемъ наперснаго креста. Хотя я и знаю, что ни это, ни какое видимое отличіе не составляютъ для васъ ничего существеннаго, и что не такія отличія вы могли бы получить, если бы сколько-нибудь желали ихъ, однако же все почему-то очень пріятно слышать это. Можетъ быть, потому, что это будетъ пріятно для всѣхъ любящихъ васъ. Мы всегда видѣли, какъ вы внутри сердца вашего носите Крестъ Господень и сострадаете Ему въ любви къ грѣшникамъ. Теперь та святыня, которая внутри любящаго сердца вашего, будетъ очевидна для всѣхъ на груди вашей. Дай, Боже, чтобы на многія, многія и благополучныя лѣта! Дай, Боже, многія лѣта за то и благочестивому архіерею нашему!

Другая часть письма вашего произвела на меня совсѣмъ противоположное дѣйствіе. Вы пишете, что страдаете отъ бессонницы и что уже четыре ночи не могли заснуть. Это, кромѣ того, что мучительно, но еще и крайне вредно для здоровья. Думаю, что сонъ вашъ отнимаетъ забота о всѣхъ насъ грѣшныхъ, которые съ нашими страданіями и грѣхами къ вамъ относимся: вы думаете, какъ и чѣмъ пособить требующимъ вашей помощи, и это отнимаетъ у васъ спокойствіе сердечное. Но подумайте, милостивый батюшка, что душевное здоровье всѣхъ насъ зависитъ отъ вашего тѣлеснаго. Смотрите на себя, какъ на ближняго. Одного вздоха вашего обо всѣхъ насъ вообще къ милосердному Богу довольно для того, чтобы Онъ всѣхъ насъ прикрылъ Своимъ теплымъ крыломъ. На этой истинной вѣрѣ почивайте, милостивый батюшка, на здоровье всѣмъ намъ. Отго-

ните отъ себя заботныя мысли, какъ враговъ не только вашего, но и нашего спокойствія и, ложась на подушку, поручите заботы о насъ Господу, Который не спитъ. Ваша любовь, не знающая границъ, разрушаетъ тѣло ваше».

Знакомство И. В. Кирѣвскаго съ благостнымъ старцемъ нашимъ, о. Макаріемъ, произошло, по словамъ супруги Ивана Васильевича, Натальи Петровны, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

«Сама я», — такъ повѣдала намъ Наталья Петровна, — «познакомилась съ о. Макаріемъ въ 1833-мъ году черезъ другого приснопамятнаго старца, его предшественника, о. Леонида; тогда же сдѣлалась его духовною дочерью и съ тѣхъ поръ находилась съ нимъ въ постоянномъ духовномъ общеніи. Иванъ Васильевичъ мало былъ съ нимъ знакомъ до 1846-го года. Въ мартъ того года старецъ былъ у насъ въ Долбинѣ ²⁰⁾, и Иванъ Вас. въ первый разъ исповѣдывался у него; писалъ же къ батюшкѣ въ первый разъ изъ Москвы въ концѣ октября 1846-го года, сказавъ мнѣ:

«Я писалъ къ батюшкѣ, сдѣлалъ ему много вопросовъ, особенно для меня важныхъ; нарочно не сказалъ тебѣ прежде, боясь, что по любви твоей къ нему, ты какъ бы нибудь чего не написала ему. Мнѣ любопытно будетъ получить его отвѣтъ. Сознаюсь, что ему трудно будетъ отвѣчать мнѣ».

Я поблагодарила Ивана Васильевича, что онъ мнѣ сказалъ, что рѣшился написать къ старцу, и увѣрена была, что будетъ отъ старца дѣйствіе разительное для Ивана Васильевича.

Не прошло часа времени, какъ приносятъ письма съ почты и два, надписанныя рукою старца — одно на имя мое, другое на имя Ивана Васильевича. Не распечатывая, онъ спрашиваетъ:

— «Что это значитъ? Отецъ Макарій ко мнѣ никогда не писалъ!»

Читаетъ письмо, мѣняясь въ лицѣ и говоря:

— «Удивительно! Разительно! Какъ это? Въ письмѣ этомъ отвѣты на всѣ мои вопросы, сейчасъ только посланные».

²⁰⁾ Имѣніе Кирѣвскаго, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи.

Съ этой минуты замѣтенъ сталъ зародышъ духовнаго довѣрія въ Иванѣ Васильевичѣ къ старцу, обратившійся впослѣдствіи въ усердную и безпредѣльную любовь къ нему, и принесъ плоды въ 60 и во 100, ибо, познавъ, «яко не иначе одержится премудрость, еще не дастъ Господь», онъ, при пособіи опытнаго руководителя, «шелъ къ Господу».

Иванъ Васильевичъ Кирѣвскій и братъ его, Петръ, вмѣстѣ съ супругой Ивана Васильевича, Наталіей Петровной погребены у Введенскаго храма Оптиной пустыни, рядомъ съ могилами великихъ старцевъ: Леониды (въ схимѣ Льва), Макарія и Амвросія. На памятникѣ Ивана Васильевича начертана надпись:

«Надворный Совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Кирѣвскій. Родился 1806-го года, марта 22-го дня. Скончался 1856-го года іюня 12-го дня».

«Премудрость возлюбихъ и поискахъ отъ юности моея. Познавъ же, яко не иначе одержу, еще не Господь дастъ, придохъ ко Господу».

«Узрять кончину праведника и не уразумѣютъ, что усовѣтова о немъ Господь».

«Господи, пріими духъ мой!»

Какую премудрость возлюбилъ Иванъ Васильевичъ, ясно видно изъ словъ его старца:

«Сердце обливается кровію», — такъ писалъ старецъ одному своему духовному чаду, — «при разсужденіи о нашемъ любезномъ отечествѣ, Россіи, нашей матушкѣ: куда она мчится, чего ищетъ, чего ожидаетъ? Просвѣщеніе возвышается, но мнимое — оно обманываетъ себя въ своей надеждѣ; юное поколѣніе питается не млекомъ ученія Святой Православной нашей Церкви, а какимъ-то иноземнымъ, мутнымъ, ядовитымъ заражается духомъ. И долго ли этому продолжаться? Конечно, въ судьбахъ Промысла Божія написано то, чему должно быть, но отъ насъ сокрыто, по неизреченной Его премудрости. **А кажется, настанетъ то время, когда, по предреченію отеческому, «спасая, да спасетъ свою душу».**

Очевидно, не премудрость вѣка сего возлюбленна была и Ивану Васильевичу Кирѣвскому.

Г л а в а I X .

Петръ Васильевичъ Кирѣвскій — праведникъ въ міру.

1808 - 1858.

Собираатель древнихъ духовныхъ стиховъ, былинь и народныхъ пѣсенъ Петръ Васильевичъ Кирѣвскій родился 11 февраля 1808 года.

Тѣмъ, кому дорога наша русская сущность, русскія черты, русская душа, — тѣмъ должна быть дорога память того, кто беззавѣтно любилъ Россію и отдалъ ей всѣ свои силы. Петръ Васильевичъ былъ борцомъ за сохраненіе чертъ русскости въ русскихъ людяхъ. Въ этомъ былъ весь смыслъ его существованія; личной жизни у него не было: какъ его характеризовалъ поэтъ Языковъ, это былъ «Ветхопещерникъ», или «Своена-родности подвижникъ просвѣщенный».

«Полнота національной жизни можетъ быть только тамъ», говоритъ Петръ Кирѣвскій, «гдѣ уважено преданіе и гдѣ просторъ преданію, слѣдовательно, и просторъ жизни. У насъ она парализована нашимъ пристрастіемъ къ иностранному. Большая часть изъ насъ въ дѣтствѣ воспитываются иностранцами, въ обществѣ говорятъ не иначе, какъ по-французски, и когда читаютъ, то исключительно книги иностранныя. А потому не удивительно ли, если все родное больше, или меньше, становится намъ чуждымъ? Кто не слыхалъ русской пѣсни еще надъ своей колыбелью, и кого ея звуки не провожали во всѣхъ переходахъ жизни, у того, разумѣется, сердце не вострепнется при ея звукахъ. Она не похожа на тѣ звуки, на которыхъ душа его выросла. Либо она будетъ ему непріятна, какъ отголоски грубой черни, съ которой онъ въ себѣ не чувствуетъ ничего общаго; либо, если уже въ немъ есть особенный музыкальный талантъ, она ему будетъ любопыт-

на, какъ нѣчто самобытное и странное: какъ пустынная пѣснь араба; какъ грустная, м. б., послѣдняя пѣснь горнаго кельта въ роскошной гостинной Англіи. Она ему ничего не напомнитъ. Подражаніе уже средоточить безжизненность. Что живо, то самобытно. Чѣмъ пол-

Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.

нѣе существо человѣка, тѣмъ лицо его выразительнѣе, не похоже на другихъ. То, что называется общечеловѣческой фізіономіей, значить ни что иное, какъ **одно лицо со всѣми**, т. е. фізіономія пошлая».

Изъ этого видно, какъ глубоко сознавалъ П. Кирѣевскій важность сохраненія русскими людьми чертъ своего своеобразія, своихъ отличительныхъ чертъ, чтобы не быть «на одно лицо со всѣми» и не утратить своего національнаго характера.

Послѣ Петровскихъ реформъ все иностранное предпочиталось русскому, русскій бытъ ушелъ въ глубокую провинцію, сохраняясь въ низшихъ слояхъ обще-

ства. Но Пушкинская эпоха была эрой возрожденія національнаго самосознанія. Это сознаніе возникло на почвѣ патріотическихъ чувствъ, вызванныхъ войною 1812 года. Характеренъ разсказъ Гоголя, видѣвшаго слезы на лицѣ Пушкина при чтеніи стихотворенія Языкова, посвященнаго Денису Давыдову, герою войны 1812 года, въ которомъ описывается пожаръ Москвы. Пушкинъ крѣпко сознавалъ себя русскимъ. Онъ былъ много обязанъ русской деревнѣ и старушкѣ нянѣ. По мѣрѣ роста и зрѣлости его таланта создаются его чудесныя, несравненныя русскія сказки и «Повѣсти Бѣлкина». Въ «Капитанской дочкѣ», по словамъ Гоголя: «въ первый разъ выступили истинно-русскіе характеры: простой комендантъ крѣпости, комендантша, поручикъ; сама крѣпость съ единственной пушкой, безтолковщина времени и простое величіе простыхъ людей...» Пушкинъ высоко цѣнилъ подлинный народный русскій языкъ: «Альфieri изучалъ итальянскій языкъ на Флорентійскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнымъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ», замѣчаетъ онъ. Въ то же время Лермонтовъ творитъ безсмертную «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ», Крыловъ — свои единственныя въ своемъ родѣ басни. Гоголь сказалъ о немъ: «Всюду у него Русь и пахнетъ Русью... даже осель, несмотря на свою принадлежность климату другихъ земель, явился у него русскимъ человѣкомъ». Въ музыкальномъ мірѣ раздались чарующіе звуки русской музыки, творцомъ которыхъ былъ Глинка. Но эпоха, въ которой рождались русскіе геніи не была имъ благопріятна. Послѣ декабрьскаго возстанія русское дворянство погубило себя въ глазахъ правительства и возбудило недовѣріе. Опорой государственности явилась остзейская знать. Такія лица, какъ графъ Бенкендорфъ были всеильны. Пушкинъ по неосторожности вызвалъ вражду со стороны надменнаго шефа жандармовъ и сдѣлался жертвой подстроенной интриги. Потрясенный смертью Пушкина, Лермонтовъ, за стихотвореніе «На смерть Пушкина» угодилъ на Кавказъ, гдѣ, тоскуя въ глухомъ гарнизонѣ, погубилъ себя на дуэли. Лермонтовъ не былъ сочувствующимъ декабристамъ. Наоборотъ, онъ былъ однимъ изъ проро-

ковъ, предвидѣвшихъ ужасъ революціи. Но, какъ русскій націоналистъ, вознегодовалъ противъ иностранца — Дантеса, дерзнувшаго поднять руку на великаго русскаго генія. Между тѣмъ, въ то время всякое слово противъ иностранцевъ вмѣнялось въ преступленіе. Цензура была свирѣпа и придирчива и читала часто между строкъ даже то, что не снилось авторамъ. Какъ примѣръ строгости можно привести случай съ Погодинымъ, который былъ оштрафованъ и посаженъ на годъ въ тюрьму за то, что по случаю смерти Гоголя выпустилъ журналъ съ траурной каймой.

Въ слѣдующемъ царствованіи наступила сразу безъ всякой постепенности эра широкихъ свободъ, для воспріятія которыхъ общество еще не созрѣло. Это привело къ царевубійству и заставило Государя Александра III-яго могучей рукою удержать русскую «тройку», бѣшенно мчавшуюся въ пропасть.

Послѣдніе два Государя воплощали въ себѣ всѣ чисто-русскіе черты. Мученикъ-императоръ Николай II-ой любилъ все русское до самозабвенія.

Бывшій преображенецъ А. Ф. Гирсъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что, когда профессоръ С. Ф. Платоновъ въ рѣчи своей офицерамъ Преображенскаго полка «сталъ говорить объ основателѣ полка царѣ Петрѣ, какъ о величайшемъ преобразователѣ, не имѣвшемъ въ мірѣ себѣ равнаго. Наслѣдникъ (Имп. Николай II) замѣтилъ: «Царь Петръ, расчищая ниву русской жизни и уничтожая плевелы, не пощадилъ и здоровые ростки, укрѣпляющіе народное самосознаніе. Не все въ допетровской Руси было плохо, не все на Западѣ было достойно подражанія. Это почувствовала Императрица Елисавета Петровна и съ помощью такого замѣчательнаго самородка, какимъ былъ Разумовскій, ею было кое-что возстановлено».

Любимымъ предкомъ Императора Николая II-го былъ царь Алексѣй Михайловичъ, въ память котораго было дано имя Царевичу. Передъ японской войной графомъ Шереметевымъ былъ устроенъ балъ, на которомъ вся знать явилась въ боярскихъ одѣяніяхъ XVII вѣка. Государь и Императрица были одѣты въ царскія одѣянія царя Алексѣя Михайловича и царицы. Государь любилъ древнія иконы, соборы и всю стари-

ну. Необычайной красоты въ смыслѣ архитектуры и внутреннего убранства былъ построенъ въ Царскомъ Селѣ Феодоровскій Соборъ Сводно-гвардейскаго полка, который одновременно служилъ и придворнымъ храмомъ. До этого, зная вкусъ Государя, походный иконостасъ этого полка былъ написанъ въ древнемъ стилѣ... Увидѣвъ его, Государь сказалъ: «Вотъ, наконецъ, гдѣ можно молиться!» Вслѣдъ за этимъ былъ воздвигнутъ упомянутый соборъ въ владимиро-суздальскомъ стилѣ. Это чудо архитектурной красоты со своимъ золотымъ куполомъ отражалось въ прозрачныхъ водахъ большого пруда. Поодаль находилось зданіе военного музея въ стилѣ псковско-новгородскомъ XV вѣка и зданія казармъ Сводно-гвардейскаго полка въ стилѣ XVI вѣка.

Генералъ Спиридовичъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что рѣдкій изъ людей такъ горячо любилъ русское искусство, какъ покойный Государь. «Много разъ онъ выражалъ сожалѣніе, что русскіе художники пренебрегали своимъ національнымъ искусствомъ и русскимъ стилемъ, который открываетъ дорогу творческимъ возможностямъ къ сокровищу дивной, неистощимой красоты».

Только незадолго до первой міровой войны, благодаря изученію археологами древняго церковнаго искусства Ближняго Востока, проникло въ Россію пониманіе красоты и значенія старыхъ иконъ. Профессора братья кн. Трубецкіе читали свои знаменитыя лекціи о древней русской иконописи. До этого стѣнописи въ церквахъ забѣливались известкой и только старообрядцы были цѣнителями древняго иконописанія.

Кромѣ старины, Государь ничего такъ не любилъ, какъ русскія народныя пѣсни и, когда онъ обѣдалъ въ полковыхъ собраніяхъ, туда приглашались исполнители русскихъ народныхъ пѣсенъ. Государь любилъ общеніе съ народомъ и при удобномъ случаѣ (напр. Полтавскія торжества) по нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ окружающими его крестьянами, обнаруживая даръ простоты и сердечности, вызывавшей довѣріе и откровенность со стороны народа. Возстановленіе патріаршества въ Россіи было дѣломъ только времени и

самъ Государь былъ готовъ, пожертвовавъ своей семейной жизнью, взять на себя это высокое служеніе.

Изъ вышесказаннаго, легко заключить, какъ были оцѣнены братья Кирѣевскіе, живи они при послѣднихъ двухъ государяхъ. Но, къ несчастью, въ ихъ времена — реакціи противъ декабризма, — всѣ факты проявленія національнаго самосознанія принимались за бунтъ противъ существующаго порядка вещей. И всякая личная инициатива заранѣе была обречена на гибель.

Такая участь постигла при жизни Петра Васильевича его многотысячное собраніе народнаго творчества. Изъ всего количества только 55 духовныхъ стиховъ и десятка два пѣсенъ при немъ увидѣли свѣтъ. Очень многое вовсе пропало. Былины позже издалъ Безсоновъ со своими комментаріями и уже въ концѣ прошлаго вѣка случайно обрѣли въ архивномъ шкафу забытыя народныя пѣсни, тѣ, что уцѣлѣли. Онѣ вошли въ позднѣйшія изданія народныхъ пѣсенъ и то, повидимому, далеко не всѣ.

«Великій печальникъ древней Руси» — духовный сынъ Оптинскихъ старцевъ, Петръ Васильевичъ Кирѣевскій унаслѣдовалъ черты своего своеобразнаго характера отъ своихъ замѣчательныхъ родителей. Особенно много общаго у него съ отцомъ: какъ и отецъ, Петръ Васильевичъ представлялъ собою яркій моральный типъ, та же внутренняя цѣльность, та же вѣрность долгу. Поэтому, говоря о сынѣ, нельзя обойти молчаніемъ личности отца.

Василій Ивановичъ Кирѣевскій въ молодости служилъ при Павлѣ, вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-майора и поселился въ родномъ Долбинѣ, гдѣ выстроилъ себѣ новый домъ — огромный на высокомъ фундаментѣ, съ мраморной облицовкой стѣнъ внутри, со множествомъ надворныхъ строеній и великолѣпными садами. Это былъ, повидимому, сильный и оригинальный человекъ, нравственно изъ одного куска. Его образованность надо признать рѣдкою для его времени: онъ зналъ 5 языковъ, любилъ естественныя науки, имѣлъ у себя лабораторію, занимался медициною и довольно успѣшно лѣчилъ; на смертномъ одрѣ онъ говорилъ старшему сыну о необходимости заниматься химіей, и называлъ ее «божественной наукой».

Онъ много читалъ, и знанія его, говорятъ, были очень многосторонни. Пробовалъ онъ и писать и переводилъ повѣсти и романы и даже самъ сочинялъ. Онъ былъ англоманъ — любилъ англійскую литературу и англійскую свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень набоженъ, ненавидѣлъ энциклопедистовъ и скупалъ въ Москвѣ сочиненія Вольтера съ тѣмъ, чтобы жечь ихъ. Свой домъ онъ велъ строго по завѣтамъ старины; занятія химіей и англоманство нисколько не поколебали въ немъ патріархальнаго духа и не заставили съ пренебреженіемъ отвернуться отъ народнаго быта; напротивъ, онъ сохранилъ во всей силѣ ту близость усадьбы съ народомъ, тотъ открытый притокъ народнаго элемента въ господскую жизнь, который отличали помѣщичій бытъ стараго времени. Изъ 15-ти человѣкъ комнатной прислуги (мужской), 6 были грамотны и охотники до чтенія; книгъ и времени у нихъ было достаточно, слушателей много. Во время домашнихъ богослуженій, которыя бывали очень часто (молебны, всенощны и т. д.) они замѣняли дьячковъ, читали и пѣли стройно старымъ напѣвомъ: новаго Василій Ивановичъ у себя не терпѣлъ, ни даже въ церкви. Въ лѣтнее время дворъ барскій оглашался хоровыми пѣснями, подъ которыя многочисленная дворня деревенскихъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, кружевницъ и швей водили хоробы и разныя игры: въ коршуны, въ горѣлки, «заплетись плетень, заплетися, ты завейся труба золотая», или «а мы просо сѣяли», «Я ѣду въ Китай-городъ гуляти, привезу ли молодой женѣ покупку» и др.; а нянюшки, мамушки, сидя на крыльцѣ, любовались и внушали чинность и приличіе. Въ извѣстные праздники всѣ бабы и дворовые собирались на игрища то на лугу, то въ рошѣ крестить кукушекъ, завивать вѣнки, пускать ихъ на воду и пр. Вообще народу жилось весело, тѣлесныхъ наказаній никакихъ не было. Главныя наказанія въ Долбинѣ были земныя поклоны передъ образами до 40 и болѣе, смотря по винѣ, да стулъ (дубовая колода, къ которой приковывали виновнаго на цѣпь). Крестьяне были достаточны, многіе зажиточны. Къ утѣхамъ деревенской жизни надо еще прибавить, что сюда къ Успеньеву дню (въ церкви села Долбина, при которой было два священника, имѣлась чудотворная икона

Божіей Матери) стекалось множество народа изъ окрестныхъ сель и городовъ, и при церкви собиралась ярмарка, богатая для деревни. Купцы раскидывали множество палатокъ съ краснымъ и всякимъ товаромъ, шли длинные густые ряды съ фруктами и ягодами; не были забыты и горячія оладьи и сбитень. Но водочной продажи Василій Ивановичъ не допускалъ у себя. Даже на этотъ ярмарочный день откупщикъ не могъ сладить съ нимъ и отстоять свое право «по цареву кабаку». Никакая полиція не присутствовала, но все шло порядкомъ и благополучно. Наканунъ праздника смоляныя бочки горѣли по дорогѣ, ведущей въ Долбино, и освѣщали путь, а въ самый день Успенья длинныя, широкія, высокія, тѣнистыя аллеи при церкви были освѣщены площадками, фонариками, и въ концѣ этого сада сжигались потѣшные огни, солнца, колеса, фонтаны, жаворонки, ракеты по одиночкѣ и снопами, наконецъ, буракъ. Все это приготовлялъ и этимъ распоряжался Зюсьбиръ (нѣмецъ изъ Любека, управлявшій сахарнымъ заводомъ Кирѣвскаго). Несмотря на всѣ эти великолѣпія, «постромки у каретъ, вожжи у кучера и поводья у фореитора были веревочныя».

Семейныя преданія изображаютъ Василія Ивановича человѣкомъ твердой воли и непреклонныхъ убѣжденій. Разсказываютъ, что вскорѣ послѣ его женитьбы въ 1805 году заѣхалъ въ Долбино губернаторъ Яковлевъ, объѣзжавшій губернію и пожелавшій въ Долбинѣ переночевать; съ нимъ была многочисленная свита, въ томъ числѣ его возлюбленная: Василій Ивановичъ не впустилъ ее въ свой домъ, и губернаторъ принужденъ былъ уѣхать дальше искать ночлега, и потомъ онъ не рѣшился мстить Кирѣвскому.

Одно время Василій Ивановичъ былъ судьей въ своемъ уѣздѣ по выборамъ; онъ и здѣсь внушилъ къ себѣ уваженіе своей справедливостью и страхъ своей строгостью; «Нерадѣніе въ должности — вина передъ Богомъ», говорилъ онъ — и назначалъ неисправнымъ чиновникамъ земные поклоны, какъ и своимъ дворовымъ. Въ его записной книжкѣ есть двѣ записи: въ одной онъ упрекаетъ себя въ несправедливости однажды по отношенію двороваго, котораго разбранилъ, другой разъ къ крестьянину, которому запретилъ

ѣхать лугомъ. Это непоколебимое сознаніе нравственнаго долга простиралось въ немъ далеко за предѣлы семейнаго и помѣщичьяго обихода: онъ чувствовалъ себя гражданиномъ и при случаѣ умѣлъ поступать, какъ гражданинъ. Сохранилось его черновое прошеніе на имя Государя, гдѣ онъ предлагалъ способы борьбы съ повальными болѣзнями. Въ 1812 году, переѣхавъ съ семьей для безопасности въ другую свою вотчину подъ Орломъ, онъ самовольно принялъ на себя завѣдываніе городской больницей въ Орлѣ, куда во множествѣ свозили раненыхъ французовъ. Въ госпиталѣ царили вопіющія неурядицы и злоупотребленія; не щадя силъ и денегъ, всѣхъ подчиняя своей твердой волѣ, Кирѣевскій улучшилъ содержаніе раненыхъ, увеличилъ число кроватей, самъ руководилъ леченіемъ, словомъ, работалъ неутомимо; попутно онъ обращалъ яacobинцевъ на христіанскій путь, говорилъ имъ о будущей жизни, о Христѣ, молился за нихъ. Здѣсь въ госпиталѣ онъ и заразился тифомъ, который свелъ его въ могилу (въ ноябрѣ 1812 г.).

Если Иванъ Васильевичъ представлялъ собою моральный типъ, — супруга его Авдотья Петровна (рожденная Юшкова) олицетворяла собою типъ эстетическій. Она принадлежала къ родовитой семьѣ и воспитывалась у бабушки — вдовы Бѣльскаго воеводы, дамы богатой, важной, начитанной и культурной.

Внучкѣ своей она дала прекрасное образованіе: съ одной стороны, благодаря гувернанткѣ, французской эмигранткѣ, она освоилась съ французской классической литературой. Съ другой стороны, живя зимой въ Москвѣ и вращаясь въ дружескомъ кружкѣ Тургеневыхъ и Соковниныхъ, она раздѣляла восторгъ передъ Дмитріевымъ и Карамзинымъ. Послѣдній на правахъ родства бывалъ въ домѣ ея бабушки. Но главное литературное вліяніе исходило отъ В. А. Жуковскаго — побочнаго сына ея дѣда. Они выросли вмѣстѣ и онъ руководилъ ею въ занятіяхъ.

16-ти лѣтъ она вышла за В. И. Кирѣевскаго, которому было болѣе 30-ти лѣтъ. Мужъ внушилъ ей глубокую религіозность, которую она сохранила всю жизнь. Но до глубокой старости она сохранила свой свѣтлый, живой нравъ. Она любила цвѣты, рисовала

и вышивала ихъ, любила поэзію, живопись, обладала юморомъ и остроуміемъ, ея письма къ сыновьямъ и друзьямъ очаровательны. Кромѣ того, она занималась переводами съ иностранныхъ языковъ, которыя составили бы много томовъ, если бы были напечатаны полностью.

Петръ Васильевичъ унаслѣдовалъ черты характера отъ обоихъ своихъ родителей: отъ отца его глубокую натуру, а отъ матери влеченіе къ прекрасному, поэтическое чувство. Самъ онъ рисовалъ, вырѣзывалъ силуэты, игралъ на рояли. Въ молодости онъ любилъ шутку, но въ послѣдствіи утерять жизнерадостность.

Петръ Васильевичъ остался 5-лѣтнимъ сиротой послѣ смерти отца. Онъ воспитывался со старшимъ братомъ Иваномъ и сестрой Маріей. Имъ было дано блестящее образованіе ихъ матерью и отчимомъ Елагинымъ. Они прекрасно изучили математику, иностранные языки и перечитали множество книгъ по словесности, исторіи и философіи изъ библіотеки, собранной ихъ отцомъ. Въ 1822 году для окончанія ихъ ученія семья переехала въ Москву. Братья брали уроки у профессоровъ университета Мерзлякова, Снѣгирева и др. Оба брата за это время выучились англійскому языку, греческому и латыни.

По окончаніи образованія, старшій братъ поступилъ служить въ Московскій Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ. «Архивны юноши толпою на Таню чопорно глядятъ», сказалъ Пушкинъ объ этой золотой московской молодежи. Въ ея средѣ нашлось не мало высококультурныхъ и идеалистически настроенныхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые остались на всю жизнь друзьями Кирѣевскихъ, какъ напр. Веневитиновъ и Титовъ. Образовался кружокъ молодежи, куда вошли Кошелевъ, Максимовичъ — собиратель малороссійскихъ пѣсенъ, кн. Одоевскій, гр. Комаровъ и братья Хомяковы. Съ послѣдними на религіозной почвѣ особенно сблизился Петръ Васильевичъ.

Въ 1828 г. Петръ Кирѣевскій поѣхалъ за границу слушать лекціи знаменитыхъ нѣмецкихъ профессоровъ. Въ Мюнхенѣ онъ засталъ Тирша, Окена и др., а также знаменитаго Шеллинга, у котораго Кирѣевскій бывалъ на дому. Шеллингъ отзывался съ похвалой о молодомъ

студентъ, какъ о многообъщающемъ юношѣ. Петръ Васильевичъ также въ это время посѣщалъ домъ поэта Тютчева, который былъ тогда посланникомъ въ Баваріи.

Между тѣмъ, оставшійся въ Москвѣ старшій братъ Иванъ Васильевичъ, человѣкъ обладавшій столь же горячимъ и глубокимъ сердцемъ, подвергся душевной ранѣ: любимая дѣвушка, ставшая позднѣе его женой, отказала ему въ своей рукѣ. Замѣчательно письмо, написанное по этому случаю Петромъ Васильевичемъ къ старшему брату, которое характеризуетъ внутренній міръ писавшаго: «Съ какой гордостью я тебя узналъ въ той высокой твердости, съ которой ты принялъ этотъ первый, тяжелый ударъ судьбы! Такъ! Мы родились не въ Германіи, у насъ есть **Отечество**. И, можетъ быть, отдаленіе отъ всего родного особенно развило во мнѣ глубокое религіозное чувство, — можетъ быть, и этотъ жестокий ударъ былъ даромъ неба. Оно тебѣ дало тяжелое мучительное чувство, но вмѣстѣ чувство глубокое, живое; оно тебя вынесло изъ вялаго круга вседневныхъ впечатлѣній обыкновенной жизни, которая быть можетъ еще мучительнѣе. Оно вложило въ твою грудь пылающій уголь; и тотъ внутренній голосъ, который въ минуту рѣшительную далъ тебѣ силы, сохранилъ тебя отъ отчаянія, былъ голосъ Бога:

«Возстань пророкъ! и виждь и внемли:

Исполнишь волею Моей

И, обходя моря и земли,

Глаголомъ жги сердца людей».

«Ты хорошо знаешь всѣ нравственныя силы Россіи: уже давно она ждетъ живительнаго слова, — и среди всеобщаго мертваго молчанія, — какія имена оскверняютъ нашу литературу!

«Тебѣ суждено горячимъ энергическимъ словомъ оживить умы русскіе, свѣжіе, полные силъ, но зачерствѣлые въ тѣснотѣ нравственной жизни. Только побывавши въ Германіи, вполнѣ понимаешь великое значеніе Русскаго народа, свѣжесть и гибкость его способностей, его одушевленность. Стоитъ поговорить съ любымъ нѣмецкимъ простолюдиномъ, стоитъ сходить раза четыре на лекціи Мюнхенскаго Университета, чтобы сказать, что недалеко то время, когда мы ихъ опере-

димъ въ образованіи». . . Затѣмъ онъ описываетъ нѣмецкихъ студентовъ, спящихъ на лекціяхъ великихъ ученыхъ профессоровъ, или читающихъ романы. «И это тотъ университетъ, гдѣ читають Окены, Герресы, Тирши! Что если бы одинъ изъ нихъ былъ въ Москвѣ! Какая жизнь кипѣла бы въ Университетѣ!»

Далѣе Петръ Васильевичъ говоритъ о себѣ: «Что тебѣ сказать о томъ, что я дѣлаю въ Мюнхенѣ? Я, хотя и занимаюсь довольно дѣятельно, но сдѣлалъ очень немного; главные мои занятія: философія и латинскій языкъ и отчасти исторія; но медленность моего чтенія не перемѣнилась и я прочелъ очень немного: больше пользы получилъ отъ видѣннаго и слышаннаго, и вообще отъ испытаннаго.

«Самымъ значительнымъ изъ моихъ впечатлѣній въ Мюнхенѣ было свиданіе съ Шеллингомъ и Океномъ и три концерта Поганини, который уѣхалъ отсюда на прошедшей недѣлѣ. Дѣйствіе, которое производитъ Поганини невыразимо: я ничего не слыхалъ подобнаго, и хотя, когда шелъ его слушать, готовился ко всему необыкновеннѣйшему, но онъ далеко превзошелъ все, что я могъ вообразить и это воспоминаніе останется на всю жизнь. Довольно взглянуть на него, чтобы сказать, что это человѣкъ необыкновенный и, хотя черты совсѣмъ другія, — въ выраженіи глазъ его много сходнаго съ Мицкевичемъ».

Изъ письма этого виденъ характеръ 23-лѣтняго Петра Васильевича, такимъ онъ остался до гроба: религіозность, непоколебимая вѣра въ Россію, горячая любовь къ брату и убѣжденность въ его высокому призваніи и собственная скромность, трудолюбіе, постоянство въ работѣ, любовь къ музыкѣ.

Старшій братъ вскорѣ присоединился къ младшему. Въ сентябрѣ 1830 г. Петръ Васильевичъ съ общимъ ихъ пріятелемъ Рожалинымъ уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ они весело провели время въ осмотрѣ произведеній искусства и толкотнѣ по городу и его окрестностямъ. Между тѣмъ, до нихъ дошла вѣсть объ эпидеміи холеры въ средней Россіи. Иванъ Васильевичъ первымъ бросилъ свои занятія въ Мюнхенѣ и поскакалъ домой, опасаясь за участь своихъ родныхъ. Возвратясь въ Мюнхенъ, Петръ Васильевичъ уже не засталъ тамъ брата и помчал-

ся вслѣдъ за нимъ. Еще из Вѣны, передъ отъѣздомъ домой пишетъ онъ матери: «Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался! Это говорится не даромъ: и я въ полнотѣ узналъ это вмѣстѣ и возвышающее и грѣющее чувство молитвы только здѣсь, внѣ Россіи, вдалекѣ отъ васъ. Только здѣсь, гдѣ я раздвоенъ, гдѣ лучшая часть меня за тысячи верстъ, вполне чувствую, осязаешь эту громовую силу, которая называется судьбою и передъ которой благоговѣешь, чувствуя полную безсмысленность мысли, чтобы она была безъ значенія, безъ разума, и остается только одинъ выборъ между вѣрою и сѹмасшествіемъ. Что до меня касается, то я спокоенъ, какъ только можно быть, и дѣлаю все, что могу, чтобы вытѣснить изъ сердца всякое безплодное безпокойство, оставя одну молитву».

Всѣхъ родныхъ, по пріѣздѣ, Кирѣвскій засталъ здоровыми.

Вернувшись въ Москву, Петръ Васильевичъ поступилъ на службу въ Архивъ, гдѣ ранѣ служилъ его братъ. Порученное ему дѣло (свидѣтельство иностранныхъ паспортовъ) его увлечь не могло. Но зато въ то же время онъ имѣлъ возможность знакомиться съ историческими документами прошлаго Россіи и онъ постепенно начинаетъ втягиваться въ изученіе русскихъ историческихъ памятниковъ и становится глубокимъ знатокомъ въ области исторіи древней Руси.

Начало собиранія Кирѣвскимъ былинь, духовныхъ стиховъ и народныхъ пѣсенъ относится къ 30 годамъ, т. е. сразу послѣ возвращенія изъ заграницы. И это навсегда осталось дѣломъ его жизни.

Онъ глубоко вѣрилъ, что въ жизни древней Руси заложены тѣ начала, которыя могутъ служить залогомъ для славной будущности Россіи. Онъ искалъ эти черты прошлаго, еще не совсѣмъ исчезнувшія среди народнаго быта.

Горячо любя русскую народность во всей ея первобытности и простотѣ, онъ не гнушался ея въ нищенской одеждѣ и относился къ простому нищему брату, точно такъ же, какъ къ ученому и богатому, сильному. Съ палкой въ рукѣ и котомкой на плечахъ, странствовалъ Кирѣвскій пѣшкомъ по селамъ и деревнямъ, вдали отъ большихъ дорогъ, туда, гдѣ слѣды старины сохрани-

лись живѣе и ярче, неутомимо собирая народныя пѣсни, пословицы, сказанья, изучая народный бытъ и нравы, стараясь разглядѣть и понять обломки давно прошедшей русской жизни. Въ февралѣ 1832 г. Авдотья Петровна (мать его) пишетъ Жуковскому о своемъ сынѣ Петрѣ, что онъ издастъ «собираніе пѣсенъ, какого ни въ одной землѣ еще не существовало, около 800 однихъ легендъ, то есть стиховъ по ихнему... Когда онъ въ нынѣшнее лѣто собиралъ въ Осташковѣ нищихъ и стариковъ и платилъ имъ деньги за выслушиваніе ихъ не райскихъ пѣсенъ, то городничему показался онъ весьма подозрительнымъ, онъ послалъ рапортъ губернатору; то же сдѣлали многіе помѣщики, удивленные поступками слишкомъ скромнаго такого чудака, который, по несчастью, называется студентомъ».

Послѣ поѣздокъ 1831 и 1832 гг. для собиранія пѣсенъ, Кирѣевскій лѣтомъ 1834 г. предпринялъ еще одну, послѣднюю такую поѣздку, въ большихъ размѣрахъ: Исходнымъ пунктомъ былъ, повидимому, опять Осташковъ, уже знакомый ему по прежнимъ розыскамъ; отсюда онъ неутомимо разѣѣзжалъ по ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ, съ мая до осени. Дошелъ до него слухъ о ярмаркѣ, гдѣ-то въ Новгородской губерніи, которая должна продолжаться цѣлыхъ четыре дня — «стало быть, можно надѣяться на добычу», — онъ отправляется туда, плыветъ 40 верстъ по Селигеру, потомъ ѣдетъ 25 верстъ на лошадахъ; вернувшись изъ этого похода, оказавшагося неудачнымъ, онъ черезъ два дня плыветъ верстъ за 12 отъ Осташкова на какой-то сельскій праздникъ, проводитъ тамъ три дня и вывозитъ оттуда 20 свадебныхъ пѣсенъ, и т. д. Въ концѣ іюля, оставивъ Осташковъ, онъ пустился по Старорусской дорогѣ, свернулъ въ сторону, чтобы посмотрѣть верховье Волги, заѣхалъ въ Старую Руссу, и оттуда на пароходѣ добрался до Новгорода. Здѣсь онъ не искалъ ни пѣсенъ, ни преданій: «здѣсь только однѣ могилы и камни, а все живое забито военными поселеніями, съ которыми даже тѣнь поэзіи несовмѣстна»; но онъ хотѣлъ познакомиться съ богатой **каменной поэзіей** Новгорода. И какъ онъ умѣлъ чувствовать поэзію прошлаго! Онъ самъ становится поэтомъ, когда описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него Новгородомъ. Онъ увидѣлъ его съ

Волховскаго моста, въ первый разъ при заходѣ солнца; верстѣ за 40 въ окрестностяхъ горѣли лѣса, и дымъ отъ пожарища доходилъ до города. «Въ этомъ дымѣ, соединившимся съ Волховскими туманами, пропали всѣ промежутки между теперешнимъ городомъ и окрестными монастырями, бывшими прежде также въ городѣ, такъ что городъ мнѣ показался во всей своей прежней огромности; а заходящее солнце, какъ исторія, свѣтило только на городскіе башни, монастыри и соборы и на бѣлыя стѣны значительныхъ зданій; все мелкое сливалось въ одну безличную массу, и въ этой массѣ, соединенной туманомъ, было также что-то огромное. На другой день все было опять въ настоящемъ видѣ, какъ будто въ одну ночь прошли 300 лѣтъ, разрушившихъ Новгородъ». Онъ и комнату себѣ нанялъ въ Новгородѣ, хотя скверную внутри, но зато на берегу Волхова, съ видомъ на Кремль и Софійскій соборъ, «самое прекрасное зданіе, какое я видѣлъ въ Россіи».

Дѣло собиранія народныхъ пѣсенъ нашло живой откликъ въ средѣ лучшихъ людей того времени: Пушкинъ прислалъ пѣсни изъ Псковской губерніи, Гоголь изъ разныхъ мѣстъ Россіи, Кольцовъ изъ Воронежа, Снѣгиревъ изъ Тверской и Костромской губерній, Шевыревъ изъ Саратовской губ., Поповъ изъ Рязанской губ., Кавелинъ изъ Тульской и Нижегородской, Вельтманъ изъ Калужской, Даль изъ Приуралья, Якушкинъ изъ разныхъ мѣстъ, Ознобишинъ свадебныя пѣсни изъ Псковской губ. Такимъ образомъ, собраніе Кирѣевскаго обнимало почти всѣ великорусскія губерніи и захватывало часть южныхъ, кромѣ того въ составъ его вошло значительное количество пѣсенъ бѣлорусскихъ. Кирѣевскій своимъ личнымъ трудомъ, или за плату изъ своихъ личныхъ средствъ при помощи мѣстныхъ силъ, собралъ и записалъ до 500 народныхъ пѣсенъ изъ бѣлорусскихъ областей: «отъ Чудскаго озера до Волыни и Сурожа (Крымъ), отъ Литовскаго Берестья до Вязьмы и подъ Можайскъ».

Еще въ 1833 г. пишетъ Петръ Васильевичъ поэту Языкову: «Знаешь ли ты, что готовящееся собраніе русскихъ пѣсенъ будетъ не только лучшая книга нашей литературы вообще, но что оно, если дойдетъ до свѣдѣнія иностранцевъ, въ должной степени, и будетъ

ими понято, то должно ихъ ошеломить такъ, какъ они ошеломлены быть не ожидаютъ!» Далѣе онъ говоритъ, что «въ большей части западныхъ государствъ живая литература преданій почти изгладилась». Онъ перечисляетъ европейскіе сборники народныхъ пѣсенъ: Вальтеръ Скоттъ собралъ 77 №-овъ шотландскихъ пѣсенъ. Шведскихъ собрано и переведено на нѣмецкій языкъ 100 №-овъ. Датскій сборникъ не превосходитъ этого количества. Французскихъ пѣсенъ не существуетъ. Итальянскій бѣденъ въ поэтическомъ отношеніи и включаетъ 100 №-овъ; испанскихъ существуетъ два: въ одномъ 68 №-овъ, въ другомъ 80. Англія извѣстна своей бѣдностью и нѣмецкій сборникъ ничтоженъ. А «у насъ, если выбрать самоцвѣтныя каменья изъ всѣхъ нашихъ пѣсенниковъ, загроможденныхъ соромъ (а это, по моему мнѣнію, необходимо) то будетъ 2000!» Здѣсь онъ не считаетъ тѣ пѣсни, которыя ему привезетъ Пушкинъ, кромѣ доставленныхъ ему 40 номеровъ и другихъ изъ Рыльска отъ нѣкоего Якимова. Затѣмъ онъ сообщаетъ, что предисловіе къ сборнику обѣщано самимъ Пушкинымъ. Издать берется Смирдинъ на свои средства. Цифры, указанныя выше соотвѣтствовали началу собиранія. Подъ конецъ жизни Петра Васильевича число номеровъ увеличилось въ нѣсколько разъ.

Въ теченіе 25 лѣтъ П. В. неослабѣвающей любовью трудился надъ пѣснями. Этотъ трудъ сопровождалъ его всюду; онъ корпится надъ пѣснями и въ Симбирской деревнѣ Языкова, и на водахъ за границую. А было отчего охладѣть! Самый способъ его работы: установленіе идеальнаго текста пѣсни съ подведеніемъ всѣхъ варіантовъ требовалъ неимоверной усидчивости и крайнѣ утомительнаго напряженія мысли: работа подвигалась черепашьямъ шагомъ. Добро бы еще онъ могъ, по мѣрѣ накопленія матеріала, безпрепятственно выпускать его на свѣтъ, но при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ это оказалось невозможнымъ. Черезъ 12 лѣтъ послѣ перваго замысла о печатаніи, дѣло не подвинулось ни на пядь; въ 1844 году братъ Иванъ Васильевичъ писалъ ему изъ деревни въ Москву: «Если министръ будетъ въ Москвѣ, то тебѣ непременно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы тебѣ къ этому времени не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Мо-

жетъ быть и не возвратятъ, но просить о пропускѣ это не помѣшаетъ. Главное на чемъ основываться это то, что пѣсни **народныя**, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайной, и цензура въ этомъ случаѣ столь же сильна, сколько Перевозчиковъ надъ погодою. Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ **народныя пѣсни**, и еще старинныя. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи... Лучше бы всего тебѣ самому повидаться съ Уваровымъ, а если не рѣшишься, то поговори съ Погодинымъ». Наконецъ, въ 1848 году, послѣ многихъ хлопотъ, удалось напечатать 55 духовныхъ стиховъ въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древности».

Къ этимъ «стихамъ» Кирѣевскій предпослалъ предисловіе: «Русскія пѣсни», говорилъ онъ здѣсь, «можно сравнить съ величественнымъ деревомъ, еще полнымъ силъ, и красоты, но уже срубленнымъ: безчисленныя вѣтви этого дерева еще покрыты свѣжей зеленью, его цвѣты и плоды еще благоухаютъ полнотою жизни, но уже нѣтъ новыхъ отпрысковъ, нѣтъ новыхъ завязей для новыхъ цвѣтовъ и плодовъ. А, между тѣмъ, прежніе цвѣты уже на нѣкоторыхъ вѣтвяхъ начинаютъ сохнуть. Уже много изъ прежнихъ листьевъ и цвѣтовъ начинаютъ облетать, или глхнуть подъ блѣдной зеленью паразитныхъ растений».

Кирѣевскій объясняетъ, что въ его собраніе вошли только пѣсни старинныя, настоящія, тѣ на которыхъ сказалось вліяніе городской моды, исключены. Кромѣ того было напечатано еще въ Московскомъ Сборникѣ въ 1852 г. въ первомъ выпускѣ: четыре пѣсни и во второмъ выпускѣ двѣнадцать пѣсенъ. Тѣмъ обр., при жизни Кирѣевскаго свѣтъ увидѣли только всего 71 пѣсня изъ нѣсколькихъ тысячъ имъ собранныхъ. Какъ разъ послѣ 1848 г. очень усилилась строгость въ отношеніи печатанія памятниковъ народнаго творчества. «Великому печальнику за русскую землю», какъ называлъ Петра Васильевича Хомяковъ, не удалось завершить того дѣла, на которое онъ положилъ всѣ свои силы.

Послѣ его смерти его сотрудникъ Якушкинъ приступилъ къ разбору его бумагъ и замѣтилъ страшный недочетъ: «по крайней мѣрѣ двухъ, или трехъ столъ

бумаги, исписанной пѣснями, не оказалось. «Потомъ я узналъ, что сверхъ этой страшной потери», пишетъ Якушкинъ, «пропало еще множество бумагъ покойнаго Петра Васильевича, оставленныхъ въ Москвѣ». А потомъ Якушкинъ былъ оттертъ отъ этой работы, драгоценное собраніе попало въ безконтрольное вѣдѣніе Безсонова и, если бы Кирѣевскій, пишетъ его біографъ Гершензонъ, «могъ, вставъ изъ гроба, увидѣть какъ издалъ Безсоновъ, онъ м. б. пожалѣлъ бы, что не все пропало».

Вотъ перечень содержанія этого сборника (1860-70): «Пѣсни собранныя». Первая часть. Вып. 1.

И. В. Кирѣевскимъ. Пѣсни былевые. Время Владимірово. Вып. 1. «Илья Муромецъ» — богатырь-крестьянинъ.

Вып. 2. «Добрыня Никитичъ, богатырь бояринъ. Богатырь Алеша Поповичъ. Василій Казиміровичъ — богатырь дьякъ».

Вып. 3. Богатыри: Иванъ Гостиный сынъ, Иванъ Годиновичъ, Данило Ловчанинъ, Дунай Ивановичъ и др.

Вып. 4 (дополн.). Богатыри Илья Муромецъ, Никита Ивановичъ, Потокъ, Ставръ Годиновичъ, Соловей Будиміровичъ и др.

Вып. 5. «Новгородскія и Княжескія».

Вып. 6. «Пѣсни былевые историческія: «Москва. Грозный царь Иванъ Васильевичъ».

Вып. 7. «Москва. Отъ Грознаго до Петра».

Вып. 8. «Русь Петровская. Государь царь Петръ Алексѣевичъ».

Вып. 9. «XVIII в. въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ послѣ Петра I».

Вып. 10. «Нашъ вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ».

Кромѣ того въ сборникъ Безсонова: «Калики переходящіе» около одной пятой части взято изъ собранія Кирѣевскаго. И, какъ уже было сказано, въ концѣ прошлаго вѣка были обнаружены въ архивномъ шкафу Общества Любителей древности бытовые народныя пѣсни собранныя Кирѣевскимъ, которыя вошли въ позднѣйшія изданія.

Народное творчество является не только цѣнностью для историка, изучающаго древній бытъ, или для поэта, какъ источникъ вдохновенія, но значеніе его, этого творчества, въ томъ, что въ немъ выявляется духъ народа.

Въ своихъ пѣсняхъ и былинахъ, разсыпая, подобно сверкающимъ драгоценнымъ камнямъ, свои эпитеты, какъ «красное солнце», «сине море», «мать сыра земля», онъ не даромъ называлъ свою родину «Святой Русью», или «Свято-русской землей».

«И то, во что излился духъ», говоритъ проф. И. А. Ильинъ, «и человѣкъ, и картина и напѣвъ, и храмъ, и крѣпостная стѣна становится священнымъ и дорогимъ, какъ открывающійся мнѣ и намъ, нашему народу и нашей странѣ ликъ Самого Божества». И онъ продолжаетъ: «Родина есть нѣчто отъ духа и для духа. И тотъ, кто не живетъ духомъ, тотъ не будетъ имѣть Родины; и она останется для него навсегда темной загадкой и странной ненужностью. На безродность обреченъ тотъ, у котораго душа закрыта для Божественнаго, глуха и слѣпа. И если религія прежде всего призвана раскрыть души для божественнаго, то интернаціонализмъ безродныхъ душъ коренится прежде всего въ религіозномъ кризисѣ нашего времени».

Такъ точно мыслилъ и Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, отдавшій свою жизнь служенію идеи Святой Руси.

Свои взгляды на историческое прошлое Россіи Кирѣевскій высказалъ въ печати единственный разъ въ 1845 году въ неоконченной статьѣ въ третьемъ выпускѣ «Москвитянина» подъ заглавіемъ «О древней русской исторіи», въ отвѣтъ на взволновавшую его статью Погодина — «Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ». Погодинъ развивалъ здѣсь модную тогда на Западѣ теорію (Тьерри, Гизо), которая выводила всѣ формы общественной и государственной жизни западныхъ народовъ изъ начальнаго факта: завоеванія. Исходя, какъ изъ нѣкой аксіомы, что норманскіе князья были пассивно призваны славянами, Погодинъ отсюда выводилъ, что древній славянинъ отличался покорностью и равнодушіемъ и что климатъ холодный дѣлалъ человѣка апатичнымъ и не заботящимся о дѣлахъ общественныхъ, поэтому

славяне легко отреклись отъ вѣры отцовъ и приняли христіанство.

Такой хулы на предковъ Кирѣевскій не могъ снести. Онъ вѣрилъ и видѣлъ въ исторіи, что русскій человѣкъ именно и великъ между всѣми народами своей нравственной горячностью, безъ этой вѣры могъ ли онъ ждать обновленія родины?

На статью Кирѣевского Погодинъ возразилъ: «Вы отнимаете у нашего народа терпѣніе и смиреніе — двѣ высочайшія христіанскія добродѣтели». Но терпѣніе и смиреніе нельзя смѣшивать съ равнодушіемъ и апатіей. Погодинъ не понималъ сущности православной аскетики. «Если бы ваше изображеніе русскаго народа было вѣрно», говоритъ Кирѣевскій Погодину, «это былъ бы народъ лишенный всякой духовной силы, всякаго человѣческаго достоинства; изъ его среды никогда не могло бы выйти ничего великаго. Если бы онъ былъ таковъ въ первые два вѣка своихъ лѣтописныхъ воспоминаній, то всю послѣдующую исторію мы были бы должны признать за выдумку, потому что откуда бы взялась у него энергія и благородство? или они были привиты ему варяжскими князьями?» Далѣе Кирѣевскій приводитъ героическіе моменты изъ русской исторіи: отчаянное сопротивленіе татарскому нашествію, смутное время, 1812 годъ и борьбу за Православіе на Западѣ. Онъ говоритъ, что національный характеръ не мѣняется. Этого не понимали Шлецеръ и другіе нѣмецкіе изслѣдователи, которые изучали исторію по скуднымъ лѣтописнымъ свѣдѣніямъ безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Широко пользуясь аналогіями съ древнѣйшей исторіей чеховъ, поляковъ, сербовъ и хорватовъ и пр., Кирѣевскій рисуеъ яркую картину первобытнаго устройства Руси и показываетъ, что и до Рюрика были князья, существовало единство племени.

Среди нашихъ ученыхъ большинство составляютъ норманисты, признающіе первыхъ князей варягами. Этотъ взглядъ не раздѣлялъ великій Ломоносовъ, который былъ всевѣдущъ и геніаленъ не только въ области наукъ естественныхъ. По словамъ одного писателя: «Русская исторія, родившаяся на односторонней почвѣ византійскихъ хроникъ и воспитанная на еще болѣе тенденціозныхъ взглядахъ нѣмецкой исторической науки,

должна черпать свѣдѣнія о древнѣйшихъ эпохахъ русской народной жизни въ богатомъ запасѣ восточныхъ историковъ и писателей, которые имѣли съ древними скифами и руссами гораздо больше общенія, нежели наши западные и многопозднѣйшіе сосѣди». По арабскимъ хроникамъ россы являлись смѣлымъ, воинственнымъ и предприимчивымъ народомъ.

Что же касается до «призванія князей», проф. Ключевскій, разсматривая эту легенду, говоритъ, что это не болѣе какъ «схематическая притча о происхожденіи государства, приспособленная къ пониманію дѣтей школьнаго возраста». . . «Фактъ состоялъ изъ двухъ моментовъ», продолжаетъ онъ, «изъ наемнаго договора съ иноземцами о внѣшней оборонѣ и изъ насильственного захвата власти надъ туземцами». Этотъ «захватъ власти», если онъ и былъ, однако не оставилъ никакого отпечатка на культурѣ нашихъ предковъ. Проф. Рязановскій говорилъ недавно на одной изъ своихъ лекцій студентамъ Берклейскаго Университета, что изъ десяти тысячъ славянскихъ словъ, какія были въ оборотѣ въ Кіевской Руси, нашлось всего лишь шесть словъ скандинавскаго происхожденія. Это вполнѣ доказываетъ полное отсутствіе скандинавскаго воздѣйствія и вліянія на жизнь населенія Кіевской Руси.

И въ отношеніи принятія христіанства дѣло обстояло иначе, чѣмъ утверждалъ Погодинъ: если на югѣ оно было принято легко, благодаря продолжительнымъ сношеніямъ съ христіанскими странами, то, наоборотъ, въ Новгородской области Добрыня и Путята «крестили огнемъ и мечемъ», и язычество изживалось медленно.

Такимъ образомъ, хотя изученіе русской исторіи въ тѣ времена и находилось, можно сказать, въ зачаточной стадіи, но Петръ Кирѣевскій своимъ свѣтлымъ умомъ и чистой душой прозрѣвалъ дальше своихъ современниковъ и пытался упорнымъ трудомъ научно обосновать свою вѣру.

Проф. П. Н. Милуковъ (человѣкъ діаметрально противоположныхъ взглядовъ съ Кирѣевскимъ) такъ говоритъ о достоинствѣ статьи П. В. Кирѣевскаго: «Въ литературѣ онъ, кромѣ нѣсколькихъ статей, выступилъ только съ одной значительной статьей въ «Москвитинѣ» въ 1845 г., въ которой обнаружилъ хорошее

знакомство съ древней исторіей и на основаніи этого знакомства положилъ первое основаніе теоріи патріархальнаго быта. Къ родовой теоріи западниковъ эта теорія стояла ближе, чѣмъ общинная теорія славянофиловъ.»

Братья Кирѣевскіе не примыкали всецѣло ни къ одному изъ существовавшихъ тогда идеологическихъ теченій. Объ этомъ свидѣлствуетъ Герценъ: «Совершенной близости у него (И. В. К-аго) не было ни съ его друзьями, ни съ нами... Возлѣ него стоялъ его братъ и другъ Петръ. Грустно, какъ будто слеза еще не обсохла, будто вчера постигло несчастье, появлялись оба брата на бесѣды и сходки».

Печаль эта понятна: ни тогда, ни послѣ Кирѣевскіе не были должнымъ образомъ поняты и оцѣнены. Они ждутъ до сихъ поръ своего безпристрастнаго изслѣдователя.

Оба брата горячо желали отмѣны крѣпостного права и необходимыхъ реформъ. Но сколь они чуждались лаическаго европейскаго либерализма, точно также осуждали они и возвращеніе ко всякимъ отжившимъ формамъ, называя такую искусственность «китайствомъ». Они жаждали духовнаго обновленія національной жизни. «Что такое національная жизнь?» спрашиваетъ Петръ Кирѣевскій, — «она, какъ и все живое, неуловима ни въ какія формулы. Преданіе нужно»... Преданіе же, какъ понималъ онъ, есть закрѣпленіе русской культуры и преображеніе ея духомъ Православія.

Сдѣлавъ попытку изложить въ краткихъ чертахъ идеологію Петра Кирѣевскаго, перейдемъ теперь къ его характеристикѣ, какъ человѣка и закончимъ его біографію.

Еще въ періодъ ихъ общей юности, Иванъ Кирѣевскій писалъ въ Москву роднымъ (1830) по пріѣздѣ своемъ въ Мюнхенъ о младшемъ братѣ, который, по его словамъ, «остался тотъ же глубокій, горячій, несокрушимо-одинокій, какимъ былъ и будетъ во всю жизнь». Эти слова показываютъ проникновенное пониманіе старшимъ братомъ внутренняго міра Петра Васильевича. Не менѣе вѣрны и другія слова его же, написанныя немного ранѣе изъ Берлина: «Сегодня рожденіе

Петра: Какъ-то проведете въ этотъ день? Какъ грустно должно быть ему! Этотъ день долженъ быть для всѣхъ насъ святымъ: онъ далъ нашей семьѣ лучшее сокровище. Понимать его возвышаетъ душу»...

Дѣйствительно, Иванъ Васильевичъ много обязанъ младшему брату своимъ духовнымъ обновленіемъ. Одинъ изъ біографовъ братьевъ Кирѣевскихъ (В. Лясковскій) говоритъ такъ о совершившемся переворотѣ въ душѣ Ивана Васильевича: Этотъ «переворотъ слѣдуетъ назвать не обращеніемъ невѣрующаго, а скорѣе удовлетвореніемъ ищущаго. Рядомъ съ измѣненіемъ настроенія религіознаго, совершилось въ немъ и измѣненіе взглядовъ историческихъ. Надобно думать, что здѣсь вмѣстѣ съ Хомяковымъ и вѣроятно еще сильнѣе, чѣмъ онъ, дѣйствовалъ на Ивана Васильевича Кирѣевскаго его братъ Петръ Васильевичъ, съ которымъ они постоянно и горячо спорили. Такимъ образомъ, если старецъ Филаретъ оживилъ въ немъ вѣру, то Петру Васильевичу принадлежитъ честь научнаго переубѣжденія брата, которому онъ самъ отдавалъ преимущество передъ собою въ силѣ ума и дарованій»... Окончательный же духовный обликъ Ивана Васильевича сформировался подъ вліяніемъ Оптинскаго старца отца Макарія. Онъ созрѣлъ духовно и его богатѣйшая западно-философская эрудиція получила новое просвѣтленное освѣщеніе подъ дѣйствіемъ Боговдохновенныхъ святыхъ отцовъ. Какъ извѣстно, въ періодъ ихъ возмужалости — оба брата достигли полнаго единомыслія во всемъ. Петръ Васильевичъ ежегодно гостилъ у брата въ Долбинѣ, находившагося всего лишь въ 40 верстахъ отъ Оптиной Пустыни. Семья Кирѣевскихъ была въ непрерывномъ общеніи съ Оптиной и въ полномъ духовномъ послушаніи старцу.

Кромѣ поѣздокъ въ Долбино, Петръ Васильевичъ навѣщалъ свою мать въ ея имѣніи «Петрищево» и бывалъ въ Москвѣ, гдѣ у него былъ свой небольшой домъ. Зимой въ Москвѣ встрѣчалась вся семья. «Домъ Авдотьи Петровны Елагиной, у Красныхъ воротъ,» пишетъ В. Лясковскій, «въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ былъ однимъ изъ умственныхъ центровъ Москвы и, быть можетъ, самымъ значительнымъ по числу и разнообразію посѣтителей, по совокупности умовъ и

талантовъ. Если бѣ начать выписывать всѣ имена, промелькнувшія за 30 лѣтъ въ Елагинской гостиной, то пришлось бы назвать все, что было въ Москвѣ даровитаго и просвѣщеннаго — весь цвѣтъ поэзіи и науки. Въ этомъ — незабвенная заслуга Авдотьи Петровны, умѣвшей собрать этотъ блестящій кругъ.

Время движется своимъ неудержимымъ ходомъ: умираютъ люди, блѣднѣютъ воспоминанія. Немногія страницы, написанныя живымъ перомъ очевидца, сохраняютъ намъ очерки и краски минувшаго. Разказы о Елагинскихъ вечерахъ разбросаны въ запискахъ современниковъ; а одинъ изъ нихъ сохранилъ намъ и обликъ ея гостей: въ числѣ ихъ бывалъ талантливый портретистъ Эмануиль Алекс. Дмитріевъ-Мамоновъ. Въ его рисункахъ, составляющихъ, такъ называемый Елагинскій альбомъ, оживаетъ передъ нами этотъ достопамятный вѣкъ, эти достопамятные люди. Вотъ одинъ изъ рисунковъ: Въ просторной комнатѣ у круглаго стола передъ диваномъ сидитъ Хомяковъ, еще молодой и бритый и, наклонившись что-то читаетъ вслухъ. Влѣво отъ него, спокойный и сосредоточенный Ив. Вас. Кирѣевскій слушаетъ, положивъ руку на столъ. Еще дальше виденъ затылокъ Панова и характерный профиль Валуева. У самого края слѣва, отдѣленный перегородкой дивана, — полный Д. Н. Свербеевъ, въ жабо и въ очкахъ, засунувъ руки въ карманы, тоже внимательно слушаетъ — сочувствуя, но, очевидно, не вполне соглашаясь. Вправо отъ Хомякова старикъ Елагинъ, съ трубкою въ большомъ креслѣ; Шевыревъ въ бесѣдѣ съ молодымъ Елагинымъ; а А. Н. Поповъ съ видомъ нѣкоторой нерѣшительности и рядомъ съ нимъ, у праваго края, Петръ Вас. Кирѣевскій — спокойно набивающій трубку, и около него огромный бульдогъ «Болвашка». Картина эта, какъ большинство Мамоновскихъ рисунковъ, немного каррикатурна, но чрезвычайно выразительна и живописна.»

Однако, если Петръ Васильевичъ ѣздилъ къ брату, или къ матери, или бывалъ въ Москвѣ, то бывалъ онъ всюду не на долго. Его постояннымъ мѣстопробываніемъ была его деревня «Кирѣевская Слободка» возлѣ г. Орла, гдѣ умеръ въ 1882 г. его отецъ. Это имѣніе досталось ему послѣ семейнаго раздѣла въ концѣ 1837

года. Производство этого раздѣла выпало на долю Петра Васильевича и стоило ему много силъ и заботъ. «Какое Петрикъ», пишетъ его сестра Марія Васильевна, «совсѣмъ дѣловой человѣкъ сдѣлался». Дѣйствительно, онъ, хотя и былъ съ одной стороны человѣкомъ «не отъ міра сего», но съ другой стороны свойственная ему исполнительность заставляла его дѣйствовать толково и аккуратно.

Такимъ онъ былъ и въ отношеніи собственныхъ дѣлъ. «Петръ Васильевичъ», пишетъ В. Лясковскій, «всей душой полюбилъ свою «Слободку». Съ первыхъ же лѣтъ своей одинокой деревенской жизни принялся онъ за разведеніе сада и лѣса. И теперь еще приносятъ плодъ его яблони и мелькаютъ въ березовыхъ перелѣскахъ съ любовью посаженные имъ купы елокъ; вблизи дома еще качаетъ длинными вѣтвями одинъ изъ выращенныхъ имъ грецкихъ орѣховъ... и цвѣтутъ его любимыя персидскія сирени...» (написано въ концѣ столѣтія). Но не одному саду посвящалъ свои заботы внимательный хозяинъ. Сохранилась небольшая его записка, на которой отмѣченъ счетъ всѣхъ растущихъ въ имѣніи деревьевъ, дубовъ и березъ — болѣе 20 тысячъ — съ подробнымъ указаніемъ въ какомъ лѣгу сколько чего растетъ. А о хозяйственной порядливости Петра Васильевича говорятъ приходо-расходныя книги, которыя онъ велъ до копейки и до пуда хлѣба въ теченіе 20-ти лѣтъ.

Но въ тѣ времена вся сила и весь смыслъ хозяйства заключались не въ счетоводствѣ и не въ полеводствѣ, а въ живой связи съ крестьяниномъ, въ умѣніи разумно пользоваться его трудомъ, и въ искреннемъ желаніи въ свою очередь отдавать свой трудъ на пользу ему. Немногіе понимали эту задачу во всей ея широтѣ: въ числѣ этихъ немногихъ былъ Петръ Васильевичъ. Близкій къ народу съ дѣтства, онъ зналъ его, любилъ и привыкъ входить въ мелкія нужды крестьянъ. А въ голодный 1840 г. онъ роздалъ не только своимъ, но и чужимъ все содержимое своихъ амбаровъ.

Здѣсь — въ «Слободкѣ», Кирѣевскій ушелъ съ головой въ книжныя занятія. Это былъ трудъ, напоминающій трудъ одинокаго рудокопа, который по одному ему извѣстнымъ признакамъ отыскиваетъ золото-

носную жилу. Точно груды земли, выброшенные изъ глубины на поверхность лопатой, накоплялись цѣлыя корзины выписокъ и замѣтокъ — результатъ пристальнаго изученія и сличенія лѣтописей, актовъ, изслѣдованій. Накоплялись огромныя знанія, глазъ изощрялся видѣть въ подземной тьмѣ прошлаго, и, что главное, все явственнѣе обозначались предъ взоромъ основныя линіи этого прошлаго — **строй національнаго русскаго духа**, чего именно и искалъ Кирѣевскій. Онъ интуитивно зналъ этотъ строй въ его цѣлостной полнотѣ и любилъ его во всѣхъ его проявленіяхъ, но ему нужно было еще узнать его иначе — то есть сознательно, или научно, и показать его другимъ и заставить ихъ полюбить его, какъ онъ любилъ. Оттого онъ изучалъ лѣтописи и оттого собиралъ пѣсни, чтобы сохранить ихъ, чтобы познакомить съ ними русское общество, — именно съ этой двойкой цѣлью.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ результатѣ этихъ многолѣтнихъ розысковъ и размышленій, онъ выработалъ себѣ опредѣленный взглядъ на прошлое русскаго народа, то есть по-своему ретроспективно вывелъ это прошлое изъ основныхъ свойствъ русскаго національнаго духа. Но возстановить его мысль невозможно, потому что онъ откладывалъ изложеніе своихъ мыслей «въ связномъ видѣ. «Частью отъ свойства моихъ занятій», какъ объясняетъ онъ Кошелеву, «т. е. раскапыванія старины, причемъ нельзя ни шагу двинуться безъ тысячи справокъ и повѣрокъ и безъ ежеминутной борьбы съ цѣлой фалангой предшественниковъ, изувѣчившихъ и загрязнившихъ ее до-нельзя». Смерть его унесла рано — въ расцвѣтѣ умственныхъ и духовныхъ силъ и не было ему суждено довести до конца кропотливыхъ трудовъ своей жизни... Петръ Васильевичъ говорилъ и писалъ на семи языкахъ. Въ его библіотекѣ (если считать славянскія нарѣчія) заключалось 16 языковъ. Ни на чемъ такъ не отпечатлѣлся характеръ Петра Васильевича, какъ на его библіотекѣ, которую онъ старательно собиралъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Это огромное собраніе книгъ, болѣе всего историческихъ, тщательно подобранныхъ, заботливо переплетенныхъ, съ надписью почти на каждой бисернымъ почеркомъ: «П. Кирѣевскій», со множествомъ вложен-

ныхъ въ нихъ листочковъ, исписанныхъ замѣчаніями (нигдѣ не надписанныхъ на поляхъ) — все это свидѣтельствуешь о щепетильной точности, о любви къ порядку и изяществу, о неимовѣрной усидчивости и трудолюбіи... «Своенародности подвижникъ просвѣщенный», какъ его называлъ Языковъ, былъ дѣйствительнымъ подвижникомъ и не только въ своей работѣ. Тому, кто не читалъ его писемъ, невозможно дать представленіе объ удивительной простотѣ и скромности этого человѣка, о его врожденной, такъ сказать, самоотреченности. Ему самому ничего не нужно, — что случайно есть, то и хорошо. Мысль о личномъ счастьи, вѣроятно, никогда не приходила ему въ голову: онъ жилъ для другихъ и для дѣла своей совѣсти.

А онъ обладалъ богатыми задатками для радости и счастья, не только потому, что былъ умственно одаренъ, но потому, что сердце у него было горячее и нѣжное. Если онъ кого любилъ, то любилъ безраздѣльно. Такъ любилъ онъ прежде всего брата Ивана, мать, ея дѣтей отъ Елагина, слишкомъ любилъ, съ постоянной тревогой за нихъ. Онъ никогда не былъ женатъ, и не потому, что такъ случилось, а потому, что онъ такъ рѣшилъ. Онъ какъ-то писалъ брату: «Ты знаешь, что другихъ дѣтей, кромѣ твоихъ, я не хочу, и у меня не будетъ». Надо полагать, онъ боялся взять на себя крестъ новой любви, къ женѣ и дѣтямъ, потому что всякая любовь обходилась ему слишкомъ дорого... Такъ любилъ онъ и друзей. Еще въ молодые годы, сразу послѣ семейнаго раздѣла (1837) онъ увезъ изъ Симбирской деревни больного Языкова въ Москву, а оттуда за границу и тамъ многіе мѣсяцы выхаживалъ его. Послѣ отъѣзда Кирѣевскаго, Языковъ писалъ о немъ: «Итакъ, годъ жизни пожертвовалъ онъ мнѣ, промѣнялъ сладостные труды ученаго на возню съ больнымъ, на хлопоты и заботы самыя прозаическія. За терпѣніе, которымъ онъ побѣждалъ скуку лазаретнаго странствованія и пребыванія со мной, за смиреніе, съ которымъ онъ переносилъ всѣ мои невзгоды и причуды; за тихость и мягкость нрава, за доброту сердца и возвышенность духа, которыми я умилялся въ минуты своихъ страданій и болѣзненной досадливости, за все,

чѣмъ онъ меня бодрилъ, укрѣплялъ и утѣшалъ, за все да вознаградить его Богъ Своею благостью».

И точно также ухаживалъ онъ за Титовымъ, захворавшимъ въ пути, и довозить его до Касселя, уклоняясь отъ своей дороги; няньчится съ Погодинымъ, когда была больна жена этого послѣдняго.

Но доброта Петра Васильевича простиралась и на совершенно чужихъ людей. 15 лѣтъ прожилъ въ Слободкѣ нѣкій землемѣръ, который попросился всего лишь перезимовать одну зиму. «А я», жалуется Кирѣевскій, «не нашелъ въ головѣ благовидной причины ему отказать; и именно теперь, когда я желалъ не видѣть ни одного человѣческаго лица!» Мало того, бѣдныя родственницы этого землемѣра заняли помѣщеніе въ Московскомъ его домѣ.

Впечатлѣніе, которое производилъ Петръ Васильевичъ на людей его знавшихъ, кто бы они ни были, — друзья, или политическіе противники, совершенно единодушны, всѣ находились подъ обаяніемъ его личности. И точно, не только Хомяковъ называлъ его «чудной и чистой душой», но и Герценъ преклонялся передъ его благородствомъ. Въ 1840 г. Герценъ писалъ о немъ: «странный, но замѣчательно умный и благородный человѣкъ». И еще въ 1855 г., когда они давно разошлись, и принадлежали къ враждебнымъ лагерямъ, Грановскій еще за нимъ, да за И. С. Аксаковымъ, признавалъ «живую душу и безкорыстное желаніе добра». Другой «врагъ» И. С. Тургеневъ, въ тѣ же поздніе годы, дружилъ съ Кирѣевскимъ: «На дняхъ я былъ въ Орлѣ», пишетъ онъ, «и оттуда ѣздилъ къ Петру Васильевичу Кирѣевскому и провелъ у него 3 часа. Это человѣкъ хрустальной чистоты и прозрачности — его нельзя не полюбить». Но еще больше выигрывалъ онъ, что рѣдко бываетъ при близкомъ знакомствѣ; тѣмъ людямъ, которые имѣли съ нимъ въ теченіе долгаго времени ежедневное общеніе, онъ внушалъ чувство близкое къ благоговѣнію, какъ это видно по воспоминаніямъ А. Марковича и П. И. Якушкина. Въ газетномъ некрологѣ К. Д. Кавелинъ писалъ о немъ: «Безупречная, высокая нравственная чистота, незлобивость сердца, непримѣрное и неизмѣнное его прямодушіе и простота дѣлали этого замѣчательнаго чело-

вѣка образцомъ, достойнымъ всякаго подражанія, но которому подражать было очень трудно».

Съ внѣшней стороны Петръ Васильевичъ былъ простой степной помѣщикъ — съ усами, въ венгеркѣ, съ трубкой въ зубахъ и съ неотступно слѣдовавшимъ за нимъ всюду водолазомъ «Киперомъ», котораго крестьяне называли «Ктиторомъ». Онъ любилъ охоту и къ нему часто прїѣзжали московскіе друзья поохотиться. Надобно было поговорить съ нимъ, чтобы угадать ту громаду знаній, которая скрывалась за этой обыденной внѣшностью.

Онъ началъ серьезно хворать уже съ конца 40 г.г., а съ 1853 г. у него часто повторялись мучительные припадки какой-то болѣзни, которую врачи опредѣляли то какъ ревматизмъ, то какъ болѣзнь печени. Онъ переносилъ эти припадки одинъ въ своей Слободкѣ, иногда по долгу дожидаясь врача, безъ всякой мнительности, только досадуя каждый разъ на болѣзнь, какъ на помѣху, и огорчаясь, что она дѣлаетъ его «кислымъ», или «прѣснымъ». Роднымъ онъ въ это время писалъ трогательныя письма, въ которыхъ завѣрялъ, что говорить всю правду о своей болѣзни и умолялъ не беспокоиться. Его письма къ роднымъ вообще удивительно хороши, столько въ нихъ любви, нѣжности, доброты. Въ одномъ изъ нихъ къ матери есть такія строки (обращенныя къ Ек. Ив. Елагиной, женѣ его единокровнаго брата Василія): «А это какъ же могло быть, чтобы я не сердился, голубушка Катя? хотя уже давно ты ко мнѣ не писала, но я изъ этого не заключалъ, чтобы ты обо мнѣ забыла, а только ждалъ, что авось-либо дескать захочется и ей написать». Таковъ тонъ его писемъ.

11 іюня 1856 г. внезапно умеръ въ Петербургѣ И. В. Кирѣевскій. Этой потери Петръ не могъ перенести. 4 ноября въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появился некрологъ, написанный Кавелинымъ: «25 октября въ 5 ч. утра скончался въ своей орловской деревнѣ П. В. Кирѣевскій, переживъ своего брата И. В. К-аго лишь нѣсколькими мѣсяцами. Короткое письмо, изъ котораго заимствовано это печальное извѣстіе содержитъ немногія объ этомъ подробности: Петръ Васильевичъ умеръ съ горя отъ кончины брата, котораго нѣжно лю-

билъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и 4-хъ дней онъ страдалъ разлитіемъ желчи, страшно мучился отъ этой болѣзни и находился въ мрачномъ состояніи духа; но до конца всегдашня, чрезвычайная кротость ему не измѣняла. Онъ умеръ въ совершенной памяти, съ полнымъ присутствіемъ ума; за минуту передъ смертью перекрестился и самъ сложилъ на груди руки, въ томъ положеніи, какъ складываютъ ихъ обыкновенно покойникамъ». Его послѣднія слова были: «Мнѣ очень хорошо». При немъ была мать, братья Елагины и др. Похоронили его въ Оптиной Пустыни, рядомъ съ братомъ.

Г л а в а X .

Старецъ Амвросій.

1812 - 1891.

Старецъ іеросхимонахъ Амвросій родился 23-го ноября 1812 года, въ с. Большой Липовицѣ Тамбовской губ. и того же уѣзда, отъ пономаря Михаила Ѳеодоровича и жены его Марѣы Николаевны Гренковыхъ. Новорожденного назвали во св. крещеніи Александромъ въ честь Благовѣрнаго В. К. Александра Невского, память котораго прилась въ самый день рожденія младенца. Имя это носилъ и благословенный царь Александръ Павловичъ и, ввиду того, что въ это самое время происходило отступленіе изъ Россіи Наполеоновской арміи, причинившей столько разрушеній и горя, есть основаніе думать, что въ этотъ день многострадальная Русь особо праздновала день Святого, тезоименнаго Царю Благословенному. Среди крестьянъ с. Липовицы наблюдалось большое праздничное движеніе. Передъ рожденіемъ младенца, къ дѣду его, священнику этого села, съѣхалось много гостей. Родительница была переведена въ баню. 23 ноября въ домъ о. Ѳеодора была большая суматоха, — и въ домѣ былъ народъ и передъ домомъ толпился народъ. Старецъ шутливо приговаривалъ: «Какъ на людяхъ я родился, такъ все на людяхъ и живу».

У причетника Михаила Ѳеодоровича всѣхъ дѣтей было восемь человекъ, четыре сына и четыре дочери; Александръ Михайловичъ былъ шестымъ изъ нихъ.

Въ дѣтствѣ Александръ былъ очень бойкій, веселый и смышленный мальчикъ. Онъ преданъ былъ дѣтскимъ забавамъ, такъ сказать, всѣмъ своимъ существомъ; и потому въ домѣ ему не сидѣлось. Поручала ему иногда мать покачать колыбель одного изъ младшихъ дѣтей своихъ. Мальчикъ обыкновенно садился

за скучную для него работу, но лишь до тѣхъ поръ, пока мать, занятая домашними дѣлами, не упускала его изъ виду. Тогда осторожно пробирался онъ къ окну, также осторожно открывалъ его, и мгновенно исчезалъ изъ комнаты, чтобы порѣзвиться со своими сверстниками. Разсказывалъ еще самъ Старецъ и еще о нѣкоторыхъ своихъ дѣтскихъ проказахъ: какъ однажды онъ было полѣзъ подъ крышу за голубями, но упалъ и ободралъ себѣ спину; между тѣмъ никому изъ домашнихъ не посмѣлъ сказать объ этомъ, боясь еще наказанія за шалость. А въ другой разъ, несмотря на замѣчаніе матери, не переставалъ стегать у себя на дворѣ одну смирную лошадку, которая, выйдя изъ терпѣнія, поранила его копытомъ въ голову. Понятно, что за подобное поведеніе Александра не любили въ семьѣ. Къ нему не имѣли особеннаго расположенія ни дѣдъ, ни бабка, ни даже родная мать, которая болѣе всего любила старшаго своего сына Николая и младшаго Петра.

Смышленный Саша очень хорошо понималъ свое неловкое положеніе среди нелюбившей его родной семьи, хотя можетъ быть и не зналъ тому причины, а м. б. отчасти и зналъ, да не могъ и не умѣлъ вести себя такъ, чтобъ заслужить любовь старшихъ членовъ семьи. Тѣмъ не менѣе по временамъ ему досадно было, что его младшій братишка пользуется, сравнительно съ нимъ, особенною все семейною любовью. «Однажды», такъ въ послѣдствіи передавалъ самъ Старецъ, «очень раздосадованный этимъ, я рѣшилъ отомстить брату. Зная, что дѣдъ мой не любитъ шуму, и что, если мы дѣти бывало разшумимся, то онъ насъ всѣхъ безъ разбора, и праваго и виноватаго, отдеретъ за чубъ, я, чтобы подвести своего братишку подъ тяжелую руку дѣда, раздражилъ его. Тотъ закричалъ, и выведенный изъ терпѣнія дѣдъ, отодралъ и меня и его. А послѣднее-то мнѣ и нужно было. Впрочемъ мнѣ, и помимо дѣда, досталось за это порядкомъ и отъ матери и отъ бабки». Разсказывая про свои дѣтскія продѣлки, смиренный старецъ укорялъ себя передъ слушателями: «Покаюсь передъ вами, — дѣлалъ я то-то и то-то».

На самомъ дѣлѣ, онъ былъ просто живой ребенокъ, какъ ртуть, и не былъ въ состояніи ходить по стрункѣ, какъ требовалось въ строго-патріархальной семьѣ.

По обычаю того времени учился онъ читать по славянскому букварю, часослову и псалтири. Каждый праздникъ онъ вмѣстѣ съ отцомъ пѣлъ и читалъ на клиросѣ. Онъ никогда не видѣлъ и не слышалъ ничего худого, т. к. воспитывался въ строго церковной и религіозной средѣ.

При наступленіи поры ученія, юноша былъ определенъ сначала въ духовное училище, а потомъ въ семинарію. Изъ строгой семейной обстановки, онъ попалъ, по тому времени, въ еще болѣе строгую — школьную. Способности его были исключительныя. Говорилъ его товарищъ по семинаріи: «тутъ, бывало, на послѣднія деньги купишь свѣчку, твердишь-твердишь заданные уроки; онъ же (Гренковъ) и мало занимается, а придетъ въ классъ, станетъ наставнику отвѣчать, — точно какъ по писанному, лучше всѣхъ». Въ іюлѣ 1836 года Александръ Гренковъ прекрасно окончилъ курсъ наукъ при добромъ поведеніи.

Сначала Александръ Михайловичъ служилъ домашнимъ учителемъ, а потомъ поступилъ наставникомъ въ Липецкое духовное училище.

Вскорѣ онъ тяжело заболѣлъ. Надежды на поправленіе почти не было и онъ далъ обѣтъ въ случаѣ выздоровленія пойти въ монастырь.

Хотя онъ и выздоровѣлъ, но внутренняя борьба продолжалась еще долго. Александръ Михайловичъ былъ по природѣ жизнерадостнымъ, веселымъ, душою общества. Вотъ, какъ самъ Старецъ рассказываетъ объ этомъ періодѣ своей жизни: «Послѣ выздоровленія я цѣлыхъ 4 года все жался, не рѣшался сразу покончить съ міромъ, а продолжалъ попрежнему посѣщать знакомыхъ и не оставлялъ своей словоохотливости... Придешь домой — на душѣ непокойно; и подумаешь: ну, теперь уже все кончено навсегда, — совсѣмъ перестану болтать. Смотришь, опять позвали въ гости и опять наболтаешь. И такъ я мучился цѣлыхъ 4 года». Для облегченія душевнаго онъ сталъ по ночамъ уединяться и молиться, но это вызывало насмѣшки товарищей, надъ нимъ издѣвались.

Лѣтомъ 1839 года по дорогѣ на богомолье въ Троице-Сергіеву Лавру, Александръ Михайловичъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ П. С. Покровскимъ заѣхали въ

Троеруково къ извѣстному затворнику о. Иларіону. Святой подвижникъ принялъ молодыхъ людей отечески и далъ Александру Михайловичу вполнѣ опредѣленное указаніе: «Иди въ Оптину, ты тамъ нуженъ». Впослѣдствіи самъ старецъ Амвросій полагалъ, что о. Иларіонъ указалъ на Оптину, вслѣдствіи процвѣтавшаго тамъ старчества. Какъ извѣстно, у преп. Серафима, скончавшагося шесть лѣтъ до этого, не было учениковъ среди саровскихъ монаховъ и потому въ Саровѣ не существовало преемственного старчества.

Покровскому о. Иларіонъ далъ разрѣшеніе еще пожить въ міру. Онъ поступилъ въ Оптину позднѣе.

Вернувшись въ Липецкъ, Александръ Михайловичъ, по своимъ словамъ, продолжалъ еще «жаться» и не сразу могъ рѣшиться порвать съ міромъ. Случилось это, однако, послѣ одного вечера въ гостяхъ, когда онъ былъ особенно въ ударѣ, смѣшилъ всѣхъ присутствующихъ до упада. Всѣ были веселы и довольны и въ прекрасномъ настроеніи разошлись по домамъ. Что же касается до Александра Михайловича, если и раньше въ такихъ случаяхъ онъ чувствовалъ раскаяніе, то теперь его воображенію живо представился его обѣтъ, данный Богу, вспомнилось ему горѣніе духа въ Троицкой Лаврѣ, и прежнія долгія молитвы, воздыханія и слезы, опредѣленіе Божіе, переданное черезъ о. Иларіона и на ряду съ этимъ почувствовалъ свою несостоятельность и шаткость своихъ намѣреній.

На утро рѣшимость на этотъ разъ твердо созрѣла. Александръ Михайловичъ рѣшилъ бѣжать въ Оптину тайно отъ всѣхъ, не испросивъ даже разрѣшенія епархіальнаго начальства.

Будучи уже въ Оптиной, онъ доложилъ о своемъ намѣреніи Тамбовскому архіерею. Онъ опасался, что угрозы родныхъ и знакомыхъ поколебають его рѣшимость, и потому ушелъ тайно.

Мы видимъ изъ этого разсказа, какими чертами характера обладалъ по натурѣ о. Амвросій: его неимовѣрную живость, смѣтливость, выдающіяся способности все схватывать на лету, общительность, остроуміе. Это была сильная, творческая, богатая натура.

Впослѣдствіи всѣ эти качества, составлявшія его сущность, не исчезли въ немъ, но по мѣрѣ его духов-

наго возрастанія, преображались, одухотворялись (сублимировались), проникались Божіей благодатью, давая ему возможность, подобно Апостолу, стать «всѣмъ вся», чтобы приобрести многихъ.

Прибывъ въ Оптину, Александръ Михайловичъ засталъ при жизни самый цвѣтъ ея монашества: такихъ ея столповъ, какъ игуменъ Моисей, старцы Левъ (Леонидъ) и Макарій. Начальникомъ скита былъ равный имъ по духовной высотѣ іеросхимонахъ Антоній, братъ о. Моисея, подвижникъ и прозорливецъ.

Кромѣ нихъ, среди братіи было не мало выдающихся подвижниковъ: 1. Архим. Мельхиседекъ, древній старецъ, въ свое время удостоенный бесѣдъ съ свят. Тихономъ Задонскимъ.

2. Флотскій іеромонахъ Геннадій, подвижникъ, бывшій дважды духовникомъ Императора Александра I-го.

3. Іеродіаконъ Меѳодій, прозорливый, лежавшій 20 лѣтъ на одрѣ болѣзни.

4. Бывшій Валаамскій игуменъ Варлаамъ, имѣвшій даръ слезъ и добродѣтель крайняго нестяжанія. Приходили воры. «А васъ, батюшка, воры обокрали?», спросили его. «Что же красть-то? Щепки что-ли?!», улыбнулся старецъ. Онъ былъ сотаинникъ преп. Германа Аляскинскаго, въ юные ихъ годы на Валаамѣ.

5. Іеродіаконъ Палладій. Тоже нестяжатель. Созерцатель. Знатокъ церковнаго чиноположенія.

6. Іеросхимонахъ Іоаннъ. Изъ раскольниковъ. Незлобивый. Съ дѣтской простотой. Съ любовью давалъ совѣты. Всѣми любимый.

7. Іеромонахъ Иннокентій — духовникъ старца Макарія. Любитель безмолвія, и другіе.

Вообще все иночество подъ руководствомъ старцевъ носило на себѣ отпечатокъ духовныхъ добродѣтелей: простота (нелукавство), кротость и смиреніе — были отличительными признаками оптинскаго монашества. Младшая братія старалась всячески смиряться, не только передъ старшими, но и передъ равными, боясь даже взглядомъ оскорбить другого и при малѣйшемъ поводѣ немедленно просили другъ у друга прощеніе.

Въ такой высокаго духовнаго уровня монашеской средѣ оказался новопривышій молодой Гренковъ.

Сначала онъ жилъ на гостиницѣ, переписывая для старца Льва книгу о борьбѣ со страстями: «Грѣшныхъ Спасеніе».

Въ январѣ 1840 года онъ перешелъ жить въ монастырь, пока еще не одѣваясь въ подрясникъ.

Въ это время шла канцелярская переписка съ епархіальными властями по поводу его исчезновенія и еще не послѣдовалъ отъ калужскаго архіерея указъ настоятелю Оптиному о принятіи въ обитель учителя Гренкова.

Въ апрѣлѣ 1840 года, Александръ Михайловичъ Гренковъ былъ, наконецъ, одѣтъ въ монашеское платье. Онъ былъ нѣкоторое время келейникомъ старца Льва и его чтецомъ (правило и службы). Работалъ на хлѣбнѣ, варилъ хмелины (дрожжи), пекъ булки и былъ здоровъ.

Затѣмъ въ ноябрѣ 1840 года его перевели въ скитъ. Оттуда молодой послушникъ не переставалъ ходить къ старцу Льву для назиданія.

Въ скиту онъ былъ помощникомъ повара цѣлый годъ. Ему часто приходилось по службѣ приходить къ старцу Макарію, то благословляться относительно кушаній, то ударять къ трапезѣ, то по инымъ поводамъ. При этомъ онъ имѣлъ возможность сказать старцу о своемъ душевномъ состояніи и получить отвѣты. Цѣль была: чтобы не искушеніе побѣждало человѣка, а чтобы человѣкъ побѣждалъ искушеніе.

Старецъ Левъ особенно любилъ молодого послушника, ласково называя его Сашей. Но изъ воспитательныхъ побужденій испытывалъ при людяхъ его смиреніе. Дѣлалъ видъ, что гремитъ противъ него гнѣвомъ. Съ этой цѣлью далъ ему прозвище «Химера». Подъ этимъ словомъ онъ подразумѣвалъ пустоцвѣтъ, который бываетъ на огурцахъ. Но за глаза про него говорилъ: «Великій будетъ человѣкъ».

При концѣ жизни, старецъ Левъ призывалъ батюшку о. Макарія и сказалъ ему объ о. Амвросіи: «Вотъ человѣкъ больно ютится къ намъ старцамъ. Я теперь уже очень слабъ. Такъ вотъ я и передаю тебѣ его изъ полы въ полу, владѣй имъ, какъ знаешь».

Думается, что эти полы великихъ старцевъ были

для близкаго къ нимъ ученика подобіємъ милоти Иліиной, брошенной на Елисея.

Старець Амвросій.

Послѣ смерти старца Льва, братъ Александръ сталъ келейникомъ старца Макарія (1841-46). Въ 1842 г. онъ былъ постриженъ въ мантию и нареченъ Амвросіемъ (память 7 декабря). Затѣмъ послѣдовало іеродіаконство (1843), а черезъ 2 года (1845) — рукоположеніе въ іеромонахи.

Для этой цѣли (посвященія) о. Амвросій поѣхалъ въ Калугу. Былъ сильный холодъ. О. Амвросій, изнуренный постомъ, схватилъ сильную простуду, отразившуюся на внутреннихъ органахъ. Съ этихъ поръ онъ уже никогда не могъ поправиться по настоящему.

Вначалѣ, когда о. Амвросій еще какъ-то держался, однажды пріѣзжалъ въ Оптину преосв. Николай Калужскій. Онъ сказалъ о. Амвросію: «А ты помогай о. Макарію въ духовничествѣ. Онъ ужъ старъ становится. Вѣдь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская». О. Амвросію было тогда 34 года. Ему часто приходилось имѣть дѣло съ посѣтителеми, передавать старцу ихъ вопросы и давать отъ старца отвѣты. Такъ было до 1846 г., когда послѣ новаго приступа своего недуга о. Амвросій былъ вынужденъ по болѣзни выйти за штатъ, будучи признанъ неспособнымъ къ послушаніямъ и сталъ числиться на иждивеніи обители, какъ инвалидъ. Онъ съ тѣхъ поръ уже не могъ совершать литургій; еле передвигался, страдалъ отъ испарины, такъ что переодѣвался и переобувался по нѣскольکو разъ въ сутки. Не выносилъ холода и сквозняковъ. Пищу употреблялъ жидкую, перетиралъ теркой, вкушалъ очень мало.

Несмотря на болѣзнь, о. Амвросій остался по прежнему въ полномъ послушаніи у старца, даже въ малѣйшей вещи давалъ отчетъ ему.

Теперь на него была возложена переводческая работа, приготовленіе къ изданію святоотеческихъ книгъ. Имъ была переведена на легкій обще-понятный славянскій языкъ «Лѣствица» Іоанна, игумена Синайскаго.

«Можно думать», говоритъ составитель его житія, «что эти книжныя занятія имѣли для о. Амвросія и весьма воспитательное значеніе въ жизни духовной. Одинъ изъ участниковъ этихъ занятій, между прочимъ, пишетъ: «Какъ щедро были мы награждены за малые труды наши! Кто изъ внимающихъ себѣ не отдалъ бы нѣсколькихъ лѣтъ жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши: это объясненія Старца Макарія, на такія мѣста писаній отеческихъ, о которыхъ, не будь этихъ занятій, никто не посмѣлъ бы и спросить его; а если бы и дерзнулъ на сіе, то несомнѣнно получилъ бы смиренный отвѣтъ: «я не знаю сего, это не моей мѣры; мо-

жетъ быть ты достигъ ея, а я знаю лишь: даруй ми, Господи, зрѣти моя прегрѣшенія! Очисти сердце, тогда и поймешь».

Этотъ періодъ жизни о. Амвросія являлся, какъ самый благопріятный для прохожденія имъ искусства изъ искусствъ — умной молитвы. Однажды старецъ Макарій спросилъ своего любимаго ученика о. Амвросія: «Угадай, кто получилъ свое спасеніе безъ бѣдъ и скорбей?» Самъ старецъ Амвросій приписывалъ такое спасеніе своему руководителю старцу Макарію. Но въ жизнеописаніи этого старца сказано, что «прохожденіе имъ умной молитвы, по степени тогдашняго духовнаго его возраста, было преждевременнымъ и едва не повредило ему».

Главною причиною сего было то, что о. Макарій не имѣлъ при себѣ постояннаго руководителя въ этомъ высокомъ духовномъ дѣланіи. Отецъ же Амвросій имѣлъ въ лицѣ о. Макарія опытнѣйшаго духовнаго наставника, восшедшаго на высоту духовной жизни. Поэтому онъ могъ обучаться умной молитвѣ дѣйствительно «безъ бѣдъ», т. е. минуя козни вражія, вводящія подвижника въ прелесть, и «безъ скорбей», приключающихся вслѣдствіе нашихъ ложно-благовидныхъ желаній, которыми мы себя часто обманываемъ. Внѣшнія же скорби (какъ болѣзнь) считаются подвижниками полезными и душеспасительными. Да и вся, съ самаго начала, иноческая жизнь о. Амвросія, подъ окормленіемъ мудрыхъ старцевъ, шла ровно, безъ особыхъ преткновеній, направляемая къ большому и большому совершенствованію духовному.

А что стяжаніе, при помощи Божіей, высокой умной молитвы есть, такъ сказать, вѣнецъ; или завершеніе спасенія, содѣваемого на землѣ человѣкомъ, можно видѣть изъ словъ Іоанна Лѣствичника, который опредѣлилъ молитву «пребываніемъ и соединеніемъ человѣка съ Богомъ; ибо кто соединился съ Богомъ и пребываетъ въ Немъ, тотъ, хотя еще находится въ семъ бренномъ тѣлѣ, но уже спасенъ».

Что слова о. Макарія относились къ о. Амвросію, можно видѣть еще и изъ того, что о. Амвросій въ послѣдніе годы жизни своего старца, достигъ уже высокаго совершенства въ жизни духовной. Ибо, какъ въ свое

время старецъ Левъ называлъ о. Макарія святымъ, также теперь и старецъ Макарій относился къ о. Амвросію.

Но это не мѣшало ему подвергать его ударамъ по самолюбію, воспитывая въ немъ строгаго подвижника нищеты, смиренія, терпѣнія и др. иноческихъ добродѣтелей. Когда однажды за о. Амвросіемъ заступились: «Батюшка, онъ человѣкъ больной!» — «А я развѣ хуже тебя знаю», скажетъ старецъ. «Но вѣдь выговоры и замѣчанія монаху, это щеточки, которыми стирается грѣховная пыль съ его души; а безъ сего, монахъ заржавѣтъ».

Еще при жизни старца, съ его благословенія, нѣкоторые изъ братіи приходили къ о. Амвросію для откровенія помысловъ.

Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ о. игуменъ Маркъ (впослѣдствіи окончившій жизнь на покоѣ въ Оптиной): «Сколько могъ я замѣтить», говоритъ онъ, «о. Амвросій жилъ въ это время въ полномъ безмолвіи. Ходилъ я къ нему ежедневно для откровенія помысловъ, и почти всегда заставлялъ его за чтеніемъ святоотеческихъ книгъ; если же не заставлялъ его въ кельѣ, то это значило, что онъ находится у старца Макарія, которому помогалъ въ корреспонденціи съ духовными чадами, или трудился въ переводахъ святоотеческихъ книгъ. Иногда же я заставлялъ его лежащимъ на кровати и слезящимъ но всегда сдержанно и едва примѣтно. Мнѣ казалось, что старецъ всегда ходилъ передъ Богомъ, или какъ бы всегда ощущалъ присутствіе Божіе, по слову псалмопѣвца: «предзрѣхъ Господа предо мною выну» (Пс. 15, 8), а потому все, что ни дѣлалъ, старался Господа ради и въ угодность Господу творить. Чрезъ сіе онъ всегда былъ сѣтованенъ, боясь какъ чѣмъ не оскорбить Господа, — что отражалось и на лицѣ его. Видя такую сосредоточенность своего Старца, я въ присутствіи его всегда былъ въ трепетномъ благоговѣніи. Да иначе мнѣ и нельзя было быть. — Ставшему мнѣ по обыкновенію предъ нимъ на колѣна и получившему благословеніе, онъ бывало весьма тихо сдѣлаетъ вопросъ: «Что скажешь, брате, хорошенькаго?» Озадаченный его сосредоточенностью и благоумиленіемъ, я бывало скажу: простите, Господа ради, батюшка, м. б. я не во-время пришелъ?» — «Нѣтъ, скажетъ Старецъ, говори нужное, но вкратцѣ». И, выслушавъ меня со внима-

ніємъ, преподасть полезное наставленіе съ благословеніємъ и отпустить съ любовью. Наставленія же онъ преподавалъ не отъ своего мудрованія и разсужденія, хотя и богатъ былъ духовнымъ разумомъ. Если онъ училъ духовно относившихся къ нему, то въ чинѣ учащагося, и предлагалъ не свои совѣты, а непременно дѣятельное ученіе свв. Отцовъ». Если же о. Маркъ жаловался о. Амвросію на кого-либо обидѣвшаго его — «Старець, бывало, скажетъ плачевнымъ тономъ: «Брате, брате! я человѣкъ умирающій». Или: «я сегодня-завтра умру. Что я сдѣлаю съ этимъ братомъ? Вѣдь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться предъ братомъ, — и успокоишься». Такой отвѣтъ вызывалъ въ душѣ о. Марка самоукореніе и онъ, смиренно поклонившись Старцу и испросивъ прощеніе, уходилъ успокоенный и утѣшенный «какъ на крыльяхъ улеталъ».

Кромѣ монаховъ, о. Макарій сближалъ о. Амвросія и съ своими мірскими духовными чадами. Видя его бесѣдующаго съ ними, старецъ Макарій шутливо промолвить: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросій-то у меня хлѣбъ отнимаетъ».

Такъ старецъ Макарій постепенно готовилъ себѣ достойнаго преемника. Когда же старецъ Макарій представился (7 сент. 1860), хотя онъ не былъ прямо назначенъ, но постепенно обстоятельства такъ складывались, что о. Амвросій сталъ на его мѣсто.

Послѣ смерти архимандрита о. Моисея, настоятелемъ былъ избранъ о. Исаакій, который относился къ о. Амвросію, какъ къ своему старцу до самой его смерти. Такимъ образомъ въ Оптиной Пустыни не существовало никакихъ треній между начальствующими лицами.

Старець перешелъ на жительство въ другой корпусъ, вблизи скитской ограды, съ правой стороны колокольни. На западной сторонѣ этого корпуса была сдѣлана пристройка, называемая «хибаркой», для приема женщинъ. И цѣлыхъ 30 лѣтъ (до отъѣзда въ Шамординскую женскую общину) онъ простоялъ на Божественной стражѣ, предавшись служенію ближнимъ.

Старець былъ уже тайно постриженъ въ схиму, очевидно, въ моментъ, когда во время его болѣзни, жизнь его была въ опасности.

При немъ было два келейника: о. Михаилъ и о. Иосифъ (будущій старецъ). Главнымъ письмоводителемъ былъ о. Климентъ (Зедергольмъ), сынъ протестантскаго пастора, перешедшій въ православіе, ученѣйшій человѣкъ, магистръ греческой словесности.

Для слушанія утренняго правила по началу онъ вставалъ часа въ 4 утра, звонилъ въ звонокъ, на который являлись къ нему келейники и прочитывали: утреннія молитвы, 12 избранныхъ псалмовъ и первый часъ, послѣ чего онъ наединѣ пребывалъ въ умной молитвѣ. Затѣмъ, послѣ краткаго отдыха, Старецъ слушалъ часы: третій, шестой съ изобразительными и, смотря по дню, канонъ съ акаѳистомъ Спасителю, или Божіей Матери, каковыя акаѳисты онъ выслушивалъ стоя.

Послѣ молитвы и чаепитія, начинался трудовой день, съ небольшимъ перерывомъ въ обѣденную пору. Пища съѣдалась Старцемъ въ такомъ количествѣ, какое дается трехлѣтнему ребенку. За ѣдой келейники продолжали ему задавать вопросы по порученію посѣтителей. Но иногда, чтобы хоть сколько нибудь облегчить отуманенную голову, Старецъ приказывалъ прочесть себѣ одну, или двѣ басни Крылова. Послѣ нѣкотораго. отдыха, напряженный трудъ возобновлялся — и такъ до глубокаго вечера. Несмотря на крайнее обезсиленіе и болѣзненность Старца, день всегда заключался вечернимъ молитвеннымъ правиломъ, состоявшимъ изъ малаго повечерія, канона Ангелу Хранителю и вечернихъ молитвъ. Отъ цѣлодневныхъ докладовъ, келейники, то и дѣло приводившіе къ Старцу и выводившіе посѣтителей, едва держались на ногахъ. Самъ Старецъ временами лежалъ почти безъ чувствъ. Послѣ правила Старецъ испрашивалъ прощеніе, елика согрѣши дѣломъ, словомъ, помышленіемъ. Келейники принимали благословеніе и направлялись къ выходу. Зазвонятъ часы. «Сколько это?», спроситъ Старецъ слабымъ голосомъ, — отвѣтятъ — «Двѣнадцать». «Запоздали», скажетъ.

Черезъ два года Старца постигла новая болѣзнь. Здоровье его, и безъ того слабое, совсѣмъ ослабѣло. Съ тѣхъ поръ онъ уже не могъ ходить въ храмъ Божій и долженъ былъ причащаться въ келліи. Въ 1868 г.

состояніе его здоровья было столь плохо, что стали терять надежду на поправленіе. Была привезена Калужская Чудотворная Икона Божіей Матери. Послѣ молебна и келейнаго бдѣнія и затѣмъ соборованія, здоровье старца поддалось лѣченію, но крайняя слабость не покидала его во всю его жизнь.

Такія тяжелыя ухудшенія повторялись не разъ; Старецъ говорилъ о себѣ: «Иногда такъ прижметъ, что думаю, вотъ конецъ!»

Трудно представить себѣ, какъ онъ могъ, будучи пригвожденный къ такому страдальческому кресту, въ полномъ изнеможеніи силъ, принимать ежедневно толпы людей и отвѣчать на десятки писемъ. На немъ сбывались слова: «Сила Божія въ немощи совершается». Не будь онъ избраннымъ сосудомъ Божіимъ, черезъ который Самъ Богъ вѣщалъ и дѣйствовалъ, такой подвигъ, такой гигантскій трудъ, не могъ быть осуществимъ никакими человѣческими силами. Животворящая Божественная благодать здѣсь явно присутствовала и содѣйствовала.

Такимъ просвѣтленнымъ, пронизаннымъ насквозь Божіей благодатью и былъ въ дѣйствительности великій старецъ о. Амвросій. «Совершенно соединившій чувства свои съ Богомъ», говоритъ Лѣстничникъ, «тайно научается отъ Него словесамъ Его». Это живое общеніе съ Богомъ и есть даръ пророческій, та необыкновенная прозорливость, которой обладалъ о. Амвросій. Объ этомъ свидѣтельствовали тысячи его духовныхъ чадъ. Отъ старца не было сокрыто, ни прошлаго, ни настоящаго, ни будущаго. Приведемъ слова о старцѣ одной его духовной дочери: «Какъ радостно забьется сердце, когда, идя по темному лѣсу, увидишь въ концѣ дорожки скитскую колокольню, а съ правой стороны убогую келейку смиреннаго подвижника! Какъ легко на душѣ, когда сидишь въ этой тѣсной и душной хибаркѣ, и какъ свѣтло кажется при ея таинственномъ полу-свѣтѣ. Сколько людей перебывало здѣсь! И приходили сюда, обливаясь слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаянные — утѣшенными и ободренными; невѣрующіе и сомнѣвающіеся — вѣрными чадами Церкви. Здѣсь жилъ «Батюшка» — источникъ столькихъ благодѣяній и утѣшеній. Ни зва-

ніе человѣка, ни состояніе — не имѣли никакого значенія въ его глазахъ. Ему нужна была только душа человѣка, которая настолько была дорога для него, что онъ, забывая себя, всѣми силами старался спасти ее, поставить на истинный путь. Съ утра и до вечера, удрученнѣйшій недугомъ, Старецъ принималъ посѣтителей, подавая каждому по потребности. Слова его принимались съ вѣрою и были закономъ. Благословеніе его, или особое вниманіе, считалось великимъ счастіемъ; и удостоившіеся этого выходили, крестясь и благодаря Бога за полученное утѣшеніе.

Съ утра и до вечера къ нему приходили люди съ самыми жгучими вопросами, которые онъ усваивалъ себѣ, которыми въ минуту бесѣды жилъ. Онъ всегда разомъ схватывалъ сущность дѣла, непостижимо мудро разъясняя его и давая отвѣтъ. Но въ продолженіи 10-15 минутъ такой бесѣды рѣшался не одинъ вопросъ, въ это время о. Амвросій вмѣщалъ въ своемъ сердцѣ всего человѣка — со всѣми его привязанностями, желаніями — всѣмъ его міромъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Изъ его словъ и его указаній было видно, что онъ любитъ не одного того, съ кѣмъ говоритъ, но и всѣхъ любимыхъ этимъ человѣкомъ, его жизнь, все, что ему дорого. Предлагая свое рѣшеніе, о. Амвросій имѣлъ ввиду не просто одно само по себѣ дѣло, независимость могущихъ возникнуть отъ него послѣдствій, какъ для лица, такъ и для другихъ, но имѣя ввиду всѣ стороны жизни, съ которыми это дѣло сколько нибудь соприкасалось. Каково же должно быть умственное напряженіе, чтобы разрѣшать такіе задачи? А такіе вопросы предлагали ему десятки человѣкъ мірянъ, не считая монаховъ и полсотни писемъ, приходившихъ и отсылавшихся ежедневно. Слово старца было со властью, основанной на близости къ Богу, давшей ему **всезнаніе**. Это было пророческое служеніе.

Для него не существовало тайнъ: онъ видѣлъ все. Незнакомый человѣкъ могъ придти къ нему и молчать, а онъ зналъ его жизнь и его обстоятельства и зачѣмъ онъ сюда пришелъ. Отецъ Амвросій разспрашивалъ своихъ посѣтителей, но внимательному человѣку по тому какъ и какіе вопросы онъ ставитъ, было ясно, что Батюшкѣ все извѣстно. Но иногда по живости природы,

это знаніе выказывалось наружу, что всегда приводило старца въ смущеніе. Однажды къ нему подошелъ молодой человѣкъ изъ мѣщанъ съ рукой на перевязи и сталъ жаловаться, что никакъ не можетъ ее вылѣчить. У старца былъ еще одинъ монахъ и нѣсколько мірянъ. Не успѣлъ тотъ договорить: «болитъ, шибко болитъ», какъ старецъ его перебилъ: «И будетъ болѣть, зачѣмъ мать обидѣлъ?» Но сразу смутился и продолжалъ: «ты ведешь-то себя хорошо ли? Хорошій ли ты сынъ?»

Батюшку нельзя себѣ представить безъ участливой улыбки, отъ которой становилось какъ то весело, тепло и хорошо, безъ заботливаго взора, который говоритъ, что вотъ онъ сейчасъ для васъ придумываетъ и скажетъ что-нибудь очень хорошее, безъ того оживленія во всемъ — въ движеніяхъ, въ горящихъ глазахъ — съ которымъ онъ васъ выслушиваетъ, и по которому вы хорошо понимаете, что въ эту минуту онъ весь вами живетъ, и что вы ему ближе, чѣмъ сами себѣ.

Отъ живости батюшки, выраженіе лица его постоянно мѣнялось. То онъ съ лаской глядѣлъ на васъ, то смѣялся съ вами одушевленнымъ молодымъ смѣхомъ, то радостно сочувствовалъ, если вы были довольны, то тихо склонялъ голову, если вы рассказывали что-нибудь печальное, то на минуту погружался въ размышленіе. Когда вы хотѣли, чтобы онъ сказалъ, какъ вамъ поступить, то рѣшительно принимался качать головой, когда онъ отсовѣтывалъ какую нибудь вещь, то разумно и подробно глядя на васъ, все ли вы понимаете, начиналъ объяснять, какъ надо устроить ваше дѣло.

Во все время бесѣды на васъ зорко глядятъ выразительные черные глаза Батюшки. Вы чувствуете, что эти глаза видятъ васъ насквозь, со всѣмъ, что въ васъ дурного и хорошаго, и васъ радуешь, что это такъ, что въ васъ не можетъ быть для него тайны.

Голосъ у Батюшки былъ тихій, слабый, — а за послѣдніе мѣсяцы онъ переходилъ въ еле слышный шопоть.

Чтобъ понять хоть сколько нибудь подвижничество о. Амвросія, надо себѣ представить, какой трудъ говорить болѣе 12 час. въ день, когда языкъ отъ усталости отказывается дѣйствовать, голосъ переходитъ въ шопоть, и слова вылетаютъ съ усиленіемъ, еле выго-

вариваемыя. Нельзя было спокойно смотрѣть на страшно изнеможенного старца, видя его голову, падающую на подушку; слыша, какъ языкъ его еле говоритъ, когда онъ при этомъ старался подняться, подробно разсуждать о томъ, съ чѣмъ къ нему приходили.

Созидающая дѣятельность была у него въ крови. Онъ часто научалъ другихъ предпринять какое-нибудь дѣло, и когда къ нему приходили сами за благословеніемъ на подобную вещь частные люди, онъ съ горячностью принимался обсуждать и давать свои поясненія. Онъ любилъ бодрыхъ, сообразительныхъ людей, соблюдающихъ слова: «самъ не плошай» — и давалъ благословеніе, а съ нимъ и вѣру въ удачу самымъ смѣлымъ предпріятіямъ.

Одинъ помѣщикъ, зять оптинскаго монаха, часто посѣщавшій Оптину и Старца, однажды пришелъ къ Батюшкѣ, который къ нему обратился со словами: «Говорятъ» (Батюшка очень любилъ употреблять слово «говорятъ» для прикрытія своей прозорливости) «говорятъ, около тебя выгодное имѣніе продается, — купи».

Помѣщикъ удивился. — «Продается, батюшка — и какъ бы хорошо купить, да это мечта одна: имѣніе большое, просятъ чистыми деньгами — хоть дешево, а у меня денегъ нѣтъ».

«Денегъ... повторилъ тихо батюшка, деньги-то будутъ». Потомъ они перешли къ другимъ разговорамъ. На прощаніе о. Амвросій сказалъ: «Слышишь — имѣніе-то купи». Помѣщикъ отправился домой на своихъ лошадяхъ. По дорогѣ жилъ его дядя, богатый, но страшно скаредный старикъ, избѣгаемый всей родней. Такъ случилось, что пристать было негдѣ и пришлось заѣхать къ дядѣ. Во время бесѣды дядя спрашиваетъ: «Отчего ты не купишь имѣніе, которое около тебя продается: хорошая покупка!» А тотъ отвѣчаетъ: — «Что спрашиваешь, дядюшка! Откуда мнѣ столько денегъ взять?» — «А если деньги найдутся: хочешь займы дамъ?» Племянникъ принялъ это за шутку, но дядя не шутилъ. Имѣніе было куплено и новый владѣлецъ пріѣхалъ распорядиться. Не прошло еще и недѣли, барину докладываютъ, что пришли купцы торговать лѣсъ. Лѣсъ этого имѣнія они хотѣли купить не весь, а часть его. Стали говсрить о цѣнѣ: «Мы съ тобой, ба-

ринъ, торговаться не будемъ — цѣну сразу поставимъ», и назвали ту цѣну, за которое было куплено все имѣніе.

Приходитъ къ батюшкѣ состоятельный орловскій помѣщикъ, и, между прочимъ, объявляетъ, что хочетъ устроить водопроводъ въ своихъ обширныхъ яблоневыхъ садахъ. Батюшка уже весь охваченъ этимъ водопроводомъ. «Люди говорятъ, — начинаетъ онъ со своихъ обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ словъ, — люди говорятъ, что вотъ какъ всего лучше», — и подробно описываетъ водопроводъ. Помѣщикъ, вернувшись въ деревню, начинаетъ читать объ этомъ предметѣ; оказывается, что батюшка описалъ послѣднія изобрѣтенія по этой части. — Помѣщикъ снова въ Оптиной. «Ну, что водопроводъ?» — спрашиваетъ Батюшка. Вокругъ яблоки гнили, а у этого помѣщика — богатый урожай яблокъ.

Пріѣхала къ старцу почетная женщина, о которой сочли нужнымъ немедленно доложить ему. — «У меня всѣ равны — сказалъ старецъ, — мышка и маленькая, да пойди, поймай ее».

Мелочей для старца не существовало. Онъ зналъ, что все въ жизни имѣетъ цѣну и свои послѣдствія; и потому не было вопроса, на который бы онъ не отвѣчалъ съ участіемъ и желаніемъ добра. Однажды оставила Старца женщина, которая была нанята помѣщицей ходить за индюшками, но индюшки у нея почему-то колѣли и хозяйка хотѣла ее разсчитать. «Батюшка! — обратилась она къ нему со слезами, — силъ моихъ нѣтъ; сама надъ ними не доѣдаю, — пуще глазъ берегу, а колѣютъ. Согнать меня барыня хочетъ. Пожалѣй меня, родимый». Присутствующіе смѣялись надъ ней. А Старецъ съ участіемъ спросилъ ее, какъ она ихъ кормитъ, и далъ ей совѣтъ какъ ихъ содержать иначе, благословилъ ее и отпустилъ. Тѣмъ же, которые смѣялись надъ ней, онъ замѣтилъ, что въ этихъ индюшкахъ вся ея жизнь. Послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что индюшки у бабы уже не колѣли.

Что касается исцѣленій, имъ не было числа и перечесть ихъ въ этомъ, краткомъ очеркѣ невозможно. Эти исцѣленія Старецъ всячески прикрывалъ. Посылалъ больныхъ въ Пустынь къ преп. Тихону Калужскому, гдѣ былъ источникъ. До старца Амвросія въ

этой Пустыни не было слышно объ исцѣленныхъ. Можно думать, что преп. Тихонъ сталъ исцѣлять по молитвѣ Старца. Иногда о. Амвросій посылалъ больныхъ къ свят. Митрофану Воронежскому. Бывало, что исцѣлялись на пути туда и возвращались назадъ благодарить Старца. Иногда онъ, какъ бы въ шутку, стукнетъ рукой по головѣ и болѣзнь проходить. Однажды чтецъ, читавшій молитвы, страдалъ сильной зубной болью. Вдругъ старецъ ударилъ его. Присутствующіе усмѣхнулись, думая, что чтецъ, вѣрно, сдѣлалъ ошибку въ чтеніи. На дѣлѣ же у него прекратилась зубная боль. Зная такую повадку Старца, нѣкоторыя бабы обращались къ нему: «Батюшка Абросимъ! Побѣй меня, у меня голова болитъ.»

Люди исцѣлялись не только отъ немощей, но и отъ неисцѣльныхъ болѣзней.

Приведемъ лишь одинъ случай. Разсказывала Монахиня Шамординской общины Агриппина. «Вѣсной 1882 года на Пасху заболѣло у меня горло, — образовалась въ немъ рана, и я не могла ни ѣсть, ни пить. Докторъ объявилъ, что у меня горловая чахотка, и я должна ожидать смерти. Отправилась къ Батюшкѣ. Онъ и говоритъ мнѣ: «изъ колодезя. что за скитомъ, бери въ ротъ воды, и ежедневно полощи горло до трехъ разъ». Черезъ три дня онъ самъ позвалъ меня къ себѣ. Доставъ изъ подъ подушки три яйца и скусавъ желтки, вложилъ бѣлки одинъ въ другой. Потомъ благословилъ о. Іосифу, келейнику, принести воды изъ колодезя. Благословивъ воду, онъ велѣлъ ею растерѣться, вернувшись къ себѣ въ келлію, а яичные бѣлки съѣсть.

«По приходѣ въ келлію, меня растерли водой, и дали мнѣ яичные бѣлки, которые я проглотила безъ боли. Послѣ этого я спала цѣлые сутки и, проснувшись, почувствовала, что болѣзнь моя прошла, и я совершенно выздоровѣла. Не медля, я отправилась къ Старцу. Монахини меня не узнали, подумавъ, что это не я, а родная моя сестра. Батюшка же меня встрѣтилъ и благословилъ, сказавъ, что меня исцѣлилъ св. Тихонъ Калужскій. Съ тѣхъ поръ я не страдала горломъ. Когда я объявила доктору о своемъ исцѣленіи, онъ сказалъ,

что это совершилось надо мною чудо, и что болѣзнь моя естественными средствами не могла быть излечена».

Авторъ настоящей книги Иванъ Михайловичъ Концевичъ во время войны въ 1915 г. провелъ лѣтніе каникулы въ Оптиной Пустыни. Ежедневное хожденіе въ скитъ всегда было поучительно для молодого студента, но старцы, занятые прїѣзжими посѣтителями, которые къ нимъ приходили со всякими скорбями, специально не удѣляли времени юному пришельцу. Они отдали его «на воспитаніе» отцу Іосифу (Полевому) опытному въ духовной жизни, прожившему въ Оптиной десятки лѣтъ. Въ міру — директоръ банка, онъ былъ широко-образованнымъ человѣкомъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ И. М. въ Оптиной, часто, послѣ церковныхъ службъ, о. Іосифъ приглашалъ И. М. въ свою келью. Въ бесѣдѣ съ нимъ передъ молодымъ студентомъ раскрывался духовный міръ.

Отъ о. Іосифа И. М. услышалъ случай изъ жизни старца Амвросія, не попавшій въ его жизнеописанія.

Однажды старецъ Амвросій, согбенный, опираясь на палочку, откуда-то шелъ по дорогѣ въ скитъ. Вдругъ ему представилась картина: стоитъ нагруженный возъ, рядомъ лежитъ мертвая лошадь, а надъ ней плачетъ крестьянинъ. Потеря лошади-кормилицы въ крестьянскомъ быту вѣдь сущая бѣда! Приблизившись къ павшей лошади, Старецъ сталъ трижды медленно ее обходить. Потомъ, взявъ хворостину, онъ стегнулъ лошадь, прикрикнувъ на нее: «Вставай, лѣнтяйка!», и лошадь послушно поднялась на ноги.

Старецъ поучалъ народъ народными же пословицами и поговорками съ присущимъ ему юморомъ. Самую глубокую мудрость вкладывалъ онъ въ мѣткія и остроумныя слова, для болѣе легкаго усвоенія и запоминанія.

Напр., «Гдѣ просто, тамъ ангеловъ со сто, а гдѣ мудрено — тамъ ни одного». «Не хвались горохъ, что ты лучше бобовъ: размокнешь — самъ лопнешь».

«Отчего человѣкъ бываетъ плохъ? — Оттого, что забываетъ, что надъ нимъ Богъ.»

«Кто мнитъ о себѣ, что имѣетъ нѣчто, тотъ потеряетъ».

«Благое говорить — серебро разсыпать, а благоразумное молчаніе — золото».

Одной особѣ, стыдившейся признаться въ грѣхѣ, онъ сказалъ: «Сидоръ да Карпъ въ Коломнѣ прожива-

ютъ, а грѣхъ да бѣда съ кѣмъ не бываютъ?» Она залилась слезами, бросилась Старцу въ ноги, и призналась въ своемъ грѣхѣ.

«Праведныхъ, ведетъ въ царство Божіе Апостолъ Петръ, а грѣшныхъ Сама Царица Небесная».

Въ день всѣхъ святыхъ Батюшка сказалъ: «Всѣ они были, какъ и мы, грѣшные люди, но покаяться и, принявшись за дѣло спасенія, не оглядывались назадъ, какъ жена Лотова». На замѣчаніе, что мы всѣ смотримъ назадъ, Батюшка пояснилъ: «за то и подгоняютъ насъ розгами и бичемъ, т.е. скорбями да непріятностями, чтобы не оглядывались».

Осуждавшей другихъ, Старецъ сказалъ: «... у нихъ, м. б., есть такое тайное добро, которое выкупаетъ всѣ другіе въ нихъ недостатки, и которыхъ ты не видишь. Въ тебѣ же много способности къ жертвѣ. Но Господь сказалъ: Милости хочу, а не жертвы. А милости-то у тебя и мало... Свои жертвы видишь и ими превозносишься. Смиряться больше духомъ, — смиреніе и дѣла замѣняетъ. Терпи всѣ невзгоды и предавайся Богу».

Таковыми и многими другими словами поучалъ и спасалъ приходящій къ нему народъ.

Но Старцу, какъ и другимъ святымъ, было свойственно являться, по мѣрѣ нужды, людямъ, находившимся въ обстояніи, или на яву, или во снѣ, для оказанія имъ помощи. Вотъ нѣсколько случаевъ.

Прибылъ къ старцу въ Шамордино человѣкъ Божій, именемъ Гаврюша, лѣтъ сорока отъ роду, одинъ изъ тѣхъ, кого Господь уподобилъ дѣтямъ, сказавъ, что таковыхъ есть Царствіе Божіе (Лук. 18, 16). Онъ жилъ въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловской губерніи и былъ разслабленъ, трясся всѣмъ тѣломъ и еле могъ говорить и принимать пищу. Ноги его не дѣйствовали; онъ лежалъ и молился Богу. Замѣчали, что ему многое открыто. Послѣднюю весну ему явился о. Амвросій и онъ всталъ на ноги и объявилъ, что идетъ въ Шамордино. Но т.к. ноги его были весьма слабы и походка неровная, то мать хотѣла его везти по желѣзной дорогѣ, но онъ пошелъ пѣшкомъ. Старца онъ встрѣтилъ подъ Шамординымъ. Тотъ тихо ѣхалъ откуда-то. Вокругъ него былъ народъ. — «Батюшка!», закричалъ Гаврюша своимъ малопонятнымъ языкомъ, — «ты меня звалъ, я пришелъ». Батюшка тотчасъ вышелъ изъ экипажа, подошелъ къ нему и сказалъ: «здорово, гость дорогой! Ну, живи тутъ»...

Передавалъ скитскій іеромонахъ Венедиктъ: г-жа Карбоньеръ была тяжело больна, и лежала на одрѣ нѣсколько дней, не вставая. Въ одно время она увидѣла, что старецъ Амвросій входитъ въ ея комнату, подходитъ къ постелѣ, беретъ ее за руку и говоритъ: «вставай, полно тебѣ болѣть». Она въ то же время почувствовала себя настолько крѣпкою, что могла встать и на слѣдующій день отправилась пѣшкомъ изъ г. Козельска въ Шамордино, гдѣ проживалъ тогда Батюшка, и поблагодарить его за исцѣленіе. Батюшка ее принялъ, но разглашать объ этомъ до кончины своей не благословилъ.

Другой разсказъ: «Выйдя изъ ограды, я обратилъ вниманіе на какое-то особое движеніе въ группѣ женщинъ. Какая-то довольно пожилая женщина, съ болѣзненнымъ лицомъ, сидя на пнѣ, разсказывала, что она шла съ больными ногами пѣшкомъ изъ Воронежа, надѣясь, что старецъ Амвросій исцѣлитъ ее, и, что, пройдя пчельникъ, въ семи верстахъ отъ монастыря, она заблудилась, выбилась изъ силъ, попавъ на занесенныя снѣгомъ тропинки, и въ слезахъ упала на сваленное бревно, но что къ ней подошелъ какой-то старичекъ въ подрясникѣ и скуфейкѣ, спросилъ о причинѣ ея слезъ и указалъ ей клюкою направленіе пути. Она пошла въ указанную сторону и, повернувъ за кусты, тотчасъ увидѣла монастырь. Всѣ рѣшили, что это монастырскій лѣсникъ; въ это время на крыльцѣ показался келейникъ, который спросилъ: «гдѣ тутъ Авдотья изъ Воронежа?» Всѣ молчали, переглядываясь. Келейникъ повторилъ свой вопросъ громче, прибавивъ, что ее зовутъ Батюшка. — «Голубушки мои! Да вѣдь Авдотья изъ Воронежа, я сама и есть!» воскликнула разсказчица съ больными ногами. Всѣ разступились и странница, проковылявъ до крылечка, скрылась въ его дверяхъ.

Она вышла черезъ 15 мин. и на вопросы, рыдая, отвѣчала, что старичекъ, указавшій ей дорогу въ лѣсу былъ никто иной, какъ самъ о. Амвросій или кто либо ужъ очень похожій на него. Что жъ это такое? Самъ о. Амвросій зимой никогда не выходилъ изъ кельи, а похожаго на него въ монастырѣ нѣтъ. И какъ онъ могъ

въ самый моментъ ея прихода къ его «хибаркѣ» знать кто она и откуда пришла? — спрашиваетъ себя очевидно.

О. Амвросій, явившійся на яву трижды, настойчиво будиль одну сельскую матушку, говоря, что сейчасъ ея мужа убьютъ. Бросившись къ мужу, ей дѣйствительно удалось помѣшать совершиться убійству. Этотъ разсказъ сталъ извѣстенъ въ Оптиной Пустыни отъ нея лично, когда она пріѣхала благодарить старца за спасеніе.

А вотъ разсказъ слѣпого монаха о. Іакова, взятый изъ дневника «На берегу Божіей Рѣки», печатавшагося въ Троице-Сергіевской Лаврѣ.

«Было это», говоритъ онъ, «лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Въ то время я еще былъ только рясофорнымъ послушникомъ и несъ послушаніе канонарха. Какъ-то разъ случилось мнѣ сильно смутиться духомъ, да такъ смутиться, что хотъ уходи изъ монастыря. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы открыть свою душевную смуту старцу, — а тогда у насъ старцемъ былъ великій батюшка о. Амвросій, — я затаилъ ее въ своемъ сердцѣ и тѣмъ далъ ей такое развитіе, что почти порѣшилъ въ умѣ уйти и съ послушанія, и даже вовсе разстаться съ обителью. День ото дня помыслъ этотъ все болѣе и болѣе укрѣплялся въ моемъ сердцѣ и, наконецъ, созрѣлъ въ опредѣленное рѣшеніе: уйду! здѣсь меня не только не цѣнятъ, но еще и преслѣдуютъ: нѣтъ мнѣ здѣсь мѣста, нѣтъ и спасенія! На этомъ рѣшеніи я и остановился, а старцу, конечно, рѣшенія своего открыть и не подумалъ. Въ такихъ случаяхъ, подобныхъ моему, теряется и вѣра къ старцамъ — такіе-жъ, молъ, люди, какъ и мы всѣ грѣшные... И, вотъ, придя въ келью отъ вечерняго правила, — дѣло было лѣтомъ, — я въ невыразимой тоскѣ прилегъ на свою койку, и самъ не замѣтилъ, какъ задремалъ. И увидѣлъ я во снѣ, что пришелъ я въ нашъ Введенскій соборъ, а соборъ весь переполненъ богомольцами, и всѣ богомольцы, вижу я, толпятся и жмутся къ правому углу трапезной собора, туда, гдѣ у насъ обычно стоитъ круглый годъ плащаница до выноса ея къ Страстямъ Господнимъ.

— «Куда», спрашиваю, «устремляется этотъ народъ?»

— «Къ мощамъ», отвѣчаютъ, «Святителя Тихона Задонскаго!»

Да, развѣ, — думаю я, Святитель у насъ почиваетъ? — вѣдь онъ въ Задонскѣ! Тѣмъ не менѣе и я направляюсь вслѣдъ за другими богомольцами къ тому углу, чтобы приложиться къ мощамъ великаго Угодника Божія. Подхожу и вижу: стоитъ передо мною на возвышеніи рака; гробовая крышка закрыта и народъ прикладывается къ ней съ великимъ благоговѣніемъ. Дошла очередь и до меня. Положилъ я передъ ракой земной поклонъ и только сталъ восходить на возвышеніе, чтобы приложиться, смотрю — открывается передо мной гробовая крышка и во всемъ святительскомъ облаченіи изъ раки подымается самъ Святитель Тихонъ. Въ благоговѣйномъ ужасѣ падаю я ницъ; и пока падаю, вижу, что это не Святитель Тихонъ, а нашъ старецъ Амвросій, и что онъ уже не стоитъ, а сидитъ и спускаетъ ноги на землю, какъ бы желая встать мнѣ навстрѣчу...

«Ты что это?» — прогремѣлъ надо мной грозный старческій голосъ. — «Простите, батюшка, Бога ради», пролѣпеталъ я въ страшномъ испугѣ.

— «Надоѣлъ ты мнѣ со своими «простите»!» — гнѣвно воскликнулъ старецъ.

Передать невозможно, какой объялъ въ ту минуту ужасъ мое сердце, и въ ужасѣ этомъ я проснулся.

Вскочилъ я тутъ со своей койки, перекрестился... Въ ту же минуту ударили въ колоколъ къ заутрени, и я отправился в храмъ, едва придя въ себя отъ видѣннаго и испытаннаго.

Отстоялъ я утреню, пришелъ въ келью и все думаю: чтобъ значилъ, поразившій меня сонъ? Заблаговѣстили къ ранней обѣднѣ, а сонъ у меня все не выходитъ изъ головы, — я даже и отдохнуть не прилегъ въ междучасіе между утреней и ранней обѣдной. Все, что таилось во мнѣ и угнетало мое сердце столько времени, все это отъ меня отступило, какъ будто и не бывало и только видѣнный мною сонъ одинъ занималъ всѣ мои мысли.

Послѣ ранней обѣдни я отправился въ скитъ къ старцу. Народу у него въ это утро было, кажется, еще

болѣе обыкновеннаго. Кое-какъ добрался я до его келлейника о. Іосифа, и говорю ему:

— «Мнѣ очень нужно батюшку видѣть».

— «Ну», — отвѣчаетъ онъ, — «врядъ ли, другъ, ты нынѣ до него доберешься: самъ видишь, сколько народу! да и батюшка что-то слабъ сегодня».

Но я рѣшилъ просидѣть хоть цѣлый день, только бы добиться батюшки. Комнатку, въ которой, изнемогая отъ трудовъ и болѣзней, принималъ народъ на благословеніе старецъ, отдѣляла отъ меня непроницаемая стѣна богомольцевъ. Казалось, что очередь до меня никогда не дойдетъ. Помыселъ мнѣ сталъ нашептывать: уйди! все равно не дождешься! . . . Вдругъ слышу голосъ Батюшки:

— «Иванъ» (меня въ рясофорѣ Иваномъ звали), «Иванъ, пойди скорѣй ко мнѣ сюда!»

Толпа разступилась и дала мнѣ дорогу. Старецъ лежалъ весь изнемогши отъ слабости на своемъ диванчикѣ.

«Запри дверь», сказалъ онъ мнѣ еле слышнымъ голосомъ. Я заперъ дверь и опустился на колѣни передъ старцемъ.

«Ну», сказалъ мнѣ батюшка, «а теперь Расскажи мнѣ, что ты во снѣ видѣлъ!»

Я обомлѣлъ: вѣдь, о снѣ этомъ только и знали, что грудь моя и подоплека. И при этихъ словахъ, изнемогшій старецъ точно ожилъ, приподнялся на своемъ страдальческомъ ложѣ, и бодрый, и веселый сталъ спускать свои ноги съ дивана на полъ совсѣмъ такъ, какъ онъ ихъ спускалъ въ моемъ сновидѣніи. Я до того былъ пораженъ прозорливостью батюшки, особенно тѣмъ способомъ, которымъ онъ открылъ мнѣ этотъ даръ благодати Божественной, что я вновь, но уже въявь, пережилъ то же чувство благоговѣйнаго ужаса и упалъ головой въ ноги старца. И надъ головой услышалъ я его голосъ:

«Ты что это?»

«Батюшка», чуть слышно прошепталъ я, «простите, Бога ради!» И вновь услышалъ я голосъ старца:

«Надоѣлъ ты мнѣ со своими «простите»!»

Но не грознымъ укоромъ, какъ въ сновидѣніи, про-

звучалъ надо мною голосъ батюшки, а той дивной лаской, на которую онъ одинъ и былъ способенъ, благодатный старецъ.

Я поднялъ отъ земли свое мокрое отъ слезъ лицо, а рука отца Амвросія съ отеческой нѣжностью уже опустилась на мою бѣдную голову и кроткій голосъ его ласково мнѣ выговаривалъ:

«Ну и какъ мнѣ было иначе вразумить тебя, дурака?», кончилъ такими словами свой выговоръ Батюшка.

А сонъ такъ и остался ему не рассказаннымъ; да что его было и рассказывать, когда онъ самъ собою рассказался въ лицахъ! И съ тѣхъ поръ и до самой кончины великаго нашего Старца, я помысламъ вражіимъ объ уходѣ изъ Оптиной не давалъ воли».

«Батюшка», обратился къ о. Іакову слушатель его повѣствованія, «ну, а послѣ о. Амвросія къ кому вы прибѣгаете со своими скорбями и помыслами?»

«Куда теперь ходить убогому Іакову?» — отвѣтилъ онъ на этотъ вопросъ, «храмъ Божій да келья, — только и есть у слѣпого двѣ привычныя дороги, по которымъ онъ ходитъ съ палочкой и не спотыкается. А въ большихъ скорбяхъ Самъ Богъ не оставляетъ Своею милостью. Было это, скажу я вамъ, осенью позапрошлаго года. Въ моей монашеской жизни совершилось нѣчто, что крайне разстроило весь мой духовный миръ. Въ крайнемъ смущеніи, даже въ гнѣвѣ, провелъ этотъ день, когда мнѣ эта скорбь приключилась, и въ такомъ состояніи духа достигъ я время совершенія своего келейнаго правила. Приблизительно въ девять часовъ вечера того памятнаго дня, ни мало не успокоившись и не умиротворившись, я безъ всякаго чувства, только лишь по 36-лѣтней привычкѣ, надѣлъ на себя полу-мантію, взялъ въ руки четки и сталъ на молитву въ святомъ углу, передъ образницей. Къ тому времени, когда со мной случилась эта скорбь, я уже почти совсѣмъ ослѣпъ — могъ видѣть только дневной свѣтъ, а предметовъ уже не видѣлъ... Такъ, вотъ, сталъ я на молитву, чтобы совершить свое правило, хочу собраться съ мыслями, хочу привести себя въ молитвенное настроеніе, но чувствую, что никакая молитва мнѣ не идетъ и не пойдетъ на умъ. Настроеніе моего духа было, при-

близительно, такое же, какъ тогда, двадцать пять лѣтъ тому назадъ о чемъ я вамъ только что рассказывалъ. Но тогда живъ былъ еще о. Амвросій, думалъ я; старецъ мой отъ дня моего поступленія въ обитель, ему была дана власть надо мной, а теперь я и убогъ и совершенно одинокъ духовно — что мнѣ дѣлать? Оставалось одно: изливать свои гнѣвные чувства въ жестокихъ словахъ негодованія, что я и дѣлалъ. Укорялъ я себя въ этомъ всячески, но остановить своего гнѣва не могъ.

И, вотъ, совершилось тутъ со мною нѣчто странное и необычайное: стоялъ я передъ образами, перебирая лѣвой рукой четки, и внезапно увидѣлъ какой-то необыкновенный ослѣпительный свѣтъ. Глазамъ моимъ представился ярко освѣщенный этимъ свѣтомъ цвѣтушій лугъ. И вижу я, что иду по этому лугу самъ, и трепещетъ мое сердце отъ прилива неизвѣданнаго еще мною сладкаго чувства мира души, радости, совершеннѣйшаго покоя и восхищенія отъ красоты и этого свѣта и этого неизобразимо-прекраснаго луга. И когда я въ восторгѣ сердечномъ созерцалъ всю радость и счастье неземной красоты этой, глазамъ моимъ въ концѣ луга представилась невѣроятно крутая, высочайшая, совсѣмъ отвѣсная гора. И пожелало мое сердце подняться на самую вершину горы этой, но я не далъ воли своему желанію, сказавъ себѣ, что человѣческими усилиями не преодолѣть страшной крутизны этой. И какъ я только pomysлилъ, въ то же мгновеніе очутился на вершинѣ горы, и изъ вида моего пропалъ тотъ прекрасный лугъ, по которому я шелъ, а съ горы мнѣ открылось иное зрѣлище: насколько могъ обнять мой взоръ, открывшееся передо мной пространство, оно все было покрыто чудной рощей, красоты столь же неизобразимой человѣческимъ языкомъ, сколь и видѣнный раннѣе лугъ. И по рощѣ этой были разсѣяны храмы разной архитектуры и величины, начиная отъ обширныхъ и величественныхъ соборовъ и кончая маленькими часовнями, даже памятниками, увѣнчанными крестами. Все это сіяло отъ блеска того же яркаго, ослѣпительнаго свѣта, при появленіи котораго предстало восхищеннымъ глазамъ моимъ это зрѣлище. Дивясь великолѣпію этому, иду по горѣ и вижу, что предо мною вьется, прихотливо из-

гибаясь, узкая горная тропинка. И говорить мнѣ внутреннее чувство сердца моего: тебѣ эта тропинка хорошо знакома, — иди по ней смѣло, не заблудишься! — Я иду и, вдругъ, на одномъ изъ поворотовъ вижу: сидитъ на камнѣ незнакомый мнѣ благообразный старецъ — такихъ на иконахъ пишутъ. Я подхожу и спрашиваю:

«Батюшка, благословите мнѣ сказать, что это за удивительная такая роща и что это за храмы?»

«Это», — отвѣтилъ мнѣ старецъ, — «обители Царя Небеснаго, ихже уготова Господь любящимъ Его».

И когда говорилъ со мною старецъ, я увидѣлъ, что изъ всѣхъ этихъ храмовъ ближе всѣхъ стоитъ ко мнѣ въ этой дивной рощѣ великолѣпный, огромныхъ размѣровъ храмъ, весь залитый сіяніемъ дневного свѣта. Я спросилъ старца:

«Чей это, батюшка, храмъ?»

«Этотъ храмъ», отвѣтилъ онъ мнѣ, «Оптинскаго старца Амвросія».

Въ это мгновеніе я почувствовалъ, что изъ рукъ моихъ выпали четки и, падая, ударили меня по ногѣ.

Я очнулся.

И, какъ сталъ я въ 9 часовъ на молитву, въ томъ же положеніи я и очнулся отъ бывшаго мнѣ видѣнія: стою въ полумантіи предъ своими иконами, только стѣнные часы мои мѣрно постукиваютъ маятникомъ. Заблаговѣстили къ заутрени: былъ часъ по полуночи.

Видѣніе мое продолжалось, такимъ образомъ, четыре часа. И отпала отъ меня всякая скорбь, и со слезами возблагодарилъ я Господа, утѣшившаго меня за молитвы того приснопамятнаго, чей храмъ въ обителяхъ Царя Небеснаго стоялъ ко мнѣ ближе всѣхъ остальныхъ видѣнныхъ мною храмовъ.

Но далеко не всѣмъ давалось видѣть старца Амвросія во время его жизни въ ореолѣ его святости и понимать всѣ его дѣйствія, какъ совершаемая по наитію Свыше. Требовалась духовная воспріимчивость. Но вотъ нѣсколько рассказовъ тѣхъ лицъ, которые сподобились видѣть старца въ состояніи благодатнаго озаренія.

«Отецъ Амвросій не любилъ молиться на виду. Келейникъ, читавшій правило, долженъ былъ стоять въ

другой комнатѣ. Читали молебный канонъ Богородицѣ. Одинъ изъ скитскихъ іеромонаховъ рѣшился въ это время подойти къ Батюшкѣ. Глаза о. Амвросія были

устремлены на небо, лицо сіяло радостью, яркое сіяніе почилло на немъ, такъ что этотъ священно-инокъ не могъ его вынести.

Такіе случаи, когда исполненное дивной доброты лицо старца, чудесно преображалось, озаряясь благо-

датнымъ свѣтомъ, почти всегда происходили въ утренніе часы во время, или послѣ его молитвеннаго правила.

Однажды Старецъ съ вечера назначилъ прійти къ себѣ двумъ супругамъ, имѣвшимъ до него важное дѣло, въ тотъ часъ утра, когда онъ не начиналъ еще пріема. Они вошли къ нему въ келлію. Старецъ сидѣлъ на постелѣ въ бѣломъ монашескомъ балахонѣ и въ шапочкѣ. Въ рукахъ у него были четки. Лицо его преобразилось. Оно особенно какъ-то просвѣтлѣло, и все въ келліи его приняло видъ какой-то торжественности. Пришедшіе почувствовали трепетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ охватило невыразимое счастье. Они не могли промолвить слова, и долго стояли въ забытіи, созерцая ликъ старца. Вокругъ было тихо и Батюшка молчалъ. Они подошли подъ благословеніе. Онъ безмолвно осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. Они еще разъ окинули взоромъ эту картину, чтобы навсегда сохранить ее въ сердцѣ. Старецъ все съ тѣмъ же преображеннымъ ликомъ былъ погруженъ въ созерцаніе. Такъ они и вышли отъ него, не сказавъ ни слова.

Другой случай. Пришелъ, по обычаю, къ Старцу, въ концѣ утренняго правила его письмоводитель скитскій іеромонахъ Венедиктъ. Старецъ, отслушавъ правило, сѣлъ на свою кровать. О. Венедиктъ подходитъ подъ благословеніе, и къ великому своему удивленію, видитъ лицо Старца свѣтящимся. Но лишь только онъ получилъ благословеніе, какъ этотъ дивный свѣтъ скрылся.

Спустя немного времени, о. Венедиктъ опять подошелъ къ Старцу, когда уже тотъ находился въ другой кельѣ и занимался съ народомъ, и въ простотѣ своей спросилъ: «Или вы, Батюшка, видѣли какое видѣніе?» Старецъ не сказалъ ему ни слова, только слегка стукнулъ по головѣ его рукой: знакъ старческаго благоволенія.

Еще разсказъ вышеупомянутаго о. игумена Марка. «Въ бытность Старца въ Шамординской обители», пишетъ онъ, «однажды на Страстной недѣлѣ я, какъ готовившій къ причастію Божественныхъ Таинъ, вхожу къ нему въ келью для исповѣди, и къ изумленію моему вижу на его лицѣ полную сосредоточенность, глубокое вниманіе къ чему-то имъ созерцаемому и трепетное благоговѣніе. Лицо его при этомъ было покрыто радостнымъ

румянцемъ. Увидѣвъ сіе, я поддался обратно изъ кельи, и только спустя нѣкоторое время, вошелъ къ старцу».

А Шамординскія монахини сказываютъ, что имъ нерѣдко приходилось видѣть лицо Старца прославленнымъ неземною славою.

Преданная духовная дочь записала слѣдующее:

«Батюшка говорилъ съ кѣмъ-то въ толпѣ, и смотрѣлъ прямо на кого-то. Вдругъ я вижу, изъ глазъ его, на кого-то устремленныхъ, вышли два луча, какъ бы солнечныхъ. Я замерла на мѣстѣ. И все время такъ было, пока Старецъ смотрѣлъ на кого-то».

«Въ кельѣ его горѣли лампадки и маленькая восковая свѣчка на столикѣ. Читать мнѣ по запискѣ было темно и некогда. Я сказала, что припомнила, и то спѣша, а затѣмъ прибавила: «Батюшка, что сказать вамъ еще? Въ чемъ покаяться? — забыла». Старецъ упрекнулъ меня въ этомъ. Но вдругъ онъ всталъ съ постели, на которой лежалъ. Сдѣлавъ два шага, онъ очутился на срединѣ своей келліи. Я невольно на колѣняхъ повернулась за нимъ. Старецъ выпрямился во весь свой ростъ; поднялъ голову и воздѣлъ свои руки кверху, какъ бы въ молитвенномъ положеніи. Мнѣ представилось въ это время, что стопы его отдѣлились отъ пола. Я смотрѣла на освѣщенную его голову и лицо. Помню, что потолка въ кельѣ какъ будто не было, онъ разошелся, а голова Старца, какъ бы ушла вверхъ. Это мнѣ ясно представлялось. Черезъ минуту Батюшка наклонился надо мной, изумленной видѣннымъ, и, перекрестивъ меня, сказалъ слѣдующія слова: «Помни, вотъ до чего можетъ довести покаяніе. Ступай». Я вышла отъ него шатаясь и всю ночь проплакала о своемъ неразуміи и нерадѣніи. Утромъ намъ подали лошадей и мы уѣхали. При жизни старца я никому не смѣла рассказать этого. Онъ мнѣ разъ навсегда запрѣтилъ говорить о подобныхъ случаяхъ, сказавъ съ угрозою: «А то лишишься моей помощи и благодати».

ОСНОВАНІЕ ШАМОРДИНСКАГО МОНАСТЫРЯ И КОНЧИНА СТАРЦА.

Шамордино расположено въ восхитительной мѣстности — на широкой луговинѣ надъ крутымъ обрывомъ. Густой лиственный лѣсъ лепится по почти отвѣсному скату. А тамъ, глубоко внизу, изгибается серебряной лентой рѣчка Сирена. За нею привольные луга, а дальше взбѣгающая кой-гдѣ холмистыми перекатами равнина, сливается съ горизонтомъ, оттѣнками въ иныхъ мѣстахъ далекими борами или перелѣсками.

Усадьба Шамордино въ верстѣ отъ деревни того же имени и въ сторонѣ отъ большой калужской дороги и принадлежала небогатому помѣщику Калыгину, жившему здѣсь со старушкой-женой. Въ 1871 г. имѣніе это въ 200 десятинъ земли было куплено послушницею старца, вдовою помѣщицей Ключаревою (въ иночествѣ Амвросія); и она, и покойный ея мужъ, богатый помѣщикъ Ключаревъ, чрезвычайно уважали старца, и во всемъ ему подчинялись. Они по благословенію старца, разлучась другъ съ другомъ, проходили жизнь иноческую. Вотъ эта мать Амвросія и стала владѣтельницею Шамордина. За годъ до продажи имѣнія, старику Калыгину было видѣніе: ему представлялась въ его имѣніи церковь въ облакахъ. У матери Амвросіи были двѣ внучки-близнецы, отъ ея единственного сына. Потерявъ первую жену, мать этихъ дѣвочекъ, молодой Ключаревъ женился вторично, а дѣвочки жили у бабушки. Для этихъ внучекъ мать Амвросія и отвела Шамординскую усадьбу, гдѣ все было поновлено, поставленъ новый домъ. Мать Амвросія часто пріѣзжала въ Шамордино, изъ Оптиной, гдѣ она постоянно жила въ особомъ корпусѣ въ окрестностяхъ монастыря. Посѣщалъ усадьбу и старецъ, отъ котораго не разъ слыхали тутъ слово: «у насъ здѣсь будетъ монастырь». Ходитъ, бывало, старецъ по усадьбѣ, осматриваетъ все, вдругъ остановится на какомънибудь мѣстѣ, велитъ вымѣрить его длину и ширину и поставить колышки. Уже тогда, зная по прозорливости своей, что здѣсь возникнетъ обитель, старецъ обдумывалъ и прикидывалъ, гдѣ какія будутъ постройки.

Въ Шамординѣ вмѣстѣ съ маленькими барышнями Ключаревыми поселились нѣкоторыя бывшія крѣпостныя матери Амвросіи, искавшія тишины и молитвы, такъ что жизнь здѣсь шла вродѣ монашеской.

Бабушка, увѣренная, что внушки ея будутъ жить въ міру, старалась дать имъ хорошее свѣтское воспитаніе. Когда онѣ стали подростать, бабушка просила старца благословить ей пріискать для нихъ французенку, чтобы ихъ обучить бѣгло говорить по французски и слѣдить, чтобы онѣ одѣвались наряднѣе. Но старецъ не позволилъ ей этого сдѣлать, что ее сильно огорчило.

Дѣвочки были крестницами старца и съ ранняго дѣтства отличались глубокой набожностью. Онѣ часто молились, очень любили оптинскія длинныя службы и такъ твердо знали порядокъ богослуженія, что сами проводили всенощныя. Онѣ подвижничили, отказывались отъ мяса и ѣли лишь по убѣжденію отца Амвросія. Бабушка выражала опасенія, что онѣ повредятъ тѣмъ свое здоровье, а старецъ отвѣчалъ ей: «пустъ молятся — онѣ слабаго здоровья». Старушка не понимала словъ прозорливаго старца, который другимъ прямо говорилъ о своихъ крестницахъ: «Ничего, онѣ знаютъ, что готовятся туда».

Желая обезпечить благосостояніе внучекъ и вслѣдствіе настойчивыхъ совѣтовъ старца, мать Амвросія пріобрѣла еще три дачи: Руднево, Преображенское и Акатово, не совсѣмъ понимая, къ чему покупается такое количество лѣса, точно собираются строить цѣлый городъ. Положила она на имя внучекъ и капиталецъ, при чемъ было оговорено, что въ случаѣ смерти ихъ, въ Шамординской усадьбѣ должна быть устроена женская община, и для обезпеченія ея дѣла послужать три упомянутыя дачи и капиталъ, положенный на имя барышень Ключаревыхъ.

13 марта 1881 г. мать Амвросія скончалась, и оставшіяся послѣ нея еще въ большемъ сиротствѣ десятилѣтнія внушки, унаслѣдовавъ эти имѣнія, продолжали жить со своими нянями, воспитательницей и сестрами-послушницами въ Шамординѣ.

Такъ прошелъ годъ. Сиротки-сестры Вѣра и Любовь жили тою же тихою жизнью, горячо любя другъ друга и никогда не разставались. Онѣ не знали дѣтскихъ

шалостей, одѣвались просто, цѣнили иноческую жизнь, монашеское богослуженіе. Въ крестницахъ старца все сильнѣе разгорался огонекъ любви къ Богу. Не разъ говорили онѣ своимъ нянямъ: «Мы не хотимъ жить болѣе двѣнадцати лѣтъ: что хорошаго въ этой жизни?»

Между тѣмъ отецъ ихъ не одобрялъ уединенную жизнь сестеръ и опредѣлилъ ихъ въ Орель въ пансіонъ; на лѣто 1883 года была приготовлена для нихъ дача. Всей душой рвались сиротки изъ непривычнаго для нихъ міра подъ крылышко старца Амвросія. Въ маѣ онѣ, прежде чѣмъ поселиться на дачѣ, пріѣхали въ Оптину. Тридцать перваго мая обѣ онѣ заболѣли дифтеритомъ. Ихъ положили въ разныхъ комнатахъ, исповѣдывали, пріобщили. Пока хватало у нихъ силъ, онѣ часто писали къ батюшкѣ записочки, въ которыхъ просили его св. молитвъ и благословенія.

4-го іюня скончалась Вѣра, а за нею послѣдовала Любовь.

Теперь нужно было во исполненіи воли матери Амвросіи учреждать въ Шамординѣ женскую общину.

Шамординская обитель прежде всего удовлетворяла ту горячую жажду милосердія къ страждущимъ, которою всегда полонъ былъ о. Амвросій. Сюда онѣ посылалъ многихъ безпомощныхъ.

Приходитъ къ батюшкѣ молодая женщина, оставшаяся больною вдовою въ чужой семьѣ. Свекровь ее гонитъ и говоритъ: «Ты, горемычная, хоть бы удавилась: тебѣ не грѣхъ». Старецъ выслушиваетъ ее, всматриваясь въ нее, и говоритъ: «Ступай въ Шамордино». Мужъ бросилъ тяжело больную жену: ее лѣтомъ привезли къ старцу. Батюшка вышелъ къ ней, благословилъ и шутливо проговорилъ: «Ну, этотъ хламъ-то у насъ сойдетъ: отвезите ее въ Шамордино».

Изъ безпріютныхъ дѣтей составилъ обширный Шамординскій пріютъ. Старецъ любилъ, бывая въ Шамординѣ, приходитъ въ этотъ пріютъ. Дѣти нѣжно тѣснились къ нему и онѣ садился среди нихъ на лавку. Онѣ запѣвали ему, сочиненную въ честь его пѣснь: «Отецъ родной», или пѣли тропарь Казанской иконѣ, которой посвящена обитель. При дѣтскомъ пѣніи, переполненное любовью сердце старца трепетало и слезы ручьемъ текли по блѣднымъ, впавшимъ щекамъ его.

Число сестеръ старцевой обители подъ конецъ превысило пять сотенъ. Былъ воздвигнутъ громадный многоглавый храмъ, замѣчательная трапеза и благотворительная дѣятельность все болѣе и болѣе расширялась.

Первой настоятельницей обители была Софья Мих. Астафьева, рожденная Болотова, окончившая жизнь въ подвигахъ. Затѣмъ игуменія Евфросинія, усердная послушница старца. Послѣдняя была м. Валентина.

Скажемъ нѣсколько словъ о первой шамординской игуменіи Софіи, рожденной Болотовой, сестры оптинскаго іеромонаха-художника о. Даніила Болотова.

Мать Софія была незамѣнимой помощницей Старца по устроению юной обители его, что называется правой рукой. Къ сожалѣнію, ея управленіе продолжалось недолго. Разумная, хорошо понимавшая и жизнь духовную и дѣла хозяйственныя, всею душой преданная Старцу, она, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, вступивъ на путь иноческой жизни и принявъ самое тяжелое въ обители послушаніе начальницы, стала подвизаться съ великою ревностью. Въ мокрую, холодную погоду въ осеннее время, случалось по цѣлому дню, съ утра и до вечера, ходила она сама по всей обители, слѣдя за всѣми монастырскими работами, и ужъ къ ночи возвращалась въ свою келлію, вся промокшая и прозябшая. Эти труды и заботы, въ соединеніи съ строгой подвижнической жизнью, вскорѣ сломили ея крѣпкое здоровье. Кромѣ того, мать Софія несла еще личный крестъ: отрехшись отъ міра, она пожертвовала своимъ материнскимъ чувствомъ къ дочери, которую теперь уже не она воспитывала. Много было ею пролито слезъ въ ночной тиши. Она постепенно стала чахнуть и, мало-помалу таяла, какъ свѣча; наконецъ, 24 января 1888 г. уснула вѣчнымъ сномъ праведницы, получивъ отъ Господа воздаяніе, соотвѣтствующее ея великой ревности и трудамъ. Старецъ Амвросій, при воспоминаніи о ней, говаривалъ нерѣдко съ особеннымъ чувствомъ умиленія: «Ахъ, мать! Обрѣла милость у Бога!»

Ввиду увеличивающагося все время числа сестеръ въ обители, старецъ Амвросій не могъ самъ быть духовникомъ каждой изъ нихъ. Потому онъ передалъ многихъ духовничеству отца іеросхимонаха Анатолія (Зерцалова), который относился къ нимъ съ самой за-

ботливой отеческой любовью, какъ это видно изъ его «Писемъ къ монахинямъ».

Вначалѣ ея дѣятельности мать Софія нашла въ Шамординѣ всего лишь очень скромныя строенія: деревянный домъ съ домашней церковью и нѣсколько избъ для жилья сестеръ. Вотъ и все! Ни денегъ, ни имущества, ни запасовъ. А между тѣмъ населеніе обители съ каждымъ днемъ увеличивалось. Старецъ посылалъ въ обитель не только работоспособныхъ сестеръ, но еще больше больныхъ и калекъ. Кромѣ того, къ нему приносили дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы. Бѣдныя дѣти, покрытыя грязными тряпками, часто съ золотушными ранами на тѣлѣ — всѣхъ ихъ онъ посылалъ въ Шамордино. Населеніе все увеличивалось, а средства уменьшались. Но мать Софія не падала духомъ. Какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо, такъ обаятельная личность матери Софіи стала привлекать въ обитель самыхъ разнообразныхъ лицъ: дворянъ, купцовъ, ремесленниковъ, благотворительницъ, занимавшихъ всевозможное положеніе въ обществѣ. Постепенно Шамордино стало отстраиваться, украшаться зданіями, твердо водворился уставъ Оптиной пустыни. Но, увы! какъ выше сказано недолго наслаждалась Обитель миромъ и духовной радостью подъ ея водительствомъ.

По кончинѣ матери Софіи, старцемъ была избрана настоятельницей мать Евфросинія Розова. Столь же глубоко-вѣрующая, столь же преданная старцу, она не имѣла блестящихъ талантовъ администратора и духовнаго вождя, какими отличалась м. Софія. И старцу пришлось взять на себя всѣ хлопоты по устройству обители, для чего онъ посѣщалъ лично обитель не одинъ разъ, и гдѣ онъ и скончался въ 1891 году 10 октября, зазимовавъ тамъ по случаю болѣзни.

Старецъ отбылъ въ Шамордино лѣтомъ 1890 г. Жизнь его тамъ была сопряжена съ многими трудностями. «Матери и сестры, я у васъ здѣсь на крестѣ!», говорилъ онъ монахинямъ. И, дѣйствительно, жизнь его, по словамъ близкихъ лицъ, была въ это время невозможно трудная. Ни днемъ, ни ночью онъ не имѣлъ покоя и по неудобству помѣщенія (которое до самой его кончины все только устраивалось и подготавливалось и отъ множества дѣлъ и окружавшаго его народа. Болѣло

сердце его и за оптинцевъ, оставшихся безъ своего духовнаго руководителя. Когда являлся къ нему кто-нибудь изъ нихъ, Батюшка уже не заставлялъ его долго ждать, — а съ особенною любовью принималъ и утѣшалъ. Послѣ Пасхи 1891 г. настоятельница обители тяжело заболѣла и ослѣпла. Она хотѣла подать въ отставку, но старецъ не благословилъ. «Сама не подавай, а если велить подать начальство, то подай». Къ довершенію всѣхъ скорбей, епархіальное начальство негодовало на него за его отлучку изъ Оптиной, что особенно обострилось къ концу его жизни. Были придуманы всякія клеветы на Старца. Уже вначалѣ 1891 г. Старецъ зналъ, что ему предстоитъ скоро умереть. 1-го января, разсказываютъ сестры, въ самый первый день 1891 года утромъ, послѣ обѣдни, батюшка вышелъ къ сестрамъ особенно задумчивымъ, серьезнымъ; сѣвъ на диванъ, онъ неожиданно началъ читать стихотвореніе: — «Лебедь на берегахъ Меандра пѣснь послѣднюю поетъ». — А мы, шутливо замѣтилъ Старецъ, могли бы передѣлать такъ: «Лебедь на берегахъ Шамандра пѣснь послѣднюю поетъ» — и объяснилъ, что лебедь поетъ только одну пѣснь — это передъ своей кончиной.

Тогда никто не понялъ, что онъ говорилъ о себѣ, о своей кончинѣ въ томъ году. Предчувствуя ее, онъ особенно поспѣшно старался устроить монастырь. Такъ было построено много новыхъ келлій въ Шамординѣ, благоустроенъ хуторъ въ Руднево, въ которомъ Старецъ предсказалъ, что будетъ церковь, что и совершилось послѣ его кончины. Въ концѣ сентября Старецъ заболѣлъ болѣзною ушей, соединенной съ инфлуэнціей и постепенно началъ таять... Между тѣмъ недовольный архіерей собирался лично явиться въ Шамордино и въ своей каретѣ вывезти Старца. Къ нему обращались сестры съ вопросами: «Батюшка! Какъ намъ встрѣчать Владыку?» Старецъ отвѣчалъ: «Не мы его, а онъ насъ будетъ встрѣчать!» — «Что для Владыки пѣть?» Старецъ сказалъ: «Мы ему пропоемъ аллилуія». И дѣйствительно, архіерей засталъ старца уже въ гробу и вошелъ въ церковь подъ пѣніе «аллилуія».

Траурная процессія съ гробомъ старца, сопровождалась болѣе чѣмъ тысячной толпой. Шелъ дождь, но свѣчи не гасли. По дорогѣ изъ Шамординой въ Оптину

Пустынь останавливались у каждой деревни и служили литію. На другой день было совершено отпѣваніе архіерейскимъ служеніемъ и произнесенъ рядъ знаменательныхъ словъ. Смерть старца была всероссійскимъ горемъ, но для Оптиной и Шамордина и для всѣхъ духовныхъ чадъ оно было безмѣрно.

Шамординскій монастырь со строящимся соборомъ, съ его множествомъ насельницъ, дѣтскимъ пріютомъ и призрѣваемыми калѣками остался безъ своего попечителя и прилива средствъ. Но вотъ, что намъ стало извѣстно изъ бесѣдъ съ шамординской монахиней м. Александрой Гурко. Чайный торговецъ Перловъ съ семьей были въ числѣ духовныхъ чадъ старца. Ему явилась во снѣ Божія Матерь и велѣла принять на себя попеченіе о Шамординской обители. Перловъ отвѣчалъ, что на немъ лежитъ бремя чайной торговли. Но Матерь Божія обѣщала ему взять на Себя эту торговлю. Послѣ этого Перловъ уже не щадилъ ни силъ ни средствъ для помощи Шамординской обители. Туда потекъ его капиталъ.

Въ Оптиной Пустыни было принято пить Перловскій чай, этому слѣдовали и вѣрные оптинскіе посѣтители.

Пишущіе эти строки обратились къ прот. о. Іоанну Григору-Клочко, который хоронилъ въ Парижѣ госпожу Перлову, съ просьбой написать намъ все, что ему о ней извѣстно. Отвѣтъ былъ такой:

«Письмо отъ 5-го сентября 1956 г. Относительно старушки Перловой (она была въ тайномъ постригѣ), умершей отъ молніеносной грудной жабы, то она, какъ мнѣ рассказывали дѣти, въ теченіе получаса разговаривала съ необычайной радостью на лицѣ съ оптинскими старцами, называя ихъ поименно. Дѣти думали, что она бредитъ и всячески лаской старались успокоить ее, а она, переводя на нихъ совершенно ясный взглядъ, говорила: «ну, какъ вы не понимаете, какъ тамъ хорошо». И опять взглядъ въ невѣдомую даль и продолженіе восторженной бесѣды. Я не мало видѣлъ покойницъ, старыхъ людей, но такого свѣтлаго лица, какъ было у покойной, не запомню, — оно точно свѣтилось, какъ освѣщенный фарфоръ».

Г л а в а XI.

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ. (1831-1891).

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ нашелъ покой и умиротвореніе у ногъ старца Амвросія, какъ раньше у ногъ старца Макарія — другой оптинецъ — Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій.

Это были совершенно различные люди: Кирѣевскій былъ воплощеніемъ кротости и внутренней гармоніи, Леонтьевъ, наоборотъ, при личной глубокой добротѣ, былъ съ молодыхъ лѣтъ обуреваемъ многими страстями, на борьбу съ которыми ушла вся его зрѣлая жизнь. Началомъ этому послужило чудо исцѣленія его отъ холеры въ Салоникахъ. Онъ тогда же хотѣлъ принять монашество, но аѳонскіе старцы о.о. Іеронимъ и Макарій не согласились его постричь, находя это преждевременнымъ. Медикъ, дипломатъ, философъ, литераторъ и подъ конецъ — монахъ, К. Н. былъ человѣкомъ исключительной глубины и блеска ума, и, какъ о немъ выразился Бердяевъ: «К. Леонтьевъ былъ необычайно свободный умъ, одинъ изъ самыхъ свободныхъ русскихъ умовъ, ничѣмъ не связанный, совершенно независимый». Между тѣмъ онъ при жизни не встрѣтилъ въ русскомъ обществѣ ни признанія, ни пониманія. «Можетъ быть, послѣ моей смерти обо мнѣ заговорятъ», сказалъ онъ, «а, вѣроятно, теперь на землѣ слава была бы мнѣ не полезна, и Богъ ее мнѣ не далъ». Розановъ выразился о немъ такъ: «Прошелъ великій мужъ по Руси и легъ въ могилу. Ни звука при немъ о немъ. Карканьемъ воронъ онъ встрѣченъ и провоженъ». Какая же была тому причина? Тотъ же Розановъ въ той же статьѣ въ «Новомъ Времени», посвященной вышедшему тогда сборнику по

случаю 20-лѣтія со дня его смерти, говорить о немъ слѣдующее: «Вотъ эта нравственная чистота Леонтьева — что-то единственное въ нашей литературѣ! Всѣ (почти и великіе!) писатели имѣютъ несчастное и уничижительное свойство быть нѣсколько «себѣ на умѣ», юлить ме-

Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ.

жду Сциллою и Харибдою, между душой своей и массою публики, между литературнымъ кружкомъ, къ ко-
ему принадлежать, и ночными своими думами «про себя»: ничего подобнаго не было у Леонтьева съ его «иду на васъ». Онъ шелъ сразу на всѣхъ!

По образованію онъ былъ медикъ и прикладывалъ специально патологическія наблюденія и наблюдательность въ явленіяхъ міровой жизни и прежде всего, будучи эстетомъ, онъ понималъ всѣ явленія пошлости и

измельчанія, какъ симптомы конца и увяданія культуры. «К. Леонтьевъ», говорилъ въ 1926 г. Бердяевъ¹⁾, «уже болѣе 50 лѣтъ тому назадъ открылъ то, что теперь на Западѣ по-своему открываетъ Шпенглеръ». И далѣе говоритъ Бердяевъ о Леонтьевѣ: «Онъ острѣе и яснѣ другихъ почувствовалъ антихристову природу революціоннаго гуманизма съ его истребляющей жаждой равенства».

Знаменитая теорія о «Тріединомъ процессѣ развитія» жизни государства блестяще изложена Леонтьевымъ въ лучшихъ философскихъ публицистическихъ произведеніяхъ его — въ «Византизмѣ и славянствѣ» (1875) и посмертномъ «Среднемъ европейцѣ, какъ идеалъ и орудіи всемірнаго разрушенія».

Иногда онъ надѣется, что послѣ того, какъ человѣчествомъ будетъ испытана «горечь социалистическаго устройства», въ немъ начнется глубокая духовная, религіозная реакція, и тогда въ самой наукѣ явится «чувство своего практическаго безсилія, мужественное покаяніе и смиреніе передъ правотой сердечной мистики и вѣры». Но въ годъ своей смерти, въ статьѣ «Надъ могилой Пазухина», онъ крайне пессимистически выражаетъ взглядъ на будущее: «... Русское общество и безъ того довольно эгалитарное по привычкамъ, помчитъ еще быстрѣ всякаго другого по смертному пути всесмѣшенія и — кто знаетъ? — подобно евреямъ, не ожидавшимъ, что изъ нѣдръ ихъ выйдетъ Учитель Новой Вѣры, — и мы, неожиданно, лѣтъ черезъ 100 какихънибудь, изъ нашихъ государственныхъ нѣдръ, сперва безсословныхъ, а потомъ безцерковныхъ, или уже слабо церковныхъ, — родимъ... антихриста?».

Леонтьевъ былъ человѣкомъ строго православнымъ, исповѣдую византійское, филаретовское, оптинское православіе. И спрашивается, можетъ ли нѣчто отличное отъ этого православія называться по справедливости «православнымъ»?

Леонтьевъ говоритъ: «Византійскому Православію выучили меня вѣрить и служить знаменитые аѳонскіе духовники Іеронимъ и Макарій... Лично хорошимъ, благочестивымъ и добродѣтельнымъ христіаниномъ,

¹⁾ Николай Бердяевъ. Константинъ Леонтьевъ. YMCA PRESS (1926), стр. 268.

конечно, можно быть и при филаретовскомъ и при хомяковскомъ оттѣнкѣ въ Православіи; и были и есть таковыя... А вотъ уже **святымъ** нѣсколько вѣрнѣе можно стать на старой почвѣ, филаретовской, чѣмъ на новой славянофильской почвѣ». Приведя эти слова, Бердяевъ отъ себя добавляетъ: «Образъ св. Серафима, — совсѣмъ не византійскій и не филаретовскій, опровергаетъ Леонтьевъ» (стр. 238) и «своеобразіа русскаго православія онъ не видѣлъ. Онъ (Леонтьевъ) не зналъ блага христіанства св. Серафима, Христіанства Воскресенія» (стр. 206). Мы же въ настоящемъ изложеніи достаточно показали какая живая связь существовала между м. Филаретомъ и преп. Серафимомъ черезъ посредничество его ученика намѣстника Лавры о. Антонія. А еще ранѣе показано вліяніе на преп. Серафима аскетической византійской литературы.

Гдѣ же признаки «своеобразія въ русскомъ православіи»? Гдѣ же расхожденіе между серафимовымъ и филаретовскимъ православіемъ?

Держась православнаго ученія, Леонтьевъ отвергалъ хиліазмъ, какъ церковную ересь. Между тѣмъ, вѣра въ Царствіе Божіе на землѣ, основанная на мечтательной любви къ всечеловѣчеству, стала послѣ пушкинской рѣчи Достоевскаго общимъ моднымъ вѣрованіемъ. Леонтьевъ назвалъ эту восторженную любовь — «розовой любовью». Этого ему до сихъ поръ простить не могутъ. Ему приписываютъ будто онъ вообще отвергалъ любовь къ Богу и основывался въ дѣлѣ спасенія, руководствуясь лишь животнымъ страхомъ передъ адскими мученіями. Въ письмѣ къ одному студенту Леонтьевъ пишетъ о своемъ обращеніи: «пришла, наконецъ, неожиданная минута, когда я, до сихъ поръ вообще смѣлый, почувствовалъ незнакомый мнѣ дотолѣ **ужась**, а не просто страхъ. Этотъ ужась былъ въ одно и то же время и ужась грѣха и ужась смерти. А до той поры я ни того ни другого не чувствовалъ. Черта завѣтная была пройдена. Я сталъ бояться и Бога и Церкви. Съ теченіемъ времени физическій страхъ прошелъ, духовный остался и все возрасталъ». Страхъ Божій обязателенъ для всѣхъ христіанъ. Только у великихъ святыхъ совершенная любовь изгоняетъ страхъ.

Непризнанный никѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ ближайшихъ друзей, измученный и больной, Леонтьевъ нашелъ душевный покой, поселившись въ Оптиной Пустыни въ усадьбѣ построенной бывшимъ ученикомъ старца Льва и составившаго его жизнеописаніе — архіепископомъ Ювеналіемъ. Годы жизни въ Оптиной Пустыни были самыми мирными и покойными въ его жизни и даже плодотворными въ смыслѣ его писаній. Здѣсь можно привести четверостишье изъ «Пророка» Лермонтова:

*Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ въ пустынь я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.*

Здѣсь его духовникомъ и руководителемъ былъ о. Климентъ Зедергольмъ, сынъ пастора, магистръ греческой словесности. Послѣ его кончины, Леонтьевъ составилъ о немъ прекрасную монографію. Лишившись друга и духовника, онъ сталъ непосредственнымъ духовнымъ сыномъ старца Амвросія. Въ 1891 г. старецъ Амвросій постригъ его въ монашество съ именемъ Климента и отправилъ на жительство въ Троице-Сергіеву Лавру, зная что о. Климентъ неспособенъ подвизаться въ Оптиной Пустыни въ качествѣ рядового оптинскаго монаха, выполняя всѣ возложенныя послушанія. Прощаясь съ о. Климентомъ, старецъ Амвросій сказалъ ему: «мы скоро увидимся». Старецъ скончался 10-го октября 1891 г., а 12 ноября того же года послѣдовалъ за нимъ его постриженникъ о. Климентъ. Онъ умеръ отъ воспаления легкихъ.

Г л а в а XII.

Старець Іеросхимонахъ Іосифъ.

Старець Іосифъ, въ міру Иванъ, родился 2-го ноября 1837 г., умеръ 9-го мая 1911 г. Это былъ ближайшій ученикъ великаго старца Іеросхимонаха Амвросія, — ближайшій не по внѣшности только, но и по духу, по силѣ послушанія, преданности и любви. Это было поистинѣ «чадо любимое» старца Амвросія. Это чадо послушанія воспитывалось въ стѣнахъ смиренной, убогой «хибарки» старца Амвросія, проникнутой завѣтами великихъ старцевъ Льва и Макарія и молитвами ихъ продолжателя — старца Амвросія. Здѣсь въ этой тѣсной келліи, сдѣлавшейся для него «училищемъ благочестія», онъ прошелъ дѣломъ самую высшую изъ наукъ — монашество, и сталъ въ свое время самъ наставникомъ монаховъ. И какъ это было все просто, скромно, даже для многихъ незамѣтно...

Отличительной чертой характера о. Іосифа была необыкновенная скромность, деликатность, уступчивость; а со временемъ эти качества глубоко проникли все его существо и претворились въ великія добродѣтели смиренія, любви и ангельской кротости. Смирренная поступь, опущенные глаза, краткій отвѣтъ съ поклономъ и всегда неизмѣнная скромно-привѣтливая улыбка... Еще келейникомъ о. Амвросія всѣ какъ-то безотчетно проникались къ нему особымъ уваженіемъ, въ немъ чувствовалось что-то особенное.

Иванъ родился въ Харьковской губерніи. Родители его были люди простые, но благочестивые. Они очень любили читать духовныя книги и ходить въ храмъ Божій. Мать водила дѣтей съ собой въ церковь, и дома заставляла ихъ молиться. Маленькій Иванъ пѣлъ на клиросѣ.

Иванъ росъ веселымъ, рѣзвымъ и ласковымъ ребенкомъ. Своей чуткой душой онъ чувствовалъ чужое горе, но по застѣнчивости не могъ выразить свое сочувствіе. Ванѣ было 8 лѣтъ. Однажды, играя во дворѣ, онъ вдругъ измѣнился въ лицѣ, поднялъ голову и руки кверху и упалъ безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, его стали спрашивать, что съ нимъ случилось. Онъ отвѣтилъ, что видѣлъ въ воздухѣ Царицу Небесную, около Которой было солнце. Законоучитель Вани говорилъ, что изъ него выйдетъ что-то необыкновенное. Отецъ Вани хотѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ дѣтей пошелъ въ монастырь. Первой ушла его старшая сестра Александра — монахиня Леонида.

Ванѣ было 4 года, когда у него умеръ отецъ. Матери онъ лишился 11 лѣтъ. Она умерла отъ холеры. Ваня остался круглымъ сиротой. Онъ поселился у старшаго брата — Семена. Но Семенъ страдалъ запоемъ и скоро спустилъ все отцовское имущество. Онъ долженъ былъ идти работать въ чужіе люди; брата Ивана онъ тоже опредѣлилъ на мѣсто. Много мѣстъ пришлось перемѣнить юному Ивану. Онъ испыталъ и холодъ, и голодъ, иногда побои и разныя опасности.

Хотя онъ жилъ въ развращенной и грубой средѣ, ничто плохое не пристало къ нему. Молитва была неизмѣнной спутницей его скорбной жизни, а храмъ единственнымъ мѣстомъ утѣшенія. Наконецъ, ему удалось попасть на хорошее мѣсто къ купцу Рафаилову, который полюбилъ Ивана за его кроткій нравъ, и даже хотѣлъ выдать за него замужъ свою дочь. Но земныя привязанности были далеки отъ Ивана. Его чистую душу влекло въ монастырь. Любимымъ чтеніемъ его съ дѣтства было чтеніе житій святыхъ. Онъ собирался пойти на богомолье въ Кіевъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Когда купецъ предложилъ ему жениться на его дочери, онъ повторилъ свою просьбу отпустить его помолиться. Остальное онъ предоставилъ волѣ Божіей. Добрый его хозяинъ, видя горячее стремленіе юноши къ Богу, не посмѣлъ его удерживать. И вотъ Иванъ отправился къ святымъ мѣстамъ. По дорогѣ онъ зашелъ въ Святыя Горы, а затѣмъ въ Борисовскую женскую пустынь, гдѣ его сестра была монахиней. Эта обитель отличалась строгостью устава. Тамъ схимо-

нахиня Алипія посовѣтовала ему не ходить въ Кіевъ, а пойти въ Оптину къ старцамъ. Иванъ послушался ея совѣта и поѣхалъ въ Оптину. Придя къ старцу Амвросію, онъ разсказалъ ему всю свою жизнь и просилъ благословенія на поѣздку въ Кіевъ. Но старецъ посовѣтовалъ ему остаться въ Оптиной. Иванъ вѣрилъ, что въ словахъ старца заключается указаніе воли Божіей, и остался. Это было 1 марта 1861 г.

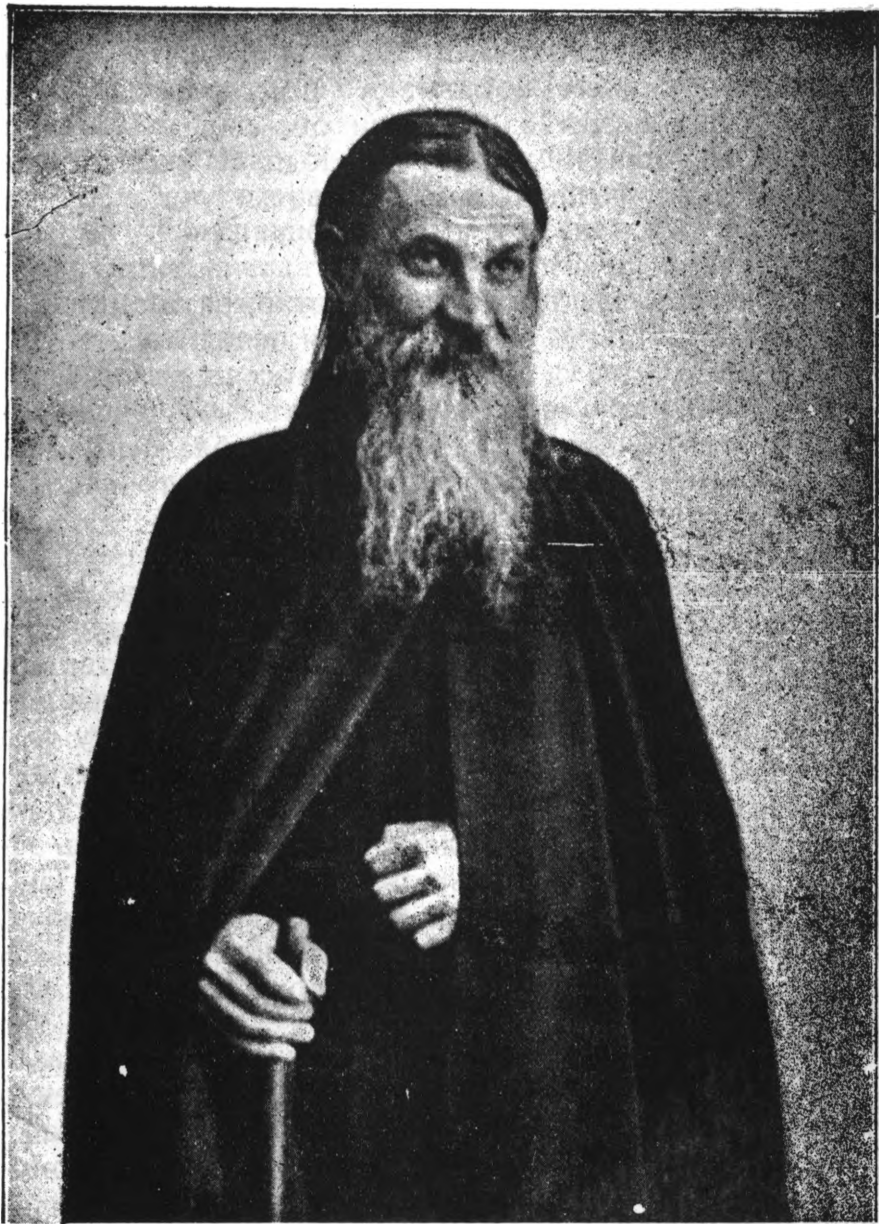
Первое его послушаніе въ Оптиной была работа на кухнѣ. Но уже вскорѣ ему предложили перейти къ старцу Амвросію, оцѣнивъ его добрыя качества: безпрекословное послушаніе, скромность и молчаливость. Въ «хибаркѣ» старца Амвросія онъ прожилъ ровно 50 лѣтъ. Первое время близость къ старцу, съ одной стороны, утѣшала его, а съ другой, постоянная суега и пріемъ посѣтителей смущали и тяготили его. Онъ опять сталъ мечтать о Кіевѣ и объ Аѳонѣ. Однажды о. Амвросій засталъ его за такими размышленіями. Читая его мысли, онъ сказалъ: «Братъ Иванъ, у насъ лучше, чѣмъ на Аѳонѣ, оставайся съ нами». Эти слова такъ поразили молодого послушника, что онъ понялъ, что его помыслы были только искушеніемъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ самымъ преданнымъ и любимымъ ученикомъ о. Амвросія. Не только воля старца, но каждое его слово было для него закономъ.

Старшимъ келейникомъ о. Амвросія былъ человѣкъ суровый и угрюмый, который не показывалъ новичку, какъ и что надо дѣлать, а когда тотъ ошибался, онъ укорялъ его. Вотъ эта то школа терпѣнія и сдѣлала старца Іосифа такимъ кроткимъ и смиреннымъ. Она же выработала въ немъ самоукореніе. Несправедливость раздражаетъ обыкновенно человѣка; но когда онъ, черезъ вниманіе къ своей совѣсти научится находить вину въ себѣ, тогда онъ прежде всего осуждаетъ себя и принимаетъ судъ ближняго какъ заслуженное отъ Бога за грѣхи наказаніе, и не раздражается, но еще и благодаритъ ближняго.

Неизмѣнно-благодушное настроеніе о. Іосифа вліяло на всѣхъ. Онъ со всѣми былъ миренъ и умѣлъ всѣхъ смирять своимъ смиреніемъ, кротостью и уступчивостью.

Въ 1872 г. онъ былъ постриженъ въ монашество съ

именемъ Іосифа. Его серьезное настроеніе съ той поры стало еще болѣе сосредоточеннымъ и глубокимъ. Онъ

Старецъ Іосифъ.

сохранилъ полное послушаніе своему старцу и безъ его благословенія ничего не дѣлалъ.

Черезъ пять лѣтъ онъ былъ посвященъ въ іеродіаконы. Его жизнь не измѣнилась послѣ этого, наоборотъ, прибавилось еще работы и заботъ. А спалъ онъ въ пріемной старца Амвросія. Эта комната иногда освобождалась отъ пріема посѣтителей поздно ночью, такъ что о. Іосифъ не имѣлъ времени отдохнуть. Нерѣдко старецъ Амвросій по завѣту св. Іоанна Лѣствичника испытывалъ терпѣніе и смиреніе своего ученика; онъ предлагалъ ему показать случай монашескаго безгнѣвія.

Въ 1884 г. была торжественно открыта Шамординская женская обитель, находившаяся недалеко отъ Оптиной. За литургіей о. Іосифъ былъ посвященъ въ іеромонахи. Съ перваго же дня онъ началъ свое священнослуженіе твердо, внятно, неторопливо и благоговѣйно. Самъ онъ въ дни служенія дѣлался какимъ-то радостнымъ.

По болѣзни о. Амвросій не выходилъ въ церковь. О. Іосифъ начинаетъ служить въ его кельѣ всеношныя. Онъ становится старшимъ келейникомъ и получаетъ келью вмѣстѣ съ другимъ келейникомъ. Какъ старшій келейникъ онъ считалъ своей главной обязанностью заботиться о спокойствіи старца Амвросія. Поэтому онъ часто выходилъ въ пріемную и внимательно выслушивалъ посѣтителей. Отвѣтъ старца онъ передавалъ въ точности, ничего не прибавляя отъ себя. Этимъ онъ заслужилъ уваженіе и любовь всѣхъ пріѣзжающихъ. Пріемъ у старца иногда затягивался до 11 часовъ ночи. Видя усталость старца, о. Іосифъ деликатно начиналъ заводить часы въ его комнатѣ, напоминая этимъ, что пора кончать.

Несмотря на большую занятость, о. Іосифъ находилъ время для чтенія твореній св. Отцовъ, особенно «Добротолюбія». Онъ былъ человѣкомъ глубокаго, внутренняго дѣланія, проходившій такъ называемую Іисусову молитву. Старецъ же Амвросій постепенно подготавливалъ его къ старческому служенію, уча его словомъ и собственнымъ примѣромъ. Онъ любилъ его и довѣрялъ, называя его своей правой рукой и никогда не разлучался съ нимъ въ теченіе 30 лѣтъ. Послѣ смерти о. Амвросія о. Іосифъ остался такимъ же смиреннымъ,

какъ былъ. Онъ никогда не придавалъ себѣ никакого значенія и говорилъ: «Что я значу безъ батюшки? Нуль и больше ничего».

О. Іосифъ былъ слабаго здоровья и очень воздержанъ въ пищѣ. Онъ никогда и ничѣмъ не выдавался. Тихо и скромно онъ дѣлалъ свое дѣло. Онъ былъ истиннымъ помощникомъ старца, но держалъ себя такъ, какъ будто и не былъ такъ высоко поставленъ. Обращеніе его было непринужденно и духовно-просто. Любовь о. Іосифа къ старцу Амвросію была такъ глубока, что онъ готовъ былъ отдать за него свою жизнь. Ни словомъ, ни дѣломъ, ни мыслию онъ не противорѣчилъ старцу.

Въ послѣдніе годы жизни старца Амвросія къ нему стало приходиться такъ много посѣтителей, что онъ не могъ принять всѣхъ. Многихъ онъ посылалъ къ о. Іосифу. Въ 1888 г. о. Іосифъ сильно заболѣлъ и готовился къ смерти. Ему уже прочитали отходную. Старецъ Амвросій очень скорбѣлъ о своемъ любимомъ ученикѣ и, конечно, горячо молился о немъ. Наконецъ, о. Іосифъ поправился. Послѣ выздоровленія онъ сталъ помогать о. Амвросію тѣмъ, что исповѣдывалъ народъ. Въ этомъ же году лѣтомъ, о. Амвросій благословилъ его съѣздить въ Кіевъ, куда онъ такъ стремился 30 лѣтъ тому назадъ. Проѣздомъ туда онъ заѣхалъ въ монастырь, гдѣ жила его сестра, монахиня Леонида. Радости ея не было конца, при видѣ своего «братика».

Черезъ два года о. Амвросій совсѣмъ переселился въ обитель Шамордино, а о. Іосифу онъ велѣлъ оставаться въ Оптиной. О. Іосифъ сильно скучалъ безъ старца, но покорный волѣ Божіей и старца примирился со своимъ новымъ положеніемъ. Еще черезъ годъ, въ 1891 г., старецъ Амвросій тяжело заболѣлъ и скоро умеръ. Всѣ близко знавшіе о. Амвросія тяжело переносили эту смерть, но тяжелѣе всѣхъ ее переносилъ о. Іосифъ. Однако, онъ не потерялся и не упалъ духомъ, а еще утѣшалъ другихъ. Послѣ смерти о. Амвросія духовное «окормленіе» Шамординской обители перешло къ о. Іосифу. А вскорѣ послѣ смерти скитоначальника о. Анатолія, о. Іосифъ занялъ и эту должность и съ нею сталъ старцемъ для всей братіи Оптиной Пустыни.

Итакъ, «хибарка» о. Амвросія, свидѣтельница столь-

кихъ молитвъ и подвиговъ, не опустѣла. Духовныя чада о. Амвросія видѣли въ о. Іосифѣ его преемника.

Распорядокъ дня о. Іосифа былъ заведенъ разъ и навсегда. Съ утра онъ принималъ посѣтителей. Послѣ трапезы немного отдыхалъ, а затѣмъ опять принималъ народъ. Къ себѣ онъ былъ всегда строгъ и никогда не позволялъ себѣ никакихъ послабленій. Въ обращеніи онъ былъ ровень со всѣми. Его краткіе отвѣты и сжатыя наставленія были дѣйствительнѣе самыхъ продолжительныхъ бесѣдъ. Кромѣ вліянія своимъ благодатнымъ словомъ на душевное расположеніе человѣка, о. Іосифъ имѣлъ еще несомнѣнный даръ исцѣленія болѣзней душевныхъ и тѣлесныхъ. Случаевъ, въ которыхъ ясно обнаруживался его даръ прозорливости, такъ много, что невозможно ихъ передать. Вотъ два примѣра. Одна козловская помѣщица рѣшила поѣхать въ Оптину Пустынь и пригласила своихъ дочерей ее сопровождать. Младшая согласилась, а старшая предпочла остаться дома, чтобы развлекаться съ ожидавшимися гостями. Оптина понравилась помѣщицѣ и она собиралась здѣсь подольше пожить. Но о. Іосифъ послалъ ее немедленно домой, говоря, что надо торопиться, «а то, пожалуй, и гроба не застаните». Подъѣзжая къ дому, помѣщица, дѣйствительно, увидѣла гробъ, который выносили изъ дома: ея старшая дочь убилась, упавъ съ лошади при верховой ѣздѣ.

Другой примѣръ прозорливости о. Іосифа приводится нами впервые. Въ книгѣ «На Берегу Божіей Рѣки» изданной въ Тр. Сергіевой Лаврѣ въ 1916 г. написано слѣдующее:

«25 сентября. День Преподобнаго Сергія Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца. День моего Ангела. Вчера съ вечера у насъ въ домѣ служили всенощную, и какъ же это было умирительно! И весь сегодняшний день сердце праздновало какою-то особенною праздничною радостью.

Ходили къ старцамъ. Старецъ о. Іосифъ поразилъ меня нѣкоею неожиданностью, какой я отъ него никогда не видѣлъ и ожидать не могъ. Принялъ онъ насъ въ своей комнаткѣ. Сидѣлъ онъ слабенькій, но очень благодушный, на своемъ диванѣ, одѣтый въ теплый подряс-

никъ сѣраго цвѣта изъ какого-то очень мягкаго пушистаго сукна. Подрысникъ былъ опоясанъ довольно тонкимъ шнуркомъ, сплетеннымъ изъ нѣсколькихъ шнурковъ — бѣлыхъ и красныхъ. Мы стали передъ старцемъ

на колѣни, чтобы принять его благословеніе. Батюшка благословилъ и, вдругъ, порывистымъ движеніемъ снялъ съ себя шнурокъ и со словами:

— «Ну, вотъ, на — тебѣ!»

Надѣлъ мнѣ его на шею и ловко завязалъ его мнѣ на груди узломъ, на рѣдкость красивымъ и искуснымъ.

Что бы это могло значить?»

Авторъ С. А. Нилусъ недоумѣвалъ и спрашивалъ себя, что значитъ это, повидимому, имѣющее какое-то значеніе дѣйствіе старца-пророка?

Объясненіе этому связыванію пришло въ голову гораздо позднѣе. Связываніе поясомъ символически обозначаетъ темничное заключеніе, что и произошло съ Нилусомъ, приблизительно, черезъ 20 лѣтъ. Въ Дѣянїяхъ пророкъ Агавъ поясомъ Ап. Павла связалъ себѣ руки и ноги: «мужа чей этотъ поясъ такъ свяжутъ въ Іерусалимѣ іудеи и предадутъ въ руки язычниковъ» (Дѣян. XXI. 11).

Уча другихъ терпѣнію, смиренію, незлобію, старецъ Іосифъ самъ первый подавалъ примѣръ въ исполненіи всѣхъ этихъ добродѣтелей. Всякія скорби онъ переносилъ съ такимъ благодушіемъ и спокойствіемъ, что посторонніе не догадывались о переживаемыхъ имъ испытанїяхъ. Онъ призывалъ своихъ духовныхъ чадъ къ творенію Іисусовой молитвы, указывая при этомъ, что при этой молитвѣ необходимо смиренно вести себя во всемъ: во взглядѣ, въ походкѣ, въ одеждѣ. Молитвою достигается даже сама молитва.

О. Іосифъ пробылъ на своемъ посту скитоначальника и старца братїи 12 лѣтъ. Послѣднія пять лѣтъ онъ сталъ ослабѣвать и иногда по два дня не принималъ ничего. Съ 1905 г. онъ сталъ особенно часто прихварывать, но духомъ былъ все такъ же бодръ и ясенъ. На послѣдокъ ему пришлось отказаться отъ должности скитоначальника. Въ Шамординской обители умерла умная и способная настоятельница. Сразу усилился притокъ дѣлъ, вопросовъ и хлопотъ. Старецъ Іосифъ слегъ и больше уже не вставалъ. Простившись съ оптинской братїей и съ Шамординскими и Бѣлевскими сестрами, онъ скончался 9-го мая 1911 г.

Въ жизнеописаніи старца о. Іосифа (переизданномъ Св.-Троицкимъ монастыремъ въ Джорданвиллѣ въ 1962 г. стр. 117-120) приведенъ рассказъ о. прот. Павла Левашева, который сподобился видѣть старца о. Іосифа, озареннаго еаворскимъ свѣтомъ, сопровождающимъ высокую степень умно-сердечной молитвы, какъ о томъ пишутъ святые отцы въ Добротолюбїи. Вотъ прямой текстъ рассказа о. Павла:

«Въ 1907 году я первый разъ посѣтилъ Оптину пустынь какъ-то случайно, ибо къ этому не готовился. Кое-что слыхалъ раньше о старцахъ, но никогда ихъ не видалъ. Когда я приѣхалъ въ обитель, то прежде всего легъ спать, такъ-какъ въ вагонѣ провелъ бессонную ночь. Колоколъ къ вечернѣ разбудилъ меня. Богомольцы отправились въ храмъ на богослуженіе, я же поспѣшилъ въ скитъ, чтобы имѣть возможность побесѣдовать, когда всего менѣе было посѣтителей. Разспросивъ дорогу въ скитъ, а тамъ келлію старца Іосифа, я, наконецъ, пришелъ въ приѣмную хибарки. Приемная — это маленькая комнатка съ весьма скромной обстановкой. Стѣны украшены портретами разныхъ подвижниковъ благочестія и изреченіями св. отцовъ. Когда я пришелъ, тамъ былъ только одинъ посѣтитель, чиновникъ изъ Петербурга. Въ скоромъ времени пришелъ келейникъ старца и пригласилъ чиновника къ батюшкѣ, сказавъ мнѣ: «онъ давно ждетъ». Чиновникъ побылъ минуты три и возвратился; я увидѣлъ: отъ головы его отлетали клочки необыкновеннаго свѣта, а онъ, взволнованный, со слезами на глазахъ, рассказывалъ мнѣ, что въ этотъ день утромъ изъ скита выносили чудотворный образъ Калужской Божіей Матери, батюшка выходилъ изъ хибарки и молился; тогда онъ и другіе видѣли лучи свѣта, которые расходились во всѣ стороны отъ него молящагося. Черезъ нѣсколько минутъ и меня позвали къ старцу. Вошелъ я въ убогую его келейку, полумрачную, съ бѣдной, только деревянной обстановкой. Въ это время я увидѣлъ глубокаго старца, изможденнаго непрерывнымъ подвигомъ и постомъ, едва поднимающагося со своей коечки. Онъ въ то время былъ боленъ. Мы поздоровались; чрезъ мгновение я увидѣлъ необыкновенный свѣтъ вокругъ его головы четверти на полторы высоты, а также широкій лучъ свѣта, падающій на него сверху, какъ-бы потолокъ кельи раздвинулся. Лучъ свѣта падалъ съ неба и былъ точно такой-же, какъ и свѣтъ вокругъ головы, лицо старца сдѣлалось благодатнымъ, и онъ улыбался. Ничего подобнаго я не ожидалъ, а потому былъ такъ пораженъ, что рѣшительно забылъ всѣ вопросы, которые толпились въ моей головѣ, и на которые я такъ желалъ получить отвѣтъ опытнаго въ духовной жизни

старца. Онъ, по своему глубочайшему христіанскому смиренію и кротости, — это отличительныя качества старца, — стоитъ и терпѣливо ждетъ, что я скажу, а я пораженный не могу оторваться отъ этого, для меня совершенно непонятнаго, видѣнія. Наконецъ, я едва сообразилъ, что хотѣлъ у него исповѣдоваться и началъ, сказавъ: «Батюшка! я великій грѣшникъ». Не успѣлъ я сказать это, какъ въ одинъ моментъ лицо его сдѣлалось серьезнымъ, и свѣтъ, который лился на него и окружалъ его голову — скрылся. Предо мной опять стоялъ обыкновенный старецъ, котораго я увидѣлъ въ моментъ, когда вошелъ въ келью. Такъ продолжалось не долго. Опять заблесталъ свѣтъ вокругъ головы и опять такой-же лучъ свѣта появился, но теперь въ нѣсколько разъ ярче и сильнѣе. Исповѣдывать меня онъ отказался по болѣзни своей. Спросилъ я совѣта его объ открытіи въ своемъ приходѣ попечительства и просилъ его св. молитвъ. Я не могъ оторваться отъ столь чуднаго видѣнія и разъ десять прощался съ батюшкой и все смотрѣлъ на его благодатный ликъ, озаренный ангельской улыбкой и этимъ неземнымъ свѣтомъ, съ которымъ я такъ и оставилъ его. Послѣ еще три года я ѣздилъ въ Оптину пустынь, много разъ былъ у батюшки о. Іосифа, но такимъ уже болѣе никогда не видѣлъ его.

Свѣтъ, который я видѣлъ надъ старцемъ, не имѣетъ сходства ни съ какимъ изъ земныхъ свѣтовъ, какъ-то: солнечнымъ, фосфорическимъ, электрическимъ, луннымъ и т. д.; иначе, подобнаго въ видимой природѣ я не видѣлъ.

Я объясняю себѣ это видѣніе тѣмъ, что старецъ былъ въ сильномъ молитвенномъ настроеніи, и благодать Божія, видимо, сошла на избранника своего. Но почему я удостоился видѣть подобное явленіе, объяснить не могу, зная за собой одни грѣхи, и похвалиться могу только немощами своими. Быть можетъ, Господь призывалъ меня, грѣшнаго, на путь покаянія и исправленія, показывая видимо, какой благодати могутъ достигнуть избранники Божіи еще въ этой земной юдоли плача и скорбей.

Мой разсказъ истиненъ уже потому, что я послѣ сего видѣнія чувствовалъ себя несказанно радостно,

Старецъ Іосифъ на болѣзненномъ одрѣ.

съ сильнымъ религіознымъ воодушевленіемъ, хотя передъ тѣмъ, какъ итти къ старцу, подобнаго чувства у меня не было. Прошло уже четыре года послѣ того, но и теперь, при одномъ воспоминаніи о семъ, переживаю умиленіе и восторгъ. Мой разсказъ — «іудеямъ будетъ соблазнъ, эллинамъ безуміе», маловѣрнымъ, колеблющимся и сомнѣвающимся въ вѣрѣ — выдумкой, фантазіей, и въ лучшемъ случаѣ объяснятъ галлюцинаціей. Въ наше время невѣрія, безвѣрія и религіознаго развала, подобныя сказанія вызываютъ только улыбку, а иногда и озлобленіе. Что-жъ? молчать ли намъ, служителямъ истины, — да не будетъ! Приснопамятный старецъ Іосифъ поистинѣ свѣтильникъ горящій и свѣтящій, — свѣтильникъ же не ставятъ подъ спудомъ, а на свѣщницѣ, чтобы онъ свѣтилъ всѣмъ, находящимся въ истинной Церкви Христовой. Прошу всѣхъ вѣрующихъ христіанъ молиться за него, чтобы и онъ помолился за насъ предъ Престоломъ Божиимъ.

Все вышесказанное передаю, какъ чистую истину, нѣтъ здѣсь и тѣни преувеличенія или выдумки, что свидѣтельствую именемъ Божиимъ и своей іерейской совѣстью».

Отецъ Павелъ пишетъ: «Въ 1907 г. я посѣтилъ Оптину Пустынь какъ-то случайно». И, дѣйствительно, цѣлью его путешествія не было намѣреніе посѣтить Оптину Пустынь. Онъ тамъ оказался, будучи въ гостяхъ у моей тетушки, которая въ то время съ мужемъ своимъ жила тамъ постоянно. О. Павла я помню еще въ дѣтствѣ, когда онъ пріѣзжалъ на праздникъ со святой водой къ той самой моей тетѣ Еленѣ Александр. Озеровой, бывшей тогда попечительницей Рождественскихъ фельдшерскихъ женскихъ курсовъ. гдѣ о. Павелъ былъ настоятелемъ церкви. Къ ней-то онъ и поѣхалъ погостить въ Оптину Пустынь. О. Павелъ, будучи прекраснымъ священникомъ, но какъ и большинство въ Россіи бѣлаго духовенства былъ противникомъ монашества. И вотъ какое потрясеніе ожидало его по прибытіи въ Оптину Пустынь! Онъ сталъ тогда послушникомъ Оптинскихъ старцевъ.

Въ 1916 г. мнѣ пришлось зимовать въ Петербургѣ и тамъ я ходила на исповѣдь къ о. Павлу. Передо мной былъ человѣкъ необычайно углубленный, сосредото-

ченый, боящийся произнести лишнее слово. Это былъ строгій монахъ, хотя и безъ пострига. Онъ часто участвовалъ въ всенощныхъ бдѣніяхъ, которыя совершались ночью на Карповкѣ въ церкви-гробницѣ о. Іоанна Кронштадтскаго. Тамъ же онъ служилъ еженедѣльно акаѳисты въ страннопріимницѣ. Во время упоминанія имени Божіей Матери принимались выть злые духи, сидѣвшіе въ одержимыхъ, приходившихъ туда въ надеждѣ исцѣленія. Вой этотъ тончайшій мистическій не похожій на голосъ человѣческій. Онъ неописуемъ, острый и ледяной, леденящій ужасомъ душу. Я еле могла удержаться отъ крика ужаса, когда они выпускали свой вой. Душа трепещетъ, какъ птица, слыша голосъ своего лютаго врага.

Въ описываемое время о. Павелъ былъ настоятелемъ церкви при Главномъ Штабѣ. Послѣ революціи онъ перѣхалъ въ Москву и священствовалъ въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ. Дальше я не знаю.

Г л а в а XIII.

Старецъ Іеросхимонахъ Анатолій.

(1824-1897)

Старецъ Іеросхимонахъ Анатолій родился 24 марта 1824 г. въ селѣ Боболи, Калужской губ. Онъ былъ сыномъ дьякона о. Моисея Копьева и его супруги Анны Сергѣевны. Родители его были на рѣдкость богобоязненными и желали видѣть дѣтей своихъ въ иноческомъ званіи. Они воспитывали своего единственнаго сына Алексѣя въ извѣстной строгости. Съ 5-лѣтняго возраста отецъ обучалъ Алексѣя грамотности и хотѣлъ, чтобы его сынъ могъ читать на клиросѣ. Но у мальчика былъ слишкомъ слабый голосъ. Въ свое время Алексѣй былъ отданъ въ Боровское духовное училище, а когда окончилъ курсъ ученія, былъ переведенъ въ семинарію въ Калугу. 14-ти лѣтъ онъ заболѣлъ горячкою и пропустилъ годъ ученія. Здоровьемъ онъ не отличался. Стремленіе къ монашеству въ немъ было развито рано и онъ чуть не ушелъ въ Рославльскіе лѣса къ пустынникамъ. Страшная гроза, которая захватила его въ дорогѣ дала ему понять, что Господь препятствуетъ его намѣренію. Окончивъ семинарію, Алексѣй Моисеевичъ Зерцаловъ, какъ его переименовали въ семинаріи, поступилъ на службу въ казенную палату. Но вскорѣ чудо выздоровленія отъ чахотки привело его навсегда въ стѣны Оптиной Пустыни. Онъ пришелъ туда съ матерью. «Благословенна ты, добрая женщина, на какой хорошій путь отпустила сына», сказалъ ей тамъ старецъ Макарій. Онъ сталъ обучать молодого послушника Іисусовой молитвѣ и съ любовью имъ руководить.

Когда старецъ бывалъ занятъ, онъ благословилъ Алексіа обращаться къ о. Амвросію, объяснивъ свой выборъ: «онъ пошустрѣе». Кромѣ этого бр. Алексій обра-

щался за духовнымъ руководствомъ и къ о. Антонію Путилову съ вѣдома и одобренія о. Макарія. Онъ называлъ въ шутку будущаго о. Анатолія «высочайшимъ» изъ за его высокаго роста, но также имѣя ввиду его духовное устроеніе. Несмотря на доброе расположеніе къ нему его руководителей, жизнь бр. Алексія въ монастырѣ была полна скорбей и трудностей. О. Макарій велъ его тропой иноческаго подвига. Сначала онъ работалъ на кухнѣ, гдѣ приходилось ему мало спать, да еще спать на дровахъ. Затѣмъ его переводили изъ кельи въ келью, не успѣвъ онъ привести свое помѣщеніе въ порядокъ, какъ его снова переводятъ. Наконецъ, его поселили въ башнѣ, гдѣ его собрать не признавалъ старчества и былъ съ нимъ грубъ. Отъ непривычки мало спать и тяжелаго физическаго труда у него сильно болѣла голова. Цѣлыми днями онъ лежалъ съ больной головой и некому было подать ему воды и онъ оставался безъ пищи. А внизу подъ башней кололи дрова. Такихъ и подобно этому скорбей было неперечестъ. Путемъ этихъ огорченій въ немъ вырабатывался духъ смиренія, терпѣнія, кротости и твердости духа. Однажды пріѣхалъ въ Оптину Пустынь преосвященный Игнатій (Брянчаниновъ), пожелалъ видѣть и бесѣдовать съ тѣмъ изъ иноковъ, кто бы опытно проходилъ святоотеческое ученіе о молитвѣ Иисусовой. Ему указали на о. Анатолія. Епископъ долго бесѣдовалъ съ инокомъ. Бесѣда инока очень ему понравилась. Прощаясь съ о. Анатоліемъ, преосвященный не могъ не выразить своего уваженія и удивленія къ иноку и говорилъ объ удовольствіи своемъ встрѣтить инока образованнаго и опытнаго въ духовной жизни. Былъ же о. Анатолій у епископа только послѣ двухкратнаго приглашенія и по приказанію старцевъ. Но когда онъ встрѣтилъ о. Макарія и простосердечно все ему пересказалъ, старецъ при всемъ народѣ сталъ его бить палкой и говорить: «Ахъ ты негодяй! вообразилъ, что онъ хорошій! Вѣдь преосвященный аристократъ, на комплиментахъ выросъ, онъ изъ любезности сказалъ тебѣ такъ, а ты и уши развѣсилъ, думая, что это правда!» Со стыдомъ пошелъ къ себѣ инокъ... А о. Макарій сказалъ послѣ его ухода: «Какъ не пробрать? Долго ли загордиться!» О. Анатолій тогда былъ уже іеродиаконъ.

Когда умеръ о. Макарій, о. Анатолій и о. Амвросій

особенно сблизились между собой, потерявъ любимаго ими обоими старца и руководителя. О. Амвросій, увидѣвъ, что о. Анатолій сталъ уже достигать мѣры высокаго духовнаго устроенія и созрѣлъ, чтобы наставлять другихъ, постепенно сталъ вводить его въ свой старческій трудъ, дѣлая его своимъ сотрудникомъ, подобно тому, какъ и его велъ въ свое время о. Макарій. Еще когда о. Анатолій былъ іеродіакономъ, о. Амвросій посылалъ его на гостиницу утѣшать скорбныхъ и печальныхъ, куда о. Анатолій ходилъ и бесѣдовалъ съ ними.

Въ 1870 г. о. Анатолій былъ посвященъ въ іеромонахи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ Свномомъ указомъ отъ 3-го авг. 1871 г. настоятелемъ Спасо-Орловскаго монастыря, Вятской губ., съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, но ради трудовъ старчества и послушанія о. Амвросію, отецъ Анатолій отказался отъ служебной карьеры.

Видя духовное возрастаніе о. Анатолія, о. Амвросій выпросилъ его сначала къ себѣ въ помощники, потомъ въ благочинные скита. Это назначеніе послѣдовало скоро по посвященіи о. Анатолія во іеромонахи и, наконецъ, по просьбѣ о. Амвросія, о. Анатолій былъ назначенъ скитоначальникомъ (1874). Будучи таковымъ, онъ входилъ во всѣ нужды скитской братіи и заботился о благосостояніи каждаго. Всѣ эти назначенія о. Анатолій принималъ изъ послушанія своему старцу и несъ ихъ смиренно и трудолюбиво.

Здѣсь мы приведемъ случай, отмѣченный Нилусомъ въ его оптинскомъ дневникѣ, озаглавленномъ «На берегу Божьей рѣки» (изданнымъ въ 1916 г. въ Тр. Серг. Лаврѣ). Случай указываетъ на духовную бдительность, требуемую отъ скитоначальника.

«11-го мая. Заходилъ сегодня къ старцу о. Іосифу, и не дозвонился. Должно быть, пришелъ слишкомъ рано, и келейники старца отдыхали послѣобѣденнымъ сномъ. Подергалъ я раза три за ручку двернаго колокольчика, подождалъ, прислушался къ тишинѣ внутри кельи батюшки . . . Никто не отозвался на мой звонокъ. Я уже собрался уходить, какъ, вдругъ, взглядъ мой остановился на изреченіяхъ подвижниковъ духа, развѣшанныхъ по стѣнамъ первой прихожей кельи старца. Сталъ читать и, къ немалому для себя и даже, — не скрою, —

соблазну, прочелъ написанныя четкимъ полууставомъ слова:

«Егда внидеши къ старцу, то удержи сердце свое отъ соблазна. Аще даже узриши старца твоего и въ

Старецъ Анатолій (Зерцаловъ).

блудъ впадша, не ими вѣры и очесамъ твоимъ».

Дословно ли такъ я записалъ эти смутившія меня слова, я не могу поручиться; за точность смысла ручаюсь.

И было мнѣ это изреченіе въ соблазнъ немалый. Хотѣлъ я позвониться къ отцу своему духовному и старцу, о. Варсонофію, но поопасался потревожить и его по-

слѣобѣденный отдыхъ. Такъ и ушелъ изъ скита съ соблазномъ въ сердцѣ.

Хорошъ тотъ старецъ, котораго глаза мои застигнутъ на блудодѣяніи!.. Очень удобное изреченіе для ханжей и лицемѣровъ!.. И какъ только оно могло пріютиться въ такомъ мѣстѣ, какъ келья нашихъ чистыхъ отъ всякихъ подозрѣній и праведныхъ старцевъ?...

Горько мнѣ было... И вдругъ я вспомнилъ... Было это въ прошломъ октябрѣ. На день памяти одного изъ великихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ были именины одного изъ старыхъ, почитаемыхъ скитскихъ монаховъ, сподвижника и помощника великаго старца Амвросія по постройкѣ Шамординскаго монастыря, отца Іоилы. Я былъ приглашенъ на чай къ этому хранителю Оптиныхъ преданій. Собралось насъ въ чистенькой и уютной кельѣ именинника человѣкъ шесть монаховъ да я, мірской любитель ихъ и почитатель. За весело кипящимъ самоварчикомъ, попивая чаекъ съ медкомъ отъ скитскихъ пчелокъ, повели старцы, убѣленные сѣдинами, умудренные духовнымъ опытомъ, свои тихія, исполненные премудрости и вѣдѣнія, монашескія бесѣды...

Господи мой, Господи! Что за сладость была въ рѣчахъ тѣхъ для вѣрующаго сердца!...

И, вотъ, тутъ-то, за незабвенной бесѣдой этой, и повѣдалъ намъ самъ именинникъ о томъ, что было съ нимъ въ тѣ дни, когда, послѣ кончины старца Амвросія, управлялъ скитомъ и несъ на себѣ иго старчества скитоначальникъ о. Анатолій:

«Призываетъ онъ меня какъ-то разъ къ себѣ наединѣ, да и говоритъ:

— «О. Іоиль, скажи мнѣ всю истинную правду, какъ передъ Богомъ: никто не ходитъ къ тебѣ по ночамъ изъ мірскихъ въ келью?»

— «Помилуйте», — говорю ему, — «батюшка! кому ходить ко мнѣ, да еще ночью? Да гдѣ и пройти-то? — вѣдь, скитъ кругомъ запертъ, и всѣ ключи у насъ въ кельѣ».

— «А калитка, что въ лѣсъ, на востокъ?»

— «Такъ что-жъ, что калитка? ѿ нея ключъ у васъ».

— «Вотъ», — говоритъ, — «то-то и бѣда, то-то и

горе: ключъ у меня, а къ тебѣ, все-таки, какая-то женщина ходитъ».

Я чуть не упалъ въ обморокъ. Батюшка увидалъ это, да и говоритъ:

— «Ну, ну! успокойся. Я тебѣ вѣрю, разъ ты это отвергаешь. Это, видно, поклепъ на тебя. Ступай съ Богомъ!»

— «Батюшка», — спрашиваю, — «кто донесъ вамъ объ этомъ?»

— «Ну, что тамъ», — говоритъ, «кто бы ни донесъ, это не твое дѣло; будетъ съ тебя того, что я тебѣ вѣрю, а доносу не вѣрю».

Ушелъ я отъ него, а на сердцѣ обида и скорбь великая: жилъ, жилъ монахъ столько лѣтъ по-монашески, а что нажилъ? Нѣтъ, при батюшкѣ Амвросіи такого покаяна на меня не было бы... Горько мнѣ было, лихо!

Прошло сколько-то времени. Опять зовутъ меня къ скитоначальнику. Прихожу. Встрѣчаетъ меня гнѣвный.

— «Ты что же это? ты такъ-то!»

— «Что, батюшка?»

— «Да то, что я теперь самъ, своими глазами, видѣлъ, какъ къ тебѣ изъ той калитки сегодняшней ночью приходила женщина. Самъ, понимаешь ли ты, — самъ!»

А я чистъ, какъ младенецъ. Тутъ мнѣ кто-то, будто, шепнулъ: да это врагъ былъ, а не женщина. И просвѣтлѣло у меня сразу на сердцѣ.

— «Батюшка! вѣрьте Богу: невиненъ я! Это насъ враженокъ хочетъ спутать, это онъ злодѣйствуетъ».

О. Анатолій взглянулъ на меня пристально-пристально, въ самую душу сквозь глаза заглянулъ и, видимо, успокоился.

— «Ну, коли такъ, такъ давай съ тобой вмѣстѣ помолимся Богу, чтобы Онъ извелъ правду твою, яко полудне. Давай молиться, а ночью, часамъ къ двѣнадцати, приходи ко мнѣ: увидимъ, что речетъ о насъ Господь».

Усердно помолился я въ тотъ день Богу.

Пришелъ близъ полуночи къ старцу, а ужъ онъ меня ждетъ одѣтый.

— «Пойдемъ!» — говоритъ.

И пошли мы къ той калиткѣ, изъ которой, онъ ви-

дѣлъ, ходитъ ко мнѣ ночью женщина. Стали къ сторонкѣ; ждемъ. Я дрожу, какъ въ лихорадкѣ, и творю молитву Іисусову. И что жъ вы думаете? Около полуночи, смотримъ, калитка въ лѣсъ отворяется, и изъ нея выходитъ закутанная съ головой женщина, выходитъ, направляется прямо къ двери моей кельи, отворяетъ ее и скрывается за ней въ моей кельѣ.

— «Видишь?» — говоритъ батюшка.

А я ни живъ, ни мертвъ отвѣчаю:

— «Вижу».

Подошли къ двери, а она заперта. Была передъ нашими глазами открыта, а тутъ, вдругъ, заперта!... Отворяю своимъ ключемъ. Входимъ. Никого! Осмотрѣли всюду, всѣ норки мышиныя оглядѣли: нигдѣ никого. Перекрестились тутъ мы оба, и оба сразу поняли, отъ кого намъ было это навожденіе. Съ той поры о той женщинѣ уже не было никакого разговора».

Этотъ разсказъ о. Іоіля вспомнилъ сегодня, и отошелъ отъ меня сразу соблазнъ на изреченіе, прочитанное мною въ прихожей старца Іосифа.

Мнѣ-то ясно это. Ясно-ли будетъ тѣмъ, кому попадутся на глаза эти строки?...

Къ старцу Амвросію, ставъ скитоначальникомъ, о. Анатолій продолжалъ относиться съ тѣмъ же почтеніемъ, какъ и прочіе, когда бывалъ у старца, становился передъ нимъ на колѣни. Однажды о. Амвросій, указывая на колѣнопреклоненнаго о. Анатолія, сказалъ присутствующимъ: «рекомендую: вотъ мой начальникъ!» Келлія о. Амвросія находилась по правую сторону св. вратъ скита, а келлія о. Анатолія по лѣвую. Къ той и другой были пристроены снаружи «хибарки» для пріема постороннихъ посѣтителей, въ особенности женскаго пола. Всѣ посѣщавшіе о. Амвросія считали долгомъ посѣтить и о. Анатолія — иныхъ самъ о. Амвросій передавалъ для духовнаго руководства о. Анатолію — иные черезъ о. Анатолія обращались къ о. Амвросію. Къ о. Анатолію, еще при жизни о. Амвросія, обращались столь многіе, что иногда ему приходилось сразу отвѣчать на полтораста и болѣе писемъ, не говоря уже о томъ, что въ хибаркѣ у него постоянно толпились духовныя дѣти, жаждавшія личной бесѣды.

Но вотъ наступило время основанія Шамординской

обители. О. Амвросій, прикованный болѣзненнымъ состояніемъ къ одру и къ своей келліи, особенно сталъ нуждаться въ своемъ помощникѣ и правой рукѣ — о. Анатолиіи, который и сталъ ему самымъ вѣрнымъ и преданнымъ сотрудникомъ. Его труды охватывали всѣ стороны жизни обители и ея насельницъ . . . О. Амвросій не разъ говаривалъ шамординскимъ сестрамъ: «Я рѣдко васъ беру къ себѣ (на бесѣду) потому, что я за васъ спокоенъ: вы съ о. Анатоліемъ».

21 годъ служилъ старецъ своимъ чадамъ-насельницамъ юной обители, и неудивительно, что всѣ привыкли къ нему. Слова и утѣшенія имѣли такую силу, что многія сестры остались въ монастырѣ и не покинули его только благодаря силѣ старческаго вліянія.

Самъ пламенный молитвенникъ — дѣлатель молитвы Іисусовой, о. Анатолій всегда внушалъ сестрамъ непрестанно творить эту молитву и при этомъ напоминалъ имъ о необходимости соблюдать чистоту сердца. О. Амвросій называлъ о. Анатолія великимъ старцемъ и дѣлателемъ молитвы Іисусовой: «Ему такая дана молитва и благодать», говорилъ онъ, «какая единому отъ тысячи дается», т. е. умно-сердечная молитва. О. Анатолій наклонѣ дней своихъ имѣлъ тѣ же дары духовнаго совѣта, прозрѣнія въ тайники души человѣческой и знанія будущаго, чѣмъ были такъ богаты его наставники великіе старцы Макарій и Амвросій. Онъ предузнавалъ о смерти близкихъ его духовныхъ дѣтей, ихъ болѣзни и невзгоды, и осторожно предупреждалъ тѣхъ, къ кому приближалось испытаніе. Воспоминанія его духовныхъ дѣтей полны описаніемъ подобныхъ событій. Одной инокинѣ и одному иноку еще задолго онъ преуказалъ ожидавшія ихъ настоятельства, а одной дѣвушкѣ пріоткрылъ скорую кончину; монахинѣ болѣзни ногъ. Предупреждая о готовящихся испытаніяхъ, онъ внушалъ своимъ чадамъ принимать таковыя съ покорностью волю Божіей.

Когда же скончался старецъ Амвросій, о. Анатолій тяжело почувствовалъ свое духовное сиротство и самъ сталъ быстро приближаться къ закату своей жизни. Со скорбію о разлукѣ съ о. Амвросіемъ прибавилась еще другая скорбь: ему епархіальный епископъ, нерасположенный къ о. Амвросію и ко всему его дѣлу, запре-

тиль въѣздъ въ Шамордино. Этотъ нравственный ударъ оставилъ на немъ тяжелый слѣдъ. Здоровье его окончательно пошатнулось. Въ 1892 г. онъ ѣздилъ въ Петербургъ и Кронштадтъ повидаться съ о. Іоанномъ, съ которымъ они оба чувствовали взаимное уваженіе другъ къ другу. Они сослужили вмѣстѣ 10 октября въ день памяти о. Амвросія. Столичные врачи нашли у о. Анатолія слабость сердца и оттекъ легкихъ. Въ слѣдующемъ году болѣзнь эта стала принимать еще болѣе тяжелую форму. 15 окт. 1893 г. о. Анатолій тайно принялъ схиму, о чемъ зналъ только его духовникъ о. Геронтій и самые близкіе. Черезъ три съ половиной мѣсяца послѣ этого, 25-го января 1894 г., старецъ о. Анатолій представился и былъ погребенъ недалеко отъ могилъ его великихъ наставниковъ.

Смерть любимаго старца вызвала въ его преданномъ ученикѣ, будущемъ великомъ старцѣ Варсонофій, нижеслѣдующіе безхитростные стихи, какъ бы запечатлѣвшіе надгробный плачь погребавшей своего старца осиротѣвшей братіи:

*Онъ какъ ангелъ небесный служилъ,
Полный въры, предъ Господомъ Силъ,
Какъ свѣтильникъ сіяя средь насъ! . . .
Всѣ мы помнимъ торжественный часъ,
Когда въ схиму его облачили
И съ слезами во гробъ положили,
И почтили молитвенно память его,
Пѣснь воспѣвши надъ нимъ погребальную,
Пѣснь святую и грустно-прощальную:
“Упокой, Христе, душу раба Твоего,
“Со святыми, гдѣ нѣтъ воздыханія,
“Ни болѣзни, ни гласа стenanія,
“Всеблаженная жизнь безконечная!”
О, возлюбленный, Авва родной,
Вѣримъ мы, что чистой душой,
Совершивши путь истины правый,
Предстоишь ты предъ Господомъ Славы
Въ вѣчномъ свѣтѣ небесныхъ обителей
Въ ликѣ Его вѣрныхъ служителей!
Насъ, истомленныхъ душевной борьбой,
Помяни ты въ молитвѣ святой.*

ПИСЬМА СТАРЦА АНАТОЛІЯ.

Краткое жизнеописаніе старца Анатолїя, нами предложенное, не можетъ охватить всего его образа и хотя бы отчасти передать тотъ свѣтлый, пасхальный. духъ, отличительныя черты которыя были присущи старцу.

Благоуханіе этого духа сохраняють его письма, главнымъ образомъ къ монашествующимъ сестрамъ, подвизавшимся въ цѣломъ рядѣ монастырей шести епархій: Калужской, Московской, Смоленской, Тульской, Орловской, Курской и м.б. и другихъ. Всѣ эти монахини, по благословенію о. Амвросія, обращались къ о. Анатолію за духовнымъ руководствомъ.

Конечно, еще до возникновенія переписки, всѣ эти монахини стремились лично побывать въ Оптиной Пустыни, въ скиту, въ батюшкиной «хибаркѣ», чтобы раскрыть передъ нимъ свою душу, чтобы сообщить о горестяхъ и немощахъ, о тягости борьбы со страстями и о несправедливости со сторонъ людей, но иной разъ горечи монашескаго житія. Старецъ все выслушаетъ, успокоитъ, обласкаетъ, добродушно пошутитъ, а иной разъ строго, но съ любовью укоритъ, дастъ нужный совѣтъ, снабдитъ полезной книгой и отпуститъ съ миромъ во свояси.

Но не всегда возможна поѣздка въ Оптину Пустынь. И вотъ возникаетъ письменное общеніе со старцемъ, достигавшимъ до 200 и больше писемъ въ сутки, получаемыхъ имъ, конечно, не только отъ однихъ монахинь. И на нихъ старецъ отвѣчаетъ помимо ежедневнаго приѣма посѣтителей и круга церковныхъ службъ и монашескаго правила. Пишетъ онъ языкомъ въ высшей степени яснымъ, простымъ, задушевымъ, увлекательнымъ.

Въ письмахъ о. Анатолїя каждое слово направлено къ одной цѣли — спасеніе души тѣхъ, кому они писаны! При этомъ старецъ не рѣдко входитъ во всѣ подробности монашеской жизни и даетъ необходимыя указанія и бѣдныхъ снабжаетъ деньгами на почтовые марки, на поѣздку въ Оптину и другія ихъ нужды.

«Ты просишь наставленія и назидательнаго урока», пишетъ старецъ одной монахинѣ, поздравляя ее съ пріятіемъ иноческаго пострига, — «какъ бы тебѣ не сбиться съ истиннаго пути? Начни со смиренія — дѣлай со смиреніемъ и кончай смиреніемъ — и вчинешься со

Святыми. Этотъ путь смиренія самый надежный и, какъ говорятъ отцы, «непадательный». Ибо куда можетъ упасть смиренный, когда онъ считаетъ себя хуже всѣхъ?».

«Не унывай, что ты еще не достигла (совершенства), а старайся; начинай не сверху, а съ нижней ступени — т. е. со смиренія и самоукоренія».

«Страсти искореняются понемногу... и долгое время надо работать надъ собой... Страсти искоренять начинай съ самоукоренія, познанія своихъ, (а не сестринскихъ) немощей».

«Ты все жалуешься на скорби», пишетъ о. Анатолій одной духовной дочери — «а великій Старецъ Серафимъ Саровскій сказалъ: не имѣющій скорбей, неимѣетъ спасенія».

«Не унывай! Помни, что всѣ Святые симъ путемъ, т. е. путемъ скорбей, шли, и дошли до вратъ царствія. Другого пути нѣтъ!»

«Сказываю тебѣ лучшее средство пріобрѣсти смиреніе. Это вотъ что: всякую боль, которая колетъ гордое сердце потерпѣть... Начни такъ и увидишь. Главное, ты не понимаешь, что эта-то боль, это-то самое острое жало, укалывающее чувствительность сердца, и есть настоящій источникъ милостей Божіихъ и смиренія. Въ нихъ-то сокровенна есть милость Божія. Отыми отъ тебя болѣзни эти, томноту твою, оскорбленія, укоры, недостатки, и ты останешься совсѣмъ нагая. Прощай тогда и порфира царская, и корона царская, и жемчуга, и драгоценные камни, и древа райскія, и Ангелы, и Самъ Богъ съ Пречистою Матерью! — все это отлетитъ отъ тебя. А теперь все это съ тобою».

«Что больна» — пишетъ старецъ другой монахинѣ, «не бѣда; грѣшнымъ людямъ это очищеніе; какъ огонь очищаетъ желѣзо отъ ржавщины, такъ и болѣзнь врачуетъ душу».

Ни смиренія, ни терпѣнія нельзя достигнуть безъ постоянного молитвеннаго обращенія къ Богу. Молитву Иисусову онъ почиталъ главнымъ средствомъ ко спасенію, глубже всего запечатлѣвающимъ въ душѣ нашей постоянную память о Богѣ и, какъ огонь, очищающимъ и воспламеняющимъ ее. «Лучше всего», пишетъ онъ, «вырисовывать на мягкомъ юномъ сердцѣ

Сладчайшее имя — свѣтозарную молитовку: Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй меня грѣшную. Вотъ тогда-то будетъ верхъ радостей, безконечное веселіе! Тогда, т. е. когда утвердится въ сердцѣ Иисусъ, не захочешь ни Рима, ни Іерусалима. Ибо Самъ Царь, со всепѣтою Своею Матерію и всѣми Ангелами и Святыми придутъ Сами къ тебѣ и будутъ жить у тебя. Азъ и Отецъ къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ».

«Христосъ Воскресе!», пишетъ старецъ, — «желаю тебѣ проводить святыя дни сіи въ радости о Воскресшемъ Спасѣ нашемъ и быть достойною праздновать тотъ великій день, когда истая Пасха-Иисусъ не въ гаданіяхъ и представленіяхъ, но ясно и существенно явится въ славѣ Отчей. И мы узримъ Его лицомъ къ лицу. И внидемъ къ Нему не какъ грѣшники и непотребные рабы, но какъ други, какъ дѣти! О, Пасха велія и священнѣйшая, Христе! О Мудросте!.. Подавай намъ истѣе Тебе причащаться въ невечернѣмъ дни царствія Твоего! Отъ чего этотъ день невечерній? Отъ того, что его Солнце не тварь, а Иисусъ Христосъ. Взойдетъ это Солнце единожды и уже во вѣки и вѣки безконечныя не зайдетъ, не померкнетъ, ни облачко Его не застѣнитъ, ни лучъ не опалитъ! Тамъ немерцающій свѣтъ! Красота непостижимая. Веселіе вѣчное. Аминь». (Душепол. Чтеніе, 1903 г.).

Г л а в а XIV.

Старецъ Варсонофій.

(† 1912).

I. ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Въ міру онъ былъ полковникомъ, происходилъ изъ Оренбургскаго казачества, служилъ при штабѣ военнаго Казанскаго округа. Тяжко заболѣвъ однажды воспаленіемъ легкихъ и находясь при смерти, онъ велѣлъ денщику читать ему вслухъ Евангеліе. Въ это время ему послѣдовало видѣніе: отверзлись небеса, и онъ содрогнулся отъ великаго страха и свѣта. Въ его душѣ произошелъ переворотъ, у него открылось духовное зрѣніе. По отзыву старца о. Нектарія, «изъ блестящаго военнаго, въ одну ночь, по соизволенію Божію, онъ сталъ великимъ старцемъ». Онъ носилъ въ міру имя Павла, и это чудо, съ нимъ бывшее, напоминаетъ чудесное призваніе его небеснаго покровителя апостола Павла. О своемъ возрожденіи онъ говоритъ такъ:

*Давно, въ дни юности минувшей,
Во мнѣ горѣлъ огонь святой.
Тогда души моей покой
Былъ безмятеженъ, и живущій
Въ ней Духъ невидимо хранилъ
Ее отъ злобы и сомнѣнія,
Отъ пустоты, тоски, томленья,
И силой чудною живилъ.
Но жизнью я увлекся шумной;
Свою невинность, красоту,
И свѣтлый миръ и чистоту
Не могъ я сохранить, безумный!
И вихремъ страстныхъ увлеченій
Охваченный, я погибалъ . . .*

*Но снова къ Богу я воззвалъ
Съ словами горькихъ сожалѣній,
И Онъ пріиникъ къ моимъ стѣнаньямъ,
И мира Ангела послалъ,
И къ жизни чудной вновь призвалъ,
И исцѣлилъ мои страданья.*

Драгоценныя крупицы біографическихъ свѣдѣній, оставшихся о великомъ Старцѣ, были записаны его духовнымъ сыномъ Василиемъ Шустинымъ, впоследствии священникомъ, словами котораго мы и начнемъ нашу повѣсть о старцѣ Варсонофій. Всѣ остальные данныя, собиравшіяся всѣ эти долгіе годы, буквально, какъ говорится, «съ міру по ниткѣ», впервые появляются собранными во-едино, и составляютъ «полное» жизне-описаніе Старца.

Отецъ Василій пишетъ:

«Въ міру о. Варсонофія звали Павломъ Ивановичемъ Плеханковымъ. Онъ происходилъ изъ оренбургскихъ казаковъ, кончилъ Полоцкій кадетскій корпусъ, и въ офицерскомъ чинѣ вышелъ изъ Оренбургскаго военного училища. Въ Петербургѣ онъ окончилъ казачьи офицерскіе штабные курсы. Участвовалъ въ пограничныхъ бояхъ, въ Туркестанѣ. Служилъ въ штабѣ Казанскаго округа...

Родился онъ 5-го іюля и считалъ преп. Сергія Радонежскаго своимъ покровителемъ. — Приходилось, говорилъ батюшка, дѣлать по службѣ пріемы, приглашать оркестръ, устраивать танцы; были карты, вино. Меня это очень тяготило. Лучше бы тѣ деньги, которыя затрачивали на эти парадные пріемы, использовать на другія цѣли. Но моя служба по штабу заставляла меня такъ поступать.

О. Варсонофій разсказалъ про свою встрѣчу съ о. Іоанномъ въ Москвѣ. «Когда я былъ еще офицеромъ, мнѣ, по службѣ, надо было съѣздить въ Москву. И вотъ на вокзалѣ я узнаю, что о. Іоаннъ служитъ обѣдню въ церкви одного изъ корпусовъ. Я тотчасъ поѣхалъ туда. Когда я вошелъ въ церковь, обѣдня уже кончалась. Я прошелъ въ алтарь. Въ это время о. Іоаннъ переносилъ св. Дары съ престола на жертвенникъ. Поставивъ Чашу, онъ, вдругъ, подходитъ ко мнѣ, цѣлуетъ мою руку, и, не

сказавъ ничего, отходитъ опять къ престолу. Всѣ присутствующіе переглянулись, и говорили послѣ, что это означаетъ какое нибудь событіе въ моей жизни, и рѣшили, что я буду священникомъ. Я надъ ними потѣшался, т. к. у меня и въ мысли не было принимать санъ священника. А теперь, видишь, какъ неисповѣдимы судьбы Божіи: я не только священникъ, но и монахъ». При этомъ, батюшка о. Варсонофій сказалъ между прочимъ: «не должно уходить изъ церкви до окончанія обѣдни, иначе не получишь благодати Божіей. Лучше придти къ концу обѣдни, и достоять, чѣмъ уходить передъ концомъ».

Другой Оптинскій іеромонахъ, Варсисъ, рассказывалъ мнѣ, что съ нимъ произошелъ тотъ же случай, что и со мной, когда о. Іоаннъ меня приобщилъ двумя частицами Тѣла Господня. Это, по его мнѣнію, было указаніемъ его монашества. О. Варсонофій не могъ съяснить сего случая, но сказалъ, что онъ, несомнѣнно, означаетъ что то важное. Вообще, старецъ большое значеніе придавалъ поступкамъ священника послѣ того, какъ онъ приобщится. «Бывало со мной нѣсколько разъ, говорилъ старецъ, отслужишь обѣдню, приобщись и затѣмъ идешь принимать народъ. Высказываютъ тебѣ свои нужды. Другой разъ сразу затрудняешься отвѣтить опредѣленно, велишь подождать. Пойдешь къ себѣ въ келлію, обдумаешь, остановишься на какомъ нибудь рѣшеніи, а когда придешь сказать это рѣшеніе, то скажешь совсѣмъ другое, чѣмъ думалъ. И вотъ это есть дѣйствительный отвѣтъ и совѣтъ, котораго, если спрашивающій не исполнитъ, навлечетъ на себя худшую бѣду». Это и есть невидимая Божія Благодать, особенно ярко проявляющаяся въ старчествѣ, послѣ приобщенія св. Тайнъ.

И вотъ заболѣлъ батюшка воспаленіемъ легкихъ. Доктора опредѣлили положеніе безнадежнымъ. Да и батюшка — а тогда: полковникъ П. И. П. — почувствовалъ приближеніе смерти, велѣлъ своему денщику читать Евангеліе, а самъ забылся... И здѣсь ему было чудесное видѣніе. Онъ увидѣлъ открытыми небеса, и содрогнулся весь, отъ великаго страха и свѣта. Вся жизнь пронеслась мгновенно передъ нимъ. Глубоко былъ онъ проникнутъ сознаніемъ покаянности за всю свою жизнь, и слышалъ голосъ свыше, повелѣвающій

ему идти въ Оптину Пустынь. Здѣсь у него открылось духовное зрѣніе. Онъ уразумѣлъ глубину словъ Евангелія.

Я слышалъ нѣсколько разъ, какъ говорилъ старецъ о. Нектарій: «Изъ блестящаго военного, въ одну ночь, по соизволенію Божію, онъ сталъ великимъ старцемъ». Это была тайна батюшки. Говорить о ней стало возможнымъ только послѣ его смерти.

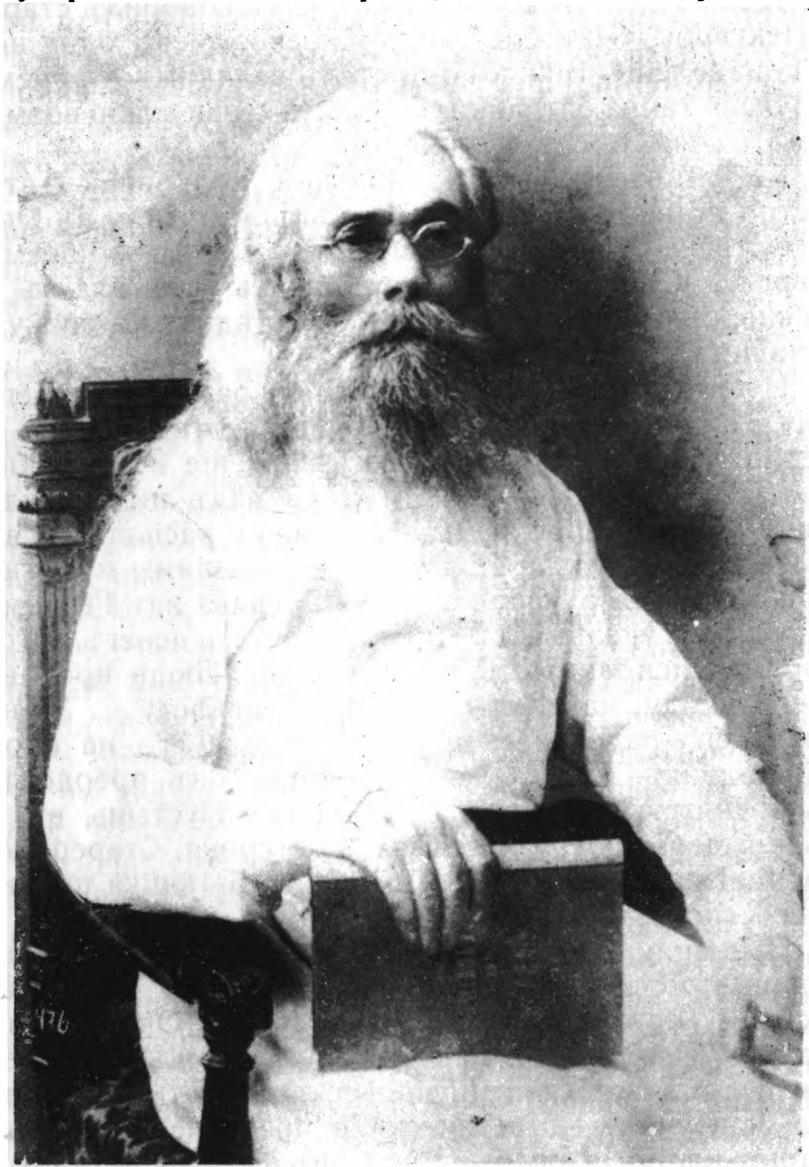
Къ удивленію всѣхъ, больной полковникъ сталъ быстро поправляться, выздоровѣлъ, и уѣхалъ въ Оптину Пустынь. Старцемъ въ Оптиной былъ въ это время о. Амвросій. Онъ велѣлъ ему покончить всѣ дѣла въ три мѣсяца, съ тѣмъ, что если онъ не пріѣдетъ къ сроку, то погибнетъ.

И вотъ тутъ у батюшки начались различныя препятствія. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ за отставкой, а ему предложили болѣе блестящее положеніе и задерживаютъ отставку. Товарищи смѣются надъ нимъ, уплата денегъ задерживается, онъ не можетъ расплатиться со всѣмъ, съ чѣмъ нужно, ищетъ денегъ взаймы и не находитъ. Но его выручаетъ старецъ Варнава изъ Геосиманскаго скита, указываетъ ему, гдѣ достать денегъ, и тоже торопитъ исполнить Божіе повелѣніе. Люди противятся его уходу, находятъ ему, даже, невѣсту... Только мачеха его радовалась и благословила его на иноческій подвигъ. Съ Божіею помощью, онъ преодолѣлъ всѣ препятствія, и явился въ Оптину Пустынь, въ послѣдній день своего трехмѣсячнаго срока. Старецъ Амвросій лежалъ въ гробу въ церкви, и батюшка приникъ къ его гробу.

Преемникъ старца Амвросія, старецъ Анатолій, далъ батюшкѣ послушаніе быть служкой при іеромонахѣ Нектаріи (послѣднемъ великомъ старцѣ Оптиномъ). Около о. Нектарія, о. Варсонофій прошелъ, въ теченіе десяти лѣтъ, всѣ степени иноческія, вплоть до іеромонаха, и изучилъ теоретически и практически Святыхъ Отцовъ. Въ 1904 году былъ посланъ на Дальній Востокъ обслуживать лазаретъ имени преп. Серафима Саровскаго, а по возвращеніи съ фронта былъ назначенъ игуменомъ Оптинскаго скита. Здѣсь я его и засталъ.

Бывая на религіозныхъ студенческихъ собраніяхъ въ Петербургѣ, мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ

студентомъ Духовной Академіи Вас. Прокоп. Тарасовымъ. Мнѣ чрезвычайно нравились его захватывающія душу проповѣди. Одинъ разъ, онъ въ своей проповѣди

Старецъ Варсонофій.

коснулся вопроса о старчествѣ. Я, какъ разъ въ это время, перечитывалъ «Братья Карамазовы», и меня очень интересовалъ типъ старца Зосимы. Я подошелъ къ Тарасову и спросилъ, не знаетъ ли онъ, существуютъ ли

въ настоящее время такіе благодатные старцы. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что старчество, по преемственности, и сейчасъ существуетъ, и находятся такіе старцы въ Оптиной Пустынѣ. Объ Оптиной Пустынѣ я не имѣлъ понятія. Для ознакомленія, онъ мнѣ посовѣтовалъ прочитать жизнеописаніе старца о. Амвросія. Я прочиталъ и у меня возгорѣлось желаніе непременно повидать этихъ старцевъ. Это было не одно только любопытство, но и внутреннее какое-то тяготѣніе; я чувствовалъ особенное сиротство духовное послѣ смерти о. Іоанна Кронштадтскаго.

Въ одно изъ посѣщеній Тарасова нашей семьи я ему предложилъ съѣздить, вмѣстѣ, въ Оптину Пустынь. Онъ согласился. Къ намъ присоединился еще одинъ студентъ Горнаго института Ив. Мих. Сѣровъ. И вотъ мы втроемъ, въ началѣ лѣтнихъ вакацій 1910 года отправились въ Оптину Пустынь.

Пустынь находится въ Калужской губ. въ двухъ верстахъ отъ гор. Козельска. Она расположена въ живописной мѣстности, на высокомъ берегу рѣки Жиздры, и окружена вѣковымъ сосновымъ боромъ. Послѣдній подъѣздъ къ ней — на паромѣ. Къ нашему пріѣзду, утромъ, свободныхъ комнатъ въ гостиницѣ не оказалось, и намъ монахъ-гостиникъ предложилъ остановиться въ одной пустой дачѣ, принадлежавшей генеральшѣ Максимовской. Это было еще удобнѣе для насъ; здѣсь уже мы никого не стѣснимъ. Мальчикъ-подростокъ принесъ намъ самоваръ, и мы отдохнули, напившись чаю съ особыми булками изъ просфорнаго крутого тѣста.

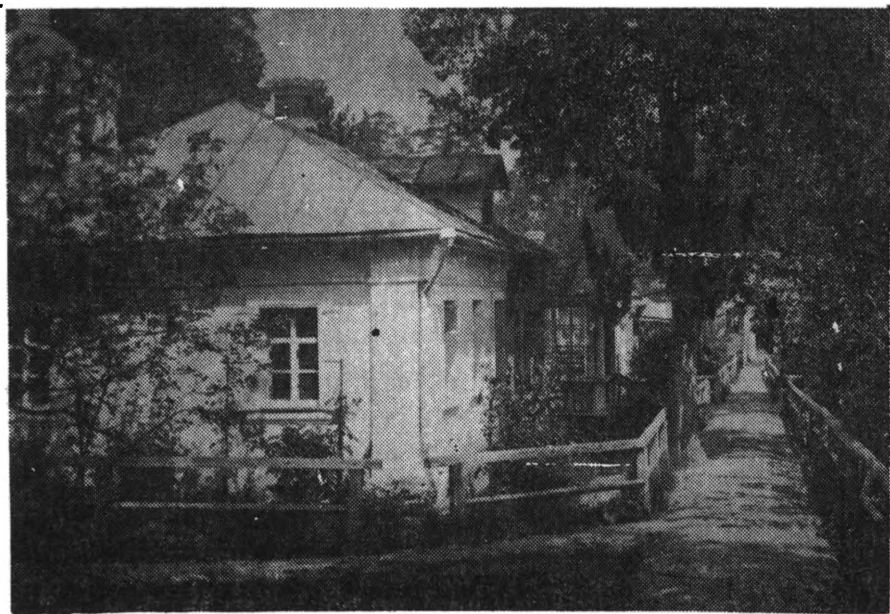
Было 9 часовъ утра. Мы рѣшили тотчасъ же идти къ старцу. Сначала зашли къ гостинику и спросили, гдѣ здѣсь живетъ старецъ. Онъ рассказалъ, какъ пройти въ скитъ и гдѣ можно увидѣть старца о. Іосифа, бывшего келейника о. Амвросія. Мы сначала думали, что это и есть единственный старецъ Оптиный. Къ скиту монастыря вела извилистая дорожка среди густого бора. По дорогѣ намъ встрѣчались послушники, монахи, и всѣ они, опустивъ глаза, кланялись въ поясъ. Эта тишина, эти безмолвные поклоны какъ то таинственно дѣйствовали на душу, подготавливая ее къ чему-то большому. Вотъ показался и скитъ, обнесенный деревян-

ной стѣной. Прямо, были большія глубокія ворота, надъ которыми высилась колокольня. Въ глубинѣ воротъ, по обѣимъ сторонамъ были нарисованы изображенія св. Іоанна Крестителя и египетскихъ пустынножителей. Съ наружной стороны стѣны, по обѣимъ сторонамъ воротъ, находились крылечки, черезъ которые входили къ старцамъ женщины. Вънутрь скита женщинъ не впускали. Мы же, черезъ маленькую калиточку въ воротахъ, вошли внутрь скита, и, сразу были поражены благоуханіемъ воздуха, оно было отъ кустовъ розъ и цвѣтниковъ. Вездѣ была безукоризненная чистота. Къ намъ тотчасъ же изъ келліи вышелъ привратникъ, и спросилъ, кого мы хотимъ видѣть. Узнавъ, что мы пришли къ старцу Іосифу, онъ указалъ намъ направо его домикъ. Дверь была заперта — мы постучали. Къ намъ вышелъ келейникъ и сказалъ, что батюшка очень слабъ и врядъ ли приметъ, но все-таки пошелъ и доложилъ, что пріѣхали три студента изъ Петербурга. Старецъ Іосифъ разрѣшилъ насъ впустить въ пріемную. Черезъ нѣкоторое время мы увидѣли сѣдого, слабенькаго, маленькаго роста старца. Онъ вынесъ намъ три листочка изданія Троице-Сергіевской Лавры, и просилъ его простить, что онъ очень слабъ и не можетъ съ нами побесѣдовать. Онъ благославилъ насъ, каждого въ отдѣльности и далъ намъ по листочку. Мы вышли, сѣли на скамеечку среди цвѣтниковъ и стали читать листочки. Мнѣ попался листочекъ подъ заглавіемъ: «Что такое культура», гдѣ высказывалась мысль о вредѣ ложной культуры на духовное развитіе человѣка, т. к. она дѣйствуетъ разслабляюще на человѣческую волю.

Сидя въ садикѣ, мы не видали ни одного монаха. Оказывается, по уставу, скитскіе монахи не имѣютъ права посѣщать другъ друга безъ разрѣшенія старца. У каждого монаха и послушника была отдѣльная келлія, причемъ такихъ келлій было по двѣ въ каждомъ домикѣ. Домики были разбросаны среди фруктовыхъ деревьевъ, маленькіе, бѣленькіе съ зелеными крышами. Тутъ же было и кладбище.

Посидѣвъ на скамеечкѣ среди полной тишины съ полчаса, мы отправились къ себѣ на дачу. На обратномъ пути мы встрѣтили молодого, съ интеллигентнымъ лицомъ, монаха, который поздоровавшись съ нами, оста-

новился и спросилъ — откуда мы. «Пріятно видѣть, сказалъ онъ, такихъ молодыхъ людей-студентовъ, стремящихся къ единой Божіей Истинѣ, и поэтому хочется съ вами познакомиться. Насъ здѣсь часто посѣщаютъ студенты-толстовцы. Нѣкоторые изъ нихъ

Келья старца Варсонофія.

закоренѣлые, упорные, съ большимъ самомнѣніемъ, такъ и остаются недоступными для благодати Божіей, а люди искренніе, благодаря молитвамъ и бесѣдамъ великаго старца о. Варсонофія, дѣлаются истинными сынами Православной Церкви. Вы не видали этого старца?» Мы отвѣтили, что не знали о немъ, а были у старца Іосифа. «Старецъ Іосифъ не дастъ вамъ того, онъ слабъ очень здоровьемъ и руководить только сестеръ Шамординскаго монастыря, который основалъ старецъ Амвросій. Нашимъ же старцемъ, старцемъ братій является игуменъ Скита о. Варсонофій. Онъ сейчасъ утромъ занятъ хозяйственными распоряженіями и письмами, а принимаетъ съ 2 1/2 часовъ. Непремѣнно посѣтите его, получите великое утѣшеніе». Съ этими словами онъ пошелъ дальше.

Вернулись мы къ себѣ въ 11 часовъ, какъ разъ къ обѣду. Мужчины богомольцы могутъ ходить на

общую монашескую трапезу. Но намъ, для перваго раза, принесли обѣдъ въ комнату. Обѣдъ состоялъ изъ перловаго супа, вареной рыбы и гречневой каши; порціи давали очень большія, вмѣстѣ съ чернымъ ржанымъ сладковатымъ хлѣбомъ. Для питья принесли чудный квасъ. Послѣ обѣда мы лежали немножко, и отправились осматривать монастырь. Онъ занималъ довольно большую площадь, обнесенную каменной стѣной, на четырехъ углахъ которой были водружены металлическіе ангелы съ трубами; ангелы, при вѣтрѣ, вращались и издавали особый скрипящій звукъ, который постоянно будилъ вниманіе богомольцевъ.

Внутри ограды монастырской было три большихъ храма. Главный храмъ былъ посвященъ иконѣ Казанской Божіей Матери. Около алтаря этого храма были похоронены Оптинскіе старцы: Макарій, Левъ, Леонидъ, Анатолій, Амвросій (впослѣдствіи Іосифъ и Варсонофій). Надъ каждой могилой была воздвигнута гробница, горѣли неугасимыя лампы. Здѣсь, почти въ продолженіи цѣлаго дня, совершались панихиды очередными іеромонахами. Тутъ же рядомъ, между храмами, среди фруктовыхъ деревьевъ, погребались и остальные члены монастырской братіи. При осмотрѣ монастыря меня удивило, что я не видѣлъ нигдѣ никакой тарелки или кружки для сбора. Раньше, подъ вліяніемъ сужденій нашего общества, у меня укоренилось убѣжденіе, что монахи — тунеядцы и стараются всѣми мѣрами обирать богомольцевъ, страшая ихъ будущими муками, если они не выявятъ своей щедрости. — Здѣсь же, царилъ духъ любви, нестяжательности, и всѣ безмездно старались услужить тебѣ, хотя никто тебя не зналъ. Но почему то насъ всѣ спрашивали, — не толстовцы ли мы.

Осмотрѣвъ монастырь, побывавъ въ храмахъ, мы, черезъ восточныя ворота, отправились въ скитъ, къ старцу — игумену скита о. Варсонофію. Пріемъ у него уже начался, и двери были открыты. Черезъ малый стеклянный балкончикъ мы вошли въ коридоръ, по стѣнамъ котораго стояли скамейки. Обыкновенно, по временамъ выходилъ сюда къ посѣтителямъ келейникъ старца и спрашивалъ, кто они такіе и откуда,

и докладывалъ старцу. Но сейчасъ мы этого не увидѣли. Какъ только мы, втроемъ, вступили въ коридоръ, дверь изъ келліи старца отворилась, и онъ, въ необыкновенной красотѣ, предсталъ предъ нами, — высокаго роста, статный, величественный съ головой покрытой бѣлыми серебристыми волосами безъ всякаго оттѣнка желтизны. На лицѣ его была ласковая улыбка. Онъ распростеръ руки и сказалъ: «Наконѣцъ то давно ожидаемая мной троица ко мнѣ явилась. Что вы такъ долго собирались пріѣхать сюда? Я васъ ждалъ. Пожалуйста, пожалуйста сюда», и принялъ насъ къ себѣ въ келлію. Мы съ трепетомъ подошли къ нему подѣ благословеніе, онъ потрепалъ каждого по головѣ. Самъ всталъ въ дверяхъ, а намъ велѣлъ пройти впередъ, и размѣститься кто гдѣ хочетъ. Я сѣлъ въ кресло около иконостаса и сталъ осматривать келлейку. Она была небольшая; въ углу помѣщалось нѣсколько образовъ съ лампадой, передъ ними стоялъ аналой. Обстановка комнаты состояла изъ стола, дивана и трехъ креселъ. Часть комнаты была отдѣлена занавѣской, за которой помѣщалась кровать старца. По стѣнкамъ висѣли портреты прежнихъ старцевъ.

Какъ только мы размѣстились, старецъ вошелъ въ комнату и сразу подошелъ ко мнѣ: «ишь ты какой! — Я всталъ въ дверяхъ и смотрю, кто куда сядетъ, а ты взялъ да и сѣлъ на мѣсто старца!» Я въ смущеніи всталъ и говорю: «простите, батюшка, я не зналъ, сейчасъ пересяду». А онъ положилъ мнѣ руки на плечи и посадилъ опять, и говоритъ: «старцемъ захотѣлъ быть, а можетъ быть имъ и будешь», и самъ поднялъ глаза и сталъ смотрѣть кверху... Потомъ посмотрѣлъ на меня, и продолжаетъ: «болитъ мое сердце за тебя, ты не кончишь института. Почему — не знаю, но не кончишь». Позже, въ другія мои посѣщенія Оптиной, онъ мнѣ говорилъ: «брось институтъ, и помогай отцу». Но я былъ увлеченъ институтомъ, мнѣ хотѣлось пріобрѣсти знанія, я и говорю батюшкѣ: дайте мнѣ поучиться, меня интересуетъ это. Онъ посмотрѣлъ на меня съ улыбкой и сказалъ: «ну, если хочешь, учись, только все равно не кончишь». Такъ оно и сбылось: сначала болѣзнь моя затѣмъ

нѣмецкая война, и, наконецъ, гражданская, не дали мнѣ кончить института.

Батюшка позвонилъ въ колокольчикъ. Явился келейникъ, и онъ велѣлъ ему поставить самоваръ и приготовить чай. А самъ сѣлъ съ нами и сталъ бесѣдовать. Сначала онъ вспоминалъ о Петербургѣ, гдѣ онъ былъ, когда учился на офицерскихъ курсахъ. «Давно это было, я тогда былъ прикомандированъ къ Преображенскому полку и все ходилъ въ церковь, въ Преображенскій соборъ ... Я каждый день ходилъ къ ранней обѣднѣ. Такъ приучила меня мачеха и какъ я теперь ей благодаренъ! Бывало, въ деревнѣ, когда мнѣ было только пять лѣтъ, она каждый день будила меня въ 6 час. утра. Мнѣ вставать не хотѣлось, но она сдергивала одѣяло и заставляла подниматься, и нужно было идти, какова бы ни была погода, 1 1/2 версты — къ обѣднѣ. Спасибо ей за такое воспитаніе! Она показала свою настойчивость благую, воспитала во мнѣ любовь къ Церкви, такъ какъ сама всегда усердно молилась».

Послѣ этихъ воспоминаній онъ перешелъ къ темѣ о Толстомъ. Великое зло — это толстовское ученіе, сколько оно губить молодыхъ душъ. Раньше, Толстой, дѣйствительно былъ свѣточемъ въ литературѣ, и свѣтилъ во тьмѣ, но впослѣдствіи, его фонарь погасъ и онъ очутился во тьмѣ, и какъ слѣпой онъ забрелъ въ болото, гдѣ завязъ и погибъ. (При кончинѣ Толстого, о. Варсонофій былъ, по приказанію Синода, командированъ на станцію Астапово для принятія раскаянія умиравшаго, и сопричисленія его снова въ лоно Церкви, но не былъ допущенъ къ Толстому въ комнату окружавшими Толстого лицами). О. Варсонофію всегда трудно было рассказывать объ этомъ, онъ очень волновался¹⁾.

Пока батюшка бесѣдовалъ съ нами, келейникъ принесъ чай въ стаканахъ; поставилъ на столъ медъ изъ собственныхъ скитскихъ ульевъ, варенье и масла. Батюшка сталъ угощать, какъ радушный хозяинъ, самъ накладывалъ на тарелочки и медъ и варенье. Велѣлъ принести еще dobroхотнаго жертвованія па-

¹⁾ См. объ этомъ ниже.

юсной икры, намазывалъ ее на бѣлый хлѣбъ толстымъ слоемъ, убѣждалъ насъ не стѣсняться. Самъ онъ пошелъ на женскую половину, чтобы благословить собравшихся, а изъ мужчинъ больше никого не принималъ для бесѣды, а давалъ только благословеніе. Узнавъ, что мы прибыли сюда недѣли на полторы, онъ распредѣлилъ дни нашего гулянія и дни нашего говѣнія. Благословилъ насъ, также, съѣздить и въ Шамординскую обитель. Затѣмъ, при прощаніи, онъ взялъ мою голову и прижалъ къ своей груди, лаская меня съ великой любовью и высказывая сожалѣніе, что я не кончу института. Такое обращеніе старца со мною удивило меня и тронуло до слезъ; я не зналъ родительской ласки.

На слѣдующій день, мы опять пришли къ о. Варсофію въ пріемный часъ. Опять онъ насъ пригласилъ въ свою келлію, велѣлъ келейнику, о. Григорію, приготовить намъ чай, а самъ пошелъ въ пріемную исповѣдывать говѣющихъ. Мы сидѣли въ его келліи тихо, съ благоговѣніемъ, изрѣдка лишь перекидываясь словами. Наконецъ, батюшка опять появился свѣтлымъ, радостнымъ и сталъ насъ угощать. Потомъ онъ повелъ бесѣду насчетъ различныхъ сектъ: хлыстовъ, баптистовъ и др. Вотъ баптисты-перекрещенцы, какой ужасный грѣхъ совершаютъ противъ Духа Святаго, перекрещивая взрослыхъ; они смываютъ первое крещеніе и уничтожаютъ благодать печати дара Духа Святаго! Побесѣдовавъ съ часъ времени, онъ поднялся и сказалъ: «я имѣю обычай благословлять своихъ духовныхъ дѣтей иконами. У меня ихъ въ ящикѣ много и самыя разнообразныя, и вотъ я съ молитвою беру первую попавшую икону и смотрю, чье тамъ изображеніе. Другой разъ оно говоритъ многое». Такъ старецъ вынулъ иконку и для меня и смотритъ, какое тамъ изображеніе. Оказывается, ему попалось изображеніе иконы «Утоли моя печали». «Какія же такія великія печали у тебя будутъ? И, держа икону, задумался. Нѣтъ, Господь не открываетъ». Благословилъ меня ею и опять съ лаской прижалъ мою голову. И вотъ тутъ, на груди у старца чувствуешь глубину умиротворенія, и добровольно отдаешься ему всѣмъ сердцемъ. Эта его любовь охватываетъ тебя

и ограждаетъ и плѣняетъ. . . Завтра, говоритъ, воскресенье, сегодня идите ко всенощной, а утромъ въ 6 часовъ приходите въ скитъ, къ обѣднѣ. Онъ проводилъ насъ до крыльца, и еще разъ благословилъ.

Придя къ себѣ, мы услышали звонъ въ монастырской трапезной къ ужину. Вотъ мы и отправились туда. Трапезная занимала очень обширное помѣщеніе, т. к. монаховъ въ монастырѣ было около 400 человѣкъ. Столы были разставлены большимъ четырехугольникомъ; посрединѣ, на возвышеніи помѣщался аналой. На этомъ возвышеніи монахи по очереди читаютъ житія святыхъ, во время обѣда и ужина. На столѣ у каждого стоялъ приборъ изъ деревянной тарелки, ложки и вилки. Черный хлѣбъ лежалъ у каждого на тарелкѣ. Кромѣ того, на столѣ было поставлено много сосудовъ съ квасомъ и при нихъ лежали ковшики. По звону настоятеля, или его келейника, совершалась молитва, а по второму звонку открывались двери изъ кухни, которая находилась рядомъ; цѣлый рядъ послушниковъ разносилъ по столамъ большія миски. Каждая миска полагалась на четырехъ монаховъ. Кто хотѣлъ, тотъ откладывалъ себѣ на тарелку, а то, большей частью четверо ѣли изъ одной миски.

Послѣ трапезы, мы отправились къ себѣ, чтобы посидѣть, набраться силъ для стоянія во время всенощной. Всенощная началась въ 6 1/2 часовъ вечера и кончилась въ 11 1/2 часовъ ночи. Ко всенощной должны были собраться всѣ монахи, оставляя свои работы. Въ церкви, вдоль стѣнъ, были расположены поднимающіяся сидѣнія. Почти у каждого монаха было опредѣленное мѣсто. Ближайшіе къ намъ монахи уступили намъ свои сидѣнія, потому что, говорили они, служба долгая, и мы очень устанемъ. Какъ ни было намъ тяжело, съ непривычки, но мы все-таки достояли и досидѣли до конца. Утромъ поднялись въ началѣ шестого часа и пошли къ обѣднѣ въ скитъ. Служилъ какъ разъ самъ старецъ Варсонофій. Служилъ онъ спокойно, ровнымъ, тихимъ голосомъ. Сама обстановка, нѣкоторый мракъ, темныя позлащенные иконы, способствовали возникновенію молитвы. Послѣ обѣдни, давая цѣловать намъ крестъ, онъ пригласилъ

насъ тотчасъ же зайти къ нему, испить чашку чаю. Тутъ онъ насъ опять угощалъ, какъ радушный гостепріимный хозяинъ. Разспрашивалъ насъ о нашей городской жизни и съ кѣмъ мы ведемъ знакомство. Опять, съ великой лаской и добротой отпустилъ насъ, пригласивъ къ обѣду въ скитскую трапезную къ 11 1/2 часамъ, чѣмъ мы и воспользовались.

Порядокъ въ скитской трапезной былъ такой же, какъ и въ монастырѣ. Только постническій уставъ былъ здѣсь строже. Молочное въ скиту разрѣшалось только на масляную и свѣтлую недѣлю, а въ остальное время все было на постномъ маслѣ; въ среду и пятницу была пища вовсе безъ масла. О. Варсонофій присутствовалъ за трапезой, и посадилъ насъ троихъ возлѣ себя и ѣли мы съ нимъ изъ одной миски. У насъ здѣсь пища здоровая, говорилъ онъ, потому что все дѣлается съ благословенія и съ молитвой. Каждое утро, въ пять часовъ, приходитъ поваръ и проситъ благословенія растопить печь. Получивъ это благословеніе, онъ идетъ съ фонарикомъ въ храмъ Божій, молится, и беретъ огонь отъ неугасимой лампы передъ чудотворной иконой Божіей Матери, и затѣмъ растапливаетъ этимъ огнемъ печь.

Послѣ обѣда, старецъ пошелъ къ себѣ отдохнуть, и намъ велѣлъ идти отдыхать, а на слѣдующій день благословилъ съѣздить въ Шамординскій монастырь. Вернувшись изъ Шамордина, мы приступили къ говѣнію. По монастырскому уставу, міряне должны были за два дня до св. Причастія ѣсть пищу безъ масла. Тамъ всегда специально для говѣющихъ готовили особый столъ. Во время говѣнія нужно ходить ко всѣмъ монастырскимъ службамъ. А службы тамъ въ будни распредѣлялись такимъ образомъ. Отъ 3 1/2 до 5 1/2 шла вечерня и читались каноны. Затѣмъ въ 7 часовъ ужинъ, а въ 8 1/2 ч. вечернія молитвы въ особомъ храмѣ. Потомъ идутъ и отдыхаютъ до 12 1/2 ч. ночи. Въ половинѣ перваго раздается звонъ къ утрени. Послѣдняя продолжается до 4-хъ часовъ утра. Отъ 4-хъ до 5-ти ч. читались каноны и молитвы передъ причастіемъ. Мы такъ утомились за ночь, что прямо засыпали. Послѣ ранней обѣдни, которая окончилась въ 7 часовъ, мы пошли къ о. Варсонофію. Онъ положилъ руку на

голову и усталость вся исчезла, и появилась бодрость. Исповѣдалъ онъ насъ днемъ. Сначала передъ исповѣдью, онъ обыкновенно велъ общія бесѣды. При помощи различныхъ случаевъ въ жизни, онъ указывалъ на забытые или сомнительные грѣхи присутствующихъ.

Со мной былъ одинъ случай. Наша семья имѣла свой абонементъ въ Петербургѣ на оперные спектакли въ Мариинскомъ театрѣ. И вотъ, это было за годъ до моего пріѣзда въ Оптину, на нашъ абонементъ давали «Фауста» съ Шаляпинымъ, какъ разъ наканунѣ 6-го декабря, дня Святителя Николая Чудотворца. Мнѣ чрезвычайно захотѣлось прослушать эту оперу съ Шаляпинымъ. Ну, думаю, ко всенощной мнѣ не придется итти, такъ я встану пораньше на слѣдующій день и схожу къ утрени. И вошелъ я въ такой компромиссъ самъ съ собой. Побывалъ въ оперѣ, а утромъ, съ опозданіемъ, отслушалъ утрению, а затѣмъ ранюю обѣдню, и думалъ: «ну, почтилъ я сегодня память угодника Божія, Святителя Николая». Хотя что то въ душѣ кольнуло, но это забылось. И вотъ батюшка передъ исповѣдью и говоритъ, что бываютъ случаи, когда и не подозрѣваешь своихъ прегрѣшеній. Какъ напри-мѣръ, вмѣсто того, чтобы почтить память такого великаго угодника Божія, какъ Николая Чудотворца, 6 декабря, и сходить ко всенощной, а тутъ идутъ въ театръ для самоуслажденія. Угодникъ же Божій на задній планъ отодвигается, вотъ и грѣхъ совершенъ.

Затѣмъ другой случай былъ въ Голутвиномъ уже монастырѣ. Тамъ женщины и мужчины говѣли вмѣстѣ, и батюшка бесѣдовалъ въ одной пріемной: говѣло, должно быть, человѣкъ 15 мужчинъ и женщинъ. И вотъ батюшка говоритъ: полюбила одна барышня молодого человѣка, а онъ не отвѣчалъ ей своей взаимностью, и ухаживалъ за другой. Тогда въ барышнѣ возникло чувство ревности, и она захотѣла отомстить молодому человѣку. Она воспользовалась тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ ходилъ постоянно кататься на конькахъ, на тотъ же катокъ, куда ходила и она. У нея пронеслась мысль: «искалѣчу его, пускай онъ не достанется и моей соперницѣ». И вотъ, когда онъ раскатился, она ловко подставляетъ ему подножку, тотъ упалъ назадъ и сломалъ себѣ руку. Но это еще слава

Богу, могъ бы получить сотрясеніе мозга и умереть. И было бы смертное убійство. И такіе случаи часто забываются на исповѣди. Во время этого разсказа, я почувствовалъ, что въ мои плечи впились чьи то пальцы. Я оглянулся и увидѣлъ, что ухватилась за меня одна дѣвушка 18 лѣтъ, моя родственница, поблѣднѣвшая, какъ полотно. Я подумалъ, что ей просто дурно сдѣлалось отъ духоты, и поддержалъ ее. А она потомъ мнѣ говоритъ: да вѣдь это батюшка меня описалъ! Это была моя тайна, откуда онъ могъ узнать?!...

Такія бесѣды батюшка велъ всегда передъ исповѣдью, открывая души присутствующихъ; при этомъ онъ и не смотрѣлъ ни на кого, чтобы не смущать, и явно не указывать. Послѣ бесѣды старецъ производилъ общую исповѣдь. Давалъ одному изъ говѣющихъ требникъ, гдѣ былъ описанъ порядокъ исповѣди и исповѣдальная молитва, гдѣ перечисляются общіе каждому человѣку грѣхи. При этомъ батюшка требовалъ и придавалъ большое значеніе тому, чтобы говѣющій прослушивалъ въ церкви молитву передъ исповѣдью. Онъ отказывался исповѣдывать, если эта молитва не была выслушана. Но иногда онъ снисходилъ къ человѣку и самъ ее читалъ передъ исповѣдью, что дѣлалъ и для меня грѣшнаго.

Послѣ этой общей исповѣди, онъ уже исповѣдалъ каждого отдѣльно, очень внимательно и съ любовью относясь къ каждому, врачуя душу каждого. (Если бы, говорилъ онъ, придерживаться постановленій вселенскихъ соборовъ, то на всѣхъ надо наложить эпитимію, а многихъ и отлучить временно отъ Церкви, но мы немощны, слабы духомъ, и поэтому надѣемся на безконечное милосердіе Божіе). Благословляя говѣющихъ, онъ совѣтовалъ послѣ вечерни, на которой читаютъ каноны, не вкушать ничего до причастія Св. Таинъ. Въ исключительныхъ случаяхъ, разрѣшалъ выпить одного чая. Я разсказалъ старцу случай со мной у о. Іоанна Кронштадтскаго, когда меня, ѣвшаго днемъ мясо, о. Іоаннъ допустилъ на слѣдующій день, къ Причастію. О. Варсонофій сказалъ: «да, о. Іоаннъ былъ великій молитвенникъ, подвижникъ дерзновенный; онъ могъ у Господа просить всего и замолить все, а я грѣшный человѣкъ, не имѣю такого дерзновенія, и по-

далъ намъ листочки. Когда онъ благословляетъ, такъ сразу видна его благоговѣйная сосредоточенность. Онъ, обыкновенно, благословляетъ истово, нѣсколько разъ, касаясь пальцами лба, для возбужденія къ сосредоточенію.

Послѣ говѣнія, мы прожили еще дня два и разъѣхались. Я поѣхалъ въ Москву, потомъ въ Казань и Саровскую пустынь. Передъ отъѣздомъ я спрашивалъ у старца благословенія, но онъ на мою просьбу молчалъ. Я три раза повторилъ свою просьбу. Тогда онъ, нехотя, сказалъ: ну, Богъ благословитъ. Меня это нѣсколько озадачило, и когда я пріѣхалъ въ Саровъ, то оказалось, что тамъ была черная оспа, и были умирающіе изъ паломниковъ и монаховъ. Пробылъ я тамъ два дня, а въ Дивѣвѣ такъ и не былъ, такъ какъ возница мой отказался везти, говоря, что дорога очень плохая. Тогда я понялъ нерасположенность старца къ этой поѣздкѣ.

Мѣсяца черезъ два, я опять пріѣхалъ въ Оптину съ сестрой, по ея личнымъ дѣламъ. Я былъ въ Оптиной не одинъ разъ. Однажды, когда я пріѣхалъ туда, старецъ почувствовалъ себя нехорошо, и просилъ меня пройти съ нимъ по скиту. Такъ какъ онъ былъ слабъ, то положилъ свою руку мнѣ на плечо и опершись на меня вышелъ въ садъ. Тутъ онъ мнѣ показалъ рядъ деревьевъ — кедровъ, посаженныхъ подъ какими то углами. Эти деревья, говорилъ онъ, посажены старцемъ Макаріемъ въ видѣ клинообразнаго письма. На этомъ клочкѣ земли написана, при помощи деревьевъ, великая тайна, которую прочтетъ послѣдній старецъ скита. Затѣмъ онъ указывалъ на деревья, посаженные имъ самимъ. Наконецъ, онъ остановился передъ гробницами монаховъ и сталъ благословлять могилы. — «Это могилки моихъ духовныхъ дѣтей. Вотъ здѣсь похороненъ приватъ-доцентъ Московскаго Университета Л. Онъ былъ математикъ и астрономъ! Изучая высшія науки, онъ преклонился передъ величіемъ творенія и ихъ Создателя. Товарищъ, профессоръ, и его жена, которая была докторомъ медицины, насмѣхались надъ нимъ. Онъ былъ ученикъ знаменитаго профессора Лебедева. Жена Л., работая въ клиникѣ, влюбилась въ одного профессора и бѣжала

этому не рѣшаюсь допустить въ монастырѣ нарушенія устава для мірянъ. Да вѣдь не трудно поговѣть два дня; да къ тому же часто это бываетъ и полезно. А теперь, идите съ миромъ, Господь да поможетъ вамъ приобщиться Св. Тайнамъ, а послѣ обѣдни, приходите пить чай ко мнѣ». И мы пошли покойные и умиротворенные въ душѣ.

Въ 3 1/2 часа пошли къ вечернѣ, въ 8 ч. на вечернія молитвы, и тотчасъ же легли спать, такъ какъ въ 12 часовъ нужно было вставать къ утрени. Благодаря молитвамъ батюшки, мы отговѣли легко, приобщились Св. Таинъ за ранней обѣдней, и пошли пить чай прямо къ старцу. Тотъ встрѣтилъ насъ съ радостію и съ благодареніемъ Богу. Угощалъ насъ и предупредилъ, что иногда въ день причастія бываетъ тягостное настроеніе, но на это не надо обращать вниманія и не надо отчаиваться, такъ какъ въ этотъ день діаволъ особенно ополчается на человѣка и дѣйствуетъ на него гипнозомъ. При этомъ батюшка сказалъ, что гипнозъ — злая, не христіанская сила. Благодаря этому гипнозу, діаволъ смущаетъ насъ, священнослужителей, когда мы совершаемъ литургію. Онъ не можетъ приблизиться къ жертвеннику, который окруженъ ангелами, вотъ діаволъ внушаетъ мысли сомнѣнія и богохульные мысли. Но молитвой и Божіей помощію онѣ отгоняются. Точно также, вновь появившаяся игра ф у т б о л ъ . . . Не играйте въ эту игру, и не ходите смотрѣть на нее, потому, что эта игра также введена діаволомъ, и послѣдствія ея будутъ очень плохія. Послѣ чаю, онъ послалъ насъ погулять. Ложиться днемъ спать въ день Св. Причастія не совѣтовалъ. По совѣту батюшки, мы и отправились до обѣда погулять, а въ монастырѣ зашли еще къ одному іеромонаху, Анатолію, духовнику простонародья. Это тоже дивный старецъ, похожій на преп. Серафима, сгорбленный, и съ постоянно веселымъ лицомъ, такъ какъ бы чудится, что сейчасъ скажетъ, какъ преп. Серафимъ: «радость моя». Онъ принялъ насъ очень привѣтливо, и ввелъ въ свою комнату. Келлія его была довольно обширная, но всѣ столы и стулья были у него заняты листочками духовнаго содержанія и образами. Онъ переспросилъ насъ откуда мы, благословилъ насъ и

въ Парижъ, вмѣстѣ со своими дѣтьми. Л. очень горевалъ, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, пріѣхалъ къ намъ, чтобы найти здѣсь облегченіе своему горю, и здѣсь онъ по Божіему соизволенію опасно заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Случай былъ очень тяжелый. Я видѣлъ, что онъ скоро умретъ и предложилъ ему удалиться совсѣмъ отъ міра и принять постриженіе. Уже очень много времени онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о семьѣ. Л. подумалъ и согласился; черезъ нѣсколько дней онъ, постригшись, скончался, принявъ схиму. Теперь онъ среди ликовъ ангельскихъ! Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилась въ скитъ одна очень экзальтированная дама, и стала кричать: «дайте мнѣ моего супруга!» Сначала я не понялъ, что она хочетъ, но потомъ разобралъ, что она говоритъ о Л. Я сказалъ ей, что мужъ находится среди ангеловъ. Она съ раздраженіемъ изъявила желаніе посмотриѣть на могилу своего супруга. Но я сказалъ, что входъ въ скитъ женщинамъ воспрещенъ, и поэтому я не могу ей позволить войти сюда. Тогда она начала говорить о себѣ, гордиться своими знаніями. «Я изучила двѣнадцать иностранныхъ языковъ, и приобрѣла извѣстность своими работами за границей». Она думала, что ея научный цензъ откроетъ двери скита. Я ей сказалъ, что хотя она и знаетъ много языковъ, но одного, самаго главнаго языка не знаетъ, — это языка ангельскаго. Она иронически спросила: «гдѣ такой языкъ?» — «Чтобы знать его, сказалъ я, нужно читать Священные Писанія. Это и есть языкъ ангельскій». Она объявила, что здѣсь ей болѣе нечего дѣлать, и что она сейчасъ же отправляется за границу читать лекціи въ швейцарскомъ университетѣ. Я просилъ ее прислать мнѣ письмо, когда жизнь ея будетъ для нея тяжела, и сказалъ, что она еще разъ пріѣдетъ сюда. Она засмѣялась и удалилась. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она прислала мнѣ письмо изъ Швейцаріи, гдѣ писала, что она очень несчастна. Ея гражданскій мужъ измѣнилъ ей и покинулъ ее, уведя съ собой ея дѣтей. Она уже, по моему совѣту, начала читать Евангеліе и нашла много интереснаго. Въ письмѣ она предложила мнѣ нѣсколько вопросовъ. Для разрѣшенія ихъ я предложилъ ей пріѣхать къ намъ. Она пріѣхала и прожила

у насъ довольно долгое время, а затѣмъ стала прѣзжать по нѣскольکو разъ въ годъ. И сдѣлалась вѣрующей, доброй. (Впослѣдствіи я видѣлъ ее. Она сдѣлалась очень скромною, и когда батюшка входилъ въ пріемную, она всегда подходила къ нему, бросалась въ ноги). Она была очень богата, и все имущество раздала бѣднымъ. Какая перемѣна произошла въ ней! — Мудрость міра явилась безуміемъ передъ Богомъ.

Потомъ старецъ показалъ другую гробницу и сказалъ: «Вотъ здѣсь лежитъ схимонахъ Николай, прозванный Туркомъ. Вотъ удивительная судьба человека... Это былъ генералъ, паша, командующій Турецкими войсками. Думалъ ли онъ, что будетъ покоиться здѣсь въ Россіи, да еще въ монастырѣ, въ ангельскомъ чинѣ! Это современный великомученикъ. Во время войны турокъ съ русскими, онъ командовалъ турецкой арміей. Турки были фанатики и мучили русскихъ плѣнныхъ. Паша смотрѣлъ на эти мученія и удивлялся стойкости христіанъ, и спрашивалъ солдатъ, почему они такъ радостно умираютъ? Онъ пожелалъ ближе познакомиться съ христіанской религіей. Втайнѣ, призвалъ онъ православнаго священника и потомъ крестился, удалившись въ Персію. Но турки, узнавъ о его измѣнѣ мусульманству, схватили его и на груди и на спинѣ вырѣзали кресты на кожѣ и поломали кости. Паша потерялъ сознаніе. Думая, что онъ мертвъ турки бросили его на растерзаніе собакамъ. Но Богъ хранилъ его. Онъ пришелъ въ себя, благодаря Богу, Котораго онъ возлюбилъ отъ всего сердца. Русскіе купцы проѣзжали мимо и подняли его. Онъ рассказалъ имъ, что разбойники напали на него, ограбили и избили. Купцы, изъ состраданія, отвезли его въ Россію, на Кавказъ, и передали одной женщинѣ, чтобы она выходила его. Онъ поправился и сдѣлался неузнаваемымъ. Это былъ сгорбленный старикъ, опирающійся на палку, одѣтый бѣдно, но имѣющій душу богатую, одаренную духовными способностями. Ему удалось переправиться съ Кавказа въ Одессу и отсюда онъ пошелъ путешествовать по Россіи, въ качествѣ странника по святымъ мѣстамъ. Направляясь въ Москву онъ попалъ въ Оптину. Здѣсь ему очень понравилось. Онъ здѣсь задержался и неожиданно за-

болѣлъ. Положили его въ монастырскую больницу. По-русски онъ говорилъ очень плохо и спросилъ, не знаетъ ли кто здѣсь французскаго языка. Я былъ тогда въ затворѣ, но меня позвали его исповѣдывать. Турокъ разсказалъ мнѣ свою жизнь, но запретилъ открывать его тайну, пока онъ живъ. Во время болѣзни онъ принялъ монашество и потомъ выздоровѣлъ. Онъ поселился здѣсь въ скиту. Однажды, гуляя со мной, онъ вдругъ говоритъ: «Слышишь, батюшка, музыку ангельскую?... — это великое блаженство слушать ее». Я не слышалъ ничего, и онъ, съ простотой удивлялся моей глухотѣ. Дѣйствительно, этотъ простой монахъ былъ возносимъ къ небу еще при земной жизни. Онъ видѣлъ райскія обители и слушалъ небесную музыку. Это была ему награда за его мученія. Черезъ три мѣсяца онъ снова заболѣлъ и умеръ въ схимѣ. Только послѣ его смерти братія увидѣла, какъ истерзано было его тѣло; это дѣйствительно былъ святой мученикъ и тайна его жизни была открыта. Его могила въ скиту не заросла травой»²⁾).

Батюшка перекрестился и сказалъ: «Знай, что не должно говорить: вотъ если я останусь дѣвственникомъ, и пойду въ монастырь, то спасусь. Въ монастырѣ очень много соблазновъ и легко можно погибнуть. Молись просто: «Спаси меня, Боже, имиже путями Самъ вѣси!» Вотъ ты завтра хочешь приобщиться св. Тайнамъ Христовымъ, и не говори: я завтра буду приобщаться; а говори: если Господь сподобитъ приобщиться мнѣ грѣшному. Иначе бойся говорить. Вотъ какой былъ случай у васъ, въ Петербургѣ. Жилъ на Сергіевской улицѣ очень богатый купецъ. Вся жизнь его была сплошная свадьба, и, въ продолженіе 17 лѣтъ, не приобщался онъ св. Тайнамъ. Вдругъ, онъ почувствовалъ приближеніе смерти, и испугался. Тотчасъ же, послалъ своего слугу къ священнику сказать, чтобы онъ пришелъ приобщить больного. Когда батюшка пришелъ и позвонилъ, то открылъ ему дверь самъ хозяинъ. Батюшка зналъ о его безумной жизни, разгнѣвался и сказалъ, зачѣмъ онъ такъ насмѣхается надъ Св. Дарами, и хотѣлъ уходить. Тогда купецъ со сле-

2) Смотри о немъ въ книгѣ «На Берегу Божьей Рѣки, томъ 2, стр. 47.

зами на глазахъ сталъ умолять батюшку зайти къ нему грѣшному и исповѣдать его, т. к. онъ чувствуетъ приближеніе смерти. Батюшка, наконецъ, уступилъ его просьбѣ, и онъ съ великимъ сокрушеніемъ въ сердцѣ, рассказалъ ему всю свою жизнь. Батюшка далъ ему разрѣшеніе грѣховъ и хотѣлъ его приобщить, но тутъ произошло нѣчто необычайное: вдругъ ротъ у купца сжался, и купецъ не могъ его открыть, какъ онъ ни силился. Тогда онъ схватилъ долото и молотокъ и сталъ выбивать себѣ зубы, но ротъ сомкнулся окончательно. Мало по малу силы его ослабѣли и онъ скончался. «Такъ, замѣтилъ старецъ, Господь далъ ему возможность очиститься отъ грѣховъ, можетъ быть за молитвы матери, но не соединился съ нимъ»; и съ этими словами батюшка вернулся со мною въ келлію.

II. ПРОЗОРЛИВОСТЬ СТАРЦА ВАРСОНОФІЯ.

Батюшка о. Варсонофій обладалъ даромъ прозорливости не менѣе другихъ старцевъ. Въ немъ этотъ даръ какъ-то особенно открыто выражался. Во всемъ его обликѣ есть что-то подобное великимъ пророкамъ, или апостоламъ, отражавшимъ яркимъ свѣтомъ славу Божию на себѣ.

О внутреннемъ обликѣ въ двухъ словахъ сказать трудно. Истинный старецъ, а онъ былъ таковымъ, является носителемъ пророческаго дара. Господь ему непосредственно открываетъ прошлое, настоящее и будущее людей. Это и есть прозорливость. Этотъ даръ, — видѣть человѣческую душу — даетъ возможность воздвигать падшихъ, направлять съ ложнаго пути на истинный, исцѣлять болѣзни душевныя и тѣлесныя, изгонять бѣсовъ. Все это было свойственно о. Варсонофію. Такой даръ требуетъ непрерывнаго пребыванія въ Богѣ, святости жизни. Многіе видѣли старцевъ, озаренныхъ свѣтомъ при ихъ молитвѣ. Видѣли и старца Варсонофія какъ бы въ пламени во время божественной литургіи. Объ этомъ намъ было передано изустно живой свидѣтельницей...

Поистинѣ онъ уподобился своимъ великимъ предшественникамъ и «всталъ въ побѣдныя ряды великой рати воинства Христова», какъ самъ же писалъ въ

своемъ «Желаніи» еще въ 1903 г., поставитъ подъ заглавіемъ слова изъ тропаря Преполовенію: «Жаждай да грядетъ ко Мнѣ и да піетъ»:

*Давно въ душе мое желаніе таится,
Всѣ связи съ міромъ суетнымъ прервать,
Иную жизнь, — жизнь подвига начать:
Въ обитель иноковъ на вѣки удалиться,
Гдѣ могъ бы я и плакать и молиться!
Побѣгнувши среды мятежной и суровой
Безропотно нести тамъ скорби и труды,
И жажду утолять духовной жизни човой,
Раскаянія принесть достойные плоды,
И мужественно встать въ побѣдныя ряды
Великой рати воинства Христова.*

Прозорливость о. Варсонофія была исключительна. Многіе случаи описаны о. Василиемъ Шустинымъ въ его воспоминаніяхъ. Марія Васильевна Шустина, сестра Протоіерея, прислала намъ слѣдующій рассказъ, касающійся ихъ покойной сестры:

«Моей 9-лѣтней сестрѣ Анѣ батюшка о. Варсонофій продекламировалъ стихотвореніе:

*“Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долголѣтняго гнѣзда”.*

Затѣмъ онъ продолжалъ: «Къ старцу Амвросію пріѣхала богатая помѣщица со своей красавицей дочкой, чтобы испросить его благословеніе на бракъ съ гусаромъ. Старецъ Амвросій отвѣтилъ: «У нея будетъ Женихъ болѣе прекрасный, болѣе достойный. Вотъ увидите. Онъ Самъ пріѣдетъ въ пасхальную ночь». Наступила Пасха. Всѣ въ волненіи, всего напекли, нажарили. Когда вернулись изъ церкви, столы ломились отъ яствъ. Мать дѣвицы сѣла на веранду, съ которой открывался чудный видъ. Солнышко начало всходить. «Вотъ ѣдетъ тройка по дорогѣ», воскликнула она — «навѣрно женихъ?» Но тройка промчалась мимо. За ней показалась вторая тройка, но и та мимо проѣхала. Дочь вышла на веранду и говоритъ: «Мнѣ что-то грустно!» Послышались бубенцы. Мать бросилась распорядиться, но тутъ же, услышавъ громкій воз-

гласъ дочери: «Вотъ мой прекрасный Женихъ!» Она вбѣжала обратно и что же представилось ея взору: дочь ея воздѣла руки къ Небу и упала замертво».

«Этотъ разсказъ, какъ и стихи о птичкѣ Божіей, которая «не свиваетъ долголѣтняго гнѣзда», явились пророческими для Ани. Когда ей минуло 19 лѣтъ ей нравился одинъ молодой человѣкъ, затѣмъ второй, еще лучше, но счастью ея не было дано осуществиться: во время гражданской войны ей съ родителями пришлось покинуть хуторъ въ Полтавской губ. и двинуться на югъ. По дорогѣ, приближаясь къ Крыму, Аня захворала брюшнымъ тифомъ и скончалась. Передъ смертью ей удалось пріобщиться св. Таинъ. Вотъ какъ сбылось предсказаніе о Варсонофія».

«Въ другой разъ», — пишетъ та же Марія Васильевна, — «старецъ предупредилъ одну молодую монахиню не быть самоувѣренной. Но вскорѣ она сама вызвалась читать псалтирь въ церкви по умершему и отказалась отъ сотрудничества другихъ монахинь. Въ полночь она почувствовала страхъ, бросилась бѣжать и защемила дверью свою одежду. Утромъ ее нашли на полу въ нервной горячкѣ. Пришлось ее помѣстить въ лѣчебницу, гдѣ она пробыла годъ и вернулась съ сѣдой головой».

Намъ удалось собрать 4 случая прозорливости о. Варсонофія, обнаружимые имъ при исповѣди его духовныхъ чадъ.

Елена Александровна Нилусъ рассказывала намъ, что въ одинъ изъ разовъ, когда они пришли съ мужемъ исповѣдываться къ Старцу, (а онъ ихъ исповѣдывалъ одновременно, зная, что у нихъ нѣтъ тайнъ другъ отъ друга), онъ спросилъ Сергѣя Александровича совершилъ ли онъ такой-то грѣхъ. — «Да», отвѣтилъ онъ, «но я это и за грѣхъ не считалъ». Тутъ Старецъ объяснилъ Нилусу грѣшность его дѣянія, или помысла и воскликнулъ: «Ну, и векселекъ же вы разорвали, Сергѣй Александровичъ».

Молодая дѣвица — Софья Константиновна, пріѣхавшая гостить къ Нилусамъ въ Оптину Пустынь, на исповѣди пожаловалась Старцу, что живя въ чужомъ домѣ, она лишена возможности соблюдать посты. — «Ну, а зачѣмъ же вы теперь въ пути въ постный день

соблазнились колбасой?» — спросилъ ее старецъ. С. К. ужаснулась: «Какъ могъ это узнать старецъ?»

Подобный случай произошелъ съ Софіей Михайловной Лопухиной, рожденной Осоргиной. Она рассказываетъ, что въ Оптину Пустынь она пріѣхала 16-лѣтней дѣвицей. Ее поразила тысячная толпа вокругъ старческой «хибарки», какъ тамъ назывались деревянные домики, гдѣ жили старцы. Она встала на пень, чтобы взглянуть на старца, когда онъ выйдетъ. Вскорѣ старецъ показался и сразу ее поманилъ. Онъ ввелъ ее въ келлію и рассказалъ ей всю ея жизнь годъ за годомъ, перечисляя всѣ ея проступки, когда и гдѣ она ихъ совершила и назвалъ дѣйствующихъ лицъ по ихъ именамъ. А потомъ сказалъ: «завтра ты придешь ко мнѣ и повторишь мнѣ все, что я тебѣ сказалъ. Я захотѣлъ тебя научить какъ надо исповѣдываться». Больше Софья Михайловна не была въ Оптиной Пустыни. Въ слѣдующій разъ она увидѣла старца, когда онъ остановился въ Москвѣ, проѣздомъ въ Голутвинъ. Онъ сильно постарѣлъ, осунулся, сталъ согбеннымъ. . . Онъ сказалъ, что видно Богъ его любить, если послалъ такое испытаніе. Прошелъ годъ. Она уже вышла замужъ за Лопухина. Старецъ скончался. Неожиданно въ ея квартирѣ раздался звонокъ: вошелъ монахъ очень высокаго роста. Онъ передалъ ей отъ покойнаго батюшки двѣ иконы: онѣ по его распоряженію были положены въ его гробъ и завѣщаны ей и ея двоюродной сестрѣ С. Ф. Самариной. Со своей иконой Казанской Божіей Матери Лопухина не расстаётся никогда. Исключительный случай былъ только тогда, когда она ее дала мужу, сидѣвшему въ тюрьмѣ.

Третій случай о столь же чудесной исповѣди произошелъ въ Голутвинѣ съ Николаемъ Архиповичемъ Жуковскимъ, нынѣ преклоннаго возраста, но еще здравствующимъ и живущимъ во Франціи, также какъ здравствуетъ С. М. Лопухина, которая дала полное разрѣшеніе на обнародованіе бывшаго съ нею общенія со старцемъ. (Сообщено монахиней Таисіей).

Отецъ иг. Иннокентій Павловъ, положившій начало своего монашества въ Оптиной съ конца 1908 г., повѣдалъ намъ о своей первой исповѣди у Старца. Въ то время начальникомъ скита и старцемъ былъ о.

Варсонофій. Изъ Бразиліи, нынѣ покойный, о. Игумень писалъ:

«Это былъ замѣчательный Старецъ, имѣвшій даръ прозорливости, каковую я самъ на себѣ испыталъ, когда онъ принималъ меня въ монастырь и первый разъ исповѣдывалъ. Я онѣмѣлъ отъ ужаса, видя предъ собою не человѣка, а Ангела во плоти, который читаетъ мои сокровеннѣйшія мысли, напоминаетъ факты, которые я забылъ, лицъ, и проч. Я былъ одержимъ неземнымъ страхомъ. Онъ меня ободрилъ и сказалъ: «Не бойся, это не я, грѣшный Варсонофій, а Богъ мнѣ открылъ о тебѣ. При моей жизни никому не говори о томъ, что сейчасъ испытываешь, а послѣ моей смерти можешь говорить». О своемъ Старцѣ, о. Варсонофій, въ письмѣ отъ 16 сент. 1957 г. о. Иннокентій выразился еще такъ: «Это былъ гигантъ духа. Безъ его совѣта и благословенія и самъ настоятель монастыря о. Ксенофонтъ ничего не дѣлалъ, а о его духовныхъ качествахъ и великомъ обаяніи, которое онъ имѣлъ на всѣхъ своихъ духовныхъ чадъ, можно судить по краткому выраженію изъ надгробнаго слова: «гиганта малыми деревцами не замѣнишь». Продолжая свою рѣчь, о. Иннокентій говорилъ такъ: «Въ Оптиной во всѣ посты, а въ Великій два раза: на первой и страстной седмицѣ, вся братія безъ исключенія должна была говѣть — исповѣдываться и причащаться, а кто желаетъ, особенно старики, и чаще. Неотразимое, благодатное дѣйствіе производила на всѣхъ его исповѣдь, и еще такъ называемая исповѣдь-откровение помысловъ, каковая въ Оптиной установлена была по четвергамъ. Одинъ разъ въ недѣлю, именно въ четвергъ, Старецъ никого изъ мірянъ не принималъ, и этотъ день у него былъ назначенъ исключительно для монашествующей братіи монастыря и скита. Ангелоподобный Старецъ, облаченный въ полумантию, въ епитрахили и поручахъ, съ великой любовью принималъ каждого, не спѣша задавая вопросы, выслушивая и давая наставленія. При этомъ онъ имѣлъ совершенно одинаковое отношеніе, какъ къ старшимъ, такъ равно и къ самымъ послѣднимъ. Всѣ ему были беззавѣтной любовью преданы, и онъ зналъ до тонкости душевное устроеніе каждого. Бывало, послѣ

исповѣди, или такого откровенія помысловъ, какая-бы скорбь, печаль и уныніе ни угнетали душу, все смѣнялось радостнымъ настроеніемъ и, бывало, летишь отъ Старца, какъ на крыльяхъ отъ радости и утѣшенія. И дѣйствительно, это были незабываемыя минуты не только для меня лично, но, какъ извѣстно, и всѣ его духовныя чада испытывали подобное».

Монахинѣ Таисіи мы также обязаны сообщенію, слышанныхъ ею еще въ бытность ея въ Россіи, разсказами шамординской монахини Александры Гурко — тоже духовной дочери старца о. Варсонофія. Въ міру она была помѣщицей Смоленской губерніи. «Собралъ однажды» — разсказывала мать Александра, — «Батюшка о. Варсонофій нѣсколько монахинь, своихъ духовныхъ дочерей и повелъ съ нами бесѣду о брани съ духами поднебесной. Меня, почему-то посадилъ рядомъ съ собой, даже настоялъ, чтобы я сѣла поближе къ нему. Во время бесѣды въ то время какъ Батюшка говорилъ о томъ какими страхованіями бываютъ подвержены монашествующіе, я вдругъ, увидѣла реально, стоявшаго неподалеку бѣса, столь ужаснаго видомъ, что я неистово закричала. Батюшка взялъ меня за руку и сказалъ: — «Ну, что же? ты теперь знаешь?» Прочія же сестры ничего не видѣли и не понимали, того, что произошло».

Другой разсказъ матери Александры былъ такой: «Однажды я присутствовала при служеніи о. Варсонофіемъ литургіи. Въ этотъ разъ мнѣ пришлось увидѣть и испытать нѣчто неописуемое. Батюшка былъ просвѣтленъ яркимъ свѣтомъ. Онъ самъ былъ, какъ бы, средоточіемъ этого огня и испускалъ лучи. Лучемъ, исходявшаго отъ него свѣта, было озарено лицо, служившаго съ нимъ діакона.

Послѣ службы, я была съ другими монахинями у Батюшки. Онъ имѣлъ очень утомленный видъ. Обращаясь къ одной изъ насъ, онъ спросилъ ее: «Можешь ли ты сказать: «слава Богу?» — Монахиня была озадачена этимъ вопросомъ и сказала:

— «Ну, слава Богу». — «Да, развѣ такъ говорятъ — Слава Богу!» — воскликнулъ Батюшка. Тогда я подошла къ Батюшкѣ и говорю: «А я могу сказать —

«Слава Богу!». «Слава Богу! Слава Богу!» радостно повторилъ Батюшка».

Вникая во всѣ эти дивныя свидѣтельства, такъ и рвется изъ сердца — воистину «Слава Богу!»

III. ЗАПИСИ С. А. НИЛУСА.

Какъ у ногъ Старца Макарія былъ И. В. Кирѣевскій, а у Старца Амвросія К. Н. Леонтьевъ, такъ у Старца Варсонофія былъ Сергѣй Александровичъ Нилусъ, мужъ большого ума, многосторонней одаренности, и пламенно любящаго вѣрующаго православнаго сердца. Ему Господь судилъ больше всѣхъ потрудиться въ дѣлѣ увѣковѣченія просіявшей святости въ безсмертной Оптиноѣ. Съ благословенія старцевъ, Сергѣй Александровичъ съ супругой поселился возлѣ Оптины въ домѣ, гдѣ ранѣе жилъ Леонтьевъ, и занялся изслѣдованіемъ неизданныхъ агіографическихъ матеріаловъ въ монастырской бібліотекѣ. Результатомъ его трудовъ появились дивныя книги, свидѣтельствующія о духовной мощи подвижниковъ на Св. Руси. А именно «Сила Божія и немощь человѣческая», «Святыня подъ спудомъ», «Жатва жизни, пшеница и плевелы» и его оптинскій дневникъ «На Берегу Божьей Рѣки», въ двухъ частяхъ (во второй дана его біографія). Въ этомъ дневникѣ имя Старца Варсонофія встрѣчается не рѣдко. Онъ былъ старцемъ четы Нилусовъ, ихъ духовникомъ и они постоянно приходили къ нему на благословеніе.

Иногда старецъ поручалъ имъ отвѣчать на тѣ письма, отвѣтъ на которыя былъ простъ и несложенъ. Такимъ образомъ общеніе между ними не прекращалось.

Въ бытность Нилуса въ Оптиноѣ пребывалъ тамъ и вышеупомянутый о. Иннокентій, несшій свое послушаніе и въ монастырской канцеляріи.

Дѣлясь съ нами своими оптинскими воспоминаніями, онъ упоминалъ и о С. А. Нилусѣ. «Часто приходилось мнѣ», писалъ о. Иннокентій, «помогать Нилусу упаковывать книги его сочиненія и изъ домика, гдѣ они жили съ женой, носить эти книги въ иконно-

книжную лавочку. Почти каждый день приходилъ Нилусъ къ намъ въ канцелярію, бесѣдовалъ, работалъ съ нами. Помню случай, кажется въ 1909 г., во время такой бесѣды канцелярскій послушникъ о. Павелъ Крутиковъ сказалъ ему: «Сергѣй Александровичъ, вы наводите на насъ такую жуть: вѣдь сейчасъ въ Россіи ничего не ощущается, быть можетъ это и будетъ, но теперь нѣтъ основанія такъ беспокоиться». С. А. сказалъ: «Эхъ, отцы, отцы! Эти стѣны скрываютъ отъ васъ ту ужасную обстановку, среди которой мы живемъ; и слава Богу, что вы всего не знаете, но я не пророкъ, а скажу вамъ, что вы сами на себѣ испытаете все то, что я вамъ говорю». И дѣйствительно, не много намъ пришлось мирно пожить въ монастырской оградѣ».

Въ Оптиной Нилусъ жилъ въ самые яркіе годы старчества о. Варсонофія. Ниже приводятся нѣсколько записей этого времени, которыя освѣщаютъ нѣкоторыя стороны духоносности этого старца:

1. Языкъ именъ и цифръ.

Какъ то разъ о. Варсонофій спросилъ меня:

— «Знаете ли вы, что значитъ «калуга»?

Я подумалъ на городъ Калугу и, не понявъ хорошо вопроса, отвѣтилъ незнаніемъ.

— «Калуга», сказалъ Батюшка, «значитъ огражденное мѣсто. Таковъ и нашъ городъ Калуга. А чѣмъ онъ огражденъ, какъ вы думаете?»

— «Скажите, Батюшка!»

— Святыней нашего края — монастырями, гдѣ почиваютъ святыя мощи Калужскихъ чудотворцевъ: преп. Тихона Калужскаго, праведнаго Лаврентія и преп. Пафнутія, игумена Боровскаго, нашей святой обители съ ея почившими старцами: Львомъ, Макаріемъ, Амвросіемъ и прочими сокровенными Оптинскими угодниками Божиими.

«Все это — калуга, и счастливы вы, что Господь привелъ васъ пожить въ такомъ огражденномъ мѣстѣ. И знайте, что очень часто названіе мѣстности, въ которой вы живете, фамилія лица, съ которымъ вы встрѣчаетесь, — словомъ, названіе или имя въ самихъ себѣ носятъ нѣкій таинственный смыслъ, уясне-

ніе котораго часто бываетъ не бесполезно. Смотрите, въ Ветхомъ Заветѣ почти всякое имя что-нибудь да означаетъ: Ева — жизнь, ибо она стала матерью всѣхъ живущихъ; Самъ Богъ повелѣваетъ Авраму называться Авраамомъ, «ибо» — говоритъ, — «Я сдѣлаю тебя отцомъ множества народовъ», а Сару — Саррой, не «госпожею моею», а «госпожею множества»...

«Итакъ, по всей Библіи — названіе и имя всегда имѣютъ сокровенный и важный смыслъ. Самъ Господь преднарекъ Себѣ имя человѣческое — Еммануиль, что значитъ «съ нами Богъ» и Иисусъ, «ибо Онъ спасетъ людей Своихъ отъ грѣховъ ихъ». Видите какъ это значительно и важно».

— «Вижу, Батюшка».

— «Но, кромѣ этого, такъ сказать, языка именъ и названій, существуетъ еще и языкъ цифръ, тоже сокровенный, значительный и важный, но только не всякому дано расшифровать его тайну. На что была великая тайна воплощенія Бога Слова, а и она была заключена въ таинственномъ счисленіи родовъ потомства Авраама: «отъ Авраама до Давида», говоритъ св. ев. Матѳей, — «четырнадцать родовъ; и отъ переселенія въ Вавилонъ четырнадцать родовъ; и отъ переселенія въ Вавилонъ до Христа четырнадцать родовъ». Замѣчаете цифру 14? Она повторяется трижды».

— «Замѣчаю».

— «Она составлена изъ удвоенной цифры 7, а 7 есть число въ Библіи священное и означаетъ собою вѣкъ настоящій, а вѣку будущему усвоена цифра 8, которою вѣкъ этотъ и обозначается. Видите, что цифры имѣютъ свой языкъ?»

— «Вижу, Батюшка».

«Ну и хорошо дѣлаете, что видите: быть можетъ это вамъ когда-нибудь и пригодится».

2. Встрѣча въ трамваѣ.

«Сѣй пшеницу, отче Тимоне!» — сказалъ нѣкогда преп. Серафимъ своему собесѣднику.

Годовой праздникъ Оптиной пустыни. Ходили поздравлять старцевъ съ праздникомъ. О. Варсонофій сообщилъ женѣ слѣдующее:

— «Приходить сегодня ко мнѣ молоденькая монашенка и говорить: — «Узнаете меня, Батюшка?»»

— «Гдѣ» — говорю, — «матушка, всѣхъ упомнить? Нѣтъ не узнаю».

— «Вы меня», — говорить, — «видѣли въ 1905 г. въ Москвѣ на трамваѣ. Я тогда еще была легкомысленной дѣвицей, и вы обратились ко мнѣ съ вопросомъ: что я читаю? А я въ это время держала въ рукахъ книгу и читала. Я отвѣтила: Горькаго. . . — Вы тогда схватились за голову, точно я уже нивѣсть что натворила. На меня вашъ жестъ произвелъ сильное впечатлѣніе, и я спросила: что-жъ мнѣ читать? — И тогда вы мнѣ посовѣтовали читать священника Хитрова, а я и его и его мать знала, но о томъ, что онъ что-либо писалъ и не подозрѣвала. Когда вы мнѣ дали этотъ совѣтъ, я вамъ возразила такими словами: «вы еще чего добраго, скажете мнѣ, чтобы я и въ монастырь шла». — «Да», — отвѣтили вы мнѣ, — «идите въ монастырь!» — Я на эти слова только улыбнулась, — до чего они мнѣ показались ни съ чѣмъ несообразными. Я спросила кто вы и какъ ваше имя? Вы отвѣтили: «мое имя осталось въ монастырской оградѣ». — Помните ли вы теперь эту встрѣчу?»

— «Теперь», говорю, — «припоминаю. Какъ же», — спрашиваю, — «ты въ монастырь-то попала?»

— «Очень просто. Когда мы съ вами простились, я почувствовала, что эта встрѣча не проста, глубоко надъ ея смысломъ задумалась. Потомъ я купила всѣ книги священника Хитрова, стала читать и другія книги, а затѣмъ дала большой вкладъ въ Х. . . въ монастырь и теперь я тамъ рясофорной послушницей».

— «Какъ же», спрашиваю, — «ты меня нашла?»

— «И это было просто. Я про встрѣчу съ вами все рассказала своему монастырскому священнику, описала вашу наружность, а онъ мнѣ сказалъ: «это должно быть оптинскій старецъ Варсонофій». Вотъ я пріѣхала сюда узнать — вы ли это были, или другой кто? Оказывается вы! Вотъ радость-то!»

И припомнились мнѣ тутъ слова преподобнаго Серафима, сказанныя имъ іеромонаху Надѣвской пустыни — Тимону:

— «Сѣй, отче Тимоне, пшеницу слова Божія, сѣй и

на камни и на песцѣ, и при дорожѣ и на тучной землѣ, все гдѣ-нибудь и прозябнетъ сѣмя-то во славу Божию». Вотъ и прозябаетъ.

3. Смерть Оптинскаго Благочиннаго о. Иліодора.

Сегодня видѣлся съ однимъ изъ близкихъ къ покойному о. Иліодору монаховъ и отъ него узналъ, что умершій благочинный за нѣсколько дней до своей смерти былъ предваренъ о ней знаменательными сновидѣніями, которыя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ и записываю.

О. Иліодоръ скончался въ день Рождества Христова, пришедшійся въ истекшемъ году на четвергъ. Въ воскресенье, за четыре, стало быть, дня до смерти, о. Иліодоръ, послѣ трапезы, прилегъ отдохнуть на диванѣ въ своей кельѣ... Было это около полудня... Не успѣлъ онъ еще, какъ слѣдуетъ, заснуть, какъ видитъ въ тонкомъ снѣ, что дверь его кельи открывается и въ нее входятъ — скитскій монахъ Патрикій и съ нимъ іеродіаконъ Георгій *). У монаха Патрікія въ рукахъ былъ длинный ножъ.

— «Давай намъ деньги» — крикнулъ Патрикій.

— «Что ты шутишь?» — испуганно спросилъ его о. Иліодоръ: «какія у меня деньги?»

— «А, когда такъ», закричалъ на него Патрикій — «такъ вотъ тебѣ!», и вонзилъ ему по рукоятку ножъ въ самое сердце.

Видѣніе это было такъ живо, что о. Иліодоръ вскочилъ со своего ложа и, уклоняясь отъ ножа, сильно ударился затылкомъ о спинку дивана. Отъ боли онъ тотчасъ проснулся и кинулся смотрѣть, кто входилъ къ нему въ келью. Но ни въ кельѣ, ни за дверями кельи, никого не было.

Это одно видѣніе.

За день до смерти, въ такомъ же полуснѣ, о. Иліодоръ увидалъ скончавшагося лѣтомъ 1908-го года іеро-

*) Патрикій, Георгій, одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ противъ архимандрита Ксенофонта. Оба монаха — и Патрикій, и Георгій — ничего общаго съ Оптинскимъ духомъ не имѣютъ, люди немирные, хитрые и плотскіе. Объ этомъ см. ниже.

монаха Савву, бывшего однимъ изъ трехъ духовниковъ Оптиной Пустыни. О. Савва явился ему благодушный и радостный.

— «А что, братъ», — спросилъ его о. Иліодоръ: — «страшно тебѣ, небось, было, когда душа разлучилась съ тѣломъ?»

«Да», отвѣтилъ о. Савва: «было боязно; ну, а теперь совсѣмъ хорошо! Вслѣдъ за о. Саввой, въ томъ же видѣніи, явился сперва почившій Оптинскій архимандритъ Исаакій, а за о. Исаакиемъ — его преемникъ, тоже умершій архимандритъ Досиѣей. О. Исаакій подошелъ къ о. Иліодору и далъ ему въ руку серебряный рубль, а о. Досиѣей два.

«Не проста мнѣ это было», — говорилъ наканунѣ своей смерти о. Иліодоръ, рассказывая свои сны одному монаху: «я, братъ, должно быть скоро умру».

Въ день смерти о. Иліодоръ былъ посланъ за послушаніе служить въ одно село литургію; наканунѣ у своего духовника, какъ служащій, исповѣдывался, а за литургіей совершилъ Таинство и причастился.

Вернувшись въ тотъ же день домой, о. Иліодоръ, по случаю великаго праздника, былъ на такъ называемомъ «общемъ чаѣ» у настоятеля, со всѣми былъ крайне привѣтливъ, болѣе даже, какъ замѣчено обыкновенно, и оттуда со всѣми іеромонахами пошелъ въ Скитъ къ Старцамъ славить Христа. Въ это время мы съ женой выходили отъ старцевъ и у самыхъ скитскихъ воротъ встрѣтили и его, и все Оптинское іеромонашеское воинство. О. Иліодоръ шелъ нѣсколько позади и мнѣ показался въ лицѣ черезчуръ краснымъ.

— «Вотъ жарко что-то!» — сказалъ онъ при встрѣчѣ и при этомъ засмѣялся. На дворѣ стояли рождественскіе морозы.

Это была послѣдняя моя съ нимъ встрѣча въ этомъ мірѣ.

Говорилъ мнѣ послѣ старецъ о. Варсонофій:

— «У меня съ о. Иліодоромъ никогда не было близкихъ отношеній, и все наше съ нимъ общеніе, обычно, ограничивалось сухой официальнойностью и то только по дѣлу. Въ день же его смерти, послѣ благословенія, я, — не знаю почему, — обратился, вдругъ, къ нему съ такимъ вопросомъ: — «А что, братъ, приготовилъ ли

ты себѣ что на путь?» Вопросъ былъ такъ неожиданъ и для меня и для него, что о. Иліодоръ даже смутился и не зналъ что отвѣтить. Я же захватилъ съ подноса леденцовъ — праздничное монашеское утѣшеніе — и сунулъ ему въ руку со словами: — «Это тебѣ на дорогу!»

И подумайте, — какая ему вышла дорога!

Старецъ рассказывалъ мнѣ это, какъ бы удивляясь, что сбылось по его слову. Но я не удивился: живя такъ близко отъ Оптиной святыни, я многому пересталъ дивиться. . .

4. Реставрація чудотворной Иконы Тихвинской Божіей Матери.

Сегодня прочелъ въ «Колоколѣ», что престарѣлый архіепископъ одной изъ древнѣйшихъ русскихъ епархій *), запутавшись ногами въ ковръ своего кабинета, упалъ и такъ разбилъ себѣ голову и лицо, что всѣ праздники не могъ служить, да и теперь еще лежитъ съ повязкой на лицѣ и никого не принимаетъ.

Въ концѣ октября, или въ началѣ ноября прошлаго года былъ изъ епархіи этого архіепископа на богомольи въ Оптиной одинъ офицеръ, заходилъ онъ ко мнѣ и рассказалъ слѣдующее:

— «Незадолго передъ отъѣздомъ моимъ въ Оптину, я былъ на праздникъ въ одной обители, ближайшей къ губернскому городу, гдѣ стоитъ мой полкъ и былъ настоятелемъ ея приглашенъ къ трапезѣ. Обитель эта богатая, приглашенныхъ къ трапезѣ было много, и возглавлялъ ее нашъ мѣстный викарный епископъ; онъ же и совершалъ въ тотъ день литургію. Въ числѣ почетныхъ посѣтителей былъ и нѣкій штатскій «генералъ» изъ синодской канцеляріи. Между нимъ и нашимъ викарнымъ зашла рѣчь о томъ, что получено благословеніе, откуда слѣдуетъ, по представленіи архіепископа, на реставрацію лика одной чудотворной иконы Божіей Матери, находившейся въ монастырѣ нашей епархіи. Иконѣ этой вѣруетъ и поклоняется вся православная Россія, и она, по преданію, писана при жизни на землѣ Самой Царицы Небесной св. Апостоломъ и Евангели-

*) Архіепископъ Новгородскій и Старорусскій Гурій Сычевъ, поручикъ, калужскаго пѣхотнаго полка.

стомъ Лукой. Нашло, видите ли, монастырское начальство, что ликъ иконы сталъ такъ темень, что и разобрать на немъ ничего невозможно. Тутъ явились откуда-то реставраторы со своими услугами, съ какимъ то новымъ способомъ реставраціи, и старенькаго нашего епархіальнаго владыку уговорили дать благословеніе на возобновленіе апостольскаго письма новыми вапами (по славянски красками).

— «Какъ же это?» — перебилъ я: «неужели открыто, на глазахъ вѣрующихъ?»

— «Нѣтъ», отвѣтилъ мнѣ офицеръ: «реставрацію предположено было совершать по ночамъ, частями: выколупывать небольшими участками старыя краски и на ихъ мѣсто, какъ мозаику вставлять новыя подѣ цвѣтъ старыхъ, но такъ, что бы возстановливался постепенно древній рисунокъ».

— «Да, вѣдь, это кощунство», — воскликнулъ я: «кощунство, не меньшее, чѣмъ совершилъ воинъ царя-иконоборца, ударившій копіемъ въ пречистый ликъ Иверской Божіей Матери!»

— «Такъ на это дѣло, какъ выяснилось, смотрѣлъ и викарный епископъ, но не такого о немъ мнѣнія былъ его собесѣдникъ — «генераль» изъ синодальныхъ приказныхъ. А между тѣмъ, слухъ объ этой кощунственной реставраціи уже теперь кое-гдѣ ходитъ по народу, смущая совѣсть послѣдняго остатка вѣрныхъ... Не вступитесь ли вы, Сергѣй Александровичъ, за обреченную на поруганіе святыню?»

Я горько улыбнулся: кто меня послушаетъ!?..

Тѣмъ не менѣе, по отѣздѣ этого офицера, я собрался съ духомъ и написалъ письмо тоже одному изъ синодскихъ «генераловъ», а именно Скворцову, съ которымъ мнѣ нѣкогда пришлось встрѣтиться въ Орлѣ, во дни провозглашенія Стаховичемъ на миссіонерскомъ съѣздѣ пресловутой масонской «свободы совѣсти». Вслѣдъ за этимъ письмомъ, составленномъ въ довольно энергичныхъ выраженіяхъ, я написалъ большое письмо къ викарному епископу⁵⁾ той епархіи, гдѣ должна была совершиться «реставрація» св. иконы. Епископа этого я зналъ еще архимандритомъ, видѣлъ

⁵⁾ Еп. Пермскій Андроникъ (впослѣдствіи замученный).

отъ него къ себѣ знаки расположенія и думалъ, что письмо мое будетъ принято во вниманіе и, во всякомъ случаѣ, благожелательно. Тонъ письма былъ почтительный, а содержаніе исполнено теплоты сердечной, поскольку она доступна моему малочувственному сердцу. Написалъ я епископу и, вдругъ, вспомнилъ, что, приступая къ дѣлу такой важности и, живя въ Оптиной, я не подумалъ посовѣтываться со старцами. Обличилъ я себя въ этомъ недомысліи, пожалѣлъ о томъ, что письмо «генералу» уже послано, и съ письмомъ къ епископу, отправился къ своему духовнику и старцу о. Варсонофію въ скитъ. Пошелъ я съ женой въ полной увѣренности, что растрогаю сердце моего старца своею ревностью и уже, конечно, получу благословеніе выступить на защиту чудотворной иконы. Батюшка-старецъ не задержалъ меня приѣмомъ.

— «Миръ вамъ, С. А.! Что скажете?» — спросилъ меня Батюшка. Я рассказалъ вкратцѣ зачѣмъ пришелъ и попросилъ разрѣшенія прочесть вслухъ мое письмо къ епископу. Батюшка выслушалъ внимательно и вдругъ задалъ мнѣ такой вопросъ:

— «А вы получили на это письмо благословеніе Царицы Небесной?»

Я смутился.

— «Простите», говорю, «Батюшка, я васъ не понимаю?»

— «Ну-да», повторилъ онъ: «уполномочила развѣ васъ Матерь Божія выступать на защиту Ея святой иконы?»

— «Конечно нѣтъ», отвѣтилъ я: «прямого Ея благословенія на это дѣло я не имѣю, но мнѣ кажется, что долгъ cadaго ревностнаго христіанина заключается въ томъ, чтобы на всякій часъ быть готовымъ выступать на защиту поругаемой святыни его вѣры».

— «Это такъ», сказалъ о. Варсонофій: «но не въ отношеніи къ носителю верховной апостольской власти въ Церкви Божіей. Кто вы, чтобы возставать на епископа и указывать ему образъ дѣйствія во ввѣренной его управленію Самимъ Богомъ помѣстной Церкви? Развѣ вы не знаете всей полноты власти

архіерейской? ... Нѣтъ, С. А., бросьте вашу затѣю и весь судъ представьте Богу и Самой Царицѣ Небесной — Они распорядятся, какъ Имъ Самимъ будетъ угодно. Исполните это святое послушаніе, и Господь, цѣлюющій даже намѣренія человѣческія, если они направлены на благое, даруетъ вамъ сугубую награду и за послушаніе, и за намѣреніе: но только не идите войной на епископскій санъ, а то васъ накажетъ Сама Царица Небесная».

Что оставалось дѣлать? Пришлось покориться.

— «А какъ же, батюшка», спросилъ я, «быть съ тѣмъ письмомъ, которое я уже послалъ свнодальному «генералу»?»

— «Ну, это уже ваше съ нимъ частное дѣло: «генералъ», да еще свнодальный, — это въ Церкви Божіей не богоутвержденная власть, — это вамъ ровня, съ которой обращаться можете, какъ хотите, въ предѣлахъ, конечно, христіанскаго миролюбія и доброжелательства».

— «Представьте судъ Богу!» — таковъ былъ совѣтъ старца. И судъ этотъ совершился: не прошло со дня этого совѣта и полныхъ двухъ мѣсяцевъ, а ужъ архіепископъ получилъ вразумленіе и за ликъ Пречистой отвѣтилъ собственнымъ ликомъ, лишившись счастья совершать въ великіе Рождественскіе дни Божественную Литургію.

Призамолкли что то и слухи о реставраціи святой иконы⁶⁾. Хотѣлъ, было, я разразиться обличительными громами по поводу кипяченія воды для великой агіасмы, но послѣ старческаго внушенія рѣшилъ и надъ этимъ судъ представить Богу.

5. Антихристъ.

О видѣніи старцемъ Варсонофіемъ антихриста въ книгѣ «На Берегу Божьей Рѣки» на стр. 96-97 ста-

⁶⁾ Икона Пр. Богородицы Тихвинской была все-таки реставрирована, описаннымъ способомъ при архимандритѣ Іоанникіи. Результатъ реставраціи оказался таковъ, что ничего отъ древней святой иконы не осталось и ее уже нельзя было выставять для поклоненія. Самого архимандрита тутъ же вслѣдъ разбила болѣзнь, и онъ не могъ уже служить. Его удалили на покой въ Валдайскій Иверскій монастырь, гдѣ его обокралъ келейникъ, тысячъ на 40, или 60 — стяжаніе настоятельское, — и онъ умеръ съ горя 3-го іюня 1913 года. «А былъ раньше здоровъ, какъ быкъ», сказывалъ мнѣ Валдайскій архимандритъ, вполсѣдствіи епископъ Іосифъ.

рецъ Нектарій говоритъ слѣдующее: «... вотъ одно, по секрету, ужъ такъ и быть. Я вамъ скажу: въ прошломъ мѣсяцѣ, — точно не помню числа, — шелъ со мной отъ утрени о. игуменъ, да и говоритъ мнѣ:

— «Я, о. Нектарій, страшный сонъ видѣлъ, такой страшный, что еще и теперь нахожусь подъ его впечатлѣніемъ... я его вамъ потомъ какъ-нибудь расскажу» — добавилъ, подумавъ, о. игуменъ и пошелъ въ свою келлію. Затѣмъ, прошелъ шага два, повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— «Ко мнѣ антихристъ приходилъ. Остальное расскажу послѣ...»

— «Ну, и что же», перебилъ я о. Нектарія, «что же онъ вамъ рассказалъ?»

— «Да, ничего!» — отвѣтилъ о. Нектарій, «самъ онъ этого вопроса уже не поднималъ, а спросить его я побоялся: такъ и остался по днесъ этотъ вопросъ невыясненнымъ»...

IV. ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРАВЕДНЫМЪ ОТЦОМЪ ІОАННОМЪ КРОШТАДТСКИМЪ И СТАРЦЕМЪ ВАРСОНОФІЕМЪ.

О. Іоаннъ Кронштадтскій провидѣлъ духомъ въ лицѣ о. Варсонофія истиннаго подвижника. Въ воспоминаніяхъ о. Василия Шустина передано, какъ о. Іоаннъ поцѣловалъ въ алтарѣ Андреевскаго собора въ Кронштадтѣ руку молодому офицеру, будущему старцу и схимнику.

Далѣе мы узнаемъ изъ проповѣди архіеп. Теофана Полтавскаго, произнесенной имъ 21 авг. 1929 г. въ Болгаріи въ г. Варнѣ о томъ, какъ о. Іоаннъ, явившись посмертно Павлу Ильину, посылаетъ его для полного исцѣленія въ Оптину Пустынь къ старцу Варсонофію и этимъ самымъ прославляетъ его, указывая, что ему данъ Богомъ даръ чудотворенія. Близкія чада Старца были уже не разъ свидѣтелями этого дара. Вотъ примѣръ: чета Нилусовъ, придя однажды на благословеніе къ старцу Варсонофію присутствовали при изгнаніи имъ бѣса изъ приведеннаго къ нему челоуѣка. Въ этотъ разъ потребовалось отъ Старца не мало духовныхъ силъ. Бѣсноватый былъ въ неистовой

ялости, изрыгалъ на о. Варсонофія злѣйшую брань, называя его все время полковникомъ и готовый наброситься на него. Старецъ потомъ объяснилъ Нилусамъ, что это былъ рѣдкій и трудный случай, когда пришлось имѣть дѣло съ бѣсомъ полуденнымъ, который является однимъ изъ наиболѣе лютыхъ и трудно изгоняемыхъ. Объ этомъ бѣсѣ упоминается въ 90-мъ псалмѣ въ славянскомъ текстѣ: «и сряща и бѣса полуденнаго». Въ русскомъ переводѣ текстъ измѣненъ, тамъ сказано: «и заразы, приходящей въ полдень».

Исторія же Павла Ильина такова:*)

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

«Поздѣ бывшу, приведоша къ Нему бѣсны многи, и изгна духи словомъ, и вся болящія исцѣли» (Матѳ. 8, 16). Такія слова присоединяетъ Евангелистъ Матѳей къ своему повѣствованію въ нынѣ чтенномъ Евангеліи объ исцѣленіи разслабленнаго слуги Капернаумскаго сотника. Могутъ спросить: а существуютъ ли «бѣсноватые» въ настоящее время и если существуютъ, то возможно ли ихъ исцѣленіе?

На этотъ вопросъ, — мы отвѣтимъ не отвлеченными разсужденіями, а изложеніемъ того, что дѣйствительно произошло въ наши, не столь отдаленныя времена и чему современниками и свидѣтелями мы сами были.

Въ 1909 г. по всему Петербургу разнесся слухъ о томъ, что 16-лѣтній юноша Павелъ Ильинъ, одержимый какимъ-то необъяснимымъ для науки недугомъ, привезенъ былъ къ литургіи въ Іоанновскій Петроградскій монастырь на Карповкѣ и здѣсь чудесно исцѣлился у гробницы о. Іоанна Кронштадтскаго. Произошло это такъ. Во время Херувимской пѣсни онъ вырвался изъ рукъ пятнадцати сильныхъ мужчинъ, державшихъ его, и затѣмъ пронесся по воздуху надъ народомъ къ западнымъ вратамъ храма и у входа въ храмъ упалъ безъ чувствъ. Безчувственнаго его взяли и принесли къ гробницѣ о. Іоанна. Здѣсь больной на краткое время очнулся, а затѣмъ крѣпко заснулъ. Во

*) «Православная Русь», Св.-Троицкій монастырь, Джорданвилль, Н. І. Январь 1952 г. стр. 7-9.

время сна явился ему о. Іоаннъ, далъ наставленіе, исповѣдалъ и велѣлъ ѣхать въ Валаамскій монастырь.

Что происходило во снѣ? Больной, проснувшись, не хотѣлъ говорить объ этомъ и если бы не отрывочныя слова, сказанныя вслухъ во время сна: «О. Іоаннъ, прости, помолись, исполню», — то возможно, что больной все скрылъ бы. Но когда онъ услышалъ отъ окружающихъ его эти слова и понялъ, что они знаютъ о происшедшемъ, все открылъ. Вотъ, что произошло съ нимъ. Онъ увидѣлъ о. Іоанна сидящимъ въ креслѣ у своей гробницы. О. Іоаннъ сказалъ ему: «ты видишь меня въ такомъ видѣ, въ: какомъ никто меня не видѣлъ. Служи по мнѣ панихиды, какъ это установлено Церковью. Но Великому Богу угодно меня прославить. Придетъ время, и по мнѣ служить будутъ молебны»; затѣмъ дунулъ на больного, благословилъ его и добавилъ: «въ свое время я скажу тебѣ, что нужно будетъ дѣлать для полного исцѣленія». И послѣ этихъ словъ скрылся. Окружавшіе видѣли въ это время, какъ больной грызъ зубами своими мраморную гробницу о. Іоанна и дикимъ голосомъ кричалъ: «о, великій Угодникъ и Пророкъ Іоаннъ! Выхожу, выхожу... но не совсѣмъ». ... Конечно, кричалъ это не больной, а обитавшій въ немъ демонъ. — Послѣ этого Павелъ уже не такъ страдалъ отъ своей болѣзни, но еще не совсѣмъ выздоровѣлъ. Въ томъ же 1909 г. онъ переѣхалъ въ Выборгъ, записался въ послушники Валаамскаго монастыря и жилъ при архіерейскомъ домѣ въ г. Сердоболѣ (въ имѣніи Хюмпеля). Здѣсь онъ исполнялъ послушаніе на огородѣ и прислуживалъ въ качествѣ чтеца при церкви. Въ 1911 г. 19 октября — въ день памяти преподобнаго Іоанна Рыльскаго и тезоименитства о. Іоанна Кронштадтскаго, Господь благоволилъ явить новую милость Свою болящему Павлу чрезъ о. Іоанна.

На этотъ разъ съ нимъ произошло слѣдующее. Вечеромъ въ этотъ день, послѣ всенощнаго бдѣнія, братъ Павелъ, во время чтенія акаѳиста Божіей Матери, пришѣлъ въ состояніе восхищенія. Его духовному взору открылось дивное видѣніе. Первоначально во славѣ явился о. Іоаннъ Кронштадтскій съ пре-

подобнымъ Іоанномъ Рыльскимъ. Затѣмъ св. Павелъ Оивейскій и св. Аѳанасій Аѳонскій и множество другихъ преподобныхъ отцовъ. Всѣ они привѣтствовали другъ друга радостными возгласами: «радуйся, Іоанне; радуйся, Павле; радуйся Аѳанасіе»!... А наконецъ за ними явилась Сама Богоматерь въ неописуемой славѣ, при появленіи Которой, хоръ преподобныхъ отцовъ торжественно воспѣлъ пѣснь: «Взбранной воеводѣ побѣдительная»! Послѣ этого о. Іоаннъ Кронштадтскій подошелъ къ брату Павлу и сказалъ: «а теперь выйди изъ тѣла и душой послѣдуй за нами». Весьма трудно было исполнить это повелѣніе Павлу, но онъ исполнилъ его и послѣдовалъ за святыми отцами. «Они мнѣ показывали, — говорилъ Павелъ, — первоначально райскія обители и наслажденія, предназначенныя для добродѣтельныхъ, а затѣмъ мученія грѣшниковъ. Какъ слава и блаженство праведниковъ, такъ и мученія грѣшниковъ не поддаются описанію. Когда было все показано, о. Іоаннъ Кронштадтскій сталъ наставлять меня, какъ жить, и для полученія окончательнаго исцѣленія, повелѣлъ мнѣ вновь войти въ свое тѣло и отправиться въ Оптину Пустынь къ старцу о. Варсонофію». Такими словами закончилъ свое повѣствованіе о видѣнномъ имъ въ состояніи восхищенія братъ Павелъ. Въ ноябрѣ того же 1911 г. онъ ѣздилъ къ о. Варсонофію въ сопровожденіи валаамскаго іеродіакона, именемъ Варсонофія же. Старецъ былъ предупрежденъ о пріѣздѣ больного, принималъ его, исповѣдалъ и причастилъ и послѣ этого послѣдовало окончательное исцѣленіе. До 1912 года исцѣленный Павелъ, уже совершенно здоровый, жилъ по прежнему въ Сердоболѣ, а затѣмъ призванъ былъ къ отбыванію воинской повинности. Въ 1914 г. участвовалъ въ Великой Войнѣ. Живъ ли онъ въ настоящее время или погибъ во время этой войны и послѣдовавшей за нею революціи, — остается неизвѣстнымъ. Но онъ черезъ іеромонаха Валаамскаго Варсонофія, нѣкогда сопровождавшаго его въ Оптину Пустынь, переслалъ мнѣ свои записки для обнародованія ихъ черезъ десять лѣтъ послѣ своего исцѣленія. Изъ этихъ, написанныхъ имъ собственноручно, записокъ, видно, какою болѣзнью болѣлъ онъ, и по

какой причинѣ. Во время пребыванія своего въ Москвѣ Павелъ впалъ въ тяжелую нужду. Нигдѣ онъ не могъ найти работы для себя и всѣ близкіе и знакомые отказались отъ него. Тяжелая нужда доводила его до унынія и до отчаянія; неоднократно приходили ему мысли о самоубійствѣ. Въ одну изъ такихъ минутъ внезапно явился ему таинственный старецъ и сказалъ: «я помогу тебѣ, если ты собственною кровію письменно удостовѣришь, что будешь вѣренъ мнѣ и здѣсь на землѣ, и по смерти твоей». «Кто же ты такой, чтобы мнѣ вѣрить въ тебя и довѣриться тебѣ?» — спросилъ Павелъ. — «Я тотъ самый, — отвѣтилъ явившійся, — котораго ненавидитъ ваша Церковь!» «Хорошо, я буду вѣренъ тебѣ!» — заявилъ ослѣпленный отчаяніемъ юноша, и далъ требуемую подписку. «Ну, а теперь ты долженъ сбросить съ своей шеи лишнюю обузу», — сказалъ таинственный старецъ и указалъ при этомъ на крестъ. Юноша снялъ крестъ и такимъ образомъ отрекся отъ Христа и продалъ душу свою діаволу. За это отреченіе отъ Христа и предательство діаволу вселился въ него злой духъ и съ тѣхъ поръ онъ сталъ бѣсноватымъ. Отъ этого то духа бѣснованія и исцѣлилъ его о. Іоаннъ Кронштадтскій, частью непосредственно, а отчасти черезъ посредство Оптинскаго старца Варсонофія.

Изъ всего сказаннаго видно, что бѣсноватые или одержимые нечистыми духами существуютъ и въ настоящее время. Духу бѣснованія предаются они за нечестивую жизнь и особенно за грѣхи богоотреченія и богохульства. Но существуютъ въ настоящее время и праведники, угодившіе Богу, которые имѣютъ силу и власть изгонять злыхъ духовъ. Величайшимъ изъ такихъ чудотворцевъ послѣдняго времени является о. Іоаннъ Кронштадтскій. Онъ настолько угодилъ Господу своею святою жизнью, что уже нынѣ числится въ райскихъ обителяхъ въ ликѣ преподобныхъ наряду со св. Антоніемъ Великимъ, св. Павломъ Оувейскимъ, св. Аѳанасіемъ Аѳонскимъ и св. Іоанномъ Рыльскимъ. Великому Богу угодно, — какъ онъ самъ сказалъ, — въ скоромъ времени прославить его и на землѣ, какъ прославленъ онъ уже на небесахъ. Глубокопоучительное же повѣствованіе объ отроцѣ Па-

влѣ помимо своего непосредственнаго значенія имѣетъ и болѣе глубокій символическій смыслъ. — Этотъ бѣсноватый отрокъ прообразуетъ собою нашу несчастную и многострадальную Россію. И она несчастная, какъ этотъ отрокъ Павелъ, преданъ духу бѣснованія за свои грѣхи и за свое нечестіе. Преданъ не по причинамъ оставленія ея Богомъ, а по причинѣ особенной любви Его къ ней. Ибо «его же любитъ Господь, наказуетъ, и бьетъ всякаго сына, его же пріемлетъ» (Евр. 12, 6), «да спасетъ духъ его» (1 Кор. 5, 5). Мы имѣемъ на небесахъ многочисленный сонмъ святыхъ чудотворцевъ и древнихъ и новыхъ, имѣющихъ власть надъ злыми духами. Будемъ усердно молиться имъ, да избавитъ нашу несчастную страну отъ насилія демонскаго. Ликъ преподобныхъ молитвенниковъ на небесахъ возглавляетъ Сама Пречистая Богоматерь. Будемъ молиться и Ей: Пречистая Дѣво, яко имущая державу непобѣдимую, отъ всякихъ насъ бѣдъ свободи, да зовемъ Ти: Радуйся, Невѣсто Невѣстная! Аминь».

Говоря о духовной связи между о. Іоанномъ и о. Варсонофіемъ, нельзя не привести сонъ Старца, переданный имъ Еленѣ Андреевнѣ Вороновой, председательницѣ тюремнаго комитета въ Санктъ-Петербургѣ, близкой его духовной дочери. Онъ берется опять-таки изъ Оптинскаго дневника С. А. Нилуса:

«Ходили съ женой на благословеніе къ о. Варсонофію. Е. А. Воронова слышала отъ него, что онъ въ ночь съ среды 17-го февраля на четвергъ 18-го видѣлъ сонъ, оставившій по себѣ сильное впечатлѣніе на нашего батюшку.

— Не люблю я, говорилъ онъ Еленѣ Андреевнѣ, когда кто начинаетъ мнѣ рассказывать свои сны, да я самъ своимъ снамъ не довѣряю. Но бываютъ иногда и такіе, которыхъ нельзя не признать благодатными. Такихъ сновъ и забыть нельзя. Вотъ что мнѣ приснилось въ ночь съ 17-го на 18-ое февраля. Видите, какой сонъ — числа даже помню!... Снится мнѣ, что я иду по какой то прекрасной мѣстности, и знаю, что цѣль моего путешествія — получить благословеніе о. Іоанна Кронштадтскаго. И, вотъ взору моему представляется величественное зданіе, вродѣ храма,

красоты неизобразимой и бѣлизны ослѣпительной. И я знаю, что зданіе это принадлежитъ о. Іоанну. Вхожу я въ него и вижу огромную, какъ бы, залу изъ бѣлаго мрамора, посреди которой возвышается дивной красоты бѣломраморная лѣстница, широкая и величественная, какъ и вся храмина великаго Кронштадтскаго пастыря. Лѣстница отъ земли начинается площадкой, и ступени ея, перемежаясь такими же площадками, устремляются, какъ стрѣла прямая въ безконечную высь и уходятъ на самое небо. На нижней площадкѣ стоитъ самъ о. Іоаннъ въ бѣлоснѣжныхъ, яркимъ свѣтомъ сіяющихъ, ризахъ. Я подхожу къ нему и принимаю его благословеніе. О. Іоаннъ беретъ меня за руку и говоритъ:

— Намъ надобно съ тобою подняться по этой лѣстницѣ!

И мы стали подниматься. И, вдругъ мнѣ пришло въ голову: какъ же это такъ? — вѣдь, о. Іоаннъ умеръ: какъ же это я иду съ нимъ, какъ съ живымъ? — Съ этою мыслью я и говорю ему:

— Батюшка! да вы, вѣдь, умерли?

— Что ты говоришь? — воскликнулъ онъ мнѣ въ отвѣтъ, — отецъ Іоаннъ живъ, отецъ Іоаннъ живъ!

На этомъ я проснулся. . . Не правда ли, какой удивительный сонъ? — спросилъ Елену Андреевну о. Варсонофій, — и какая это радость услышать изъ устъ самого о. Іоанна свидѣтельство непреложной истинности нашей вѣры!»^{*)}).

V. СЛУЧАИ ИСЦѢЛЕНИИ.

Въ той же второй части оптинскихъ дневниковъ мы встрѣчаемъ поразительные случаи исцѣленія двухъ болящихъ святыхъ подвижницъ: княжны Маріи Михайловны Дондуковой-Корсаковой и Елены Андреевны Вороновой:

«Елена Андреевна, была помощницей княжны Маріи Михайловны Дондуковой-Корсаковой, тоже рабы Божіей, какой не часто можно встрѣтить на этомъ свѣтѣ. Родная сестра бывшаго Намѣстника Кавказа, она и по происхожденію своему и по связямъ принадле-

^{*)} «На Берегу Божьей Рѣки», томъ 2-й, Санъ-Франциско, 1969 г., стр. 77.

жала къ высшему обществу и, несмотря на это, оставила «вся красная міра» во имя любви къ Богу и ближнему. Замужъ она не пошла и всю себя отдала на служеніе страдающему меньшому брату. Въ родовомъ Д-скомъ имѣніи она устроила лѣчебницу для сифилитиковъ, въ которую преимущественно принимались такъ называемыя «жертвы общественнаго темперамента». Забывая себя, врожденную брезгливость, эта чистая, сострадательная душа сама обмывала имъ отвратительныя гнойныя раны, дѣлала перевязки, не гнушаясь никакой черной работой около этихъ несчастныхъ страдалицъ. Она же стояла и во главѣ Петербургскаго благотворительнаго тюремнаго комитета. Живя всѣмъ существомъ своимъ только для другихъ, она о себѣ настолько забывала, что одѣвалась чуть не въ рубище и часто бывала жертвой паразитовъ, которыми заражалась въ мѣстахъ своего благотворенія. Къ сожалѣнію, вращаясь съ молодыхъ лѣтъ въ обществѣ, гдѣ проповѣдывали свои и заморскіе учителя, вродѣ Редстока, Пашкова и другихъ, она заразилась иргвинизмомъ, сектой крайняго реформатскаго толка, отрицающей вѣру въ угодниковъ Божіихъ и даже въ Пресвятую Богородицу. Это очень огорчало православно-вѣрующую душу Елены Андреевны, но что не предпринимала она для обращенія княжны въ Православіе, ничто успѣха не имѣло, потому, главнымъ образомъ, что сама княжна, несмотря на чисто сектантскія свои сужденія о вѣрѣ, сама себя считала вполне православною, ходила въ церковь, говѣла и причащалась... Одно близкое къ ней лицо, узнавъ, что она приступала къ Святымъ Тайнамъ, и зная ея заблужденія, спросило ее:

— «А исповѣдывали ли вы, Марья Михайловна, свое заблужденіе?»

— «Какое?»

— «Да что вы — иргвинистка».

— «Да, я этого», — отвѣчала княжна — «и за грѣхъ не считаю».

Конечно, при такомъ образѣ мыслей, мудро было Еленѣ Андреевнѣ дѣйствовать на княжну словомъ убѣжденія, и пришлось ей любви обратиться къ иному способу воздѣйствія — къ помощи Свыше.

Пріѣхала она какъ-то въ Оптину къ своему старцу о. Варсонофію, и къ намъ и рассказываетъ, что, уѣзжая изъ Петербурга, она оставила княжну опасно больною съ сильнѣйшимъ воспаленіемъ легкихъ, — а шелъ княжнѣ тогда уже восьмой десятокъ.

— «Прощаясь съ ней», — говоритъ, — «я думала, что не застану ее больше въ живыхъ».

О. Варсонофію Елена Андреевна и раньше говорила о своей скорби, что не можетъ вдохнуть въ святую душу княжны разумѣнія ея заблужденія и потому боится за ея участь въ загробномъ мірѣ. О. Варсонофій обѣщалъ за нее молиться.

Въ этотъ свой пріѣздъ Елена Андреевна рассказала о томъ, въ какомъ нынѣ состояніи оставила она княжну въ Петербургѣ, усиленно просила старца усугубить за нее молитвы.

Передъ отъѣздомъ изъ Оптиной обратно въ Петербургъ, приходитъ Елена Андреевна прощаться съ о. Варсонофіемъ и принять его благословеніе на путь, а батюшка выноситъ ей въ пріемную изъ своей келліи и подаетъ икону Божіей Матери и говоритъ:

— «Отвезите эту икону отъ меня въ благословеніе княжнѣ Маріи Михайловнѣ и скажите ей, что я сегодня, какъ разъ передъ вашимъ приходомъ, предъ этой иконой помолился о дарованіи ей душевнаго и тѣлеснаго здравія».

— «Да застану ли я ее еще въ живыхъ?» — возразила Елена Андреевна.

— «Богъ дастъ», — отвѣтилъ о. Варсонофій, — «за молитвы Царицы Небесной, не только живой, но и здоровой застанете».

Вернулась Елена Андреевна въ Петербургъ и первымъ долгомъ къ княжнѣ. Звонитъ. Дверь отворяется и въ ней княжна: сама и дверь отворила, веселая, бодрая и какъ не болѣвшая.

— «Да, вы ли это?» — глазамъ своимъ не вѣря, восклицала Елена Андреевна.

— «Кто же это воскресилъ васъ?»

— «Вы», — говоритъ — «уѣхали, мнѣ было совсѣмъ плохо, а тамъ все хуже, и вдругъ, третьяго дня около десяти часовъ утра мнѣ ни съ того, ни съ сего

стало сразу лучше, а сегодня, какъ видите, и совсѣмъ здорова».

— «Въ которомъ часу, говорите вы, это чудо случилось?»

Старецъ Варсонофій.

— «Въ десятомъ часу третьяго дня».

Это былъ день и часъ, когда о. Варсонофій молился предъ иконой Божіей Матери, присланной княжнѣ въ благословеніе.

Со слезами восторженнаго умиленія Елена Андре-

евна сообщила княжнѣ бывшее и передала ей икону Царицы Небесной. Та молча приняла икону, перекрестилась, приложилась къ ней и тутъ же повѣсила ее у самой своей постели. Съ того дня Еленѣ Андреевнѣ уже не было нужды обращаться княжну въ православіе: съ вѣрою въ Пречистую и Угодниковъ Божіихъ дожила княжна свой вѣкъ и вскорѣ отошла ко Господу. Жила и умерла по-православному.

У Елены Андреевны при общемъ слабомъ состояніи здоровья, было очень слабо зрѣніе: одинъ глазъ совсѣмъ не видѣлъ, и лучшіе столичные окулисты ей говорили, что не только этому глазу уже никогда не вернуть зрѣнія, но что и другому глазу угрожаетъ та же опасность. И бѣдная Елена Андреевна съ ужасомъ стала замѣчать, что и здоровый ея глазъ тоже началъ видѣть все хуже и хуже. . .

Стоялъ лютый февраль, помнится, 1911-го года. Пріѣзжаетъ въ Оптину Елена Андреевна слабенькая, чуть живая.

— «Что это съ вами, дорогой другъ?»

— «Умирать къ вамъ пріѣхала въ Оптину, — отвѣчаетъ полусерьезно, полушутя, всегда и при всѣхъ случаяхъ жизни жизнерадостный другъ нашъ, и тутъ же намъ рассказала, что только-что перенесла жестокой плевать (это съ ея-то больными легкими!).

— «Но это все пустяки! А, вотъ нелады съ глазами — это будетъ похуже. Боюсь ослѣпнуть. Ну да на все воля Божія!»

На дворѣ снѣжныя бури, морозы градусовъ на пятнадцать — Срѣтенскіе морозы, а пріѣхала она въ легкомъ не то ваточномъ, не то «на рыбьемъ мѣху» пальтишкѣ, даже безъ теплаго платка; въ рукахъ старенькая, когда то каракулевая муфточка, на головѣ такая же шапочка — все вѣтеркомъ подбито. . . Мы съ женой съ выговоромъ, а она улыбается:

— «А Богъ-то на что? никто какъ Богъ!»

Пожила дня три-четыре въ Оптиной, отговѣлась, причастилась, пособоровалась. Уѣзжаетъ, прощается съ нами и говорить:

— «А нашъ батюшка (о. Варсонофій) благословилъ мнѣ по пути заѣхать въ Тихонову Пустынь и тамъ иску-

паться въ источникъ Преподобнаго Тихона Калужскаго»⁹⁾).

Если бы мы не знали великаго дерзновенія крѣпкой вѣры Елены Андреевны, было бы съ чего придти въ ужасъ, да къ тому же и Оптина отъ своего духа успѣла насъ многому научить, и потому мы безъ всякаго протеста перекрестили другъ друга, распрощались прося помянуть насъ у преп. Тихона.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Елены Андреевны получаемъ отъ нея письмо изъ Петербурга, пишетъ:

— «Дивенъ Богъ нашъ и велика наша Православная вѣра! За молитвы нашего Батюшки — отца Варсонофія, я купалась въ источникъ Преподобнаго Тихона при 10 гр. Реомюра въ купальнѣ. Когда надѣвала бѣлье, оно отъ мороза стояло коломъ, какъ туго накрохмаленное. Двѣнадцать верстъ отъ источника до станціи желѣзной дороги я ѣхала на извозчикѣ въ той же шубкѣ, въ которой вы меня видѣли. Волосы мои мокрые отъ купанья, превратились въ ледяные сосульки. Насилу оттаяла я въ тепломъ вокзалѣ и въ вагонѣ, и — даже ни насморка! Отъ плеврита не осталось и слѣда. Но что воистину чудо великое милости Божіей и Угодника Преп. Тихона, это то, что, не только выздоровѣлъ мой заболѣвшій глазъ, но и другой, давно погибшій, и я теперь прекрасно вижу обоими глазами!..

VI. СТАРЕЦЪ ВАРСОНОФІЙ И ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

а. Бесѣда Старца Варсонофія съ С. А. Нилусомъ.¹⁰⁾

«Ходили вчера вмѣстѣ съ женою въ скитъ, къ нашему духовнику и старцу, скитоначальнику, игумену, о. Варсонофію.

Передъ тѣмъ, какъ идти въ скитъ, я прочелъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статью Кирѣева, въ ко-

⁹⁾ Тихонова Пустынь Калужской епархіи славится чудотворнымъ источникомъ подобнымъ источнику преп. Серафима Саровскаго.

¹⁰⁾ По книгѣ С. А. Нилуса «На Берегу Божьей Рѣки», т. 1-й, Сергіевъ Посадъ, 1916 г., стр. 86-90.

торой авторъ приходитъ къ заключенію, что, въ виду все болѣе учащающихся случаевъ отпаденія отъ православія въ иныя вѣры, и даже въ язычество, обществу вѣрныхъ настоятъ необходимость поставить между собой и отступниками рѣзкую грань и выйти изъ всякаго общенія съ ними. Въ концѣ этой статьи Кирѣевъ сообщаетъ о слухѣ, будто-бы одинъ изъ наиболѣе видныхъ нашихъ отступниковъ имѣетъ намѣреніе обратиться вновь къ Церкви...

Не Толстой ли?

Я сообщилъ объ этомъ о. Варсонофію.

— «Вы думаете на Толстого?» — спросилъ Батюшка: «Сомнительно! Гордъ очень. Но если это обращеніе состоится, я вамъ расскажу тогда нѣчто, что только одинъ грѣшный Варсонофій знаетъ. Мнѣ, вѣдь, одно время довелось быть духовникомъ сестры его, Маріи Николаевны, что живетъ монахиней въ Шамординой».

— «Батюшка, не то ли, что и я отъ нея слышалъ?»

— «А что вы слышали?»

— «Да про смерть брата Толстого, Сергѣя Николаевича, и про сонъ Маріи Николаевны».

— «А ну-ка расскажите!» — сказалъ Батюшка.

Вотъ что я слышалъ лично отъ Маріи Николаевны Толстой осенью 1904 года:

— «Когда нынѣшнею осенью», говорила мнѣ Марія Николаевна: «заболѣлъ къ смерти братъ нашъ Сергѣй, то о болѣзни его дали мнѣ знать въ Шамордино, и брату Левочкѣ, въ Ясную Поляну. Когда я пріѣхала къ брату въ имѣніе, то тамъ уже застала Льва Николаевича, не отходившаго отъ одра больного. Больной, видимо, умиралъ, но сознаніе было совершенно ясно, и онъ могъ говорить обо всемъ. Сергѣй всю жизнь находился подъ вліяніемъ и, можно сказать, обаяніемъ Льва Николаевича, но въ атеизмѣ и кощунствѣ, кажется, превосходилъ брата. Передъ смертью же его, что-то таинственное совершилось въ его душѣ, и бѣдную душу эту неудержимо повлекло къ Церкви. И, вотъ у постели больного, мнѣ пришлось присутствовать при такомъ разговорѣ между братьями:

— «Братъ», обращается неожиданно Сергѣй къ Льву Николаевичу: «какъ думаешь ты: не причаститься ли мнѣ?»

Я со страхомъ взглянула на Левушку. Къ великому моему изумленію и радости, Левъ Николаевичъ, не задумываясь ни минуты, отвѣтилъ:

— «Это ты хорошо сдѣлаешь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!»

И вслѣдъ за этимъ самъ Левъ Николаевичъ распорядился послать за приходскимъ священникомъ.

Необыкновенно трогательно и чистосердечно было покаяніе брата Сергѣя, и онъ, причастившись, тутъ же вслѣдъ и скончался, точно одного только этого и ждала душа его, чтобы выйти изъ изможденнаго болѣзною тѣла.

И послѣ этого, мнѣ пришлось быть свидѣтельницей такой сцены; въ день кончины брата Сергѣя, вижу, изъ комнаты его вдовы, взволнованный и гнѣвный, выбѣгаетъ Левъ Николаевичъ и кричитъ мнѣ:

— «Нѣтъ?! ты себѣ представь только, до чего она ничего не понимаетъ! — Я, говоритъ, рада что онъ причастился: по крайности, отъ поповъ теперь придинокъ никакихъ не будетъ! Въ исповѣди и причастіи она только эту сторону и нашла!»

И долго еще послѣ этого не могъ успокоиться Левъ Николаевичъ и, какъ только проводилъ тѣло брата до церкви — въ церковь онъ, какъ отлученный, не вошелъ — тотчасъ же и уѣхалъ къ себѣ въ Ясную Поляну.

Когда я вернулась съ похоронъ брата Сергѣя, къ себѣ въ монастырь, то вскорѣ мнѣ было не то сонъ, не то видѣніе, которое меня поразило до глубины душевной. Совершивъ обычное свое келейное правило, я не то задремала, не то впала въ какое-то особое состояніе между сномъ и бодрствованіемъ, которое у насъ, монаховъ, зовется тонкимъ сномъ. Забылась я, и вижу... Ночь. Рабочій кабинетъ Льва Николаевича. На письменномъ столѣ лампа подъ темнымъ абажуромъ. За письменнымъ столомъ, облокотившись, сидитъ Левъ Николаевичъ, и на лицѣ его отпечатокъ такого тяжкаго раздумья, такого отчаянія, какого я еще никогда у него не видѣла... Въ кабинетѣ густой, непроницаемый мракъ; освѣщено только то мѣсто на столѣ и лицѣ Льва Николаевича, на которое падаетъ свѣтъ лампы. Мракъ въ комнатѣ такъ густъ, такъ непроницаемъ, что кажется даже, какъ будто, чѣмъ-то наполненнымъ, насыщеннымъ чѣмъ-то, материализо-

ваннымъ. . . И, вдругъ, вижу я, раскрывается потолокъ кабинета, и откуда-то съ высоты начинаетъ литься такой ослѣпительно-чудный свѣтъ, какому нѣтъ на землѣ и не будетъ никакого подобія; и въ свѣтъ этомъ является Господь Іисусъ Христосъ, въ томъ его образѣ, въ которомъ Онъ написанъ въ Римѣ, на картинѣ видѣнія святого мученика архидіакона Лаврентія: пречистыя руки Спасителя распростерты въ воздухъ надъ Львомъ Николаевичемъ, какъ бы отнимая у незримыхъ палачей орудія пытки. Это такъ и на той картинѣ написано. И льется, и льется на Льва Николаевича свѣтъ неизобразимый, но онъ, какъ будто, его и не видитъ. . . И хочется мнѣ крикнуть брату: Левушка, взгляни, да взгляни же наверхъ! . . . И, вдругъ, сзади Льва Николаевича, — съ ужасомъ вижу, — изъ самой гущины мрака начинаетъ вырисовываться и выдѣляться иная фигура, страшная, жестокая, трепетъ наводящая: и фигура эта, простирая сзади обѣ свои руки на глаза Льва Николаевича, закрываетъ отъ нихъ свѣтъ этотъ дивный. И вижу я, что Левушка мой дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы отстранить отъ себя эти жестокія, безжалостныя руки. . .

. . . На этомъ я очнулась и, какъ очнулась, услышала, какъ бы внутри меня, говорящій голосъ:

— «Свѣтъ Христовъ, просвѣщаетъ всѣхъ!»

Таковъ рассказъ, который я лично слышалъ изъ устъ графини Маріи Николаевны Толстой, въ схимонахиняхъ Маріи.

— «Не это ли вы мнѣ хотѣли рассказать, Батюшка?» — спросилъ я о. Варсонофія. Батюшка сидѣлъ, задумавшись, и ничего мнѣ не отвѣтилъ. Вдругъ онъ поднялъ голову, и заговорилъ:

— «Толстой — Толстымъ! Что будетъ съ нимъ, одинъ Господь вѣдаетъ. Покойный великій старецъ Амвросій говорилъ той же Марьѣ Николаевнѣ въ отвѣтъ на скорбь ея о братѣ: «у Бога милости много: Онъ, можетъ быть, и твоего брата простить. Но для этого ему нужно покаяться и покаяніе свое принести передъ цѣлымъ свѣтомъ. Какъ грѣшилъ на цѣлый свѣтъ, такъ и каяться передъ нимъ долженъ. Но, когда говорятъ о милости Божіей людямъ, то о правосудіи Его забываютъ, а, между тѣмъ Богъ не только милостивъ, но и правосуденъ.

Подумайте только: Сына Своего Единороднаго, возлюбленнаго Сына Своего, на крестную смерть отъ руки твари, во исполненія правосудія отдалъ! Вѣдь тайнѣ этой преславной и предивной не только земнородные дивятся, но и все воинство небесное постичь глубины этого правосудія и соединенной съ нимъ любви и милости не можетъ. Но страшно впасть въ руцѣ Бога Живаго! Вотъ сейчасъ передъ Вами, былъ у меня одинъ священникъ изъ Жиздринскаго уѣзда и сказывалъ, что у него на этихъ дняхъ въ приходѣ произошло. Былъ собранъ у него сельскій сходъ; на немъ священникъ, съ прихожанами своими, обсуждалъ вопросъ о постройкѣ церкви-школы. Вопросъ этотъ обсуждался мирно, и уже было пришли къ соглашенію, поскольку обложить прихожанъ на это дѣло. Какъ вдругъ, одинъ изъ членовъ схода, зараженный революціонными идеями, сталъ кощунственно и дерзко поносить Церковь, духовенство, и даже произнесъ хулу на Самаго Бога. Одинъ изъ стариковъ, бывшихъ на сходѣ, остановилъ богохульника словами:

— «Что ты сказалъ-то! Иди скорѣе къ батюшкѣ, кайся, чтобы не покаралъ тебя Господь за твой нечестивый языкъ: Богъ поругаемъ не бываетъ».

— «Много мнѣ твой Богъ сдѣлаетъ,» — отвѣтилъ безумецъ, «если бы Онъ былъ, то Онъ бы мнѣ за такіе слова языкъ вырвалъ. А я — смотри — цѣлъ, и языкъ мой цѣлъ. Эхъ вы, дурачье, дурачье! Оттого, что глупы вы, оттого-то попы и всякій, кому не лѣнь, и ѣздятъ на вашей шеѣ».

— «Говорю тебѣ», возразилъ ему старикъ: «ступай къ батюшкѣ каяться, пока не поздно, а то плохо тебѣ будетъ!»

Плюнулъ на эти рѣчи кощунникъ, выругался сквернымъ словомъ, и ушелъ со сходки домой. Путь ему лежалъ черезъ полотно желѣзной дороги. Задумался онъ что-ли, или отвлечено было чѣмъ-нибудь его вниманіе, только не успѣлъ онъ перешагнуть перваго рельса, какъ на него налетѣлъ поѣздъ, и прошелъ черезъ него всѣми вагонами. Трупъ кощунника нашли съ отрѣзанной головой, и изъ обезображенной головы этой торчалъ, свѣсившись на сторону, огромный, непомѣрно-длинный языкъ.

«Такъ покаралъ Господь кощунника... И сколько такихъ случаевъ» — добавилъ къ своему разсказу батюшка: «проходятъ, какъ бы незамѣченными для, такъ называемой, большой публики, той, что только однѣ газеты читаетъ: но ихъ слышитъ и имъ внимаетъ простое народное сердце и сердце тѣхъ, — увы, немногихъ! — кто рожденъ отъ одного съ нимъ духа. Это истинныя знаменія и чудеса православной живой вѣры; ихъ знаетъ народъ, и ими во всѣ времена поддерживалась и укрѣплялась народная вѣра. То, что отступники зовутъ христіанскими легендами, на самомъ дѣлѣ, суть факты ежедневной жизни. Умѣй, душа, примѣчать только эти факты и пользоваться ими какъ маяками бурнаго житейскаго моря, по пути въ царство небесное. Примѣчайте ихъ и вы, Сергѣй Александровичъ» — сказалъ мнѣ нашъ старецъ, провожая меня изъ кельи и напутствуя своимъ благословеніемъ.

О, рѣка моя Божья! О, источники воды живой, гремучимъ ключемъ бьющіе изъ-подъ камня Оптинской старческой вѣры!...

6. Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого.

(Выдержка изъ книги Ив. Мих. Концевича)

Эта книга была написана съ цѣлью противостать клеветникамъ старца о. Варсонофія, утверждавшихъ будто онъ былъ отправленъ въ Астапово къ умиравшему Толстому не въ качествѣ добраго пастыря, а какъ правительственный агентъ съ цѣлью вынудить Толстого принести церковное покаяніе. Вотъ какъ пишетъ Макаловъ въ 31-ой тетради журнала «Возрожденіе» за январь-февраль 1954 г.: «Когда въ Астаповѣ Толстой умиралъ, и къ нему пріѣзжали туда представители Церкви, какъ будто для того, чтобы его въ лоно Церкви вернуть, они имъ не были приняты... Изъ постановленія Синода объ «отлученіи» для всѣхъ было ясно, что къ умиравшему ихъ приводило не христіанское чувство, а желаніе представить свое посѣщеніе, какъ покаяніе Толстого, то есть тоже самое чувство, которое теперь диктуетъ совѣтскимъ властямъ ихъ старанія добиваться отъ подсудимыхъ признанія. Отъ Толстого такого притворства ожидать было нельзя» (стр. 154).

Толстой покидаетъ Шамордино въ концѣ октября 1910 года...

«Вся жизнь Толстого», пишетъ И. М. Концевичъ, «прошла въ скитаніяхъ по бесплоднымъ пустынямъ отвлеченнаго разума, въ напрасныхъ поискахъ истины, и теперь, въ послѣднія минуты, онъ надѣялся, почерпнуть изъ этого благодатнаго источника той живой воды, которой такъ жаждала истомившаяся, мятущаяся его душа. Но не сбылись эти послѣднія надежды.

Еще 30 октября вечеромъ въ Шамординой Л. Н. Толстой «жаловался на нѣкоторую слабость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери и ся подруги В. М. Феоктистовой, пріѣхавшихъ къ нему наканунѣ, и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадяхъ въ Козельскъ (18 верстъ отсюда по Рязанско-Уральской желѣзной дорогѣ по направленію на Богоявленскъ), чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ на Дону... Въ виду лихорадочнаго состоянія Льва Николаевича рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станціи. Этой станціей оказалось Астапово. (Выписка изъ «Протокола» за подписью врачей, «Новое Время» № 12454 12 ноября 1910 г.)

Согласно этому же протоколу Толстой былъ уже такъ слабъ, что съ трудомъ дошелъ до кровати. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія, и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный, около минуты, припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ.

По всѣмъ даннымъ тѣ «распоряженія», о которыхъ упоминаетъ рапортъ врачей, включаетъ въ себя и отправку телеграммы въ Оптину съ вызовомъ старца Юсифа. Но вызовъ Толстымъ старца былъ скрытъ Толстовцами отъ русской общественности. Открылось это только въ 1956 году, когда на страницахъ «Владимірскаго Вѣстника» игуменъ Иннокентій разсказалъ подробно объ этомъ. Какъ работающему въ канцеляріи, ему было извѣстно все, что черезъ нее проходило. Вотъ что онъ разсказываетъ:

«Спустя немного времени по отъѣздѣ графа изъ Шамордина, въ Оптиной была получена телеграмма со

станціи Астапово съ просьбой немедленно прислать къ больному графу старца Іосифа. По полученіи телеграммы былъ собранъ совѣтъ старшей братіи монастыря: настоятель — архимандритъ Ксенофонтъ, настоятель скита, онъ же старецъ и духовникъ всего братства монастыря, — игумень Варсонофій, казначей — іеромонахъ Иннокентій, эконо́мъ — іеромонахъ Палладій, благочинный — іеромонахъ Θεодотъ, ризничій — іеромонахъ Θεодосій, уставщикъ — іеромонахъ Исаакій, впослѣдствіи настоятель, іеромонахъ Сергій, іеромонахъ Исаія — бывшій келейникъ старца Амвросія, звѣдующій больницей, монастырскій врачъ іеромонахъ Пантелеимонъ, письмоводитель — монахъ Эрастъ и другіе. На этомъ совѣтѣ рѣшено было, вмѣсто старца Іосифа, который въ это время по слабости силъ не могъ выходить изъ келліи, командировать старца игумена Варсонофія въ сопровожденіи іеромонаха Пантелеимона. Но, какъ извѣстно, окруженіемъ Толстого, они не были допущены къ больному, несмотря на всѣ усилія съ ихъ стороны. Когда старца Варсонофія окружили корреспонденты газетъ и журналовъ и просили: «Ваше интервью, батюшка!», Старецъ имъ отвѣтилъ: «Вотъ мое интервью, такъ и напишите: хотя онъ и Левъ, но не могъ разорвать кольца той цѣпи, которою сковаль его сатана».

Вызовъ Толстымъ старца подтверждается и воспоминаніями служащаго Рязано-Уральской желѣзной дороги Павлова, напечатанными въ «Православной Руси» (№ 11, 1956). Онъ рассказываетъ, что на станціи Астапово служилъ буфетчикомъ добрый знакомый семьи Павловыхъ — Сергѣй Моревичъ, человекъ пожилой, обликомъ похожій на Толстого и самъ ярый толстовецъ, организаторъ кружка, ѣздившій съ этимъ кружкомъ ежегодно на сѣнокосъ въ Ясную Поляну. Вотъ слова Сергѣя Моревича: «Фактъ посѣщенія Толстымъ Оптиной Пустыни и вызова старца былъ взрывомъ бомбы въ толстовскомъ кружкѣ, который не могъ выдержать этого удара и распался». Изъ этого вытекаетъ, что телеграмма Толстого о вызовѣ старца стала общеизвѣстной среди служащихъ въ Астаповѣ, а затѣмъ и среди прочихъ служащихъ-толтовцевъ по всей линіи желѣзной дороги.

Не могла этого не знать и вся газетная пресса, но, очевидно, лѣвая цензура рѣшила это замолчать, какъ фактъ, развѣнчивающій ихъ божество...

Присланный властями на станцію Астапово жандармскій ротмистръ Савицкій совсѣмъ не разобрался въ обстановкѣ, и его донесенія страдаютъ ошибками и вымыслами... Не соотвѣтствуетъ ни облику оптинскаго старца Варсонофія, ни другимъ историческимъ даннымъ и то, что Савицкій приписываетъ ему въ своемъ рапортѣ.

По его словамъ о. Варсонофій написалъ письмо Александрѣ Львовнѣ, въ которомъ онъ предупреждалъ, что никакихъ, способныхъ волновать Толстого, разговоровъ о религіи не будетъ, и что если бы онъ услышалъ отъ Толстого только одно слово «каюсь», то въ силу своихъ полномочій, считалъ бы его отказавшимся отъ своего «лжеученія» и напутствовалъ бы его передъ смертію, какъ православнаго. Все это невѣрно.

Въ дѣйствительности о. Варсонофій пріѣхалъ именно для бесѣды съ Толстымъ, на чемъ онъ и настаивалъ въ своемъ письмѣ къ Александрѣ Львовнѣ, послѣ того, какъ онъ получилъ отъ нея отказъ въ просьбѣ допустить его къ больному. Приведемъ его слова: «Почтительно благодарю Ваше Сіятельство за письмо ваше, въ которомъ пишете, что воля родителя вашего и для всей семьи вашей поставляется на первомъ планѣ. Но вамъ, графиня, извѣстно, что графъ выражалъ сестрѣ своей, а вашей тетушкѣ, монахинѣ матери Маріи, желаніе видѣть насъ и бесѣдовать съ нами».

Бесѣда была необходима, потому что, «когда челоуѣкъ вознамѣрится оставить богохульное ученіе, и принять ученіе, содержимое Православной Церковью, то онъ обязанъ по правиламъ Православной Церкви предать анаѣмѣ лжеученіе, которое онъ доселѣ содержалъ во враждѣ къ Богу, въ хулѣ на Святаго Духа, въ общеніи съ сатаной». (Еп. Игнатій Брянчаниновъ, т. III, стр. 85).

Таковы были взгляды о. Варсонофія на условія покаянія Толстого. Онъ ихъ выразилъ въ бесѣдѣ съ С. А. Нилусомъ, приводя слова старца Амвросія: «Какъ

грѣшилъ на весь свѣтъ, такъ и каяться передъ нимъ долженъ».

Какъ видно изъ этихъ словъ, а также изъ приведеннаго письма, о. Варсонофій не могъ и не соби-рался ограничиться однимъ словомъ «каюсь» въ си-лу какихъ-то полномочій — очевидно Синода, — какъ приписываетъ ему Савицкій.

Что касается свидѣтельства Савицкаго будто о. Игуменъ «по секрету» сообщилъ ему, что онъ при-сланъ Синодомъ, то теперь уже окончательно выяс-нилось, что это выдумка. По свидѣтельству Ксюнина въ его книжкѣ «Уходъ Толстого», изданной въ Бер-линѣ послѣ революціи, самъ о. Варсонофій въ Опти-ной Пустыни въ 1910 г. говорилъ ему о неправиль-ности утвержденія многихъ, будто старецъ ѣздилъ въ Астапово по распоряженію Синода. Того же мнѣ-нія придерживался и писатель Бунинъ въ своемъ «Ос-вобожденіи Толстого»: «Приказъ изъ Петербурга, вы-ходитъ, такимъ образомъ, «выдумкой», выводитъ онъ свое заключеніе послѣ разбора этого вопроса. «Но что было бы, если бы Александра Львовна допусти-ла его (старца) къ отцу?» спрашиваетъ дальше Бу-нинъ. «Можно предположить примиреніе съ Цер-ковью», полагаетъ онъ. Будучи вольнодумцемъ, Бу-нинъ все же готовъ разсуждать безпристрастно. Ина-че толкуетъ В. М. Маклаковъ: «Возрожденіе» (январь-февраль 1954 г.) — мотивы присутствія священника въ Астаповѣ, когда умиралъ Толстой. Въ этой ста-тѣ Маклаковъ не останавливается передъ извращені-емъ всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствъ и событій, со-провождавшихъ смерть Толстого. Окруженіе скрыло отъ умирающаго прибытіе о. Варсонофія изъ боязни, что Толстой отречется отъ своего ученія. Между тѣмъ Маклаковъ утверждаетъ будто **самъ** Толстой отказалъ въ приѣмѣ: «Онъ — Толстой — не принялъ ихъ» — представителей Церкви.

Ненависть къ Церкви настолько ослѣпляетъ Ма-клакова, что онъ уже переходитъ границы здраваго смысла и своей явной ложью и клеветой желаетъ уни-зить Церковь, а ея врага — толстовство реабили-тировать, такъ какъ этому послѣднему бѣгство Толсто-

го въ Оптину и, въ особенности, телеграмма, нанесли непоправимый ударъ.

«Тайна» вызова старца Толстымъ была крѣпко запечатана, и кто бы могъ подумать, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ она раскроется.

Итакъ, пастырь добрый, истинный служитель Христовъ стоялъ у дверей Толстого въ Астаповѣ. Неудачу, постигшую его, онъ пережилъ тяжело: «О. Варсонофію всегда было трудно рассказывать объ этомъ, онъ очень волновался», вспоминаетъ его ученикъ — о. Василій Шустинъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Въ заключеніе приводимъ отрывокъ изъ книги Ксюнина «Уходъ Толстого», передающій бесѣду старца объ этомъ: «Меня проводили къ о. Варсонофію, ѣздившему въ Астапово съ о. Пантелеимономъ, котораго сестра Толстого называла «хорошимъ врачомъ». Вотъ низкая калитка скита, около которой въ послѣдній разъ стоялъ Толстой. Два раза подходилъ: думалъ войти, или не войти, Толстой, пріѣхавшій въ скитъ за тишиной. За палисадникомъ домикъ съ крытой галлереей, а въ домикѣ комната съ низкимъ потолкомъ. Въ углу большой образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Передъ образомъ лампада, наполняющая келлію блѣднымъ свѣтомъ. О. Варсонофій, теперешній скитоначальникъ, глубокій старецъ съ длинной бѣлой бородой, съ безкровнымъ лицомъ и бездомными, свѣтлыми, отрѣшенными отъ міра глазами...

«Келейникъ объяснилъ старцу зачѣмъ я пріѣхалъ. Старецъ стоялъ на молитвѣ. Онъ по двѣнадцати часовъ сряду стоитъ на колѣняхъ. Поднялся и вышелъ, несмотря на поздній часъ. «Ѣздилъ я въ Астапово», говоритъ тихимъ голосомъ о. Варсонофій, «не допусти къ Толстому. Молилъ врачей, родныхъ, ничего не помогло... Желѣзнымъ кольцомъ сковало покойнаго Толстого, хотя и Левъ былъ, но ни разорвать кольца, ни выйти изъ него не могъ... Пріѣзду его въ Оптину мы, признаться, удивились. Гостиникъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ, что пріѣхалъ Левъ Николаевичъ Толстой и хочетъ повидаться со старцами. «Кто тебѣ сказалъ?» спрашиваю. «Самъ сказалъ». Что же, если такъ, примемъ его съ почтеніемъ и ра-

достью. Иначе нельзя. Хоть 'толстой быть отлучень, но разъ пришелъ въ скитъ, иначе нельзя. У калитки стоялъ, а повидаться такъ и не пришлось. Спѣшно уѣхалъ. . . А жалко. . . Какъ я понимаю, Толстой искалъ выхода, мучился, чувствовалъ, что передъ нимъ вырастаетъ стѣна». Старецъ Варсонофій помолчалъ, потомъ добавилъ «А что изъ Петербурга меня посылали въ Астапово, это невѣрно. Хотѣлъ напутствовать Толстого: вѣдь самъ онъ пріѣзжалъ въ Оптину, никто его не тянулъ» (Ксюнинъ).

VII. «ОСЕНЬ». ОПТИНСКАЯ СМУТА И КОНЧИНА СТАРЦА.

*Вѣтеръ, дождь и холодъ
И мятетъ души и голодъ,
И былого думы и мечты
Какъ съ деревьевъ спадшіе листы. . .*

*Грустна эта жизнь земная!
Но за это же есть другая —
Область вѣчнаго блаженства — рая,
Царства невечерней красоты!*

Приступая къ послѣдней главѣ житія старца Варсонофія — осени его жизненнаго пути, — невольно напрашивается предварить оную этими простыми стихами, написанными имъ еще въ годы его затвора въ 1902 г. Будучи человѣкомъ одареннымъ, онъ не былъ лишенъ способности писать стихи. Но только малая доля посмертнаго изданія (1914 г.) находится въ нашемъ распоряженіи. Однако, примѣняя лирической образъ багряной осени къ послѣднимъ грустнымъ годамъ жизни старца, мы отнюдь никакъ не раздѣляемъ мнѣнія автора «Оптина Пустынь» изданіе УМСА, чтобы якобы послѣ кончины старца Амвросія, наступаетъ осеннее увяданіе благодати старчества въ Оптиной Пустынь.

Прот. Четвериковъ ошибается, когда говоритъ, что послѣ о. Амвросія «старчество, хотя и не угасло, но не имѣло прежней силы и славы». Эту ошибку повторяютъ съ его словъ и современные агіографы, въ

томъ числѣ и проф. Игорь Смоличъ въ своемъ обширномъ трудѣ на нѣмецкомъ языкѣ “Russisches Moench-tum”, 1953. Wurzburg.

Всю силу и полноту благодатныхъ дарованій имѣли и послѣдующіе старцы. Къ этому убѣжденію приходишь, хотя бы, при ознакомленіи съ жизнеописаніемъ старца Іосифа, непосредственнаго ученика и преемника о. Амвросія. Всею полнотою «славы» и незыблемаго авторитета пользовались среди вѣрующихъ также и другіе старцы, напримѣръ, о. Варсонофій, котораго почти замолчали наши агіографы, также о. Нектарій. Уменьшились не «сила и слава» старцевъ, а число вѣрующихъ.

Возникновеніе оптинской смуты беретъ начало съ далекихъ временъ, а именно съ момента кончины великаго старца о. Амвросія.

Калужскій еп. Виталій былъ враждебно настроенъ по отношеніи къ покойному старцу Амвросію изъ за своего непониманія сущности старчества. Какъ было сказано, онъ намѣревался вывести насильно изъ Шамордина о. Амвросія, который тамъ отдавалъ свои послѣднія силы на созиданіе этой обители. И засталъ старца въ гробу.

Такое непониманіе постигло и старца о. Анатолія. Это было дѣломъ «ревностныхъ» лицъ изъ мірянъ, которыя опасались за судьбу о. Іосифа.

Дѣйствительно, въ эту минуту положеніе о. Іосифа не имѣло той твердой почвы подъ ногами, подобно той, какой пользовался о. Амвросій, несмотря на то, что считался по болѣзни «на покоѣ». Его «начальникъ» о. Анатолій съ благоговѣніемъ стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ и считалъ себя его ученикомъ. Теперь же отношеніе къ о. Іосифу во многомъ зависѣло отъ о. Анатолія — начальника скита.

Тихій, смиренный, скромный о. Іосифъ казался своимъ защитникамъ неспособнымъ самъ себя отстаивать. Въ его жизнеописаніи указано, что еще при жизни старца Амвросія въ бытность его въ Шамординѣ «прошелъ слухъ» будто о. Іосифа хотятъ выселить изъ хибарки о. Амвросія. Ему совѣтовали поѣхать жаловаться старцу. Однако, о. Іосифъ отнесся къ этимъ «слухамъ» безстрастно. Эти совѣты и были нача-

ломъ послѣдующихъ интригъ противъ скитоначальника о. Анатолія.

Когда же скончался о. Амвросій, эти защитники о. Іосифа нашли способъ возстановить епархіальнаго архіерея противъ о. Анатолія. Изъ за того же непониманія природы старчества, еп. Виталій не могъ судить о духовности о. Анатолія и испытывать къ нему уваженіе подобно еп. Игнатію Брянчанинову, бесѣдовавшему съ нимъ объ умно-сердечной молитвѣ. Онъ повѣрилъ клеветѣ и отстранилъ о. Анатолія отъ старчества въ Шамординѣ и даже запретилъ ему въѣздъ въ обитель.

Батюшка о. Анатолій очень тяжело переживалъ это запрещеніе. Выѣдетъ, бывало, на большую дорогу до того мѣста, откуда видна Шамординская обитель и велитъ кучеру остановиться, посмотреть въ ту сторону, слезы потекутъ изъ глазъ и велитъ ѣхать обратно. О. Анатолій преставился вскорѣ послѣ о. Амвросія (1894).

Когда старца Анатолія не стало, положеніе его ближайшихъ учениковъ оказалось нелегкимъ. О. Варсонофій ушелъ въ затворъ. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ занимался изученіемъ святоотеческой литературы и молитвой Іисусовой. Въ это время его духовникомъ былъ о. Нектарій, который, также, какъ и онъ, въ свое время былъ духовнымъ сыномъ старца Анатолія. Объ этомъ о. Нектарій свидѣтельствуетъ самъ въ жизнеописаніи о. Амвросія (Москва. 1900. стр. 134). Между нимъ и о. Варсонофіемъ сохранилась близость до конца жизни.

Когда началась японская война о. Варсонофій былъ отправленъ на фронтъ въ качествѣ священника при лазаретѣ имени преп. Серафима. Какъ довелось слышать, въ скиту опасались этого умнаго, образованнаго и способнаго быть властнымъ, чловека. Другой ученикъ о. Анатолія, о. Венедиктъ, изъ блага духовенства, былъ назначенъ настоятелемъ Боровскаго монастыря.

Сохранилось въ «Прибавленіи къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» «Письмо Оптинскаго іеромонаха Варсонофія съ Дальняго Востока на имя преосвященнаго Веніамина, епископа Калужскаго»:

«Охраняемые Божественною благодатию и покрываемые вашими святительскими молитвами и архипастырскимъ благословеніемъ, всѣ мы, пятеро калужскихъ іеромонаховъ, благополучно прибыли 1-го мая въ городъ Харбинъ, и ожидаемъ указаній о дальнѣйшемъ нашемъ назначеніи изъ главной квартиры въ Ляоянѣ.

«Въ Москвѣ мы всѣ явились къ г. Прокурору Московской Синодальной конторы, и, получивши деньги на путевые расходы, а также и документы, выѣхали изъ Москвы 13 апрѣля. Каждому изъ насъ выданъ былъ ящикъ съ церковною утварью и облаченіемъ — походныя церкви. Выдали также святыя антиминсы, муро и освященный елей.

«Насъ размѣстили въ вагонѣ второго класса, и разрѣшили имѣть при себѣ ящики съ ризницами, ибо мы заявили, что признаемъ неудобнымъ помѣщать ихъ въ багажѣ.

«Въ пути нигдѣ не останавливались, слѣдуя такимъ образомъ безостановочно съ 13 апрѣля по 2 мая, — 19 сутокъ. Только пришлось переждать нѣсколько часовъ при переправѣ чрезъ озеро Байкаль — на паромоходахъ. Тамъ мы встрѣтили министра путей сообщеній, князя Хилкова, временно проживающаго въ Иркутскѣ. 25 апрѣля нашъ поѣздъ повстрѣчался съ другимъ, на которомъ отправляли въ Россію плѣнныхъ японцевъ, въ числѣ 182 нижнихъ чиновъ и 18 офицеровъ. Видѣли ихъ мы только на ходу, въ окна вагоновъ. Почти одновременно слѣдовалъ съ нами воинскій поѣздъ съ Сибирскими казаками. Намъ сказали, что за ними слѣдуютъ Оренбургскіе и Уральскіе казаки, въ числѣ 8 полковъ и 2-хъ конно-артиллерійскихъ батарей (двѣ дивизіи). Донесся слухъ о первомъ нашемъ сраженіи на рѣкѣ Ялу.

«28 апрѣля прибыли въ Манчжурію. На границѣ станція, и называется также Манчжурія. Здѣсь также встрѣтили задержку, совершалась пересадка. Въ первый разъ мы увидѣли катайцевъ. Это все — рабочіе. Съ русскими китайцы живутъ мирно, и русскіе имъ нравятся. Отъ станціи Манчжурія дорога, на всемъ протяженіи ея до города Харбина, 85 верстъ, уже охраняется войсками, — разѣзжаютъ конные солдаты и

казаки. Незадолго до насъ, изловили японцевъ, которые хотѣли взорвать туннель желѣзной дороги у Хингана, во время хода поѣзда въ 40 вагоновъ съ войсками. Богъ спасъ, — взрывъ послѣдовалъ послѣ прослѣдованія поѣзда. Всѣхъ ихъ судили военнымъ судомъ и повѣсили въ Ляоянѣ. На станціи Манчжурія обрадовала насъ вѣсточка о удачномъ нападеніи на японцевъ генерала Ренненкампа съ двумя полками казаковъ, при чемъ японцы понесли страшныя потери (7 т.).

«Первый китайскій городъ на пути нашемъ былъ Хайларъ; но мы его не видѣли, ибо поѣздъ стоялъ часа два, не болѣе, а до города было — 7 верстъ. Около него строится русскій городъ, — пока небольшое селеніе. Всѣ китайскія власти остались въ городѣ, и до сихъ поръ тамъ живетъ губернаторъ (дзянь-дзюнь). Но войска всѣ выведены внутрь Китая.

«Утѣшилъ насъ видъ русскихъ церквей на станціяхъ сибирской желѣзной дороги. Кругомъ пустыня. Но вотъ — церковь, и вокругъ нея группируется нѣсколько, десятка два-три, домиковъ. Это Русь святая въ маленькомъ видѣ. И свѣтло и отрадно становится на душѣ. Въ Харбинѣ, съ вокзала, мы всѣ проѣхали въ зданіе Краснаго Креста, гдѣ насъ пріютили и оказали радушный пріемъ. Размѣстили въ номерахъ и согласились давать рыбную и молочную пищу. Жизнь въ Харбинѣ вообще не дорога. Рыбы въ изобиліи, но только дорога. Русскій Харбинъ расширяется и его можно сравнить съ любымъ небольшимъ уѣзднымъ городомъ. Есть въ немъ — три церкви, деревянные, служба совершается ежедневно».

Когда же, по окончаніи войны, о. Варсонофій вернулся обратно въ Оптину Пустынь, о. Іосифъ уже настолько состарился и ослабѣлъ, что управлять внѣшними дѣлами скита былъ уже не въ состояніи. Къ тому же, нѣкоторые люди дѣлали злоупотребленія, пользуясь его добротой и мягкостью, и на скиту оказались долги. Отъ Синода была прислана ревизія. Онъ подалъ на покой, зная, что того желаютъ епархіальныя власти. А на его мѣсто скитонаачальникомъ былъ назначенъ о. Варсонофій, возведенный въ санъ игумена.

Но какой мудростью должны были бы обладать духовныя чада о. Іосифа, чтобы взглянуть на эту перемѣну безпристрастнымъ окомъ? Вѣдь о. Іосифъ былъ столпомъ старчества, непосредственнымъ преемникомъ и ученикомъ о. Амвросія, продолжателемъ традиціи великихъ старцевъ. А о. Варсонофій, поступившій уже послѣ кончины о. Амвросія, казался имъ человѣкомъ пришлымъ, чужимъ. Почувствовали себя обиженными за своего старца и Шамординскія сестры, хотя о. Іосифъ продолжалъ старчествовать и руководить ими. Въ Оптиной снова стало два старца... Понятно, что при создавшемся положеніи у о. Варсонофія со многими изъ старшей братіи были лишь официальныя отношенія, какъ было съ о. Иліодоромъ, которому онъ далъ «на дорогу» горсть леденцовъ въ день его смерти.

Между тѣмъ новый скитоначальникъ твердой и властной рукой возстановилъ порядокъ въ скиту: онъ внесъ въ его казну 60 тысячъ рублей личного своего капитала, уплатилъ долги, ремонтировалъ скитъ, обновилъ ризницу, устроилъ библіотеку. Твердымъ своимъ прямолинейнымъ характеромъ, не допускавшимъ ни малѣйшей уступки духу времени, онъ со строгостью умѣлъ соединить и нѣжно-любовное отношеніе къ скитской братіи, былъ полонъ о нихъ заботъ. Онъ не стѣснялся смирать, когда это требовалось. Но къ кающимся о. Варсонофій былъ милостивъ и говорилъ, что тѣхъ, кто не хочетъ спастись по доброй волѣ, тѣхъ надо спасать силой и силу эту примѣнять умѣлъ. И многіе изъ числа братіи, не говоря о тѣхъ, которые поступили уже во время его управленія, были всецѣло подъ его вліяніемъ, испытавъ на себѣ всю пользу отъ его мудраго, благодатнаго руководства. Въ Шамордино куда поступали его духовныя дочки, имъ приходилось смиряться передъ Іосифовскими «дочками», которыя имѣли надъ ними старшинство.

Особенно много занимался о. Варсонофій съ интеллигентной молодежью, посѣщавшей Оптину Пустынь, и былъ единственнымъ старцемъ оптинскаго скитскаго братства. До сихъ поръ дѣло ограничивалось только натянутыми отношеніями между Варсо-

нофіевскими и Іосифовскими учениками и ученицами. У коренныхъ оптинцевъ все же царилъ въ концѣ концовъ духъ смиренія, да и вліяніе оптинскихъ духовниковъ о. о. Анатолія (Потапова), Ѳеодосія и Нектарія, употреблявшихъ всѣ силы для поддержанія мира, дѣлало свое дѣло. Напримѣръ, когда о. Варсонофій опасно заболѣлъ и послалъ къ о. Іосифу просить благословенія на принятіе схимы, въ этотъ моментъ въ келліи о. Іосифа оказался его духовникъ о. Нектарій, который и настоялъ на томъ, чтобы это благословеніе было дано.

Много было у о. Варсонофія непріятностей послѣ кончины о. Іосифа. Разныя лица предъявляли свои претензіи, кто относительно своихъ процентныхъ бумагъ, кто — вещей, якобы оставленныхъ на храненіе у о. Іосифа и т. п. Были и личныя обиды на о. Варсонофія. Напр. въ скиту скончался о. Даніилъ (Болотовъ), родной братъ Шамординской игуменіи Софіи (Шамординскія сестры звали его «Дядюшкой»). Онъ много потрудился въ дѣлѣ христіанской проповѣди среди интеллигенціи. Съ цѣлью проповѣди его часто отпускали изъ монастыря въ міръ. Передъ смертью онъ хотѣлъ принять схиму. Но о. Варсонофій указалъ ему несовмѣстимость его апостольскаго подвига съ обязательствами схимы, требующими полного отреченія отъ міра. Онъ спросилъ его согласенъ ли онъ отказаться отъ своей апостольской проповѣди въ случаѣ выздоровленія. Подумавъ, о. Даніилъ отказался отъ схимы и такъ скончался простымъ іеромонахомъ. Родственники его не могли простить этого о. Варсонофію.

Между тѣмъ подземная работа врага рода человѣческаго не ослабѣвала. Имъ подготовлялась катастрофа. Съ цѣлью добиться упраздненія старчества и закрытія скита, новые монахи являлись изъ упадочнаго предъ-революціоннаго міра. Имъ дѣла не было ни до о. Варсонофія, ни до о. Іосифа. Имъ нужно было свергнуть существующую власть и захватить въ свои руки начальственные должности.

Такими людьми оказались іеромонахъ Патрикій и монахъ Георгій. Они затѣяли бунтъ, вещь доселѣ не-

слыханную въ Оптиной Пустыни. Конечно, это была лишь небольшая горсточка братій. (Въ Оптиной Пустыни до войны было 300 человѣкъ братій). Настоятель архимандритъ Ксенофонтъ, строгій монахъ, но нѣсколько слабый въ управленіи, послалъ за скитоначальникомъ о. Варсонофіемъ, который сразу усмирилъ бунтъ, умиротворилъ братію и настоялъ на удаленіи изъ обители зачинщиковъ бунта. Послѣдніе не сложили оружія и подали жалобу въ Синодъ и одновременно доносъ на о. Ксенофонта, будто онъ неправильно ведетъ лѣсное хозяйство. Ихъ жалоба и доносъ нашли въ Синодѣ благопріятную почву. Уже давно находились люди недовольные о. Варсонофіемъ пока нѣкая Марія Михайловна Булгакъ, рожденная Бартенева, начальница Гродненской гимназіи и крайне-правая политическая дѣятельница не произвела того взрыва, который былъ причиной отѣзда о. Варсонофія изъ Оптиной Пустыни.

Произошло это такъ. Сначала эта особа проявила обожаніе къ о. Варсонофію. Она общалась завѣщать скиту Оптиной Пустыни свой капиталъ въ сто тысячъ рублей¹¹⁾. Но на этомъ основаніи она рѣшила, что ей дозволено распоряжаться въ скиту. Произошелъ конфликтъ и Марія Михайловна возненавидѣла о. Варсонофія. Одно время она собиралась поступить въ Шамординскую обитель. Узнавъ объ этомъ, о. Варсонофій покачалъ головой и сказалъ: «Охъ! и набулгачить же тамъ Булгакъ!» Желая отомстить о. Варсонофію, Булгакъ явилась въ политическій петербургскій салонъ графини Игнатъевой, гдѣ можно было встрѣтить епископовъ членовъ Синода, и выложила тамъ весь багажъ, привезенный изъ Оптиной клеветъ и сплетенъ. Провѣрять слухи поѣхала въ Оптину Пустынь сама гр. Игнатъева. Она сдѣлала визитъ настоятелю о. Ксенофонту и заявила, что также сдѣлаетъ визитъ и о. Варсонофію, но какъ скитоначальнику, а не какъ къ старцу. О. Варсонофій попросилъ М. Н. Максимовичъ, супругу варшавскаго генераль-губернатора, присутствовать при приѣмѣ графини. Послѣдняя почти

¹¹⁾ М. М. Булгакъ оставила свой капиталъ на содержаніе и пропитаніе своихъ двухъ собакъ, о чемъ, какъ о курьезѣ, было написано въ газетѣ «Новое Время».

безвыѣздно жила въ Оптиной Пустыни и была тихая и смиренная старушка. Она вела разговоръ съ графиней, а о. Варсонофій молчалъ. Вернувшись въ Петербургъ графиня доложила членамъ Синода, посѣщавшимъ ея салонъ, что въ кельѣ скитоначальника стояли цвѣты и что чай разливала дама.

Въ результатъ всѣхъ этихъ жалобъ и слуховъ, Святѣйшій Синодъ назначилъ ревизію. Для веденія слѣдствія былъ назначенъ Епископъ Серафимъ Чичаговъ. Онъ прибылъ въ Оптину пустынь подъ 1-ое января 1911 г. и послѣ всенощнаго бдѣнія выступилъ для произнесенія проповѣди. Онъ началъ съ того, что монахи бываютъ послушными и непослушными. Всѣ ожидали, что рѣчь коснется удаленныхъ за бунтарство монаховъ, ихъ своеволія и непокорности. Но каково было всеобщее горестное изумленіе, когда онъ началъ громить и поносить о.о. настоятеля и скитоначальника, двухъ старцевъ, склонившихъ передъ нимъ свои убѣленные головы и поддерживавшихъ его подъ руки. «Какой ты старецъ?» крикнулъ епископъ на о. Варсонофія. Смиранный о. игуменъ отвѣтилъ кротко: «Я не самовольно старчеству, Владыко, меня Синодъ назначилъ». Народъ, свидѣтель этого, покидалъ соборъ возмущенный и взволнованный.

На другой день епископъ Серафимъ собралъ братію и поставилъ вопросъ о принятіи обратно, удаленныхъ за бунтъ монаховъ. О. архим. Ксенофонтъ соглашался ихъ принять, «если покаются». Но старецъ о. Варсонофій отнесся отрицательно, говоря, что онъ не вѣритъ въ ихъ покаяніе. Но монастырская братія, видя, что обратный пріемъ этихъ бунтовщиковъ епископу желателенъ, стали давать со страху отвѣты уклончиво. Къ сожалѣнію, столпы оптинскіе, о.о. іеромонахи Анатолій, Нектарій и Феодосій отсутствовали. . . Смутьяны были не только приняты, но даже одинъ изъ нихъ былъ сдѣланъ казначеемъ.

Послѣ этого твердая и непоколебимая жизнь въ Оптиной Пустыни была нарушена. Старецъ о. Варсонофій былъ назначенъ настоятелемъ монастыря въ Голутвинѣ. Мірянамъ, жившимъ вокругъ обители, было предложено выѣхать и пребываніе богомольцевъ было ограничено 10-ю днями. Былъ даже поднятъ вопросъ

о закрытіи скита и о прекращеніи въ Оптиной Пустыни старчества. Къ счастью это не было исполнено. Отецъ Архим. Ксенофонтъ оправдался отъ обвиненій, но вскорѣ умеръ отъ пережитыхъ огорченій. Его замѣстителемъ сталъ о. Исаакій Второй. Скитоначальникомъ былъ назначенъ о. Ѳеодосій, духовный сынъ старца Варсонофія. Съ нимъ вмѣстѣ старчествовали въ скиту о. Нектарій и бывший келейникъ старца Амвросія, о. Анатолій (Потаповъ). Между тремя старцами царило братолюбіе и согласіе. Но отголосокъ смуты между братіи не былъ изжитъ до конца существованія Оптиной Пустыни.

О судьбѣ старца Варсонофія, о возведеніи его въ санъ архимандрита и назначеніи въ заброшенный Голутвинскій монастырь, подробно рассказываетъ о. В. Шустинъ: «О. Варсонофій долженъ былъ покинуть скитъ... Я, какъ разъ къ этому времени пріѣхалъ въ Оптину. Батюшка встрѣтилъ меня съ радостью, повѣдалъ мнѣ о своихъ обстоятельствахъ, и рассказалъ, какъ, наканунѣ, дьяволъ ополчился, не только на его имя, но и на его жизнь.

«Пріѣхалъ сюда одинъ офицеръ и сталъ требовать отъ меня записку въ томъ, что я согласенъ на его бракъ съ одной дѣвушкой, очень религіозной, но мнѣ незнакомой. Онъ хотѣлъ обманомъ жениться. Я категорически отказался дать такую записку. Даже написать св. Евангеліе. Тогда тотъ началъ кричать на меня, наконецъ выхватилъ шашку изъ ноженъ и сталъ ею размахивать, наступая на меня, а я, говоритъ батюшка — скрестивъ руки, стою передъ нимъ. Онъ махалъ, махалъ, но никакъ не могъ меня задѣть. Съ ругательствомъ, вложилъ шашку въ ножны и побѣжалъ, но въ безуміи своемъ не могъ найти выходъ изъ скита. Встрѣтивъ одного монаха, онъ велѣлъ вывести его изъ скита и проводить до гостиницы; тотъ сказалъ, что не имѣетъ права выходить безъ благословенія старца. Тогда офицеръ выхватилъ револьверъ и заставилъ его идти съ нимъ. Конечно, я могъ бы возбудить дѣло противъ него, я знаю какого онъ полка, и могъ бы написать въ офицерскій судъ, но это не наше дѣло, это не монашеское дѣло, мы должны сказать: да будетъ воля Божія.

Потомъ батюшка сказалъ: пойдѣ въ келлію отца Нектарія и скажи, что я прислалъ тебя.

Въ день отъѣзда, батюшка служилъ въ скиту литургію и затѣмъ прощался съ братіей у себя. Прощаніе было трогательное, почти всѣмъ онъ кланялся въ ноги, а нѣкоторымъ поклонившись не хотѣлъ и вставать. Много было слезъ. Въ три часа, совершилъ напутственный молебенъ и отправился на вокзалъ: вещей у него было — одинъ маленькій ручной саквояжикъ. Погода была отчаянная, поднялась страшная вьюга съ мокрымъ снѣгомъ. Прямымъ путемъ на вокзалъ нельзя было ѣхать, т. к. рѣка Жиздра разлилась. Съ большой опасностью, перебрались мы черезъ рѣку, Съ батюшкой до вокзала провожать на маленькомъ паромѣ поѣхалъ его духовникъ и о. Нектарій. Я ѣхалъ вмѣстѣ съ духовникомъ батюшки, о. Θεодосіемъ. Онъ былъ пораженъ смиреніемъ отца Варсонофія, и всю дорогу умилялся. Ёхали мы до вокзала, вмѣсто обычнаго часа, три съ половиною часа. Дорогою батюшка совсѣмъ окоченѣлъ. Благодареніе Богу, что поѣздъ опоздалъ и батюшка могъ согрѣться чаемъ. Билеты по распоряженію батюшки были взяты третьяго класса. Но при пересадкѣ, я уговорился съ оберъ кондукторомъ и не далъ батюшкѣ войти въ третій классъ, и вмѣстѣ съ двумя келейниками помѣстились мы въ купѣ 2-го класса. Дорогой батюшка почти не спалъ, но при этомъ почти не говорилъ ничего. По пріѣздѣ въ Москву, батюшка направился на подворье, въ которомъ жилъ епископъ Анастасій¹²⁾. При встрѣчѣ съ епископомъ, батюшка поклонился ему въ ноги. Въ этомъ подворьѣ, батюшка прожилъ шесть-семь дней, пока епископъ не возвелъ его въ санъ архимандрита.

Я жилъ въ Москвѣ у своихъ родныхъ, и каждый день приходилъ къ батюшкѣ. Вмѣстѣ съ нимъ и келейниками мы обошли и приложились ко всѣмъ святынямъ города Москвы. Однажды, возвращаясь отъ часовеньки св. Пантелеимона, батюшка шелъ впереди, а я сзади. Вдругъ меня останавливаетъ одна незнакомая барышня, очень хорошо одѣтая, и спрашиваетъ, не отецъ ли это

¹²⁾ Впослѣдствіи Митрополитъ, Первоіерархъ Русской Зарубежной Церкви.

Варсонофій. Я сказалъ, да; она была удивлена, какъ батюшка могъ очутиться въ Москвѣ. Я, въ краткихъ словахъ, рассказалъ ей, какъ это случилось. Она забѣжала впередъ и приняла отъ него благословеніе и затѣмъ проводила до квартиры. Тутъ, возлѣ воротъ батюшка велѣлъ ей подождать, самъ же вошелъ въ столовую, выбралъ лучшій апельсинъ и велѣлъ мнѣ отнести барышнѣ, но прежде спросилъ меня: «Кто эта барышня»? Я отвѣтилъ, что не знаю. Но батюшка сказалъ: — ты долженъ это знать, отнеси апельсинъ и проводи ее домой. Я вышелъ изъ воротъ, передалъ апельсинъ, и желаніе батюшки. Она меня спросила, гдѣ я живу. Ну, сказала она, это и мнѣ по дорогѣ. Сѣли мы въ одинъ трамвай, онъ довезъ меня до моего мѣста, а она поѣхала дальше. При прощаніи дала мнѣ номеръ телефона, и просила сообщить ей, когда батюшку будутъ возводить въ санъ архимандрита. Я обѣщалъ ей все это сдѣлать, и въ точности исполнилъ. Она была въ церкви и просила меня передать батюшкѣ фрукты. На слѣдующій день, батюшка поѣхалъ на новое мѣсто служенія въ городъ Коломну, въ Голутвинъ монастырь.

Когда подъѣзжали къ Коломнѣ, то изъ оконъ вагона былъ виденъ монастырь. И батюшка, смотря на монастырь, перекрестившись, сказалъ: вотъ здѣсь мое мѣсто упокоенія, мнѣ не долго осталось жить, т. к. приходится нести послѣднія испытанія. Исполняется послѣдняя заповѣдь блаженства: «Блажены вы есте, егда поносятъ вамъ и изженутъ и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуще Мене ради». При этихъ словахъ что то острое кольнуло въ сердце, и стало тяжело; но батюшка смотрѣлъ бодро. На вокзалѣ были уже монастырскія лошади. Насъ встрѣтилъ экономъ монастыря съ золотымъ наперстнымъ крестомъ. Онъ сѣлъ съ батюшкой, а я въ слѣдующій тарантасъ съ батюшкинымъ келейникомъ. Еще было далеко до монастыря, какъ тамъ уже начали перезванивать во всѣ колокола. Батюшка сразу пошелъ въ церковь. Тутъ собралась вся братія. Послѣ молебна, батюшка привѣтствовалъ всѣхъ и пошелъ осматривать помѣщеніе. При осмотрѣ онъ вездѣ нашелъ упущенія, и даже разореніе. Гостиница была не устроена. «Что же мнѣ дѣлать», говоритъ батюшка, «гдѣ же я помѣщу пріѣзжающихъ богомоль-

цевъ?» И вотъ онъ велѣлъ мнѣ и келейникамъ ѣхать въ городъ и купить кроватей, матеріала для матрацовъ и подушекъ, и сшить ихъ. Денегъ, говоритъ батюшка, у меня нѣтъ, но найдутся добрые люди, поѣзжайте. И вотъ — дивное дѣло. Мнѣ, человѣку въ студенческой формѣ, даютъ и кровати и матеріалъ безъ всякаго разговора, съ полной готовностью, и безъ копейки денегъ. Правда, былъ со мной келейникъ батюшкинъ, но его и меня никто не зналъ. По прѣздѣ въ монастырь, я принялся шить матрацы и набивать ихъ волосомъ и работалъ цѣлый день. Такъ какъ гостиница была неустроена, то я помѣщался въ квартирѣ батюшки. Батюшка самъ былъ вмѣсто будильника: въ 12 1/2 ч. ночи онъ приходилъ, и будилъ меня и заставлялъ вмѣстѣ съ келейникомъ читать полунощницу и монашескія правила. Это продолжалось часа два. Потомъ я опять ложился. Но въ 5 1/2 часовъ батюшка опять меня будилъ, чтобы я собирался съ нимъ вмѣстѣ къ ранней обѣднѣ. Такъ продолжалось около недѣли. Въ первое время было очень много работы и я исполнялъ роль келейника, убиралъ комнаты, провѣтривалъ. Большія реформы произвелъ батюшка и во внутреннемъ строеніи монастыря. Установилъ обязательное посѣщеніе церковныхъ службъ, и самъ являлся примѣромъ. Раньше, и въ трапезную не всѣ ходили, а іеромонахи и не заглядывали. Имѣли при келліяхъ свои кухни. Экономъ, такъ имѣлъ повара. Батюшка запретилъ готовить что либо на дому, и должны были всѣ ѣсть общую пищу и въ опредѣленное время. Когда батюшка пришелъ по звонку въ трапезную, всѣ простые монахи удивились, что онъ такъ близокъ къ нимъ. Пища была невозможная. Щи были изъ прѣлой капусты и рыбы съ запахомъ. Экономъ не пришелъ въ трапезную, но батюшка послалъ за нимъ послушника и заставилъ его ѣсть обѣдъ изъ тѣхъ продуктовъ, которые тотъ покупалъ. Экономъ отворачивался, а батюшка его уличалъ. Недаромъ экономъ носилъ шелковыя рясы, и въ его комнатѣ можно было увидѣть золотыхъ рыбокъ. «Какъ можно, говорилъ батюшка, давать такую пищу, такую заразу»... Сразу весь духъ монастыря перемѣнился. Батюшка позаботился объ одеждѣ и пищѣ монаховъ, и монахи, увидя такое отеческое отношеніе настоятеля, не чуж-

дались его, но приходили съ любовію и довѣріемъ открывали ему свои души; а онъ началъ ихъ врачевать. Былъ тамъ одинъ алкоголикъ іеродіаконъ; благодаря любви и стараніямъ батюшки, онъ умеръ, какъ великій христіанинъ. Батюшка своимъ смиреніемъ его возродилъ. И вообще черезъ два мѣсяца монастырь сталъ неузнаваемъ. Много рабочихъ изъ Коломенскаго завода стали приходить къ батюшкѣ искать утѣшенія. Батюшка». «Ну, такъ вотъ я тебѣ посватаю одну дѣвушку, чудомонастырь школу и обучать дѣтей рабочихъ христіанской жизни. Но не суждено было этому осуществиться.

Меня одолѣвали все разныя болѣзни. Въ началѣ 1913 года пріѣхалъ я въ Голутвинъ съ больнымъ горломъ. Батюшка посмотрѣлъ на меня и говоритъ: жениться тебѣ надо и пройдутъ всѣ твои болѣзни. Я посмотрѣлъ на него удивленно. Я совсѣмъ не думалъ о женитбѣ. Есть у тебя невѣста? спросилъ онъ. «Нѣтъ, батюшка». «Ну, такъ вотъ я тебѣ посватаю одну дѣвушку, чудную. Она въ монастырь собирается. Ты видѣлъ ее, должно быть. Она такъ смиренно въ темномъ платочкѣ ходитъ. Нужно, чтобы она въ міру жила и воспитывала благочестивыхъ и честныхъ людей... Нравится ли она тебѣ? вѣдь ты съ ней видѣлся въ Москвѣ. — «Да, батюшка, она мнѣ въ Москвѣ понравилась, а здѣсь я ее не узналъ!» — «Подвигомъ постнымъ она себя изнурила. И вотъ я рѣшилъ такъ: завтра утромъ, за ранней обѣдней, я буду молиться о васъ передъ жертвенникомъ, и — что Господь мнѣ откроетъ. Если угодно Ему мое желаніе, то я призову ее на клирость, и поговорю съ ней относительно тебя и ея самой, а пока ничего не буду говорить»... Такое рѣшеніе батюшки меня ошеломило, и я взволнованный ушелъ къ себѣ въ гостиницу, намѣреваясь на слѣдующій день сходить къ ранней обѣднѣ. Велѣлъ гостинику разбудить меня во-время. Когда стали благовѣстить, тотъ постучалъ ко мнѣ. Я вскочилъ, скорѣе началъ одѣваться... И что-же? Мнѣ казалось, что я одѣлся тотчасъ же, и пошелъ въ церковь. Подхожу къ церковнымъ дверямъ, а тѣ закрыты. Спрашиваю перваго монаха, почему церковь закрыта. Потому, говоритъ, что служба отошла. А который часъ сейчасъ? Одиннадцать часовъ! Какъ? я сейчасъ только одѣвался къ ранней обѣднѣ! Я чуть съ ума не

сошелъ, потерялъ чувство времени, и тотчасъ же побѣжалъ къ батюшкѣ. Я могъ входить къ нему во всякое время. Келейникъ впустилъ меня и сказалъ, что батюшка сейчасъ отдыхаетъ, но скоро выйдетъ. Я сѣлъ въ пріемной и волнуясь, не знаю какъ. Спустя минутъ двадцать вышелъ батюшка. Помолился, благословилъ меня и посадилъ рядомъ. Я съ испугомъ говорю батюшкѣ, что потерялъ чувство времени. Уснулъ-ли я, потерялъ ли я сознаніе, никакъ понять не могъ. А батюшка и говоритъ: «такъ и должно быть, въ такихъ вещахъ, любопытствовать нельзя», и началъ мнѣ рассказывать про Серафима Саровскаго. Я волнуясь, хочу узнать результатъ, бесѣдовалъ ли онъ съ этой дѣвушкой, а онъ испытующе посмотритъ на меня, и продолжаетъ говорить про Серафима Саровскаго. «Пришелъ къ преп. Серафиму одинъ молодой человѣкъ, и проситъ благословенія у преподобнаго на бракъ съ дѣвушкой, которая осталась въ деревнѣ. . . А преподобный Серафимъ говоритъ: твоя невѣста здѣсь въ монастырѣ, ты ее встрѣтишь при входѣ въ гостиницу. Тотъ былъ удивленъ, и говоритъ, что ее здѣсь нѣтъ. — Твоя невѣста сдѣлалась невѣстой Христовой, а ты женишься на другой. Придя въ гостиницу, онъ, дѣйствительно, встрѣтился съ одной дѣвушкой, которая пристально на него посмотрѣла. Войдя въ комнату, онъ нашелъ на столѣ письмо, гдѣ сообщали, что невѣста его нервно заболѣла и умерла. Онъ побѣжалъ къ преп. Серафиму и со слезами повѣдалъ свое горе. И батюшка устроилъ новый бракъ. — Вотъ какъ воля Божія исполняется. Теперь я скажу относительно тебя: какъ я говорилъ, я молился передъ жертвенникомъ, и послѣ обѣдни позвалъ А. С. на клиросъ. Я охарактеризовалъ ей тебя, сказалъ, что я ручаюсь за тебя и хочу васъ обоихъ познакомить ближе. Она и слышать не хочетъ о замужествѣ, я ее долго убѣждалъ и предупреждалъ, что въ монастырѣ она погибнетъ. Тогда она смирилась и сказала: Ваша воля, батюшка, вы знаете лучше. Я ей назначилъ часъ свиданія въ пріемный часъ, въ три часа, такъ же и тебѣ заповѣдаю придти въ три часа».

Пошелъ я къ себѣ въ гостиницу, и, при входѣ, столкнулся съ А. С. Она сразу вся покраснѣла, наклонила голову и прошла мимо меня; и сейчасъ же вспом-

нились мнѣ слова батюшки, какъ бы отъ преп. Серафима: «а, при входѣ въ гостиницу, ты встрѣтишь свою невѣсту». — И вотъ оно такъ сбывалось. И для чего она, думаю я, пошла въ гостиницу (ибо она жила въ поселкахъ близъ монастыря). Оказалось, что, какъ разъ, и ея братъ со своей невѣстой пріѣхалъ просить у батюшки благословенія.

Въ три часа, я пошелъ въ батюшкину пріемную. Народу собралось тамъ довольно много. Я сѣлъ подальше, въ уголокъ. Пришла и будущая моя невѣста съ братомъ, и сѣли далеко отъ меня. Посрединѣ стояла женщина съ юношей лѣтъ 17-ти. Съ большой печалью на лицѣ, она ожидала батюшку. Наконецъ, батюшка показался въ дверяхъ. Прежде всего, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать, подошелъ къ образу, помолился, а потомъ сталъ всѣхъ обходить и благословлять. Благословилъ меня, по очереди, и пошелъ дальше. Тутъ, женщина, которая стояла посреди комнаты, бросилась къ батюшкѣ со словами: «батюшка помолитесь! Измучилась я со своимъ сыномъ, излѣчила на него все состояніе, а онъ все остается глухо-нѣмымъ, и такъ сдѣлалось съ нимъ съ 12-ти лѣтъ». Батюшка благословилъ, посмотрѣлъ на него и говоритъ: «Согрѣшилъ онъ однимъ великимъ грѣхомъ, и ему покаяться и говѣть нужно, и снова онъ будетъ слышать и говорить». Мать даже огорчилась тутъ за сына, — какъ, вѣдь онъ примѣрный мальчикъ, могъ ли онъ согрѣшить въ 12 лѣтъ! Батюшка обратился къ юношѣ и спросилъ: «ты помнишь, что ты сдѣлалъ?» Тотъ, въ недоумѣніи, качалъ головой. «Да вѣдь онъ, батюшка, не слышитъ», говоритъ мать. «Да, тебя не слышитъ, а меня слышитъ». Тогда батюшка наклонился и шепнулъ ему что то на ухо, и у него широко раскрылись глаза, — онъ **вспомнилъ**. Черезъ недѣлю юноша былъ здоровъ.

Послѣ разговора съ женщиной, батюшка подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и повелъ, подошелъ къ моей невѣстѣ, взялъ ее другой рукой и повелъ обоихъ въ исповѣдальню. Она очень стѣснялась, а онъ ее подбадривалъ. Братъ ея глазамъ своимъ не вѣрилъ. (Онъ зналъ, что она безповоротно собралась въ монастырь). Поставилъ насъ батюшка передъ аналоемъ, соединилъ наши руки, покрылъ эпитрахилью своей,

и сталъ про себя молиться. Потомъ онъ обернулся къ намъ и сказалъ: «вотъ вамъ мое желаніе, познакомьтесь поближе, и если вы другъ другу подойдете, то Богъ да благословитъ вашъ бракъ»; и затѣмъ, обратившись къ моей невѣстѣ сказалъ: «а тебѣ заповѣдаю, каждый день въ 5 часовъ приходитъ къ В. В. и угощать его чаемъ. И вы открывайте души свои другъ другу». Потомъ онъ насъ отпустилъ, призвалъ ея брата, который въ этотъ же день уѣзжалъ обратно въ Москву.

День, въ который совершился этотъ сговоръ, былъ для меня замѣчательнъ. Это былъ день смерти моей родной матери 1 февраля. Ровно за годъ до этого, я былъ въ Оптиной и сказалъ батюшкѣ, что сегодня день смерти моей матери. Онъ всталъ тогда передъ образомъ и началъ молиться. Потомъ, повернувшись ко мнѣ, говоритъ: «смотри, какъ она киваетъ головой, и какъ благодаритъ за то, что ея сынъ не забылъ ея, а вспомнилъ и помолился. Ты видишь ея радость?» «Батюшка, я ничего не вижу», — а батюшка смотритъ на образъ, и будто разговариваетъ. Такъ вотъ, прошелъ годъ послѣ этого случая и опять у меня событіе. Безусловно тутъ было и благословеніе матери.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Ан. Серг. приходила ко мнѣ въ 5 ч. Бесѣдуя другъ съ другомъ, мы срослись душой. Бесѣда продолжалась до 10 ч. вечера и я ее провожалъ домой. Каждый день мы сообщали батюшкѣ о своей бесѣдѣ, а онъ мнѣ говоритъ: «какъ у меня душа радуется, что такъ случилось. Но надо все таки тебѣ познакомиться съ ея родителями. Тамъ будетъ скоро свадьба у брата Ан. Серг., пускай они пришлютъ тебѣ приглашеніе». Потомъ батюшка велѣлъ отвези ее въ Москву, и, послѣ свадьбы брата, съѣздить вмѣстѣ съ нею къ преподобному Сергію въ Троице-Сергіевскую лавру. Батюшка очень почиталъ преподобнаго Сергія¹³⁾.

Я исполнилъ батюшкино желаніе, отвезъ свою невѣсту въ Москву, и по полученіи приглашенія пріѣхалъ на свадьбу... Послѣ этого я каждую недѣлю сталъ ѣздить изъ Петербурга въ Москву. Наша помол-

¹³⁾ И земная жизнь о. Варсонофія закончилась въ обители, основанной преподобнымъ.

вка была объявлена. Мы побывали, съ невѣстой, въ Троице-Сергіевской лаврѣ. И тутъ, во время молебна, такъ близко чувствовалось присутствіе живого преп. Сергія, что меня охватила жуть. То же самое чувствовала и моя невѣста. Чувствовалось особое единеніе. Не даромъ батюшка направилъ насъ сюда. Настрое-ніе было мое радостное. Вдругъ, получаю телеграмму въ Петербургъ, что батюшка очень серьезно заболѣлъ. Я тотчасъ же бросилъ дѣла, выѣхалъ въ Голутвинъ. Батюшка былъ плохъ. Онъ лежалъ на кровати; при моемъ приходѣ сѣлъ, и меня посадилъ рядомъ съ собой, обнявъ рукой. Съ большимъ интересомъ онъ началъ меня спрашивать о приготовленіяхъ къ свадьбѣ. «А были ли у преподобнаго Сергія?» Да, батюшка, были, и я ощущалъ трепеть. «Ну, теперь, значить, все благословено, и вотъ черезъ три дня, на Благовѣщеніе, пускай будетъ у васъ обрученіе, а на красной горкѣ свадьба, въ Петербургѣ. А послѣ свадьбы первый визитъ ко мнѣ». Тутъ онъ задумался, видимо чувствуя скорое приближеніе смерти. . . И началъ говорить о благодати старчества. . . «Старцевъ называютъ прозорливцами, указывая тѣмъ, что они могутъ видѣть будущее: да, великая благодать дается старчеству, — это д а р ъ р а з с у ж д е н і я . Это есть наивеличайшій даръ, даваемый Богомъ человѣку. У нихъ, кромѣ физическихъ очей, имѣются еще очи духовныя, передъ которыми открывается душа человѣческая. Прежде чѣмъ человѣкъ подумаетъ, прежде чѣмъ возникла у него мысль, они видятъ ее духовными очами, даже видятъ причину возникновенія такой мысли. И отъ нихъ не сокрыто ничего. Ты живешь въ Петербургѣ, и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты дѣлаешь и думаешь. . . Когда у тебя будутъ дѣти, учи ихъ музыкѣ. Но, конечно, настоящей музыкѣ, ангельской, а не танцамъ и пѣснямъ. Музыка способствуетъ развитію воспріятія духовной жизни. Душа утончается. Она начинаетъ понимать и духовную музыку. Вотъ у насъ въ церкви читаютъ шестопсалміе, и люди часто выходятъ, на это время, изъ церкви. А вѣдь не понимаютъ и не чувствуютъ они, что шестопсалміе есть духовная симфонія, жизнь души, которая захватыва-

еть всю душу, и даетъ ей высочайшее наслажденіе. Не понимаютъ люди этого. Сердце ихъ каменно. Но музыка помогаетъ почувствовать всю красоту шестопсалмія». Тутъ батюшка опять задумался. «И вотъ какъ я радъ, что пристроилъ тебя. Да поможетъ вамъ Господь и да укрѣпитъ васъ. Болѣзнь моя мѣшаетъ мнѣ очень». . . Я видѣлъ, что батюшка очень усталъ, пожелалъ ему здоровья, и попросилъ благословенія на отъѣздъ.

Я не зналъ, что онъ такъ близокъ къ смерти, и думалъ, что онъ еще поправится, а его черезъ шесть дней не стало. Только я успѣлъ, послѣ обрученія, вернуться въ Петербургъ, какъ поѣхалъ обратно на похороны батюшки. Все наше свадебное радостное настроеніе разстроилось. Стоялъ батюшка въ храмѣ восемь дней. Онъ заповѣдалъ, пока не появится запахъ тлѣнія не хоронить его. Отпѣвалъ его еп. Анастасій, который поклонился передъ гробомъ въ землю и заплакалъ, что земля лишилась мудраго наставника. Вмѣстѣ съ епископомъ плакалъ и весь храмъ. Послѣ отпѣванія, батюшку повезли на похороны въ Оптину Пустынь. Желаніе батюшки исполнилось. Прахъ его упокоился въ Оптиной Пустынѣ. Я проводилъ батюшку только до Москвы; мнѣ надо было держать экзамень, и я отправился въ Петербургъ. На красной горкѣ, по завѣщанію батюшки, состоялась наша свадьба. По случаю траура о батюшкѣ никакихъ танцевъ не было и въ тотъ же день, вечеромъ, я съ женой отправились въ Оптину, на могилу батюшки, отдать ему первый свадебный визитъ.

Приѣхавъ въ Оптину, мы отслужили панихиду, поплакали, погоревали, и спрашиваемъ служившаго іеромонаха: кто теперь старчествуетъ? «О. Нектарій», отвѣтилъ тотъ. Тутъ то я и понялъ, почему о. Варсонофій, покидая скитъ, послалъ меня къ о. Нектарію: чтобы я съ нимъ познакомился поближе; — онъ уже заранѣе указалъ мнѣ, кто долженъ мною руководить послѣ его смерти».

На этомъ заканчиваются записки о. Василя, касающіеся Старца Варсонофія. Духовная связь ихъ продолжалась и продолжается, какъ мы увидимъ ниже.

Итакъ, угасъ великій старецъ и упокоился въ своей любимой Оптиной пустыни. Когда-то, восхищаясь Оптиной, онъ писалъ:

*...Наслѣдіе вѣковъ темный боръ
По сторонамъ ея раскинулся дремучій;
Въ немъ тишина, безмолвію просторъ,
Свобода полная для чувствъ святыхъ и думъ;
Лишь слышенъ тамъ порой деревьевъ шумъ,
Когда вершины ихъ колеблетъ вѣтръ летучій.
Ясный здѣсь небеса и чище ихъ лазурь...
Мірской яремъ нося, и скорбный совершая
Средь мрака и стремнинъ тернистый жизни путь,
Сподобился я видѣть отблескъ рая.*

*

* *

*Исчезнетъ безъ слѣда твоя печаль,
И ты увидишь, полный изумленья,
Иной страны сіяющую даль,
Страны живыхъ, страны обѣтованья...*

Глава XV.

Старецъ Θεодосій.

(† 1920 г.)

Ближайшимъ ученикомъ о. Варсонофія, назначенный на его мѣсто скитоначальникомъ и старцемъ оптинской братіи, былъ о. Θεодосій, свѣдѣнія о житіи котораго немногочисленны.

Изъ книги «Немногочетный старецъ» архим. Антонія (Медвѣдева), нынѣ архіеп. Санъ-Францискаго и Западно-американскаго, мы узнаемъ нѣкоторыя черты изъ жизни о. Θεодосія: «... про него рассказывали, что онъ, любя читать акаѳистъ Божіей Матери, желалъ знать его наизусть. И когда скончался его наставникъ, старецъ Θεодосій, завернувшись въ его одѣяло, вдругъ сталъ читать на память Богородичный акаѳистъ, получивъ этотъ даръ, какъ Елисей съ милотью Иліиною». Изъ той же книги мы узнаемъ, что о. Варсонофій въ день своего ухода въ монастырь былъ произведенъ въ генералы. Кромѣ того, тамъ говорится о дарѣ, который былъ присущъ о. Варсонофію — это даръ исповѣдывать «такъ, что ни одна душа не отходила отъ него, не открывшись ему вполне, не оставивъ чего-либо невыясненнымъ по недоумѣнію высказаться, или по забывчивости». Это мы выше показали на примѣрѣ нѣсколькихъ лицъ. То былъ даръ необычайной прозорливости.

Нѣсколько краткихъ чертъ изъ жизни о. Θεодосія, мы почерпаемъ изъ устныхъ рассказовъ шамординской монахини м. Александры Гурко, какъ, на примѣръ, о вѣрѣ о. Θεодосія въ святость его покойнаго старца: Собрался онъ какъ-то разъ въ Калугу по дѣламъ къ архіерею. Второпяхъ онъ не обратилъ вниманіе на рясу, которую ему подаль его келейникъ и тотъ уже въ

пути сознался, что подалъ ему рваную рясу. О. Θεодосій не только не огорчился, но даже обрадовался: ряса принадлежала его старцу и о. Θεодосій счелъ этотъ случай за доброе предзнаменованіе. И дѣйстви-тельно, дѣло его окончилось такъ, какъ онъ хотѣлъ.

О. Θεодосій, будучи духовнымъ сыномъ о. Варсонофія былъ его же духовникомъ. Однажды приходитъ о. Θεодосій къ старцу: «Батюшка, зоть къ вамъ вашъ сынокъ пришелъ!» — «Какой онъ мнѣ сынокъ», возразилъ, улыбаясь старецъ, «мы съ нимъ равня». Улыбнулся и самъ о. Θεодосій. Оба они знали, что онъ былъ именно «сынкомъ» и относился къ старцу съ младенческимъ смиреніемъ.

Послѣ кончины о. Варсонофій являлся многимъ изъ жившихъ въ скиту монахамъ. О. Θεодосій сильно огорчался, что неудостоинъ былъ такого видѣнія. Однажды онъ прилегъ на койку днемъ во время послѣобѣденнаго отдыха и вдругъ увидѣлъ, что прямо противъ него сидитъ покойный старецъ и пристально на него смотритъ. О. Θεодосій не могъ пошевелинуться отъ чувства благоговѣйной радости. Видѣніе продолжалось довольно долго и оставило надолго въ келліи ощущеніе благодати, которое сопровождало чудесное видѣніе.

Подобно своему старцу, о. Θεодосій обладалъ рѣдкимъ даромъ разсужденія. Также, какъ и онъ, о. Θεодосій отдавалъ много времени интеллигентной молодежи. И. М. Концевичъ присутствовалъ при томъ, какъ о. Θεодосій поучалъ молодыхъ художниковъ, наставляя ихъ противъ модернизма въ живописи. Среди нихъ былъ молодой Бруни.

Слѣдующіе разсказы характеризуютъ отношеніе старца о. Θεодосія къ подчиненнымъ ему скитскимъ братіямъ. Надо сказать, что мать его схимонахиня Анна была похоронена на скитскомъ кладбищѣ. У братіи сложилась вѣра, что мать Анна имѣетъ даръ смягчать гнѣвъ своего сына на милость въ случаѣ всякихъ провинностей... Поэтому они ходили на кладбище молиться на ея могилу. Однажды скитоначальникъ сильно пробралъ за какую-то вину одного изъ братій. Тотъ бросился на кладбище просить заступничества у м. Анны. Возвращаясь оттуда, онъ встрѣтилъ своего

только что прогнѣваннаго начальника. — «Гдѣ ты былъ?» — строго спросилъ его о. Ѳеодосій. — «У ма-тушки Анны», пробормоталъ испуганный братъ. О. игу-менъ зорко на него посмотрѣлъ, осѣнилъ его кре-стнымъ знаменіемъ и прошелъ молча дальше. О про-винности брата онъ больше не упоминалъ и вернулъ ему прежнее благоволеніе.

Въ другой разъ сильно провинился другой скит-скій монахъ. О. Ѳеодосій сдѣлалъ ему строгое внуше-ніе. Виноватый братъ всю ночь не спалъ, размышляя какъ бы ему вымолить прощеніе. Вдругъ подъ утро дверь его келліи открывается и къ нему входитъ самъ скитоначальникъ. Неуспѣлъ, перепуганный монахъ вскочить со своей койки, какъ старецъ упалъ ему въ ноги, прося у него прощеніе. Монахъ такъ и обомлѣлъ! Оказалось, что батюшка о. Ѳеодосій, замѣтивъ его горе и раскаяніе, самъ не спалъ всю ночь, жалѣя его и упрекая себя въ чрезмѣрной строгости.

Изъ жизни о. Ѳеодосія извѣстенъ единственный случай, когда онъ не поладилъ съ новымъ оптинскимъ настоятелемъ о. Исаакіемъ вторымъ. Продолжалось это недолго. Приходитъ батюшка о. Ѳеодосій къ на-стоятелю и сообщаетъ ему видѣнный имъ сонъ: оба они стояли на колѣняхъ передъ покойнымъ схимона-хомъ Николаемъ — отцомъ настоятеля, причемъ умер-шій на нихъ грозитъ. Задумался о. Исаакій и произ-несъ одно слово: «Чуетъ». Больше недоразумѣній ме-жду ними не было никогда.

Съ виду высокаго роста, полный, тихій и сосре-доточенный, о. Ѳеодосій слылъ мудрецомъ. Говорилъ басомъ, былъ смуглый съ просѣдью. Когда-то, гово-рятъ, былъ келейникомъ у Старца Нектарія. Къ нему мало людей ходило. Тяжело переживая революціон-ное лихолѣтіе, доставшееся на его долю скитоначаль-ничества, онъ скончался въ 1920 г.

Г л а в а XVI.

Старецъ Анатолій “Младшій”. († 1922)

СТАРЧЕСТВО о. АНАТОЛІЯ ДО РЕВОЛЮЦИИ.

I.

«Въ 1903 году я долженъ былъ ѣхать на призывъ въ воинское званіе изъ Петербурга на родину, въ Бѣлевъ Тульской губ. Поѣхалъ я съ своимъ сверстникомъ и товарищемъ Илюшей Картошкинымъ. Добрый онъ былъ юноша, но не зналъ духовной жизни, а тѣмъ паче монашеской. Говорю ему: — Илюша, хочешь со мною заѣхать въ Оптину пустынь, посмотрѣть монастырь, монашество, великихъ старцевъ? Тотъ отвѣчаетъ: — да я ничего ни о монашествѣ, ни о старцахъ не знаю, я готовъ.

Прибывъ въ городъ Козельскъ Калужской губ. въ пяти верстахъ отъ Оптиной, мы пошли пѣшкомъ чрезъ прекрасный, покрытый зеленью, лугъ. Онъ раскинулся передъ нашимъ взоромъ, какъ прекрасный коверъ, украшенный разноцвѣтными цвѣтами. А на склонѣ горы надъ рѣкой Жиздрой, виднѣлась Оптина — эта великая пустынь, Оиваида наша, Заіорданье...

Подошли къ Жиздрѣ. Тамъ паромъ насъ ждалъ, готовый переправить насъ чрезъ рѣку. Его обслуживали смиренные иноки Оптиной. И вотъ вступаемъ на почву святой обители, гдѣ все овѣяно трудами, подвигами оптинскихъ пустынножителей, ихъ слезами и молитвой — непрестанной... Сойдя съ парома, идемъ по шоссе къ гостиницамъ, ихъ было шесть. Все было занято, но такъ какъ у насъ было рекомендательное письмо отъ баронессы О. П. Менгденъ, почитательницы старцевъ, то отвели намъ скромный номеръ, на всякій случай оставленный. Спрашиваемъ — какъ пройти въ скитъ къ старцу Анатолію. Тогда онъ былъ еще іеро-

діакономъ, но къ нему уже ходили за совѣтами и указаніями. Идемъ къ старцу чрезъ монастырскій фруктовый садъ, минуемъ ограду монастырскую, попадаемъ въ монастырскій лѣсъ — сосновый, величественный, деревья въ два-три обхвата. Идемъ дорожкой, ведущей прямо въ скитъ.

Вотъ, наконецъ, подходимъ. Видимъ колокольню скита. Направо — хибарка. Это — домъ, гдѣ жили великіе Старцы Оптинскіе. Еще направо — домикъ скитоначальника. Подходимъ къ воротамъ. Стучимъ. Выходитъ согбенный монахъ: — что вамъ надо? Отвѣчаемъ, что пришли передать письмо отъ О. П. Менгденъ старцу Анатолю.

Послѣдній принялъ насъ съ любовію. Въ бесѣдѣ съ нимъ открылся намъ даръ его прозорливости... На всю жизнь осталась память объ этой бесѣдѣ...

Послѣ сего я каждый годъ посѣщалъ Оптину и старцевъ пустыни. И память объ этихъ посѣщеніяхъ до сего времени укрѣпляетъ и утверждаетъ меня грѣшнаго въ вѣрѣ и благочестіи.»

Отъ этого радостнаго впечатлѣнія, будущаго канадскаго миссіонера, Архимандрита Амвросія (Коновалова) вѣетъ свѣжестью полевыхъ цвѣтовъ, солнцемъ, юности и жизнерадостности. Таковъ и духовный обликъ великаго оптинскаго подвижника — Старца Анатоля, по прозванію «Младшаго», въ отличіе отъ Скитоначальника Анатоля «Старшаго» Зерцалова. Хотя онъ и вошелъ въ исторію оптинскаго старчества какъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ и любимыхъ старцевъ, однако біографическихъ свѣдѣній о немъ почти нѣтъ. Но и то малое, что нынѣ предлагается, чуткому сердцу должно указать на великое.

Съ юныхъ лѣтъ возжелалъ Александръ Потаповъ стать монахомъ и уйти въ монастырь. Но мать его этого не хотѣла, и онъ, подобно Преп. Сергію Радонежскому, поступилъ въ монастырь только послѣ ея смерти. Многіе годы онъ провелъ въ скиту келейникомъ у великаго Амвросія и послѣ его смерти, будучи еще іеродіакономъ уже старчествовалъ въ скиту, и вскорѣ сталъ общепризнаннымъ старцемъ Оптиной Пустыни.

Прот. Сергій Четвериковъ, въ своей книгѣ объ Оптинѣ, пишетъ объ о. Анатолиі: «Мнѣ пришлось быть

у него въ 1905 г. въ его маленькой, тѣсной келліи въ глубинѣ скита. Рядомъ съ нимъ, въ другой келліи, помѣщался о. Нектарій. Мы сидѣли втроемъ, за самоваромъ, у о. Анатолія. Небольшого роста, немного сгорбленный, съ чрезвычайно быстрой рѣчью, увлекающійся, любовный, о. Анатолій уже тогда оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Шесть лѣтъ спустя я снова увидѣлъ о. Анатолія уже въ санѣ іеромонаха. Онъ жилъ уже не въ скиту, а въ монастырѣ, при церкви Владимірской иконы Божіей Матери, и пользовался уже большой извѣстностью, какъ общепризнанный старецъ. Около него уже создавалась та особенная духовная атмосфера любви и почитанія, которая окружаетъ истинныхъ старцевъ, и въ которой нѣтъ ни ханжества, ни истеричности. О. Анатолій и по своему внѣшнему согбенному виду, и по своей манерѣ выходить къ народу въ черной полу-мантіи, и по своему стремительному, радостно-любовному и смиренному обращенію съ людьми напоминалъ преп. Серафима Саровскаго. Обращала на себя вниманіе его особенная, благоговѣйная манера благословлять, съ удержаніемъ нѣкоторое время благословляющей руки около чела благословляемаго. Въ немъ ясно чувствовались духъ и сила первыхъ Оптиныхъ старцевъ. Съ каждымъ годомъ возрастала его слава и умножалось число посѣтителей.»

Съ юныхъ лѣтъ впиталъ онъ духъ оптинскаго подвижничества — суровое напряженное бодрствованіе духа, скрытаго въ своей келліи, той «разсѣлины въ скалѣ, гдѣ Господь говорилъ къ Моисею», по выраженію преп. Исаака Сирина, съ одной стороны, и съ другой — простое искреннее отношеніе ко всему внѣшнему, видимому, какъ къ братіи, посѣтителямъ, природѣ, свѣту Божію. Уставной ходъ жизни обители съ ея богослуженіемъ, старцами, насыщенной духовно-просвѣтительной дѣятельностью воспитали въ немъ внутренне великаго аскета, дѣлателя Іисусовой молитвы, проводившаго ночи напролетъ въ молитвѣ, искуснаго борца съ врагомъ рода человѣческаго, а внѣшне выдающагося общественнаго дѣятеля, воспитавшаго тысячи русскихъ душъ въ основѣ истинно христіанскаго благочестія. Неспроста онъ высоко цѣнилъ Святителя Тихона

Задонскаго, и какъ величайшую драгоцѣнность, дарилъ людямъ его книгу «Объ Истинномъ Христіанствѣ». Уже почти полвѣка спустя одинъ его духовный сынъ съ трепетомъ воспоминаетъ: «Еще въ 1921 году, благословляя меня на пастырство, старецъ Анатолій сказалъ мнѣ: «Возьми «Истинное Христіанство» Тихона Задонскаго и живи по его указанію»¹⁾.

Усвоивъ основы монашескаго духовничества у великаго Амвросія, отецъ Анатолій властно руководилъ монашеской внутренней жизнью. Откровеніе помысловъ самое сильное оружіе въ рукахъ духовника и старца. Пишущему эти строки не разъ приходилось присутствовать въ Оптиной Пустыни, когда старецъ іеросхимонахъ Анатолій принималъ отъ монаховъ исповѣданіе помысловъ. Эта сцена производила сильное впечатлѣніе. Сосредоточенно, благоговѣйно подходили монахи одинъ за другимъ къ старцу. Они становились на колѣни, беря благословеніе, обмѣнивались съ нимъ въ этотъ моментъ нѣсколькими короткими фразами. Нѣкоторые быстро, другіе немного задерживались. Чувствовалось, что старецъ дѣйствовалъ съ отеческой любовью и властію. Иногда онъ употреблялъ внѣшніе приемы. Напримѣръ, ударялъ по лбу, склоненнаго предъ нимъ монаха, вѣроятно, отгоняя навязчивое прираженіе помысловъ. Всѣ отходили успокоенные, умиротворенные, утѣшенные. И это совершалось 2 раза въ день, утромъ и вечеромъ. Поистинѣ — «житіе» въ Оптиной было безпечальное и, дѣйствительно, всѣ монахи были ласковомиленные, радостные или сосредоточенно-углубленные. Нужно видѣть своими глазами результатъ откровенія помысловъ, чтобы понять все его значеніе. Настроеніе святой радости, охватывающее все существо принесшаго исповѣдь старцу, описываетъ одинъ древній инокъ въ такихъ словахъ: «Я исполнился неизглаженной радости, чувствуя свой разсудокъ очищеннымъ отъ всякой скверной похоти. Я наслаждался толикой чистотой, что невозможно сказать. Свидѣтельствуетъ объ этомъ сама истина, и я укрѣпился твердой вѣрой въ Бога и мноюю любовью... Я былъ безстрастнымъ и безплотнымъ, осѣненнымъ Божиимъ просвѣщеніемъ и

¹⁾ «Православная Русь», 1969, № 18.

созданнымъ Его велѣніемъ» (Палест. Патер., вып. II, 95-96).

Съ посѣтителями обходъ былъ такой. Обычно о. Анатолій выходилъ въ сѣни и благословлялъ каждого короткимъ, быстрымъ крестнымъ знаменіемъ, слегка ударяя вначалѣ нѣсколько разъ по лбу пальцами, какъ бы вѣдряя и запечатлѣвая крестное знаменіе. Маленькаго роста, необычайно живой и быстрый въ движеніяхъ, онъ, обходя всѣхъ, отвѣчалъ на задаваемые вопросы, а затѣмъ принималъ нѣкоторыхъ отдѣльно для бесѣды у себя въ келліи. Любовь и ласковость обращенія привлекали всегда къ о. Анатолію толпы людей. Помню, какъ во время своей болѣзни, о. Анатолій, не выходя изъ келліи, только подошелъ къ окну и сквозь стекло благословлялъ стеченіе народа, сосредоточенное снаружи у окна. Увидѣвъ его, вся толпа припала къ землѣ.

У него была грыжа и часто онъ принималъ сидя на маленькой скамеечкѣ, а люди наклонялись, подходя вродѣ очереди. Батюшка постучить по лбу «цокъ, цокъ, цокъ», и благословить. Тѣмъ временемъ на дворѣ опять набралось народу, ждутъ благословенія. Ему келейники говорятъ: «Батюшка, отпустите людей». Встанетъ къ окошку своей келіички и благословить. Народъ молча и чинно съ благоговѣніемъ расходится. И на сердцѣ тихо, тихо и мирно.

«Подлѣ келліи о. Анатолія толпился народъ», описываетъ князь Н. Д. Жеваховъ, посѣтившій Оптину Пустынь почти наканунѣ революціи въ связи со своимъ назначеніемъ товарища оберъ-прокурора св. Синода. «Тамъ были преимущественно крестьяне, прибывшіе изъ окрестныхъ селъ и сосѣднихъ губерній. Они привели съ собой своихъ больныхъ и искалѣченныхъ дѣтей, и жаловались, что потратили безъ пользы много денегъ на леченіе... Одна надежда на батюшку Анатолія, что вымолить у Господа здравіе неповиннымъ».

Съ болью въ сердцѣ смотрѣлъ я на этихъ дѣйствительно неповинныхъ, несчастныхъ дѣтей, съ запущенными болѣзнями, горбатыхъ, искалѣченныхъ, слѣпыхъ... Всѣ они были жертвами недосмотра родительскаго, всѣ они росли безъ присмотра со стороны старшихъ, являлись живымъ укоромъ темнотѣ, косности и невѣжеству

деревни... Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ стояла другая группа крестьянъ, человекъ восемнадцать, съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Они ждали «собороваться» и были одѣты по праздничному. Я былъ нѣ-

Старецъ Анатолій (Потаповъ).

сколько удивленъ, видя передъ собой молодыхъ и здоровыхъ людей и искалъ среди нихъ больного. Но больныхъ не было: всѣ оказались здоровыми. Только позднѣе я узналъ, что въ Оптину ходили собороваться совершенно здоровые физически, но больные духомъ люди, придавленные горемъ, житейскими невзгодами, страдающіе запоемъ... Глядя на эту массу вѣрующаго на-

рода, я видѣлъ въ ней одновременно сочетаніе грубаго невѣжества и темноты съ глубочайшей мудростью. Эти темные люди знали, гдѣ Истинный Врачъ душъ и тѣлесъ: они тянулись въ монастырь, какъ въ духовныя лѣчебницы и никогда ихъ вѣра не посрамляла ихъ, всегда они возвращались возрожденными, обновленными, закаленными молитвою и бесѣдами со старцами. Вдругъ толпа заволновалась; всѣ бросились къ дверямъ келліи. У порога показался о. Анатолій. Маленькій, сгорбленный старичекъ, съ удивительно юнымъ лицомъ, чистыми, ясными дѣтскими глазами, о. Анатолій чрезвычайно располагалъ къ себѣ. Я давно уже зналъ батюшку и любилъ его. Онъ былъ воплощеніемъ любви, отличался удивительнымъ смиреніемъ и кротостью, и бесѣды съ нимъ буквально возрождали человѣка. Казалось не было вопроса, который бы о. Анатолій не разрѣшилъ; не было положенія, изъ котораго этотъ старичекъ Божій не вывелъ своею опытною рукою заблудившихся въ дебряхъ жизни, запутавшихся въ сѣтяхъ сатанинскихъ. . . Это былъ воистину «старецъ», великій учитель жизни. При видѣ о. Анатолія толпа бросилась къ нему за благословеніемъ, и старецъ медленно, протискиваясь сквозь толпу народа, направился къ крестьянамъ, ожидавшимъ соборованія и приступилъ къ таинству елеосвященія. Я улучилъ моментъ, чтобы просить о. Анатолія принять меня наединѣ.

«Сегодня, въ 4 часа, предъ вечерней» — отвѣтилъ на ходу о. Анатолій.»

Въ началѣ бесѣды князь сказалъ старцу: «Иной разъ такъ тяжело отъ всякихъ противорѣчій и перекрестныхъ вопросовъ, что я боюсь даже думать. . . Такъ и кажется, что сойду съума отъ своихъ тяжелыхъ думъ». . .

— «А это отъ гордости» — отвѣтилъ о. Анатолій.

— «Какая тамъ гордость, батюшка» — возразилъ я, «кажется мнѣ, что я самъ себя боюсь; всегда я старался быть вездѣ послѣднимъ, боялся людей, сторонился и прятался отъ нихъ». . .

— «Это ничего; и гордость бываетъ разная. Есть гордость мірская — это мудрованіе; а есть гордость духовная — это самолюбіе. Оно и точно, люди воистину съума сходятъ, если на свой умъ полагаютъ, да отъ

него всего ожидаютъ. А куда же нашему уму, ничтожному и зараженному, браться не за свое дѣло.

Бери отъ него то, что онъ можетъ дать, а большаго не требуй... Нашъ учитель — смиреніе. Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. А благодать Божія это все... Тамъ тебѣ и величайшая мудрость. Вотъ ты смирись и скажи себѣ: «хотя я и песчинка земная, но и обо мнѣ печется Господь, и да свершается надо мной воля Божія». Вотъ если ты скажешь это не умомъ только, но и сердцемъ, и дѣйствительно смѣло, какъ подобаетъ истинному христіанину, положишься на Господа, съ твердымъ намѣреніемъ безропотно подчиняться волѣ Божіей, какова бы она не была, тогда разсѣются предъ тобою тучи и выглянетъ солнышко, и освѣтитъ тебя и согрѣетъ, и познаешь ты истинную радость отъ Господа и все покажется тебѣ яснымъ и прозрачнымъ, и перестанешь ты мучиться, и легко станетъ тебѣ на душѣ».

Я почувствовалъ, какъ затрепетало мое сердце отъ этихъ словъ... Какъ глубоко и какъ просто — подумалъ я.

О. Анатолій между тѣмъ продолжалъ:

«Трудно было бы жить на землѣ, если бы и точно никого не было, кто бы помогъ намъ разбираться въ жизни... А вѣдь надъ нами Самъ Господь Вседержитель, Сама Любовь... Чего же намъ бояться, да сокрушаться, зачѣмъ разбираться въ трудностяхъ жизни, загадывать, да разгадывать... Чѣмъ сложнѣе и труднѣе жизнь, тѣмъ меньше нужно это дѣлать... Положись на волю Господню, и Господь не посрамитъ тебя. Положись не словами, а дѣлами... Оттого и трудною стала жизнь, что люди запутали ее своимъ мудрованіемъ, что, вмѣсто того, чтобы обращаться за помощью къ Богу, стали обращаться къ своему разуму, да на него полагаться... Не бойся ни горя, ни страданій, ни всякихъ испытаній: все это посѣщеніи Божіи, тебѣ же на пользу... Предъ кончиною своей будешь благодарить Бога не за радости и счастье, а за горе и страданія, и чѣмъ больше ихъ было въ твоей жизни, тѣмъ легче будешь умирать, тѣмъ легче будетъ возноситься душа твоя к Богу».

II.

Великій старецъ «Тихаго пріюта для отдыха страдающей души»²⁾.

Помимо главныхъ трехъ храмовъ, Введенскаго, Преп. Маріи Египетской и Казанской Божьей Матери, есть еще одинъ храмъ въ Оптиной пустыни — храмъ Владимірской Богоматери. Онъ представляетъ собой для мірскихъ людей главный интересъ, тѣмъ, что при этомъ храмѣ находится келья самаго популярнаго изъ старцевъ нашего времени о. Анатолія. Такъ какъ этотъ старецъ принимаетъ почти безъ ограниченія времени всѣхъ, то этотъ храмъ бываетъ почти всегда открытъ и постоянно переполненъ народомъ. Бываетъ нерѣдко такъ, что въ монастырѣ полное затишье, не видно даже монаховъ, а около храма Владимірской Богоматери, гдѣ келья старца Анатолія, сидитъ много народу и ожидаютъ очереди пріема. Принимаетъ онъ, кажется, до глубокой полуночи, такъ что приходится удивляться, какъ управляется со своей тяжелой обязанностью этотъ маленькій, тщедушный, Богоугодный старичекъ.

Отличительной чертой этого, по истинѣ Божьяго человѣка, служитъ его изумительно любовное отношеніе къ людямъ.

И, глядя на него, невольно хочется воскликнуть: «какое это великое вмѣстилище любви!»

Вѣчно привѣтливый, постоянно ласковый, изумительно сердечный, готовый, кажется, всего самого себя, всю свою душу, всю свою жизнь отдать тому, кто приходитъ къ нему съ той или другой нуждой, съ той или другой скорбью.

Когда я пріѣхалъ къ старцу, у него была, какъ всегда, масса народу. Здѣсь я встрѣтилъ совершенно случайно одного своего добраго знакомаго.

Разговорились, оказывается онъ иногда посѣщаетъ этого, «святѣйшаго изъ святыхъ при жизни», старца. Старецъ Анатолій, помимо словъ назиданія, привѣта, любви, очень часто даетъ посѣтителямъ книжечки, которыя почти всегда или своимъ названіемъ, или своимъ внутреннимъ назиданіемъ отвѣчаютъ на какой либо запросъ, на какую либо нужду посѣтителя, и присматри-

²⁾ Изъ книги В. П. Быкова «Тихіе пріюты для отдыха страдающей души», Москва, 1913 г., стр. 125, 226-231.

ваясь къ этой раздачѣ, можно наблюдать феномены провидѣнія старца въ даль грядущаго.

Среди никогда непрерывающейся цѣпи ожидающихъ пріема посѣтителей всегда идетъ живой обмѣнъ впечатлѣніями, мыслями по поводу какого-либо предсказанія или указанія старца.

Вотъ, направо, вслушиваемся въ рассказъ одного крестьянина. Рассказчикъ очевидно здѣшній ямщикъ.

— Вотъ всегда обращаюсь къ этому дорогому батюшкѣ. Онъ мнѣ въ трудныя минуты все равно, что, ангелъ хранитель, какъ скажетъ, такъ ужъ точно обрѣжетъ. Все правильно, по его такъ и бываетъ. Я никогда не забуду такой случай. Отдѣлился я отъ отца, вышелъ изъ дому. Всего въ карманѣ денегъ 50 руб. Жена, ребяташки, а самъ не знаю, куда и голову приклонить. Пошелъ къ эконому здѣшняго монастыря, лѣску на срокъ попросить; обитель-то здѣшняя, дай имъ Богъ добраго здоровья, все-таки поддерживаесть насъ. Возьму, думаю, у него это лѣску, да кое-какъ и построюсь. Пришелъ, но эконому, оказывается, не тутъ-то было. Что ему по-притчилось, Господь его знаетъ. Не могу, — да и только. Я было и такъ, и сякъ, ничего не выходитъ. Ну, знамо дѣло, пришелъ домой, говорю женѣ: «одно намъ теперь бесплатное удовольствіе предоставлено, ложись и умирай». Сильно я закручинился, и первымъ это дѣломъ, по нашему, по деревенскому, рассчиталъ пропить всѣ эти деньги, оставивъ бабу съ ребятами въ деревнѣ, а самому въ Москву — въ работники. Но, не даромъ говорятъ, — утро вечера мудренѣе. На утро всталъ, и первая мысль въ голову: «сходи къ старцу Анатолію, да и только». Дѣлать нечего, всталъ одѣлся, иду. Прихожу вотъ такъ, какъ сейчасъ, народу видимо и невидимо. Гдѣ, думаю, тутъ добратъся, да побесѣдовать; хоть бы подъ благословіе-то подойти. Только это я подумалъ, анъ, глядь, отворяется дверь изъ кельи, и выходитъ старецъ Анатолій. Всѣ двинулись къ нему подъ благословіе. Протискиваюсь и я. А у него, у старца-то, такой уже обычай, когда онъ осѣняетъ святымъ благословіемъ, то онъ въ лобикъ-то, такъ, какъ будто, два раза ударяетъ и кладетъ благословіе медленно, чинно, такъ что иногда за это время нѣсколько словечекъ ему сказать можно. Такъ я рѣшилъ сдѣлать и здѣсь. Онъ благословляетъ,

а я говорю въ это время: погибаю я, батюшка, совѣмъ, хоть умирай. — Что такъ? — Да вотъ такъ и такъ, говорю, насчетъ дома. Покаялся ему, что и деньги пропить рѣшилъ. Вѣдь сами знаете, если хочешь правильный отвѣтъ отъ старца получить, долженъ все ему сказать по порядку. Остановился это старецъ, какъ будто, задумался, а потомъ и говорить: не падай духомъ, черезъ три недѣли въ свой домъ войдешь. Еще разъ благословилъ меня, и вѣрите ли, вышелъ я отъ него, какъ встрепанный. Совѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ. Ожилъ. Откуда и какъ это можетъ случиться, что я черезъ три недѣли въ свой домъ войду? Я и не раздумывалъ, а зналъ, что это непременно будетъ, потому что старецъ Анатолій такъ сказалъ. Такъ, что же бы вы думали: вечеромъ этого дня нанимаетъ меня сѣдокъ въ Шамордино. Ъду черезъ деревню (слѣдуетъ названіе деревни) и вдругъ меня окликаетъ чей-то голосъ: «слушай, скажи тамъ своимъ въ деревнѣ, что не хочетъ ли кто срубъ у меня купить... Хорошій срубъ, отдамъ за четвертную и деньги въ разсрочку».

Понимаете, чудо-то какое?

Конечно, срубъ я оставилъ за собою, а на другой день опять къ отцу эконому; тотъ на этотъ разъ былъ помягче, согласился. И черезъ три недѣли на четвертуюто, мы съ женою ходили ужъ благодарить старца Анатолія изъ своего собственнаго дома... Вотъ онъ какой, старецъ Анатолій-то!..

И много такихъ разсказовъ раздается вокругъ святой кельи этого подвижника духа.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, распахнулась дверь кельи, вышелъ старецъ и началъ благословлять всѣхъ, находившихся здѣсь. Когда дошла очередь до меня, я съ своей спутницей испросилъ разрѣшенія побесѣдовать съ нимъ нѣсколько минутъ. Старецъ тотчасъ же принялъ меня. Мы вошли въ большую, свѣтлую комнату, украшенную, конечно, образами, портретами иноковъ. Старецъ вступилъ съ нами въ бесѣду.

Онъ, оказывается, уроженецъ Москвы, гдѣ у него и сейчасъ имѣются родственники. Я ему разсказалъ все свое прошлое, дѣятельность своего послѣдняго времени, переживанія. Онъ благословилъ меня на дальнѣйшую работу въ томъ же направленіи, а затѣмъ преподаль

очень много удивительно цѣнныхъ совѣтовъ и назиданій для будущаго. Во-первыхъ, меня поразило то, что всѣ эти совѣты и назиданія его съ поразительной точностью совпали съ назиданіями и совѣтами другихъ старцевъ въ прошломъ году; а затѣмъ меня тронула та изумительная любовность, теплота и мягкость въ обращеніи, которыхъ я дѣйствительно нигдѣ и никогда не встрѣчалъ.

Какое-то чудное, неотразимое вліяніе оказываетъ онъ этими своими духовными качествами на человѣка, прямо не хочется уходить изъ его кельи; отрываться отъ упоительнаго созерцанія той духовной красоты, находясь подъ вліяніемъ которой, мнѣ кажется, можно изъ самаго закоренѣлаго грѣшника превратиться въ хорошаго чистаго человѣка.

Каждый его поступокъ, каждое его движеніе, каждый его шагъ, — все, какъ будто, говоритъ само собою за непреодолимое желаніе его чѣмъ-нибудь утѣшить человѣка, что-нибудь доставить ему большое, пріятное.

Если такъ можно выразиться, у того старца въ Оптиной пустыни преизбыточествуетъ по отношенію ко всѣмъ одинаковое чувство какой-то **м а т е р и н - с к о й** любви.

Въ желаніи сдѣлать пріятное и мнѣ, старецъ подарилъ мнѣ деревянную чашу работы оптинскихъ монаховъ съ весьма знаменательной надписью на ней: «Богъ Господь простираетъ тебѣ Свою руку, дай Ему свою». Затѣмъ далъ мнѣ книжечку: «Нѣкоторыя черты изъ жизни приснопамятнаго основателя Алтайской духовной миссіи архимандрита Макарія Глухарева»; потомъ: «Ученіе о благихъ дѣлахъ, необходимое для вѣчнаго спасенія»; далѣе: «Не осуждать, а молчать труда мало, а пользы много»; «Какъ живетъ и работаетъ Государь Императоръ Николай Александровичъ»; «Молитвы ко Пресвятой Богородицѣ, Нила Сорскаго».

И всѣ эти книги, когда я ихъ потомъ просмотрѣлъ, дѣйствительно оказались чрезвычайно полезными и безусловно необходимыми **и м е н н о** мнѣ. Какъ для примѣра, укажу на слѣдующее: имѣя страшную массу работы по перепискѣ, по подготовкѣ къ лекціямъ, къ бесѣдамъ частнаго характера, благодаря почти непре-

рывнымъ посѣщеніямъ людей, интересующихся совершившимся во мнѣ переворотомъ, равно какъ и другими вопросами, — я всегда затруднялся, какъ распредѣлять свое рабочее время и свою работу; и нигдѣ не могъ найти на этотъ предметъ прямого указанія. Каково же было мое удовольствіе, когда въ книжкѣ: «Какъ живетъ и работаетъ Государь Императоръ», я увидалъ способъ равномернаго распредѣленія работъ, въ видѣ записи въ началѣ дня ихъ распорядка. Это сразу устроило меня и избавило отъ чрезвычайно непріятныхъ затрудненій.

ПРОЗОРЛИВОСТЬ СТАРЦА АНАТОЛІЯ.

1. Разсказъ м. Николаи.

Мать Матрона (Зайцева), въ постриженіи въ мантию съ именемъ Николай, нынѣ здравствующая въ Баръ-Градѣ въ Италіи, сообщила намъ слѣдующее:

«Восьми лѣтъ я осиротѣла, 14-ти я ушла въ монастырь по благословенію одного прозорливаго старца— о. Аѳанасія. Монастырь былъ бѣдный, а я еще бѣднѣе. Тамъ прожила 5 лѣтъ. Поѣхала въ Оптину Пустынь за благословеніемъ перемѣнить обитель. Въ то время былъ еще живъ о. Іосифъ. Я спросила его какъ и куда лучше, а батюшка Іосифъ сидѣлъ на диванѣ въ бѣломъ подрясникѣ, какъ ангелъ и смотрѣлъ въ крестъ своихъ четокъ и говоритъ, что нѣтъ благословенія мѣнять обитель, а надо продолжать жить на мѣстѣ. И я успокоилась, получивъ благословеніе и у о. Анатолія.

Потомъ поѣхала въ 1909 году и отъ радости сказала: «Видите, Батюшка, я опять пріѣхала?» А Батюшка мнѣ отвѣтилъ: «Это что, что пріѣхала къ намъ, вотъ черезъ 4 года поѣдешь въ Италію». Вотъ тутъ я ничего не отвѣтила, рѣшивъ хранить это, какъ тайну, спросить не смѣла, а думать еще больше. Вотъ прошло 2 года. Поѣхала опять. Заѣхала въ Калугу, тамъ встрѣтила блаженнаго Никитушку, который мнѣ сказалъ, что я два года какъ нибудь проживу и велѣлъ сказать Батюшкѣ Анатолію, что я его встрѣтила. Батюшка удивился и сказалъ, что онъ великій человѣкъ. А я говорю: «Вотъ блаженный Никитушка мнѣ сказалъ, что я проживу 2

года, видимо я умру», а Батюшка Анатолій отвѣчаетъ: «Нѣтъ, это не къ смерти, а къ перемѣнѣ, черезъ два года будетъ перемѣна. Вотъ нашъ Архимандритъ Варсонофій прожилъ 11 лѣтъ и его перевели въ Голутвинъ. Такъ и тебѣ будетъ перемѣна.» Но и тутъ я не смѣла спросить, такъ вѣдь я помнила о четырехъ годахъ, какъ было ранѣе сказано, терпѣла и ждала.

Вотъ въ 1913 году комитетъ рѣшилъ приступить къ постройкѣ подворья въ Бари. Рѣшили взять меня туда. Въ это время одна семья поѣхала въ Оптину Пустынь, съ нею Батюшка о. Анатолій прислалъ мнѣ иконку и говоритъ: «Скажите ей: вѣдь не вѣрила, а вотъ Богъ благословитъ, пусть ѣдетъ». Батюшка показалъ мнѣ адресъ, гдѣ я буду жить, но я, конечно, не помню.

Прожила годъ съ большимъ трудомъ, пишу: «Батюшка, благословите пріѣхать. Здѣсь очень трудно, вѣдь я привыкла быть въ монастырѣ». Батюшка мнѣ отвѣтилъ: «Богъ благословитъ, пріѣзжай». Я такъ обрадовалась, и даже не стала ждать разрѣшенія отъ Палестинскаго Общества, такъ, думаю, зачѣмъ? Вѣдь я больше не вернусь въ Бари. Въ то время были наши Тульскіе паломники, я уѣхала въ Іерусалимъ, а потомъ домой.

Черезъ три дня была уже въ Оптиной Пустыни. Прихожу къ Батюшкѣ Анатолію, первое его слово: «Ну, что, побывала въ Іерусалимѣ?» — «Да, Батюшка, Вашими святыми молитвами». — «Ну, вотъ побудешь у насъ, а потомъ обратно». — «Обратно? Нѣтъ, Батюшка, я больше не поѣду въ Бари. Я уже сдала свой паспортъ, да я теперь больше не состою на службѣ. Вѣдь я уѣхала, не получивъ разрѣшенія». Батюшка отвѣтилъ: «Это ничего, все будетъ хорошо». Прожила я въ Оптиной почти двѣ недѣли и все время Батюшка говорилъ: «Вѣдь твой домъ въ Бари». А я все говорю: «Нѣтъ, нѣтъ! Я не поѣду въ Бари!» Наконецъ, рѣшилась сказать: «Батюшка, вѣдь вы меня благословили пріѣхать, а теперь вотъ надо обратно ѣхать». Батюшка отвѣтилъ: «Да, очень хорошо, что пріѣхала — насъ повидаетъ и своихъ родныхъ. Вѣдь ничего не знаешь, что будетъ». И Батюшка сказалъ, подойдя къ образу Божіей Матери: «Матерь Божія! Тебѣ ее

поручаю. Управь Ты Сама». Послѣ этихъ словъ я не смѣла ничего говорить, а только слушала, и я стала просить благословенія уѣхать. Батюшка спрашиваетъ: «Куда?» — Я отвѣчаю: «Въ Тулу». — «Не въ Тулу, а въ Бари. Но теперь вотъ я скажу день, когда надо ѣхать въ Москву къ моимъ духовнымъ дѣтямъ, войти въ три дома, но только не заѣзжая въ Тулу». Я, конечно, по неопытности заѣхала на одинъ день въ Тулу, а когда пріѣхала въ Москву, мнѣ говорятъ: «А какъ жалко, что не пріѣхали вчера, такъ какъ былъ вашъ предсѣдатель тутъ». Ну, ничего, стали спрашивать какъ и что. Я сказала, что не хотѣла возвращаться въ Бари, тутъ, конечно, дѣтки Батюшки стали уговаривать, и что они все устроятъ, по старому все будетъ. Хорошо. Пришлось взять обратно паспортъ и ѣхать. Батюшка говорилъ, что тамъ Князь поможетъ во всемъ. «Гдѣ, Батюшка, Князь? Вѣдь Князь въ Петербургѣ, а я ѣду въ Бари!» И мы пріѣхали въ одинъ день, какъ будто сговорились».

На этомъ мы прерываемъ разсказъ Матери Николаи и продолжимъ его въ жизнеописаніи Старца Нектарія, ибо рѣчь будетъ идти о немъ.

2. Разсказъ Елены Карцовой (1916 г., осень).

Написали мнѣ, что старецъ Анатолій Оптинскій собирается въ Петербургъ и остановится у купца Усова.

Всѣ мы втроемъ — братъ, сестра и я — въ положенный день отправились къ Усовымъ. Купецъ Усовъ былъ извѣстнымъ благотворителемъ, мірскимъ послушникомъ оптинскихъ старцевъ. Когда мы вошли въ домъ Усовыхъ, мы увидѣли огромную очередь людей, пришедшихъ получить старческое благословеніе. Очередь шла по лѣстницѣ, до квартиры Усовыхъ и по заламъ и комнатамъ ихъ дома. Всѣ ждали выхода старца. Ожидало приѣма и семейство Волжиныхъ — Оберъ-прокурора св. Синода. Въ числѣ ожидающихъ стоялъ одинъ еще молодой архимандритъ, который имѣлъ очень представительный и въ себѣ увѣренный видъ. Скоро его позвали къ старцу. Тамъ онъ оставался довольно долго. Кое-кто изъ публики возроп-

талъ по сему поводу, но кто-то, изъ здѣсь же стоящихъ, возразилъ, что старецъ не безъ причины его такъ долго держать. Когда Архимандритъ вышелъ, — онъ былъ неузнаваемъ: вошелъ къ старцу одинъ человѣкъ, а вышелъ совсѣмъ другой! Онъ былъ низко согнутый и весь въ слезахъ, куда дѣвалась гордая осанка! Ихъ тайный разговоръ одному Богу извѣстенъ! Вскорѣ показался самъ старецъ и сталъ благословлять присутствующихъ, говоря каждому нѣскольکو словъ. Отецъ Анатолій внѣшностью очень походилъ на иконы преп. Серафима: такой же любвеобильный, смиренный обликъ. Это было само смиреніе и такая, непередаваемая словами, любовь. Нужно видѣть, а выразить въ словахъ — нельзя! Когда мы шли къ Усовымъ, братъ и сестра заявили, что имъ нужно отъ старца только его благословеніе. Я же сказала имъ, что очень бы хотѣла съ нимъ поговорить. Когда до насъ дошла очередь, старецъ благословилъ брата и сестру, а мнѣ говоритъ: «А вѣдь ты поговорить со мной хотѣла? Я сейчасъ не могу — приди вечеромъ». Старецъ уразумѣлъ мое горячее желаніе, хотя я не выразила его словами! Вечеромъ я снова вернулась къ Усовымъ. Много лицъ сидѣло и дожидалось очереди быть принятыми старцемъ. Члены семьи Усовыхъ стали упрекать сидѣвшую публику въ томъ, что люди чрезмѣрно обременяютъ слабого и болѣзненнаго старца. Принимаетъ онъ людей всѣ ночи напролетъ. Ноги его въ ранахъ, страдаетъ онъ грыжей, онъ чуть живой. Мнѣ стало стыдно отнимать время у старца и я ушла домой, не повидавши его. Но теперь думаю, что если прозорливый старецъ сказалъ придти, надо было не уходить, а дожидаться пріема. Какъ мнѣ потомъ рассказывала моя тетя Елена Александровна, близко знавшая весь оптинскій бытъ, старецъ о. Анатолій вообще почти не спалъ, весь себя отдавая молитвѣ и служенію людямъ. Единственно, когда онъ себѣ позволялъ отдыхъ — это было на утрени во время чтенія каѳизмъ, когда всѣ въ церкви садились. Тогда старецъ позволялъ себѣ вздремнуть. Нѣкоторые, не знавшіе его повседневной жизни, удивлялись, что старецъ спитъ въ церкви, но вѣдь это были единственныя минуты его отдыха за всѣ сутки.

Недаромъ ноги его были въ ранахъ отъ стоянія и было страданіе грыжей отъ земныхъ поклоновъ. У меня до сихъ поръ хранится присланный мнѣ въ 1907 г. черезъ тетю образъ святителя Николая — моего небеснаго покровителя.

3. Разсказъ О. Н. Т. изъ Австраліи.

Одна молодая дѣвица, давши слово своему жениху тайно отъ родныхъ, рвется на курсы сестеръ милосердія, чтобы попасть на войну. Мать рѣшила поѣхать къ старцамъ, дабы поступить такъ, какъ они посовѣтуютъ, Осенью 1915 года онѣ пріѣхали въ Оптину. «Отдохнувши съ дороги», говоритъ О. Н. Т., «я подошла къ кельѣ батюшки; взошла и сѣла въ пріемной, а въ душѣ думаю: какъ хорошо, что я одна попадаю къ старцу безъ мамы. Старецъ, конечно, меня благословитъ идти на войну, когда я попрошу его, а мама поневолѣ отпуститъ меня». Вижу, дверь изъ кельи въ пріемную открывается и входитъ маленькій старичекъ-монахъ въ подрясникъ и кожаномъ широкомъ поясѣ, и прямо направляется ко мнѣ со словами: «А ну-ка, иди ко мнѣ». У меня, что называется, «душа въ пятки ушла» при этихъ словахъ батюшки. Но я вижу, у него необычайно ласковая улыбка, описать которую нельзя! Надо видѣть! Я пошла за нимъ въ келью. Онъ закрылъ за нами дверь, посмотрѣлъ на меня, и я вмигъ поняла, что скрыть что-либо я не могу, онъ видитъ меня насквозь. Я почувствовала себя какой-то прозрачной; смотрю на него и молчу. А онъ все также ласково улыбается и говоритъ: «А ты почему мать не слушаешься?» Я продолжаю молчать. «Вотъ что я тебѣ скажу, мать твоя тебя лучше знаетъ, тебѣ на войнѣ не мѣсто, тамъ не одни солдаты, тамъ и офицеры, это тебѣ не по характеру. Когда я былъ молодъ, я хотѣлъ быть монахомъ, а мать не пустила, не хотѣла, и я ушелъ въ монастырь тогда, когда она умерла. Теперь ты вотъ что мнѣ скажи: замужъ хочешь?» — Молчу. «Ты сейчасъ любишь его за его красоту! Выходи за него замужъ тогда, когда почувствуешь, что жить безъ него не сможешь. Я знаю случай такой: мужъ

былъ на войнѣ, его убили. Жена въ этотъ же часъ умираетъ дома. Вотъ тогда только и выходи». Съ этими словами старецъ взялъ стулъ, влѣзъ на него и досталъ съ верхней полки деревянную иконку, такъ съ четверть аршина въ квадратѣ, Казанской Божіей Матери; поставилъ меня на колѣни и благословилъ. Потомъ сказалъ: «Когда пріѣдешь въ Петроградъ, не думай, что тебѣ нечего будетъ дѣлать — будешь занята²⁾). Слова Батюшки точно оправдались. Въ первый день по пріѣздѣ ей предложили работать въ госпиталѣ для солдата, и вышла замужъ она за адъютанта штаба дивизіи.

4. Изъ частныхъ писемъ И. М. Концевича.

«Въ 22-мъ году, когда мы съ мамочкой въ первый разъ были въ Оптиной», рассказывалъ О., «живъ былъ еще старецъ о. Анатолій. О тебѣ мы еще не имѣли никакихъ свѣдѣній, и мамочка спросила у о. Анатолія, какъ о тебѣ молиться: о здравіи, или о упокоеніи? О. Анатолій спросилъ маму, не снился ли ты ей какъ-нибудь? Мама отвѣтила, что видѣла во снѣ сыновей ѣдущими на коняхъ: сначала покойнаго Володю, а потомъ тебя. Но кони были разныхъ мастей. О. Анатолій сказалъ: «Ну, чтожъ! Богъ милостивъ, молись о здравіи, Богъ милостивъ!» Мама подумала, что о. Анатолій только утѣшаетъ.

«Послѣ посѣщенія о. Анатолія мы были у Батюшки о. Нектарія. Мамочка задаетъ Старцу рядъ вопросовъ о дочеряхъ, о себѣ, обо мнѣ, а о тебѣ ничего не говоритъ, такъ какъ знаетъ, что нельзя по одному и тому же вопросу обращаться къ двумъ старцамъ. Я этого не зналъ и полагая, что мамочка забыла о тебѣ спросить, все время тереблю мамочку и говорю ей: «А Ваня? А Ваня?» Мамочка продолжаетъ не спрашивать. Тогда Батюшка ей и говоритъ послѣ одного изъ моихъ: «А Ваня?» — «Онъ живъ. Молись о здравіи. Скоро получишь о немъ извѣстіе. Тебѣ было не полезно о немъ знать». Пріѣзжаемъ домой, и мамочка

²⁾ См. подробности этого разсказа въ жизнеописаніи старца Нектарія.

спѣшить къ о. Николаю Загоровскому сообщить, что Ваня живъ. Матушка же Екатерина Ивановна, увидѣвъ мамочку въ окно, выходитъ къ ней на встрѣчу со словами: «вамъ письмо отъ Ванички».

«Слава Творцу Небесному! Ты живъ»!, пишетъ монахиня Нектарія сыну: «О твоей жизни мы узнали за 3 дня до полученія твоего письма, отъ о. Нектарія. 14-го іюля мы вернулись изъ Оптиной, а 15-го получили твое письмо къ Демѣ. О. Нектарій сказалъ: «Онъ живъ, молитесь о здравіи, о немъ узнаете. Пока не полезно было о немъ знать — покоритесь необходимости».

5. Изъ воспоминаній матушки Евгеніи Григорьевны Рымаренко.

Передъ своимъ рукоположеніемъ во священники, въ 1921 году, о. Адріанъ тоже побывалъ въ Оптиноѣ. О. Анатолій сказалъ ему: «Тебѣ надо будетъ поступить на курсы», и, дѣйствительно, ему архіепископъ Парѣеній (Полтавскій) сказалъ: «У Васъ хотя и высшее образованіе, но свѣтское, и потому надо держать экзамень». О. Адріанъ жилъ въ Полтавѣ одинъ мѣсяцъ, готовясь къ экзамену и занимаясь у профессоровъ.

О. Адріанъ спрашивалъ у Батюшки благословенія на приходъ въ одно село «Евлошій» подъ Ромнами, гдѣ была чудотворная икона Божіей Матери Казанской.

Батюшка же далъ ему яичко для меня, на немъ съ одной стороны былъ нарисованъ храмъ, а съ другой икона Божіей Матери. Батюшка спросилъ: «Какая это иконка?» О. Адріанъ сказалъ: «Смоленская, кажется», а Батюшка отвѣтилъ: «Нѣтъ, Иверская».

Первый приходъ о. Адріана былъ въ Ромнахъ, въ храмѣ, въ которомъ былъ очень чтимый всѣми, въ большой дорогой ризѣ подъ балдахиномъ, образъ Иверской Божіей Матери.

«ПУСТИТЕ ДѢТЕЙ ПРИХОДИТЬ КО МНѢ».

(Изъ оптинскаго дневника Нилуса ³⁾).

Сегодня уѣхала изъ Оптиной новая наша знакомая, за короткое время ея пребыванія въ обители ставшая намъ близкой, какъ сестра родная, ближе еще — какъ сестра по духу Христову.

Назову ее Вѣрой, по вѣрѣ ея великой.

Въ началѣ Января нынѣшняго года я получилъ изъ города Т. письмо, въ которомъ чья-то женская христіанская душа написала мнѣ нѣсколько теплыхъ словъ въ ободреніе моей дѣятельности на нивѣ Христовой. Письмо было подписано полнымъ именемъ, но имя это было мнѣ совершенно неизвѣстно.

25-го Мая стояли мы съ женой у обѣдни. Передъ Херувимской мимо нашего мѣста прошла какая-то дама, скромно одѣтая, и вела за руку мальчика лѣтъ пяти. Мы съ женой почему-то обратили на нее вниманіе. По окончаніи Литургіи, передъ началомъ Царскаго молебна⁴⁾, мы ее вновь увидѣли, когда она мимо насъ прошла къ свѣчному ящику. Было замѣтно, что она «въ интересномъ положеніи», какъ говорили въ старину люди прежняго воспитанія.

Вотъ раба-то Божія! подумалось мнѣ: одинъ ея ребенокъ съ дѣтскихъ лѣтъ, а другой еще и въ утробной жизни — оба освящаются молитвами и святыми впечатлѣніями матери, — умница! Благослови ее Господь и Матерь Божія!

Въ эту минуту она подошла къ иконѣ Божіей Матери Скоропослушницы, передъ которой мы обычно стоимъ во Введенскомъ храмѣ, и стала передъ ней на колѣняхъ молиться. Я нечаянно увидѣлъ ея взглядъ, устремленный на икону. Что это былъ за взглядъ, что за вѣра излучалась изъ этого взгляда, какая любовь къ Богу, къ божественному, къ святынь!... О, когда бы я такъ могъ молиться!.. Матерь Божія! — помолилось за нее мое сердце: сотвори ей по вѣрѣ ея!

При выходѣ изъ храма сѣверными вратами, у иконы «Споручницы грѣшныхъ», мы опять встрѣтили не-

³⁾ «На Берѣгу Божіей Рѣки», часть 1-я, 1916 г.

⁴⁾ 25-го мая — день рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

знакомку. Въ рукахъ у нея была просфора...

— «Вы не Сергѣй ли Александровичъ Нилусъ?» — обратилась она ко мнѣ съ застѣнчивой улыбкой.

— «Да... съ кѣмъ имѣю честь?»

Оказалось, что это была та, которая мнѣ въ Январѣ писала изъ Тамбова (Серафима Николаевна Вишневская).

Эта и была Вѣра съ пятилѣтнимъ сыномъ, Сережей, которыхъ мы сегодня провожали изъ Оптиной.

На этой христіюлюбивой парочкѣ стоитъ остановить свое вниманіе, воздать за любовь любовью, сохранить благодарной памятью ихъ чистый образъ, отсвѣчивающій зарями инаго нездѣшняго свѣта...

— «Сегодня», — сказала намъ Вѣра, — «мы съ Сержиномъ поготовимся, чтобы завтра причаститься и пособороваться, а послѣ соборованія позвольте навѣстить васъ. Теперь такъ отрадно и радостно найти людей по духу, такъ хочется отдохнуть отъ тягостныхъ мірскихъ впечатлѣній: не откажите намъ въ своемъ гостепріимствѣ!»

И въ какую же намъ радость было это новое знакомство!..

Въ тотъ же день, когда у иконы «Споручницы грѣшныхъ» мы познакомились съ Вѣрой, мы проходили съ женой мимо завѣтныхъ могилъ великихъ Оптиныхъ старцевъ и, по обычаю, зашли имъ поклониться. Входимъ въ часовеньку надъ могилой старца Амвросія и застаемъ Вѣру и ея Сережу: Сережа выставилъ свои ручки впередъ, ладошками кверху, и говоритъ:

— «Батюшка Амвросій, благослови!»

Въ эту минуту мать ребенка насъ замѣтила...

— «Это тутъ мы съ моимъ Сержиномъ такъ привыкли: вѣдь, батюшка-то Амвросій живъ и невидимо здѣсь съ нами присутствуетъ, — такъ надо же и благословенія у него испросить, какъ у іеромонаха!»

Я едва удержалъ слезы...

На другой день я заходилъ къ батюшкѣ о. Анатолю въ то время, когда онъ соборовалъ Вѣру съ ея мальчикомъ. Кромѣ нихъ, соборовалось еще душъ двѣнадцать Божьихъ рабовъ разнаго званія и состоянія, собравшихся въ Оптину съ разныхъ концовъ Рос-

си. Надо было видѣть, съ какой серьезной сосредото-
ченной важностью пятилѣтній ребенокъ относился
къ совершаемому надъ нимъ таинству Елеосвященія!

Вотъ какъ благодатныя матери отъ молока своего
начинають готовить душу дитяти къ царству небес-
ному! Не такъ ли благочестивые бояре Кирилль и Ма-
рія воспитывали душу того, кого Господь поставилъ
свѣтильникомъ всея Россіи, столпомъ Православія, —
Преподобнаго Сергія?...

— «Когда я бываю беременна», — говорила намъ
впослѣдствіи по этому поводу Вѣра: «я часто прича-
щаюсь и молюсь тому угоднику, чье имя мнѣ хотѣлось
бы дать будущему своему ребенку, если онъ родится
его пола. На четвертый день Рождества 1905 года у
меня скончался первенецъ мой, Николай, родившійся
въ субботу на Пасхѣ 1900-го года. Когда я его носила
еще подъ сердцемъ, я молилась дивному Святителю
Николаю, прося его принять подъ свое покровитель-
ство моего ребенка. Родился мальчикъ и былъ названъ
въ честь Святителя. Вотъ этотъ, Сержикъ, родился на
первый день Рождества Христова, въ 1903-мъ году. О
немъ я молилась Преподобному Сергію... Съ нимъ у
меня произошло много страннаго по его рожденіи и,
пожалуй, даже знаменательнаго. Родился онъ на 8-мъ
мѣсяцѣ беременности. Крестины, изъ-за его крестнаго,
пришлось отложить до Крещенія Господня, а обрядъ
воцерковленія пришелся на Срѣтеніе. И съ именемъ его
у меня произошло тоже нѣчто необычное, чего съ
другими моими дѣтьми не бывало. Молилась я о немъ
Преподобному Сергію, а при молитвѣ, когда меня ба-
тюшка спросилъ, какое бы я желала дать ребенку имя,
у меня мысли раздвоились, и я отвѣтила: — «Скажу
при крещеніи».

А произошло это оттого, что въ томъ году состоя-
лось прославленіе св. мощей Преподобнаго Серафима,
которому я всегда очень вѣровала. Къ могилкѣ его я
еще дѣвушкой ходила пѣшкомъ въ Саровъ изъ своего
города. А тутъ еще и первое движеніе ребенка я по-
чувствовала въ себѣ какъ разъ во время всенощной
подъ 19-ое Іюля. И было мнѣ все это въ недоумѣніе,
и не знала я, какъ быть: назвать ли его Сергіемъ, какъ
ранѣе хотѣла, или же Серафимомъ? Стала я молиться,

чтобы Господь открылъ мнѣ Свою волю: и въ ночь подъ Крещеніе, когда были назначены крестины, я увидѣла сонъ, что, будто, я съ моимъ новорожденнымъ поѣхала въ Троице-Сергіеву Лавру. Изъ этого я поняла, что Господу угодно дать моему мальчику имя Преподобнаго Сергія. Это меня успокоило, тѣмъ болѣе, что и батюшка Преподобный Серафимъ очень любилъ великаго этого Угодника Божія, и съ его иконочкой и самъ-то былъ во гробъ свой положенъ»...

Я внималъ этимъ милымъ рѣчамъ, журчащимъ тихимъ ручейкомъ живой воды святой дѣтской вѣры, и въ сердцѣ моемъ стучались глаголы великаго обѣтованія Господня святой Его Церкви:

— «И врата адова не одолѣютъ ей!»

Не одолѣютъ! истинно, не одолѣютъ, если даже и въ такое, какъ наше, время у Церкви Божіей могутъ быть еще подобныя чада.

И опять полилась, вдохновенная рѣчь Вѣры:

— «Вамъ понравился мой Сержикъ; что бы сказали вы, если бы видѣли моего покойнаго Колю! Тотъ еще и на землѣ былъ уже небожитель... Уложила я какъ-то разъ Колюсика своего спать вмѣстѣ съ прочими дѣтишками. Было около восьми часовъ вечера. Слышу зоветь онъ меня изъ спальни.

— «Что тебѣ, дѣточка?» — спрашиваю.

А онъ сидитъ въ своей кроваткѣ и восторженно мнѣ шепчетъ:

— «Мамочка моя, мамочка! посмотри-ка, сколько тутъ Ангеловъ летаетъ».

— «Что ты», — говорю, — «Колюсикъ! гдѣ ты ихъ видишь?»

А у самой сердце такъ ходуномъ и ходитъ.

— «Да, всюду», — шепчетъ, — «мамочка; они кругомъ летаютъ... Они мнѣ сейчасъ головку помазали. Пощупай мою головку — видишь, она помазана!»

Я ощупала головку: темечко мокрое, а вся головка сухая. Подумала, не бредитъ ли ребенокъ; нѣтъ! — жару нѣтъ, глазенки спокойные, радостные, но не лихорадочные: здоровенькій, веселехонькій, улыбается... Попробовала головки другихъ дѣтей — у всѣхъ сухонькія; и спятъ себѣ дѣтки, не просыпаются. А онъ мнѣ говоритъ:

— «Да какъ же ты, мамочка, не видишь Ангеловъ? Ихъ тутъ такъ много... У меня, мамочка, и Спаситель сидѣлъ на постелькѣ и говорилъ со мною»...

О чемъ говорилъ Господь ребенку, я не знаю. Или я не слыхалъ ничего объ этомъ отъ рабы Божіей Вѣры, или слышалъ, да не удѣржалъ въ памяти: немудрено было захлебнуться въ этомъ потокѣ нахлынувшей на насъ живой вѣры, чудесъ ея, нарушившихъ, казалось, грань между земнымъ и небеснымъ...

— «Колюсикъ и смерть свою мнѣ предсказалъ», — продолжала Вѣра, радуясь, что можетъ излить свое сердце людямъ, внимающимъ ей открытой душой. «Умеръ онъ на четвертый день Рождества Христова, а о своей смерти сказалъ мнѣ въ Сентябрѣ. Подошелъ ко мнѣ какъ-то разъ мой мальчикъ да и говорить ни съ того, ни съ сего:

— «Мамочка! я скоро отъ васъ уйду».

— «Куда», спрашиваю, «дѣточка?»

— «Къ Богу».

— «Какъ же это будетъ? кто тебѣ сказалъ объ этомъ?»

— «Я умру, мамочка!» — сказалъ онъ, ласкаясь ко мнѣ, — «только вы, пожалуйста, не плачьте: я буду съ Ангелами, и мнѣ тамъ очень хорошо будетъ».

Сердце мое упало, но я сейчасъ же себя успокоила: можно ли, молъ, придавать такое значеніе словамъ ребенка?!. Но, нѣтъ! прошло немного времени, мой Колюсикъ опять, среди игры, ни съ того ни съ сего, подходитъ, смотрю, ко мнѣ и опять заводитъ рѣчь о своей смерти, уговаривая меня не плакать, когда онъ умретъ...

— «Мнѣ тамъ будетъ такъ хорошо, такъ хорошо, дорогая моя мамочка!» — все твердилъ, утѣшая меня, мой мальчикъ. И сколько я ни спрашивала его, откуда у него такія мысли, и кто ему сказалъ объ этомъ, онъ мнѣ отвѣта не далъ, какъ-то особенно искусно уклоняясь отъ этихъ вопросовъ...

Не объ этомъ ли и говорилъ Спаситель маленькому Колѣ, когда у дѣтской кровати его летали небесные Ангелы?..

— «А какой удивительный былъ этотъ ребенокъ», продолжала Вѣра: «судите хотя бы по такому слу-

чаю. Въ нашемъ домѣ работалъ старикъ-плотникъ ворота и повредилъ себѣ нечаянно топоромъ палецъ. Старецъ прибѣжалъ на кухню, гдѣ я была въ то время, показываетъ мнѣ свой палецъ, а кровь изъ него такъ и течетъ ручьемъ. Въ кухнѣ былъ и Коля. Увидаль онъ окровавленный палецъ плотника и съ громкимъ плачемъ кинулся бѣжать въ столовую къ иконѣ Пресвятой Троицы. Упалъ онъ на колѣнки предъ иконою и, захлебываясь отъ слезъ, сталъ молиться:

— «Пресвятая Троица, исцѣли пальчикъ плотнику!»

На эту молитву съ плотникомъ вошли въ столовую, а Коля, не оглядываясь на насъ, весь ушедшій въ молитву, продолжалъ со слезами твердить свое:

— «Пресвятая Троица, исцѣли пальчикъ плотнику!»

Я пошла за лекарствомъ и за перевязкой, а плотникъ остался въ столовой. Возвращаюсь и вижу. Колюсикъ уже слазилъ въ лампадку за масломъ и масломъ отъ иконы помазываетъ рану, а старикъ-плотникъ доврчиво держитъ передъ нимъ свою пораненую руку и плачетъ отъ умиленія, приговаривая:

— «И что-жъ это за ребенокъ, что это за ребенокъ!»

Я, думая, что онъ плачетъ отъ боли, говорю:

— «Чего ты, старикъ, плачешь? на войнѣ былъ, не плакалъ, а тутъ плачешь!»

— «Вашъ», — говоритъ, — «ребенокъ хоть камень и тотъ заставитъ плакать!»

И что-жъ вы думаете? — вѣдь, остановилось сразу кровотеченіе, и рана зажила безъ лекарствъ, съ одной перевязки. Таковъ былъ общій любимецъ, мой Колюсикъ, дорогой, несравненный мой мальчикъ... Передъ Рождествомъ мой отчимъ, а его крестный, выпросилъ его у меня погостить въ свою деревню, — Коля былъ его любимецъ, и эта поѣздка стала для ребенка роковой: онъ тамъ заболѣлъ скарлатиной и умеръ. О болѣзни Коли я получила извѣстіе черезъ нарочнаго (тогда были повсемѣстныя забастовки, и посланной телеграммы мнѣ не доставили) и я едва за сутки до его смерти успѣла застать въ живыхъ мое сокровище. Когда я съ мужемъ пріѣхала въ деревню къ отчиму, то Колю застала еще довольно бодренькимъ; скарлатина, казалось, прошла. и никому изъ насъ и въ голову не приходило,

что уже на счету послѣдніе часы ребенка. Заказали мы служить молебень о его выздоровленіи. Когда его служили, Коля усердно молился самъ и все просилъ давать ему цѣловать иконы. Послѣ молебна онъ чувствовалъ себя настолько хорошо, что священникъ не сталъ его причащать, несмотря на мою просьбу, говоря, что онъ здоровъ, и причащать его нѣтъ надобности. Всѣ мы повеселѣли. Кое-кто закусивъ послѣ молебна, легъ отдыхать; заснулъ и мой мужъ. Я сидѣла у постельки Коли, далекая отъ мысли, что уже наступаютъ послѣднія его минуты. Вдругъ онъ мнѣ говорить:

— «Мамочка, когда я умру, вы меня обнесите вокругъ церкви»...

— «Что ты», — говорю, — «Богъ съ тобой, дѣточка! мы еще съ тобой, Богъ дастъ, живы будемъ».

— «И крестный скоро послѣ меня пойдетъ за мной», — продолжалъ, не слушая моего возраженія Коля.

Потомъ, помолчалъ немного и говорить:

— «Мамочка, прости меня».

— «За что,» — говорю, — «простить тебя, дѣточка?»

— «За все, за все прости меня, мамочка!»

— «Богъ тебя проститъ, Колюсикъ», — отвѣчаю ему, — «ты меня прости: я строга бывала съ тобою».

Такъ говорю, а у самой и въ мысляхъ нѣтъ, что это мое послѣднее прощаніе съ умирающимъ ребенкомъ.

— «Нѣтъ». — возражаетъ Коля, — «мнѣ тебя не за что прощать. За все, за все благодарю тебя, миленькая моя мамочка!»

Тутъ мнѣ что-то жутко стало; я побудила мужа.

— «Вставай», — говорю, — «Колюсикъ, кажется, умираетъ!»

— «Что ты», — отвѣчаетъ мужъ, — «ему лучше — онъ спитъ».

Коля въ это время лежалъ съ закрытыми глазами. На слова мужа, онъ открылъ глаза и съ радостной улыбкой сказалъ:

— «Нѣтъ. я не сплю — я умираю. Молитесь за меня!»

И сталъ креститься и молиться самъ;

— «Пресвятая Троица, спаси меня! Святитель Николай, Преподобный Сергій, Преподобный Серафимъ,

молитесь за меня!.. Крестите меня! помажьте меня ма-
слищемъ! Молитесь за меня всѣ!»

И съ этими словами кончилась на землѣ жизнь моего дорогого, ненагляднаго мальчика: личико расцвѣтилось улыбкой, и онъ умеръ.

И въ первый разъ въ моей жизни возмутилось мое сердце едва не до ропота. Такъ было велико мое горе, что я и у постельки его, и у его гробика, не хотѣла и мысли допустить, чтобы Господь рѣшился отнять у меня мое сокровище. Я просила, настойчиво просила, почти требовала, чтобы Онъ, Которому все возможно, оживилъ моего ребенка; я не могла примириться съ тѣмъ, что Господь можетъ не пожелать исполнить по моей молитвѣ. Наканунъ погребенія, видя, что тѣло моего ребенка продолжаетъ, несмотря на мои горячія молитвы, оставаться бездыханнымъ, я, было, дошла до отчаянія. И, вдругъ, у изголовья гробика, гдѣ я стояла въ тяжеломъ раздумьи, меня потянуло взять Евангеліе и прочитать въ немъ первое, что откроется. И открылся мнѣ 16-й стихъ 18-й главы Евангелія отъ Луки, и въ немъ я прочла: «...пустите дѣтей приходить ко Мнѣ, и не возбраняйте имъ, ибо таковыхъ есть царствіе Божіе».

Для меня эти слова были отвѣтомъ на мою скорбь Самого Спасителя, и они мгновенно смирili мое сердце: я покорилась Божіей волѣ.

При погребеніи тѣла Колюсика исполнилось его слово: у церкви намело большіе сугробы снѣга, и чтобы гробикъ пронести на паперть его надо было обнести кругомъ всей церкви. Это было мнѣ и въ знаменіе и въ радость. Но когда моего мальчика закопали въ мерзлую землю, и на его могилку легъ холодный покровъ суровой зимы, тогда вновь великой тоской затосковало мое сердце, и вновь я стала вымаливать у Господа своего сына, не зная покоя душѣ своей ни днемъ, ни ночью, все выпрашивая отдать мнѣ мое утѣшеніе. Къ сороковому дню я готовилась быть причастницей Святыхъ Таинъ и тутъ, въ безуміи своемъ, дошла до того, что стала требовать отъ Бога чуда воскрешенія. И — вотъ, на самый сороковой день я увидѣла своего Колю во снѣ,

какъ живого. Пришелъ онъ ко мнѣ свѣтленькій и радостный, озаренный какимъ-то сіяніемъ и три раза сказалъ мнѣ:

— «Мамочка, нельзя! Мамочка, нельзя! Мамочка, нельзя!»

— «Отчего нельзя?» — воскликнула я съ отчаяніемъ.

— «Не надо этого, не проси этого, мамочка!»

— «Да почему же?»

— «Ахъ, мамочка!» — отвѣтилъ мнѣ Коля: «ты бы и сама не подумала просить объ этомъ, если бы только знала, какъ хорошо мнѣ тамъ, у Бога. Тамъ лучше, тамъ несравненно лучше, дорогая моя мамочка!»

Я проснулась, и съ этого сна все горе мое, какъ рукой сняло.

Прошло три мѣсяца, — исполнилось и второе слово моего Коли: за нимъ въ обители Царя Небеснаго слѣдомъ ушелъ къ Богу и его крестный».

Много мнѣ рассказывала дивнаго изъ своей жизни раба Божія Вѣра, но не все повѣдать можно даже и своимъ запискамъ: живы еще люди, которыхъ можетъ задѣть мое слово. . . Въ молчаніи еще никто не раскаивался: помолчимъ на этотъ разъ лучше! . .

Пошелъ я провожать Вѣру съ ея Сержикомъ черезъ нашъ садъ по направленію къ монастырской больницѣ. Это было въ день ихъ отъѣзда изъ Оптиной. Смотрю: идетъ къ намъ навстрѣчу одинъ изъ наиболѣе почетныхъ нашихъ старцевъ, отецъ А., живущій на покоѣ въ больницѣ. Подошли мы подъ его благословеніе; протянулъ и Сержикъ свои рученки. . .

— «Благослови», — говоритъ, — «батюшка!».

А тотъ самъ взялъ да низехонько, касаясь старческой своей рукой земли, и поклонился въ поясъ Сержику. . .

— «Нѣтъ», возразилъ старецъ, — «ты самъ сперва — благослови!»

И къ общему удивленію, ребенокъ началъ складывать свою ручку въ именованное перстосложеніе и іерейскимъ благословеніемъ благословилъ старца.

Что-то выйдетъ изъ этого мальчика?

Такимъ вопросомъ заканчиваетъ Сергѣй Александровичъ Нилусъ свою записъ 1909 года. И вотъ, спустя полвѣка, на этотъ вопросъ судить Господь явиться отвѣту. Узнавъ, что составляется книга объ Оптиной, одна истинная раба Божья, прислала свидѣтельство своей вѣры и этимъ снова пролила свѣтъ о «невидимой» Руси нашей, находящейся подъ видимымъ игомъ безбожья. По своему складу души, уже покойная, Наталія Владиміровна Урусова, была глубоко вѣрующей, цѣльной и любящей натурой, настоящей христіанкой; матерью сыновей мучениковъ. Ее повѣсть написана кровью.

Господи благослови.

Когда мои сыновья были въ 1937 г. арестованы и по сообщенію Г.П.У. были высланы на 10 лѣтъ безъ права переписки, то о моемъ материнскомъ горѣ и говорить нечего. Много, много горькихъ слезъ пролила, но ни единой даже мимолѣтной мыслью не роптала, а искала только утѣшенія въ Церкви, а оно могло быть только въ катакомбной Церкви, которую я всегда искала, и милостью Божіей всегда находила очень скоро; и горе свое изливала истиннымъ — Богу угоднымъ священникамъ, которые тамъ совершали тайныя Богослуженія. Такъ было, когда послѣ ареста сыновей, я изъ Сибири уѣхала въ Москву. Сестра моя, которая къ ужасу моему признавала совѣтскую церковь, не была арестована, несмотря на то, что была фрейлиной. Она мнѣ указала на одну бывшую нашу подругу дѣтства, съ которой она расходилась въ вопросахъ Церкви, т. к. та принимала горячее участіе въ тайныхъ Богослуженіяхъ. Меня встрѣтила эта дама и другіе члены этой тайной святой Церкви съ распростертыми объятіями. Жить въ Москвѣ я не имѣла права, и поселилась за 100 верстъ въ городѣ Можайскѣ... Абсолютно безъ денегъ я взяла патентъ на право продажи искусственныхъ цвѣтовъ на московскомъ базарѣ. Мнѣ разрѣшалось проживать у сестры не болѣе однихъ сутокъ, но мнѣ помогъ дворникъ. Всѣ дворники назначались отъ Г.П.У. для доклада обо всемъ, что дѣлалось въ домѣ. Дворникъ того дома жилъ въ сыромъ подвальномъ помѣщеніи: съ семьей крайне бѣд-

но. Онъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ: «Хочешь ли ты, чтобы я тебѣ помогъ? А ты помоги мнѣ! Я обязанъ по приѣздѣ когонибудь немедленно сообщать, а ты приѣзжай и живи хоть по двѣ недѣли, да сколько хочешь, а я сообщать не буду. Если же придуть съ обыскомъ, или провѣркой, то покажу, что ты приѣхала сегодня утромъ; а ты мнѣ помогай понемногу отъ продажи своихъ цвѣтовъ.» Я, конечно, согласилась и такъ оно и было до 1941 г., когда неожиданно нѣмцы перешли границу, и въ тотъ же день никому кромѣ, конечно, слугъ сатаны, не былъ разрѣшенъ въѣздъ въ Москву. И такъ, проживая у сестры подолгу, я посѣщала всѣ богослуженія, которыя производились у частныхъ лицъ въ разныхъ районахъ Москвы. Былъ у насъ священнослужителемъ и духовникомъ о. Антоній, уже немолодой іеромонахъ. Постоянно слышу: «Какъ велитъ старецъ; что скажетъ старецъ и т. д.» Я спросила отца Антонія, гдѣ могла бы я увидѣть этого старца, чтобы излить свое горе и получить утѣшеніе! Когда о немъ упоминали, то съ необычайнымъ благоговѣніемъ, и называли святымъ необычайнымъ. «Нѣтъ», сказалъ о. Антоній, «этого никакъ нельзя, и все, что Вамъ потребуется отъ него, я буду ему передавать. Въ 1941 г. въ Можайскѣ я познакомилась съ одной дамой, высланной изъ Москвы за арестъ мужа и единственной дочери. Она оказалась тоже членомъ катакомбной Церкви и была съ самыхъ первыхъ лѣтъ священства старца, его духовной дочерью. Она мнѣ сообщила, что старецъ (имени не называла) живетъ сейчасъ въ деревнѣ въ двухъ верстахъ отъ Можайска и она тайно посѣщаетъ его Богослуженія. На мой вопросъ нельзя ли ей попросить его принять меня, она отвѣтила: «Нѣтъ, это невозможно, т. к. всѣ молящіеся лишены этого, т. к. Г.П.У. его 25 лѣтъ разыскиваетъ, и онъ переходитъ по всей Россіи съ одного мѣста на другое, будучи Духомъ Святымъ, какъ видно, оповѣщенъ, когда надо уйти. Конечно, я скорбѣла, но дѣлать было нечего. День Св. Троицы въ томъ году былъ 7 іюня. Какъ ничего не бываетъ случайнымъ, такъ было и тутъ: я не могла быть въ Москвѣ, и съ грустью сидѣла вечеромъ наканунѣ одна у себя въ комнатѣ. Слышу легкій стукъ въ окошко; взглянула и поразились. Стучитъ немолодая монахиня,

одѣтая по монашески, несмотря на строжайшее запрещеніе носить такую одежду. Дѣло было подѣ вечерѣ. Я отворила дверь и она вошла ко мнѣ со словами: «Батюшка старецъ о. Серафимъ приглашаетъ васъ завтра рано утромъ къ себѣ, и, если желаете, то можете исповѣдаться и пріобщиться Св. Тайнѣ. Она указала мнѣ какой дорогой идти и быть осторожной. Передѣ самой деревней было поле ржи уже колосившейся и совѣтывала идти согнувшись. Дорога черезъ это поле, какъ разѣ упиралась въ избу, гдѣ жилъ старецъ, а прямо напротивъ черезъ дорогу былъ исполкомъ. Нечего и говорить о моемъ чувствѣ, когда монахиня, крайне привѣтливая своимъ свѣтлымъ лицомъ, ушла. Звали ее мать Н. При старцѣ были двѣ монахини, другую звали мать В. Онѣ неразлучно были съ нимъ. Старецъ жилъ иногда даже мѣсяца два спокойно и совершенно неожиданно въ разные часы дня и ночи вдругъ говорилъ: «Ну, пора собираться!» Онѣ съ монахинями надѣвали рюкзаки, гдѣ были всѣ богослужебные предметы, и немедленно уходили, куда глаза глядятъ, пока старецъ не остановится и не войдетъ въ чью нибудь избу, очевидно по наитію Свыше. Рано утромъ я пошла. Вхожу не съ улицы, а, какъ было указано съ проселочной дороги въ заднюю дверь. Передо мной — дивный, еще совсѣмъ не старый монахъ. Описать его святую наружность не найду словъ. Чувство благоговѣнія было непередаваемо. Я исповѣдывалась и дивно было. Постѣ совершенія Богослуженія и принятія мною св. Тайнѣ, онѣ пригласилъ меня пообѣдать. Кромѣ меня была та дама, о которой я писала выше. Обѣ монахини и еще одна его духовная дочь, пріѣхавшая изъ Москвы. О, милость Божія: я никогда не забуду той бесѣды, которой онѣ удостоилъ меня, не отпуская втеченіе нѣсколькихъ часовъ.

Черезъ день послѣ того счастья духовнаго, что я испытала при посѣщеніи о. Серафима, я узнала отъ той дамы, что на другой день, когда сидѣли за чаемъ, о. Серафимъ всталъ и говорить монахинямъ: «Ну, пора идти!» Они мгновенно собрались и ушли, и черезъ полчаса не болѣе, пришло Г.П.У., ища его, но Господь его укрылъ.

Прошло три мѣсяца, нѣмцы уже были въ Можай-

скѣ, когда, вдругъ, опять легкій стукъ въ окно, и та же монахиня Н. пришла ко мнѣ со словами: «О. Серафимъ въ г. Боровскѣ, который сутки былъ занятъ нѣмцами (40 верстъ отъ Москвы) и прислалъ меня къ Вамъ передать свое благословеніе и велѣлъ открыть Вамъ, что онъ тотъ Сережа, которому поклонился іеромонахъ А.».».

Не есть ли это лучъ свѣта на то скрытое отъ разумныхъ міра сего, что разумѣли дѣти духовныя, откликнувшіяся на зовъ Христа, когда Онъ изрекъ «Пустите дѣтей приходить ко Мнѣ»?

БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА СТАРЦА АНАТОЛІЯ.

Послѣдніе годы о. Анатолій жилъ недалеко отъ церкви, почти напротивъ, въ оградѣ монастырской. Много народу ходило къ нему. О. Нектарій, жившій въ скиту, завидитъ народъ издалека и спрашиваетъ: «Вы къ кому?», а самъ ведетъ къ о. Анатолію. Тотъ былъ помоложе, еще не былъ «сѣденькій».

Смятенъ въ народѣ, вызванное революціоннымъ безбожьемъ устремляло вѣрующихъ къ старцамъ за духовной поддержкой. Начались гоненія на монаховъ со стороны властей. Въ Оптиной устроили музей, позднѣе совѣтскій «Домъ Отдыха». Монаховъ ссылали, арестовывали, издѣвались надъ религіей. Трогательна повѣсть объ о. Никонѣ, что пѣлъ въ хорѣ. У него была небольшая рыжая бородка. Приѣхала комиссія; его арестовали и сослали и тамъ предавали мукамъ и пыткамъ за вѣру. Черезъ нѣкоторое время получили его друзья по духу отъ него радостное, восторженное письмо. «Счастью нѣтъ предѣла,» писалъ онъ приблизительно такъ, «я захлебываюсь отъ счастья. Только подумать, слова моего Спасителя сказаны мнѣ лично — блаженни есте, егда поносятъ вамъ, и изженутъ, и рекутъ всякъ золь глаголь, на вы лжуше мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. И я это испытываю. Жду недождусь, когда Господь мой рѣшитъ Свой судъ».

Пришла чреда и къ о. Анатолію. Его красноармейцы обрили, мучали и издѣвались надъ нимъ. Онъ много

страдалъ, но когда возможно было, принималъ своихъ чадъ. Къ вечеру 29-го іюля пріѣхала комиссія, долго спрашивали и должны были старца арестовать. Но старецъ, не противясь, скромно попросилъ себѣ отсрочку на сутки, дабы приготовиться. Келейнику, горбатенькому о. Варнавѣ, грозно сказали, что бы приготовилъ старца къ отъѣзду, т. к. завтра увезутъ, и на этомъ уѣхали. Воцарилась тишина и старецъ началъ готовиться въ путь. На другой день утромъ пріѣзжаетъ комиссія. Выходятъ изъ машины и спрашиваютъ келейника о. Варнаву: «Старецъ готовъ?» «Да», отвѣчаетъ келейникъ, «готовъ», и отворивъ дверь вводитъ въ покои старца. Каково же было удивленіе ихъ, когда ихъ взору предстала такая картина. Посреди келліи въ гробу лежалъ «приготовившійся» мертвый старецъ! Не попустилъ Господь надругаться надъ Своимъ вѣрнымъ рабомъ и въ ту же ночь принялъ Своего готоваго раба, что было 30-го іюля 1922 года, въ память перенесенія мощей преп. Германа Чудотворца Соловецкаго.

Его духовная дочь, Е. Г. Р. свидѣтельствуется: «Въ 1922 году, передъ Успенскимъ постомъ, получаю отъ батюшки о. Анатолія письмо, которое оканчивается такъ: «хорошо бы было тебѣ пріѣхать отдохнуть въ нашей Обители.» Сразу не собралась, не поняла, почему батюшка зоветъ пріѣхать; а когда пріѣхала въ Оптину — было уже поздно: на другой день былъ 9-ый день со дня смерти дорогого батюшки. Батюшка о. Анатолій скончался 30-го іюля 1922 года. Грустно было; чувствовалась потеря близкаго человѣка, котораго никто замѣнить не можетъ. Къ 9-му дню съѣхались различныя лица, въ разговорѣ съ которыми, я узнала, что не я одна опоздала, были и другія опозданія, которыхъ батюшка вызывалъ или письмомъ, или явившись во снѣ. Но были и такіе, кто застали еще батюшку живымъ».

О погребеніи Старца Анатолія свѣдѣній у насъ нѣтъ, но извѣстно, что его положили рядомъ съ могилой Старца Макарія. При томъ, когда копали, то могила Старца Макарія обвалилась, гробъ пріоткрылся и тѣло блаженнаго старца обнаружилось совсѣмъ сохранившимся.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько строчекъ дру-

гой духовной дочери Старца Анатолія, Монахини Маріи, писавшей въ Баръ-Градъ:

«Какъ хочется вернуть хоть на мѣсяцъ то блаженное времячко дорогой и незабвенной духовной моей родины — Оптиной. Когда, будучи уже взрослой, гостя тамъ мѣсяца по два съ половиной, чувствовала себя безмятежно счастливой, какъ ребенокъ подъ нѣжно-любящей опекой старца-отца, замѣняющаго одновременно и мать и брата и друга и няню, съ тою лишь разницею, что въ немъ, въ этомъ старцѣ-отцѣ все скрѣплено и покрыто неземной любовью.

Вспомните, родная, вспомните Владимірскую церковь, а въ ней толпу богомольцевъ 80-70 человѣкъ. Кто не былъ утѣшенъ его словомъ, отеческой улыбкой, взглядомъ, истовымъ преподаніемъ св. благословенія, его смиреннымъ видомъ. Кто?... Только вышелъ Батюшка — у всѣхъ уже лица просіяли, несмотря на гнетущее настроеніе — съ радостью рѣдко кто пріѣзжалъ туда. Ушелъ Батюшка — все то же сіяніе у всѣхъ. Крестясь съ сердечнымъ успокоеннымъ вздохомъ съ благодарностью къ Богу, уходятъ богомольцы въ путь часто далекій, приходя къ нему иногда только лишь за тѣмъ, чтобы принять благословеніе и получить въ наставленіе что нибудь, сказанное на ходу. 16 лѣтъ жила подъ руководствомъ незабвеннаго Батюшки Анатолія. 16 лѣтъ сплошной духовной радости. Слава Богу, давшему испытать мнѣ неземную радость здѣсь еще на землѣ, видѣть небеснаго ангела. Въ этой тяжелой скорбной жизни часто воспоминанія живыя хоть на минуту даютъ успокоеніе и за то благодареніе Создателю.»

**ОТЕЦЪ ПРОТОІЕРЕИ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ
САНГУШКО-ЗАГОРОВСКІЙ
(въ монашествѣ Серафимъ).**

Родился 27-го іюля 1872 г. — Скончался 30 сентября 1943 г.

При жизни великаго Старца Амвросія было нѣсколько смиренныхъ іереевъ Божіихъ, на которыхъ Господь пролилъ особую благодать «пророчества», или старчества внѣ монастыря. Старецъ Амвросій нѣсколько такихъ подвижниковъ провидѣлъ, даже на

разстояніи и благословилъ старчествовать. Особенно выдавался іерей Егоръ⁵⁾ изъ села Спасъ-Чекряка Болховскаго уѣзда, который, будучи кроткимъ, простымъ сельскимъ батюшкой, умѣлъ такъ «утѣшать» страждущія души, что люди за сотни верстъ шли къ нему, какъ къ духоносному старцу. Самъ Старець Амвросій отсылалъ къ нему людей.

Извѣстно, что Старець Анатолій, слѣдуя своему старцу, благословлялъ нѣкоторыхъ принимать на себя этотъ рѣдчайшій путь подвига: духовно окормлять, наставлять и врачевать. Однимъ изъ нихъ былъ отецъ Николай, жизнеописаніе котораго ниже повѣствуется.

И. М. Концевичъ поступилъ въ Кіевскій университетъ передъ войной 1914 г. и, когда этотъ университетъ былъ во время войны эвакуированъ далеко въ глубь Россіи, онъ предпочелъ перейти въ Харьковскій. Въ г. Харьковѣ, при содѣйствіи коллеги, знакомаго семьи Загоровскихъ, онъ нанялъ въ ихъ домѣ комнату.

Здѣсь умѣстно упомянуть объ обликѣ о. Николая, какимъ его засталъ И. М. Батюшка былъ невысокаго роста, широкоплечій и скорѣе полный. У него была окладистая борода, но волосъ почти не было. Чертами лица онъ напоминалъ греческаго философа Сократа. Но выраженіе его лица было несравнимымъ ни съ кѣмъ. Оно дышало лаской, привѣтливостью, сіяло и свѣтилось необычайной добротой и привлекало всѣхъ и cadaго.

Живя у Загоровскихъ, Иванъ Михайловичъ часто прислуживалъ о. Николаю въ церкви и сопровождалъ его, когда о. Николай служилъ молебны въ частныхъ домахъ, ограждая его отъ стекавшагося и тѣснившаго его народа. Былъ онъ участникомъ одного изъ паломничествъ, какія отъ времени до времени организовывалъ Батюшка.

Такимъ образомъ И. М. знали почитатели о. Николая, какъ церковника-студента, что въ тѣ времена являлось исключеніемъ. Эти почитатели о. Николая, встрѣтивъ И. М. во время гражданской войны и уз-

⁵⁾ Смотри о немъ въ «Великое въ маломъ», С. А. Нилуса, 1903 г.

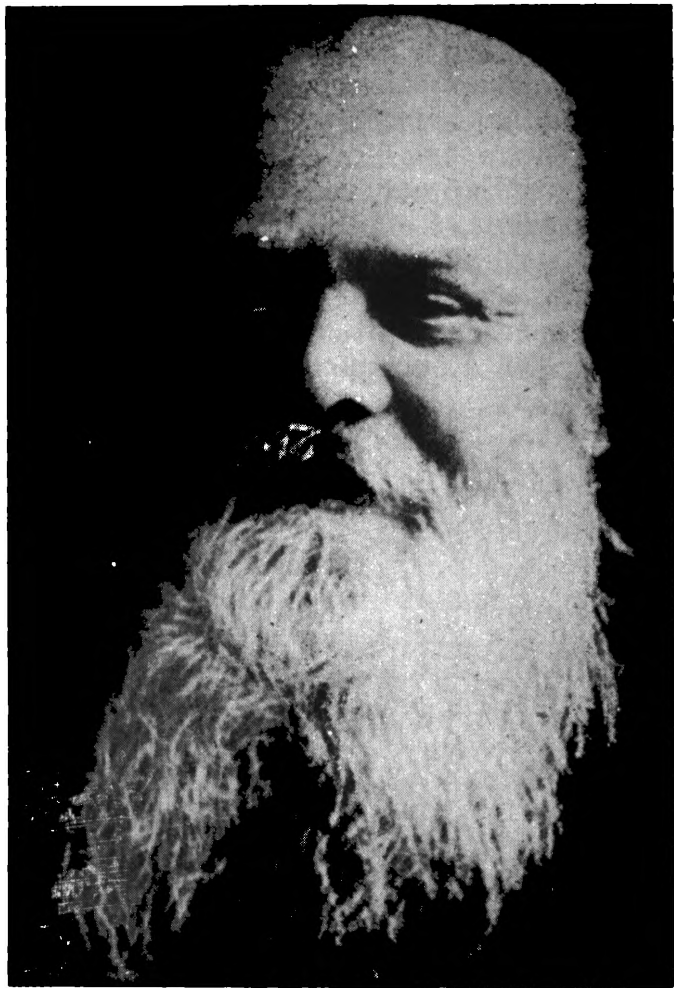
навѣ его, оказали ему цѣнныя услуги. Однимъ изъ нихъ онъ былъ даже спасенъ отъ смерти.

И. М. Концевичъ читалъ въ Санъ-Франциско два раза лекцію объ о. Н. Загоровскомъ. Матеріаломъ для этого ему послужили прежде всего его личныя воспоминанія. Пользовался И. М. также свѣдѣніями, полученными имъ отъ дочери покойнаго о. Николая — Лидіи Николаевны Бобрищевой, умершей въ Парижѣ въ 1964 г. Но главное, — это — рассказы бывшей послушницы Ульяши Ноздриной, сопровождавшей о. Протоіерея въ его изгнаніи и постриженной имъ съ именемъ Магдалины.

Лекція И. М. Концевича была въ свое время записана, и мы здѣсь представляемъ ея содержаніе.

Отецъ Николай происходилъ изъ древняго княжескаго рода, обѣднѣвшаго и перешедшаго въ духовное сословіе. Отецъ его, о. діаконъ Михаилъ Θεоктистовичъ, жилъ на окраинѣ Ахтырки, называвшейся Гусыницей. Онъ былъ человѣкомъ мягкаго характера, не отъ міра сего. Кромѣ церкви ничего для него не существовало, онъ не входилъ въ вопросы, касающіеся дома и семьи. Зато жена его, Параскева Андреевна, рожд. Роменская, была властной женщиной. Она отличалась исключительнымъ природнымъ умомъ и большими способностями. Оставшись очень рано вдовою, она поставила на ноги троихъ дѣтей: Михаила, Анну и самаго младшаго — Николая. Мать-дьяконица была безграмотной, однако понимала значеніе образованія и старалась всѣми силами дать таковое дѣтямъ. Старшій сынъ, Михаилъ, очень одаренный, окончивъ семинарію, поступилъ въ Академію, но по бѣдности не окончилъ таковой и рано умеръ отъ чахотки. Младшій, росъ на лонѣ природы на Гусыницѣ среди крестьянскихъ дѣтей. Его лучшій пріятель назывался Яшко. Съ нимъ они потихоньку курили и чуть не устроили пожаръ на сѣновалѣ. Лѣтомъ ловили раковъ и рыбу въ рѣкѣ Ворсклѣ. Въ лѣсу собирали ягоды и грибы. Коля Загоровскій былъ чрезвычайно живой, веселый, подвижной. Съ дѣтства любилъ народныя пѣсни, а также свой родной малороссійскій языкъ

на которомъ въ послѣдствіи охотно изъяснялся въ домашней обстановкѣ.

Прот. Николай Загоровскій.

Поступивъ въ семинарію, онъ сталъ писать стихи. Но учиться не любилъ, особенно ненавидѣлъ математику. И еще въ дѣтствѣ, вмѣсто того, чтобы идти въ школу, онъ «ховался», забравшись на грушу, или въ колоду, которая по-украински называется «жлукто», куда ссыпали золу для стирки бѣлья. Мать, изловивъ его, накидывала ему веревку на шею и вела съ позоромъ по всей деревнѣ въ школу. Когда пришло время учиться въ семинаріи, Коля все же тамъ оказался среди самыхъ лучшихъ учениковъ, одареннымъ лите-

ратурнымъ талантомъ. Въ старшихъ классахъ преподаватель русскаго языка устраивалъ спектакли. Молодой Загоровскій при этомъ обнаружилъ исключительный талантъ комика. Стоило ему появиться на сценѣ — это вызывало бурю смѣха въ рядахъ публики. Однажды мѣстный архіерей, заинтересованный такой необыкновенной способностью семинариста, пожелалъ увидѣть его игру. Какъ полагается, Владыку усадили въ первомъ ряду, въ креслѣ. На сценѣ появился комикъ, и сразу же зала разразилась сплошнымъ хохотомъ. Архіерей смѣялся со всѣми. Чѣмъ дальше продолжалась игра, тѣмъ общій смѣхъ возрасталъ. Владыка смѣялся и смѣялся, безъ удержу, пока его смѣхъ не превратился въ настоящую истерику. Пришлось его вынести изъ зала на креслѣ.

Слава Загоровскаго, какъ комическаго актера, распространилась далеко за предѣлами семинаріи. Знаменитый на Украинѣ артистъ-предприниматель приглашалъ его въ составъ своей труппы, предлагая ему завидный окладъ. Но Параскева Андреевна слышать не хотѣла объ этомъ: «Я хочу тебя видѣть въ золотыхъ ризахъ, иначе прокляну!» — заявила она сыну. Пришлось покориться. Супруга отца Николая, Екатерина Ивановна, была образованная, какъ полагалось — епархіалка. Было у нихъ двое дѣтей. Село, гдѣ протекало его пастырство, называлось Малыжино. Это была непроходимая глушь. Отцу Николаю тамъ негдѣ было проявить свою богато-одаренную натуру. Драму, которую пережилъ молодой священникъ, легко себѣ представить. Икона Божіей Матери, имъ столь прославляемая, была несомнѣнно свидѣтельницей его горькихъ слезъ и душевнаго страданія. Дѣйствительно, какъ могла такая кипучая натура примириться съ прозябаніемъ въ глухомъ и дикомъ захолустѣ? И какъ должна была быть глубока внутренняя борьба этого человѣка, чтобы смогло совершиться превращеніе артиста-комика въ знаменитаго духовнаго проповѣдника и народнаго пастыря! Но такое перерожденіе совершилось въ дѣйствительности: блестящіе душевные таланты преобразились въ духовные. Явное чудо было налицо. Икона Божіей Матери, почитаемая о. Николаемъ какъ чудотворная, написана въ итальян-

скомъ стилѣ и вовсе не является копіей древней иконы «Взысканіе погибшихъ». А между тѣмъ о. Николай далъ ей именно такое наименованіе! Послѣднее наводитъ на мысль, что юный іерей былъ на краю отчаянія, и Сама Божія Матерь поставила его на правильный путь. Икону «Взысканіе погибшихъ» о. Николай въ послѣдствіи украсилъ драгоценными камнями.

Народъ полюбилъ о. Николая и окружилъ его тѣснымъ кольцомъ, но когда пришло время дать дѣтямъ образованіе, онъ перевелся въ Харьковъ и сталъ настоятелемъ городского больничнаго храма. Здѣсь о. Николай продолжалъ, какъ и въ деревнѣ, служить передъ иконой акаѳисты и произносить проповѣди. Его не смущало, что вначалѣ присутствовали одна или двѣ старушки, но, конечно, ему не могло не быть грустно видѣть отсутствіе народа. Такое положеніе, однако, длилось недолго: очень скоро народъ повалилъ валомъ. Слава о немъ, какъ о Златоустѣ, распространилась по всему Харькову. Маленькій больничный храмъ сталъ набиваться такъ туго, что стѣны отъ людского дыханія становились мокрыми. За обѣдней о. Николай произносилъ двѣ проповѣди, одну изъ которыхъ посвящалъ Евангелію дня. Кто-то сказалъ: «Батюнечка говорилъ сегодня недолго, только полтора часа». Уходилъ онъ изъ храма чуть ли не въ 3 часа дня.

При Батюшкѣ образовался особый хоръ, съ которымъ онъ посѣщалъ частные дома для служенія молебновъ. Его приглашали нарасхватъ. Послѣ молебна пили чай и общимъ хоромъ пѣли «псалмы» — духовные стихи. Многіе изъ нихъ были написаны самимъ Батюшкой. И. М. Концевичъ и молодой человѣкъ, котораго звали Демочкой, иногда сопровождали Батюшку.

Вокругъ о. Николая сталъ собираться женскій монастырь. Устройство его шло полнымъ ходомъ, и всѣ приготовленія были закончены, когда разразилась революція. Официально монастырь такъ и не былъ никогда открытъ, но существовалъ тайно. Одной изъ будущихъ монахинь была Ульяша Ноздрина. Она, было, собиралась выйти замужъ, но однажды вошла въ церковь въ то время, когда произносилъ проповѣдь о. Николай. Это рѣшило навсегда ея судьбу: жениху она от-

казала и избрала монашескій путь. Уляшю выбралъ о. Николай въ спутницы, когда настало время изгнаія.

Какъ уже было выше сказано, о. Николай устраивалъ народныя паломничества. Въ одномъ изъ нихъ принималъ участіе И. М. Концевичъ. Въ этомъ паломничествѣ участвовало нѣсколько тысячъ человѣкъ. Шли группами, и передъ каждой несли крестъ, иконы, хоругви. Шли съ пѣніемъ, но такъ, чтобы слѣдующая группа не могла слышать пѣнія ей предшествовавшей. Передъ ней несли другой крестъ, иконы, хоругви, и шло уже свое пѣніе. Такихъ крестныхъ ходовъ было множество, сколько ихъ слѣдовало. — И. М. не могъ сказать. Незадолго до конца пути, о. Николай поднялся на пригорокъ и обратился къ народу со словомъ. Онъ сказалъ, что предстоитъ моленіе о дождѣ, ибо царила злѣйшая засуха.

Когда пришли на мѣсто, народъ расположился въ лѣсу вокругъ Куряжскаго монастыря. Такъ какъ храмы не могли вмѣстить всѣхъ пришедшихъ, всенощная служилась всю ночь на возвышеніи въ лѣсу. Все это время, до самаго разсвѣта, іеромонахи исповѣдывали пришедшихъ людей. Когда утромъ служилась Литургія, причастники причащались изъ всѣхъ чашъ, имѣвшихся въ монастырѣ. Это заняло полъ дня. Когда причащеніе окончилось, о. Николай произнесъ слѣдующее слово: «Теперь мы будемъ служить молебень о дождѣ. Падите всѣ ницъ и молитесь Бога до тѣхъ поръ пока не капаятъ на землю небесныя слезы». Народъ упалъ на землю. И вдругъ на чистомъ небѣ стали появляться тучи, и на пыльную землю, дѣйствительно, стали капать тяжелыя, какъ слезы, крупныя капли дождя, вздымавшія пыль на дорогѣ... Когда начался дождь, народъ, было, кинулся къ о. Николаю, но монахи его окружили и увели въ монастырь. Всѣ бросились кто куда могъ, чтобы укрыться. Когда всѣ укрылись, разразился сильнѣйшій ливень.

Послѣ трапезы пришелъ къ о. Николаю звонарь и спрашиваетъ: «Прикажете ли звонить сборъ?» О. Николай задумался, опустилъ голову. Потомъ сказалъ: «Звоните!»

Дождь продолжалъ лить, какъ изъ ведра... Но какъ только сталъ раздаваться звонъ на обратный путь, дождь сразу прекратился. Возвращаясь домой въ Харьковъ, толпа богомольцевъ шла по улицамъ съ вѣтвями въ рукахъ и съ восторженнымъ пѣніемъ «Христосъ Воскресе!» Жители города открывали окна, пораженные недоумѣніемъ при видѣ такого ликованія двигавшейся толпы людей.

Популярность о. Николая среди простого народа была необычайна. Въ Харьковѣ, послѣ японской войны, развелось особенно много злоумышленниковъ. Знаменита была Соня-золотая ручка. Жили воры на Холодной горѣ. Но вотъ кто-то изъ нихъ смертельно заболѣваетъ. Были случаи, что посылали за о. Николаемъ, котораго тогда вели ночью по глухимъ тропинкамъ. Псаломщикъ дрожалъ и трясся отъ страха. Въ пещерѣ, куда ихъ приводили, лежали въ углу награбленные шубы. Но никто изъ грабителей не обижалъ о. Николая. Только послѣ революціи какой-то революціонеръ-бандитъ сорвалъ съ него золотой крестъ.

Еще въ періодъ жизни въ Харьковѣ, отъ стоянія на ногахъ во время долгихъ службъ и моленій у о. Николая образовались на ногахъ раны. Но онъ надъ собой острилъ, говоря, что, если ноги его не несутъ, то ему приходится самому ихъ нести.

Съ годами о. Николай началъ старчествовать по благословенію Оптинскаго старца о. Анатолія (Потопова).

Началась революція. Массы людей, группировавшихся вокругъ о. Николая, не были, надо думать, революціонно настроены. Вліяніе о. Николая было очень велико и далеко простиралось. Еще въ самомъ началѣ, учитывая все это, большевики призвали о. Загоровскаго и предложили ему войти съ ними въ извѣстное соглашеніе. Отъ него требовалось только одно: не произносить противъ коммунистовъ проповѣдей. Они даже предлагали ему субсидію золотомъ на его благотворительность. На это предложеніе о. Николай отвѣтилъ, что онъ служитъ Единому Богу и никому больше. Вскорѣ его арестовали и посадили въ тюрь-

му⁶). Какъ только вѣсть объ арестѣ о. Николая распространилась, площадь передъ тюрьмой покрылась вся крестьянскими подводами, полными деревенской провизіей. Пока о. Николай содержался въ тюрьмѣ — всѣ узники кормились привезеннымъ ему питаніемъ.

Видя такую великую народную любовь къ о. Николаю, власти рѣшили, что спокойнѣе будетъ, если его удалить изъ Харькова. Ему было предложено покинуть городъ и уѣхать подальше. О. Николай, взявъ съ собой Ульяшу, уѣхалъ въ Петербургъ. Многія монахини хотѣли его сопровождать, но выборъ его мудро остановился на Ульяшѣ — прежде всего изъ-за ея беззавѣтной преданности и крѣпкаго здоровья. Въ шутку онъ говорилъ ей: «У тебя не голова, а котелъ». Правда, она много не разсуждала, зато была предана не на словахъ, а на дѣлѣ. Кто бы могъ перенести все то, что она перенесла!

Итакъ, о. Николай и Ульяша оказались въ Петербургѣ. Это было время, когда появилась, такъ называемая, Живая Церковь. Ходя по городу, о. Николай съ Ульяшей кругомъ обходили, гдѣ стояли живоцерковные храмы. Оба они съ интересомъ осматривали дворцы, и это не только въ Петербургѣ, но ѣздили въ Царское Село, Петергофъ, и проч. Однажды они вошли въ церковь, близкую отъ ихъ жилья. Тутъ на о. Николая съ крикомъ гнѣвно набросилась бѣсноватая: «Ахъ ты, плѣшивый, ахъ ты, плаксивый — и сюда ты явился мучить насъ?» Кругомъ стоявшіе люди недоумѣвали, глядя на скромную фигуру о. Николая, одѣтаго въ простое крестьянское платье. Но скоро люди почувствовали, что передъ ними находится не совсѣмъ обыкновенный человекъ, какъ ни старались изгнанники держаться въ тѣни. Вотъ примѣръ. О. Николай лежалъ въ тотъ день больной. Раздался звонокъ. Ульяша открываетъ дверь и видитъ — на порогѣ стоятъ цыгане. «Здѣсь живетъ батька, который гадаетъ?» — спрашиваютъ они. «Нѣтъ», отвѣчаетъ Ульяша. «Какъ же», говорятъ цыгане, «намъ вѣдь да-

⁶) Возможно, что арестъ о. Николая послѣдовалъ послѣ того, какъ онъ съ толпой народа отстоялъ отъ разгрома монастырь, гдѣ находилось мѣсто пребываніе харьковскаго архіерея, какимъ въ то время былъ Владыка Митрополитъ Антоній Храповицкій.

ли адресъ: Боровая, 46. Скажите Батькѣ, что у насъ украли лошадь». Ульяша идетъ къ о. Николаю и говоритъ: «Пришли цыгане, но вы ихъ принять не можете. У нихъ украли лошадь. Если вы ихъ примете — мы пропали. Намъ же нельзя никого принимать». — «Хорошо», говоритъ о. Николай, «принять ихъ нельзя, но все же скажи имъ, чтобы искали лошадь у сосѣда». Черезъ нѣсколько дней цыгане снова явились, но теперь съ кулками провизіи. Лошадь была найдена у сосѣда.

Другой случай былъ такой. О. Николай никогда никуда не ходилъ, — только въ церковь. Вдругъ пришла женщина и умоляетъ его напутствовать умирающую. Противъ всѣхъ своихъ правилъ, о. Николай собрался и пошелъ, взявъ съ собой, имъ почитаемую, икону Божіей Матери «Взысканіе погибшихъ». Въ мансардѣ на кровати лежала молодая женщина безъ памяти. Изъ устъ ея струилась окровавленная пѣна. Двое дѣтей горько плакали. «Дѣточки», сказалъ о. Николай, «молитесь Божіей Матери — Она услышитъ дѣтскую молитву». Батюшка началъ молебенъ съ акаѳистомъ передъ принесеннымъ имъ образомъ. Слезы текли ручьями по лицу о. Николая, онъ буквально обливался слезами. Послѣ молебна ему говорятъ: «Батюшка, вы же не прочли отходной!» — «Не нужно», — отвѣтилъ онъ. Вскорѣ пришли къ о. Николаю благодарныя дѣти и принесли ему цвѣты и вышитый поясъ, какой носило духовенство въ Россіи. Послѣ этого пришла и сама выздоровѣвшая женщина. Она, хотя и была безъ сознанія во время молебна, но чувствовала, какъ въ нее вливается живая сила. Она стала преданной духовной дочерью о. Николая пока онъ жилъ въ Петербургѣ.

Вотъ еще достопамятный случай прозорливости о. Николая. Пришлось Батюшкѣ съ Ульяшей искать новую квартиру, т. к. къ нимъ стало ходить черезчуръ много народа. Они нашли прекрасное помѣщеніе. Ульяша обрадовалась и весело заговорила: «Вотъ хорошо! Здѣсь, Батюшка, поставимъ вашу кровать, здѣсь столъ». Но о. Николай стоитъ блѣдный и ничего не говоритъ. Наконецъ, онъ обратился къ хозяйкѣ: «Скажите, что тутъ у васъ произошло?» Оказа-

лось, что здѣсь повѣсился чехистъ. Конечно, это помѣщеніе они не наняли.

Пребываніе въ Петербургѣ, по теперешнему въ Ленинградѣ, окончилось для о. Николая знаменитой «Святой Ночью» — по выраженію вѣрующихъ петербуржцевъ, когда въ одну ночь арестовали 5 тысячъ человѣкъ изъ тѣхъ лицъ, кто особо былъ преданъ Церкви.

Тюрьма, куда заключили о. Николая, была настолько переполнена, что несчастный іерей Божій стоялъ на ногахъ 9 дней, пока одинъ урка не сжалился и не уступилъ ему мѣсто подъ столомъ, гдѣ онъ могъ лечь на полъ. Послѣ этого о. Николая сослали въ Соловки. Матушка Екатерина Ивановна, въ сопровожденіи вѣрной Ульяши, предприняла далекій путь; чтобы навѣстить Батюшку. Когда онѣ обѣ прибыли и имъ разрѣшили его увидѣть, онъ вышелъ къ нимъ бритый, исхудавшій. Это было время поста. Но при передачѣ провизіи требовалось, чтобы продукты непременно были мясными. Ульяша состряпала котлеты изъ чечевицы, которыя сошли за мясныя.

Послѣ пребыванія на Соловахъ, о. Николай съ другими узниками былъ отправленъ на крайній сѣверъ на поселеніе. Шли они пѣшкомъ по тундрѣ, переступая съ кочки на кочку. Донимала мошкара. Въ одномъ мѣстѣ путники заночевали въ покинутой часовнѣ. Проснувшись, о. Николай увидѣлъ, что онъ спалъ подъ образомъ «Взысканія погибшихъ». Это его обрадовало несказанно, онъ почувствовалъ, что находится подъ покровомъ Царицы Небесной. Онъ лишь одинъ дошелъ до мѣста назначенія: остальные не выдержали и умерли въ пути.

Ульяша, жертвенная, какъ всегда, и здѣсь не оставила Батюшку. Она пріѣхала къ нему на телѣгѣ одна, везя корзину съ провизіей. Проѣхала тысячи верстъ. Путь шелъ тайгой. Часто она бывала поражена зрѣлищемъ колыхающагося на небѣ сѣвернаго сіянія. Самъ Богъ ее хранилъ, и она добралась благополучно. Батюшка охранялся часовыми. Ульяша не потерялась. Солдатъ она называла Петькой, или Ванькой, хлопала ихъ по спинѣ, вспоминала имъ ихъ собственную мамку. «Это мой дядька», говорила она имъ, «онъ

взялъ меня къ себѣ, сиротку, и воспиталъ. У тебя тоже есть мамка — вспомни о ней! Отпусти ко мнѣ дядьку обѣдать!» Разрѣшеніе давалось, и Батюшка ходилъ обѣдать къ Уляшѣ.

Наконецъ, о. Николай отбылъ свой срокъ наказанія. Его отпустили жить, гдѣ онъ захочетъ, кромѣ Харьковской губерніи. Взглянувъ на карту, онъ увидѣлъ, что ближайшимъ городомъ къ Харькову будетъ Обоянь Курской губерніи. Вотъ они ѣдутъ въ поѣздѣ и уже приближаются къ цѣли. Они говорятъ между собой о томъ, что, выгрузившись изъ вагона, совсѣмъ не знаютъ, что дальше дѣлать. Ихъ разговоръ услышала ѣхавшая съ ними просто одѣтая особа, оказавшаяся женой ссыльнаго священника, котораго она ѣздила навѣстить. Зорко всмотрѣвшись, она признала въ лицѣ о. Николая духовное лицо. Матушка сообщила своимъ спутникамъ, что въ Обояни существуетъ тайный женскій монастырь. Она дала имъ его адресъ. Добравшись туда, путешественники позвонили. Имъ открыла двери мать привратница. Узнавъ, что они просятъ ихъ пріютить на ночь, монахиня категорически имъ заявила, что это невозможно: они сами скрываются и, если начнутъ пускать къ себѣ постороннихъ, это сейчасъ же привлечетъ къ нимъ вниманіе. «Все же доложите о насъ Игуменіи», — попросилъ о. Николай. Мать Игуменія не заставила себя ждать, она скоро вышла и привѣтливо ихъ пригласила раздѣлить съ монахинями трапезу. Что же оказалось? Въ ночь ихъ пріѣзда явился Игуменіи во снѣ преп. Серафимъ и сказалъ: «Къ тебѣ прибудетъ харьковскій Серафимъ, ты его пріими». Батюшка заплакалъ и сказалъ: «Я о. Николай». Но въ дѣйствительности онъ былъ въ Соловкахъ тайно постриженъ и названъ Серафимомъ. Онъ не ожидалъ, что еще вернется въ міръ и что жизнь его продолжится, и принялъ тайно монашество. Въ то время Уляша этого не знала, но впослѣдствіи, уже живя въ Обояни, при служеніи о. Николаемъ Литургіи, она слышала, какъ онъ, причащаясь, именовалъ себя іеромонахомъ Серафимомъ.

Квартиру въ Обояни они не замедлили найти. О. Николай днемъ никогда не выходилъ на улицу. Только глубокой ночью онъ выходилъ на дворъ подышать

свѣжимъ воздухомъ. Онъ ежедневно служилъ Литургію. Проскомидія съ безконечнымъ поминовениемъ живыхъ и умершихъ тянулась часами. Иногда ночью являлись къ нему его харьковскія монахини, и онъ такъ руководилъ ихъ тайнымъ монастыремъ.

о. Николай Загоровскій.

Ульяша жила въ Обояни въ полномъ послушаніи у Батюшки. Она была имъ пострижена въ монашество и названа Магдалиной. Поступила она работать въ госпиталь въ качествѣ санитарки. Неожиданно пришло распоряженіе: всѣ малограмотные обязаны сдать экзаменъ по программѣ десятилѣтки — иначе увольненіе. На несчастіе, учитель русскаго языка на курсахъ при госпиталѣ сдѣлалъ предложеніе Ульяшѣ: она ему от-

казала, и онъ люто ее возненавидѣлъ. О. Николай сталъ Уляшѣ давать уроки. Наступили экзамены. Батюшка написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Утро въ поселкѣ» и приказалъ Уляшѣ взять его съ собой на письменный экзаменъ и переписать, когда объявятъ тему. Заданной темой было, дѣйствительно, «Утро въ поселкѣ». Къ устному экзамену о. Николай порекомендовалъ Уляшѣ выучить наизусть одно стихотвореніе. «Когда спросятъ, кто его знаетъ — ты подыми руку». О немъ, дѣйствительно, спросили, и одна Уляша знала эти стихи наизусть. Такъ удалось миновать злобу учителя русскаго языка. Съ математикой было сложнѣе. Самъ о. Николай былъ очень плохимъ математикомъ. Онъ пригласилъ учителя и, раскрывъ учебникъ по алгебрѣ, указалъ ту страницу, которую Уляша должна была усвоить. Спросили на экзаменѣ именно это самое. Уляша сдала десятилѣтку и изъ санитарки стала мед-сестрой.

Наступило время второй міровой войны. Изъ госпиталя г. Обояни отправлялся на фронтъ отрядъ медицинскаго персонала. Въ немъ была и Уляша. О. Николай долженъ былъ остаться одинъ — старый, больной, неработоспособный, измученный тюрьмами и ссылками... На желѣзно-дорожной платформѣ происходила посадка медицинскаго персонала. Поименно всѣхъ вызывали и сажали въ поѣздъ. Осталась не вызванной одна Уляша. Поѣздъ ушелъ... Уляша поспѣшила домой. И что же она увидѣла? О. Николай стоялъ на молитвѣ. Коврикъ, на которомъ онъ стоялъ, былъ весь мокрымъ отъ слезъ.

Городъ Обоянь заняли нѣмцы. Солдаты были размѣщены по всѣмъ домамъ. Захватили они и домикъ, гдѣ помѣщался о. Николай. Ему было предложено спать на полу. Однако, солдаты были такъ поражены видомъ Старца, непрестанно пребывающаго на молитвѣ, что не только не заняли его ложа, но даже снимали обувь, входя въ его комнату, чтобы не потревожить молящагося.

Вскорѣ на санитарномъ автомобилѣ онъ былъ перевезенъ домой, въ Харьковъ. Здѣсь о. Николай совершалъ въ своемъ домѣ богослуженія при большомъ стеченіи народа. Война кончалась. Началось нѣмецкое

отступленіе. О. Николай рѣшилъ двинуться на Западъ, ибо, какъ онъ говорилъ, большевиковъ онъ не былъ въ силахъ снова увидѣть. Когда онъ переѣзжалъ границу своего отечества, то горько заплакалъ. Но его уже ожидало отечество небесное. Жизнь его оборвалась при пріѣздѣ въ г. Перемышль. Съ нимъ случился ударъ. Его положили въ больницу, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько дней. Умеръ онъ наканунѣ праздника Покрова Пресвятой Богородицы.

Все произошло точь-въ-точь, какъ онъ описалъ свою смерть въ одномъ стихотвореніи, написанномъ лѣтъ 20 передъ этимъ, въ бытность его въ Петербургѣ, еще въ началѣ революціи.

Въ этомъ стихотвореніи описаны послѣдніе теплые дни ранней осени. Цвѣты отцвѣтаютъ. Падаютъ на землю шурша осенніе листья. Кротко улыбается умирающая природа, и съ ней вмѣстѣ кончаетъ свои земные дни и самъ священно-поэтъ. Какъ онъ описалъ, такъ все и произошло въ дѣйствительности: стояла именно такая осень. Батюшка, который не отличался особой красотой при жизни, на смертномъ одрѣ былъ болѣе, чѣмъ прекрасенъ. Ликъ его носилъ отпечатокъ нездѣшняго міра, непередаваемой словами красоты. Пріоткрылась какъ бы дверь въ желанную, нездѣшную страну, гдѣ «праведницы сіяютъ, яко свѣтила».

Г л а в а XVII.

Старець Нектарій.

(† 1928)

ПРЕДУВЪДОМЛЕНИЕ.

Первымъ старцемъ въ Оптиной былъ іеросхимонахъ Левъ, сильный и властный: онъ царственно открываетъ собою рядъ великихъ старцевъ. Въ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ Россіи старецъ Амвросій питаетъ всѣхъ духовно божественной пищей — амброзіей; а послѣдній старецъ Нектарій, любимый ученикъ о. Амвросія, въ нестерпимый зной страшныхъ искушеній переживаемыхъ родиной утоляетъ жажду и подкрѣпляетъ вѣрующихъ духовными утѣшеніями — божественнымъ питіемъ, нектаромъ.

«Въ Библіи названіе и имя всегда имѣютъ сокровенный и важный смыслъ», — говоритъ старецъ Варсонофій Оптинскій: «но и въ жизни часто названіе мѣстности, фамилія лица, словомъ, всякое имя имѣютъ нѣкій таинственный смыслъ, уясненіе котораго иногда бываетъ не бесполезно.»

Житія предшественниковъ о. Нектарія составлялись сразу же послѣ ихъ смерти ихъ близкими и ихъ учениками, въ мирной обстановкѣ, когда все было свѣжо въ памяти современниковъ, когда легко можно было добыть любое свѣдѣніе. Мы находимся въ иныхъ условіяхъ, вдали отъ родины, и располагаемъ немногочисленными источниками, отрывочными свѣдѣніями.

Пусть этотъ трудъ и послужитъ матеріаломъ будущему составителю житія этого великаго старца.

Кромѣ того, приступая къ жизнеописанію Батюшки отца Нектарія, предупреждаемъ читателя: кто не видѣлъ лично Батюшку, тотъ, по рассказамъ, не сможетъ ясно представить его образъ. Трудно будетъ су-

дять ему о характерѣ, о качествахъ Батюшки: смиреніи, кротости, скромности.

По нѣкоторымъ рассказамъ невидѣвшій Батюшку можетъ вынести неправильное впечатлѣніе о немъ, какъ о весельчакѣ и балагурѣ, чего въ дѣйствительности не было, да и не могло быть: рѣдкіе случаи его «веселости» были весьма своеобразны и трудно передаваемы; ихъ можно воспроизвести только отнѣсительно, такъ какъ на бумагѣ не передать, ни интонаціи голоса, ни взгляда его слезящихся глазокъ, ни скромной улыбки или другого благодатнаго выраженія его лица, свойственнаго только ему одному, нашему дорогому Батюшкѣ.

Невозможно передать его дивныя качества: воплощеннаго смиренія, необычайныхъ кротости и скромности, любви и всего непередаваемого обаянія его благодатной личности.

І. ЮНЫЕ ГОДЫ о. НЕКТАРІЯ И ПЕРІОДЪ ДО СТАРЧЕСТВА.

Прямыхъ указаній на годъ рожденія о. Нектарія нѣтъ. Можно полагать, что родился онъ около 1856 г. Скончался о. Нектарій 29-го апрѣля (12 мая) 1928 г. въ селѣ Холмищи, достигнувъ 72-лѣтняго возраста.

Родители его, Василій и Елена Тихоновы, были жителями города Ливны, Орловской губ. Тамъ родился и будущій старецъ. Отецъ его былъ приказчикомъ; по другой версіи, рабочимъ на мельницѣ. Онъ рано умеръ; самъ о. Нектарій говорилъ о себѣ: «Было это въ ребячествѣ моемъ, когда я дома жилъ самъ-другъ съ маменькой. Насъ вѣдь съ маменькой двое только и было на бѣломъ свѣтѣ, да еще котъ жилъ съ нами... Мы низкаго были званія и при томъ бѣдные: кому нужны такіе-то?»

Похоронивъ мать въ юношескомъ возрастѣ и оставшись круглымъ сиротой, Николай (такъ звали въ міру о. Нектарія) потянулся въ Оптину Пустынь, находившуюся сравнительно близко отъ его родныхъ мѣстъ и тогда уже славную во всѣхъ концахъ Россіи. Вы-

шелъ онъ въ путь въ 1876 г., 20-ти лѣтъ, неся съ собой одно лишь Евангеліе въ котомкѣ за плечами.

Вотъ приближается молодой Николай Тихоновъ къ Оптиному монастырю, расположенному на правомъ берегу красавицы-рѣки Жиздры, у опушки вѣкового бора. Одинъ видъ обители успокаиваетъ, умиротворяетъ душу, отрываетъ ее отъ суеты мірской жизни. Еще большее впечатлѣніе производитъ скитъ, куда приходится идти по лѣсной тропинкѣ среди многовѣковыхъ сосенъ. Въ скиту Николая ждетъ встрѣча со старцемъ Амвросіемъ, который въ то время находился въ зенитѣ своей славы.

Приведемъ тутъ слова Е. Поселянина, пусть много позже посѣщалъ онъ Оптиный скитъ, но еще засталъ онъ старца Амвросія, а потому передаетъ подобіе того, что долженъ былъ видѣть и чувствовать Николай Тихоновъ въ описываемый нами моментъ.

Въ скитской оградѣ встрѣтятъ суровые лики великихъ преподобныхъ пустынножителей, держащіе въ рукахъ развернутые хартіи съ какимъ-нибудь изреченіемъ изъ своихъ аскетическихъ твореній... Вы идете по выложенной плитнякомъ дорожкѣ къ деревянной скитской церкви. Съ обѣихъ сторонъ отъ васъ цвѣтутъ, красуются, благоухаютъ на высокихъ стебляхъ, заботливо выращенные, цвѣты.

Направо и налево отъ входа, вкрапленные въ ограду, стоятъ два почти одинаковыхъ домика, имѣющіе по два крылечка, и съ внутренней стороны скита, и съ наружной стороны. Въ одномъ изъ нихъ жилъ великій старецъ Амвросій, въ другомъ скитоначальникъ Анатолій.

Скитъ представляетъ изъ себя просторный отрядный садъ съ пріютившимися въ немъ тамъ, поближе къ оградѣ, деревянными, большей частью, отштукатуренными бѣлыми домиками келлій.

Хорошо тутъ въ скиту въ хлопотливый лѣтній полдень, когда тянутся къ солнцу и шибче благоухаютъ цвѣты, и заботливо вьется надъ ними торопливая пчела, а солнечное тепло льется, льется волнами на тихій скитъ.

Хорошо въ лунную ночь, когда звѣзды съ неба точно говорятъ неслышно со скитомъ, посылая ему

вѣсть о Богѣ. И скить безмолвно отвѣчаетъ имъ воздыханіемъ къ небу, вѣчному, обѣтованному жилищу.

Хорошо и въ ясный зимній день, когда все блеститъ непорочнымъ снѣгомъ, и на этомъ снѣгу такъ ярко вырѣзывается зелень невянувшихъ хвойныхъ деревьевъ...

Вспоминаются дальніе счастливые годы, лѣтній вечеръ первой встрѣчи со старцемъ Амвросіемъ.

Вотъ, бродитъ согбенный, опираясь на костыль, быстро подходитъ къ нему народъ. Короткія объясненія:

— Батюшка, хочу въ Одессу ѣхать, тамъ у меня родные, работа очень хорошо оплачивается.

— Не дорога тебѣ въ Одессу. Туда не ѣзди.

— Батюшка, да вѣдь я уже совсѣмъ собрался.

— Не ѣзди въ Одессу, а вотъ въ Кіевъ, или въ Харьковъ.

И все кончено. Если человѣкъ послушается — жизнь его направлена.

Стоять какіе-то дальніе мужики.

— Кто вы такіе? — спрашиваетъ старецъ своимъ слабымъ ласковымъ голосомъ.

— Къ тебѣ, батюшка, съ подарочкомъ, отвѣчаютъ они, кланяясь: костромскіе мы, прослышали, что у тебя ножки болятъ, вотъ тебѣ мягкіе лапотки сплели...

Съ какимъ радостнымъ, восторженнымъ чувствомъ войдешь, бывало, въ тѣсную келлію, увѣшанную образами, портретами духовныхъ лицъ и лампадами, и видишь лежащаго на твердой койкѣ, покрытымъ бѣлымъ тканевымъ одѣяломъ, отца Амвросія. Ласково кивнетъ головой, улыбнется, скажетъ какую-нибудь шутку, и что-то чудотворное творится въ душѣ отъ одного его взгляда. Словно передъ тобой какое-то живое могучее солнце, которое грѣетъ тебя, лучи котораго забрались въ глубь души, въ тайные злые уголки твоего существа, и гонятъ оттуда все темное и грязное, и сугубятъ въ тебѣ все хорошее и чистое. И часто въ какомъ-нибудь, какъ бы вскользь сказанномъ словѣ, чувствуешь, какъ онъ глубоко постигъ всю твою природу. И часто потомъ, черезъ долгіе годы, вспоминаешь предостерегающее мудрое слово старца. А какъ умѣлъ смотрѣть, какъ безъ словъ

умѣлъ заглядывать однимъ взглядомъ во все существо... Чудеса творилъ невидимо, неслышно. Посылалъ больныхъ къ какому-нибудь цѣлебному колодцу, или указывалъ отслужить какому-нибудь святому молебенъ, и выздоравливали... И вспоминается онъ, ти-

Старецъ Нектарій.

хій, ясный, простой и радостный въ своемъ неустанномъ страданіи, какъ бы отлагающій лучи своей святости, чтобы не смущать насъ, пришедшихъ къ нему со своими тяготами и грѣхами. Вѣдь онъ стоялъ въ тѣ дни уже на такой высотѣ, что являлся людямъ въ видѣніяхъ за сотни верстъ, зова ихъ къ себѣ, что временами, когда онъ слушалъ богослуженіе, смотря на иконы, и къ нему случайно подходили съ какимъ-нибудь неотложнымъ вопросомъ, бывали ослѣплены тѣмъ благодатнымъ свѣтомъ, какимъ сіяло его лицо.

И такой человекъ старался быть только ласковымъ, привѣтливымъ дѣдушкой, безхитростно толкуя съ тобой о твоихъ большихъ вопросахъ и маленькихъ дѣлишкахъ!...»

Такъ долженъ былъ воспринять и вновь пришедшій юноша Николай святость и духовную красоту Амвросія. Какъ цѣльная и прямая натура, онъ отдался ему всѣмъ своимъ существомъ. Весь міръ для него сосредоточился въ отцѣ Амвросіи.

О первыхъ шагахъ молодого послушника Николая мы можемъ сказать лишь очень немногое со словъ монахини Нектаріи, записями которой мы располагаемъ.

«Пришелъ Николай въ скитъ съ однимъ лишь Евангеліемъ въ рукахъ, 20-лѣтнимъ юношей, отличался красотой; у него былъ прекрасный ярко-красный ротъ. Для смиренія старецъ сталъ называть его «Губошлепомъ». Въ скиту онъ прожилъ около 50-ти лѣтъ (съ 1876 г. по 1923 г.). Онъ несъ различныя послушанія, въ томъ числѣ на клиросѣ. «У него былъ чудный голосъ, и когда однажды ему пришлось пѣть «Разбойника благоразумнаго», онъ спѣлъ такъ прекрасно, что самъ удивился — онъ ли это поетъ (это самъ старецъ монахинямъ рассказывалъ). Хорошихъ пѣвчихъ изъ скита переводили въ монастырь — вотъ онъ, спѣвши Разбойника, испугался и принялся фальшивить. Его сперва перевели съ праваго клироса на лѣвый, потомъ и совсѣмъ смѣстили и дали другое послушаніе».

«Былъ очень застѣнчивъ: когда его назначили завѣдывать цвѣтами, и старецъ послалъ его вмѣстѣ съ монахинями плести вѣнки на иконы, онъ очень краснѣлъ и не смотрѣлъ на нихъ. Была у него маленькая слабость: любилъ сладенькое. Старецъ разрѣшилъ ему приходить въ его келью и брать изъ шкафа нарочно положенныя для него сладости. Однажды келейникъ спряталъ въ это условленное мѣсто обѣдъ старца. Старецъ потребовалъ свой обѣдъ, а въ шкафу пусто! «Это Губошлепъ съѣлъ мой обѣдъ», объяснилъ старецъ удивленному келейнику. Однажды молодому послушнику взгрустилось, что вотъ, всѣ монахи отъ родныхъ получаютъ посылки, а ему некому послать. Узнали объ этомъ монахини, наварили варенья, наку-

пили сластей и послали ему посылочку по почтѣ. Николай чрезвычайно обрадовался, схватилъ повѣстку и бѣгалъ въ восторгѣ по келліямъ, всѣмъ показывалъ, что и ему есть посылка».

Года черезъ два по поступленіи Николая въ скитъ вышло распоряженіе начальства о высылкѣ изъ обители всѣхъ неуказныхъ послушниковъ, подлежащихъ военному призыву. «И мнѣ», рассказываетъ самъ о. Нектарій: «вмѣстѣ съ другими монастырскій писмоводитель объявилъ о высылкѣ меня изъ скита. Но къ счастью моему, по святымъ молитвамъ Старца (о. Амвросія), опасность эта миновала. Писмоводитель вскорѣ объявилъ мнѣ, что я отошелъ отъ воинской повинности только на двадцать пять дней. Прихожу къ Батюшкѣ и благодарю его за его молитвенную помощь; а онъ мнѣ сказалъ: если будешь жить по-монашески, то и на будущее время никто тебя не потревожитъ, и ты останешься въ обители навсегда». И слова старца оправдались.

«Когда о. Нектарій былъ на пономарскомъ послушаніи, у него была келлія, выходящая дверью въ церковь. Въ этой келліи онъ прожилъ 25 лѣтъ, не разговаривая ни съ кѣмъ изъ монаховъ: только сбѣгаетъ къ старцу или къ своему духовнику и обратно. Дѣло свое велъ идеально, на какомъ бы ни былъ послушаніи: всегда все у него было въ исправности. По ночамъ постоянно видѣлся у него свѣтъ: читалъ, или молился. А днемъ часто его заставляли спать, и мнѣніе о немъ составили, какъ о сонливомъ, медлительномъ. Это онъ, конечно, дѣлалъ изъ смиренія».

Итакъ, о. Нектарій провелъ 25 лѣтъ въ подвигѣ почти полного молчанія. Кто же былъ его прямымъ старцемъ? Отецъ ли Амвросій, или, какъ утверждаетъ нынѣ покойный прот. С. Четвериковъ («Оптина Пустынь») — о. Анатолій Зерцаловъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ самъ о. Нектарій. Изъ нижеприведенныхъ его словъ рисуется его отношеніе къ этимъ великимъ людямъ: о. Анатолія именуетъ онъ «духовнымъ отцомъ», а «Старецъ» это — исключительно о. Амвросій. — «Въ скитъ я поступилъ въ 1876 г. Черезъ годъ послѣ этого, Батюшка о. Амвросій благословилъ меня обращаться, какъ духовному отцу, къ начальнику

скита іеромонаху Анатолію, что и продолжалось до самой кончины сего послѣдняго въ 1894 г. Къ старцу же Амвросію я обращался лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. При всемъ этомъ я питалъ къ нему великую любовь и вѣру. Бывало, придешь къ нему, и онъ послѣ нѣсколькихъ моихъ словъ обнаружить всю мою сердечную глубину, разрѣшить всѣ недоумѣнія, умиротворить и утѣшить. Попечительность и любовь ко мнѣ недостойному со стороны Старца изумляли меня, ибо я сознавалъ, что я ихъ недостойнъ. На вопросъ мой объ этомъ, духовный отецъ мой іеромонахъ Анатолій отвѣчалъ, что причиной сему — моя вѣра и любовь къ Старцу; и что если онъ относится къ другимъ не съ такой любовью, какъ ко мнѣ, то это происходитъ отъ недостатка въ нихъ вѣры и любви къ Старцу, и что таковъ общій законъ: какъ кто относится къ Старцу, такъ точно и Старецъ относится къ нему»¹).

Старецъ и его дѣйствія не подлежатъ суду ученика. Его указанія должны приниматься безъ всякихъ разсужденій. Поэтому даже защита старца воспрещается, т. к. это уже въ какомъ-то смыслѣ является обсужденіемъ или судомъ. По неопытности своей о. Нектарій защищалъ въ спорахъ своего старца, о. Амвросія, отъ нападокъ нѣкоторыхъ неразумныхъ и дерзкихъ братій. Послѣ одного изъ такихъ споровъ явился ему во снѣ его прозорливый духовникъ о. Анатолій (еще при жизни своей) и грозно сказалъ: «никто не имѣетъ права обсуждать поступки Старца, руководясь своимъ недомысліемъ и дерзостью; старецъ за свои дѣйствія дастъ отчетъ Богу; значенія ихъ мы не постигаемъ»²).

Скажемъ нѣсколько словъ о скитоначальникѣ о. Анатоліи. По словамъ о. Пимена, настоятеля Николо-Угрѣшскаго м-ря (оставившаго послѣ себя цѣнный записки³), о. Анатолій Зерцаловъ раздѣлялъ еще при жизни о. Амвросія его труды по старчеству. Онъ былъ

¹ Жизнеописаніе Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія. Москва. 1900 г., стр. 134.

² Воспоминанія Архим. Пимена, настоятеля Николаевскаго монастыря, что на Угрѣшѣ. Москва, 1877 г., стр. 57.

³ С. А. Нилусъ. На берегу Божьей рѣки. Сергіевъ Посадъ. Часть 1-я.

изъ студентовъ семинаріи, трудившихся въ переводахъ святоотеческихъ книгъ при о. Макаріи, совмѣстно съ о. Амвросіемъ и о. Климентомъ Зедеггольмомъ. «Съ 1894 года о. Анатолій состоялъ духовникомъ всего братства и скитоначальникомъ. Почти всѣ посѣтители, бывшіе у старца Амвросія на благословеніи, приходили за благословеніемъ и совѣтами также къ о. Анатолію; онъ былъ старцемъ и нѣкоторыхъ братій Пустыни и скита, и у большинства сестеръ Шамординской Общины», — такъ повѣствуетъ о. Пименъ. И добавляетъ: «Онъ настолько преданъ былъ умной молитвѣ, что оставлялъ всякія заботы о вещественномъ, хотя и несъ званіе скитоначальника». Послѣ кончины о. Амвросія (1891 г.), о. Анатолій былъ старцемъ всего братства. Скончался 25-го января 1894 г. семидесяти двухъ лѣтъ.

Прямимъ ученикомъ о. Анатолія былъ старецъ о. Варсонофій, († 1912), въ міру полковникъ, прибывшій въ Оптину, когда о. Амвросій былъ уже въ гробу. Старецъ Варсонофій обладалъ высокими духовными дарованіями, провелъ немало лѣтъ въ затворѣ.

По вступленіи о. Варсонофія въ Оптину въ 1891 г., о. Анатолій назначилъ его келейникомъ къ о. Нектарію, тогда іеромонаху. Подъ руководствомъ послѣдняго въ теченіе десяти лѣтъ о. Варсонофій изучалъ теоретически и практически св. Отцовъ и прошелъ всѣ монашескія степени вплоть до іеромонашества.

Но вернемся къ о. Нектарію, который, пробывъ два съ половиною десятка лѣтъ въ уединеніи и молчаніи, ослабилъ, наконецъ, свой затворъ. Дневникъ С. А. Нилуса «На берегу Божьей рѣки» (1909) даетъ намъ обликъ будущаго старца, когда онъ началъ изрѣдка появляться среди людей. Мы видимъ о. Нектарія, говорящаго притчами, загадками, съ оттѣнкомъ юродства, часто не безъ прозорливости. «Младенствующій другъ нашъ», называетъ его Нилусъ. Эта манера о. Нектарія была формой его вящей скрытности, изъ-за боязни обнажить свои благодатные дары.

Многія страницы этого оптинскаго дневника (1909 г.) содержатъ записи общенія автора съ будущимъ старцемъ.

Изъ этихъ записей возстаетъ живой обликъ отца Нектарія, выявляются его взгляды и воззрѣнія, а также тутъ не мало есть и его личныхъ разсказовъ о своемъ дѣтствѣ. Поэтому записи его цѣнны въ качествѣ біографическаго матеріала*).

Готовимся къ 8-му іюня быть причастниками Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Врагъ не дремлетъ и сегодня передъ исповѣдью хотѣлъ было, угостить меня крупной непріятностью, подавъ поводъ къ недоразумѣнію съ отцомъ настоятелемъ, котораго я глубоко почитаю и люблю. Но не даромъ прошли для меня два года жизни бокъ о бокъ съ монашескимъ смиреніемъ Оптинскихъ подвижниковъ — смирился и я, какъ ни было то моему мірскому самолюбію трудно. Было это искушеніе за поздней обѣдней, послѣ которой мы должны были съ женой идти на исповѣдь къ нашему духовному старцу, о. Варсонофію. Вернулись послѣ исповѣди домой, вхожу на подѣздъ, смотрю, — а на свѣже-написанномъ небѣ моего этюда масляными красками кто-то углемъ крупными буквами во все небо написалъ по-французски — *La nuée* (туча).

Я сразу догадался, что виновникомъ этого «озорства» не могъ быть никто другой, кромѣ нашего друга, отца Нектарія: это было такъ похоже на склонность его къ нѣкоторому какъ бы юродству, подъ которымъ для меня часто скрывались назидательные уроки той или иной христіанской добродѣтели. Это онъ, несомнѣнно онъ, прозрѣвшій появленіе тучки на моемъ духовномъ небѣ; онъ, мой дорогой батюшка, любящій иногда, къ общему изумленію, вставить въ рѣчь свою неожиданное французское слово!... Заглянулъ я на нашу террасу, а онъ, любимецъ нашъ, сидитъ себѣ въ уголку и благодушн посмѣивается, выжидая, что выйдетъ изъ его шутки.

— «Ахъ, батюшка, батюшка!» — смѣюсь я вмѣстѣ съ нимъ: «ну, и проказникъ!»

А «проказникъ» всталъ, подошелъ къ этюду, смахнулъ рукавомъ своего подрясника надпись и съ улыбкой объявилъ:

— «Видите, — ничего не осталось!».

* С. А. Нилусъ. На Берегу Божьей рѣки. Часть 1-я. Сергіевъ Посадъ. 1916 г.

Ничего и въ сердцѣ моемъ не осталось отъ утренней смуты. Несомнѣнно, у друга нашего есть второе зрѣніе, которымъ онъ видитъ то, что скрыто для глазъ обыкновеннаго человѣка. Не даромъ же и благочестнаго житія его въ монастырѣ безъ малаго сорокъ лѣтъ.

Сегодня первый день церковнаго новаго года. Погода сегодня дивная. Солнце по весеннему грѣетъ и заливаешь веселыми лучами нашъ садикъ и чудный Оптинскій боръ, съ востока и юга подступившій почти вплотную къ нашему уединенію. Я вышелъ на террасу и чуть не задохнулся отъ наплыва радостно благодарныхъ чувствъ къ Богу, отъ той благодати и красоты, которыми безъ числа и безъ мѣры одарилъ насъ Господь, поселивъ насъ въ этомъ раю монашескомъ. Что за миръ, что за безмятежіе нашего здѣсь отшельничества; что за несравненное великолѣпіе окружающей насъ почти дѣвственной природы! Вѣдь, соснамъ нашимъ, величаво склоняющимся къ намъ свои пышно-зеленыя могучія вершины, не по полтысячи ли лѣтъ будетъ? Не помнятъ ли нѣкоторыя изъ нихъ тѣхъ лютыхъ дней, когда злые татарове шли на Козельскъ, подъ стѣнами и бойницами котораго грозный ихъ Батый задержанъ былъ на цѣлыя семь недѣль доблестью отцовъ теперешнихъ сосѣдей Оптинскихъ?.. И стою я, смотрю на всю эту радость, дышу и не надышусь, не налюбуюсь, не нарадуюсь...

«И вспомнилъ Іаковъ, — слышу я за спиной своей знакомый голосъ: что изъ страны своей онъ вышелъ и перешелъ черезъ Іорданъ только съ однимъ посохомъ, и вотъ — передъ нимъ его два стана. И сказалъ въ умиленіи Іаковъ Богу: Господи, какъ же я малъ предъ Тобою».

Я обернулся, уже зная, что это онъ, другъ нашъ. И заплакало тутъ мое окаянное и грѣшное сердце умиленными слезами къ Богу отцовъ моихъ, и

— «Господи, какъ же я малъ предъ Тобою!»

А мой батюшка, смотрю, стоитъ тутъ же рядомъ со мной и радуется.

— «Любуюсь я», — говоритъ, — «на ваше общегіе, батюшка баринъ, и дивуюсь, какъ это вы бла-

горазумно изволили поступить, что не пренебрегли нашей худостью».

«Нѣтъ, не такъ», — возразилъ я, — «это не мы, а обитель ваша святая не пренебрегла нами, нашимъ, какъ вы его называете, общежитіемъ».

Онъ, какъ будто не слыхалъ моего возраженія, вдругъ улыбнувшись своей тонкой улыбкой, обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— «А извѣстно ли вамъ, сколько отъ сотворенія міра и до нынѣшняго дня было истинныхъ общежитій?

Я сталъ соображать.

— Вы лучше не трудитесь думать, я самъ вамъ отвѣчу — три!»

— «Какія?»

— «Первое — въ Эдемѣ, второе — въ христіанской общинѣ во дни апостольскіе, а третье»...

Онъ приостановился... «А третье — въ Оптиной при нашихъ великихъ старцахъ».

Я вздумалъ возразить: — «А Ноевъ ковчегъ-то?»

— «Ну», — засмѣялся онъ, — «какое же это общежитіе? Сто лѣтъ звалъ Ной къ себѣ людей, а пришли одни скоты. Какое же это общежитіе?!»

Сегодня, точно подарокъ къ церковному новому году, батюшка нашъ преподнесъ намъ новый камень самоцвѣтный изъ неисчерпаемаго ларца, гдѣ хранятся драгоцѣнныя сокровища его памяти.

— «Вотъ у насъ въ моемъ дѣтствѣ тоже было нѣчто вродѣ Ноева ковчега, только людишечки мы были маленькіе, и ковчежекъ намъ былъ по росту, тоже малюсенькій: маменька, я — ползунокъ, да котикъ нашъ сѣренькій. Ахъ, скажу я вамъ, какой расчудесный былъ у насъ этотъ котикъ!... Послушайте-ка, что я вамъ про него и про себя расскажу!

— «Я былъ еще совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ», такъ началъ свое повѣствованіе о. Нектарій: «такимъ маленькимъ, что не столько ходилъ, сколько елозилъ⁴) по полу, а больше сиживалъ на своемъ сѣдалищѣ, хотя кое-какъ уже могъ говорить и выражать свои мысли. Былъ я ребенокъ кроткій, въ достаточной мѣрѣ послушливый, такъ что матери моей рѣдко приходилось меня наказывать. Помню, что на ту пору мы съ

⁴ «Ползаль», по орловскому говору.

маменькой жили еще только вдвоемъ, и кота у насъ не было. И вотъ, въ одно прекрасное время мать обзавелась котенкомъ для нашего скромнаго хозяйства. Удивительно прекрасный былъ этотъ кругленькій и веселенькій котикъ, и мы съ нимъ быстро сдружились такъ, что, можно сказать, стали неразлучны. Елозію ли я по полу, — онъ ужъ тутъ, какъ тутъ и объ меня трется, выгибая свою спинку; сижу ли я за миской съ приготовленной для меня пищей, — онъ приспособится състь со мной рядышкомъ, ждетъ своей порціи отъ моихъ щедротъ; а сяду, — онъ лѣзетъ ко мнѣ на колѣни и тянется мордочкой къ моему лицу, норовя, чтобы я его погладилъ. И я глажу его по шелковистой шерсткѣ своей рученкой, а онъ себѣ уляжется на моихъ колѣнкахъ, зажмуритъ глазки и тихо поеть-мурлычетъ свою пѣсенку...

Долго длилась между нами дружба, пока едва не омрачилась такимъ событіемъ, о которомъ даже и теперь жутко вспомнить.

Мѣсто мое, у котораго я обыкновенно сживалъ, помѣщалось у стола, гдѣ, бывало, шитьемъ занималась маменька, а около моего сѣдалища, на стѣнкѣ была прибита подушечка, куда маменька вкалывала свои иголки и булавки. На меня былъ наложенъ, конечно, запретъ касаться ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, а тѣмъ паче вынимать ихъ изъ подушки, и я запрету этому подчинялся безпрекословно.

Но, вотъ, какъ-то разъ залѣзъ я на обычное свое мѣстечко, а вслѣдъ за мной вспрыгнулъ ко мнѣ на колѣни и котенокъ. Мать въ это время куда-то отлучилась по хозяйству. Вспрыгнулъ ко мнѣ мой пріятель и ну-ко мнѣ ластиться, толкаясь къ моему лицу своимъ розовымъ носикомъ. Я глажу его по спинкѣ, смотрю на него и вдругъ глазами своими впервые близко, близко встрѣчаюсь съ его глазками. Ахъ, какіе это были милые глазки! чистенькіе, яркіе, до-вѣрчивые... Меня они поразили: до этого случая я не подозрѣвалъ, что у моего котика есть такое блестящее украшеніе на мордочкѣ... И вотъ смотримъ мы съ нимъ другъ на друга въ глаза, и оба радуемся, что такъ намъ хорошо вмѣстѣ. И пришла мнѣ вдругъ

въ голову мысль попробовать пальчикомъ, изъ чего сдѣланы подъ лобикомъ у котика эти блестящія бисеринки, которыя такъ весело на меня поглядываютъ. Поднесъ я къ нимъ свой пальчикъ, — котенокъ зажмурился, и спрятались глазки; отнялъ пальчикъ, — они опять выглянули. Очень меня это забавило. Я опять въ нихъ, — тыкъ пальчикомъ, а глазки — нырь подъ бровки... Ахъ какъ это было весело! А что у меня самого были такіе же глазки, и что они также бы жмурились, если бы кто къ нимъ подносилъ пальчикъ, того мнѣ и въ голову не приходило... Долго ли, — коротко ли, я такъ забавлялся съ котенкомъ — уже не помню, но только вдругъ мнѣ въ голову пришло разнообразить свою забаву. Не успѣла мысль мелькнуть въ головѣ, а ужъ ручки принялись тутъ же приводить ее въ исполненіе. Что будетъ, — подумалось мнѣ, — если изъ материнской подушки я достану иголку и воткну ее въ одну изъ котиковыхъ бисеринокъ? Потянулся я къ подушкѣ и вынулъ иголку... Въ эту минуту въ горницу вошла маменька и, не глядя на меня, стала заниматься какой-то приборкой. Я невольно воздержался отъ придуманной забавы. Держу въ одной рукѣ иголку, а другой ласкаю котенка...

— Маменька! — говорю: — какой у насъ котенокъ-то хорошенькій?

— Какому же и быть! — отвѣчаетъ маменька, — плохого и брать было бы не для чего.

— А что у него подъ лобикомъ, или глазки?

— Глазки и есть: и у тебя такіе же.

— А что, — говорю, — будетъ, маменька, если я котенку воткну въ глазикъ иголку?

Мать и приборку бросила, какъ обернется ко мнѣ, да какъ крикнетъ:

— Боже тебя сохрани!

И вырвала изъ рукъ иголку.

Лицо у маменьки было такое испуганное, что его выраженіе до сихъ поръ помню. Но еще болѣе врезалось въ мою память восклицаніе:

— Боже тебя сохрани!

Не наказала меня тогда мать, не отшлепала, а только вырвала съ гнѣвомъ изъ рукъ иголку и по-

грозила: — Если ты еще разъ вытащишь иголку изъ подушки, то я ею тебѣ поколю руку.

Съ той поры я и глядѣть даже боялся на запретную подушку.

Прошло много лѣтъ. Я уже былъ іеромонахомъ. Стояла зима. Хорошій, ясный выдался денекъ. Отдохнувъ послѣ обѣденной трапезы, я разсудилъ поставить себѣ самоварчикъ и поблагодумствовать за ароматическимъ чайкомъ. Въ келліи у меня была вода, да несвѣжая... Вылилъ я изъ кувшина эту воду, взялъ кувшинъ и побрелъ съ нимъ по воду къ бочкѣ, которая у насъ въ скиту стоитъ, обычно, у чернаго крыльца трапезной. Иду себѣ мирно и не безъ удовольствія предвкушаю радости у кипящаго самоварчика за ароматной китайской травкой. Въ скитскомъ саду ни души. Тихо, пустынно... Подхожу къ бочкѣ, а на нее, вижу, взобрался одинъ изъ нашихъ старыхъ монаховъ и тоже на самоварчикъ достаетъ себѣ черпакомъ воду. Бочка стояла такъ, что изъ-за бугра снѣга къ ней можно было подойти только съ одной стороны, по одной стежкѣ. По этой-то стежечкѣ я тихонько и подошелъ сзади къ черпавшему въ бочкѣ воду монаху. Занятый своимъ дѣломъ да еще нѣсколько глуховатый, онъ и не замѣтилъ моего прихода. Я жду, когда онъ кончитъ, и думаю: зачѣмъ нужна для черпака такая безобразно длинная рукоятка, да еще съ такимъ острымъ расщепленнымъ концомъ? чего добраго, еще угодить и въ глазъ кому-нибудь!.. Только это я подумалъ, а мой монахъ рѣзкимъ движеніемъ руки вдругъ какъ взмахнетъ этимъ черпакомъ, да какъ двинетъ концомъ его рукоятки въ мою сторону! Я едва успѣлъ отшатнуться. И еще бы на волосокъ, и быть бы мнѣ съ проткнутымъ глазомъ; а невольный виновникъ грозившей мнѣ опасности слѣзаетъ съ бочки, оборачивается, видитъ меня, и ничего не подозрѣвая, подходитъ ко мнѣ съ кувшиномъ подь благословеніе.

— Благословите, батюшка!

Благословить-то его я благословилъ, а въ сердцѣ досаду: экій, думаю, невѣжа! Однако, поборолъ я въ себѣ это чувство, — не виноватъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ томъ, что у него на спинѣ глазъ нѣтъ, — и

на этомъ умиротворился. И стало у меня вдругъ на сердцѣ такъ легко, и радостно, что и передать не могу. Иду я въ келлію съ кувшиномъ, наливши воды, и чуть не прыгаю отъ радости, что избѣгъ такой страшной опасности.

Пришелъ домой, согрѣлъ самоварчикъ, заварилъ «ароматическій чаекъ», присѣлъ за столикъ... и вдругъ, какъ бы яркимъ лучемъ освѣтился въ моей памяти давно забытый случай изъ поры моего ранняго дѣтства: котенокъ, иголка и восклицаніе матери:

— Боже тебя сохрани!

Тогда оно сохранило глазъ котенку, а много лѣтъ спустя и самому сыну... И подумайте, — добавилъ къ своей повѣсти о. Нектарій, что послѣ этого случая рукояти у черпака наполовину срѣзали, хотя я никому и не жаловался: видно всему этому надо было быть, чтобы напомнить моему недостойнству, какъ все въ жизни нашей отъ колыбели и до могилы находится у Бога на самомъ строгомъ отчетѣ.

(25-го іюня 19...)

На этихъ дняхъ наши аввы — о. архимандритъ и о. игумень уѣзжаютъ въ Троице-Сергіеву Лавру на монашескій съѣздъ.

Видѣлся сегодня съ о. Нектаріемъ.

— Каковы, — спрашиваю, — мысли ваши о предстоящемъ монашескомъ съѣздѣ?

— Мои мысли? — переспросилъ онъ меня съ улыбкой, — какія мысли у человѣка, который утромъ скорбень, а къ вечеру уныль? Вы, батюшка баринъ, сто книгъ прочли: вамъ, стало быть, и книги въ руки.

Мнѣ было знакомо это присловіе о. Нектарія, и потому я не отчаялся добиться отъ него отвѣта, хотя бы и притчей, любимой формой его мудрой рѣчи. Я не ошибся.

— Помните вы свое дѣтство? — спросилъ онъ меня, когда я сталъ настаивать на отвѣтѣ.

— Какъ не помнить, — помню.

— Вотъ и я, говорить: тоже помню. Набѣгаемся мы, бывало, ребятенки, наиграемся; вотъ, и присядемъ, или приляжемъ гдѣ-нибудь тамъ, въ укромномъ мѣстечкѣ, на вольномъ воздухѣ; да и давай смотрѣть на Божіе небушко. А по небу-то, глядишь, плывутъ-

бѣгутъ легкія облачка, бѣгутъ — другъ дружку догоняютъ. Куда, задумаешься, бывало, путь они свой держатъ по голубой необъятной дали?.. Эхъ, хорошо было бы на облачкахъ этихъ прокатиться!..

— Высоко дуже — нельзя! — со вздохомъ рѣшаетъ кампанія: — не взберешься... А, хорошо бы!

И, вотъ, среди насъ выискивается одинъ, наиболѣе смышленный: — Эхва, говоритъ: ужъ и раскисли! Какъ такъ нельзя? Здѣсь нельзя — надъ нами высоко, а тамъ, — показываетъ на горизонтъ, — тамъ рукой ихъ достать можно. Бѣгимъ скорѣйча туда, взлѣземъ, да и покатымъ!

И видимъ всѣ мы, что «смышленный» нашъ говоритъ дѣло, да къ тому же онъ и коноводъ нашъ: ну, что-жъ? — Бѣжимъ! И ужъ готова отъ словъ къ дѣлу перейти стайка неоперившихся птенцовъ-затѣйниковъ, да вспомнишь про оврагъ, черезъ который бѣжать надобно, а въ оврагъ, небось, разбойники, — про домъ свой вспомнишь, — а въ домъ у кого отецъ, у кого мать, да бабушка: еще вспорютъ чего добраго!.. Вспомнишь, да и махнешъ рукой на свою затѣю: чѣмъ по небу-то летать, давайте-ка лучше по землѣ еще побѣгаемъ!

Сказалъ батюшка свою притчу и улыбнулся своей загадочной улыбкой: понимай, молъ, какъ знаешь!

Я не удовлетворился такимъ отвѣтомъ.

«Вы мнѣ», говорю, «батюшка, скажите прямѣе: неужели толку не выйдетъ изъ сѣзда?»

— Осердится на нихъ Преподобный Сергій, — отвѣтилъ о. Нектарій.

— На кого — на нихъ?

— Да на нашихъ, что туда ѣдутъ. Чего «собираться скопомъ?» Вѣдь это запрещено монашескимъ уставомъ. Монашескій уставъ данъ Ангеломъ: не людямъ же его мѣнять-стать, да дополнять своими измышленіями... Плакать надо, да каяться у себя въ келліи наединѣ съ Богомъ, а не на позоръ собираться.

— Какъ на позоръ? Что вы говорите, батюшка?

— На позоръ — на публику, значить, на видъ всѣмъ, кому не лѣнь смѣяться надъ монахомъ, забывшимъ, что есть монахъ... Какіе тамъ могутъ быть вопросы? Все дано, все опредѣлено первыми учреди-

телями монашескаго житія. Выше боганосныхъ отцовъ пустынныхъ кто можетъ быть?.. Каяться нужно, да въ келліи сидѣть и носу не высовывать — вотъ что одно и нужно!

— Что бы, — говорю, — вамъ сказать все это аввамъ?

— А вы, — вмѣсто отвѣта сказалъ мнѣ батюшка, — не поскучаете ли еще послушать сказочку?

И батюшка продолжалъ:

Жилъ былъ на свѣтѣ одинъ вельможа. Богатъ онъ былъ и знатенъ, и было у него много всякихъ друзей, ловившихъ каждое его слово и всячески ему угождавшихъ. А вельможа тотъ былъ характера крутенькаго и любилъ, чтобы ему всѣ подчинялись... Вотъ, какъ-то разъ на охотѣ съ друзьями, отошелъ къ сторонкѣ тотъ вельможа, да въ виду всѣхъ взялъ и легъ на землю, приникъ къ ней однимъ ухомъ, послушалъ, повернулся на другой бокъ, другимъ ухомъ послушалъ, да и кричитъ своимъ приспѣшникамъ:

— Идите-ка всѣ сюда!

Тѣ подбѣжали.

— Лягьте — слушайте!

Легли, слушаютъ.

— Слышите? Земля трещитъ: грибы лѣзутъ.

И всѣ закричали въ одинъ голосъ:

— Слышимъ! Слышимъ!

Только одинъ изъ друзей всталъ съ земли молча.

— Чего же ты молчишь? — спрашиваетъ вельможа: — или не слышишь?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ, — не слышу.

И сказалъ вельможа:

— Э, братецъ, ты, видно тово — туговать на ухо!

И всѣ засмѣялись надъ нимъ и съ хохотомъ подхватили слова вельможи:

— Да онъ не только туговать: онъ просто на просто глухой!

Сказалъ свою сказочку батюшка и замолкъ.

— И все тутъ? — спрашиваю.

— Все. Чего же вамъ больше?

⁵ Какое дивное прозрѣніе и поученіе заключаются въ этомъ сказаніи: какъ не вспомнить исходъ вышеизложенной «Оптинской смуты»? Не «осердился» ли преп. Сергій?

И то правда: чего же мнѣ больше? *)

Продолжаю свою мысленную брань съ порокомъ куренья, но пока все еще безуспѣшно. А бросать это скверное и глупое занятіе надо: оно чувствительно для меня разрушаетъ здоровье — даръ Божій, и это уже грѣхъ.

Приснопамятный старецъ батюшка Амвросій, какъ-то разъ услышалъ отъ одной своей духовной дочери признаніе:

— «Батюшка! я курю, и это меня мучить».

— «Ну», отвѣтилъ ей старецъ: «это бѣда невелика, коли можешь бросить».

— «Въ томъ-то», — говоритъ, «и горе, что бросить не могу!».

— «Тогда это грѣхъ», — сказалъ старецъ: «и въ немъ надо каяться, и надо отъ него отстать».

Надо отстать и мнѣ; но какъ это сдѣлать? Утѣшаюсь словами нашихъ старцевъ, обѣщавшихъ мнѣ освобожденіе отъ этого грѣха, «когда придетъ время».

Покойный добротъ Оптиной Пустыни и духовный другъ ея великихъ старцевъ, архіепископъ Калужскій Григорій, не переносилъ этого порока въ духовенствѣ, но къ курящимъ мірскимъ и даже своимъ семинаристамъ, пока они не вступали въ составъ клира, относился снисходительно. Отъ ставленниковъ же, готовящихся къ рукоположенію, онъ категорически требовалъ оставленія этой скверной привычки, и курильщиковъ не рукополагалъ.

Объ этомъ мнѣ сообщилъ другъ нашъ, о. Нектарій, которому я не разъ жаловался на свою слабость.

— «Вѣдь вы», утѣшалъ онъ меня, «батюшка-баринъ, мірскіе: что съ васъ взять? А вотъ»...

И онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее:

— «Во дни архіепископа Григорія, мужа духоноснаго и монахолюбиваго, былъ такой случай: одинъ калужскій семинаристъ, кончавшій курсъ первымъ студентомъ и по своимъ выдающимся дарованіямъ лично извѣстный владыкѣ, долженъ былъ готовиться къ посвященію на одно изъ лучшихъ мѣстъ епархіи. Явился онъ къ архіепископу за благословеніемъ и указаніемъ срока посвященія. Тотъ принялъ его отменно ласково, милостиво съ нимъ бесѣдовалъ и, обласкавъ отечески,

отпустилъ, указавъ день посвященія. Отпуская отъ себя ставленника, онъ, однако, не преминулъ спросить:

— «А что ты, брате, курево́мъ-то занимаешься, или нѣтъ?»

— «Нѣтъ, высокопреосвященнѣйшій владыка, — отвѣтилъ ставленникъ, — я этимъ дѣломъ не занимаюсь».

— «Ну, и добре», радостно воскликнулъ владыка, — «вотъ молодецъ ты у меня!... Ну-ну, готовься, и да благословить тебя Господь!»

Ставленникъ архіерею, по обычаю, — въ ноги; сюртукъ распахнулся, изъ-за пазухи такъ и посыпались на полъ одна за другой папиросы.

Владыка вспыхнулъ отъ негодованія.

— «Кто тянулъ тебя за языкъ лгать мнѣ?» — воскликнулъ онъ въ великомъ гнѣвѣ: «Кому солгалъ? Когда солгалъ? Готовясь служить Богу въ преподобіи и правдѣ?... Ступай вонъ! Нѣтъ тебѣ мѣста и не будетъ»...

— «Съ тѣмъ и прогналъ лгуна съ глазъ своихъ долой... Такъ-то, батюшка-баринъ, добавилъ о. Нектарій, глядя на меня своимъ всегда смѣющимся добротой и лаской взглядомъ — «а вамъ чего унывать, что не аѳонскимъ ладаномъ изъ устъ вашихъ пахнетъ? — Предъ кѣмъ вы обязаны?... А знаете что? — воскликнулъ онъ, и лицо его расцвѣтилось милой улыбкой! «вы не повѣрите! — я, вѣдь, и самъ едва не записался въ курильщики. Было это еще въ ребячествѣ моемъ, когда я дома жилъ самъ-другъ съ маменькой... Насъ, вѣдь, съ маменькой двое только и было на свѣтѣ, да еще котъ жилъ съ нами... Мы низкаго званія были и притомъ бѣдные: кому нужны такіе-то? Такъ, вотъ-съ, не услѣдила какъ-то за мной маменька, а я возьми, да и позаимствуйся отъ одного-то изъ богатенькихъ сверстниковъ табачкомъ. А у тѣхъ табачекъ были безъ перевода, и они имъ охотно, бывало, угощаютъ всѣхъ желающихъ. Скрутятъ себѣ вертушку, подымать, подымать, да мнѣ въ ротъ и сунуть: «на — покури!» — Ну, за ними задымишь и самъ. Первый разъ попробовалъ: голова закружилась, а, все-таки, понравилось. Окурокъ за окуркомъ — и сталъ я уже привыкать къ баловству этому: началъ, попрошайни-

чать, а тамъ и занимать сталъ въ долгъ, надѣясь какъ-нибудь выплатить... А чѣмъ было выплачивать-то, когда сама мать перебивалась, что называется, съ хлѣба на квасъ, да и хлѣба-то не всегда вдоволь было... И, вотъ, стала маменька за мной примѣчать, что отъ меня, какъ будто, табачкомъ припахиваетъ...

— «Ты, что это, Коля (меня въ міру Николаемъ звали), никакъ курить сталъ поваживаться?» — нѣтъ-нѣтъ, да и спросить меня матушка.

— «Что вы», — говорю, «маменька? — и не думаю!» А самъ скорѣй къ сторонкѣ, будто по дѣлу. Сошло такъ разъ, другой, а тамъ и попался: не успѣлъ я разъ какъ-то тайкомъ заемнымъ табачкомъ затянуться, а маменька — шашть! тутъ какъ тутъ:

— «Ты сейчасъ куришь?» — спрашиваетъ.

Я опять: «Нѣтъ, маменька!»

А гдѣ тамъ — нѣтъ? — отъ меня чуть не за версту разить — табачищемъ... Ни слова маменька тутъ не сказала, но такимъ на меня взглянула скорбнымъ взглядомъ, что можно сказать, всю душу во мнѣ перевернула. Отошла она отъ меня куда-то по хозяйству, а я забрался въ укромный уголокъ и сталъ неутѣшно плакать, что огорчилъ маменьку, мало — огорчилъ, обманулъ и солгалъ вдобавокъ. Не могу выразить, какъ было то мнѣ больно!.. Прошелъ день, настала ночь, мнѣ и сонъ на умъ нейдетъ: лежу въ своей кроваткѣ и все хлюпаю (орловскій говоръ), лежу и хлюпаю... Маменька услышала.

— «Ты что это, Коля? — никакъ плачешь?»

— «Нѣтъ, маменька».

— «Чего-жъ ты не спишь?»

И съ этими словами матушка встала, засвѣтила огоньшка и подошла ко мнѣ; и у меня все лицо отъ слезъ мокрое и подушка мокрехонька...

И что у насъ тутъ между нами было... И наплакались мы оба и помирились мы, наплакавшись съ родимой, хорошо помирились!

Такъ и кончилось баловство мое съ куреньемъ».

Заходилъ провѣдать давно бывавшій у насъ другъ нашъ, о. Нектарій.

— «Что давно не видать было васъ, батюшка» — встрѣтили мы такимъ вопросомъ этого полузатворника, извѣстнаго всѣмъ Оптинскимъ монахамъ сосредоточенностью своей жизни.

«А я думаю», отвѣтилъ онъ съ улыбкой, «что грѣшному Нектарію довольно было видѣть васъ и единожды въ годъ, а я который уже разъ въ году у васъ бываю!.. Монаху — три выхода: въ храмъ, въ келлію и въ могилу; вотъ законъ для монаха».

— «А если дѣло апостольской проповѣди требуетъ?» — возразилъ я.

— «Ну», отвѣтилъ онъ мнѣ, для этого ученые академики существуютъ; а я необразованный человѣкъ низкаго званія».

А между тѣмъ тотъ «человѣкъ низкаго званія» начитанностью своей поражалъ не одного меня, а многихъ, кому только удавалось приходить съ нимъ въ соприкосновеніе.

Я рассказывалъ батюшкѣ о небесномъ знаменіи, бывшемъ на Москвѣ въ началѣ мѣсяца. (Ложныя солнца и луна).

— «Какъ вы на эти явленія смотрите?»

— «Э, батюшка баринъ», — о. Нектарій иногда меня такъ называетъ — «какъ моему невѣжеству отвѣчать на такіе вопросы? Мнѣ ихъ задавать, а вамъ отвѣчать: вѣдь вы сто книгъ прочли; а я человѣкъ темный».

— «Да вы не уклоняйтесь, батюшка, отъ отвѣта», возразилъ я: «въ моихъ ста книгахъ, что я прочелъ, быть можетъ, тѣма одна, а въ вашей одной монашеской, которую вы всю жизнь читаете, свѣту на весь міръ хватить».

Отецъ Нектарій взглянулъ на меня серьезно, испытующе.

— «Вамъ, собственно, какого отъ меня отвѣта нужно?» — спросилъ онъ.

— «Да такого, который бы отвѣтилъ на мою душевную тревогу: таковы ли будутъ знаменія на небѣ, на солнцѣ и лунѣ и звѣздахъ, которымъ, по словамъ Спасителя, и надлежитъ быть предъ кончиной міра?»

— «Видите ли, чего захотѣли отъ моего худоумія!»

— Нѣтъ, батюшка-баринъ, не моей это мѣры, — отвѣтилъ на мой вопросъ о. Нектарій: а, вотъ, одно, по секрету, ужъ такъ и быть, я вамъ скажу: въ прошломъ мѣсяцѣ, — точно не упомяну числа, — шелъ со мной отъ утрени отецъ игуменъ, (старецъ Варсонофій), да и говорить мнѣ:

— «Я, о. Нектарій, страшный сонъ видѣлъ, такой страшный, что еще и доселѣ нахожусь подъ его впечатлѣніемъ... я его потомъ какъ-нибудь расскажу — добавилъ, подумавъ, о. игуменъ, пошелъ въ свою келью. Затѣмъ, прошелъ шага два, повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— «Ко мнѣ антихристъ приходилъ. Остальное расскажу послѣ».

— «Ну и что же», перебилъ я о. Нектарія, «что же онъ вамъ рассказалъ?»

— «Да, ничего! — отвѣтилъ о. Нектарій: самъ онъ этого вопроса ужъ болѣе не поднималъ, а спросить его я побоялся: такъ и остался поднесъ этотъ вопросъ невыясненнымъ... Что же касается до небесныхъ знаменій и до того, какъ относиться къ нимъ и къ другимъ явленіямъ природы, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, то самъ я открывать ихъ тайны власти не имѣю. Помнится, что около 1885 года, при скитоначальникѣ отцѣ Анатоліи (Зерцаловѣ), выдался среди зимы такой необыкновенный солнечный закатъ, что по всей Оптиной снѣгъ около часу казался кровью. Покойный отецъ Анатолій былъ мужъ **высокой духовной** жизни, и истинный дѣлатель умной молитвы и прозорливецъ: ему, должно быть, что-нибудь объ этомъ явленіи было открыто, и онъ указывалъ на него, какъ на знаменіе вскорѣ имѣющихъ быть кровавыхъ событій, предворяющихъ близкую кончину міра».

— «Не говорилъ ли онъ вамъ въ то время, что антихристъ уже родился?»

— «Такъ опредѣленно онъ, помнится, не высказывался, но прикровенно о близости его явленія онъ говорилъ часто. Въ Бѣлевскомъ женскомъ монастырѣ у о. Анатолія было не мало духовныхъ дочекъ. Одной изъ нихъ, жившей съ матерью, монахиней, онъ говорилъ: «мать-то твоя не доживетъ, а ты доживешь до самаго антихриста»: Мать теперь умерла, а дочка все

еще живетъ хотъ ей теперь ужъ подъ восемьдесятъ лѣтъ».

— «Неужели, батюшка, такъ близка развязка?»

О. Нектарій улыбнулся и изъ серьезнаго тона сразу перешелъ въ шуточный:

— «Это вы», отвѣтилъ онъ, смѣясь, «въ какой-нибудь изъ своихъ ста книгъ прочтите».

И съ этими словами о. Нектарій, перевелъ разговоръ на какую-то обыденную тему.

То была записка отъ конца марта, а вотъ записка отъ 1-го іюля:

«Зашелъ о. Нектарій. Преподавъ мнѣ благословеніе, задержалъ мою руку въ своей и говоритъ серьезно съ какой-то торжественной разстановкой:

— «Въ дому Давидову страхъ великъ».

И засмѣялся — куда вся серьезность дѣвалась!

— «Что это — спрашиваю, — значить?»

Отецъ Нектарій опять сталъ серьезенъ.

— «Нѣкто изъ нашихъ скитянь» — отвѣтилъ онъ мнѣ, — «сонъ на дняхъ такой видѣлъ: — «будто онъ мнѣ, — «сонъ на дняхъ такой видѣлъ: будто онъ дышается въ сторону царскихъ вратъ и, къ ужасу своему, видитъ, что тамъ стоитъ изображеніе звѣря»...

— «Какого звѣря...»

— «Апокалипсическаго. Видъ его былъ столь страшень, что не поддается описанію. Образъ этотъ, на глазахъ имѣвшаго видѣніе, трижды измѣнилъ свой видъ, оставаясь все тѣмъ же звѣремъ». Сказалъ это отецъ Нектарій, махнулъ рукой и добавилъ: «Впрочемъ, мало ли что монашескому худоумію можетъ присниться, или привидѣться!»

Не придавайте, молъ, значенія рѣчамъ моимъ...

16-ое іюня. Заходилъ о. Нектарій и ни съ того; ни съ сего завелъ рѣчь о какой-то знатной дамѣ, которую намъ нужно ждать къ себѣ — что это была за дама? Нашъ другъ с проста не говоритъ.

19-ое іюня. Къ намъ просится Олимпиада Θεοδορωνα, давнишній нашъ другъ и большая наша любимица. Сегодня отъ нея получили письмо, — она давно намъ не писала, — и въ этомъ письмѣ она умоляетъ принять ее въ общеніе съ нашей жизнью. Пишетъ, что готова жить хотъ въ Козельскѣ, лишь бы поближе быть

къ тому источнику, изъ котораго мы черпаемъ живую воду, жить тѣмъ, чѣмъ жива душа наша.

Не наша ли Липочка та знатная дама, которую намъ предвозвѣстилъ о. Нектарій? Не знатна она родовитостью и богатствомъ, но душа ея поистинѣ знатная — добрая, любящая, кроткая... Головка, вотъ только, у насъ путаная: живя постоянно въ Петербургѣ въ общеніи съ людьми новаго толка, не исключая духовныхъ лицъ обновленческаго направленія, наша Липочка соскочила съ оси подлиннаго Православія и теперь мечется изъ стороны въ сторону, нигдѣ не обрѣтая себѣ покоя.

7-го іюня. Пріѣхала къ намъ наша любимица и другъ нашъ О. Θ. Р-на, о которой я уже упоминалъ раньше, предполагая видѣть въ ней «знатную даму», предсказанную о. Нектаріемъ... Ну, и измочалилъ же ее, бѣдную, міръ...

Давно не бывавшій у насъ о. Нектарій сегодня пожаловалъ, — точно предвидѣлъ пріѣздъ своей «знатной дамы» и съ мѣста завелъ разговоръ о звѣздахъ, увѣряя, что на картѣ звѣзднаго неба онъ нашелъ свою «счастливую звѣзду».

Наша Липочка слушала его рѣчи не безъ удивленія, затѣмъ отвела меня въ сторону и тихонько спросила:

— «Къ чему это онъ все говоритъ?»

— «Не знаю».

— «Вы ничего ему про меня не рассказывали?»

— «Нѣтъ».

— «Странно».

— «Что-жъ страннаго?»

— «Да, то странно, я, — именно я, — всю жизнь искала свою «счастливую звѣзду» и не нашла ее до сихъ поръ».

— «А онъ, — говорю, — видите, нашелъ!»

— «Рассказывайте!»

— «Присмотритесь поближе къ Оптиной, къ нашей жизни, къ нашимъ интересамъ: быть можетъ и вы свою звѣзду найдете...»

— «А вы» — спросила Липочка, — «вашу нашли?»

— «Видите», — говорю, — «не ищемъ, — стало быть нашли!»

Липочка задумалась, но, кажется, рѣчамъ моимъ не очень повѣрила.

Дошло до моего слуха, что одинъ довольно мнѣ близкій по прежнимъ моимъ связямъ въ Орловской губерніи человѣкъ желаетъ по смерти своей оставить значительный капиталъ на учрежденіе при одной изъ духовныхъ академій кафедры церковнаго ораторскаго искусства.

Скорбно стало мнѣ такое извращеніе пониманія хорошимъ человѣкомъ источника церковнаго проповѣдничества. Бесѣдовали мы на эту тему съ отцомъ Нектаріемъ. Говорилъ-то, правда, больше я, а онъ помалкивалъ, да блестялъ тонкой усмѣшкой въ глубинѣ зрачковъ и въ углахъ своихъ яркихъ, свѣтящихся глазъ.

— «Ну, а вы», — спрашиваю, — «батюшка, что объ этомъ думаете?»

«Мнѣ», — отвѣчаетъ онъ съ улыбкой: «къ вамъ приникать надобно, а не вамъ заимствоваться отъ меня. Простите меня великодушно: вы вѣдь сто книгъ прочли, а я-то? — утромъ скорбенъ, и къ вечеру унылъ»...

А у самого глаза такъ и заливаются дѣтскимъ смѣхомъ.

— «Ну-те хорошо! (это у о. Нектарія такое при словѣе). Ну-те, хорошо! Каѳедру, вы говорите, краснорѣчія хотятъ завести при академіи. Можетъ быть, и къ добру. А не слыхали ли вы о томъ, какъ нѣкій деревенскій іерей, не обучившись ни въ какой академіи, пронзилъ словомъ своимъ самого Царя? да еще Царя-то какого? спасителя всей Европы — Александра Благословеннаго!»

— «Не слыхалъ, батюшка».

— «Такъ не поскучайте послушать. Было это въ одну изъ поѣздокъ царскихъ по Россіи, чуть ли не тогда, когда онъ изъ Петербурга въ Таганрогъ ѣхалъ. Въ тѣ времена, изволите знать, желѣзныхъ дорогъ не было, и цари по царству своему ѣздили на коняхъ. И, вотъ, случилось Государю проѣзжать черезъ одно бѣдное село. Село стояло на царскомъ пути, и проѣзжать его Царю приходилось днемъ, но остановки въ немъ царскому поѣзду по маршруту не было показано. Мѣстный священникъ это зналъ, но по царелюбію своему, все-таки, пожелалъ царскій поѣздъ встрѣтить и

проводить достойно. Созвалъ онъ своихъ прихожанъ къ часу проѣзда ко храму, расположенному у самой дороги царской. Собрались все въ праздничныхъ нарядахъ, — вышелъ батюшка въ свѣтлыхъ ризахъ, съ крестомъ въ рукахъ, а о-бокъ его дьячекъ со святой водой и съ кропиломъ — и стали ждать, когда запылитъ дорога и покажется государевъ поѣздъ. И, вотъ, когда показался въ виду царскій экипажъ, поднялъ священникъ крестъ высоко надъ головой и сталъ имъ осѣнять грядущаго въ путь Самодержца. Замѣтилъ это Государь и велѣлъ своему поѣзду остановиться, вышелъ изъ экипажа и направился къ священнику. Далъ ему іерей Божій приложиться ко кресту, окропилъ его святой водою, перекрестился самъ и сказалъ такое слово:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Царь земный! вниди въ домъ Царя Небеснаго, яко твое есть царство, и Его сила и слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

И что жъ вы, мой батюшка С. А., думаете? вѣдь такъ пронзило слово это сердце царское, что тутъ же Царь велѣлъ адъютанту выдать священнику на церковныя нужды пятьдесятъ рублей. Мало того: заставилъ повторить слово и еще пятьдесятъ рублей пожертвовалъ. Во сто цѣлковыхъ оцѣнилъ Государь краткое слово сельскаго батюшки»...

Прервалъ свой рассказъ о. Нектарій и засмѣялся своимъ дѣтскимъ смѣхомъ...

— «Впрочемъ, добавилъ онъ съ серьезнымъ видомъ: «вы, батюшка-баринъ, извоили сто книгъ прочесть — вамъ и книги въ руки».

Потомъ помолчалъ немного и сказалъ:

— «Когда посвящалъ меня въ іеромонахи бывший нашъ благодѣйшій владыка Макарій, то онъ, святительскимъ своимъ прозрѣніемъ, проникнувъ въ мое духовное неустройство, сказалъ мнѣ по рукоположеніи моемъ тоже краткое и тоже сильное слово, и настолько было сильно это, что я его до конца дней моихъ не забуду. И много-ль всего-то и сказалъ онъ мнѣ? Подозвалъ къ себѣ въ алтарь, да и говорить: «Нектарій! Когда ты будешь скорбенъ и унылъ, и когда найдетъ на тебя искушеніе тяжкое, то ты только одно тверди:

«Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего — іеромонаха Нектарія!» — «Только всего вѣдь и сказалъ мнѣ владыка, но слово его спасало меня не разъ и доселѣ спасаетъ, ибо оно было сказано со властію.

Власть эту можно получить только отъ Бога.

Сегодня тотъ же о. Нектарій въ бесѣдѣ о тѣснотѣ монашескаго пути, вспомнилъ объ одномъ своемъ собратѣ по скиту, нѣкоемъ о. Стефанѣ, проводившемъ благочестное житіе въ обители 25 лѣтъ и все-таки не устоявшемъ до конца въ своемъ подвигѣ.

Дѣло было въ томъ, что о. Стефанъ безъ благословенія обители издалъ, сдѣланныя имъ выписки изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго. Изданіе это, къ слову сказалъ, въ свое время среди мірянъ имѣло успѣхъ не малый, рассказывалъ о. Нектарій: «Дошла и до рукъ Оптинскаго настоятеля архимандрита Исаакія. Позвалъ онъ къ себѣ Стефана, да и говоритъ, показывая на книжку:

— «Это чье?»

— «Мое».

— «А гдѣ ты живешь?».

— «Въ скиту».

— «Знаю, что въ скиту. А у кого благословлялся это печатать?».

— «Самъ напечаталъ».

— «Ну, когда «самъ», такъ, чтобъ твоей книжкой у насъ и не пахло. Понялъ? Ступай!»

Только и было у нихъ разговору. И жестоко оскорбился Стефанъ на архимандрита, но обиду затаилъ въ своемъ сердцѣ и даже старцу о ней не сказалъ ни слова. Когда пришло время пострига, — его и обошли за самочиніе мантией: взялъ Стефанъ, да и вышелъ въ міръ, ни во что вмѣнивъ весь свой двадцатилѣтній подвигъ. Прожилъ онъ на родинѣ, въ своемъ двухъ-этажномъ домѣ, что-то лѣтъ съ пять, да такъ въ міру и померъ».

Разсказывалъ мнѣ о. Нектарій скорбную эту повѣсть, заглянувъ мнѣ въ глаза, усмѣхнулся и сказалъ:

— «Вотъ что можетъ иногда творить авторское самолюбіе!»

А у меня и недоразумѣніе-то мое съ о. архимандри-

томъ чуть не возникло на почвѣ моего авторскаго самолюбія.

И откуда о. Нектарій это знаетъ? А знаетъ, и нѣтъ-нѣтъ, да преподастъ мнѣ соотвѣтственное назиданіе.

Уходя отъ насъ и благословивъ меня, о. Нектарій задержалъ мою руку въ своей рукѣ и засмѣялся своимъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— «А вы все это запишите!»

Вотъ и записываю.

II. СТАРЧЕСТВО о. НЕКТАРІЯ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ (1911 — 1923 г.г.).

Съ 1905 г. старецъ Іосифъ, преемникъ о. Амвросія, сталъ часто прихварывать и видимо ослабѣвать. Въ маѣ мѣсяцѣ, послѣ серьезной болѣзни, онъ сложилъ съ себя должность скитоначальника, и св. Синодъ назначилъ о. Варсонофія на эту должность, связанную, по Оптинымъ обычаямъ, и со старчествомъ. О. Варсонофій, волевая, яркая личность, являлся также носителемъ особой благодати Божіей.

О. Нектарій, всегда стремившійся жить незамѣтно, уступилъ ему — своему въ дѣйствительности ученику — первенство.

Черезъ пять-шесть лѣтъ старецъ Варсонофій, вслѣдствіе интригъ и клеветъ, былъ переведенъ изъ Оптиной Пустыни настоятелемъ Голутвинскаго монастыря, находившагося въ полномъ упадкѣ. Черезъ годъ схи-архимандритъ о. Варсонофій представился (1912).

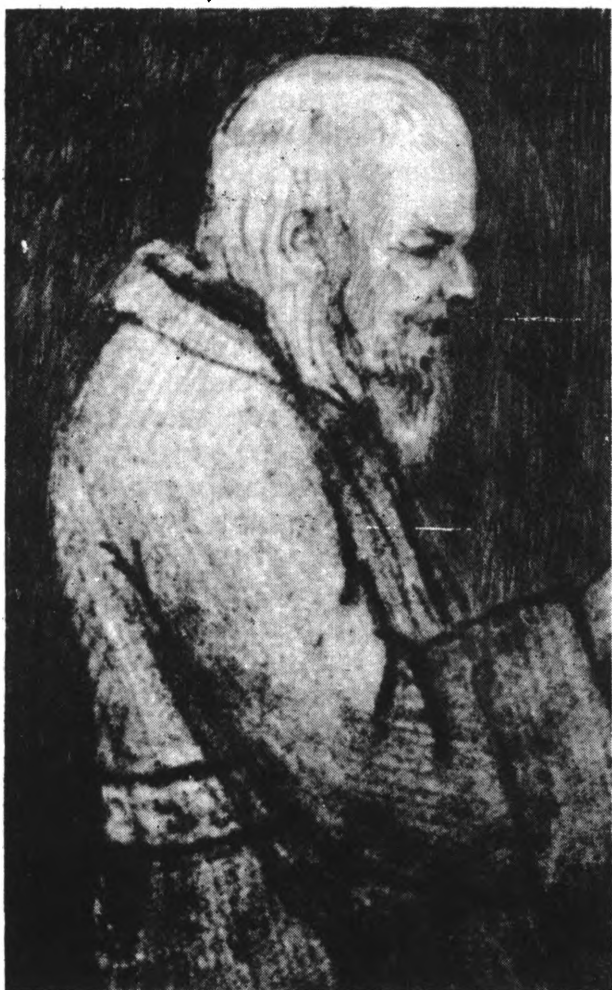
На немъ исполнились слова апостола Павла о томъ, что во всѣ времена, какъ и въ древности, такъ и теперь, «рожденные по плоти» гонятъ «рожденныхъ по духу» (Галат. 5, 25).

Съ уходомъ изъ Оптиной о. Варсонофія, о. Нектарій не могъ уклониться отъ старчества и, волей-неволей, долженъ былъ его принять. Онъ, надо думать, пытался достигнуть того, чтобы его освободили отъ этого послушанія. Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ, со словъ очевидцевъ, монахиня Нектарія:

«Когда его назначили старцемъ, онъ такъ скомо-рошничалъ (юродствовалъ), что даже его хотѣли смѣ-

стить, но одинъ высокой духовной жизни монахъ сказалъ: «Вы его оставьте, это онъ пророчествуетъ».

«Теперь все то сбывается, что онъ тогда прообразовывалъ. Напримѣръ, одѣнетъ халатикъ на голое

Старецъ Нектарій.

тѣло, и на ходу сверкаютъ у него голыя ноги: въ 20-22 г.г. у насъ даже студенты, курсистки и служащіе ходили на службу босые, безъ бѣлья, или пальто на равномъ бѣльѣ. Насобиравъ разнаго хламу: камешковъ, стеклышекъ, глины и т. д., устроилъ крохотный шкафчикъ и всѣмъ показываетъ, говоря: это — мой музей. Теперь тамъ музей. Взялъ фонарикъ электрическій,

спряталъ его подъ рясу, ходилъ по комнатѣ и отъ времени до времени сверкаетъ имъ: «Это я кусочекъ молніи съ неба схватилъ и подъ рясу спряталъ». — «Да это же не молнія, а просто фонарь!», говорили ему. «А, догадались!». Вотъ и теперь, время отъ времени дѣлаетъ онъ намъ свои небесныя откровенія, но по великому своему смиренію весьма рѣдко и по великой нуждѣ.

О первыхъ шагахъ старчества о. Нектарія записала монахиня Таисія со словъ Елены Александровны Нилусъ, жившей нѣсколько лѣтъ въ Оптиной Пустыни и хорошо знавшей о. Нектарія.

«Батюшка о. Нектарій былъ духовнымъ сыномъ старца о. Іосифа, преемника батюшки о. Амвросія и его же, — о. Іосифа, духовникомъ.

«Принималъ онъ въ хибаркѣ покойныхъ своихъ старцевъ о.о. Амвросія и Іосифа, гдѣ и сталъ жить самъ. Но по глубокому своему смиренію старцемъ себя не считалъ, а говорилъ, что посѣтителі приходятъ собственно къ батюшкѣ о. Амвросію въ его келлію, и пусть келлія его сама говоритъ съ ними вмѣсто него. Самъ же о. Нектарій говорилъ мало и рѣдко, и при томъ часто иносказательно, какъ бы полу-юродствуя. Часто давалъ что-нибудь, а самъ уходилъ, оставляя посѣтителя одного со своими мыслями. Но этотъ молчаливый пріемъ въ обвѣянной благодатью келліи величайшаго изъ Оптинскихъ старцевъ, гдѣ такъ живо ощущалось его личное присутствіе, какъ живого, эти многія слова его смиренного замѣстителя, унаслѣдовавшаго съ даромъ старчества и его даръ прозорливости и любви къ душѣ человѣческой, это одинокое чтеніе и размышленіе оставляли въ душѣ посѣтителі неизгладимое впечатлѣніе.

«Былъ случай, когда посѣтилъ о. Нектарія одинъ протоіерей-академикъ. — «Что же я могъ ему сказать? Вѣдь онъ ученый» — рассказывалъ послѣ самъ старецъ. — «Я и оставилъ его одного въ батюшкиной келліи. Пусть самъ батюшка его и научить». Протоіерей же, въ свою очередь, горячо благодарилъ старца за его пріемъ. Онъ говорилъ, что оставшись одинъ, обдумалъ всю прошлую свою жизнь и многое понялъ и пережилъ по новому въ этой тихой старческой келліи.

«Но не всѣхъ принималъ старецъ такимъ образомъ. Съ нѣкоторыми онъ много и очень оживленно говорилъ, поражая собесѣдника своими многими и всесторонними знаніями. Въ этихъ случаяхъ онъ оставлялъ свою манеру немного юродствовать. Послѣ одной изъ такихъ бесѣдъ, его собесѣдникъ, также протоіерей съ академическимъ образованіемъ, поинтересовался: «Какой батюшка Академіи?» Еще въ другой разъ о. Нектарій имѣлъ разговоръ съ однимъ студентомъ объ астрономіи. «Гдѣ же старецъ окончилъ Университетъ?» — любопытствовалъ этотъ послѣдній».

Къ началу старчества относится записъ инокини М., духовной дочери митрополита Макарія, къ которому ее направили оптинскіе старцы. Митрополитъ же переслалъ ея рукопись въ редакцію Троицкаго Слова (1917)⁶⁾.

Воспроизводимъ эту записъ.

Судьба кидала меня изъ стороны въ сторону. Причинъ описывать не буду: но я вела веселую, разсѣянную жизнь. Я не добилаь того, чего хотѣла; душа моя болѣла всегда объ этомъ, и я, чтобы найти самозабвеніе, искала шумную, веселую компанію, гдѣ бы можно было заглушить эту боль души. Наконецъ, это перешло въ привычку, и такъ осталось, пока, наконецъ, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, мнѣ не пришлось вести жизнь въ семьѣ, — съ годъ до того времени, какъ мнѣ поѣхать въ Оптину пустынь. За этотъ годъ я отвыкла отъ кутежей и поѣздокъ въ увеселительныя мѣста, но не могла свыкнуться съ семейной обстановкой, а надо было на что-нибудь рѣшиться и окончательно поведи жизнь по одному пути. Я была на распутьѣ — не знала какой выбрать образъ жизни.

У меня была хорошая знакомая, религіозная барышня; и вотъ однажды она мнѣ сказала, что ей попалась въ руки книга «Тихая пристань для отдыха страдающей души» Вл. П. Быкова. Въ ней говорится про Оптину пустынь, Калужской губ.; какіе прекрасные тамъ старцы, — духовные руководители, какъ они принимаютъ на совѣты къ себѣ всѣхъ, желаю-

⁶⁾ «Троицкое Слово» № 354 и 355, 22 и 29 янв. 1917 г.

щихъ о чемъ-либо поговорить съ ними, и какъ они сами собою представляютъ примѣръ христіанской жизни.

Мы заинтересовались этой пустынью и рѣшили объѣхать туда съѣздить. Первой ѣдетъ на масляной недѣлѣ моя знакомая и возвращается оттуда какая-то особенная. — Она рассказываетъ мнѣ, что ничего подобнаго, что она тамъ увидала и услышала, и представить себѣ не могла. Она говоритъ мнѣ о старцахъ. Первый, къ которому она попала, это о. Нектарій, жившій въ скиту. Онъ принимаетъ мало народу въ день, но подолгу держитъ у себя каждаго. Самъ говоритъ мало, а больше даетъ читать, хотя отвѣты часто не соотвѣтствуютъ вопросамъ; но читающій, разобравшись хорошенько въ прочитанномъ, найдетъ въ себѣ то, о чемъ заставили его читать, и видитъ, что дѣйствительно это, пожалуй, важнѣе того, о чемъ онъ настойчиво спрашивалъ. Но бываютъ съ нимъ и такіе случаи, когда долго сидятъ молча и старецъ, и посѣтитель, и, не сказавъ ни слова другъ другу, старецъ назначаетъ ему придти къ нему въ другое время.

Другой старецъ о. Анатолій съ иными приемами. Этотъ успѣваетъ въ день принять иногда по нѣскольکو сотъ человѣкъ. Говоритъ очень быстро, долго у себя не держитъ, но въ нѣсколько минутъ говоритъ то, что особенно важно для вопрошающаго. Также часто выходитъ на общія благословенія, и въ это время быстро отвѣчаетъ нѣкоторымъ на вопросы, а иногда просто кому-нибудь дѣлаетъ замѣчанія. Она у него была не болѣе 5 минутъ. Но онъ указалъ ей на главные ея душевные недостатки, которыхъ, какъ она говоритъ, никто не зналъ, — она была поражена. Она бы хотѣла его еще разъ увидеть, дольше поговорить съ нимъ, но не могла, такъ какъ у ней уже нанятъ былъ ямщикъ, и она должна была ѣхать домой. Вотъ какое впечатлѣніе вынесла моя знакомая и рассказала мнѣ. Мнѣ, конечно, по рассказамъ ея болѣе нравился о. Анатолій, съ нимъ мнѣ казалось лучше можно было поговорить о своей жизни. Хотѣлось скорѣе, скорѣе ѣхать туда. Но постомъ ѣхать бесполезно, такъ какъ въ это время въ Оптиной трудно новенькому чело-вѣку добиться бесѣды со старцемъ, потому я отло-

жила до Пасхи. — Наконецъ, въ Страстную пятницу я выѣхала, а въ субботу рано утромъ пріѣхала въ Козельскъ. Наняла ямщика и черезъ часъ подѣхала къ «благодатному уголку Россіи». Остановилась я въ гостиницѣ около святыхъ воротъ у о. Алексѣя. Привела себя въ порядокъ, выпила наскоро чашку чаю и скорѣе побѣжала къ о. Анатолію. Дорогой мнѣ кто-то указаль могилку почитаемаго батюшки о. Амвросія, я припала къ холодной мраморной плитѣ и просила его устроить на пользу мнѣ эту поѣздку. Вотъ вхожу на паперть храма. Мнѣ указываютъ на дверь направо, — въ пріемную о. Анатолія. Вхожу туда и вижу, что стоитъ кучка народу, окруживъ кого-то, но кто стоитъ въ центрѣ ея — не видать. Только что я хотѣла перекреститься и не успѣла еще положить на себѣ крестное знаменіе, какъ вдругъ толпу кто-то раздвигаетъ, и маленькій старичекъ съ милой улыбкой и добрыми, добрыми глазами вдругъ кричитъ мнѣ: «Иди, иди скорѣй сюда, давно ли пріѣхала-то?» Я подбѣгаю къ нему подъ благословеніе и отвѣчаю: «Только сейчасъ, батюшка, пріѣхала, да вотъ и тороплюсь сюда къ вамъ».

Вѣдь у тебя здѣсь родные, да, да? — спрашиваетъ о. Анатолій. — Нѣтъ, батюшка, у меня родныхъ нигдѣ нѣтъ, не только здѣсь, — отвѣчаю я. — Что ты, что ты, ну пойдемъ-ка сюда ко мнѣ, — и о. Анатолій, взявъ меня за руку, ввелъ къ себѣ въ келлію. Келлія его была необычайно свѣтла, солнце ее всю заливало своимъ яркимъ свѣтомъ. Здѣсь батюшка сѣлъ на стулъ около иконъ, а я встала предъ нимъ на колѣни и стала рассказывать ему о своей жизни. Долго рассказывала я, а батюшка въ это время или держаль меня руками за голову или вставаль и ходилъ по комнатѣ, или уходилъ въ другую комнату, какъ бы чего ища и все время тихонько напѣваль: «Пресвятая Богородице, спаси насъ». Когда я окончила свою повѣсть, батюшка ничего опредѣленнаго не сказалъ, что надо дѣлать мнѣ дальше, а на вопросъ мой, когда онъ можетъ исповѣдывать меня, онъ сказалъ, что сейчасъ же. Тутъ же произошла и исповѣдь сначала по книгѣ, а потомъ такъ. Но что это была за исповѣдь! Ничего подобнаго раньше я и представить себѣ не могла.

Вѣдь я не исповѣдывалась и не причащалась уже 8 лѣтъ. Теперь я, по невѣдѣнію своему, не думала, что надо все такъ подробно говорить, я поражалась, когда самъ старецъ задавалъ мнѣ вопросы, вынуждая меня отвѣчать на нихъ, и тѣмъ самымъ произносить грѣхи своими устами. — Исповѣдь окончилась. Молитву разрѣшительную онъ прочелъ, но велѣлъ пойти еще подумать, не забыла ли еще чего, и въ 2 часа опять придти къ нему на исповѣдь. При этомъ онъ далъ мнѣ нѣсколько книжечекъ и отпустилъ меня. Пришла я въ номеръ свой, какъ говорятъ, сама не своя, и стала все вспоминать съ самаго начала. И тутъ только подумала я, какъ странно встрѣтилъ меня о. Анатолій, словно мы были давно знакомы.

Въ 12 час. была обѣдня. Отстоявъ ее, я опять пошла къ о. Анатолію. Сказала ему кое-что изъ того, что припомнила; но онъ опять велѣлъ подумать и вечеромъ послѣ вечерни еще придти на исповѣдь. Видно было, что онъ что-то зналъ, чего я не говорила, но и вечеромъ я не вспомнила и не сказала того, что было нужно. Отъ о. Анатолія я отправилась въ скитъ къ о. Нектарію, чтобы принять только благословеніе. Но какъ только увидѣла я его, такъ сразу почувствовала, что онъ мнѣ роднѣе, ближе. Тихія движенія, кроткій голосъ при благословеніи: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа» — все у него такъ священно. Келейникъ о. Стефанъ провелъ меня въ келью къ батюшкѣ. Я не могла удержаться, чтобы не рассказать ему о своей жизни и о цѣли поѣздки. Батюшка все время сидѣлъ съ закрытыми глазами. Не успѣла еще я окончить свой рассказъ, какъ къ батюшкѣ поступался его келейникъ и сказалъ, что пришла братія къ батюшкѣ на исповѣдь. Батюшка всталъ и сказалъ мнѣ: «Вы придите завтра часовъ въ 6-ть, и я съ вами могу поговорить часа два. Завтра я буду по-свободнѣе». — Я приняла благословеніе и ушла.

Въ 12 час. ночи началась полунощница и утренняя. Я все это простояла. Послѣ утрени говѣющимъ читали правило. Обѣдня должна быть въ 5 часовъ. Послѣ правила я пошла въ номеръ немного отдохнуть, такъ какъ сильно устала, во-первыхъ, отъ безсонной ночи въ поѣздѣ, а во-вторыхъ, отъ всѣхъ волненій, пере-

житыхъ за день. Ни звона къ обѣднѣ, ни стука въ дверь будильщика — ничего не слыхала я и когда проснулась и побѣжала въ церковь, то тамъ въ это время только что причастились и Св. Дары уносили въ алтарь. Ахъ! какъ страшно мнѣ стало въ эту минуту и я, стоя на паперти, горько заплакала. Тутъ только я вспомнила, что пріѣхала говѣть безъ должнаго къ сему подготовленія... Тутъ я почувствовала, что Господь Самъ показалъ на дѣлѣ, что нельзя къ этому великому таинству приступать небрежно, не очистивъ себя и духовно, и тѣлесно. Весь день плакала я, несмотря на то, что это былъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Днемъ я пошла къ о. Анатолію съ своимъ горемъ и спрашивала, можно ли причаститься на второй или третій день праздника? Но о. Анатолій не позволилъ, а посовѣтовалъ поговѣть въ Москвѣ на Ѳоминой недѣлѣ. На мои вопросы о дальнѣйшей жизни, о. Анатолій отвѣчалъ уклончиво: то говорилъ, что хорошо сдѣлаться доброю матерью чужимъ дѣтямъ, то говорилъ, что лучше этого не дѣлать и жить одной, такъ какъ въ противномъ случаѣ будетъ очень трудно. Затѣмъ батюшка посовѣтовалъ мнѣ со своими вопросами обратиться въ Москвѣ къ указанному имъ старцу Макарію и все, что онъ посовѣтуетъ, исполнить. Такъ на этомъ бесѣда была окончена. Вечеромъ я пошла къ о. Нектарію. Тамъ три пріемныя были заняты народомъ. Ровно въ 6 часовъ батюшка вышелъ на благословеніе. Я стояла въ переднемъ углу во второй комнатѣ. Батюшка, по благословеніи всѣхъ, возвращаясь изъ третьей пріемной, вторично благословилъ меня и тутъ же, обратясь къ прочимъ, сказалъ: «Простите, сегодня я не могу принять», и самъ пошелъ къ себѣ въ келлію. Я за нимъ. Народъ сталъ расходиться. — Долго разговаривала я съ батюшкой. Батюшка сказалъ мнѣ: «Если бы вы имѣли и весь міръ въ своей власти, все же вамъ не было бы покоя и вы чувствовали бы себя несчастной. Ваша душа мечется, страдаетъ, а вы думаете, что ее можно удовлетворить внѣшними вещами, или наружнымъ самозабвеніемъ. Нѣтъ! Все это не то, отъ этого она никогда не успокоится... Нужно оставить все...»

Послѣ этого батюшка долго сидѣлъ, склонивъ на

грудь голову, потомъ говорить: — Я вижу около тебя благодать Божию; ты будешь въ монастырѣ...

— Что вы, батюшка?! Я-то въ монастырѣ? Да я совсѣмъ не гожусь туда! Да я не въ силахъ тамъ жить.

— Я не знаю, когда это будетъ, можетъ быть скоро, а можетъ быть лѣтъ черезъ десять, но вы обязательно будете въ монастырѣ.

Тутъ я сказала, что о. Анатолій посовѣтовалъ мнѣ сходить въ Москвѣ къ сказанному старцу Митрополиту Макарію за совѣтомъ. «Ну, что же сходите къ нему, и все, все исполните, что батюшка о. Анатолій вамъ сказалъ и что скажетъ старецъ», и тутъ батюшка опять началъ говорить о монастырѣ и какъ я должна буду тамъ себя вести. Въ девятомъ часу вечера я ушла отъ батюшки. Со мной происходило что-то необычайное. То, что казалось мнѣ такимъ важнымъ до сего времени, то теперь я считала за пустяки. Я чувствовала, что-то должно совершиться помимо меня, и мнѣ теперь не зачѣмъ спрашивать о своей дальнѣйшей жизни. Золото, которое было на мнѣ, жгло мнѣ и руки, и пальцы, и уши и, придя въ номеръ, я все снимала съ себя. Мнѣ было стыдно самой себя. Батюшка о. Нектарій произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я готова была на всю жизнь остаться здѣсь около него и не возвращаться въ Москву, — готова терпѣть всѣ лишенія, но лишь бы быть здѣсь. Но сдѣлать это сразу было невозможно. Городъ съ его шумомъ, семья, которая нѣсколько часовъ тому назадъ для меня была дорога, — все это стало теперь далекимъ, чужимъ... На третій день праздника, во вторникъ, по благословенію о. Нектарія я ѣздила смотрѣть Шамординскую женскую пустынь, находящуюся въ 12 верстахъ отъ Оптиной. Познакомилась съ матушкой игуменьей Валентиной. Посмотрѣла келлію батюшки о. Амвросія. Здѣсь все стоитъ въ томъ видѣ, какъ было при батюшкѣ. На столѣ лежитъ пачка листовъ для раздачи, изданія ихъ Шамординской пустыни. — Монахиня, которая все это мнѣ показывала, сказала мнѣ, что почитающіе батюшку кладутъ иногда эту пачку листовъ къ нему подъ подушку, потомъ помолятся и, вынувъ одинъ листокъ изъ-подъ подушки, принимаютъ его какъ отъ батюшки. Я сдѣ-

лала тоже, и вынула листокъ: «О. Амвросій руководитель монашествующихъ». Монахиня взглянула на листокъ и говоритъ мнѣ: «Должно быть, вы будете въ монастырѣ?» — Я отвѣчаю: «Не знаю, едва ли?» — «А вотъ увидите, что будете, — такой листокъ вышелъ». Я не обратила на это вниманія, а листочекъ все-таки припрятала. — Все мнѣ понравилось въ Шамординѣ. Вернувшись въ тотъ же день въ Оптину, — рассказала батюшкѣ о своемъ впечатлѣніи и сказала, что буду у старца Митрополита Макарія просить благословенія поступить въ Шамординъ, чтобы и къ батюшкѣ быть ближе.

Въ четвергъ вечеромъ, совершенно измѣнившаяся, какъ бы воскресшая духовно, я поѣхала домой. Тутъ я вспомнила разъясненіе одной дамы — духовной дочери о. Анатолія, что и въ святыхъ вратахъ Оптиной п р и в ы х о д ѣ виситъ икона Воскресенія Христова; — какъ бы знаменіе того, что всѣ, побывавшіе въ Оптиной, выходятъ оттуда, какъ бы воскресшіе.

Черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ изъ Оптиной, я собралась идти къ указанному старцу. Передъ этимъ я молилась и говорила: «Господи, скажи мнѣ волю Свою устами этого старца». И вотъ я услышала отъ него то, чего и предположить не могла. Онъ сказалъ, что въ Шамординской пустыни мнѣ будетъ трудно, но чтобы я ѣхала лучше на Алтай и я тамъ буду нужна для миссіи. Такъ какъ раньше я рѣшила исполнить все, что онъ мнѣ скажетъ, то я тутъ и отвѣтила ему, что я согласна.

Я стала готовиться къ отъѣзду и ликвидировать свои дѣла. Черезъ двѣ недѣли я была уже готова къ отъѣзду, но старецъ задержалъ поѣздку, хотѣлъ дать мнѣ попутчицу. — Въ это время я еще разъ успѣла побывать въ дорогой Оптиной пустыни.

Батюшка о. Нектарій сильно обрадовался моему рѣшенію и переменѣ, происшедшей во мнѣ, а о. Анатолій сначала даже не узналъ: такъ переменилась я и въ лицѣ, и одеждѣ.

О. Анатолій на мои вопросы о дурныхъ помыслахъ, могущихъ приходить ко мнѣ, живя въ монастырѣ, отвѣтилъ: «Помыслы — это спасеніе для васъ, если будете сознать, что они худы и бороться съ ними и не приводить ихъ въ исполненіе».

О. Нектарій говорилъ: «Во всякое время, что бы вы ни дѣлали: сидите ли, идете ли, работаете ли, читайте сердцемъ: «Господи, помилуй». Живя въ монастырѣ, вы увидите и познаете весь смыслъ жизни. Въ отношеніи ко всѣмъ наблюдать надо скромность и середину. Когда будутъ скорби и не въ силахъ перенести ихъ, тогда отъ всего сердца обратитесь къ Господу, Матери Божіей, святителю Николаю и своему Ангелу, имя которого носите отъ св. крещенія, и по времени, и терпѣніи скорбь облегчится».

На вопросъ: можно ли не пускать въ свою душу никого? батюшка отвѣтилъ: «Чтобы никакихъ отношеній не имѣть этого нельзя, — ибо тогда въ вашей душѣ будетъ отсутствіе простоты, а сказано: миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа. Святыня — это простота, разсудительно являемая предъ людьми. Разсужденіе выше всѣхъ добродѣтелей. Серьезность и привѣтливость можно совмѣстить, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которые сами въ свое время объявляются и заставляютъ быть или серьезнѣе, или привѣтливѣе.

Въ трудныя минуты, когда явно вспоминается легкая мірская жизнь, лучше почаще вспоминать имя Божіе святое и просить помощи, а то, что грѣшно, то, слѣдовательно, и опасно для души. Лучше, хотя и мысленно, стараться не возвращаться вспять.

Не всякому по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ полезно жить въ міру. А кто побѣждаетъ свои наклонности, удалившись въ обитель, ибо тамъ легче спастись, тотъ слышитъ гласъ откровенія Божія: «побѣждающему дамъ сѣсть на престолѣ Моемъ».

Эта поѣздка въ Оптину еще болѣе укрѣпила меня.

Черезъ нѣсколько дней я уѣхала на Алтай и поступила въ монастырь, указанный мнѣ старцемъ Митрополитомъ Макаріемъ.

Вотъ какъ дивно исполнились слова, сказанныя батюшкой о. Нектаріемъ: «Я вижу около васъ благодать Божию, вы будете въ монастырѣ». — Я тогда удивилась и не повѣрила, а черезъ два мѣсяца послѣ этого разговора я дѣйствительно уже надѣла на себя иноческую одежду. Благодарю Господа, вразумившаго меня съѣздить въ этотъ благодатный уголокъ — Оптину пустынь.

Не поѣхала бы туда — и до сихъ поръ не была бы въ монастырѣ и до сихъ поръ носилась бы въ бурныхъ волнахъ житейскаго моря. Слава Богу за все.

Къ самому началу періода старчества о. Нектарія относится и запись протоіерея о. Василия Шустина, изданная въ бытность его въ Сербіи въ 1929 г.⁷⁾

Это личная воспоминанія объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ, о старцахъ Варсонофії и Нектаріи, къ которымъ о. Василій, а тогда Василій Васильевичъ, студентъ технологическаго института, былъ необычайно близокъ.

О. Варсонофій познакомилъ его съ дѣвушкой, собиравшейся въ монастырь, и велѣлъ ей выйти за него замужъ. Для Василия Васильевича это тоже было полной неожиданностью. Вскорѣ послѣ этого о. Варсонофій умеръ. Повѣнчавшись, молодые въ тотъ же день отправились въ Оптину, чтобы первый свадебный визитъ, по завѣщанію старца, сдѣлалъ ему, на его могилку. Приведемъ полностью рассказъ объ этой поѣздкѣ.

Приѣхавъ въ Оптину, мы отслужили панихиду, поплакали, погоревали и спрашиваемъ служившаго іеромонаха: кто теперь старчествуетъ? «О. Нектарій», отвѣчаетъ тотъ. Тутъ-то я и понялъ, почему о. Варсонофій, покидая скитъ, послалъ меня къ отцу Нектарію: чтобы я съ нимъ познакомился поближе — онъ уже заранѣе указалъ мнѣ, кто долженъ мною руководить послѣ его смерти. Мы рѣшили послѣ обѣда пойти къ нему. Всѣ на насъ съ любопытствомъ смотрѣли, такъ какъ вѣсть о нашей особенной свадьбѣ разнеслась по Оптиной. Это вѣдь было предсмертное благословеніе батюшки. Итакъ, въ три часа мы пошли по знакомой дорожкѣ въ скитъ. О. Нектарій занималъ помѣщеніе отца Іосифа, съ правой стороны отъ воротъ. Я съ женой раздѣлился. Она пошла къ крылечку снаружи скитскихъ стѣнъ, а я прошелъ внутрь скита. Келейникъ, увидавъ меня, узналъ. Онъ былъ раньше келейникомъ у старца Іосифа. Онъ тотчасъ же доложилъ батюшкѣ. Батюшка вышелъ минутъ черезъ 10, съ веселой улыбкой.

⁷⁾ О. В. Ш. Запись объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ и объ оптинскихъ старцахъ. Бѣлая Церковь, 1927 г.

Отецъ Нектарій въ противоположность отцу Варсонофію былъ небольшого роста, согбенный, съ небольшою, клинообразною бородою, худой съ постоянно плачущими глазами. Поэтому у него всегда въ рукахъ былъ платокъ, который онъ, свернувъ уголкою, прикладывалъ къ глазамъ. Батюшка благословилъ меня и пригласилъ за собой. Провелъ онъ меня въ исповѣдальную комнату, а тамъ я уже увидѣлъ мою супругу, она встала и подошла ко мнѣ, а батюшка поклонился намъ въ поясъ и сказалъ: — Вотъ радость, вотъ радость. Я былъ скорбенъ и унылъ, а теперь радостенъ, (и его лицо сіяло дѣтскою улыбкой). Ну, какъ же теперь мнѣ васъ принимать. Вотъ садитесь рядышкомъ на диванчикъ, и батюшка сѣлъ напротивъ... Вѣдь васъ благословилъ великій старецъ... Старецъ Варсонофій настолько великій, что я его и кончика ноготка на мизинцѣ не стою. Изъ блестящаго военнаго въ одну ночь, по благословенію Божію, сдѣлался онъ великимъ старцемъ. Теперь только, послѣ смерти, я могу рассказать это дивное его обращеніе, которое онъ держалъ въ тайнѣ. И о. Нектарій разсказалъ исторію обращенія о. Варсонофія. Вотъ какъ великъ былъ старецъ Варсонофій! И удивительно былъ батюшка смиренный и послушный. Какъ-то онъ, будучи послушникомъ, шелъ мимо моего крылечка, я ему говорю въ шуточку: «жить тебѣ осталось ровно двадцать лѣтъ». Я ему говорилъ въ шуточку, а онъ и послушался, и ровно черезъ двадцать лѣтъ въ тотъ же день 4 апрѣля и скончался. Вотъ какого великаго послушанія онъ былъ. Передъ такой силой о. Нектарія меня невольно передернула дрожь. А онъ продолжалъ. И въ своихъ молитвахъ поминайте «блаженнаго схиархимандрита Варсонофія». Но только три года поминайте его блаженнымъ, а потомъ прямо «схиархимандрита Варсонофія». Сейчасъ онъ среди блаженныхъ... Ищите во всемъ великаго смысла. Всѣ событія, которыя происходятъ вокругъ насъ и съ нами, имѣютъ свой смыслъ. Ничего безъ причины не бываетъ... Вотъ для меня великая радость — это ваше посѣщеніе. Я былъ скорбенъ и унылъ. Все приходятъ люди съ горестями и страданіями, а вы имѣете только радости. Это посѣщеніе ангела... Сейчасъ у меня много посѣтите-

лей, я не могу васъ какъ слѣдуетъ принять. Идите сейчасъ домой и приходите къ шести часамъ вечера, когда начнется всеношная, и всѣ монахи уйдутъ въ церковь. Келейника я своего тоже ушлю, а вы и приходите, пускай другіе молятся, а мы здѣсь проведемъ время. Благословилъ насъ, и мы опять разошлись: я пошелъ черезъ скитъ, а жена черезъ наружное крылечко.

Когда отзвонили ко всеношной, я съ женой отправился въ скитъ. Дверь въ домъ старца была заперта. Я постучалъ, и открылъ ее мнѣ самъ о. Нектарій. Потомъ онъ впустилъ жену и посадилъ насъ опять вмѣстѣ въ исповѣдальной комнатѣ. — Пришли ко мнѣ молодые и я какъ хозяинъ долженъ васъ встрѣтить по вашему обычаю. Посидите здѣсь немножко. — Сказавъ это, старецъ удалился. Черезъ нѣкоторое время онъ несетъ на подносѣ два бокала съ темною жидкостью. Поднесъ, остановился и, поклонившись намъ, сказалъ: Поздравляю васъ съ бракосочетаніемъ, предлагаю вамъ выпить во здравіе. Мы съ недоумѣніемъ смотрѣли на старца. Потомъ взяли бокалы, чокнулись и стали пить. Но пригубивъ я тотчасъ же остановился и моя жена такъ же. Оказалось, что въ бокалахъ была страшная горечь. Я говорю батюшкѣ «горько», и моя жена также отвернулась. И вдругъ это самое, мною произнесенное слово горько, меня ошеломило и я представилъ, какъ на свадебныхъ обѣдахъ кричатъ «горько» и я разсмѣялся. И батюшка прочиталъ мои мысли и смѣется. Но, говоритъ, хотя и горько, а вы должны выпить. Все, что я дѣлаю, вы замѣчайте, оно имѣетъ скрытый смыслъ, который вы должны постигнуть, а теперь пейте. И мы съ гримасами, подталкивая другъ друга, выпили эту жидкость. А батюшка уже приноситъ раскрытую коробку сардинъ и велитъ всю ее опустошить. Послѣ горькаго мы вкусили сардины, и батюшка все унесъ. Приходитъ снова, садится противъ насъ и говоритъ: А я молнію поймалъ. Умудритесь-ка и вы ее поймать, хочешь покажу. Подходить къ шкафу, вынимаетъ электрическій фонарикъ, завернутый въ красную бумагу, и начинаетъ коротко зажигать, мелькая огнемъ. Вотъ это развѣ не молнія! и онъ, улыбаясь, положилъ фонарикъ

въ шкафъ и вынулъ оттуда деревянный грибокъ, положилъ его на столъ, снялъ крышку, и высыпалъ оттуда золотыя пятирублевые и говоритъ: Посмотри, какъ блестятъ! Я ихъ вычистилъ. Здѣсь ихъ 20 штукъ на 100 рублей. Ну, что? посмотрѣлъ, какъ золото блеститъ, ну, и довольно съ тебя. Поглядѣлъ и будетъ. Собралъ опять монеты и спряталъ. И еще батюшка кое-что говорилъ. Потомъ онъ опять вышелъ. Смотримъ, снова несетъ намъ два большихъ бокала, на этотъ разъ со свѣтло-желтой жидкостью, и, съ той же церемоніей и поклономъ, подноситъ намъ. Мы взяли бокалы, смотрѣли на нихъ и долго не рѣшались пить. Старецъ улыбался, глядя на насъ. Мы попробовали. Къ нашей радости, это было питье пріятное, сладкое, ароматное, мы съ удовольствіемъ его выпили. Это питье было даже немного хмѣльное. На закуску онъ преподнесъ шоколаду миньонъ, очень жирнаго и очень много, и велѣлъ все съѣсть. Мы пришли прямо въ ужасъ. Но онъ самъ подсѣлъ къ намъ и началъ ѣсть. Я посмотрѣлъ на батюшку и думаю: какъ это онъ ѣстъ шоколадъ, а вѣдь по скитскому уставу молочное воспрещается. А онъ смотритъ на меня, ѣстъ и мнѣ предлагаетъ. Такъ я и остался въ недоумѣніи. Онъ велѣлъ намъ обязательно доѣсть этотъ шоколадъ, а самъ пошелъ ставить самоваръ... Въ 11 часовъ отецъ Нектарій проводилъ насъ до наружнаго крыльца и далъ намъ керосиновый фонарикъ, чтобы мы не заблудились въ лѣсу, а шли бы по дорожкѣ. При прощаніи пригласилъ на слѣдующій день въ 6 часовъ. Кругомъ, въ лѣсу стояла тишина, и охватывала жуть. Мы постарались скорѣе добраться до гостиницы. Богомольцы шли отъ всенощной, и мы вмѣстѣ съ ними, незамѣтно, вошли въ гостиницу.

На слѣдующій день мы опять, въ 6 часовъ вечера, пришли къ батюшкѣ. На этотъ разъ келейникъ былъ дома, но батюшка не велѣлъ ему выходить изъ своей келліи. Батюшка опять пригласилъ насъ вмѣстѣ въ исповѣдальню, посадилъ и сталъ давать моей женѣ на память различные искусственные цвѣточки, и говоритъ при этомъ: когда будешь идти по жизненному полю, то собирай цвѣточки, и соберешь цѣлый букетъ, а плоды получишь потомъ. Мы не поняли на

что батюшка здѣсь намекаетъ, ибо онъ ничего празднаго не дѣлалъ и не говорилъ. Потомъ, онъ мнѣ объяснилъ. Цвѣточки, это печали и горести. И вотъ ихъ нужно собирать и получится чудный букетъ, съ которымъ предстанешь въ день судный, и тогда получишь плоды — радости. Въ супружеской жизни, далѣе говорилъ онъ, всегда имѣются два періода: одинъ счастливый, а другой печальный, горькій. И лучше всегда, когда горькій періодъ бываетъ раньше, въ началѣ супружеской жизни, но потомъ будетъ счастье.

Притомъ, батюшка обратился ко мнѣ и говоритъ: А теперь пойдемъ, я тебя научу самоваръ ставить. Придетъ время, у тебя прислуги не будетъ, и ты будешь испытывать нужду, такъ что самоваръ придется самому тебѣ ставить. Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на батюшку и думаю: «что онъ говоритъ? Куда же наше состояніе исчезнетъ?» А онъ взялъ меня за руку и провелъ въ кладовую. Тамъ были сложены дрова и разныя вещи. Тутъ же стоялъ самоваръ около вытяжной трубы. Батюшка говоритъ мнѣ: вытряси прежде самоваръ, затѣмъ налей воды; а вѣдь часто воду забываютъ налить и начинаютъ разжигать самоваръ, а въ результатѣ самоваръ испортятъ и безъ чаю остаются. Вода стоитъ вотъ тамъ, въ углу, въ мѣдномъ кувшинѣ, возьми его и налей. Я подошелъ къ кувшину, а тотъ былъ очень большой, ведра на два и самъ по себѣ массивный. Попробовалъ его подвинуть, нѣтъ — силы нѣту, — тогда я хотѣлъ поднести къ нему самоваръ и наточить воды. Батюшка замѣтилъ мое намѣреніе и опять мнѣ повторяетъ: «ты возьми кувшинъ и налей воду въ самоваръ». — «Да вѣдь, батюшка, онъ слишкомъ тяжелый для меня, я его съ мѣста не могу сдвинуть». Тогда батюшка подошелъ къ кувшину, перекрестилъ его и говоритъ — «возьми» — и я поднялъ, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на батюшку: кувшинъ мнѣ почувствовался совершенно легкимъ, какъ бы ничего не вѣсящимъ. Я налилъ воду въ самоваръ и поставилъ кувшинъ обратно съ выраженіемъ удивленія на лицѣ. А батюшка меня спрашиваетъ: «ну что, тяжелый кувшинъ?» Нѣтъ, батюшка, я удивляюсь, онъ совсѣмъ легкій. Такъ вотъ и возьми урокъ, что всякое послушаніе, которое намъ кажется тяжелымъ, при ис-

полненіи бываетъ очень легко, потому что это дѣлается какъ послушаніе. Но я былъ прямо пораженъ: какъ онъ уничтожилъ силу тяжести однимъ крестнымъ знаменіемъ! А батюшка, дальше, какъ будто ничего не случилось, велитъ мнѣ наколотъ лучинокъ, разжечь ихъ, и потомъ положилъ уголья. Пока самоваръ грѣлся, и я сидѣлъ возлѣ него, батюшка зажегъ керосинку и сталъ варить въ котелочкѣ кожуру отъ яблокъ. Указывая на нее, батюшка мнѣ сказалъ, вотъ это мое кушаніе, я только этимъ и питаюсь. Когда мнѣ приносятъ добролюбы фрукты, то я прошу ихъ съѣсть эти фрукты, а кожицы счистить, и вотъ я ихъ варю для себя... Чай батюшка заваривалъ самъ, причемъ чай былъ удивительно ароматный съ сильнымъ медовымъ запахомъ. Самъ онъ налилъ намъ чай въ чашки и ушелъ. Въ это время къ нему пришла, послѣ вечерней молитвы, скитская братія, чтобы принять благословеніе, передъ сномъ. Это совершалось каждый день, утромъ и вечеромъ. Монахи всѣ подходили подъ благословеніе, кланялись, и при этомъ, нѣкоторые изъ монаховъ открыто исповѣдывали свои помыслы, сомнѣнія. Батюшка, какъ старецъ, руководитель душъ, однихъ утѣшалъ, подбодрялъ, другимъ вслѣдъ за исповѣданіемъ отпускалъ ихъ прегрѣшенія, разрѣшалъ сомнѣнія, и всѣхъ, умиротворенныхъ, любовно отпускалъ. Это было удивительное зрѣлище и батюшка во время благословенія имѣлъ видъ чрезвычайно серьезный и сосредоточенный, и во всякомъ его словѣ сквозила забота и любовь къ каждой мятущейся душѣ. Послѣ благословенія, батюшка удалился въ свою келлію и молился около часу. Послѣ долгаго отсутствія, батюшка вернулся къ намъ и молча убралъ все со стола.

Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Оптину Пустынь, я видѣлъ какъ о. Нектарій читалъ запечатанные письма. Онъ вышелъ ко мнѣ съ полученными письмами, которыхъ было штукъ 50, и, не распечатывая, сталъ ихъ разбирать. Одни письма онъ откладывалъ со словами: сюда надо отвѣтъ дать, а эти письма, благодарственные, можно безъ отвѣта оставить. Онъ ихъ не читалъ, но видѣлъ ихъ содержаніе. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ благословлялъ, а нѣкоторыя и цѣловалъ, а два

письма, какъ бы случайно далъ моей женѣ, и говорить: вотъ, прочти ихъ вслухъ. Это будетъ полезно. Содержаніе одного письма забылось мною, а другое письмо было отъ одной курсистки Высшихъ женскихъ курсовъ. Она просила батюшку помолиться, такъ какъ мучается и никакъ не можетъ совладать съ собой. Полюбила она одного священника, который увлекъ ее зажигательными своими проповѣдями, и вотъ бросила она свои занятія, и бѣгаетъ къ нему за всякими пустяками, нарочно часто говѣетъ, только для того, чтобы прикоснуться къ нему. Ночи не спитъ. Батюшка на это письмо и говоритъ: вы этого священника знаете, и имѣли съ нимъ дѣло. Онъ впослѣдствіи будетъ занимать очень большой постъ, о которомъ ему и въ голову не приходило. Онъ еще ничего не знаетъ объ этомъ, но получить онъ эту власть вслѣдствіе того, что уклонится отъ истины. «Какой же это священникъ, думаю я, хорошо извѣстный мнѣ?» Тогда батюшка сказалъ, что это тотъ студентъ Духовной Академіи, который пріѣзжалъ со мною въ Оптину, въ первый разъ, и который сватался за мою сестру. Но Господь сохранилъ мою сестру, черезъ старца Варсонофія, ибо онъ разстроилъ этотъ бракъ... (Теперь онъ можетъ быть дѣйствительно находится въ обновленческой церкви и властвуетъ тамъ). Перебирая письма, о. Нектарій говоритъ: вотъ называютъ меня старцемъ. Какой я старецъ, когда буду получать каждый день больше 100 писемъ, какъ о. Варсонофій, тогда и можно называть старцемъ, имѣющаго столько духовныхъ дѣтей... Отобравъ письма, батюшка отнесъ ихъ секретарю.

О. Нектарій совѣтовалъ моему отцу продать домъ въ Петербургѣ и дачу въ Финляндіи, а то, говорилъ онъ, все это пропадетъ. Но мой отецъ не повѣрилъ и ничего не продалъ. Это было въ началѣ великой войны.

Въ 1914 году, мой старшій братъ поступилъ послушникомъ въ Оптинскій скитъ и исполнялъ иногда должность келейника у о. Нектарія. Онъ часто присылалъ отцу письма съ просьбой высылать ему деньги, т. к. онъ покупалъ различныя книги духовнаго содержанія и составлялъ тамъ собственную бібліотеку. Я

всегда возмущался этимъ и говорилъ, что разъ ушелъ изъ міра, по призванію, уже порви со свсими страстями. А у моего брата была такая страсть: покупать книги. Я написалъ батюшкѣ о. Нектарію письмо, и довольно рѣзкое письмо, выражающее мое возмущеніе и удивленіе. Батюшка не отвѣтилъ. Братъ продолжалъ присылать свои просьбы, а иногда прямо требованія. Тогда я написалъ батюшкѣ еще болѣе рѣзкое письмо, обвиняя его, что онъ не сдерживаетъ страсти брата, а потакаетъ ей. Батюшка опять ничего неотвѣтилъ. Но вотъ мнѣ удалось, съ фронта, во время отпуска, съѣздить съ женой въ Оптину. Это было уже въ 1917 году, при Временномъ Правительствѣ. Приѣзжаемъ въ обитель, батюшка встрѣчаетъ насъ низкимъ-низкимъ поклономъ и говоритъ: спасибо за искренность. Ты писалъ безъ всякихъ прикрасъ, а то, что у тебя есть на душѣ, что волнуетъ. Я зналъ, что вслѣдъ за этими письмами ты и самъ пожалуешь, а я всегда радъ видѣть тебя. Пиши впредь такія письма, а послѣ нихъ являйся и самъ сюда за отвѣтомъ. Вотъ, теперь я скажу, что скоро будетъ духовный книжный голодъ. Не достанешь духовной книги. Хорошо, что онъ собираетъ эту духовную библіотеку — духовное сокровище. Она очень и очень пригодится. Тяжелое время наступаетъ теперь. Въ мірѣ, теперь, прошло число шесть, и наступаетъ число семь. Наступаетъ вѣкъ молчанія. Молчи, молчи, говоритъ батюшка, и слезы у него текутъ изъ глазъ... И вотъ Государь теперь самъ не свой, сколько униженій онъ терпитъ за свои ошибки. 1918 годъ будетъ еще тяжелѣе. Государь и вся семья будутъ убиты, замучены. Одна благочестивая дѣвушка видѣла сонъ: сидитъ Іисусъ Христосъ на престолѣ, а около Него двѣнадцать апостоловъ, и раздаются съ земли ужасныя муки и стоны. И апостоль Петръ спрашиваетъ Христа: когда же, Господи, прекратятся эти муки, и отвѣчаетъ ему Іисусъ Христосъ : даю Я сроку до 1922 года, если люди не покаются, не образумятся, то всѣ такъ погибнуть. Тутъ же предъ Престоломъ Божьимъ предстоитъ и нашъ Государь въ вѣнцѣ великомученика. Да, этотъ государь будетъ великомученикъ. Въ послѣднее время, онъ искупилъ свою

жизнь, и если люди не обратятся къ Богу, то не только Россія, вся Европа провалится... Наступаетъ время молитвъ. Во время работы говори Іисусову молитву. Сначала губами, потомъ умомъ, а, наконецъ, она сама перейдетъ въ сердце... Батюшка удалился къ себѣ въ келлію, часа полтора молился тамъ. Послѣ молитвы онъ, сосредоточенный, вышелъ къ намъ, сѣлъ, взялъ за руку меня и говоритъ: очень многое я знаю о тебѣ, но не всякое знаніе будетъ тебѣ на пользу. Придетъ время голодное, будешь голодать... Наступитъ время, когда и монастырь нашъ уничтожатъ. И я, можетъ быть, приду къ вамъ на хуторъ. Тогда примите меня Христа ради, не откажите. Некуда будетъ мнѣ дѣться...

Это было мое послѣднее свиданіе со старцемъ.

Вспоминается мнѣ еще одинъ случай съ о. Нектаріемъ. Моя жена въ одинъ изъ нашихъ пріѣздовъ въ Оптину написала картину: видъ изъ монастыря на рѣку, и на ея низменный берегъ, во время заката солнца, при совершенно ясномъ небѣ и яркой игрѣ красокъ. Поставила она свой рисунокъ на открытомъ балконѣ и пошла со мной прогуляться по лѣсу. Дорогой, мы поспорили, и серьезно, такъ что совершенно разстроились, и не хотѣли другъ на друга смотрѣть. Возвращаемся домой: намъ сразу бросилась въ глаза картина: вмѣсто яснаго неба, на ней нарисованы грозовыя тучи и молніи. Мы были ошеломлены. Подошли поближе, стали разсматривать. Краски — совершенно свѣжія, только что наложенныя. Мы позвали дѣвушку, которая у насъ жила, и спросили, кто къ намъ приходилъ. Она отвѣчаетъ, что какой-то небольшого роста монахъ, что-то здѣсь дѣлалъ на балконѣ. Мы думали, думали, кто бы это могъ быть и изъ болѣе подробнаго описанія монаха и опросовъ другихъ догадались, что былъ о. Нектарій. Это онъ, владѣвшій кистью, символически изобразилъ наше духовное состояніе съ женой. И эта гроза съ молніями произвела на насъ такое впечатлѣніе, что мы забыли свой споръ и помирились, ибо захотѣли, чтобы небо нашей жизни опять прояснилось и стало вновь совершенно чистымъ и яснымъ.

Лично мнѣ привелось быть въ Оптиной Пустыни въ болѣе поздній періодъ, чѣмъ о. Василій Шустинъ, а именно уже во время первой міровой войны.

Преподаватель словесности нашей гимназіи рассказывалъ намъ на урокахъ, какъ благодаря старцамъ Гоголь сжегъ свое гениальное произведеніе, — вторую часть «Мертвыхъ душъ»⁸⁾). Это вызвало у меня предубѣжденіе противъ старцевъ вообще.

Но вотъ началась война 1914 года. Мой братъ Владиміръ, исключительно одаренный, котораго любили всѣ безъ исключенія знавшіе его, «гордость нашей семьи», глубоко переживалъ испытанія, постигшія нашу родину. Онъ ушелъ съ благословенія родителей добровольно на войну и вскорѣ былъ убитъ осенью 1914 г., когда ему еще не было и 19 лѣтъ.

Это была чистая жертва Богу, онъ «положилъ душу свою за други своя». Его смерть привела нашу семью въ Оптину Пустынь.

Когда мы искали утѣшенія въ духовномъ, то «случайно» наткнулись на книгу Быкова: «Тихіе пріюты для отдыха страдающей души».

Тамъ описывалась Оптина Пустынь и ея старцы, о которыхъ до тѣхъ поръ мы ничего не знали.

И я, при первой возможности, какъ только начались каникулы въ университетѣ, гдѣ я тогда учился, поѣхалъ въ Оптину Пустынь. Тамъ я прожилъ два мѣсяца. Это было въ 1916 г. А въ слѣдующемъ 1917 году тоже лѣтомъ, пробылъ тамъ двѣ недѣли.

Затѣмъ, оказавшись за границей, я имѣлъ возможность письменно общаться съ о. Нектаріемъ до его смерти.

Кромѣ меня, духовнымъ руководствомъ старца пользовались и нѣкоторые мои знакомые и друзья.

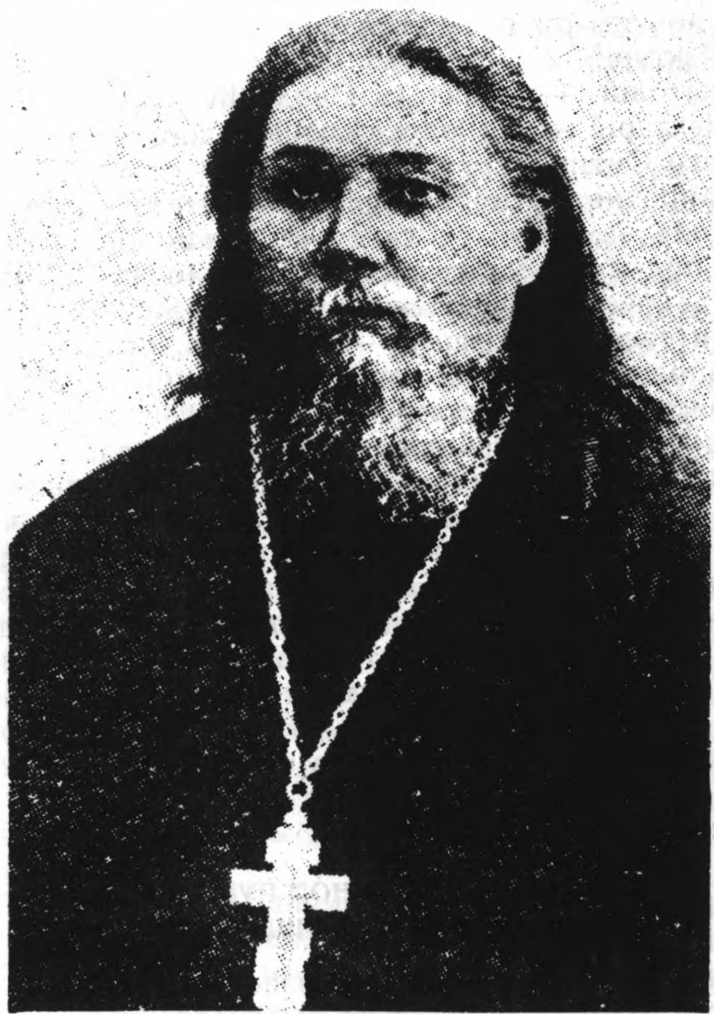
Его благословеніе приводило всегда къ успѣху, несмотря ни на какія трудности. Ослушаніе же никогда не проходило даромъ.

Монастырь и старцы произвели на меня неожиданное и неотразимое впечатлѣніе, которое словами пере-

⁸⁾ Истинное объясненіе этого событія и его психологическій анализъ впервые сдѣлалъ профессоръ-философъ и докторъ-психіатръ И. М. Андреевъ («Православный Путь». Джорданвилль. 1952 г.

дать нельзя: его понять можно только переживъ на личномъ опытѣ.

Здѣсь ясно ощущалась благодать Божія, святость мѣста, присутствіе Божіе. Это вызывало чувства благо-

Скитоначальникъ о. Ѳеодосій.

говѣинства и отвѣтственности за каждую свою мысль, слово, или дѣйствіе, боязнь впасть въ ошибку, въ прелесть, боязнь всякой самости и «отсебятины».

Такое состояніе можно было бы назвать «хожденіемъ передъ Богомъ».

Здѣсь впервые открылся мнѣ духовный міръ, а

какъ антитеза были мнѣ показаны «глубины сатанинскія».

Здѣсь я родился духовно.

Въ это время въ Оптиной старчествовали въ самомъ монастырѣ о. Анатолій, а въ скиту о. Ѳеодосій и о. Нектарій.

Анатолій — утѣшитель, Ѳеодосій — мудрецъ и дивный Нектарій — по опредѣленію одного священника, близкаго Оптиной.

Напротивъ, у о. Нектарія посѣтителей было мало; онъ жилъ замкнуто въ скиту въ келліи о. Амвросія и часто подолгу не выходилъ. Благословлялъ онъ широкимъ крестнымъ знаменіемъ; медленный въ движеніяхъ и сосредоточенный, — казалось, онъ несетъ чашу, наполненную до краевъ драгоцѣнной влагой, какъ бы боясь ее расплескать.

На столѣ въ его пріемной часто лежала какая-нибудь книга, раскрытая на опредѣленной страницѣ. Рѣдкій посѣтитель въ долгомъ ожиданіи начиналъ читать эту книгу, не подозревая, что это является однимъ изъ пріемовъ о. Нектарія давать черезъ открытую книгу предупрежденіе, указаніе, или отвѣтъ на задаваемый вопросъ, чтобы скрыть свою прозорливость.

И онъ умѣлъ окружить себя тайной, держаться въ тѣни, быть мало замѣтнымъ. Нѣтъ его фотографіи: онъ никогда не снимался; это очень для него характерно.

III. КОНЕЦЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ. ЖИЗНЬ ВЪ ХОЛМИЩАХЪ *).

Оптина Пустынь продержалась до 1923-го года, когда храмы ея официально были закрыты.

Подробная исторія Оптиной Пустыни со времени революціи намъ неизвѣстна. Доходили иногда отрывочныя свѣдѣнія. Одна очевидица рассказывала, что монахини, подобно птицамъ изъ разоряемыхъ гнѣздъ, слетались въ Оптину по мѣрѣ ликвидаціи женскихъ

*) Глава эта составлена преимущественно на основаніи писемъ монахини Нектаріи.

обителѣй. Имъ некуда было дѣваться, и онѣ тутъ же ютились. Свое горе несли сюда же и толпы мірянъ. Спрашивали, какъ молиться за невернувшихъ близкихъ: ужасы революціи, гражданская война нанесли потери почти каждому семейству.

Послѣ долгаго перерыва въ 1922-омъ году прибыла въ Оптину А. К. (впослѣдствіи, монахиня Нектарія) съ сыномъ-подросткомъ.

«Старецъ Θεодосій скончался (1920); старецъ Анатолій живъ¹⁰⁾», онъ много страдалъ, теперь принимаетъ въ своей келлійкѣ (только въ другой). Въ томъ же зданіи живетъ о. Іосифъ¹¹⁾. Онъ вывихнулъ себѣ ногу и очень печалится, что уже 2 года не можетъ служить, очень былъ радъ нашему приѣзду».

26-го апр. 1924 г.

«Посылаю тебѣ письмо о. Іосифа. Онъ существуетъ положительно чудесной милостью Божіей, чувствуетъ это и преисполненъ радости о Господѣ. Премудрый и преблагій Господь все устроилъ предусмотрительно о немъ. И калѣчество послужило къ его благополучію — никто его не трогаетъ».

«У насъ совершается много знаменій: купола обновляются, съ Св. Креста кровь потекла, богохульники столбнякомъ наказываются и умираютъ. Къ несчастью народъ въ массѣ не вразумляется, и Господь посылаетъ казни свои. Опять засушливая осень повела къ поѣданію червями засѣяннаго хлѣба. Тѣхъ же, кто непоколебимо вѣруетъ въ Господа и надѣется на Него, Господь осыпаетъ милостями Своими и щедротами».

Съ послѣдними днями ликвидаціи Оптиной Пустыни связанъ еще такой случай: совѣтской властью былъ туда присланъ нѣкій баронъ Михаилъ Михайловичъ Таубе, съ университетскимъ образованіемъ, протестантъ. Ему было предписано разобрать оптинскую бібліотеку (впослѣдствіи распроданную большевиками заграничнымъ книгопродавцамъ). Когда Таубе при-

¹⁰⁾ О. Анатолій скончался черезъ 15 дней, 30 іюля 1922 г.

¹¹⁾ Іеросхимонахъ о. Іосифъ Полевой, о которомъ не разъ упоминается, родился въ 1852 г., въ міру былъ директоромъ банка въ Москвѣ, 46-ти лѣтъ ушелъ въ Оптину и пережилъ ея разгромъ.

ѣхалъ въ Оптину и сталъ заниматься въ библіотекѣ, онъ началъ ко всему присматриваться, познакомился съ о. Іосифомъ (Полевымъ), затѣмъ сталъ все болѣе и болѣе интересоваться Оптинской жизнью и ея старцами. Проникъ и къ о. Нектарію. Подробностей ихъ свиданія никто не знаетъ. Очевиднымъ остался только результатъ: Савль превратился въ Павла. Старецъ сблизилъ Михаила Михайловича со своимъ духовникомъ о. Досиѣемъ — «старцемъ-отрокомъ», о которомъ еще будетъ рѣчь дальше, и съ о. Агапитомъ (другомъ старца Амвросія, глубокимъ старцемъ, дѣлателемъ Іисусовой молитвы, открывшимъ неправильное ученіе о молитвѣ Іисусовой въ книгѣ схи-монаха Иліодора «На горахъ Кавказа»). Онъ вошелъ въ близкое общеніе съ о. Досиѣемъ, принялъ православіе. Оставаясь на службѣ въ музеѣ, Таубе сталъ послушникомъ о. Досиѣея. Былъ постриженъ въ Козельскѣ съ именемъ Агапита. Пока еще жилъ въ Оптиной, онъ помѣщался въ башнѣ, надъ той калиткой, которая вела въ скитъ. Въ его келліи лежала лишь одна доска — его ложе. Былъ дѣлателемъ Іисусовой молитвы. Онъ былъ въ ссылкѣ вмѣстѣ съ о. Досиѣемъ и съ нимъ былъ возвращенъ въ Орель.

М. Нектарія присутствовала при закрытіи Оптиной Пустыни въ 1923 г. Произошло это слѣдующимъ образомъ: «Мамочка, уѣзжая изъ Оптиной», рассказываетъ О., «имѣла обыкновеніе спрашивать у Батюшки, когда онъ благословить ей пріѣхать въ слѣдующій разъ. И вотъ, Батюшка отвѣчаетъ: «Пріѣзжай на седьмой недѣлькѣ (поста), поживешь двѣ недѣльки и не пожалѣешь». Батюшка, когда говорилъ, улыбался и былъ очень ласковый. Я въ то время учился и поѣхать съ мамочкой не могъ, и она поѣхала одна, условившись, что я пріѣду подъ Пасху. Пріѣхавъ въ Козельскъ, она на вокзалѣ узнала отъ какой-то женщины, что въ Оптиной службы нѣтъ, что въ монастырѣ ликвидаціонная комиссія, что арестованы владыка Михай, настоятель о. Исаакій, о. казначей и др., что Батюшка о. Нектарій тоже арестованъ и находится въ тюремной больницѣ въ Козельскѣ. Узнавъ все это, мамочка тѣмъ не менѣе рѣшилась идти въ монастырь, мысленно обращаясь къ старцу съ просьбой направить

ее и указать къ кому пойти, у кого исповѣдываться и т. д. Помолившись такъ Батюшкѣ, она направилась къ кельѣ о. Іосифа (Полевого) — хромого іеромонаха. Мамочка постучала въ дверь, которую открылъ... вооруженный винтовкой комсомолецъ. «Вы къ кому?» — «Къ о. Іосифу». — «Откуда?» — «Изъ Н-ска» — «Чего сюда пріѣхали?» — «Въ м-рѣ молиться Богу». — «Узнали, что закрывается монастырь и примчались за своимъ золотомъ! Пожалуйте сюда!» И мамочку арестовываютъ.

«Въ этомъ корпусѣ были арестованы лица, которыхъ я ранѣе перечислилъ и др. Каждый занималъ отдѣльную келлію. Для мамочки не было свободнаго отдѣльнаго помѣщенія, и ее посадили возлѣ часового въ корридорѣ. Былъ уже вечеръ и мамѣ сказали, что ее отправятъ въ Козельскъ для слѣдствія. Мамочка сидитъ и молится, вѣря словамъ Батюшки, что она пробудетъ здѣсь «двѣ недѣлки и не пожалѣетъ». Наступилъ поздній вечеръ, ночь. Комсомолецъ-часовой дремлетъ, борется со сномъ, ему трудно бодрствовать, онъ очень хочетъ спать. Мамочкѣ его становится жалко, она ему ласково говоритъ, чтобы онъ прилегъ на лавкѣ и, что, если кто-нибудь будетъ идти — она его разбудитъ. Почувствовавъ довѣріе, часовой засыпаетъ богатырскимъ сномъ. Мамочка его караулитъ. Далеко за полночь. Она молится. Вдругъ тихонько открывается дверь одной изъ келлій, показывается сѣдой старецъ, владыка Михей, и знакомъ подзываетъ ее къ себѣ, спрашивая ее, хочетъ ли она исповѣдываться и причаститься, у Владыки съ собою имѣются Св. Дары. Мамочка съ радостью соглашается, входитъ въ келлію, исповѣдуется и причащается и на седьмомъ небѣ возвращается сторожить спящаго часового. О. Нектарій услышалъ ея молитвенную просьбу! Будучи совершенно увѣренной, что «не пожалѣетъ», что пріѣхала въ Оптину, она спокойно дожидалась утра. Утромъ ее отправили въ Козельскую тюрьму. Нѣсколько разъ водили на допросы, подозревая, что она пріѣхала въ Оптину по какому-то тайному дѣлу. Собирались ее этапомъ отправить къ мѣсту жительства, но изъ-за отсутствія свободныхъ конвоировъ, это отмѣнили. Отпустили въ Страстной Четвергъ утромъ, предупредивъ, чтобы ея ноги не было въ

Козельскѣ. Мамочка пошла на базаръ и разговори-
лась съ однимъ мужичкомъ. Онъ оказался лѣсникомъ.
Имѣлъ избу примѣрно въ километрѣ отъ монастыря въ
лѣсу внизъ по теченію Жиздры. Онъ пригласилъ мамочку
къ себѣ. Мама накупила на базарѣ все, что необходимо
къ Празднику и поѣхала къ нему. На церковныя службы
пріѣзжала въ Козельскѣ, гдѣ еще въ церквахъ служили.
Потомъ мамочка узнала, что ее разыскивали въ Ко-
зельскѣ и въ Оптиной, но, переодѣвшись въ одежду же-
ны лѣстника, она была неузнаваема. Въ пятницу, или въ
субботу согласно нашему условію, она меня встрѣтила
на вокзалѣ. Я ее не узналъ въ крестьянскомъ обликѣ: въ
сапогахъ, или валенкахъ, тулупѣ, закутанную въ боль-
шой платокъ. (Была ранняя Пасха). Мы съ мамочкой
встрѣтили Пасху въ Козельскѣ. Свѣтлую недѣлю про-
жили у лѣстника. Было очень интересно. Волки под-
ходили къ самой избѣ, выли по ночамъ».

Такимъ образомъ, м. Нектарія пріобщилась чаши
Оптинскихъ исповѣдниковъ, вмѣстѣ съ ними была вмѣ-
нена въ «злодѣи», а въ результатѣ получилось такъ, какъ
сказалъ Батюшка: «Поживешь двѣ недѣльки и не пожа-
лѣешь».

Оптина была закрыта большевиками на Красную
Горку (Ѧомино воскресенье), въ 1923 г. Храмы запеча-
таны. О. Нектарій былъ арестованъ и вывезенъ въ Ко-
зельскѣ. Объ этомъ моментѣ сохранились замѣтки м.
Нектаріи: «Въ келлію свою старецъ никого никогда не
впускалъ, такъ что келейники не знали, что тамъ нахо-
дится. Когда же пришли описывать его имущество, въ
первый разъ вошли туда и келейники. И что же увидѣли?
Дѣтскія игрушки! Куклы, мячики, фонарики, корзинки!
Дѣлавшіе опись спрашиваютъ: «Зачѣмъ это у васъ дѣт-
скія игрушки?» А онъ отвѣчаетъ: «Я самъ, какъ дитя».
Нашли у него церковное вино и консервы — онъ имъ и
говоритъ: «Выпейте и закусите». Они и распили вино.
Во время ареста у него распухъ глазъ и его помѣстили
сначала въ монастырскую больницу, а потомъ въ тюре-
мную. Когда онъ выѣзжалъ изъ монастыря (на саняхъ),
последнія слова его были: «подсобите мнѣ» — это,
чтобы ему помогли влѣзть на сани; сѣлъ, благословилъ
путь свой и уѣхалъ. Мы тогда были тамъ, но его не
видѣли».

Слышали мы въ 1935 г. въ г. Алжирѣ отъ священника о. Василія Шустина случай, переданный ему кѣмъ-то изъ эмигрантовъ.

Послѣ отъѣзда о. Нектарія изъ Оптиной, въ его келлію большевики привели нѣкоего оккультиста, для обнаруженія, какъ они думали, скрытыхъ здѣсь сокровищъ. Извѣстно, что они широко пользовались оккультными силами для своихъ цѣлей. Была ночь, въ келліи горѣла керосиновая лампа. Колдунъ-оккультистъ началъ свои чародѣйства и, хотя лампа продолжала горѣть, въ комнатѣ наступила мгла. Здѣсь находилась одна монахиня (ихъ было въ это время много въ Оптиной). Она взяла четки о. Нектарія и ими начертала крестное знаменіе. Сразу стало свѣтло, а чародѣй бился на землѣ въ конвульсіяхъ эпилептического припадка.

По выходѣ изъ тюрьмы, о. Нектарій сначала жилъ въ селѣ Плохино въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Козельска, а потомъ перебрался за 50 верстъ въ село Холмищи. «Милость Божія безконечна къ любящимъ Его. Теперь ему покойнѣе, чѣмъ было въ скиту. Последнее время къ нему приходило множество народа (главнымъ образомъ монахини). Онъ всѣхъ исповѣдывалъ, благословлялъ и, повидимому, очень уставалъ. Кромѣ того, былъ игуменомъ скита. Теперь ему гораздо покойнѣе — у него двѣ свѣтлыя комнаты и передняя; тепло, монахи варить ему обѣдъ, а хозяинъ читаетъ правила. Посѣтители бываютъ очень рѣдко. Онъ такой свѣтленькій, радостный, весь преисполненъ благодати. Отблескъ этой небесной радости изливается и на приходящихъ къ нему и всѣ уходятъ отъ него утѣшенные, умиротворенные». Такъ пишетъ м. Нектарія и далѣе въ письмѣ отъ 1-го декабря, 1923 г. подтверждаетъ: «Дѣдушка» (т.е. о. Нектарій) живетъ въ деревнѣ у одного крестьянина. У него двѣ хорошія комнаты: спальня и пріемная, съ нимъ живетъ его келейникъ Петръ, ухаживаетъ за нимъ и при этомъ даромъ работаетъ хозяину. Домикъ очень хорошій: потолки высокіе, окна большія, свѣтло и уютно. Дровъ въ лѣсу сколько угодно: поѣзжай и набирай. Постоянно Дѣдушку посѣщаютъ родные и знакомые со всѣхъ сторонъ. Я прожила у вдовы-матушки вблизи Дѣдушки

два мѣсяца, часто видѣлась съ нимъ. Меня отвезъ туда Олежокъ и потомъ за мной пріѣхалъ».

Но далеко не все время жилось Старцу спокойно и хорошо. Изъ другого источника слышали мы, что хозяинъ его, грубый матеріалистъ, вскорѣ обнаглѣлъ (одна очевидица удивлялась, какъ Старецъ поселился у такого человѣка!) и сталъ его притѣснять, но еще больше стѣснили власти, вымогая деньги. «Дѣдушку притѣсняютъ», пишетъ м. Нектарія: «Молись о немъ ежедневно. Пршлый разъ, когда я у него была, онъ говорилъ: «У меня все, все плохо». Видно онъ предвидѣлъ, какъ его и его хозяина будутъ притѣснять...» «Въ это лѣто Дѣдушкѣ грозили Камчаткой, вотъ онъ шутить съ О-мъ, что это за Камчатка, не встрѣчалъ ли онъ ее въ географіи?» Въ др. письмѣ: «Онъ просилъ помолиться о немъ самомъ, т. к. ему не хочется ѣхать на Камчатку...» Пригласилъ меня Дѣдушка на каникулахъ подольше погостить и разрѣшилъ на Пасху его навѣстить, если будемъ въ Оптиной. На сей разъ О. выхлопоталъ мнѣ и себѣ билеты и мы ѣхали въ плацъ-картномъ поѣздѣ. Не знаю, какъ будетъ на Пасху и на слѣдующихъ каникулахъ: удастся ли получить билеты. Но во всякомъ случаѣ я живу мыслью, что Дѣдушка еще будетъ живъ и что я его увижу. Послѣднее время Дѣдушка очень груститъ, сказалъ, что у него: «все, все плохо». Не знаю свои ли у него душевныя переживанія, или онъ страдаетъ за міръ, но знаю, что ему очень печально и прошу тебя усердно поминать его въ молитвахъ и подавать за него на часточку» (поминать на проскомидіи).

Осенью 1927-го года большевики обложили особенно тяжелымъ налогомъ Денежкина (хозяина дома, гдѣ жилъ о. Нектарій). Нѣкто далъ знать объ этомъ священнику о. А. Р., прося сдѣлать сборъ среди кіевлянъ. Матушка Е. Г. привезла о. Нектарію очень большую клажу съ провизіей и собранныя деньги. Это было сопряжено съ чрезвычайными трудностями. Ей удалось передать о. Нектарію все, ею привезенное, въ тайнѣ, — такъ что даже хозяинъ не видѣлъ. О. Нектарій тогда благословилъ ихъ семейство образомъ преп. Серафима и передалъ о. А-ну наперсный крестъ.

Такимъ образомъ, послѣдніе годы о. Нектарія бы-

ли сплошнымъ крестоношеніемъ, тѣснимъ былъ онъ отовсюду. Къ этому прибавить надо его глубоко-старческій возрастъ и связанныя съ нимъ болѣзни. Но ясность духа его не покидала и въ это время. М. Нектарія говоритъ: «У Дѣдушки все особенно, — никогда не знаешь, о чемъ спросить — вотъ такъ и заградить уста — и не спросишь при всемъ желаніи. Или же отвѣтитъ шуткой. Когда мы были у него осенью, онъ очень долго съ нами разговаривалъ, много шутилъ съ О-мъ, называлъ его «подходящимъ для себя учителемъ», хотѣлъ бы позаймствоваться у него учености, примкнуть къ научности. Вообще очень много смѣялся и насъ смѣшилъ, а было уже три часа ночи и вскорѣ благословилъ насъ уѣзжать, такъ что я не все спросила, но это не просто; значить, онъ не хотѣлъ на то отвѣтить, потому что, если иногда забудешь что-либо спросить, онъ вдругъ самъ скажетъ... Онъ достигъ высочайшихъ благодатныхъ даровъ, но умѣетъ такъ скрывать ихъ, что даже окружающіе совершенно не знаютъ о нихъ, а иногда стараются обмануть его, а онъ виду не подаетъ, что все понимаетъ».

Пробираться отъ станціи до села Холмищи было подчасъ очень нелегко... Особенно это трудно было при весенней распутицѣ. «Была у Дѣдушки. По случаю разлива рѣкъ и дурной погоды, пробыла у него 10 дней, чему была безконечно рада. Онъ уже такой хиленькій, что удивительно, какъ онъ живъ. Ножками чуть-чуть передвигаетъ. Шлетъ тебѣ благословеніе и говоритъ: «Да поможетъ ему Благодать Божія нынѣ и присно и во вѣки». При каждомъ ученіи пусть произноситъ краткое молитвословіе: «Господи, отверзи ми умъ на ученіе сіе». Съ одной изъ такихъ поѣздокъ связанъ слѣдующій случай: «Однажды, рассказываетъ О., мамочка была въ Холмищахъ, въ страшную распутицу и изорвала обувь. Узнавъ объ этомъ, Батюшка вынесъ из своей келліи и далъ ей пару матерчатыхъ туфель. И сказалъ: «Это тебѣ на память, въ утѣшеніе, и на Пасху будешь въ нихъ щеголять».

«Но идти въ нихъ въ обратную дорогу по такому снѣгу было невозможно. Пришлось пуститься въ

путь до ж. д. станціи Думинищи (25 верстъ) въ прежней разорванной обуви. Вскорѣ и ту пришлось бросить. Чулки превратились въ клочья, и на станцію мамочка добралась босая. Здѣсь она надѣла Батюшкины туфли и они ей согрѣли промокшія и озябшія ноги.

«Для того, чтобы сбылись Батюшкины слова: «На Пасху будешь въ нихъ щеголять», мамочка пошла въ этихъ туфляхъ къ Свѣтлой Заутрени. Но позже, когда она дома послѣ отдыха проснулась, то оказалось, что ея единственными ботинками воспользовалась ея воспитанница Леля, которая, надѣвъ ихъ, ушла. Такимъ образомъ, волей-неволей пришлось ей «щеголять» въ день Свѣтлаго Воскресенья въ Батюшкиномъ подаркѣ. Мама потомъ говорила: «Не надо стремиться содѣйствовать тому, чтобы сбывались слова старца, — это совершается само собою». Туфли эти мы прозвали «щеголками», они хранились на память. Въ нихъ и похоронили маму».

Такія героическія путешествія повторялись: «Вчера вернулись мы отъ Дѣдушки. Сегодня Вербное Воскресенье. Сейчасъ у насъ и весна во всемъ разгарѣ: тепло, деревья зеленѣютъ, солнышко сіяетъ. Путешествіе къ Дѣдушкѣ было очень трудное. По случаю разлива рѣкъ сообщенія на лошадяхъ не было, и мы сдѣлали 75 верстъ пѣшкомъ (въ обходъ). Ходили по колѣни въ водѣ, мѣсили невылазную грязь, скользили по мерзлымъ кочкамъ. Мѣстами была и хорошая дорога, но въ общемъ, устали настолько, что къ концу пути, пройдя версту, ложились отдыхать. Зато Дѣдушка утѣшалъ насъ все время. У него, кромѣ насъ, никого не было. Съ нимъ мы провели полтора сутокъ».

А вотъ и другого рода трудности: «У насъ размножились очень волки, во многихъ хозяйствахъ поуничтожили весь скотъ. Когда мы съ Олежкомъ шли къ Дѣдушкѣ, насъ тоже въ лѣсу на дорогѣ встрѣтилъ волкъ. Онъ сидѣлъ на дорогѣ, по которой мы шли, потомъ вѣжливо уступилъ намъ путь, перешелъ на опушку лѣса, потомъ опять сѣлъ сзади насъ на прежнее мѣсто. Смеркалось. Оликъ немножко струсиль: у насъ не было даже палочки, а я же не испытывала ни малѣйшаго страха въ надеждѣ на Дѣдушкины молит-

вы. Волки — одно изъ стихійныхъ бѣдствій крестьянина.

«Отъ мамы получила утѣшительное письмо», — пишетъ М. «Тамъ ей отлично живетъ, часто сидитъ у ногъ о. Нектарія и спрашиваетъ все, что ей хочется». Но только немного изъ того, чему внимала мать Нектарія, сидя у ногъ старца, могло дойти до насъ. Этимъ немногихъ мы и дѣлимся съ читателемъ.

IV. НАСТАВЛЕНІЯ ОТЦА НЕКТАРІЯ.

Дѣдушка сказалъ, что замужество для женщины, это есть служеніе Пресвятой Троицѣ. Вся ея жизнь въ замужествѣ — есть служеніе Пресвятой Троицѣ — вотъ, какъ велика для женщины ея участь быть женой и матерью. Это на мой вопросъ: «Чѣмъ я бы могла послужить Господу». Дѣдушка отвѣтилъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ ты сочеталась законнымъ бракомъ, ты непрерывно служила Пресв. Троицѣ. Законный бракъ для женщины — есть начало ея служенія Пресвятой Троицѣ».

Дѣдушка сказалъ, что тебѣ лучше жить вдвоемъ, если найдется сожитель тихій, кроткій, небранливый: «Со избраннымъ избранъ будешь»; а отъ дурного сожителя самому уходить надо.

Насъ очень обокрали! Унесли въ окно всѣ зимнія вещи и платья. О. Нектарій сказалъ, что когда обокрадутъ, то не надо скорбѣть, а рѣшить, что дали милостыню, и Господь вернетъ въ 10 разъ. Такъ что ты не печалься о насъ.

Одной знакомой на вопросъ, какъ Христа возлюбить, сказалъ: «Взять урокъ у Самого Христа: «да любите другъ друга, яко же Азъ возлюбихъ вы». Прежде всего надо стараться ближняго возлюбить, а съ ближняго любовь перейдетъ на Христа. Но ближняго надѣ возлюбить искренно, а не съ расчетомъ, — тогда только можетъ быть успѣхъ».

Отъ того, что душа мятется и не знаетъ за что вѣзаться, помолиться и отговѣться съ полной вѣрой.

Указаній какъ жить Дѣдушка не дѣлаетъ совсѣмъ. Я думаю оттого, чтобы не налагать ярма и чтобы во-

прошающіе не потерпѣли отвѣтственности за неисполненіе того, что онъ велѣлъ. Но на прямые вопросы онъ всегда отвѣчаетъ. Напр., я спросила, что дѣлать съ помыслами дурными, а онъ сказалъ: «повторяй «Господи, помилуй!» и увидишь, какъ все земное отходитъ».

Въ другой разъ онъ мнѣ сказалъ: «не обращай на нихъ вниманія». И по милости Божіей, молитвами Дѣдушки помыслы оставили меня.

Дѣдушка говорилъ, что «раньше благодарили Господа, а теперешнее поколѣніе перестало благодарить Господа, и вотъ оскудѣніе во всемъ, плоды плохо рождаются и какіе-то больные».

Дѣдушка совѣтуетъ, если кому удастся сдѣлать что-либо доброе, или подать милостыню, говорить: Твоимъ благословеніемъ, Господи, совершилъ я это: «Не можете творити безъ Мене ничесоже».

Насчетъ забытаго грѣха, Дѣдушка говорилъ, что можно его сказать послѣ причащенія, когда опять встрѣтишься съ духовникомъ.

Еще Дѣдушка говорилъ, что очень хорошо, если Господь долго не слушаетъ молитвы. Нужно только продолжать молиться и не унывать: «молитва, это — капиталъ: чѣмъ дольше лежитъ капиталъ, тѣмъ больше процентовъ приноситъ. Господь посылаетъ Свою милость тогда, когда это Ему благоугодно; тогда, когда намъ **полезно** принять. Если намъ что-либо крайне необходимо, тогда слѣдуетъ два-три раза помолиться, и за исполненіе просьбы надо благодарить Бога. Иногда черезъ годъ Господь исполняетъ прошеніе. Примѣръ братъ надо съ Іоакима и Анны. Они всю жизнь молились и не унывали, а все надѣялись, и какое послалъ Господь имъ утѣшеніе!»

Посылаю тебѣ письмо о. Іосифа (Полевого), присланное письмоводителемъ о. Нектарія. Отъ старца длинное письмо, въ которомъ онъ отвѣчаетъ на вопросы. Между прочимъ: можно ли съ товарищами спорить о религіи и читать вмѣстѣ съ ними религіозныя и антирелигіозныя книги? Онъ не разрѣшилъ этого, предупреждая, что можетъ быть нанесена сердечная язва, отъ которой будетъ очень трудно избавиться.

Открывать Библію, что откроется, — погрѣшительно. Въ сомнительныхъ случаяхъ дѣлать этого нель-

зя, а нужно только помолиться трижды и что бы послѣ того ни предпринять, все будетъ для души полезно, а гадать по Библии — погрѣшительно, и нужно только читать для поученія въ словѣ Божіемъ.

Тебѣ велѣлъ передать, что грѣхъ забытый, хоть и вспомнится до причастія, можно потомъ исповѣдать, въ другой разъ. Провести съ пользой дни, въ которые пріобщаешься, такъ: не торопиться на какія-нибудь дѣла, дать себѣ льготу до половины дня, пребывать въ молитвѣ, моленіи и благодареніи, почитать Св. Писаніе.

Старецъ еще сказалъ: «Наши самыя тяжелыя скорби подобны укусамъ насѣкомыхъ, по сравненію со скорбями будущаго вѣка».

Представь себѣ мое положеніе: знаю, что онъ мыслитъ, а тутъ ужасная мразь лѣзетъ въ голову — спрашиваю: — что дѣлать? — говоритъ: «не обращай вниманія».

Въ Дѣдушкѣ нашла поддержку своего мнѣнія о превосходствѣ «царскаго пути» (другими словами, избѣгать крайностей во всемъ, въ томъ числѣ и подвигахъ). Когда я тамъ жила два мѣсяца около него, ничего не дѣлала и имѣла возможность молиться и читать Священныя книги, на меня свирѣпо сталъ нападать злой духъ. Наполнилъ умъ мой такими помыслами, что я не могла взглянуть на иконы, и стыдно было у Дѣдушки сидѣть, т. к. я знала, что онъ мыслитъ. Относительно помысловъ онъ мнѣ отвѣтилъ, какъ я уже тебѣ писала: «не обращай на нихъ вниманія». А я пожелала класть поклоны и, чтобы не самовольничать, попросила у него разрѣшенія класть по 100 поклоновъ въ день. Онъ улынулся и спросилъ: «А усердіе есть?» Я говорю: «Есть». Онъ и разрѣшилъ, а черезъ 2-3 дня послалъ меня говѣть за 50 верстъ. Въ пути у меня разболѣлась нога, и я не въ состояніи была класть ни одного поклона. Съ тѣхъ поръ я никогда не просила разрѣшенія ни на какіе подвиги.

Дѣдушка написалъ, что хорошее общеніе житейское можно имѣть съ невѣрующими, только молитвеннаго общенія нельзя съ ними имѣть, и споровъ о религіи нельзя заводить, чтобы Имя Божіе въ спорѣ не оскорблялось.

Часто читаю изъ «Шестого часа» молитву: «Яко не имамы дерзновенія за премногія грѣхи наша», т. к. думаю, что въ этомъ и корень нашихъ печалей. Дѣдушка при всякихъ неудачахъ велѣлъ говорить: «Господи, вѣрю, что терплю должное и получаю то, что я заслужилъ, но Ты, Господи, по милосердію Твоему, прости и помилуй меня», и такъ совѣтуетъ повторять нѣскольکو разъ, пока не почувствуешь миръ въ душѣ.

Дѣдушка, какъ-то отъ себя сказалъ: «Молись тѣлесно — Господь Богъ пошлетъ Свою благодать въ помощь тебѣ». Это значить, чтобы молиться съ поясными поклонами и, когда нужно то, и съ земными. Дѣдушка даже всталъ передъ иконами, положилъ медленно крестное знаменіе на себя и поклонился низенько, коснувшись рукой правой до земли и мнѣ сказалъ: «Молись такъ».

Молись, чтобы Господь воцарился въ сердцѣ твоёмъ — тогда преисполнится оно великимъ ликованіемъ и радостью, и никакая печаль не въ силахъ будетъ потревожить его. Для этой цѣли Дѣдушка совѣтовалъ молиться такъ: «Господи, отверзи двери милости Твоей».

Дѣдушка велѣлъ мнѣ готовиться къ постригу. Я очень обрадовалась — правда, какъ тебѣ странно это слышать отъ меня? Помнишь мое отношеніе къ монахамъ? Какъ я ихъ жалѣла, что у нихъ нѣтъ своей воли, что они все должны дѣлать такъ, какъ имъ прикажутъ и т. д. А вотъ теперь я постигла, что нѣтъ большаго счастья, какъ находиться на послушаніи, когда ты можешь быть увѣренной, что исполняешь волю Божію и не отвѣчаешь за свои поступки.

Далъ мнѣ Дѣдушка маленькое келейное правило: 30 разъ «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную»; 10 разъ «Пресвятая Владычице Богородице, спаси мя»; 10 разъ «Святыи Ангеле Хранителю мой, моли Бога о мнѣ» и 10 разъ «Вси Святіи, молитесь Бога о мнѣ». Причемъ прибавилъ: «Какъ ты скажешь: «Вси святіи, молитесь Бога о мнѣ» — такъ всѣ святые скажутъ на небѣ: «Господи, помилуй» — и будетъ тебѣ приобрѣтеніе».

Теперь я всякій разъ, какъ говорю: «Вси святіи, молитесь Бога о мнѣ» — я представляю себѣ, какъ всѣ

святые — все небо — взываютъ ко Господу: «Господи, помилуй».

Молись за Дѣдушку, онъ сказалъ: «Ваши молитвы меня утѣшаютъ и мнѣ помогаютъ». Я живу отъ поѣздки до поѣздки. Какая великая милость Божія имѣть возможность повидаться съ нимъ и поговорить.

Получилъ ли ты письмо, въ которомъ я восторгаюсь твореніемъ преп. Исихія? Я его всю жизнь искала, а оно, оказывается лежало у насъ въ кладовкѣ, и только чудеснымъ образомъ я его нашла послѣ того, какъ спросила у Дѣдушки: какъ открыть дверь сердца.

Олегу сказалъ, что у него есть талантъ (но не сказалъ какой) и продолжалъ: «Это хорошо не объявлять талантовъ, а то могутъ украсть».

Жизнь опредѣляется въ трехъ смыслахъ: **мѣра, время и вѣсь**. Самое прекрасное дѣло, если оно будетъ выше мѣры, не будетъ имѣть смысла. Ты приникаешь къ математикѣ, тебѣ дано чувство мѣры, помни эти три смысла, ими опредѣляется вся жизнь.

— О мѣрѣ и вѣсѣ я понимаю, но что есть время? Эпоха ли? — Онъ молча улыбнулся.

Но есть и большее искусство — слово. Слово воскрешающее и убивающее (псалмы Давида). Но путь къ этому искусству черезъ личный подвигъ, путь жертвы. И одинъ изъ многихъ тысячъ доходитъ до него.

На второмъ Аржеронскомъ (во Франціи) съѣздѣ Христіанскаго Движенія, который имѣлъ мѣсто приблизительно въ 1926 году, среди другихъ докладчиковъ находился и проф. Бердяевъ. Преосвященный Веніаминъ, тогда инспекторъ Богословскаго Института въ Парижѣ, выступилъ съ возраженіями, какъ православный епископъ, противъ нѣкоторыхъ положеній доклада Бердяева, противорѣчившихъ православному ученію. Послѣдній обидѣлся, сейчасъ же забралъ свои чемоданы и уѣхалъ. На другой день на съѣздъ прибылъ м. Евлогій и сдѣлалъ еп. Веніамину строгое внушеніе. Вл. Веніаминъ, желая провѣрить себя, обратился къ о. Нектарію (въ это время мы имѣли возможность письменно общаться съ о. Нектаріемъ). Старецъ отвѣтилъ: «Въ такихъ обществахъ (какъ Христіанское Движеніе) вырабатывается философія, православному духу непріемлемая». Затѣмъ, пришло подтвержденіе еще болѣе

точное, что онъ не одобряетъ именно то общество (т. е. Движеніе), на собраніи котораго былъ оскорбленъ Вл. Веніаминъ.

Въ тотъ же періодъ времени нѣкто Г-мъ обратился къ отцу Нектарію за указаніемъ, можно ли ему поступить въ Академію (Богословскій институтъ въ Парижѣ), выражая опасеніе, что она еретическая. Съ послѣднимъ о. Нектарій согласился, но поступить въ академію благословилъ и сказалъ: «Какая бы она ни была, ученому мужу помѣхи не будетъ. Знать науку, какую будутъ преподавать, ему не помѣшаетъ».

Тогда же произошелъ одинъ прискорбный случай на Сергіевскомъ подворьѣ: на кухню Богословскаго института пришелъ человѣкъ, имѣвшій сухую руку, и просилъ тамъ какой-нибудь работы. Таковой не нашлось; тогда онъ здѣсь же въ саду застрѣлся.

Владыка Веніаминъ очень скорбѣлъ, написали отцу Нектарію. Церковно поминать самоубійцъ воспрещено канонами. О. Нектарій посовѣтовалъ Вл. Веніамину читать псалтирь келейно по умершемъ въ теченіе сорока дней, а также найти еще двухъ чтецовъ, чтобы довести ихъ число до трехъ. При этомъ о. Нектарій сказалъ: «Господь отымаетъ разумъ у челоуѣка, на что скотъ не рѣшается — челоуѣкъ рѣшается».

**Воспоминанія объ о. Нектаріи его духовнаго сына,
протопресвитера Адріана (Рымаренко).**

Въ августѣ 1925 г., мы съ матушкой, какъ всегда, предварительно испросивъ благословеніе старца, быстро собрались въ дорогу съ тѣмъ, чтобы на этотъ разъ встрѣтить день своего ангела у старца и вмѣстѣ помолиться.

Въ то время старецъ былъ уже въ изгнаніи, въ с. Холмищахъ, и попасть туда было не такъ легко, да, къ тому же, и слѣдили тщательно за пріѣзжающими. Но вѣра въ молитвы батюшкины и его благословеніе на пріѣздъ совершенно устранили всѣ страхи. Старецъ встрѣтилъ насъ очень привѣтливо, благословилъ поговѣть и причаститься Св. Таинъ, а наканунѣ моего дня

ангела наказаль хозяину достать рыбки на обѣдъ и испечь хлѣбъ.

Въ самый день праздника, послѣ богослуженія, насъ пригласили къ столу. Кромѣ меня и моей матушки былъ приглашенъ къ столу и хозяинъ.

Обычно батюшка никогда не выходилъ на общую трапезу, но на сей разъ онъ измѣнилъ своему обычаю.

Старецъ, одѣтый въ рясу и подпоясанный поясомъ, вышитымъ золотомъ, вышелъ изъ своей келліи, неся въ рукахъ свѣжеиспеченный бѣлый хлѣбъ.

Подавая его мнѣ, старецъ сказалъ: «Примите этотъ хлѣбъ, батюшка, въ знакъ того, что Вы никогда въ жизни не будете нуждаться въ хлѣбѣ насущномъ; а это», продолжалъ старецъ, вручая нѣсколько измятый какой-то листокъ, «въ руководство въ вашей жизни».

Листокъ этотъ содержалъ «Правила благочестивой жизни» архіеп. Платона (Костромского).

Въ то время этотъ подарокъ былъ не совсѣмъ понятенъ для меня и только уже по кончинѣ старца я оцѣнилъ всю его важность, какъ духовнаго руководства.

Во время трапезы, на которой присутствовали кромѣ меня съ матушкой и хозяинъ Андрей Ефимовичъ, у котораго жилъ старецъ, а также мон. Марія, батюшка сказалъ: — «Вотъ въ Москвѣ былъ случай, когда юная дѣвица очень хорошей жизни, неожиданно скончалась. И вотъ, когда она уже была въ гробу, вдругъ она ожила и немедленно потребовала своего духовника, извѣстнаго въ Москвѣ своей доброй жизнью священника. Прибывшій духовникъ послѣ исповѣди ожившей дѣвицы вышелъ весь въ слезахъ и, когда близкіе стали его разспрашивать, о чемъ онъ бесѣдовалъ, то духовникъ только сказалъ, что у дѣвицы на совѣсти было одно только темное пятно, и Господь не допустилъ, чтобы этотъ грѣхъ ушелъ вмѣстѣ съ ней въ Царство свѣта, и черезъ благодать священства этотъ грѣхъ былъ снятъ съ ея души, послѣ чего его духовная дочь мирно отошла ко Господу. Вотъ какъ важно покаяніе на землѣ», закончилъ старецъ.

О важности же проскомидіи вспоминалъ старецъ и другой бывший въ Москвѣ случай. Одинъ очень большой ученый, медикъ, тяжело заболѣлъ. Приглашенные врачи — его друзья — нашли больного въ такомъ со-

стояніи, что было очень мало надеждъ на выздоровленіе.

Жилъ профессоръ одиноко, только со своей сестрой, старушкой. Былъ онъ не то, что совсѣмъ невѣрующій, но мало интересовался религіозными вопросами, въ церковь не ходилъ, хотя жилъ очень недалеко отъ небольшого храма на его же улицѣ.

Послѣ такого медицинскаго приговора, сестра его очень заскорбѣла не зная, чѣмъ помочь брату. И тутъ вспомнила, да рядомъ есть церковь, куда можно пойти и подать на проскомидію о тяжело болящемъ братѣ.

Рано утромъ, не говоря ни слова брату, сестра собралась на раннюю обѣдню, рассказала священнику о своемъ горѣ и просила вынуть частицу и помолиться о здравіи брата. А въ это же время ея тяжело больной братъ видитъ, что стѣна его комнаты какъ бы исчезаетъ и открывается внутренность храма, алтарь. Даже онъ видитъ свою сестру, о чемъ-то говорящей со священникомъ. Священникъ подходитъ къ жертвеннику, вынимаетъ частицу, и эта частица ясно, со звономъ, падаетъ на дискось. И въ этотъ же моментъ больной чувствуетъ, что какая-то сила вошла въ его тѣло, и онъ невольно всталъ съ постели, чего давно уже не могъ сдѣлать.

Въ это же время входитъ и сестра и съ удивленіемъ смотритъ на болящаго.

«Гдѣ ты была?» — восклицаетъ онъ. «Я все видѣлъ, я видѣлъ тебя въ церкви, говорившей со священникомъ, и я видѣлъ, какъ онъ вынулъ за меня частицу». И тутъ оба они со слезами возблагодарили Господа за чудесное исцѣленіе.

Профессоръ еще долго жилъ послѣ этого случая, уже никогда не забывая о милосердіи Божіемъ, бывшемъ къ нему грѣшному ¹²⁾.

¹²⁾ Вышеупомянутая матушка, Евгенія Григорьевна, оставила весьма обстоятельныя воспоминанія, вѣрнѣе, дневникъ всѣхъ ея посѣщеній Старца Нектарія. Этотъ цѣнный матеріалъ не вошелъ въ нынѣшнее изданіе.

У. СЛУЧАИ ПРОЗОРЛИВОСТИ И ЧУДЕСНОЙ ПОМОЩИ.

1. Письма монахини Нектаріи Концевичъ.

Чтобы не навести на человѣка грѣха непослушанія, или забвенія, или нерадѣнія, Дѣдушка не налагаетъ никакихъ правилъ ни на кого, но, по его молитвамъ, человѣкъ самъ (съ помощью, конечно, Господа) наталкивается на подходящія въ данное время для него книги, встрѣчаетъ людей, могущихъ ему въ этомъ помочь. Какое величіе смиренія и любви къ людямъ! Какъ дивенъ Богъ во Святыхъ Своихъ!

Я замѣтила, что если только написать Дѣдушкѣ просьбу о чемъ-либо, то въ то же время приходитъ помощь отъ него. Очевидно, по милости Божіей, душа его слышитъ всѣ просьбы, обращенныя къ нему.

У Дѣдушки былъ такой случай: одна молодая дѣвица пришла просить благословенія на монашество, а онъ сказалъ: «Нѣтъ, у тебя будетъ женихъ, ты выйдешь замужъ, родишь сына и онъ будетъ вѣсить 10 фунтовъ...» Такъ и случилось въ точности, и она годъ черезъ два принесла прелестнаго бутузика къ Батюшкѣ на благословеніе.

Лида Б. искала цѣлый годъ какого-нибудь мѣста и не могла найти, лѣтомъ работала поденно на фермахъ за гроши: пахала, убирала воловники, однимъ словомъ, страдала невѣроятно, — хотѣла наняться кухаркой, прачкой — и нигдѣ не могла. Я посовѣтовала ей молиться о здравіи Дѣдушки — и вотъ она черезъ три дня получила мѣсто въ деревнѣ учительницы. Радость ея неопишима.

Ты просилъ написать, что говорилъ въ послѣдній разъ Дѣдушка. Когда мы пріѣхали, Олежокъ былъ боленъ. Температура у него была 40 градусовъ. Я говорю Батюшкѣ: «Олежокъ у меня боленъ», а онъ говоритъ, улыбаясь: «Хорошо поболѣть въ добромъ здоровьѣ». На другой день далъ ему яблочко и говоритъ: «Вотъ тебѣ лѣкарство». А когда благословлялъ насъ въ путь, сказалъ: «Когда будете лошадей кормить, пусть О. выпьетъ кипяточку и будетъ здоровъ». Мы такъ и сдѣлали, Олежокъ выпилъ кипяточку, заснулъ и проснулся, говоря: «Мамочка! — я здоровъ».

4. 13. 24. Одинъ мальчикъ пожаловался Дѣдушкѣ, что его въ школѣ товарищи обижаютъ, а Дѣдушка сказалъ, улыбаясь: «а ты призови Георгія Побѣдоносца на помощь, такъ ты всѣхъ ихъ побѣдишь, только ножками задрываютъ». Такъ въ точности и случилось. Онъ, какъ ринулся на самага забіяку, призвавъ Георгія Побѣдоносца на помощь, такъ тотъ только ногами задрогалъ и съ тѣхъ поръ его никто не трогаетъ.

Олежка онъ благословилъ хлопотать о жалованіи и вотъ чудеснымъ, можно сказать, образомъ онъ получилъ его — и не только за этотъ годъ, а и за весь прошлый безъ всякой протекціи, между тѣмъ, въ прошломъ году ему отказали. Олешку благословлялся, чтобы ему хорошо учиться — и до сихъ поръ у него по всѣмъ предметамъ, которые идутъ въ аттестатъ, весьма удовлетворительно.

Онъ благословилъ меня заниматься уроками, и ко мнѣ сами напросились 6 учениковъ и всѣ какъ на подборъ дѣтки умныя, способныя, вѣрующія!

Ахъ, какъ печально, что мы живемъ далеко отъ Дѣдушки и рѣдко можемъ прибѣгать къ его благословенію.

Мать двоихъ изъ учениковъ м. Нектаріи поручила ей спросить Старца, въ какое учебное заведеніе опредѣлить своихъ сыновей. «Никуда не надо отдавать ихъ: достаточно для нихъ и того, чему ты ихъ учишь». М. Нектаріи неловко было передавать эти слова Старца, т. к. мало ей знакомая мать этихъ дѣтей могла подумать, что она говоритъ это съ цѣлью сохранить за собою учениковъ. Такъ и вышло: мать только пожалала плечами и отослала дѣтей въ школу. Тамъ они попали въ дурное содружество, развратились, стали воровать одежду и вещи товарищей, а потомъ вышли грабить и на улицу и попали въ число малолѣтнихъ преступниковъ.

Не помню, что тебѣ писала изъ разговора съ Дѣдушкой, но важнаго для насъ онъ сказалъ, что О. окончитъ учиться, и просилъ молиться о немъ самомъ, т. к. ему не хочется ѣхать на Камчатку.

Дѣдушка былъ по обыкновенію очень веселый, много шутилъ и смѣялся. На прощанье намъ сказалъ: «Милости просимъ, пріѣзжайте еще, хотя вамъ отъ ме-

ня нѣтъ никакой пользы, зато мнѣ отъ васъ есть польза», намекая на гостинцы, которые мы ему привезли.

У насъ есть одна знакомая семья. Жена вѣрующая и хорошая христіанка и молитвенница, а мужъ насмѣшникъ надъ постами и слабо вѣрующій. Вотъ они были въ чрезвычайно бѣдственномъ положеніи, продавали послѣднее. Она усердно ходила въ храмъ, а мужъ допекалъ ее, что она все разноситъ по попамъ и что изъ-за этого они погибнуть съ голоду. Въ отчаяніи она была близка къ самоубійству и хотѣла бросить мужа, не будучи въ состояніи терпѣть его постоянныхъ укоровъ. Въ горѣ обратилась къ Дѣдушкѣ. Онъ ей черезъ меня передалъ: «Пусть отслужить молебенъ Святителю Николаю — Господь ей поможетъ». Она въ тотъ же день продала какую-то вещь и отслужила молебенъ Св. Николаю. Спустя два дня мужъ ея встрѣчаетъ товарища, который ему предлагаетъ службу. Онъ съ радостью соглашается. Но у насъ (въ СССР) службу нельзя получить не члену союза, а и члены союза тысячами ждутъ очереди. Онъ пошелъ къ тому, отъ кого зависѣло его назначеніе. Тотъ говоритъ: «удивляюсь даже, какъ вы можете ко мнѣ обращаться, зная правила и видя тысячныя очереди, а онъ не членъ». Онъ возвращается къ товарищу, тотъ говоритъ: «я безъ согласія ничего не могу сдѣлать». Тотъ идетъ опять въ союзъ и говоритъ: «Я погибаю, сдѣлайте хоть разъ въ жизни доброе дѣло — въ вашихъ рукахъ моя жизнь». Въ результатѣ получилъ мѣсто: 120 руб. (60 долл.) въ мѣсяцъ и 4 съ половиной руб. суточныхъ — всего около 250 руб. (а у насъ старые служащіе въ управл. жел. дор. и въ другихъ учрежденіяхъ получаютъ 30-40 рублей въ мѣсяцъ). Притомъ служба разъѣздная, и онъ разъ въ мѣсяцъ пріѣзжаетъ домой, какъ желанный гость. Всего величія этого чула ты не можешь понять, не имѣя представленія о томъ, какъ трудно здѣсь вообще попасть на службу, и не зная, что не члену союза это совершенно невозможно и что ежемѣсячно у насъ происходятъ сокращенія штатовъ, при чемъ десятками увольняются со службы, прослужившіе даже по 10-15 лѣтъ. Жена достигла всего: и его нѣтъ дома, такъ что она безпрепятственно молится, постигся, и съ мужемъ отношенія наладились,

и онъ, уѣзжая сказалъ «молись за меня». Остается воскликнуть: Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ!

Черезъ шесть лѣтъ сбылось предсказаніе о. Нектарія, что Л-а не возьмутъ на военную службу. Л-ъ съ благословенія о. Нектарія занимался физкультурой и сталъ инструкторомъ въ этой области. И вотъ, на призывной комиссіи онъ произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе своимъ атлетическимъ сложеніемъ и здоровьемъ. Кажется, призывъ былъ неминуемъ. Вечеромъ Л. долженъ былъ прійти въ канцелярію за указаніемъ мѣста назначенія. Но тамъ ему велѣли явиться на другой день. И такъ повторялось нѣсколько разъ. Л. и всѣ родные безпокоились, т. к., не понимая причины отсрочки, опасались нѣтъ ли политическаго преслѣдованія. Наконецъ, объявили, что Л. освобождается отъ воинской повинности, какъ инструкторъ гимнастики. Оказалось, что въ томъ году инструкторовъ не хватало, и только единственно въ этомъ призывѣ ихъ освобождали.

Дѣдушка разрѣшилъ въ іюнѣ побывать въ Саратовской пустыни и на возвратномъ пути посѣтить и его. Это будетъ черезъ два мѣсяца. Пиши заранѣе все, что нужно узнать.

Спросила я его о кончинѣ міра. Онъ мнѣ показалъ письма, которыя ему присылаютъ: о видѣніи Спасителя, Который говорилъ, что вскорѣ конецъ міра, о выдержкѣ изъ газетъ, что появился Мессія въ Индіи, а Ілія въ Америкѣ, и т. п. Много говорилъ, но и улыбался, а предварительно передъ тѣмъ, сразу при встрѣчѣ насъ, обратился съ такими словами: «что это вы все обращаетесь къ моему художеству — вотъ обратитесь къ оптинскимъ монахамъ». Я улыбнулась, а онъ говоритъ: «Это я вамъ серьезно говорю, они вамъ скажутъ все на пользу». Когда я повидалась съ ними, они и говорятъ: «Если люди, которые занимаются изысканіями признаковъ кончины міра, а о душахъ своихъ не позаботятся, это все они дѣлаютъ ради другихъ» (очевидно, чтобы сообщить сенсационную новость). Такъ вотъ, монахи мнѣ сказали, что людямъ не полезно знать время второго пришествія: «Бдите и молитесь», сказалъ Спаситель, значитъ не надо предугадывать со-

бытій, а въ свое время вѣрнымъ будетъ все открыто. Дѣдушка остался доволенъ отвѣтомъ монаховъ, т. к. онъ тоже не сторонникъ того, когда довѣряютъ всякимъ фантазіямъ въ этой области. Я спросила: «Батюшка, а говорятъ, что и Іоаннъ Богословъ придетъ?» Онъ отвѣтилъ: «Все это будетъ, но это великая тайна». И еще сказалъ: «Во дни Ноя Господь въ теченіе ста лѣтъ говорилъ, что будетъ потопъ, но Ему не вѣрили, не каялись, и изъ множества людей нашелся одинъ праведникъ съ семействомъ». «Такъ будетъ и въ пришествіе Сына Человѣческаго» (Матѳ. XXIV, 37). И еще Дѣдушка много разъ повторялъ: «Держитесь твердо Православія».

Во время моей исповѣди Дѣдушка много разъ повторялъ: «Боже, буди ко мнѣ милостивъ!»

2. «Вечеръ» Старца Нектарія.

Это было лѣтомъ 1915 года во время войны съ нѣмцами.

Насъ было трое: мать, сестра 28 лѣтъ и я 22 лѣтъ. Сестра часто болѣла приступами слѣпоты, дурноты и чѣмъ-то вродѣ летаргіи. Припадки почти ежемѣсячные. Болѣзнь началась, когда ей было 18 лѣтъ. За эти прошедшіе десять лѣтъ ее лечили 10 докторовъ и 4 профессора. И кромѣ безконечныхъ денежныхъ тратъ, поѣздокъ за границу и рухнувшихъ надеждъ — ничего!

Мать моя, очень религіозная женщина, много слышала объ Оптинскихъ старцахъ и рѣшила ѣхать въ Оптину. Она беретъ съ собой меня. Я же рвусь на курсы сестеръ милосердія, чтобы попасть на войну. Мать меня не пускаетъ и говоритъ: «благословить тебя старецъ — отпущу, а нѣтъ — не поѣдешь, а пока мы по дорогѣ еще въ Троицко Сергіевскую Лавру заѣдемъ помолиться». Пріѣхали въ Оптину черезъ Москву, Козельскъ, откуда на извозчикѣ въ пустынь и на паромѣ черезъ Жиздру. Поражаетъ высота деревьевъ въ лѣсу, окружающій монастырь. Остановились въ монастыр-

ской гостиницѣ, гдѣ узнали, что старецъ отецъ Анатолій боленъ, и посѣтителей не принимаетъ. «А пока онъ поправится, сходите въ скитъ къ отцу Нектарію», посоветовалъ намъ гостиникъ, — что мы и сдѣлали. Говорятъ отецъ Нектарій недавно вышелъ изъ затвора и теперѣ принимаетъ богомольцевъ у себя въ келліи въ скиту. Въ пріемной у старца мы застали уже человѣкъ 30 въ ожиданіи его выхода. Въ толпѣ кто-то сказалъ: «Батюшка сегодня пойдетъ съ нами гулять». Ждали мы минутъ 10-15. Вышелъ небольшого роста старичекъ и съ нимъ келейникъ. Большинство изъ толпы встало на колѣни, въ томъ числѣ и моя мать. Старецъ окинулъ всѣхъ взглядомъ, подошелъ къ мамѣ и говоритъ: «Ты пришла молиться о больной дочери? Она будетъ здорова, привези ее къ намъ, а пока приходи сюда подъ «вечеръ», а сперва прогулка». Слово «вечеръ» всѣхъ очень удивило, а одна женщина (крестьянка) говоритъ моей матери: «Ты вѣрно дочь просватанную привезла благословляться къ батюшкѣ?»

Всѣхъ по очереди батюшка благословилъ и ушелъ къ себѣ въ келлію. Вышелъ келейникъ и просилъ всѣхъ придти въ 6 часовъ вечера — «батюшка пойдетъ гулять». Въ 6 часовъ мы всѣ снова пришли. Батюшка вышелъ, посмотрѣлъ на всѣхъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и повелъ къ солдату (жандармъ). Захвативъ его руку вмѣстѣ съ моей, такъ и повелъ насъ къ двери и дальше по дорогѣ по лѣсу. Вся толпа шла за нами. Такъ мы гуляли минутъ 10-20. Солдатъ бѣдный смущался, краснѣлъ, а мнѣ идти было довольно неудобно. Когда пришли обратно, въ келліи уже стоялъ столъ подъ образами, чашки съ чаемъ и пряники и конфеты въ бумажкахъ. Отецъ Нектарій посадилъ меня и солдата въ передній уголъ подъ образа, а келейнику велѣлъ завести грамфонъ (какіе-то духовныя пѣснопѣнія — не помню что). Я чувствовала себя неловко, какъ-то странно все казалось. Старецъ взялъ со стола 7 пряниковъ (бѣлые съ розовымъ пояскомъ; такіе продавались по деревнямъ въ Россіи), и передалъ ихъ моей матери со словами: «Отвези ихъ больной дочери, пусть каждый день съѣдаетъ по одному и почаще причащается. Будетъ здорова. Поѣдете въ Петербургъ, привези ее сюда поговѣть. Съ этими сло-

вами онъ отъ насъ ушелъ, и мы всѣ поднялись и ушли. А изъ толпы многіе меня и маму поздравляли, говоря: «Батюшка-то твою дочь повѣнчалъ, увидишь, нынче замужъ пойдетъ». Такъ оно и вышло!

По пріѣздѣ домой въ имѣніе мы узнали, что за наше отсутствіе сестра была все время здорова. Она приняла пряники съ вѣрой (ихъ было семь). Послѣ седьмого она причастилась. Больше до самой смерти прежніе припадки никогда не повторялись. Она смогла закончить консерваторію и послѣ революціи преподавать пѣніе.

Осенью того-же года мы уже втроемъ (мать, сестра и я) поѣхали на зиму въ Петроградъ, и по дорогѣ, какъ велѣлъ Старецъ Нектарій, заѣхали въ Оптину. Отдохнувши съ дороги, мама повела сестру въ скитъ къ отцу Нектарію, я же пошла бродить вокругъ монастыря и узнать, принимаетъ ли отецъ Анатолій, такъ какъ намъ сказали, что онъ все еще боленъ и не выходитъ къ народу. Когда я подошла къ келліи батюшки, я увидѣла въ пріемной уже нѣсколько человекъ сидятъ, ждутъ. Все, конечно, мѣстные крестьяне. Это будетъ первый выходъ старца послѣ болѣзни, сказалъ келейникъ. Я вошла и села въ пріемной, а въ душѣ думаю: «какъ хорошо, что я одна попаду къ старцу безъ мамы. Старецъ, конечно, меня благословитъ идти на войну, когда я попрошу его, а мама поневолѣ отпуститъ меня». Вижу, дверь изъ келліи въ пріемную открывается и входитъ маленькій старичекъ-монахъ въ подрясникъ и широкомъ кожаномъ поясѣ, и прямо направляется ко мнѣ со словами: «А ну-ка, иди ко мнѣ». У меня, что называется, «душа въ пятки ушла» при этихъ словахъ батюшки. Но я вижу, у него необычайно ласковая улыбка, описать которую нельзя! Надо видѣть! Я пошла за нимъ въ келлію. Онъ закрылъ за нами дверь, посмотрѣлъ на меня, и я вмгъ поняла, что скрыть что-либо я не могу, онъ видитъ меня насквозь. Я почувствовала себя какой-то прозрачной; смотрю на него и молчу. А онъ все также ласково улыбается и говоритъ: «А ты почему мать не слушаешься?» Я продолжаю молчать. «Вотъ что я тебѣ скажу, мать твоя тебя лучше знаетъ, тебѣ на вайнѣ не мѣсто, тамъ не одни солдаты, тамъ и офицеры, это

тебѣ не по характеру. Когда я былъ молодъ, я хотѣлъ быть монахомъ, а мать не пустила, не хотѣла, и я ушелъ въ монастырь тогда, когда она умерла. Теперь ты вотъ что мнѣ скажи: — Замужъ хочешь?» — Молчу. «Ты сейчасъ любишь его за его красоту! Выходи за него замужъ тогда, когда почувствуешь, что жить безъ него не сможешь. Я знаю случай такой: мужъ былъ на войнѣ, его убили. Жена въ этотъ же часъ умираетъ дома. Вотъ тогда только и выходи». Съ этими словами старецъ взялъ стулъ, влѣзъ на него и досталъ съ верхней полки деревянную иконку, такъ съ четверть аршина въ квадратѣ, Казанской Божьей Матери; поставилъ меня на колѣни и благословилъ. Потомъ сказалъ: «Когда пріѣдешь въ Петроградъ, не думай, что тебѣ нечего будетъ дѣлать — будешь занята».

Въ первый же день пріѣзда мнѣ позвонила одна знакомая по телефону, прося приходить ежедневно въ помощь сестрамъ милосердія въ госпиталь на 200 человѣкъ солдатъ, замѣнять сестеръ во время обѣда. И второй телефонный звонокъ — работа въ складѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны (укладка бинтовъ въ медицинскомъ отдѣлѣ склада).

Слова Батюшки оправдались. Съ утра я уходила въ госпиталь до двѣнадцати съ половиной часовъ (Залъ Дворянскаго Собранія), прибѣгала домой, и къ часу ѣхала въ складъ въ Зимній дворецъ до шести вечера.

О. Н. Т.

Австралія. Пріютъ для престарѣлыхъ.

Примѣчаніе: Авторъ этихъ записокъ вѣнчалась, когда ее женихъ носилъ аксельбанты, будучи адъютантомъ штаба дивизіи, а жандармскіе солдаты носили рыжіе жгуты на плечѣхъ вродѣ аксельбантовъ. Вотъ въ церквѣ-то она и вспомнила «вечеръ» отца Нектарія!

Она дала слово своему жениху задолго до поѣздки въ Оптину. Никто въ семьѣ не зналъ объ этомъ...

Что говорилъ отецъ Нектарій ее сестрѣ, она никогда не знала. Сестра замужъ не вышла, хотя были женихи.

3. «Не гонитесь за большим».

Впервые я услышалъ о существованіи оптинскихъ старцевъ, будучи студентомъ въ Москвѣ. Тамъ я познакомился съ молодежью изъ очень вѣрующей и благочестивой семьи Д. изъ г. Козлова. Двое братьевъ и двѣ сестры учились въ Москвѣ, и одинъ изъ братьевъ былъ моимъ однокурсникомъ. Отъ нихъ я узналъ, что всѣ они — восемь братьевъ и сестеръ — были духовными дѣтьми старца Анатолія Оптинскаго, почти ежегодно посѣщали его и ничего не дѣлали безъ его благословенія. Они мнѣ очень совѣтовали побывать въ Оптиной, но обстановка студенческой жизни какъ-то всегда мѣшала мнѣ осуществить эту поѣздку. Занятія въ специальномъ техническомъ учебномъ заведеніи требовали очень много времени, а на каникулы я всегда уѣзжалъ домой или на студенческую практику. И только послѣ окончанія курса, уже при большевикахъ, обстоятельства позволили мнѣ попасть въ Оптину.

Лѣтомъ 1918 г., когда уже вся русская земля была потрясена до основанія, передо мной, — какъ и передъ всей интеллигенціей — сталъ вопросъ: что дѣлать дальше? Многіе категорически отказывались поступать на службу въ новыя большевицкія учрежденія, рассчитывая на скорое паденіе ихъ власти; другіе ждали иностраннаго вмѣшательства и выжидали. И когда частныя и общественныя учрежденія закрывались, то безработные интеллигенты предпочитали торговать всякимъ старьемъ или жить на продажу своихъ вещей, чѣмъ идти на службу къ большевикамъ.

Наконецъ, наступилъ и для меня такой моментъ, когда учрежденіе, въ которомъ я работалъ, должно было закрыться. Конечно, имѣя дипломъ инженера, я могъ бы легко устроиться, но гдѣ именно? Возможностей было много, мои товарищи и профессора звали меня въ различныя, вновь открываемыя, совѣтскія учебныя и научно-техническія учрежденія. Но меня какъ-то мало привлекало все это, мнѣ хотѣлось сохранить свою внутреннюю свободу и укрѣплять свою духовную жизнь, еще такую слабую и неустойчивую. Вотъ въ эти-то дни я особенно началъ думать о необходимости поѣхать въ Оптину, чтобы посоветоваться со старцемъ.

Случилось такъ, что наше учрежденіе, объявивъ свою ликвидацію, предложило своимъ служащимъ явиться черезъ три дня за расчетомъ. Чтобы использовать эти дни, я рѣшилъ поѣхать въ Оптину со своими знакомыми; это былъ Миша Д., студентъ московскаго университета, и его землякъ, немолодой купецъ, къ которому въ связи съ революціей грозило полное разореніе. Словомъ, всѣ мы трое стояли на распутьи и не знали, какъ дѣйствовать дальше въ наступившей революціонной неразберихѣ.

Съ большимъ трудомъ удалось намъ попасть на товарный поѣздъ, шедшій въ Калугу, потому что на пассажирскіе поѣзда невозможно было сѣсть. Чтобы имѣть право посѣтить Оптину, надо было являться въ городской исполкомъ и получить пропускъ — но на этомъ останавливаться не буду. Къ вечеру мы, наконецъ, добрались до монастыря и переночевали въ монастырской гостиницѣ. Тамъ было все еще по-старому, но посѣтителей, ввиду тревожнаго времени, было немного. Въ скиту тогда жили два старца, Анатолій и Нектарій. Большинство пріѣзжихъ стремилось попасть къ старшему — о. Анатолію, но мы почему-то рѣшили обратиться къ о. Нектарію. Войдя въ скитъ, который находился внѣ монастыря, мы увидѣли садик и домики старцевъ, знакомые намъ по книгѣ Быкова «Тихія пристанища», а также по описанію скита въ романѣ «Братья Карамазовы» Достоевскаго.

Каждый изъ насъ, какъ вѣроятно и всѣ прочіе посѣтители Оптиной, несъ въ своей душѣ смятеніе, боль и неувѣренность, порожденные первыми мѣсяцами революціи. Многіе изъ нихъ, подобно нашему старшему спутнику, искали отвѣта на главный вопросъ: долго ли еще продержится совѣтская власть?.. И многіе были увѣрены, что оптинскіе старцы это должны точно знать...

Къ сожалѣнію, я въ свое время не записалъ подробностей нашего посѣщенія о. Нектарія; я считалъ, что память моя и такъ сохранить эти незабываемыя впечатлѣнія. Главное, конечно, сохранилось, но далеко не все. Мы посѣщали монастырскія службы, говѣли, но больше всего остались въ душѣ впечатлѣнія отъ встрѣчи со старцемъ. Мы вошли въ пріемную ком-

нату старца въ его домикѣ. Насъ было человѣкъ 10-12 мужчинъ разнаго званія. Черезъ нѣсколько минутъ ожиданія изъ двери быстрыми неслышными шагами вышелъ маленький, нѣсколько сгорбленный старичекъ съ небольшою сѣденкой бородкой, въ епитрахили. Помолившись на образа, онъ благословилъ всѣхъ насъ и началъ подходить къ каждому по очереди. Мы стояли цѣпочкой вдоль комнаты, а старецъ переходилъ отъ одного къ другому и бесѣдовалъ. Бесѣды были короткія, о. Нектарій рѣдко съ кѣмъ задерживался и, прерывая иногда длинные рассказы посѣтителя, спѣшилъ съ отвѣтомъ; отвѣты его были быстры и немногословны, послѣ чего онъ сразу переходилъ къ слѣдующему въ очереди.

Меня болѣе всего поразила манера, съ которой о. Нектарій бесѣдовалъ со всѣми: онъ подходилъ къ собесѣднику не глядя на него, становился около него нѣсколько бокомъ, въ полъ-оборота и наклонялъ къ нему ухо, какъ будто плохо слыша или просто давая возможность говорившему не слишкомъ громко излагать свои нужды. Слушая его, о. Нектарій смотрѣлъ куда-то внизъ, но создавалось впечатлѣніе, что онъ слушаетъ васъ не ухомъ, а какимъ-то другимъ, внутреннимъ органомъ воспріятія; что ему, собственно, важны были не самыя ваши слова, а нѣчто другое, скрывающееся въ вашей душѣ, что старецъ и старался уловить...

Когда о. Нектарій подошелъ ко мнѣ, то я началъ какъ можно короче объяснять ему мое положеніе; но какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, краткости и ясности у меня не получалось. Я попытался объяснить лучше, но старецъ, уже какъ бы понявъ меня, началъ говорить самъ. Какъ я уже упоминалъ, мои трудности заключались въ томъ, какую выбрать себѣ службу и чѣмъ руководствоваться при этомъ. А о. Нектарій отвѣтилъ мнѣ, примѣрно, такъ (подлинныхъ словъ не помню, но смыслъ ихъ таковъ):

— Да, да, служите, конечно... вы вѣдь человѣкъ ученый. Но только не гонитесь за большимъ... а такъ, понемножку, полегоньку...

Вотъ и все — и онъ перешелъ къ слѣдующему. На первыхъ порахъ мнѣ даже показалось, что я не по-

лучилъ никакого отвѣта на мои нужды; вѣрнѣе, я ожидалъ отъ старца чего-то большаго, чѣмъ эти простыя слова... Но я вспомнилъ, что старцы очень часто отвѣчаютъ не прямо, а иносказательно, заставляя вдумываться въ истинный смыслъ отвѣта. Дѣйствительно, размышляя далѣе надъ его отвѣтомъ, я вскорѣ убѣдился, что получилъ вполне ясный и опредѣленный отвѣтъ на мои сомнѣнія. А понявъ это, я сразу почувствовалъ необыкновенную легкость, радость и покой. Вся запутанность и противорѣчивость окружающей революціонной обстановки перестала существовать, а мои личные проблемы стали просты и ясны.

Таковы же были и ощущенія моихъ спутниковъ. Оба они возвращались домой спокойными и укрѣпленными, хотя, въ сущности, они получили тоже не тотъ отвѣтъ, котораго искали. Старецъ, наприимѣръ, **никому не подалъ ни малѣйшей надежды** на то, что новая власть скоро кончится. Напротивъ, о. Нектарій многимъ говорилъ о необходимости терпѣнія, молитвы, подготовки къ еще большимъ испытаніямъ... Но тѣмъ не менѣе общее состояніе у всѣхъ, возвращавшихся отъ него, было бодрое и радостное. Мы возвращались изъ Оптиной, чтобы попасть опять въ хаосъ большевицкой революціи, но все воспринималось нами совсѣмъ иначе. И мнѣ вспоминались слова Евангелія: «Не бойся, малое стадо!..»

Такое впечатлѣніе отъ бесѣды со старцемъ еще болѣе укрѣпилось во мнѣ послѣ возвращенія въ Москву и осталось чѣмъ-то прочно вошедшимъ въ мою жизнь. Вся моя послѣдующая жизнь послужила непрерывнымъ доказательствомъ мудрости совѣта о. Нектарія. А то, что случилось со мною послѣ возвращенія въ Москву, еще больше раскрыло мнѣ все значеніе моей поѣздки въ Оптину. Вотъ почему обо всемъ этомъ необходимо рассказать подробнѣе.

1-го сентября 1918 года мы пріѣхали въ Москву и я разстался со своими спутниками. Они поѣхали къ себѣ въ Тверскую губернію, а я отправился домой, чтобы къ 12-ти часамъ быть въ своемъ учрежденіи для полученія разсчета. Но, чтобы понять дальнѣйшее, надо остановиться и пояснить, какова была политическая обстановка въ Москвѣ въ эти дни.

Боясь нападенія на Петербургъ, совѣтское правительство лѣтомъ этого года переѣхало въ Москву. Но и въ Москвѣ было неспокойно. Въ августѣ мѣсяцъ начался рядъ антибольшевицкихъ выступленій: возстаніе подъ Москвой такъ наз. «лѣвыхъ эсэровъ», убійство бомбой германскаго посла графа Мирбаха (которому приписывали большое вліяніе на политику большевиковъ), наконецъ, покушеніе на Ленина, произведенное эсэрой Капланъ. Озлобленные большевики въ отвѣтъ на это объявили «красный терроръ»: въ Москвѣ и провинціи свирѣпствовала В.Ч.К., всюду шли аресты, облавы и разстрѣлы; тюрьмы и управленія чрезвычайцаекъ были переполнены. Въ эти-то страшные дни мнѣ пришлось со всѣми своими сослуживцами угодить въ знаменитую Лубянку — во внутреннюю тюрьму В.Ч.К.

Произошло все очень просто. Когда мы собрались въ своемъ учрежденіи для полученія расчета, вдругъ оказалось, что весь домъ окруженъ чекистами — это значило, что мы попали въ облаву. Всѣхъ насъ, чловѣкъ около 80-ти, согнали въ одну залу и стали обыскивать и отбирать документы. Затѣмъ партіями погрузили на открытые грузовики и подъ конвоемъ черезъ всю Москву отвезли на Лубянку. Тамъ насъ перерегистрировали вновь и распредѣлили по камерамъ. Всю ночь внизу во дворѣ трещали моторы, пріѣзжали и уѣзжали машины поступали новыя партіи арестованныхъ...

Не буду описывать подробно тѣ 6 дней, которые я провелъ на Лубянкѣ. Скажу лишь, что населеніе нашей камеры ежедневно мѣнялось: однихъ освобождали, другихъ уводили на разстрѣлы, третьихъ — нуждавшихся въ слѣдствіи — переводили въ Бутырскую тюрьму, чтобы освободить мѣсто для вновь прибывавшихъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ тѣ времена судъ В. Ч. К. былъ хотя и не «милостивый», но скорый, арестованныхъ рѣдко держали долго и часто отпускали безъ всякихъ послѣдствій...

Среди пестраго населенія нашей камеры господствовало, конечно, подавленное, тяжелое настроеніе. Одни, замѣшанные въ чѣмъ-либо, молчали, замкнувшись въ себѣ. Другіе, попавшіе случайно, надоѣдали всѣмъ своими доказательствами, что они ни въ чемъ

не виноваты. Другіе, тоже не чувствовавшіе за собой вины, сильно волновались за себя и за своихъ близкихъ. Среди арестованныхъ были кадровые офицеры-интеллигенты, купцы, духовныя лица, члены большевицкой партіи, иностранцы и даже одинъ еврейскій мальчикъ 13 лѣтъ, арестованный за появленіе на улицѣ позже установленнаго часа. Но самъ я былъ среди нихъ, кажется, единственнымъ, кто спокойно переносилъ и свой внезапный арестъ, и всю гнетущую обстановку Лубянки. Тотъ духовный миръ, который я вынесъ изъ Оптиной, хранилъ меня отъ страха и я совсѣмъ не волновался; гораздо больше волновались за меня мои друзья, остававшіеся на свободѣ. Я же былъ увѣренъ, что все кончится для меня вполнѣ благополучно.

Среди сидѣвшихъ со мною мнѣ особенно запомнились два епископа, еще довольно молодыхъ, безъ единой сѣдины въ волосахъ; къ сожалѣнію, ихъ имена я забылъ. Они были оба въ весьма тяжеломъ состояніи и больше молчали. Я нѣсколько разъ пытался заговорить съ ними, рассказывалъ имъ, что самъ только что вернулся изъ Оптиной, про свои впечатлѣнія тамъ, но они были очень неразговорчивы. Потомъ я уже понималъ, что я имъ могъ показаться слишкомъ страннымъ своимъ спокойствіемъ и откровенными разговорами, такъ что они могли даже подумать, что я былъ специально къ нимъ подосланъ... Дня черезъ два ихъ вызвали ночью на допросъ — и они больше не вернулись. На слѣдующій день въ камеру явился дежурный за ихъ «вещами» — на нарахъ лежали ихъ верхнія рясы. Это означало, что они были разстрѣляны въ эту ночь. Такія скучаи у насъ были каждую ночь, такъ какъ особыхъ камеръ для «смертниковъ» тогда еще не было.

Меня дважды вызывали на ночной допросъ. Слѣдователемъ былъ совсѣмъ молодой и интеллигентный человѣкъ; потомъ я узналъ, что это былъ одинъ изъ начинающихъ поэтовъ-футуристовъ тѣхъ годовъ. Онъ со скучающимъ видомъ изучалъ мою записную книжку и спрашивалъ о всѣхъ, чьи адреса тамъ имѣлись: но больше всего онъ интересовался моими политическими убѣжденіями и тѣмъ, съ какими политическими

организаціями я былъ связанъ. Я же утверждалъ, что никогда не имѣлъ никакихъ связей съ партіями, а что имѣлъ знакомства только въ научныхъ и церковныхъ кругахъ. Объ этомъ въ тѣ первые годы революціи еще можно было говорить открыто, такъ какъ церковные круги еще не разсматривались, какъ контръ-революціонные. Но черезъ два-три года этотъ взглядъ измѣнился, всѣ церковные дѣятели начали преслѣдоваться.

Ввиду переполненія ВЧК, меня вскорѣ перевели въ Бутырскую тюрьму, гдѣ я пробылъ около 10 дней. Она была также переполнена, въ каждой камерѣ было вдвое больше нормы. Кормили гораздо хуже, чѣмъ на Лубянкѣ, почему лица, не получавшія передачъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ едва ходили. Тутъ я сталъ получать передачи отъ своихъ друзей и, между прочимъ, въ первой же передачѣ получилъ отъ нихъ книгу Новаго Завѣта, которую пропустили безъ задержекъ. Впослѣдствіи и эта льгота, принятая во всѣхъ странахъ, была отмѣнена.

Когда меня снова перевезли на Лубянку, то объявили что я освобождаюсь. На слѣдующій день я получилъ документы, отобранныя вещи: часы, перочинный ножъ и пр. — и пропускъ для выхода изъ зданія ВЧК. Съ чувствомъ облегченія и благодарности Богу я вышелъ на Малую Лубянку. Свѣтило сентябрьское солнце. Притихшая и плохо убранная Москва, ожидала тяжелой голодной зимы. Сидѣвшіе со мною передали мнѣ рядъ адресовъ для посѣщенія ихъ родственниковъ. Но одинъ изъ моихъ сослуживцевъ просидѣлъ еще 2 мѣсяца въ Бутыркахъ, хотя всѣ другіе наши служащіе были выпущены. Наконецъ, уже въ ноябрѣ его выпустили, оказалось, что его имя пропустили въ списокъ освобождаемыхъ...

Мои воспоминанія не были бы закончены, если бы я не сказалъ о томъ, какъ я осуществилъ на дѣлѣ совѣтъ о. Нектарія. Изъ практики старчества извѣстно, что совѣтъ старца долженъ быть обязательно выполненъ, иначе васъ постигнутъ всякіе несчастія. Но если вы слѣдуете совѣту старца, то Богъ помогаетъ вамъ и какъ бы «все содѣйствуетъ ко благу». Все это я испыталъ на опытѣ своей жизни.

Вскорѣ послѣ освобожденія я поступилъ на службу. Но, помня слова секретаря при техническомъ совѣтѣ одного изъ «главковъ» ВСНХ¹³⁾. Главное преимущество этого мѣста состояло въ томъ, что главкѣ помѣщался на той же улицѣ, гдѣ я жилъ. Однако многіе мои сотоварищи-инженеры и знакомые были весьма изумлены моимъ выборомъ, считая, что я могъ бы устроиться гораздо лучше. Но ужъ всегда такъ бываетъ, что Божіи пути по человѣческому разсужденію кажутся по крайней мѣрѣ «странными». Но какъ только наступила суровая зима, такъ сейчасъ же выяснились всѣ преимущества моего выбора. Какъ только выпалъ снегъ, такъ трамвайное движеніе прекратилось на всю зиму: нѣкому было разчищать пути. Люди, служившіе въ разныхъ комиссаріатахъ въ центрѣ Москвы, вынуждены были тратить массу силъ и времени на хожденіе. Еще хуже было тѣмъ, кто имѣлъ двѣ службы и съ утра до вечера дѣлалъ длинные концы пѣшкомъ.

Но еще болѣе я выигралъ въ чисто духовномъ отношеніи. Мои несложные секретарскіе обязанности не были утомительны, а потому у меня оставалось сравнительно много времени и силъ, которыя я вкладывалъ въ церковную жизнь. А въ этотъ годъ, благодаря мудрому руководству Святѣйшаго Патріарха Тихона, церковная жизнь въ Москвѣ чрезвычайно оживилась. Москва покрылась сѣтью братствъ, кружковъ и союзовъ, такъ какъ Патріархъ отмѣнилъ границы приходовъ и разрѣшилъ образованіе междуприходскихъ братствъ. Къ дѣятельности этихъ братствъ, руководимыхъ наиболѣе ревностными пастырями, были широко привлечены и міряне: они пѣли, читали на клиросѣ, проводили бесѣды и даже выступали съ проповѣдями. По вечерамъ совершались акаѳисты съ общенароднымъ пѣніемъ и бесѣдами послѣ нихъ. Для дѣтей, лишенныхъ уроковъ Закона Божія, устраивались бесѣды съ туманными картинами изъ Священной исторіи, молодежь собиралась отдѣльно и занималась изученіемъ церковнаго устава, Евангелія, и т. п.

¹³⁾ Для незнакомыхъ съ совѣтской терминологіей поясню: ВСНХ это Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, а «главки» — Главныя Управленія отдѣльныхъ отраслей промышленности.

Я принималъ близкое участіе въ Братствѣ Святителя Алексія, Митрополита Московскаго, во главѣ котораго стоялъ прот. Романъ Медвѣдь, бывшій настоятель Севастопольскаго собора. Къ братству были приписаны еще нѣсколько приходскихъ церквей въ разныхъ концахъ Москвы, гдѣ вели работу члены братства. Въ самомъ храмѣ братства ежедневно совершалась ранняя литургія и члены могли посѣщать ее еще до своей службы. Три раза въ недѣлю по вечерамъ были вечернія богослуженія съ бесѣдами, члены братства старались ежемѣсячно приступать къ Св. Причастію и активно участвовали въ работѣ.

Благодаря моей незагруженности служебными обязанностями, я имѣлъ возможность посвящать свои силы работѣ въ братствѣ, а потому это время принесло мнѣ громадную духовную пользу; здѣсь я окрѣпъ духовно, и началъ жить въ оградѣ Православной Церкви. Тогда же было положено и начало моей проповѣднической дѣятельности, особенно послѣ того, какъ въ 1919 году Святѣйшій Патріархъ Тихонъ посвятилъ насъ, троихъ членовъ братства въ чтецовъ, съ наименованіемъ насъ «благовѣстниками»; такіе «благовѣстники» появились тогда во многихъ братствахъ и выступали съ проповѣдями съ церковнаго амвона.

Такъ, исполняя совѣтъ о. Нектарія, я получилъ возможность закрѣпить свою связь съ Православной Церковью и получить весьма цѣнную подготовку къ моей дальнѣйшей миссіонерской работѣ. И во всей моей послѣдующей жизни въ Совѣтскомъ Союзѣ его слова всегда сбывались: какъ только я начиналъ подниматься по служебной лѣстницѣ, такъ вскорѣ у меня появлялись непріятности и осложненія; когда же я довольствовался малымъ, то жизнь текла болѣе спокойно. Впрочемъ, это уже особая тема, на которой здѣсь останавливаться не буду.

Въ заключеніе, коснусь еще вкратцѣ той дальнѣйшей духовной связи, которая совсѣмъ неожиданно установилась у меня съ о. Нектаріемъ и продолжалась до самой его кончины. Хотя моя первая и послѣдняя встрѣча съ нимъ уже связала меня невидимыми узами со старцемъ, но по волѣ Божіей онъ до конца не оставилъ меня своими молитвами.

Въ 1920 г. я уѣхалъ изъ Москвы на родину, на сѣверный Кавказъ, гдѣ жилъ все время. Почти въ то же время уѣхала въ Тульскую губернію одна изъ участницъ нашего братства, г-жа Т., дочь священника, вскорѣ принявшая тайное иночество. Проживая недалеко отъ Оптиной пустыни, она сдѣлалась духовной дочерью о. Нектарія и часто его посѣщала. Когда же монастырь закрыли, то она не переставала посѣщать старца въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ потомъ проживалъ.

Мы изрѣдка переписывались и въ ея письмахъ я всегда получалъ отъ него благословенія. Зная, какъ я почитаю о. Нектарія, она сообщала мнѣ, что онъ молится за меня и мою семью, а иногда рисковала пересылать мнѣ отъ него иконки или листки поученій. Такимъ образомъ, я еще въ теченіе почти восьми лѣтъ продолжалъ ощущать благодатную поддержку старца и чувствовалъ въ своей жизни охраняющее дѣйствіе его молитвъ. Въ 1928 г. Т. сообщила мнѣ о смерти этого послѣдняго оптинскаго старца. И какъ разъ въ послѣдующіе годы моя жизнь замѣтно осложнилась и наступили весьма тяжелые годы въ моей жизни. Мнѣ кажется, что и здѣсь играла роль прекращеніе духовной молитвенной поддержки со стороны старца...

Прот. С. Шукинъ.

4. «... Улетишь какъ птичка, у тебя будетъ много дѣтей».

Основоположницы Успенской Обители въ Южной Америкѣ, въ Чили, ведутъ свое монашеское начало по благословенію оптинскихъ старцевъ. По нашей просьбѣ онѣ сообщили нѣсколько случаевъ явной прозорливости Старца Нектарія. Ихъ игуменьей была Матушка Алексія высокой жизни, нынѣ уже покойница. Воспоминанія Матушки Ксеніи (въ мѣрѣ Клавдіи) записаны Матерію Іуліаніей.

«Мать Алексія, моя тетя по матери. Она знала всѣхъ старцевъ, часто посѣщала Оптину до отъѣзда въ Святую Землю. Была духовной дочерью Старца Іосифа. Старецъ наставлялъ, какъ и всѣ старцы: имѣть смиреніе, послушаніе, сидѣть въ келліи и заниматься рукодѣліемъ, «работа въ рукахъ, молитва на устахъ».

Батюшка былъ небольшого роста. Ходилъ тихо на

общее благословеніе помолиться у Царицы Небесной «Достойно есть». Говорилъ такъ: «Заступи, спаси, помилуй...» и благословлялъ народъ. Мы часто бывали въ Оптинѣ, т. к. родомъ изъ Калуги, и жили тамъ. Оптина отъ насъ въ 60 верстахъ. И пѣшкомъ ходили, и поѣздомъ по желѣзной дорогѣ. Я была больна и Батюшка принималъ ласково, всегда говорилъ «помолимся».

Мнѣ лично онъ благословилъ дорогу — говорилъ: «Торопись, Клава, въ Св. Землю, иначе не уѣдешь. Не соглашайся оставаться съ родными», хотя я очень была больна и молода ѣхать одной. «Давай помолимся». Я стала на колѣни, Батюшка накрылъ голову мою епитрахилью, началъ молиться. Крѣпко, крѣпко сжалъ голову и говоритъ: «Клавдія, какую ты благодать получишь, вѣдь врагъ съ дѣтства не любитъ, а благодать борется за тебя и вырветъ тебя!» Потомъ я ему сказала, какъ я одна поѣду, я такая больная (съ 12 до 23-хъ лѣтъ я болѣла бѣлокровіемъ). Онъ сказалъ: «Долетишь, какъ птичка», и училъ, какъ я должна вести себя на пароходѣ. За его св. молитвы, я ни качки не чувствовала, хоть она и была.

Въ послѣдній разъ, когда Мать Ксенія была у Старца, онъ далъ ей клубокъ нитокъ и говоритъ ей: «На, намотай этотъ клубокъ, видишь какой онъ спутанный». Она помнитъ, что послѣ болѣзни бѣлокровія она была очень слаба и поэтому для нея это было не подъ силу, а онъ говоритъ: «Ничего, ничего, вотъ такъ у тебя сложится жизнь; трудно будетъ тебѣ въ началѣ, а потомъ будетъ хорошо». Такъ оно и было.

Старецъ предсказалъ матушкамъ Алексіи и Ксеніи, тогда еще молодымъ, что у нихъ будетъ много дѣтокъ. Говорилъ: «Вотъ уѣдешь въ Святую Землю, и у тебя будетъ много дѣтей». Матушки пришли въ ужасъ, т. к. думали посвятить свою жизнь Богу, а не имѣть семью. И только въ 1933 г. пророчество старца начало приходить въ реальность. Привели къ нимъ 8-лѣтнюю дѣвочку въ послѣдствіи Мать Іоанну, и Владыка Митрополитъ Анастасій сказалъ Матери Алексіи, чтобы она взяла на воспитаніе арабскихъ дѣтей. Она не хотѣла, такъ какъ все время писала иконы, но не посмѣла послушаться Вла-

дыки Митрополита. Но, когда послѣ Матери Іоанны черезъ полгода привели ее двоюродную сестру, и еще другихъ дѣтей, въ томъ числѣ и 3-хъ лѣтнюю нынѣшнюю Мать Іуліанію въ 1938 году, то тогда вспомнила Матушка Алексія пророчество Старца Нектарія. Надо сказать, что въ Горненской Обители, гдѣ они тогда жили, уставъ былъ иной, чѣмъ на Елеонѣ и Геѣсиманіи. Обитель была своекоштной, и приходилось каждой сестрѣ зарабатывать на жизнь. Поэтому каждая сестра имѣла право воспитывать себѣ послушницу, а то и больше. Вотъ и имѣли матушки «много дѣтей». Теперь же, переѣхавъ въ Чили, у нихъ организовался пріютъ имени Св. Праведнаго Батюшки Іоанна Кронштадтскаго и школа, въ которыхъ воспитывается 89 человекъ, дѣтей обо-его пола.

Мою сестру Лидію онъ поучалъ и наставлялъ уже при большевикахъ, она продолжала учить пока была возможность; она была тайной монахиней. Изъ родныхъ никто не зналъ, т. к., думаю, что Батюшка ее научилъ и благословилъ.

Старецъ Нектарій говорилъ моей сестрѣ Лидіи: «Скоро будетъ книжный голодъ. Покупайте книги духовныя, а то ни за какія деньги не купите». Говорилъ также: «Боюсь красныхъ архіереевъ».

Владыка Ѳеофанъ Калужскій не вѣрилъ въ святость Старца. Когда онъ посѣтилъ Оптину Пустынь и пришелъ къ старцу, то старецъ не обращалъ на него никакого вниманія и занимался своими куклами (которыхъ ему давали дѣтки, какъ свое самое драгоценное, по любви къ старцу); началъ совать одну въ тюрьму, что-то приговаривая, другую билъ, третью наказывалъ. Владыка Ѳеофанъ рѣшилъ, что онъ ненормальный. Когда же Владыку взяли большевики и посадили въ тюрьму, тогда онъ понялъ все и сказалъ: «Грѣшенъ я передъ Богомъ и передъ старцемъ: все, что говорилъ, это было про меня, а я думалъ, что онъ ненормальный». Живя въ ссылкѣ владыка очень страдалъ отъ хозяина, но не жаловался. Жилъ въ семьѣ Плохиныхъ.

Еще Старецъ Нектарій говорилъ: «Россія воспрянетъ и будетъ матеріально не богата, но духомъ будетъ богата, и въ Оптиной будетъ еще 7 свѣтильниковъ, 7 столповъ».

5. «Ты еще ничего не знаешь, что будетъ», —
продолженіе разсказа матери Николаи изъ Баръ-Града.

Въ письмѣ къ намъ отъ 20-го августа 1955-го года Мать Николая писала:

«Теперь скажу о дорогомъ Батюшкѣ Нектаріи. Въ то время, какъ я жила въ Оптиной Пустыни, я вышла за ворота, вижу толпа шла по дорогѣ въ скитъ и я рѣшила подойти поближе. Посреди толпы былъ о. Нектарій. Онъ увидѣлъ меня, подозвалъ и я получила благословеніе. Батюшка сталъ спрашивать: «Ну, вотъ разскажи, какъ живутъ въ Италіи. А какая ты счастливая!» — «Ну, что вы, Батюшка! Одно горе». — «О, нѣтъ! Ты ничего не знаешь, что еще будетъ». И вотъ идемъ за пастыремъ до самаго скита. Батюшка насъ угостилъ всѣхъ. По дорогѣ Батюшка сказалъ, что ему холодно и чтобы я дала ему мой платокъ. И я этотъ платокъ берегу, какъ память. Батюшка насъ угостилъ сладенькимъ. Мнѣ сказалъ, чтобы я пришла на другой день въ 4 часа. Такъ я съ радостью пошла. Приема не было. Я одна только. Келейникъ мнѣ открылъ. Я вошла. Батюшка сидѣлъ и писалъ, благословилъ и сказалъ, чтобы я окончила этотъ стишекъ, а самъ ушелъ. Когда я окончила, Батюшка сказалъ: «Напиши число и возьми на память». И подарилъ мнѣ четки и сказалъ: «Пока возьми эти, а потомъ будешь выбирать изъ 12-ти. А въ Бари надо ѣхать. Тамъ твой домъ и много тамъ проживешь, а потомъ придетъ время скажутъ: «теперь можно ѣхать и въ Россію. Но когда пріѣдешь, тебя едва можно будетъ узнать».

Вотъ эти слова тоже какъ «черезъ 4 года» — «поѣдешь въ Италію», приходится держать про себя. Откровенно вамъ скажу — люблю говорить о томъ, что уже сбылось, а такъ говорить прямо боюсь. Батюшка Анатолій показалъ мнѣ адресъ, гдѣ я буду жить, но я конечно, не помню».

Еще при жизни Старца Нектарія Мать Николая имѣла общеніе съ нимъ посредствомъ ея близкаго друга — Матери Маріи, которая, живя въ тяжелыхъ условіяхъ Совѣтскаго Союза, посѣщала Старца въ его изгнаніи и писала объ этомъ въ Баръ-Градъ. Вотъ часть этой переписки: «... Вы при храмѣ почти живете — это

великое счастье для человека. Очень сожалею и горько оплакиваю потерянное счастье — жизнь в монастыре. Ничто не может заменить мне эту утрату. В материальном отношении я благодарю Господа Бога за Его щедрый милости ко мне недостойной. Но в духовном — я нищий, жалкий человек. Время от времени бываю у Батюшки Нектария, но что это за поездки?! 1 час или 2-3 увидишь и то с большими трудностями. Конечно, и утешение получишь такое, что со страхом и радостью долго помнишь и живешь им... А поскорбеть мне есть о чем — совсем оторвана от людей, единомысленных со мною и сестер своих о Христе. Живу одна в квартире. Может быть это так тяжело для меня, что за послушание живу здесь. За послушание трудно, ведь и пальцем шевельнуть. Другое дело по своей воле и гору своротишь и горя мало.

Так вот, родная, я вижу и вам за послушание большого труда стоит выбраться на родину. Когда не было на то воли Божией, рвалась, ни с чем не считаясь, а теперь сказали «можно», рассуждает вперед мыслями забывает что, да как... Хлопочите о паспорт в Советском посольстве, как и должно быть по порядку. О каком возврате может быть речь, когда сказано: «пусть пополнить число...¹⁴⁾». Если есть письмо, прочитайте-ка! Ваше письмо будет отослано с оказией, т. к. в настоящее время у нас весенняя распутица. Попрошу ответа для вас.

Святками я видела Батюшку. Слабенький, маленький стал на вид, но духовная мощь слышится в каждом произнесенном слове. Голосок при пении совсем юношеский. На мысли отвечает, страшно и подумать. Осенью частенько прихварывал Батюшка. К Рождеству был лучше, а потом опять прихварывал. Скоро будет годовщина, как я пешком, в полу воду 45 верст шла к нему. 32 версты шоссе, а 10 верст проселочной. Эти 10 верст шла 10 часов: одну ногу вытянешь из полуаршинной глинистой тины, другая ушла еще глубже, а то без сапог выскакивает. Ничего — дошла.

¹⁴⁾ «Пополнить число» — значит пополнить число мучеников. Мать Николая, тогда Мать Матрона, не решилась вернуться в Россию.

Спрашиваете о моемъ здоровіи? Вслѣдствіе сырой квартиры за полгода много ушло здоровья. Боюсь нажать ревматизмъ. Уже побаливаютъ руки, ноги, голова. Отъ головной боли очень страдала до Рождества. По пріѣздѣ къ Батюшкѣ я умоляла его помочь мнѣ. Взяла его ручки и положила себѣ на голову, а онъ смѣясь говорилъ мнѣ рецепты, какъ лѣчить голову. Всѣ рецепты вылетѣли у меня изъ головы, ни одного не помню, но и голова, слава Богу, за милосердіе ко мнѣ недостойнѣйшей, не такъ ужъ беспокоитъ. Только вотъ чувствительна къ холоду и всегда шумитъ въ ней.

Мое письмо Вы получите, когда у насъ будетъ Свѣтлое Христово Воскресеніе — Пасха. Буду кричать вамъ Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!»

6. Разсказъ актера Михаила Чехова.

О своихъ поѣздкахъ въ Холмище, гдѣ пребывалъ старецъ Нектарій, послѣ своего изгнанія изъ Оптиной Пустыни, разсказываетъ Михаилъ Чеховъ. «Несмотря на слѣжку, установленную за нимъ», — говоритъ онъ, «до самой смерти старца посѣщали ученики, знавшіе его еще въ Оптиной Пустыни, и не было ни одного несчастнаго случая съ людьми, пріѣзжавшими къ нему. Дорога къ нему шла черезъ густые лѣса. Отъ маленькой станціи желѣзной дороги до первой деревни было 25 верстъ. Крестьяне довозили посѣтителя до этой деревни и тамъ, въ одной изъ хатъ, держали его до темноты. Оставшіяся нѣсколько верстъ пути проѣзжали уже ближе къ ночи.

Попалъ и я къ Старцу и вотъ какъ это случилось.

Русская поэтесса Н., находясь въ общеніи съ нимъ, сказала мнѣ однажды, что во время ея послѣдняго посѣщенія Старецъ увидѣлъ у нея мой портретъ въ роли Гамлета. Посмотрѣвъ на портретъ, онъ сказалъ:

— Вижу проявленіе духа. Привези его ко мнѣ.

Тогда же, благодаря Н., я впервые и узналъ о существованіи Старца Нектарія и, собравшись, поѣхалъ къ нему.

Ночью поѣздъ подошелъ къ маленькой, темной стан-

ціи, гдѣ уже ждали крестьянскія розвальни, чуть прикрытые соломой и запряженные тощей, старенькой лошаденкой. Стояли жестокіе морозы. Дорога была долгая и трудная. Послѣ пятичасового пути, уже на разсвѣтѣ, въ первой деревнѣ меня ввели въ избу и, до темноты, велѣли лежать на печи. Въ избу же Старца я прибылъ только къ ночи и на слѣдующее утро былъ принятъ имъ.

Онъ жилъ въ маленькой комнаткѣ за перегородкой. Не безъ волненія вошелъ я въ комнатку, ожидая его появленія. Ко мнѣ вышелъ монахъ, въ черномъ одѣяніи. Онъ былъ малъ ростомъ и согнутъ въ поясницѣ. Лица его я не могъ разобрать сразу, ужъ очень вся фигура старца была пригнута къ землѣ.

—Здравствуйте, Михаилъ Александровичъ, — сказалъ онъ, кланяясь мнѣ.

Меня поразило обращеніе на «вы» и по отчеству.

Онъ сѣлъ, и я увидѣлъ свѣтлые, радостные, голубые глаза, его рѣденькую, сѣдую бородку и правильной формы носъ. Видимо, о. Нектарій былъ красивъ въ дни своей молодости. Прежде, чѣмъ я успѣлъ понять, какъ мнѣ слѣдуетъ держать себя, онъ весело улыбнулся и сказалъ: «Да, много есть на свѣтѣ, другъ Гораций, что и во снѣ не снилось нашимъ мудрецамъ». Затѣмъ, помолчавъ, прибавилъ:

—«Я, вѣдь, тоже принимаю къ научности. Слѣжу за ней. А извѣстно ли Вамъ, Михаилъ Александровичъ, когда была представлена первая трагедія?» — спросилъ меня онъ, лукаво глядя на меня.

Я долженъ былъ сознаться, что не знаю.

— Когда прародители наши, Адамъ и Ева, появились на сценѣ!

Онъ весело засмѣялся и продолжалъ:

— «Когда я былъ еще мальчикомъ, въ деревню къ намъ заѣхалъ такой ловкій фокусникъ — ходитъ по канату, а самъ шапку подкидываетъ, да ловитъ».

Такъ занималъ меня старецъ театральными разговорами. Онъ быстро снялъ съ меня тотъ ненужный на мнѣ ему налетъ «мистицизма», который я привезъ съ собою. Онъ всталъ и, еле передвигая больными ногами, ушелъ за перегородку. Оттуда онъ вынесъ коробку съ конфетами и положилъ одну изъ конфетъ мнѣ

въ ротъ. Все, что приносили ему его посѣтители, онъ раздавалъ имъ же самимъ, или угощалъ вновь пріѣзжающихъ. Затѣмъ онъ сразу переѣнилъ тонъ и началъ серьезный разговоръ со мной. Разговоръ имѣлъ личный характеръ. Окончивъ его, Старецъ благословилъ меня и отпустилъ отъ себя, сказавъ, что позоветь въ другой разъ вечеромъ. Послѣ меня къ нему вошли одни за другими еще нѣсколько посѣтителей; когда стемнѣло онъ опять послалъ за мной.

— «Вы не беспокойтесь о вашей супругѣ, — сказалъ онъ вдругъ, она здорова и дома у васъ все благополучно».

Я, дѣйствительно, уже началъ сильно волноваться о томъ, что дѣлается дома, въ Москвѣ. Сыщики, всегда и всюду слѣдовавшіе за мной, не могли не знать, казалось мнѣ, о моей поѣздкѣ къ старцу, и могли явиться въ мою квартиру безъ меня. Я еще утромъ видѣлъ его прозорливость и зналъ, что онъ говоритъ правду.

Нѣсколько разъ удалось мнѣ посѣтить Старца Нектарія. Всегда онъ былъ веселъ, смѣялся, шутилъ и дѣлалъ счастливыми всѣхъ, кто входилъ къ нему и проводилъ съ нимъ хотя всего нѣсколько минутъ. Онъ конкретно бралъ на себя грѣхи, тяжести и страданія другихъ — это чувствовали всѣ, соприкасавшіеся съ нимъ, какъ почувствовалъ это и я. Когда спросили объ этой способности его давать облегченіе приходившимъ къ нему, онъ, отвѣчая сказалъ:

— «Когда наберется много тяжести на спинѣ моей, то приходитъ Благодать Божія и, какъ сухія листья, разметываетъ ее и опять легко».

Два или три раза, уже послѣ смерти Старца, я видѣлъ его во снѣ и каждый разъ давалъ мнѣ совѣты, выводившіе меня изъ душевныхъ трудностей, изъ которыхъ я не могъ выйти своими силами.

Однажды, когда я ночевалъ въ избѣ Старца, меня положили довольно близко къ той перегородкѣ, за которой спалъ онъ самъ. И я слышалъ, какъ горько плакалъ онъ ночью. На утро же былъ веселъ и радостенъ, какъ всегда.

— «Нашъ путь, — сказалъ онъ какъ то о старцествѣ, — «какъ и у канатоходцевъ: дойдешь — хорошо, а свалишься на полпути — вотъ будутъ смѣяться!»

Уѣзжая въ послѣдній разъ, я ждалъ разрѣшенія и благословенія Старца на отъѣздъ. Запряженные дровни уже стояли на дворѣ. Времени до отхода поѣзда оставалось мало и я, признаюсь сталъ уже нервничать, боясь опоздать. Двадцать пять верстъ, ночь, морозъ, худая деревенская лошаденка — скоро ли довезетъ она! Но Старецъ медлилъ. Я попросилъ хозяина напомнить ему о моемъ отъѣздѣ, но крестьянинъ съ укоризной взглянулъ на меня, маловѣрнаго, усомнившася. Старецъ тутъ же сидѣлъ у стола и какъ бы разсматривалъ будильникъ, стоявшій передъ нимъ. Я понялъ, что успѣть на поѣздъ уже невозможно и думалъ съ неудовольствіемъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ вызвать въ Москвѣ мое опозданіе. Время все шло. Вдругъ Старецъ взглянулъ на меня и ясно и твердо, какъ бы отвѣчая на мои безпокойныя мысли, сказалъ:

— «Даю вамъ Ангела въ сопровожденіе. Ни о чемъ не безпокойтесь».

Время ли растянулось, дорога ли сократилась, но къ великому моему удивленію (и стыду!) на поѣздъ я не опоздалъ.

Старца я больше не видѣлъ. Онъ умеръ незадолго до моего отъѣзда за границу. Женѣ моей удалось еще послать гробъ для его тѣла и немного денегъ на похороны.»

7. Старецъ и Патріархъ Тихонъ.

Приводимъ случаи прозорливости о. Нектарія, переданные намъ профессоромъ И. М. Андреевымъ.

Профессора Комаровичъ и Аничковъ во время путешествія къ о. Нектарію (къ этому посѣщенію мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ), спорили объ имяславіи, при чемъ одинъ изъ профессоровъ, возражая противъ имяславія, привелъ примѣръ, когда имя Божіе произносится попугаемъ, или грамофонной пластинкой.

Когда эти профессора прибыли къ о. Нектарію, съ желаніемъ выяснить этотъ вопросъ у Старца, то послѣдній предварилъ ихъ и, прежде, чѣмъ они успѣли спросить его объ этомъ, предложилъ имъ выслушать «сказочку». Смыслъ этой сказки былъ такой: въ одномъ

домѣ въ клѣткѣ жилъ попугай. Горничная этого дома была очень религіозная и часто повторяла краткую молитву: «Господи, помилуй!» Попугай научился тоже повторять эту молитву. Однажды, когда горничная вышла, забывъ закрыть клѣтку, убѣжала въ комнату кошка и бросилась къ клѣткѣ. Попугай въ ней заметался и закричалъ голосомъ горничной: «Господи, помилуй!» Такъ какъ кошка очень боялась горничной, то, услыхавъ голосъ послѣдней, со страху убѣжала. Оба профессора были очень потрясены этимъ рассказомъ о. Нектарія.

Однажды, въ 1927 г. о. Нектарій далъ указаніе одному своему духовному сыну прійти къ своимъ знакомымъ, жившимъ на Аптекарскомъ островѣ въ Петроградѣ, и при этомъ сказалъ: «Тамъ вы встрѣтитесь съ бухгалтеромъ деревообдѣлочнаго завода, который вамъ достанетъ работу». Прійдя къ своимъ знакомымъ, этотъ человѣкъ, дѣйствительно, встрѣтилъ тамъ бухгалтера такого завода. Они познакомились, и этотъ послѣдній устроилъ его на работу на своемъ заводѣ.

Проф. И. М. Андреевъ въ теченіе 1927 года находился въ перепискѣ съ о. Нектаріемъ, черезъ одного монаха З., жившаго въ Козельскѣ. О. Нектарій, давая свои указанія, предсказалъ профессору, что ему предстоятъ очень тяжкія испытанія и страданія, но что въ концѣ концовъ все кончится благополучно и онъ выйдетъ на свободу и будетъ имѣть возможность активно служить Православной Церкви. Въ февралѣ 1928 года этотъ профессоръ былъ арестованъ за участіе въ Катакомбной Церкви, сосланъ въ Соловецкій концлагерь, а затѣмъ былъ въ ссылкахъ. Но кончилось все это благополучно, и послѣ войны 1941-1945 г.г. профессоръ эмигрировалъ въ Америку.

Одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей о. Нектарія рассказываетъ объ этомъ слѣдующее: «Патріархъ Тихонъ не былъ у Батюшки о. Нектарія, и Батюшка не былъ у Патріарха. Кажется, не было и переписки между ними, однако, многіе вопросы рѣшались Патріархомъ въ соотвѣтствіи съ мнѣніемъ Старца. Это происходило черезъ лицъ близкихъ къ Патріарху и общав-

шихся съ Батюшкой. Послѣдній на тотъ или иной вопросъ высказывалъ свою точку зрѣнія, или говорилъ иносказательно, рассказывая о какомъ-либо случаѣ. Эта бесѣда передавалась Патріарху, который всегда поступалъ по совѣту Батюшки.

Положеніе Патріарха было чрезвычайно тяжелымъ. Власть стремилась разбить христіанскіе устои. Организовывался расколъ, выразившійся въ т. наз. обновленчествѣ; образовывались и другія группы, основанныя не на чисто христіанскихъ, а на политическихъ соображеніяхъ. Въ то же время Оптина, находясь подъ руководствомъ старцевъ вообще и послѣдняго старца Батюшки о. Нектарія въ особенности, шла по твердому пути, не уклоняясь въ стороны. Оптина авторитетомъ Старца распространяла свое вліяніе во всѣ уголки Россіи, т. к. къ ней текли со всѣхъ сторонъ преданные Церкви люди, несмотря на трудности и опасности. Архіереи, священники и міряне и лично, и письменно, и устно — черезъ другихъ лицъ обращались къ Старцу за разрѣшеніемъ духовныхъ, церковныхъ и житейскихъ вопросовъ. Взглядъ Старца на тотъ, или иной вопросъ былъ абсолютнымъ авторитетомъ и быстро распространялся среди истинно вѣрующихъ людей, которые и являлись опорой Патріарху во всѣхъ его начинаніяхъ.

Совсѣмъ иное положеніе создалось съ приходомъ къ власти митрополита Сергія: между послѣднимъ и о. Нектаріемъ общенія не было.

Еще до выхода деклараціи м. Сергія, тѣмъ же лѣтомъ 1927 года старецъ Нектарій въ бесѣдѣ съ посѣтившими его профессорами Комаровичемъ и Аничковымъ называлъ митр. Сергія обновленцемъ. На ихъ возраженіе, что послѣдній покаялся, старецъ отвѣтилъ имъ: «Да, покаялся, но ядъ въ немъ сидитъ».

Съ момента выхода этой деклараціи, предавшей Церковь въ руки враговъ, начался отходъ отъ митр. Сергія лучшихъ епископовъ и стойкихъ вѣрующихъ.

Процессъ былъ длителенъ: нѣкоторые медлили съ отходомъ, надѣясь, что благодаря обличеніямъ, митр. Сергій образумится; но, наконецъ, процессъ закончился въ 1929 году, когда катакомбную Церковь возгла-

вилъ митрополитъ Кириллъ, вознося имя митрополита Петра ¹⁵⁾).

Старецъ не дожилъ до этого событія. Послѣдній годъ своей жизни (1927-1928), отецъ Нектарій былъ очень слабъ и почти никого не принималъ. Его силы замѣтно угасали. Въ декабрѣ 1927-го года думали, что старецъ умираетъ, однако, наступило временное улучшение.

Но въ концѣ апрѣля 1928 г. стало ясно, что конецъ приближается.

VI. КОНЧИНА ОТЦА НЕКТАРІЯ.

О послѣднихъ часахъ жизни о. Нектарія записано со словъ протоіерея о. Адріана Рымаренко, нынѣ Епископа Андрея, лично присутствовавшаго при кончинѣ старца. По нашей просьбѣ о. Адріанъ любезно сообщилъ намъ свои воспоминанія, за что приносимъ ему нашу благодарность.

Съ 1927 года о. Нектарій сталъ серьезно недомогать, его силы замѣтно угасали. Въ декабрѣ этого года въ состояніи его здоровья было рѣзкое ухудшеніе: думали, что старецъ умираетъ, но затѣмъ наступило нѣкоторое улучшение.

Въ апрѣлѣ 1928 года 27-го числа о. Адріанъ получилъ открытку отъ Василия Петровича Осина, что о. Нектарій теперь дѣйствительно умираетъ.

О. Адріанъ немедленно выѣхалъ и добрался до села Холмищи 29-го апрѣля, несмотря на трудности въ связи съ весенней распутицей.

Въ домѣ его встрѣтили Софія Александровна Энгельгардъ, хозяйинъ дома — Денежкинъ и его дочь — Марія Ефимовна. Отецъ Нектарій, хотя иногда и приходилъ въ сознаніе, но говорить уже не могъ.

Во время вечерней трапезы на половинѣ дома, ко-

¹⁵⁾ См. проф. Андреевъ. Краткій обзоръ Исторіи Церкви отъ революціи до нашихъ дней. Джорданвилль. 1952 г., стр. 51. Къ этому времени относится предсказаніе о. Нектарія, сдѣланное лѣтомъ 1923 г. о закрытіи всѣхъ церквей. Приводимъ его полностью: 19-3-1924. Лѣтомъ (1923) Дѣдушка говорилъ, что церкви на время откроютъ, но черезъ 5 лѣтъ всѣ церкви закроютъ. Первое сбылось у насъ, такъ, что мы наслаждаемся чуднымъ церковнымъ пѣніемъ.

тору занималъ хозяйнѣ, о. Адріану рассказывали о ходѣ болѣзни и о послѣднихъ событіяхъ, о томъ, какъ о. Нектарія спрашивали, кого вызвать для напутствованія. Предлагали о. Валентина Свѣницкаго. Батюшка категорически сказалъ: «нѣтъ».

«Кого же?» — продолжали спрашивать: «Можетъ быть о. Досиѣея?»

«Нѣтъ», возразилъ Батюшка: «если вызовите отца Досиѣея, то въ Козельскѣ будутъ аресты, надо вызвать отца Сергія Мечева».

Дали знать объ этомъ о. Сергію. Онъ пріѣхалъ, исповѣдывалъ и причастилъ Батюшку и уѣхалъ утромъ въ день пріѣзда о. Адріана. Послѣдній уже не засталъ о. Сергія.

Въ половинѣ девятаго вечера Марія Ефимовна спѣшно позвала о. Адріана къ больному: «Батюшка, скорѣе, скорѣе!» Когда туда вошелъ о. Адріанъ, она закрыла дверь на ключъ и больше никого не пустила.

Батюшка былъ покрытъ мантией и лежалъ въ полъ оборота къ стѣнѣ. Передъ его глазами стояли икона святителя Николая и именной образъ преподобнаго Нектарія въ серебрянной ризѣ. На столикѣ возлѣ кровати лежали требникъ и епитрахиль. Въ обѣихъ комнатахъ этой половины горѣли свѣчи. Батюшка тяжело дышалъ. Марія Ефимовна рѣзко сказала: «Читайте отходную!» О. Адріанъ облачился въ епитрахиль и началъ читать отходную. Читалъ медленно, вглядываясь по временамъ на Батюшку. Казалось, будто изъ глазъ Батюшки шла слеза. Батюшка смотрѣлъ на образъ: очевидно онъ былъ въ сознаніи. Когда кончилась отходная, батюшка еще дышалъ, но дыханіе становилось все медленнѣе, все съ большими промежутками. О. Адріанъ прочелъ разрѣшительную молитву и, ставъ на колѣни, покрылъ лицо умирающаго мантией. Послѣ этого дыханіе продолжалось еще долго, минутъ сорокъ, можетъ быть и часъ.

«Тихое, тихое дыханіе съ интервалами», рассказываетъ о. Адріанъ, но наступилъ «моментъ, когда я почувствовалъ, что это послѣдніе вздохи, и я поднялся и положилъ епитрахиль на батюшкину голову. Мнѣ были видны ротъ и шея. Послѣ нѣкотораго промежутка времени полного покоя, было замѣтно нѣкото-

рое движеніе въ горлѣ. На губахъ появилась улыбка. Это былъ послѣдній вздохъ». Въ это время Батюшка былъ покрытъ епитрахилью.

Когда Батюшка замеръ, я снялъ епитрахиль съ его головы и закрылъ ему глаза, которые были полуоткрыты. Марія Ефимовна съ трепетомъ сказала мнѣ: «Какой, батюшка, старецъ былъ прозорливецъ? Вѣдь Батюшка началъ умирать при мнѣ, я хотѣла остаться совсѣмъ одна, но вспомнила, какъ Батюшка еще въ январѣ говорилъ мнѣ: «Маня, позови отца Адріана!» И когда я объяснила, что о. Адріана здѣсь нѣтъ, Батюшка категорически отвѣтилъ: «Позови! его забрали на другую половину!» Я вспомнила это теперь и задрожала отъ мысли, что нарушаю Батюшкинъ завѣтъ, и позвала Васъ!»

Какъ только открыли дверь комнаты, явился агентъ ГПУ и отобралъ у о. Адріана документы.

Вызвали о. Тихона, мѣстнаго священника. Онъ и о. Адріанъ приготовили тѣло къ облаченію.

На другой день рано утромъ о. Тихонъ ушелъ готовиться къ Литургіи, а о. Адріанъ остался читать надъ Батюшкой Евангеліе, которое читалъ безъ перерыва до восьми вечера воскресенья, когда стали подходить изъ Козельска и прибывать изъ Москвы и Смоленска первыя группы людей. Пріѣхали и священники и начали служить парастасъ.

Монахи о. Севастіанъ и келейникъ о. Петръ облачили Батюшку по монашески. Съ погребеніемъ задержались въ ожиданіи всѣхъ вызванныхъ, а также прибытія колоды-гроба.

Наконецъ, въ два часа ночи съ понедѣльника 2-го мая на вторникъ 3-го пріѣхала послѣдняя группа людей изъ Москвы съ колодой.

Выносъ Батюшки начался въ 5 часовъ утра. Собралось такое количество людей, что впечатлѣніе было какого-то громаднаго торжества. Со всѣхъ окрестныхъ селъ собрался народъ, какъ мы узнали потомъ, прибыло ГПУ изъ Москвы.

Переносъ Батюшки изъ квартіры въ Покровскую Холмищенскую церковь продолжался не менѣе часа изъ-за непрерывныхъ литій. Люди бросали въ гробъ куски полотна, клубки нитокъ.

Когда Батюшку принесли въ храмъ, началась соборная панихида. Въ погребеніи участвовалъ Плохинскій благочинный о. Алексѣй. Онъ былъ настолько деликатенъ, что предстоятельство уступилъ о. Сергію Мечеву. Послѣ панихиды началась Литургія. Было очень много священниковъ. Слово произнесъ мѣстный священникъ о. Тихонъ, т. к. по обстоятельствамъ иначе и не могло быть. Послѣ литургіи началось отпѣваніе по монашескому чину, затѣмъ выносъ на кладбище съ литіями. Мы вернулись домой только въ 5 часовъ вечера. Въ домѣ Денежкина былъ устроенъ поминальный обѣдъ, причемъ москвичи устроили такое изобиліе, что нужно поражаться. Изъ Москвы, какъ будто былъ привезенъ большой крестъ и поставленъ у изголовья. На другой день началось мытарство съ ГПУ.

Ночью же произошелъ интересный случай. У Старца было два келейника: отецъ Севастіанъ и протеецъ отецъ Петръ, пламенно любившій своего старца. Будучи лишеннымъ своей дорогой Оптины, онъ скрывался въ лѣсу. Увидавъ, что крестъ поставленъ не на востокъ въ ногахъ на могилѣ своего старца, и что батюшка лежитъ не лицомъ ко кресту, его ревность вознегодовала. Ночью пришелъ, сломалъ поставленный крестъ, срубилъ топоромъ новый и поставилъ у ногъ старца на востокъ. Наутро обнаружили новый крестъ. Но не хотѣлось и прежняго удалять, а поэтому его стянули и возстановили на прежнее мѣсто. Такимъ образомъ у старца на могилѣ два креста.

Два креста! Два креста на мѣстѣ земнаго упокоенія того, кто всю свою многострадальную жизнь несъ не только свой иноческій крестъ, но и крестъ людской, крестъ ближняго, брата своего! И конечно не забыть онъ! Во всемъ его кроткомъ обликѣ кроется что-то напоминающее Преображеніе: блистающее, но не подающееся умственному глазу человѣческому, но только сердцемъ осязаемое ликующее торжество! Такъ это ощущается и носится въ себѣ тѣми, кто совершаетъ хожденіе на могилку къ Старцу, какъ это видно изъ писемъ Монахини Маріи, посланныхъ ею въ Баръ-Градъ.

НА МОГИЛКЪ БАТЮШКИ НЕКТАРІЯ.

Здѣсь сельское кладбище въ 2-3 верстахъ отъ села. Придешь, бывало, только къ дверцамъ оградки и чувствуешь, что безъ монашескаго молитвословія немыслимо войти. Сердцемъ услышишь: «аминь». Входишь, какъ бы въ хибарку. Припадешь головой къ холму могильному и не въ силахъ оторваться отъ земли. Распредѣлишь, принесенные цвѣточки, сядешь на скамейку у холмика и вся въ воспоминаніяхъ яркихъ и живыхъ — вотъ какъ будто самъ Батюшка стоитъ въ своей комнаткѣ у Андрея Ефимовича — теперь домикъ его сломанъ и перевезенъ въ другое село. — Мертвымъ его никогда никакъ нельзя себѣ представить, хотя сидишь у могилки его. А природа! Тутъ же на кладбищѣ красота неопиcуемая. Вѣковые сосны, ели и березы даютъ много тѣни и прохлады, сквозь ихъ густыя вершины нѣжно проглядываетъ солнышко. Зато поля, окружающія кладбище и деревушки, прихотливо прикурнувшія на склонахъ холмовъ, ярко залиты лѣтнимъ палящимъ солнцемъ, а горизонтъ окаймленъ кругомъ зеленымъ бархатомъ сосноваго лѣса. Въ сѣренькую погоду весь горизонтъ застилается сизо-дымчатою пеленой, деревушки глядятъ сѣренькимъ пятнышкомъ — здѣсь не встрѣтишь бѣлыхъ каменныхъ домовъ — все изъ дерева, а на могилкѣ у Батюшки за оградкою тогла становится еще теплѣе, еще роднѣе.

Приѣхала въ Козельскъ 18-го іюля подѣ праздникъ преп. Серафима. Погода не давала намъ выйти на дорогу: былъ дождь, были лужи. Черезъ 3-4 дня установилась погода и мы вчетверомъ отправились съ сумочками за 45 верстъ къ дорогому Батюшкѣ о. Нектарію. Послѣ Козловской пыли, грѣхота всевозможныхъ машинъ, деревенская тишина особенно была пріятна. Природа въ Калужской губерніи отличается особенной красотой. Горизонтъ весь окаймленъ лѣсами. Тропинки по песчаной почвѣ очень мило выются по зеленой травкѣ. Помнишь дорогу черезъ Оптинскій лугъ къ парому? Благодаря песчаной почвѣ онѣ всюду ласкаютъ взоръ. Вышли мы въ 4 часа вечера съ тѣмъ расчетомъ, чтобы пройти 13 верстъ и переночевать.

Такъ оно и вышло. Остановились у знакомыхъ и родныхъ по духу — всѣ дѣти одного отца, а потому воспоминаніямъ и разговорамъ не было конца. Отдохнули, часиковъ въ 10 утра мы вышли въ дальнѣйшій путь. Я по слабости не могла идти быстро, и одна изъ спутницъ по чрезмѣрной полнотѣ не могла идти быстро, словомъ, благодушествовали и прошли еще 13 верстъ во второй день. Переночевали въ той мѣстности, гдѣ одна изъ спутницъ учительствовала по благословенію Батюшки. Опять воспоминанія о далекомъ прошломъ. Наконецъ, послѣднія 19 верстъ, и мы достигли желаемой цѣли, т. е. пришли въ село, гдѣ жилъ нашъ родной. Побросавъ дорожныя сумочки, не отдохнувъ съ дороги, мы побѣжали на кладбище. Было уже 9 ч. вечера. Къ намъ присоединилась по дорогѣ молодая барышня, которая два дня тому назадъ была на могилкѣ. Она вызвалась показать намъ дорогу. Идемъ... оставалось еще 3 версты. Мы отпустили провожатую. Уже стало темнѣть. Небо заволокло тучами и мы потеряли правильную дорогу. Бѣжали, бѣжали, а кладбище отъ насъ убѣжало. Рѣшили было вернуться домой, но сердце горѣло желаніемъ скорѣе прильнуть къ дорогому холмику. Наконецъ, мы у цѣли. Въ темнотѣ рельефно выдѣлялась четырехугольная площадь, заросшая вѣковыми елями, соснами и березами. Обойдя кладбище съ сѣверной стороны, мы повернули на западную. Сейчасъ же по дорогѣ нужно свернуть влѣво и мы у дорогой оградки. Непередаваемая словомъ чувства нахлынули на каждую изъ насъ. Мы, не сговорившись, остановились у оградки, не рѣшаясь войти безъ благословенія, какъ бывало прежде. Какъ-то не вѣрилось — неужели уже у дорогого? Испросивъ благословенія, не хотѣли оторваться отъ дорогой могилки; собрались переночевать на ней, но устали, и ночная свѣжесть напомнила о благоразуміи. Была уже глухая полночь, ни звука, кромѣ топота нашихъ шаговъ.

...Всѣмъ существомъ своимъ я отдохнула въ эту поѣздку. Глядя на окружающую природу этого края, сердцемъ восклицаешь: Господи, недостойна я видѣть земными очами красоту Твоего творенія. И если у Тебя такъ хорошо на землѣ, то каково же у Тебя

въ раю?! И невольно вспомнишь стихиру на прощальное воскресеніе «Плачъ Адама»: «Сѣде Адамъ прямо рая и свою наготу рыдаше... О, раю!..»

Изъ села отъ Батюшки намъ указали кратчайшій путь, вмѣсто 12 верстъ — 6-7. Для меня это было великимъ благомъ. Правда, устала нога. Я старалась дѣлать большіе привалы. Разстелю непромокаемое пальто, вытянусь во весь ростъ — только такъ отдыхала нога, — полежу долго, долго, поѣдимъ. Со мной была все время одна изъ моихъ оптинскихъ подругъ. Я ее возила на свой счетъ, — да съ палочкой въ путь потихоньку. 7 верстъ шли съ 1 ч. дня до 8-ми веч. Вся дорога ничего особеннаго не представляла, окружающая красота стала привычна нашему взору. Вотъ подходимъ мы къ одному большому селу. Золотые кресты двухъ колоколенъ церковныхъ ярко блестѣли въ лучахъ заходящаго солнца. Грандіозный, вчернѣ отстроенный храмъ формою корабля, выпукло рисовался на фонѣ золотисто-красныхъ закатныхъ лучей. Онъ какъ-то сквозилъ своими еще не застекленными узкими оконными нишами. Невысокій куполь надъ трапезой представлялъ собою корону, увѣнчанную крестомъ. Я насчитала 16 оконъ, надъ ними кружевной бордюръ изъ сточенныхъ красныхъ кирпичей. Эта незаурядная архитектура для деревенскаго храма заставила насъ долго любоваться. Какъ вдругъ глазамъ нашимъ, сразу подъ ногами, открылась цѣлая картина: влѣво оврагъ, переходящій въ долину. Мы должны были забрать вправо, чтобы пройти на противоположный край этого оврага, который широкой выпуклостью поднимался вверхъ, устланной яркой изумрудной зеленью, при нѣжномъ освѣщеніи заходящаго солнца и манилъ насъ къ себѣ. Не успѣли мы пройти и ста шаговъ, какъ картина еще болѣе живописная привела насъ въ еще болѣе изумленіе. Сейчасъ же подъ ногами, съ сѣвера на югъ, показался оврагъ, поросшій кое-гдѣ кустарникомъ, а большей частью только травой. Сверху, восточные края этого оврага все еще освѣщались прощальными лучами заходящаго солнца, а внизу уже ложились вечернія тѣни. Совсѣмъ козьи тропинки вели на дно этого оврага. На мое счастье я вскорѣ увидѣла

ложбинку, вѣроятно, оставшуюся послѣ весенняго водопада; по ней я благополучно и сошла на дно оврага. Здѣсь, подъ ногами протекала чистенькая свѣтленькая водичка, но очень узенькой полоской, которую безъ всякихъ затрудненій мы и перешагнули. Сейчас же начался крутой подъемъ и мы стали подниматься узенькой извилистой тропинкой. Намъ пришлось раза 2-3 остановиться передохнуть, пока мы поднялись. Но что это за вода въ огражденных водоемахъ, откуда она можетъ быть на высокомъ косогорѣ?!

Смотримъ, а передъ нами бѣжитъ тоненькой струйкой одинъ ручеекъ, другой, а тамъ третій, а вотъ здѣсь образовался крошечный водопадъ. Оказалась прекрасная родниковая вода, чистая, какъ хрусталь, вкусная-вкусная, безъ всякой примѣси, или какого-либо запаха. Мы поднялись наверхъ, оглянулись назадъ. Солнце ушло за горизонтъ, пурпурныя облака догорали и на землю тихо спускались вечернія сумерки. Господи, Господи, думалось мнѣ, если бы эта земная красота навсегда приковала мое сердце къ созерцанію вѣчной, невянущей красоты! Въ умѣ проносились картины священной исторіи одна за другой. И долина Іорданская и гора Ѡаворъ. Не выдержала и запѣла: «На Ѡаворъ взошелъ еси... — Поятъ три Своя ученики, на Ѡаворъ взошелъ еси...» Благодарныя Господу всей душой и сердцемъ мы повернулись, чтобы продолжать свой путь. Но онъ уже близился къ концу, т. к. околица села началась и своими прихотливыми зигзагами ввела насъ въ центръ селенія. Околица простая — изгородь изъ жердей, за которыми высоко-высоко подымались верхушки душистой конопли. Раскаленный дневнымъ солнцемъ воздухъ не успѣлъ еще остыть, а потому весь былъ насыщенъ сладко-душистымъ запахомъ конопли, которую, кстати сказать, я очень люблю.

Описывая видѣнную красоту, я вновь переживаю и ощущаю ту радость и ту благодарность Господу, за доставленное мнѣ великое утѣшеніе. И все это по заботѣ о мнѣ дорогихъ моихъ отцовъ. Царствіе имъ небесное! Два года тому назадъ случайно была раскопана могила Батюшки Нектарія. Бѣлые и чулочки истлѣли, а тѣло бѣлое. Миръ праху Твоему, дорогой Батюшка!

ОБРАЩЕНИЕ СПИРИТА

Изъ книги В. П. Быкова, бывшаго редактора одного изъ самыхъ вліятельныхъ спиритическихъ журналовъ въ Россіи въ началѣ XX вѣка «Тихіе пріюты для отдыха страдающей души». Москва, 1913 г.

Въ настоящее время Іоанно-Предтеченскій скитъ Оптиной пустыни, какъ мы говорили выше, представляетъ собою центральный пунктъ для оптинскихъ богомольцевъ.

И, дѣйствительно; и по внѣшнему виду, и по внутреннему укладу эта святыня является поистинѣ красотой всей Россіи.

Достаточно выйти изъ пустыни на ту очаровательную дорожку, которая идетъ къ скиту, чтобы вашу душу охватило какое-то исключительное, по своему настроенію, чувство.

Передъ вами развертывается съ обѣихъ сторонъ чудная, густая сосновая аллея, и вы сразу чувствуете, что переходите въ какой-то совершенно иной міръ.

Обыкновенно поразительная тишина. Святая тишина въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова. Такой тишины, я увѣренъ, многіе не наблюдали нигдѣ.

По обѣимъ сторонамъ, въ началѣ аллеи, стройно стоятъ фруктовыя деревья. Если вы пріѣхали во второй половинѣ іюля, то вашъ взглядъ падаетъ на необычайное изобиліе яблокъ и другихъ фруктовъ. Если же вы пріѣхали ранней весной, вы идете подъ сѣнью какого-то неземного сада, покрытаго бѣломъ цвѣтомъ фруктовыхъ деревьевъ.

Наконецъ, какъ-то незамѣтно, эта аллея соединяется съ просѣкомъ обыкновеннаго лѣса, обильнаго стройно вытянувшими свои вершины богатырями-деревьями, которыя, какъ стражи-исполины добраго, стараго времени, мирно пропускаютъ васъ къ скиту. То тутъ, то тамъ, въ глубокомъ безмолвіи, съ какимъ-то очевидно, исключительнымъ благоговѣніемъ, тянутся длинныя

вереницы богомольцевъ, направляющихся къ старцамъ.

Сто семьдесятъ сажений, разстояніе между пустошью и скитомъ, пройти, само собою разумѣется, очень скоро. И вы сожалѣете, что эта чудная дорога не выросла въ 170 верстъ.

Передъ вами, направо, сначала показывается колодезь во имя Амвросія Медиоланскаго, куда два раза въ день выходятъ съ небольшими глиняными кувшинами, изъ скитскихъ воротъ, скитонасельники, очевидно, за водой для утренняго и вечерняго чая.

Еще нѣсколько шаговъ, и передъ вашими глазами развертываются святыя ворота Предтечева скита, по обѣимъ сторонамъ которыхъ вы видите два домика, съ выходящими наружу маленькими крыльцами, въ отворенныя двери которыхъ, почти непрерывно, то входятъ, то выходятъ пришедшіе богомольцы.

И у келліи направо, на длинной скамейкѣ, которая рядомъ съ входомъ, а иногда и на ступеняхъ крыльца, сидитъ большая группа ожидающихъ очереднаго входа въ келлію.

Эти два домика — келліи старцевъ, куда является свободнымъ доступъ снаружи скита только лишь для женщинъ. Мужчины же входятъ къ старцамъ черезъ святыя ворота, черезъ внутренній входъ.

Если вы оглянетесь въ сторону лѣса, по направленію отъ правой келліи, то вы увидите, въ хорошую, ясную погоду, массу самой разнородной публики, которая находится въ ожиданіи очереднаго входа въ келлію.

Съ этой же стороны помѣщается длинная скамья.

Главная масса богомольцевъ тягнетъ въ келлію направо.

Такое изобиліе народа вблизи правой келліи объясняется тѣмъ, что въ этой келліи, на протяженіи многихъ лѣтъ съ ряду, помѣщались два великіе старца: Амвросій и Іосифъ.

Удивительнымъ свойствомъ обладаетъ это мѣсто передъ святыми воротами скита.

Не говоря уже о своихъ личныхъ переживаніяхъ около этихъ святыхъ стѣнъ, когда я, преисполненный чувствомъ великаго благоговѣнія къ тѣмъ, кто живетъ за стѣнами этой обители, а въ особенности къ тѣмъ, кто живетъ въ этихъ выбѣленныхъ, чи-

стенныхъ двухъ домикахъ у воротъ, — цѣлыми днями просиживалъ здѣсь, — я знаю очень многихъ людей, которые приходили сюда для того, чтобы въ этой изумительной, святой, безмолвной тишинѣ, я даже не скажу, отдохнуть, а чтобы совершенно забыть обо всемъ, оставленномъ тамъ, далеко, за этимъ дивнымъ лѣсомъ, за этой дивной дорожкой, въ тлетворномъ мѣрѣ, со всѣми его заботами.

Здѣсь переживается человѣкомъ какой-то особенный процессъ внутренняго умиротворенія и самоанализа.

Здѣсь, мнѣ кажется, впервые, изъ прикованныхъ къ этому мѣсту, распознаютъ «самого себя», свое внутреннее «я», и здѣсь, у этихъ самыхъ святыхъ келлій, у порога этихъ великихъ воротъ, совершался великій процессъ обновленія тѣхъ душъ, которыя навсегда оставили здѣсь свое прежнее, безобразное, уродливое, отвратительное «я» и ушли отсюда совершенно другими людьми.

Не знаю почему, но мнѣ въ этомъ мѣстѣ, у стѣнъ этой обители, сталъ понятенъ великій евангельскій фактъ возрожденія Закхея.

Только здѣсь я понялъ, какую огромную роль въ человѣческой жизни, вообще, и въ православіи — въ особенности, играютъ великіе подвижники, праведные и святые.

Помимо молитвъ за грѣшный мѣръ, помимо великаго значенія, какъ живой иллюстраціи возможнаго проведенія въ жизнь евангельскихъ истинъ Божественнаго Спасителя міра, — эти святые, эти подвижники, эти яркіе свѣтильники, на нашихъ глазахъ горящіе огнемъ Божественной правды, не только они сами, но и ихъ великіе уюты, хижины, обители — дороги и неоцѣнимы для насъ тѣмъ, что въ ихъ присутствіи, около тѣхъ мѣстъ пребыванія великихъ подвижниковъ, которыя иллюстрируютъ и ихъ образъ жизни, и ихъ взгляды и привычки, — какъ яркое зеркало, мгновенно ослѣпляютъ насъ такимъ лучистымъ свѣтомъ, что на фонѣ его проектируются сразу всѣ наши отрицательныя стороны, всѣ наши недостатки, весь позоръ и вся неприглядность нашихъ внутреннихъ привязанностей къ міру и къ похотямъ его.

Какъ Закхей, который влѣзалъ на дерево, ради простаго любопытства, какъ только лишь увидѣлъ Божественнаго Спасителя міра, — отъ Котораго ему ничего

не было нужно, къ Которому привлекали его только лишь слухи о Его великой святости, о Его **неземной правдѣ**; къ Которому его влекло только лишь одно **человѣческое желаніе** подивиться людскому удивленію, поблагоговѣть съ благоговѣніемъ массы, наконецъ, просто, чтобы самому имѣть понятіе, Кто Онъ, Что Онъ, получилось совершенно неожиданное для Закхея; и какъ достаточно было Закхею увидѣть это воплощенное смиреніе, эту идеальную кротость, чтобы на фонъ яркаго свѣта, излучаемаго Имъ, онъ мгновенно увидѣлъ все свое несовершенство, всю свою грѣховность, и пораженный всѣмъ этимъ, мгновенно воскликнулъ: «Господи, половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, и, если кого чѣмъ обидѣлъ, воздамъ вчетверо; а Іисусъ сказалъ ему: «нынѣ пришло спасеніе дому сему»¹⁶⁾. Точно такой же психологическій процессъ совершился у этихъ скитскихъ стѣнъ и съ душами Гоголя, Кирѣевскаго и др.

И какъ только я узналъ Оптину пустынь, — когда Господь помогъ мнѣ здѣсь, недостойному, подѣ сънью обители этихъ молитвенниковъ-старцевъ, увидеть святую правду и смыслъ жизни; когда въ теченіе нѣсколькихъ дней созерцательнаго многочасоваго пребыванія здѣсь, у этихъ небольшихъ по величинѣ, но неограниченныхъ по вмѣщаемой ими духовности, хибарокъ-келлій старцевъ, мнѣ пришлось увидеть самому въ себѣ то, на что у меня раньше никогда не открывались глаза; покаяться самому передъ собой въ самыхъ мелкихъ и въ самыхъ крупныхъ грѣховныхъ дѣяніяхъ, — я сразу разрѣшилъ ту психологическую загадку, которую ставило передъ моимъ умомъ, какое-то странное, необъяснимое состояніе, даже во время моего невѣрія; которое всегда охватывало мою душу при чтеніи высокихъ мѣстъ Божественнаго слова; при трогательной молитвѣ кого-нибудь изъ встрѣчающихся въ храмѣ, въ часовнѣ; при посѣщеніи жилищъ такихъ великихъ подвижниковъ духа, какъ Серафимъ Саровскій чудотворецъ; при встрѣчѣ съ великими иноками, полными удивительной кротости, какого-то нечеловѣческаго смиренія и любви.

Тотчасъ же по прибытіи, какъ только я узналъ о томъ, что въ Оптиной старчествовуютъ три старца: Теодо-

¹⁶⁾ Лук. 19, 9.

сій (скитоначальникъ), о. Нектарій и о. Анатолій, я рѣшилъ, прежде всего, отправиться къ о. Θεодосію.

Какъ я сказалъ уже выше, пріемъ старцами мужского элемента производится изнутри скита. Я вошелъ въ святыя ворота, отворилъ ихъ, и предо мной открылась чудная картина роскошнаго, обильнаго цвѣтами сада, которые доходили своимъ ростомъ до полнаго роста человѣка, и насыщали воздухъ такимъ ароматомъ, что можно забыть въ буквальномъ смыслѣ слова все окружающее.

Прямо противъ меня стояла небольшая деревянная, но чрезвычайно своеобразной архитектуры, церковь — это храмъ Предтечева скита, отличительная особенность котораго заключается въ томъ, что внутри его все рѣшительно сдѣлано изъ дерева, и, какъ говорятъ, самими монахами. Кромѣ того, всѣ иконы въ церкви не имѣютъ на себѣ, такъ называемыхъ, ризъ, а открыты всей своей живописью.

По обѣимъ сторонамъ дорожки, отъ святыхъ воротъ къ скитской церкви, въ началѣ ея, на одной сторонѣ — направо келлія о. Нектарія, а налево — келлія скитоначальника, старца Θεодосія. Направившись къ послѣднему, я позвонилъ. Выходитъ келейникъ и просить меня войти. Когда я вошелъ, передо мною былъ длинный, очень чистый корридоръ, увѣшанный всевозможными текстами изъ Св. Писанія, поученій монахамъ и приходящимъ мірянамъ. Направо была большая комната. Я вошелъ въ нее. Передній уголъ наполненъ образами, налево у стѣны большой, кожаный диванъ, надъ нимъ портреты: большой старца Амвросія, лежащаго на кровати, затѣмъ Варсонофія, а дальше различныхъ епископовъ и вообще лицъ извѣстныхъ, какъ въ Оптиной пустыни, такъ и въ другихъ обителяхъ. Черезъ короткій промежутокъ времени, ко мнѣ вошелъ старецъ Θεодосій, человѣкъ высокаго роста, съ очень густыми, съ большой просѣдью, волосами, съ небольшой бородкой и очень красивыми глубокими, вдумчивыми глазами.

Необходимо замѣтить, какъ я сказалъ раньше, я и здѣсь, изъ ложнаго опасенія и считая для себя вопросъ

о спиритизмѣ уже законченнымъ, приступилъ къ старцу ничего не говоря о своей дѣятельности по спиритизму, съ вопросами, тѣсно связанными съ моей литературной и лекціонной дѣятельностью.

И здѣсь я, какъ и у старца Герасима ¹⁷⁾, снова самолично наблюдалъ поразительную силу духовнаго опыта и провидѣнія старцевъ.

Передо мной былъ человѣкъ огромнаго духовнаго опыта и широко образованный. Благословляя меня на работу популяризаціи христіанско-нравственной этики, онъ преподавалъ мнѣ чрезвычайно много цѣнныхъ совѣтовъ; снабдилъ меня указаніями, которыя, какъ уже я вижу теперь, были такъ необходимы, такъ нужны мнѣ.

А когда я предложилъ ему цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся переустройства моей личной жизни, то чувствовалось, — по крайней мѣрѣ, у меня осталось такое впечатлѣніе, — что старецъ какими-то внутренними импульсами проникъ въ мое прошлое, оцѣнилъ мое настоящее и, преподавая совѣты для будущаго, изъ чувства деликатности, а быть можетъ и сожалѣнія, не хочетъ касаться больныхъ вопросовъ моей сущности. Преподавъ мнѣ свое благословеніе, онъ предложилъ мнѣ побывать у старца Нектарія.

Я сначала было отказывался отъ этого; во-первыхъ, изъ опасенія, чтобы не нарушить то впечатлѣніе, которое создалось у меня отъ этой бесѣды, а во-вторыхъ, опять-таки, въ силу указаннаго выше разъясненія преподаваемыхъ отцовъ Варсонофія Великаго и Іоанна, что переспрашивать по два раза старцевъ объ одномъ и томъ же, равно, какъ и переходить отъ одного старца къ другому не слѣдуетъ; ибо, въ первомъ случаѣ, старецъ, несомнѣнно, говоритъ по наитію свыше, а во второмъ примѣшивается работа разсудка.

Тѣмъ болѣе, что я изъ бесѣды старца Θεодосія, по его отвѣтамъ на чрезвычайно сжатые вопросы; на вопросы, въ которыхъ хотя я тщательно обходилъ все, что касается моей бывшей постыдной дѣятельности, этотъ широко развитой, озаренный благодатною силою Христа умъ далъ мнѣ то, что не могъ дать простой человѣкъ.

И я былъ умиротворенъ, пораженъ и изумленъ.

¹⁷⁾ Прозорливый старецъ — основатель Сергіева скита Калужской губ.

Но старецъ Θεодосій, какъ будто, даже настаивалъ на томъ, чтобы я непременно побывалъ у старца Нектарія.

— Знаете, если вы даже побудете на порожкѣ у этого великаго, по смиренію, старца, то и это, кромѣ Божьяго благословенія, ничего не дастъ вамъ.

Я рѣшилъ исполнить то, на чемъ настаивалъ старецъ.

Перейдя черезъ дорожку, я направился къ подъѣзду старца Нектарія. Позвонилъ. Передо мной тотчасъ же отворилась дверь. Когда я вошелъ въ корридоръ, я увидѣлъ много мужчинъ, сидѣвшихъ и стоявшихъ, очевидно, въ ожиданіи старца.

Необходимо замѣтить, что въ это время былъ особенно большой наплывъ посѣтителей у старцевъ, поэтому, какъ говорится, все было переполнено.

Келейникъ провелъ меня въ особую комнату, гдѣ я сѣлъ въ ожиданіи о. Нектарія.

Я ожидалъ очень недолго. Черезъ какія-нибудь 10-15 минутъ я услышалъ, какъ въ передней всѣ зашевелились. Всталъ и я, приблизился къ двери, и вижу, какъ, направляясь ко мнѣ, идетъ старецъ, человѣкъ очень невысокаго роста, въ такомъ клобукѣ на головѣ, въ какомъ обыкновенно пишется и рисуется старецъ Амвросій.

Это былъ старецъ Нектарій.

Благословивши всѣхъ, онъ подошелъ ко мнѣ, и со словами: «пожалуйте», ввелъ меня въ свою келлію.

Точно такая же обстановка, какъ и въ келліи старца Θεодосія: иконы, портреты, направо большой, старинный развалистый диванъ, накрытый чехломъ. Неподалеку столикъ, на которомъ лежатъ нѣсколько книгъ духовной литературы. Старецъ Нектарій усадилъ меня на диванъ, а самъ сѣлъ со мной рядомъ въ кресло.

По виду старцу Нектарію нельзя дать много лѣтъ. Небольшая борода почти не измѣнила своего природнаго цвѣта.

Странное впечатлѣніе на посѣтителей производятъ глаза старца, въ особенности во время бесѣды. Они у него очень маленькіе; вѣроятно, онъ страдаетъ большой близорукостью, но вамъ часто кажется, въ особенности когда онъ сосредоточено вдумывается, что онъ какъ

будто впадаетъ въ забытѣе. По крайней мѣрѣ, таково было мое личное впечатлѣнїе.

Въ то время, какъ старецъ Θεодосій вырисовывается въ вашихъ глазахъ человѣкомъ живымъ, чрезвычайно скоро реагирующимъ на всѣ ваши личныя переживанія, — о. Нектарій производитъ впечатлѣнїе человѣка болѣе флегматичнаго, болѣе спокойнаго и, если хотите, медлительнаго.

Такъ какъ посѣщенїе этого старца послужило окончательнымъ разрѣшенїемъ всѣхъ моихъ переживанїй, я постараюсь по возможности точно воспроизвести смыслъ моей бесѣды съ нимъ.

— Откуда вы изволили пожаловать къ намъ? — началъ медленно, тихо, спокойно говорить о. Нектарій.

— Изъ Москвы, дорогой батюшка!

— Изъ Москвы?..

Въ это время келейникъ старца подаль ему чай и бѣлый хлѣбъ:

— Не хотите-ли со мной выкушать стаканчикъ чайку? Дай-ка еще стаканчикъ!.. — обратился онъ къ уходившему келейнику.

Я было началъ отказываться, говоря, что ему нужно отдохнуть. Что я не смѣю нарушать его отдыха. Но батюшка, очевидно, вовсе не имѣлъ въ виду отпустить меня, и, со словами: «ничего, ничего, мы съ вами побесѣдуемъ», — придвинулъ ко мнѣ принесенный стаканъ чая, разломилъ на двое булку и началъ такъ просто, ровно, спокойно вести со мной бесѣду, какъ съ своимъ старымъ знакомымъ.

— Ну, какъ у васъ въ Москвѣ? — было первымъ его вопросомъ.

Я, не зная, что отвѣтить, сказалъ ему громкую фразу:

— Да какъ вамъ сказать, батюшка; всѣ находимся подъ взаимнымъ гипнозомъ.

— Да, да... Ужасное дѣло этотъ гипнозъ. Было время, когда люди страшились этого дѣянїя, бѣжали отъ него, а теперь имъ увлекаются... извлекаютъ изъ него пользу... И о. Нектарій въ самыхъ популярныхъ выраженїяхъ, прочиталъ мнѣ цѣлую лекцію, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, о гипнотизмѣ, ни на одно

мгновеніе не отклоняясь отъ сущности этого ученія въ его новѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

Если бы я пришелъ къ старцу, хотя бы второй разъ, и если бы я умышленно сказалъ ему, что я — спиритъ и оккультистъ, что я интересуюсь, между прочимъ, и гипнотизмомъ, я, выслушавши эту рѣчь, могъ бы съ спокойной душою заключить, что старецъ такъ подготовился къ этому вопросу, что за эту подготовку не покраснѣлъ бы и я, человѣкъ вдвое почти моложе его.

— ... И вѣдь вся бѣда въ томъ, что это знаніе входитъ въ нашу жизнь подъ прикрытіемъ, какъ будто, могущаго дать человѣчеству огромную пользу... — закончилъ о. Нектарій.

Въ это время отворилась дверь, вошелъ келейникъ и заявилъ: «батюшка, васъ очень дожидаются тамъ».

— Хорошо, хорошо, сейчасъ, — проговорилъ старецъ, а затѣмъ, немножко помедливъ, продолжалъ, обращаясь лично ко мнѣ:

— А вотъ еще болѣе ужасное, еще болѣе пагубное для души, да и для тѣла увлеченіе — это увлеченіе спиритизмомъ...

Если бы въ этой келліи, гдѣ перебивалъ цѣлый рядъ подвижниковъ-старцевъ Оптиной пустыни, раздался сухой, металлическій, знаете, — бываетъ иногда такой, въ жаркіе лѣтніе, іюньскіе, грозовые дни, — раскатъ оглушающаго удара грома, онъ бы не произвелъ на меня такого впечатлѣнія, какъ эти слова Боговдохновеннаго старца.

Я почувствовалъ, какъ у меня къ лицу прилила горячая волна крови, сердце начало страшно усиленными ударами давать знать и головѣ, и рукамъ, и ногамъ, и этому дивану, и, даже кажется, самому старцу, о своемъ существованіи. Я превратился въ одно сплошное вниманіе. Замеръ отъ неожиданности. И мой, привыкшій къ подобнаго рода экстравагантностямъ, рассудокъ, учтя всѣ тѣ фізіологическіе и психологическіе импульсы, которые мгновенно дали себя знать при первыхъ словахъ старца, сказалъ мнѣ: «слушай, это для тебя».

И, дѣйствительно, — это было для меня.

А старецъ продолжалъ:

— О, какая это пагубная, какая это ужасная вещь!

Подъ прикрытіемъ великаго христіанскаго ученія и появляется на спиритическихъ сеансахъ, — незамѣтно для человѣка, — онъ, сатана, сатанинскою лестью древняго змія, заводитъ его въ такіе ухабы, въ такія дебри, изъ которыхъ нѣтъ ни возможности, ни силъ не только выйти самому, а даже распознать, что ты находишься въ таковыхъ. Онъ овладѣваетъ черезъ это, Богомъ проклятое дѣяніе, человѣческимъ умомъ и сердцемъ настолько, что то, что кажется неповрежденному уму грѣхомъ, преступленіемъ, то для человѣка, отравленнаго ядомъ спиритизма, кажется нормальнымъ и естественнымъ...

Въ моей головѣ, съ быстротою молніи, всталъ цѣлый рядъ моихъ личныхъ дѣяній и дѣяній другихъ, отдавшихъ этому ученію, которыя именно прошли при указанномъ старцемъ освѣщеніи.

Что можетъ быть, съ точки зрѣнія истиннаго, неповрежденнаго христіанина, болѣе преступнымъ такого дѣянія, какъ, напримѣръ, да простятъ меня очень многіе спириты, — поблажка такого страшнаго грѣха въ семьѣ, между супругами, какъ прелюбодѣяніе и уклоненіе одной изъ сторонъ для сожительства съ третьимъ? Проникшіе же сатанинскимъ ученіемъ въ спиритизмъ, «о перевоплощеніи душъ», по которому человѣкъ появляется на землѣ неоднократно число разъ, будто бы, для искупленія грѣховъ своего минувшаго существованія, о п р а в д ы в а ю т ь это явное нарушеніе седьмой заповѣди, — скрѣпленной Божественными словами Христа: «что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ»¹⁸⁾, и узаконенное Самимъ Творцомъ вселенной, на первыхъ страницахъ Библіи: «посему, оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью»¹⁹⁾, — тѣмъ ни на чемъ не основанномъ доводомъ, что вновь сходящіеся были въ прежнемъ перевоплощеніи мужемъ и женой, и вспыхнувшая между ними любовь с е й ч а с ь, только лишь доказываетъ, что они недокончили въ прошломъ существованіи какую-то возложенную на нихъ задачу, и должны ее кончить совмѣстно теперь?..

¹⁸⁾ Матѳ. 19, 6

¹⁹⁾ Быт. 2, 24.

Или, что можетъ быть противозаконнѣе, — я знаю, и это не простятъ мнѣ мои бывшіе коллеги по несчастію, — съ христіанской точки зрѣнія, безбрачнаго сожителства, а оно введено почти въ догматъ, въ цѣлой массѣ спиритическихъ организацій только лишь потому, что эротизмъ въ спиритизмѣ считается самымъ вѣрнымъ импульсомъ для проявленія медиумическихъ способностей.

И т.д., и т.д. — безъ конца.

— Вѣдь стоитъ только поближе всмотрѣться во многихъ спиритовъ, — продолжалъ старецъ: прежде всего, на нихъ лежитъ какой-то отпечатокъ, по которому такъ и явствуешь, что этотъ человѣкъ разговариваетъ со столами; потомъ у нихъ появляется страшная гордыня и чисто сатанинская озлобленность на всѣхъ противорѣчащихъ имъ...

И это удивительно точно и вѣрно подмѣчено. З л о б а о т ч а я н н а я , н е т е р п и м о с т ь п о р а з и т е л ь н а я , а у ж ь г о р д ы н я — о ней очень много говоритъ даже извѣстный спиритическій ересіархъ и апостоль спиритизма Кардекъ, какъ объ одной изъ ужасныхъ и пагубныхъ особенностей спиритическихъ пророковъ (медиумовъ).

Вѣдь одна эта злоба и гордыня, кажется, могли бы служить лучшимъ доказательствомъ того, что все это ученіе отъ сатаны, ибо тоже Слово Божіе указываетъ на эти два качества, а особенно на злобу, какъ на явные признаки указаннаго сейчасъ источника ихъ происхожденія: «кто говоритъ: «я люблю Бога», а брата своего ненавидитъ, тотъ лжець»²⁰⁾; «всякій, ненавидящій брата своего, есть человекоубійца»²¹⁾; «кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ и во тьмѣ ходитъ, и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза»²²⁾; «дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: всякій, не дѣлающій правды, не есть отъ Бога, р а в н о (курсивъ въ подлинникѣ) и не любящій брата своего»²³⁾. Но, увы, сами спириты, какъ зачумленные, не хотятъ видѣть этого.

²⁰⁾ 1 Іоан. 4, 20.

²¹⁾ 1 Іоан. 3, 15.

²²⁾ 1 Іоан. 2, 11.

²³⁾ 1 Іоан. 3, 10.

А о нетерпимости спиритовъ и говорить нечего, когда меня обличалъ, быть можетъ, очень рѣзкій; быть можетъ, тоже страдающій нетерпимостью, но человѣкъ безусловно ревностный и искренній въ своемъ служеніи, извѣстный миссіонеръ, И. Е. Айвазовъ, — я готовъ былъ, какъ говорится, уничтожить его, и только теперь съ уваженіемъ и признательностью отношусь къ нему, т. к. онъ этою своею рѣзкостью на много ближе подвинулъ меня къ правдѣ. Далѣе, когда выступилъ съ обличеніемъ меня, нынѣ почившій С. Д. Бояковъ-Давыдовъ, подъ псевдонимомъ Серапіонъ Волковичъ, правда, съ обличеніемъ, довольно утрированнымъ, въ своей брошюрѣ «Спиритизмъ — ядъ интеллекта», я далъ ему такую отповѣдь, что мнѣ за нее сейчасъ болѣе чѣмъ стыдно. Наконецъ, когда выступилъ въ борьбу противъ распространяемой мною ереси, извѣстный миссіонеръ о. Черкасовъ въ журналѣ «Кормчій», въ деликатной и высоко-христіанской формѣ, — о, какъ я рѣзко отвѣчалъ ему и какъ недостойно защищалъ сатану!

А, между тѣмъ, до вступленія въ сферу спиритизма, я былъ человѣкъ очень деликатный и терпимый по отношенію къ людямъ.

— И такимъ образомъ, незамѣтно, — медленно, съ большими наузами, продолжалъ свою обличительную, обращенную ко мнѣ, и м е н н о к о м н ѣ, святую рѣчь этотъ великій прозорливецъ: послѣдовательно, самъ того не замѣчая, — ужъ очень тонко, нигдѣ такъ тонко не дѣйствуетъ сатана, какъ въ спиритизмѣ, — отходитъ человѣкъ отъ Бога, отъ Церкви, хотя замѣтите, въ то же время духъ тьмы настойчиво, черезъ своихъ духовъ, посылаетъ запутываемаго имъ человѣка въ храмы Божіи, служить панихиды, молебны, акаѣисты, приобщаться Святыхъ Христовыхъ Таинъ, и въ то же время понемножку вкладываетъ въ его голову мысли: «вѣдь все это могъ бы сдѣлать ты самъ, въ своей домашней обстановкѣ, и съ большимъ усердіемъ, съ большимъ благоговѣніемъ и даже съ большей продуктивностью въ смыслѣ полученія исполненія прошеній»!..

Мнѣ пришелъ на память, неоднократно слышанный мною въ Петербургѣ изъ чрезвычайно достовѣрныхъ источниковъ, съ указаніемъ именъ и фамилій, рассказъ

о трехъ оккультистахъ и спиритахъ, которые по отношенію къ духовенству стоятъ на совершенно діаметрально противоположномъ концѣ, и которые, тѣмъ не менѣе, съ своимъ собственнымъ священническимъ облаченіемъ, кадилами, крестомъ и евангеліемъ, церковными книгами, самолично совершаютъ различныя церковныя служенія и даже ѣздятъ по домамъ, для совершенія молебныхъ пѣснопѣній.

— И по мѣрѣ того, какъ невдумывающійся чело-вѣкъ все больше и больше опускается въ бездну своихъ паденій, — продолжалъ о. Нектарій: все больше и больше запутывается въ сложныхъ изворотахъ и лабиринтахъ духа тьмы, отъ него начинается отходить Господь. Онъ утрачиваетъ Божіе благословеніе. Его преслѣдуютъ неудачи. У него расшатывается благосостояніе. Если бы онъ былъ еще неповрежденный сатаною, онъ бы прибѣгъ за помощію къ Богу, къ святымъ Божіимъ Угодникамъ, къ Царицѣ Небесной, къ Святой Апостольской Церкви, къ священнослужителямъ, и они бы помогли ему своими святыми молитвами, а онъ со своими скорбями, идетъ къ тѣмъ же духамъ, — къ бѣсамъ, и послѣдніе еще больше запутываютъ его; еще больше втягиваютъ его въ засасывающую тину грѣха и проклятія...

О, какъ правдивы были и эти слова! Старецъ, какъ по книгѣ, читалъ скорбныя страницы моей жизни, а мои воспоминанія въ это время только лишь иллюстрировали его слова.

По мѣрѣ того, какъ все у меня валилось изъ рукъ, когда я вездѣ и во всемъ сразу, какъ изъ рога изобилія несчастій, сталъ получать только лишь однѣ неудачи и разочарованія, — я, вмѣсто того, чтобы усилить свои прошенія къ Господу, усиливалъ свои общенія съ духами. И какъ коварно, какъ дипломатично эти псевдоотошедшіе друзья и покровители, старались завоевать мои дурныя наклонности, говоря, что огонь этихъ испытаній имѣетъ своей цѣлью еще болѣе усовершенствовать меня, еще болѣе улучшить мою душу, чтобы еще ближе подвести ее къ Творцу вселенной и потомъ вознаградить благами міра сего. При этомъ предлагались такіе совѣты, которые еще больше разрушали мое благосостояніе; и, когда

я искалъ у нихъ оправданія этой лжи, они объясняли, что это произошло не по ихъ винѣ, а по винѣ низшихъ духовъ, которые начинаютъ бояться м о е г о д у х о в н а г о р о с т а . И все это скрѣплялось какими-нибудь поразительными феноменами физическаго и психическаго свойства.

— Наконецъ, отъ человѣка отходитъ совершенно Божіе благословеніе. Гангрена его гибели начинаетъ разрушающе вліять на всю его семью, у него начинается необычайный, ничѣмъ не мотивируемый, развалъ семьи. Отъ него отходятъ самые близкіе, самые дорогіе ему люди!..

Мурашки забѣгали у меня по спинѣ. Мучительный холодъ охватилъ всю мою душу и все мое тѣло, потому что я почувствовалъ, что стою накануне этого страшнаго, этого мучительнаго переживанія.

Въ этотъ моментъ я былъ готовъ броситься къ ногамъ старца, пролить на его груди обильныя слезы, покаяться ему во всемъ, и просить его помощи, но отворилась дверь, и снова вошелъ келейникъ и уже съ видимымъ нетерпѣніемъ въ голосъ повторилъ: «ба-тюшка, вѣдь тамъ масса народа, васъ страшно ждуть». Старецъ смиренно и спокойно сказалъ: «хорошо, хорошо, я сейчасъ», а потомъ продолжалъ:

— ... Наконецъ, когда дойдетъ несчастная человѣческая душа до самой послѣдней степени своего, съ помощью сатаны, самозапутыванія, она или теряетъ рассудокъ, дѣлается человѣкомъ невмѣняемымъ въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, или же кончаетъ съ собою. И хотя и говорятъ спириты, что среди нихъ самоубійствъ нѣтъ, но это неправда; самый первый вызыватель духовъ, царь Саулъ, окончилъ жизнь самоубійствомъ за то, что онъ «не соблюлъ слова Господня и обратился къ волшебницѣ»²⁴⁾.

И здѣсь живая правда, и здѣсь святая истина: я лично знаю одну спиритку съ юга, человѣка очень культурнаго, широко образованнаго занимавшаго видное мѣсто въ педагогическомъ мірѣ, которая, увлекшись спиритизмомъ, сначала получала отъ духа въ высокой степени красивыя и глубокія, по мысли, откровенія, а

²⁴⁾ 1 Царств. 10, 13.

потомъ прислала мнѣ для изданія, по указанію духа, цѣлыхъ два тома философскаго трактата, изъ котораго вытекало, что діаволь и Богъ — одна сущность.

Несомнѣнно, бѣдняга сдѣлалась не совсѣмъ нормальной.

Въ другомъ случаѣ: одинъ казачій офицеръ, занимавшій хорошее положеніе и въ обществѣ, и по службѣ, послѣ восьмилѣтняго усиленнаго общенія съ духами, совершенно сошелъ съ ума, и два года назадъ, скончался въ одной изъ московскихъ психіатрическихъ лѣчебницъ.

Дышали глубокою правдивостью слова старца и о самоубійствахъ отъ спиритизма. Немало есть такихъ, какъ я уже говорилъ въ самомъ началѣ этой лекціи, и среди спиритовъ, и хотя спириты особенно тщательно, вѣроятно, тоже подъ воздѣйствіемъ духа тьмы, скрываютъ всѣ такіе случаи, мотивируя охраненіе этой тайны тѣмъ, что-де «единственно только спиритическое ученіе о самоубійцахъ, состоящее изъ загробныхъ сообщеній самихъ самоубійцъ, и можетъ служить истиннымъ противодѣйствіемъ этому распространяющемуся по землѣ злу, и потому говорить «о самоубійствѣ — въ спиритизмѣ», значить уничтожать единственное средство въ борьбѣ съ этимъ бичемъ человѣчества»²⁵). Такъ какъ, когда я ближе и безпристрастнѣе сталъ всматриваться въ спиритическое ученіе за послѣдніе три-четыре года, мнѣ лично пришлось зарегистрировать пять случаевъ самоубійства спиритовъ, изъ которыхъ одинъ былъ совершенъ предсѣдателемъ петербургскаго кружка спиритовъ, О. Ю. Стано, много лѣтъ работавшимъ въ области спиритизма.

— ...Словомъ, совершается съ человѣкомъ, вызывающимъ духовъ, которые пророчествуютъ именемъ Божиимъ, а Господь не посылаетъ ихъ, т о , ч т о предрекалъ когда-то пророкъ Іеремія: «мечемъ и голодомъ будутъ истреблены эти пророки; и народъ, которому они пророчествуютъ, разбросанъ будетъ по ули-

²⁵) Новый фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что спиритическое ученіе само въ себѣ носить начало, анулирующее и могущество, и милосердіе Божіе, и любовь къ человѣчеству искупившаго его Христа.

цамъ города, отъ голода и меча... и Я изолью на нихъ зло ихъ»²⁶⁾).

Послѣ этихъ словъ, старецъ закрылъ глаза, тихо склонилъ на грудь голову. Я же, не могу даже сейчасъ подыскать подходящаго слова, былъ въ какомъ-то непривычномъ для меня, непонятномъ мнѣ состояніи.

Да и не удивительно, вѣроятно, это состояніе испытывалъ бы всякій человѣкъ, которому передъ его глазами выложили бы всю его душу, всѣ его затаенныя мысли и желанія.

Нарисовали бы передъ нимъ картину всего его печальнаго будущаго. Въ особенности, если принять во вниманіе, что я многого изъ того, что говорилъ мнѣ старецъ на протяженіи трехъ-четырехъ часовъ, не могъ запомнить, и выше приведенную бесѣду передаю конспективно.

Словомъ, я рѣшительно не могу сейчасъ ясно, сознательно сказать, что я пережилъ, о чемъ я думалъ въ эту небольшую паузу. Помню только одно, что я инстинктивно предчувствовалъ, что это еще не все, что будетъ еще что-то «послѣднее», «самое большое», и «самое сильное» для меня.

И я не ошибся.

Старецъ, не открывая глазъ, какъ-то особенно тихо, особенно нѣжно, нагнулся ко мнѣ и, поглаживая меня по колѣнамъ, тихо, тихо, смиренно, любовно проговорилъ:

«Оставь... брось все это. Еще не поздно... иначе можешь погибнуть... мнѣ жаль тебя»...

Великій Боже! я никогда не забуду этого, поразившаго мою душу и сердце момента. Я не могу спокойно говорить объ этомъ безъ слезъ, безъ дрожи и волненія въ голосъ, когда бы, гдѣ бы и при комъ бы я не вспоминалъ этого великаго момента духовнаго возрожденія въ моей жизни...

Если Савлъ, увидѣвши свѣтъ Христа, упалъ на землю; Савлъ, который шелъ и открыто вязалъ и отдавалъ въ темницы исповѣдающихъ Христа; отъ котораго могли при его приближеніи прятаться, бѣжать, то, что долженъ былъ чувствовать я, который преда-

²⁶⁾ Іерем. 14, 15-16.

тельски духовно грабилъ и убивалъ человѣческія души, пользуясь ихъ довѣріемъ, ихъ жаждой правды, которымъ въ раскрытыя уста, ожидавшія благотворной росы отъ источника живой воды, медленно вливалъ капли страшнаго яда; что должно было быть со мной при этомъ поразившемъ мою душу и сердце, озарившемъ меня неземномъ свѣтѣ, я предоставляю судить каждому изъ васъ, милостивыя государыни и милостивые государи, такъ какъ пытаться передать это словами — значитъ исказить этотъ великій и серьезный фактъ.

Когда я пришелъ въ себя, первымъ моимъ вопросомъ къ старцу было: что мнѣ дѣлать? Старецъ тихо всталъ и говоритъ:

— На это я тебѣ скажу то же, что Господь Иисусъ Христосъ сказалъ исцѣленному Гадаринскому бѣсноватому:

«Возвратись въ домъ твой и расскажи, что сотворилъ тебѣ Богъ». Иди и борись противъ того, чему ты работалъ. Энергично и усиленно, выдергивай тѣ плевелы, которые ты сѣялъ. Противъ тебя будетъ много вражды, много зла, много козней сатаны, въ особенности изъ того лагеря, откуда ты ушелъ, и это вполне понятно и естественно... но ты иди, не бойся... не смущайся... дѣлай свое дѣло, что бы ни лежало на твоёмъ пути... и да благословить тебя Богъ!..

Когда я вышелъ, къ очевидному удовольствію келейника и ожидавшихъ старца посѣтителей, я уже былъ другимъ человѣкомъ.

Съ старымъ все порвано. Передо мною стояла одна задача: скорѣе, какъ можно скорѣе ликвидировать все прошлое.

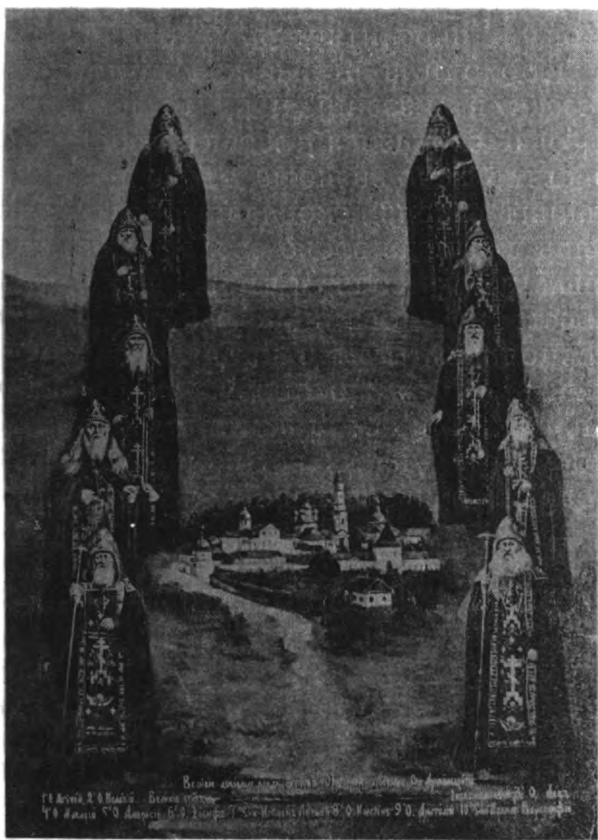
Я чувствовалъ и зналъ, чувствую и знаю это и сейчасъ, что всѣ мои ошибки, всѣ заблужденія и грѣхи прошлаго, какъ бы я, съ помощью Господа, ни силился уничтожить ихъ, будутъ, какъ сорная трава, долго еще встрѣчаться на моемъ пути, и иногда случайно, спутывать мои ноги.

Будутъ вылѣзать на поверхность моей работы противъ того, чему служилъ я на протяженіи многихъ

лѣтъ, и будутъ всячески тормозить мнѣ мою новую дѣятельность.

Я зналъ и знаю, что родоначальникъ этого ученія, духъ тьмы, черезъ армію его несчастныхъ воиновъ, будетъ всѣми силами препятствовать моему служенію правдѣ, дискредитировать меня моими же прошлыми грѣхами и заблужденіями. Люди не скоро поймутъ, что то была ужасная, мучительная школа.

Когда я вышелъ изъ скита, когда за мной затворились его святыя ворота, я понялъ, что теперѣ все, что нужно было для меня, дано мнѣ.

Оптина пустынь и ея настоятели и старцы:
о. Моисей, о. Исаакій, Великій Старецъ
іеросхимонахъ Левъ, о. Макарій, о. Амвросій,
о. Іосифъ, о. игуменъ Антоній, о. Иларіонъ,
о. Анатолій, о. Варсонофій.

ПРАВИЛА БЛАГОЧЕСТИВОЙ ЖИЗНИ.

Эти правила благочестивой жизни преподаль мнѣ въ день моего Св. Ангела великій Оптинскій Старець Іеромонахъ Нектарій, съ такими словами: «Это тебѣ мой именинный даръ». Преподаль его Батюшка, держа листокъ преподнятымъ въ рукахъ. На этомъ листкѣ начертанъ крестъ со словами: «Господи, помилуй»: Это было 26 августа 1925 года. Я въ первый моментъ не понималъ значенія для меня этого святого листка, и, только послѣ кончины старца, скончавшагося 9 апрѣля 1928 года, мнѣ стало ясно значеніе этого — батюшкинаго мнѣ дара. Когда скончался Старець, я остался одинокъ, безъ старческихъ указаній, и въ тотъ моментъ, когда мнѣ была необходима старческая помощь, я нашелъ этотъ листокъ и, перечитавъ его вторично, понялъ значеніе батюшкинаго дара: «Правила благочестивой жизни» въ сущности были для меня живымъ старцемъ.

Протопр. Адріанъ.

(ИЗЪ СОЧИНЕНІИ ПЛАТОНА, АРХІЕПИСКОПА КОСТРОМСКАГО.)

Принуждай себя всегда вставать рано и въ определенное время. Безъ особенной причины не спи болѣе семи часовъ. Какъ скоро пробудишься отъ сна, тотчасъ вознеси мысль свою къ Богу и сдѣлай на себѣ съ благоговѣніемъ крестное знаменіе, помышляя о распятомъ Господѣ Іисусѣ Христѣ, умершемъ для нашего спасенія на крестѣ. Немедленно встань съ постели, одѣнься и не позволяй себѣ долго нѣжиться на постели. Одѣваясь, помни, что ты находишься въ присутствіи Господа Бога и Ангела-Хранителя, и вспоминай о паденіи Адама, который грѣхомъ лишилъ себя одежды не-

винности, и проси у Господа Ісуса благодати обличья въ Него. Потомъ немедленно начни молитвы утреннія; преклонивъ колѣна, молись внимательно, благоговѣйно и съ глубочайшимъ смиреніемъ, какъ должно предъ взоромъ Всемогущаго; испрашивай у Него вѣры, надежды и любви, благословенія на наступающій день, также силъ къ благодушному принятію всего того, что Ему будетъ благоугодно въ тотъ день послать или попустить, и къ перенесенію всѣхъ тягостей, бѣдствій, смущеній, напастей, скорбей и болѣзней души и тѣла, изъ любви къ Ісусу Христу. Пріими твердое намѣреніе все дѣлать для Господа Бога, все принимать отъ отеческой руки Его, и особенную рѣшимость дѣлать именно такое-то добро, или избѣгать именно такого-то зла. Въ каждое утро хотя четверть часа посвящай на краткое размышленіе объ истинахъ вѣры, особенно о непостижимомъ таинствѣ воплощенія Сына Божія и о страшномъ второмъ пришествіи Его, объ адѣ и раѣ. Размышляй такъ: можетъ быть, этотъ день есть послѣдній день моей жизни, — и все такъ дѣлай, какъ бы ты захотѣлъ дѣлать, готовясь предстать теперь же на судъ Божій. Благодари Господа Бога за сохраненіе тебя въ прошедшую ночь, и что ты еще живъ и не умеръ въ грѣхахъ. Сколько людей въ прошедшую ночь предстали предъ страшное судилище Господа! Также возблагодари Бога, что еще есть для тебя время благодати и милосердія и средства для покаянія и пріобрѣтенія неба. Каждое утро думай о себѣ, что только теперь начинаешь и хочешь быть христіаниномъ; а прошедшее время напрасно погибло. Послѣ молитвы и размышленія, если позволяетъ время, почитай какую-нибудь книгу духовную, напр. св. Димитрія «Алфавитъ духовный», и святителя Тихона Задонскаго: «Сокровище духовное отъ міра собираемое», и читай до тѣхъ поръ, пока сердце твое придетъ въ умиленіе. Довольно подумавъ объ одномъ мѣстѣ, читай далѣе и внимай тщательно тому, что Господь говоритъ твоему сердцу.

Послѣ сего займись дѣлами твоими, и всѣ занятія и дѣла твои да будутъ во славу Божию, — помни, что Богъ вездѣ видитъ тебя, зритъ всѣ дѣйствія, занятія, чувствованія, помышленія и желанія твои и щедро воздастъ тебѣ за всѣ добрыя дѣла. Не начинай ни одного

дѣла, не помолясь Господу Богу, ибо то, что мы дѣлаемъ или говоримъ безъ молитвы, послѣ оказывается или погрѣшительнымъ, или вреднымъ и обличаетъ насъ чрезъ дѣла невѣдомымъ для насъ образомъ. Самъ Господь сказалъ: **безъ Мене не можете творити ничесоже.** Среди трудовъ твоихъ всегда благодумствуй, успѣхъ оныхъ поручая благословенію Господа. Исполни все тяжкое для тебя, какъ епитимію за грѣхи твои — въ духъ послушанія и смиренія; въ продолженіе трудовъ произноси краткія молитвы, особенно молитву Іисусову и представляй себѣ Іисуса, Который въ потѣ лица Своего ѣлъ хлѣбъ Свой, трудясь съ Іосифомъ.

Если твои труды совершаются успѣшно по желанію сердца твоего: то благодари Господа Бога; если же неуспѣшно: то помни, что и это Богъ попускаетъ, а Богъ дѣлаетъ все хорошо.

Во время обѣда представляй, что Отецъ Небесный отвергаетъ руку Свою, чтобы напитать тебя; никогда не оставляй молитвы предъ обѣдомъ, удѣляй отъ своего стола и нищимъ. Послѣ обѣда считай себя какъ бы однимъ изъ тѣхъ, которыхъ въ числѣ пяти тысячъ питалъ чудесно Іисусъ Христосъ; и возблаговари Его отъ сердца и моли, чтобы Онъ не лишилъ тебя небесной пищи, слова Своего и пречистыхъ Тѣла и Крови Своихъ. Если желаешь жизни мирной, то предай всего себя Богу. До тѣхъ поръ ты не найдешь душевнаго мира, пока не успокоишься въ единомъ Богѣ, любя Его единого. Всегда и во всемъ поминай Господа Бога и святую любовь Его къ намъ грѣшнымъ. Во всемъ старайся исполнить волю Божію и угождать только единому Богу, дѣлай и терпи все для Бога. Заботься не о томъ, чтобы уважали и любили тебя люди вѣка сего, но о томъ, чтобы угодить Господу Богу и чтобы совѣсть твоя не обличала тебя во грѣхахъ. Бодрствуй тщательно надъ самимъ собою, надъ чувствами, помышленіями, движеніями сердца и страстями: ничего не считай маловажнымъ, когда дѣло идетъ о твоемъ спасеніи вѣчномъ. Во время памятованія о Богѣ умножай молитвы твои, чтобы Господь помянулъ тебя тогда, когда ты забудешь о Немъ. Во всемъ да будетъ твоимъ учителемъ Господь Іисусъ Христосъ, на Котораго взирая окомъ ума своего, спрашивай себя самого чаще:

что въ этомъ случаѣ помыслилъ бы и сдѣлалъ бы Иисусъ Христосъ. Будь кротокъ, тихъ, смиренъ; молчи и терпи по примѣру Иисуса. Онъ не возложитъ на тебя креста, котораго ты не можешь понести; Онъ Самъ поможетъ тебѣ нести крестъ. Не думай пріобрѣсть какую-либо добродѣтель безъ скорби и болѣзней души. Проси у Господа Бога благодати исполнять, какъ можно лучше, святѣйшія заповѣди Его, хотя бы онѣ казались для тебя весьма трудными. Исполнивъ какую-либо заповѣдь Божію, ожидай искушенія, ибо любовь ко Христу испытывается чрезъ преодоленіе препятствій. И на малое время не оставайся въ праздности, а пребудь всегда въ трудахъ и занятіяхъ, ибо не трудящійся недостоинъ имени человѣка. Уединяйся по примѣру Иисуса, Который, удаляясь отъ прочихъ людей, молился Отцу Небесному. Во время тягости душевной или охлажденія къ молитвѣ и ко всѣмъ благочестивымъ занятіямъ не оставляй дѣлъ благочестія, такъ Господь Иисусъ Христосъ трижды молился, когда душа Его была прискорбна даже до смерти. Дѣлай все во имя Господа Иисуса, и такимъ образомъ всякое дѣло твое будетъ дѣломъ благочестія.

Убѣгай даже самыхъ малыхъ грѣховъ, ибо не удаляющійся отъ малыхъ непременно впадетъ въ большіе и тяжкіе. Если хочешь, чтобы не тревожили тебя злые помыслы, то со смирениемъ принимай униженіе души и скорбь тѣлесную, не въ одно какое-либо, но во всякое время, во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ дѣлѣ. Всякій помыслъ, удаляющій тебя отъ Господа, особенно скверный плотскій помыслъ, изгоняй изъ сердца, какъ можно скорѣе, какъ сбрасываешь съ одежды и одну искру, попавшую на нее. Когда придетъ такой помыслъ, то молись крѣпко: Господи помилуй, Господи помоги мнѣ, Господи не оставь меня, избавь отъ искушеній, или иначе какъ. Но среди искушеній не смущайся. Кто посылаетъ случай къ сраженію, Тотъ дастъ и силы къ побѣдѣ. Будь спокоенъ духомъ, уповай на Бога: если Богъ за тебя, то кто противъ тебя? Испрашивай у Бога, чтобы Онъ отнялъ у тебя все, что питаетъ твое самолюбіе, хотя бы это для тебя было и очень горько. Желай жить и умереть для одного Господа Бога и все-

цѣло принадлежать Ему. Когда потерпишь какое-либо безчестіе отъ людей, то подумай, что это послано отъ Бога къ славѣ твоей, и такимъ образомъ въ безчестіи будешь безъ печали и смущенія, и въ славѣ. Если имѣешь пищу и одежду, то и симъ будь доволенъ по примѣру Іисуса, насъ ради обнищавшаго. Никогда не спорь и слишкомъ много не защищай себя и не извиняй; ничего не говори противъ начальниковъ или ближнихъ безъ нужды или обязанности. Будь искрененъ и простъ сердцемъ, съ любовью принимай наставленія, увѣщанія и обличенія отъ другихъ, хотя бы ты былъ и очень уменъ.

Не будь ненавистникомъ, завистливымъ, чрезмѣрно строгимъ въ словѣ и дѣлахъ. Чего не хочешь себѣ, того не дѣлай другому, и чего себѣ отъ другихъ желаешь, то прежде самъ сдѣлай для другихъ. Если кто посѣтитъ тебя, то возвысь сердце твое къ Господу Богу и моли даровать тебѣ духъ кроткій, смиренный, сдержанный; и будь ласковъ, скромнень, остороженъ, благоразумень, слѣпъ и глухъ, смотря по обстоятельствамъ. Помышляй, что Іисусъ находится среди тѣхъ, съ которыми ты находишься и бесѣдуешь. Не говори ничего необдуманно, твердо помни, что время кратко и что человѣкъ долженъ дать отчетъ во всякомъ безполезномъ словѣ; разговору назначай опредѣленную цѣль: и старайся направлять его къ спасенію души. Болѣе слушай, нежели говори: во многоглаголаніи не спасешься отъ грѣха. Испрашивай у Господа благодати благовременно и молчать и говорить. Не любопытствуй о новостяхъ: онѣ развлекаютъ духъ. Если же кому принесешь пользу словами своими, то признай въ этомъ благодать Божию. Когда ты находишься наединѣ съ собою, то испытывай себя, не сдѣлался ли ты хуже прежняго, не впалъ ли въ какіе грѣхи, которые прежде не дѣлалъ? Если согрѣшишь, то немедленно проси прощенія у Бога со смиреніемъ, сокрушеніемъ и упованіемъ на Его благодать, и поспѣши принести покаяніе предъ отцемъ духовнымъ; ибо всякій грѣхъ, оставленный безъ покаянія, есть грѣхъ къ смерти. Притомъ если не будешь сокрушаться во грѣхѣ, сдѣланномъ тобою, то опять въ него скоро впадешь. Старайся дѣ-

латъ всякому добро, какое и когда только можешь, не думая о томъ, оцѣнить или не оцѣнить онъ его, будетъ тебѣ благодаренъ. И радуйся не тогда, когда сдѣлаешь кому-либо добро, но когда безъ злопамятства перенесешь оскорбленія отъ другого, особенно отъ обблагодѣтельствованнаго тобою. Если кто отъ одного слова не оказывается послушнымъ, того не понуждай чрезъ преніе, самъ воспользуйся благомъ, которое онъ потерялъ. Ибо незлобіе принесетъ тебѣ великую пользу. Но когда вредъ отъ одного распространяется на многихъ, то не терпи его, ищи пользы не своей, но многихъ. Общее благо важнѣе частнаго.

Во время ужина вспоминай о послѣдней вечери Іисуса Христа; моля Его, чтобы Онъ удостоилъ тебя вечери небесной. Прежде, нежели ляжешь спать, испытай твою совѣсть, проси свѣта къ познанію грѣховъ твоихъ, размышляй о нихъ, проси прощенія въ нихъ, обѣщай исправленіе, опредѣливъ ясно и точно, въ чемъ именно и какъ ты думаешь исправлять себя. Потомъ предай себя Богу, какъ будто тебѣ должно въ сію ночь явиться предъ Нимъ; поручай себя Божіей Матери, Ангелу-Хранителю, Святому, Котораго имя носишь. Представляй постель какъ бы гробомъ твоимъ, и одѣяло, какъ бы саваномъ. Сдѣлавъ крестное знаменіе и облобызавъ крестъ, который на себѣ носишь, усни подъ защитою Пастыря Израилева, **Иже храняй не воздремлетъ, ниже уснетъ.** Если не можешь спать или бодрствуешь во время ночи, то вспоминай слово: **среди полунощи бысть вопль: се Женихъ грядетъ,** или вспоминай о той послѣдней ночи, въ которую Іисусъ молился Отцу до кроваваго пота; молись за находящихся ночью въ тяжкихъ болѣзняхъ и смертномъ томленіи, за страждущихъ и усопшихъ, и моли Господа, да не покроетъ тебя вѣчная тьма. Среди полночи встань съ постели и помолись, сколько силъ станетъ.

Во время болѣзни прежде всего возложи упованіе твое на Бога и часто вспоминай и размышляй о страданіи и смерти Іисуса Христа, для укрѣпленія духа своего среди болѣзненныхъ страданій. Непрестанно твори молитвы, какія знаешь и можешь, проси у Господа Бога прощенія во грѣхахъ и терпѣнія во время болѣз-

ни. Всячески воздерживайся отъ ропота и раздражительности, такъ обыкновенныхъ во время болѣзни. Господь Іисусъ Христосъ претерпѣлъ ради нашего спасенія самыя тяжкія болѣзни и страданія, а мы что сдѣлали или потерпѣли ради нашего спасенія?

Какъ можно чаще ходи въ храмы къ Божественной службѣ, особенно старайся, какъ можно чаще, быть во время литургіи. А воскресные и праздничные дни непременно посвящай дѣламъ благочестія; находясь во храмѣ, всегда помни, что ты находишься въ присутствіи Бога, Ангеловъ и всѣхъ Святыхъ; остальное время дня послѣ литургіи посвящай на благочестивое чтеніе и другія дѣла благочестія и любви. День рожденія и Ангела твоего особенно посвящай дѣламъ благочестія. Каждый годъ и каждый мѣсяцъ дѣлай строгое испытаніе твоей совѣсти. Исповѣдуйся и приобщайся Святыхъ Тайнъ, какъ можно чаще. Къ приобщенію Святыхъ Тайнъ приступай всегда съ истиннымъ голодомъ и съ истинною жаждою души, съ сокрушеніемъ сердца, съ благоговѣніемъ, смиреніемъ, вѣрою, упованіемъ, любовью. Какъ можно чаще размышляй о страданіяхъ и смерти Бисуса Христа, умоляя Его ризою заслугъ Своихъ покрыть всѣ грѣхи твои и принять тебя въ царство Свое. Имя Іисуса всегда имѣй въ устахъ, въ умѣ и въ сердцѣ. Какъ можно чаще размышляй о великой любви къ тебѣ Господа Бога, въ Троицѣ славимаго и поклоняемаго, чтобы и самому тебѣ возлюбить Его всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душою и всѣми силами твоими. Творя сіе, будешь вести мирную жизнь на сей землѣ, и блаженную на небѣ во вѣки вѣковъ. Благодарить Господа нашего Іисуса Христа да будетъ съ тобою. Аминь.

Г л а в а XVIII.

Ученики Оптиныхъ Старцевъ.

I. ЕПИСКОПЪ ІОНА ХАНЬКОУСКІЙ.

(1888 — 1925 г.г.)

Отъ святого корня срубленнаго уже Оптинскаго древа, произросла дивная поросль въ лицѣ святителя Іоны, епископа Ханькоускаго.

Въ міру владыку звали Владиміромъ Покровскимъ и былъ онъ Калужаниномъ, происходя изъ бѣдной семьи духовнаго званія.

Рано осиротѣвъ и натерпѣвшись много горя, онъ окончилъ духовное училище и Калужскую семинарію. Съ какого именно момента начинается его личная связь съ Оптиной Пустынью — мы не знаемъ, но она была давнишняя и крѣпкая.

Поступивъ въ Казанскую Духовную Академію, онъ на третьемъ курсѣ принимаетъ монашество съ именемъ Іоны. Въ это время его духовникомъ сталъ великій старецъ Гавріиль, самъ положившій начало своей монашеской жизни въ Оптиной Пустыни еще при старцѣ Амвросіи. Онъ тогда — во времена студенчества о. Іоны — былъ настоятелемъ Седміозерной пустыни, возлѣ Казани.

Вскорѣ о. Іона былъ посвященъ въ санъ іеромонаха.

Во время окончанія имъ курса, въ 1914 г., за смертью профессора, освободилась кафедра Священнаго Писанія Новаго Завѣта. Замѣстителемъ его былъ избранъ только что окончившій курсъ, со степенью магистранта, іером. Іона, находившійся въ это время у своего старца въ Оптиной Пустынѣ, издавна славившейся опытными руководителями монашеской жизни, къ числу каковыхъ относятся старцы: Леонидъ, Макарій и Амвросій. Получивъ такое неожиданное для себя извѣстіе и считая преподаваніе столь важнаго предмета въ учебномъ заведеніи, которое онъ только что окончилъ, непосильнымъ, онъ, не долго раздумывая, послалъ отказъ. По правиламъ иноческимъ, находяшійся подъ руководствомъ старца инокъ, долженъ

открывать своему старцу не только о своих поступкахъ, но и о своихъ желаніяхъ и помыслахъ. Ревностно исполняя эту иноческую обязанность, о. Іона открылъ своему старцу-духовнику о своемъ отказѣ отъ предложеннаго ему занятія, приведя всѣ доводы, по которымъ онъ считалъ для себя преподаваніе Священнаго Писанія въ высшемъ учебномъ заведеніи непосильнымъ. Старецъ его, однако, посмотрѣлъ на это дѣло совсѣмъ иначе: онъ увидѣлъ въ этомъ руководящую волю Божию и приказалъ ему взять свой отказъ обратно, а за неразумную поспѣшность съ отказомъ положить триста земныхъ поклоновъ съ молитвой Іисусовой. Какъ ни трудно было о. Іонѣ взять на себя преподаваніе въ Академіи Священнаго Писанія, однако, онъ, послушанія ради своему старцу, соглашается взять на себя званіе доцента Духовной Академіи, въ каковомъ и остается до 1918 г., когда по обстоятельствамъ политической жизни долженъ былъ оставить г. Казань.

Четыре года, проведенные имъ въ должности доцента Академіи, въ обществѣ ученыхъ людей, оставили глубокій слѣдъ на его духовной сторонѣ. Помимо своихъ ученыхъ занятій, онъ съ юношеской преданностью трудился на поприщѣ церковно-богослужебномъ и проповѣдническомъ, участвуя въ совершеніи уставныхъ Богослуженій, проповѣдничествъ и устройствъ богословскихъ чтеній.

Великая отечественная война, а затѣмъ революція, не могли не отразиться на дальнѣйшей жизни молодого доцента. Въ 1918 г. онъ, преслѣдуемый революціонной властію, долженъ былъ выѣхать изъ г. Казани, былъ арестованъ въ Перми и избитъ до потери сознанія, и отправленъ затѣмъ для революціоннаго суда въ г. Тюмень. Изъ Перми ему вмѣстѣ съ другими арестованными пришлось ѣхать по старинному сибирскому тракту, называемому Бироновскимъ, перевалить Уралъ и въ Тобольской губерніи по рѣкѣ Тавдѣ ѣхать на пароходѣ, гдѣ онъ, при впаденіи этой рѣки въ Тоболь, былъ освобожденъ бѣлыми войсками. Дальше начинается для него скитальческая жизнь, полная всевозможныхъ лишеній и трудностей, сопряженныхъ съ опасностью для жизни. Изъ Тобольска по Иртышу

удалось ему добраться до Омска, гдѣ Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ онъ былъ возведенъ въ санъ Игумена и назначенъ главнымъ священникомъ Южной арміи.

Послѣ пораженія противобольшевицкаго движенія въ Сибири, ему, вмѣстѣ съ арміей Атамана Дутова, пришлось отступить въ предѣлы Западнаго Китая. Въ своей рѣчи при нареченіи въ Епископа, онъ, тогда Архимандритъ Іона, вспоминалъ о тѣхъ необычайныхъ трудностяхъ, которыя ему вмѣстѣ съ другими приходилось переносить при перевалѣ отроговъ Памира, взбираться, при холодномъ бурномъ вѣтрѣ, по обледѣлымъ скаламъ, на высоту въ 11-12 тысячъ футовъ, хватаясь руками, съ ободранной кожей и ногтями, за выступы скалъ и колючій рѣдкій кустарникъ. «Господь сохранилъ меня, говорилъ онъ, видимо, для того, чтобы послужить Ему и въ высокомъ званіи Епископа».

Изъ Западнаго Китая иг. Іона пріѣхалъ въ Шанхай, затѣмъ Пекинъ, гдѣ и былъ принятъ на службу Россійской Духовной Миссіи и вскорѣ возведенъ въ санъ Архимандрита, а въ 1922 г. 11 сентября возведенъ въ Пекинѣ въ санъ Епископа Тяньзинскаго. Въ хиротоніи Епископа Іоны принималъ участіе Архіепископъ Иннокентій, Начальникъ Миссіи, Епископъ Мелетій Забайкальскій и вновь хиротонисанный въ Харбинѣ 4 сентября того же 1922 г. Епископъ Шанхайскій Симонъ.

Съ принятіемъ сана Епископа и назначеніемъ настоятелемъ Св. Иннокентіевской миссіонерской церкви въ г. Манчжуріи, для еп. Іоны открывается новое обширное поле дѣятельности, гдѣ онъ проявилъ свои высокія пастырско-административныя способности. Ревностный служитель Церкви, и выдающійся проповѣдникъ, еп. Іона прежде всего читается за устройство своей паствы въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Кромѣ того онъ взялъ на себя преподаваніе Закона Божія въ мѣстной гимназій.

Въ Манчжурію стекались со всѣхъ сторонъ бѣженцы изъ европейской Россіи, изъ которыхъ многіе испытывали бѣдственное положеніе и нужду... Это заставило еп. Іону приступить къ развитію обширной благотворительной дѣятельности. Онъ основываетъ

Епископъ Іона.

начальное училище, гдѣ учился до 200 дѣтей. Тамъ, помимо наукъ, преподають дѣтямъ всевозможныя ремесла.

Еп. Іона выступилъ съ публичными лекціями и основалъ богословско-философскіе курсы въ Харбинѣ. Тамъ онъ устроилъ литературный вечеръ въ пользу своихъ учреждений.

Особенно заботился онъ объ основанномъ имъ дѣтскомъ приютѣ.

Его трудамъ принадлежитъ отремонтированіе Св. Иннокентіевскаго храма и устройство придѣла во имя Св. Николая.

Незадолго до смерти онъ ухаживалъ за умирающимъ священникомъ о. Михеемъ и, когда хоронилъ его, онъ надорвалъ свои силы, не оправившись самъ отъ болѣзни пара-тифа. Это явилось причиной фатальнаго исхода.

Описанія праведной кончины великаго оптинскаго питомца духоноснаго архіерея Божія, были сдѣланы докторомъ В. Ляпустинымъ, лѣчившимъ Владыку Іону. Вотъ это правдивое свидѣтельство о великомъ подвижникѣ 20-го вѣка:

Теперь я приступлю къ описанію послѣднихъ часовъ жизни покойнаго и его святой кончины. Начну съ 10 часовъ вечера. Пульсъ въ это время доходитъ до 160 съ перебоями, температура 39,8. Владыка сидитъ въ креслѣ, разговариваетъ съ окружающими, при чемъ мысль о смерти не приходитъ ему въ голову. Все время говоритъ, что ему лучше, что температура ниже; единственно, что удивляетъ его, — это народъ въ коридорѣ, и слезы на глазахъ окружающихъ. Такъ длится время до 11 часовъ, когда я предлагаю ему, воспользовавшись присутствіемъ Архіепископа, исповѣдаться и приобщиться. Владыка испытующе смотритъ на меня; понявъ по моему лицу — близкій исходъ, говоритъ: «Разъ вы, врачъ, предлагаете это мнѣ — часы мои сочтены». Торопитъ съ исповѣдью, совершаемой его духовникомъ, о. Алексіемъ. Окончивъ исповѣдываться, облачается въ новый подрясникъ, эпитрахиль и поручи, самъ приобщается, кланяясь земно Дарамъ; самъ укладываетъ лжицу и сосудъ, завертываетъ пелену, молится, кланяясь земно. А затѣмъ

совершается нѣчто небывалое... Разоблачившись, идетъ въ кабинетъ, садится въ кресло и печатаетъ завѣщаніе:

«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Слишкомъ неожиданно узналъ я о предстоящей смерти моей. Мысли путаются... Что скажу? Что завѣщаю вамъ?... мои милые и дорогіе дѣти Манчжуріи и Ханькоу...

Началъ я у васъ со словами апостола Любви — «Дѣти, любите другъ друга»... И кончаю я этими словами: «Любите другъ друга». Вотъ заповѣдь вашего архипастыря...

Съ душевной радостью прощаю тому, кто обидѣлъ меня. Да и есть ли такіе? И слезно на колѣняхъ прошу и становлюсь передъ каждымъ, кого я обидѣлъ.

Не оставляйте дѣтишекъ. Слышите ли мой предсмертный зовъ, дорогая Елизавета Николаевна? Вѣдь на васъ теперь вся надежда.

Замѣстителемъ моимъ рекомендую вызвать изъ Чанъчуня протоіерея Извольскаго, на него указывалъ и Начальникъ Миссіи.

Простите меня ради Христа; да не забываютъ въ своихъ святыхъ молитвахъ... Напишите въ помянникъ... Итакъ на вѣчныя времена, пока не предстанемъ всѣ у Страшнаго Судіи.

Іона, Епископъ Ханькоускій».

Окончивъ печатаніе, свертываетъ его аккуратно и передаетъ мнѣ съ наказомъ отправить Е. Н. Литвиновой. Затѣмъ возвращается въ спальню, садится на кровать и допускаетъ къ себѣ проститься всѣхъ присутствующихъ — человекъ 30-40. Съ каждымъ говоритъ въ отдѣльности, каждому находитъ привѣтливое слово и слово благодарности за помощь ему въ его дѣлахъ, проситъ помогать дѣтишкамъ, благословляетъ и лобызаетъ всѣхъ въ голову. Заботится о томъ, что не подвелъ ли онъ кого въ денежныхъ дѣлахъ своей смертью. Призываетъ директора Русско-Азіатскаго банка г. Химикусъ, проситъ простить его, отворяетъ самъ сейфъ, вынимаетъ деньги, данныя ему на сохраненіе ф-ромъ Волыннецъ, говоритъ о нихъ Химикусъ и проситъ передать по назначенію; суетъ директору

банка подписанные имъ бланки векселей, на сумму долга; вообще, все время беспокоится о другихъ; при видѣ слезъ на лицахъ — просить не плакать, такъ какъ «на все воля Божія и онъ повинуется ей и ему умирать не страшно». На мое предложеніе прилечь, говорить: «Я всю жизнь говорилъ съ народомъ, дайте поговорить эти послѣдніе часы, умру я часомъ раньше, часомъ позже — это не важно». Переговоривъ со всѣми, благословивъ всѣхъ, просить у всѣхъ прощенья, не забывъ ни одно лицо изъ окружающихъ. Требуется регента о. Павла, говоритъ ему, что не успѣлъ надѣтъ на него наперснаго креста, но пусть возьметъ себѣ крестъ покойнаго о. Михея, а Архіепископъ надѣнетъ его. Всѣ плачутъ, рыдаютъ, Владыка же успокаивается. Такъ длится до 12.30 часовъ. Владыка встаетъ, одѣваетъ епитрахиль и поручи старца Амвросія, и, стоя на ногахъ, дѣлая даже земные поклоны, громко читаетъ себѣ отходную. Окончивъ чтеніе, садится на кровать, приглашаетъ Архіепископа, просить похоронить его по монашескому обряду; идетъ къ аналою, достаетъ чинъ погребенія и передаетъ книгу Архіепископу. Затѣмъ говоритъ окружающимъ, во что одѣтъ его: въ митру, подаренную прихожанами, въ бѣлое вышитое облаченіе, епитрахиль и поручи старца Амвросія. Похоронить его около церкви, рядомъ съ о. Михеемъ; не ставить памятника, а простой дубовый крестъ; не дѣлать помпы изъ похоронъ, дабы не говорили въ народѣ, что умеръ Архіерей, такъ его хоронятъ по-богатому, а не такъ, какъ о. Михея; указываетъ, какую положить съ нимъ панагію, крестъ и икону. Окончивъ съ этимъ, вновь прощается и благословляетъ окружающихъ, нервы которыхъ не выдерживаютъ, слышится плачъ и рыданіе; Владыка уговариваетъ подчиниться волѣ Божіей. Приблизительно въ это время, или немного раньше въ церкви служатъ молебенъ о здравіи болящаго, гдѣ присутствуетъ уже много народа и дѣти пріюта. Нужно было слышать изступленные крики дѣтей: «Боженька, оставь намъ Владыку», крики взрослыхъ съ мольбой о чудѣ, о спасеніи Пастыря, чтобы понять ту любовь, то почитаніе, которымъ пользовался усопшій. — Между тѣмъ Владыка все еще прощается; наступаетъ 1.30 часа ночи,

Владыка вдругъ вскакиваетъ съ кровати, на которой сидѣлъ, выходитъ къ дверямъ, идущимъ въ коридоръ, кланяется земно народу, прося простить его, не забывать въ своихъ молитвахъ, не бросать дѣтишекъ; поднявшись съ колѣнъ, благословляетъ; быстро поворачивается, устремляется въ кабинетъ къ выходу изъ дома со словами: «Иду умирать въ церковь!» при чемъ эти слова твердить все время; остановившись и шатаясь на ногахъ, проситъ духовенство облачить его въ епитрахиль и поручи старца Амвросія, что и исполняется, но окружающіе уговариваютъ его собороваться; поддерживаемый, подходитъ къ кровати, пробуетъ самъ снять валенки, но ихъ снимаетъ одинъ изъ врачей; ложится на кровать со словами: «На все воля Божія! Сейчасъ я умру», держа въ правой рукѣ крестъ и икону, а въ лѣвой зажженную свѣчу, и все время благословляетъ себя, шепча молитвы. Окружающіе громко плачутъ. Хриплое дыханіе замѣняется ровнымъ, покойнымъ... руки движутся медленнѣй... лицо слегка синѣетъ, и черезъ три минуты дыханіе внезапно прекращается. Я говорю о наступившей смерти Архіепископу. Архіепископъ читаетъ послѣднюю молитву, послѣ окончанія которой Владыка еще вздохнулъ разъ и затихъ. Протодіаконъ Маковѣевъ закрываетъ глаза и изъ нихъ выкатываются слезы. Правая рука твердо держитъ крестъ, такъ и оставшійся у покойнаго.

Слезы горя, отчаянія окружающихъ, пока одѣваютъ покойнаго, въ состояніи растопить самое твердое, жестокое сердце. Усопшаго переносятъ въ церковь. У меня не хватаетъ словъ для описанія творящагося въ церкви при облаченіи и первой литіи, для описанія того душевнаго переживанія, той скорби, которая овладѣла народомъ, собравшимся по звону. Всю ночь народъ остается въ церкви, будучи не въ силахъ разстаться съ тѣломъ боготворимаго пастыря и смириться съ утратой его. Утромъ совершается заупокойная обѣдня и панихида; произноситъ, рыдая, проникновенное слово проповѣдникъ протоіерей Демидовъ, въ которомъ, указывая, кого потеряла Маньчжурія, въ концѣ концовъ говоритъ, что потеряла... святителя... Дикій, изступленный ревъ массы народа сопровождаетъ эту рѣчь и одинъ изъ почитателей — нѣкто Гантимуровъ,

будучи не въ силахъ перенести утраты, падаетъ, умирая отъ разрыва сердца. Цѣлый день и ночь народъ толпами ходитъ поклониться праху усопшаго. . . А что творится во время похоронъ, когда все населеніе Маньчжуріи, безъ различія вѣроисповѣданія, стеклось и заполнило церковь и церковную ограду. . . всего до 6000 человѣкъ. Завѣщанія отпечатаннаго въ 3000 экземпляровъ, не хватаетъ и половинѣ присутствующихъ. Цѣлые дни теперь идутъ панихиды и идутъ толпы народа поклониться своему незабвенному пастырю. Какъ будто смертію своей Владыка заставилъ всколыхнуться у каждого загложія въ его душѣ въ погонѣ за благами міра, стремленія къ Высшему, вѣру въ промыслъ Божій.

А тутъ еще совершается чудо: исцѣленіе мальчика Дергачева, 10 лѣтъ отъ роду. Мальчикъ болѣлъ 4 мѣсяца обезображивающимъ воспаленіемъ обоихъ колѣнныхъ суставовъ. Въ началѣ болѣзни мѣсяца два я лечилъ его самъ, а затѣмъ, когда боли уменьшились, остались опухоли суставовъ и сведеніе ногъ, я передалъ его для леченія массажемъ своей фельдшерицѣ-акушеркѣ Бѣловой. За день до смерти Владыки Бѣлова была у больного, при чемъ его ноги были полусогнуты въ суставахъ, болей при покойномъ положеніи не было, при попыткѣ насильственно распрямить — рѣзкая болѣзненность; стоять, а тѣмъ болѣе ходить, не въ состояніи. И вотъ въ ночь похоронъ Владыки мальчикъ видитъ подъ утро сонъ: подходитъ къ нему Владыка и говоритъ: «На, возьми мои ноги, онѣ мнѣ больше не нужны, а свои отдай мнѣ».

Мальчикъ проснулся, всталъ на ноги и пошелъ къ двери въ кухню, крича: «Мама! Мама! Отвори двери». Мать въ это время принесла въ кухню дрова; услышала крикъ, бросилась къ двери, отворившейся въ этотъ моментъ, и видитъ своего сына, идущимъ къ ней; послѣдній разсказалъ матери сонъ и описалъ Владыку, его одѣяніе, именно то, въ которомъ похороненъ усопшій. Мать привезла сына къ вечерней панихидѣ въ церковь. Мальчикъ самъ взошелъ по ступенямъ въ храмъ, отстоялъ вечерню, сошелъ съ крыльца, подошелъ къ могилѣ, всталъ на колѣни, молился и плакалъ; самъ поднялся съ колѣнъ. Мать разсказала о чудѣ окружающимъ. Начали спрашивать мальчика, видалъ ли онъ

Владыку. Онъ отвѣчалъ, что видалъ, но плохо помнить. На вопросъ, узнаетъ ли онъ на портретъ покойнаго, отвѣтилъ утвердительно, и, когда ему показали портретъ, онъ вскрикнулъ, покраснѣвъ: «Онъ! Онъ!» Я немедленно отправилъ къ нему на квартиру Бѣлову для осмотра и она подтвердила, что мальчикъ не только ходитъ, но и бѣгаетъ безъ болей.

Вотъ что совершилось и чему я былъ свидѣтелемъ. Скончался Владыка 7-го октября 1925 года.

Докторъ Ляпустинъ.

Въ девятый день кончины Епископа Іоны вечеромъ, въ общественномъ собраніи, было устроено членами Комитета торжественное засѣданіе, посвященное памяти почившаго Архипастыря. Залъ былъ украшенъ портретомъ почившаго Владыки; предъ открытіемъ засѣданія архіерейскимъ служеніемъ была совершена литія и при участіи хора пѣвчихъ; залъ былъ переполненъ народомъ. Было произнесено нѣсколько рѣчей и пропѣто нѣсколько любимыхъ покойнымъ церковныхъ пѣснопѣній.

Упокой, Господи, праведную душу вѣрнаго раба Твоего, Епископа Іоны, и его святыми молитвами помилуй насъ. Аминь.

II. ПРОТОІЕРЕИ ВАСИЛІЙ ШУСТИНЬ.

(† 1968 г.)

Другимъ близкимъ по духу о. Варсонофію его духовнымъ сыномъ былъ о. Василій Шустинъ. Жизнь Отца Василія была сплошнымъ подвигомъ, тяжелымъ и настойчивымъ, но зато онъ былъ очень близокъ къ святынѣ и ею освятился! Онъ оставилъ безцѣнную замѣчательную «Запись объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ и объ Оптинскихъ Старцахъ»; по которой можно и судить о немъ. Съ ранняго дѣтства его семья была въ тѣснѣйшей связи со св. праведнымъ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, который исцѣлилъ его отца, болѣвшаго безнадежно горловой чахоткой и былъ крестнымъ отцомъ его сестры. При второмъ его посѣщеніи Оптиной о. Варсонофій сказалъ ему: «А мнѣ явился о. Іоаннъ Кронштадтскій и передалъ васъ и вашу семью въ мое духовное водительство», и добавилъ потомъ: «Вижу я батюшку о. Іоанна, беретъ онъ меня за руку и ведетъ къ лѣстницѣ, которая поднимается за облака, такъ что не видать и конца ея. Было нѣсколько площадокъ на этой лѣстницѣ, и вотъ батюшка довелъ меня до одной площадки и говоритъ: — а мнѣ надо выше, я тамъ живу — при этомъ сталъ быстро подниматься вверху. . .»

Согласно предсказанію о. Варсонофія, о. Василию не пришлось окончить инженернаго института. Онъ попалъ на фронтъ и сражался въ Добровольческой Арміи. Послѣ эвакуаціи Крыма, онъ попалъ на Балканы. Въ Болгаріи ему вначалѣ пришлось работать въ качествѣ слуги у католическихъ монаховъ. Въ Россіи осталась горячо имъ любимая семья: жена и двое дѣтей. Онъ потерялъ съ ними связь. На его душѣ лежала тяжелымъ камнемъ жгучая тоска. Однажды среди дня онъ былъ посланъ на почту отнести телеграмму. Онъ сталъ пересѣкать площадь и вдругъ, какъ бы съ неба спустилось облако, и въ немъ онъ увидѣлъ живого о. Варсонофія, фигура котораго видна была только по

поясъ. Это видѣніе укрѣпило и поддержало о. Василия въ его горестномъ положеніи. Слѣдующей службой о. Василия была какая-то должность въ бѣженскомъ русскомъ приютѣ. Онъ рассказывалъ трогательныя исторіи о любви своей къ дѣтямъ и объ ихъ любви къ нему. Затѣмъ онъ принялъ священство и былъ посланъ въ Алжиръ. Здѣсь мы его застали, когда еще не было тамъ церкви. Онъ служилъ въ помѣщеніи австрійскаго консульства въ залѣ въ мавританскомъ арабскомъ стилѣ. Единственно, что было церковнаго — это икона Божіей Матери, которая стояла на столикѣ. Со временемъ вокругъ о. Василия образовался приходъ въ 100 человѣкъ. Былъ купленъ церковный домъ и въ немъ устроена прекрасная церковь. О. Василий также объѣзжалъ другіе города и обслуживалъ нужды православныхъ людей. Дважды ему на улицѣ были нанесены раны фанатиками-мусульманами. Съ провозглашеніемъ арабской независимости и отѣздомъ въ Европу всѣхъ прихожанъ, ему пришлось перебраться въ Европу, въ гор. Канны. Здѣсь онъ скончался 6 августа 1968 года.

Послѣ его кончины полученъ рядъ писемъ отъ его сестры Маріи Васильевны. Она пишетъ: «сбылись слова о. Іоанна Кронштадтскаго: «Ты доживешь до глубокой старости, но умрешь въ большихъ мукахъ». Такъ оно и было: онъ тяжело страдалъ отъ нѣсколькихъ болѣзней одновременно, многіе годы не могъ литургисать и материально бѣдствовалъ.

Въ другомъ письмѣ она пишетъ о томъ, что гробъ съ останками о. Василия былъ вырытъ изъ могилы Каннскаго кладбища и перевезенъ въ Ниццу, гдѣ погребенъ на кладбищѣ возлѣ русской церкви въ склепѣ съ другими православными священниками. Она пишетъ: «Странно! Батюшку два раза хоронили и онъ два раза умиралъ. Въ первый разъ онъ умеръ въ Россіи послѣ 3-яго тифа. У него была большая температура и онъ лежалъ безъ сознанія. Видитъ онъ доктора, который щупалъ пульсъ, и сестру. Докторъ сказалъ: «Умеръ». Душа брата летѣла ввысь, очутился въ чудномъ саду, гдѣ его встрѣтилъ о. Варсонофій Оптинскій, говоря: «Хочешь быть въ этомъ саду послѣ смерти?» — «Да». — «Тогда возвращайся обратно, ты не готовъ, перемучайся, переживи все, тогда вернешься сюда. Братъ со страхомъ вошелъ

въ свое тѣло. Пришли его обмытъ, принесли гробъ и поразились, что теперь онъ живъ». На 40-ой день, Марія Васильевна увидѣла во снѣ своего брата въ томъ саду, куда его призывалъ о. Варсонофій. «Иду я въ саду по дорожкѣ одна, но чувствую, что о. Василій идетъ сзади. Дорожка заворачиваетъ вправо, образуя уголъ. Братъ меня перегоняетъ, подходитъ къ углу, гдѣ растутъ необыкновенные цвѣты, срываетъ распустившійся цвѣтокъ, а мнѣ пальцемъ указываетъ на другой, наполовину распустившійся. Я протягиваю руку, чтобы сорвать и все исчезаетъ».

*
**

Когда-то въ своей скромной, міру-невѣдомой душѣ, слагалъ питомецъ оптинскихъ лѣсовъ о. Варсонофій эти стихи, назвавъ ихъ «Весною».

Еще покрыты бѣлой пеленой
Поля; стоитъ безмолвно лѣсъ
Въ своемъ серебряномъ уборѣ.
Но всюду вѣетъ силой творческой — весной,
И ярче и свѣтлѣе сводъ небесъ,
И тонетъ взоръ въ его просторъ.
Когда жъ, о Господи, въ моей душѣ больной,
Немоществующей, унылой и скорбящей
Повѣетъ Святый Духъ животворящій
Ликующей, духовною весной?..

—***—

Г л а в а XIX.

Оптина Пустынь и писатели ее посѣщавшіе.

Со времени старца Макарія, привлечшаго къ переводамъ свято-отеческой литературы рядъ лицъ, принадлежавшихъ къ образованнымъ слоямъ общества, Оптиная Пустынь стала извѣстна въ кругу современныхъ писателей. Съ тѣхъ поръ цвѣтъ мыслящей Россіи сталъ посѣщать Оптину Пустынь и ея скитъ. Это общеніе со старцами оставляло тотъ, или иной отпечатокъ на душахъ посѣтителей.

Въ текстѣ настоящей книги мы уже касались именъ братьевъ Кирѣевскихъ, Леонтьева и подъ конецъ Толстого въ связи съ жизнеописаніемъ старца Варсонофія (см. стр. 370-381).

Но нами не были упомянуты имена двухъ знаменитыхъ писателей XIX вѣка, какими были Н. В. Гоголь и послѣ него Ѳ. М. Достоевскій, неоднократно посѣщавшихъ Оптину Пустынь.

Н. В. ГОГОЛЬ.

Николай Васильевичъ Гоголь былъ большимъ почитателемъ Оптиной Пустыни и ея старцевъ.

Извѣстенъ случай, когда «изъ Долбина отъ И. В. Кирѣевского Гоголь съ М. А. Максимовичемъ съѣздить въ сосѣдную обитель Оптину. За двѣ версты, Гоголь со своимъ спутникомъ вышли изъ экипажа и пошли пѣшкомъ до самой обители. На дорогѣ встрѣтили они дѣвочку съ миской земляники и хотѣли купить у нея землянику, но дѣвочка, видя, что они люди дорожные, не захотѣла взять отъ нихъ денегъ и отдала имъ свои ягоды даромъ, отговариваясь тѣмъ, что «какъ можно брать со странныхъ людей!». «Пустынь эта распространяетъ благочестіе въ народѣ» — замѣтилъ Гоголь, умиленный этимъ трогательнымъ проявленіемъ ребенка, — «и я не разъ», — говорилъ Гоголь, — «замѣчалъ подобныя вліянія такихъ обителей».

О посѣщеніи своемъ Оптиной Пустыни въ іюнѣ 1850-го года, вотъ что писалъ Гоголь графу А. П. Толстому: «Я заѣзжалъ по дорогѣ въ Оптинскую Пустынь и навсегда унесъ о ней воспоминанье. Я думаю, на самой Аѳонской горѣ не лучше. Благодать видимо тамъ царствуетъ. Это слышится въ самомъ наружномъ служеніи... Нигдѣ я не видалъ такихъ монаховъ, съ каждымъ изъ нихъ, мнѣ казалось, бесѣдуетъ все небесное. Я не спрашивалъ, кто изъ нихъ какъ живетъ: ихъ лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили свѣтлой ласковостью ангеловъ, лучезарной простотой обхожденія; самые работники въ монастырѣ, самые крестьяне и жители окрестностей. За нѣскольکو верстъ, подѣвзая къ обители уже слышишь ея благоуханіе: все становится привѣтливѣе, поклоны ниже и участіе къ человѣку больше. Вы постарайтесь побывать въ этой обители; не позабудьте также заглянуть въ Малый Ярославецъ къ тамошнему игумену, который родной братъ оптинскому игумену и славится также своею жизнію; третій же изъ нихъ игуменомъ Саровской обители и тоже говорятъ, почтенный настоятель»¹⁾).

Кромѣ этой своей поѣздки въ Оптину Пустынь, Гоголь былъ тамъ въ 1852-омъ году, когда онъ вернулся послѣ своего паломничества въ Святую Землю и ѣздилъ въ Калугу къ друзьямъ своимъ Смирновымъ. На пути его лежала Оптина Пустынь.

Сохранились два письма Гоголя, адресованные въ Оптину Пустынь: первое — записочка къ отцу Игумену Моисею: «Такъ какъ всякій даръ и лепта вдовы пріемлется, то пріимите и отъ меня небольшое приношеніе по мѣрѣ малыхъ средствъ моихъ: двадцать пять рублей на строительство обители вашей, о которой пріятное воспоминаніе храню всегда въ сердцѣ моемъ».

Другое письмо отъ 25-го іюля 1852-го года болѣе значительное:

«Ради Самого Христа — молитесь обо мнѣ, отецъ Филаретъ. Просите вашего достойнаго Настоятеля, просите всю братію, просите всѣхъ, кто у васъ усерднѣе мо-

¹⁾ Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. XI-я кн., стр. 145-146.

лится — просите молитвъ обо мнѣ. Путь мой труденъ, дѣло мое такого рода, что безъ ежеминутной, безъ ежечасной и безъ явной помощи Божіей, не можетъ двинуться мое перо; и силы мои не только ничтожны, но ихъ и нѣтъ безъ освѣженія Свыше. Говорю вамъ объ этомъ не ложно. Ради Христа обо мнѣ молитесь. Покажите эту мою записочку отцу Игумену и умоляйте его вознести свои молитвы обо мнѣ грѣшномъ, чтобы удостоилъ Богъ меня недостойнаго повѣдать славу Имени Его, несмотря на то, что я всѣхъ грѣшнѣйшій и недостойнѣйшій. Онъ силенъ. Милосердный, сдѣлать все: и меня чернаго, какъ уголь, убѣлить и вознести до той чистоты, до которой долженъ достигнуть писатель, дерзающій говорить о святомъ и прекрасномъ. Ради Самаго Христа, молитесь: мнѣ нужно ежеминутно, говорю вамъ, быть мыслями выше житейскихъ дразгъ, и на всякомъ мѣстѣ своего странствованія быть какъ бы въ Оптиной Пустыни. Богъ да воздастъ вамъ всѣмъ за ваше доброе дѣло. Вашъ всей душой Николай Гоголь»²⁾).

Эти мысли Гоголя объ отвѣтственности писателя передъ Богомъ возникли не безъ вліянія бесѣдъ со старцемъ Макаріемъ, передъ прозорливымъ сужденіемъ котораго онъ повергалъ свои сомнѣнія.

Еще до личнаго знакомства съ Гоголемъ, старецъ Макарій прочелъ «Переписку съ друзьями» и вложилъ свой письменный отзывъ во внутрь этой книги, стоявшей на полкѣ Оптинской библіотеки. Вотъ подлинныя слова старца: «...Виденъ человѣкъ, обратившійся къ Богу съ горячностью сердца. Но для религіи этого мало. Чтобы она была истиннымъ свѣтомъ для человѣка собственно и чтобы издавала изъ него неподдѣльный свѣтъ для ближнихъ его, необходима и нужна въ ней опредѣлительность. Опредѣлительность сія заключается въ точномъ познаніи истины, въ отдѣленіи ея отъ всего ложнаго, отъ всего лишь кажущагося истиннымъ. Это сказалъ Самъ Спаситель: «Истина освободитъ васъ» (Іоан. 8, 3). Въ другомъ мѣстѣ Писанія сказано: «Слово Твое истина есть» (Іоан. 17, 17).

²⁾ Д. П. Богдановъ. Оптина Пустынь и паломничество въ нее русскихъ писателей. Истор. Вѣстн. 1910 г .

Посему, желающій стяжать опредѣлительность глубоко вникаетъ въ Евангеліе, по ученію Господа, направляетъ свои мысли и чувства. Тогда онъ можетъ отдѣлить въ себѣ правильныя и добрыя мысли и чувства. Тогда человѣкъ вступаетъ въ чистоту, какъ и Господь сказалъ послѣ Тайной вечери ученикамъ Своимъ, яко образованнымъ уже ученіемъ истины: «Вы чисти есте за слово, еже рѣхъ вамъ» (Іоан. 15, 3). Но одной чистоты не достаточно для человѣка: ему нужно оживленіе, вдохновеніе. Такъ, чтобы свѣтилъ фонарь, недостаточно одного вымыванія стеколъ, нужно, чтобы внутри его была зажжена свѣча. Сіе сдѣлалъ Господь съ учениками Своими. Очистивъ ихъ истиною, Онъ оживилъ ихъ Духомъ Святымъ и они сдѣлались свѣтомъ для человѣковъ. До принятія Духа Святаго они не были способны научить человѣчество, хотя и были чисты. Сей ходъ долженъ совершаться съ каждымъ христіаниномъ, на самомъ дѣлѣ, а не по одному имени: сперва просвѣщеніе истиною, потомъ просвѣщеніе Духомъ. Правда, есть у человѣка врожденное вдохновеніе, болѣе или менѣе развитое, происходящее отъ движенія чувствъ сердечныхъ. Истина отвергаетъ сіе вдохновеніе, какъ смѣшанное, умерщвляетъ его, чтобы Духъ, пришедши, воскресилъ его въ обновленномъ состояніи. Если же человѣкъ будетъ руководствоваться, прежде очищенія его истиною, своимъ вдохновеніемъ, то онъ будетъ издавать изъ себя и для другихъ не чистый свѣтъ, но смѣшанный, обманчивый, потому что въ сердцѣ его лежитъ не простое добро, но добро смѣшанное со зломъ, болѣе или менѣе. Всякій взгляни на себя и повѣрь сердечнымъ опытомъ слова мои: какъ они точны и справедливы, скопированы съ самой натуры. Примѣнивъ сіи основанія къ книгѣ Гоголя, можно сказать, что онъ издаетъ изъ себя и свѣтъ и тьму. Религіозныя его понятія не опредѣлены, движутся по направленію сердечнаго, неяснаго, безотчетнаго, душевнаго, а не духовнаго. Такъ какъ Гоголь писатель, а въ писателѣ «отъ избытка сердца уста глаголютъ» (Матѣ. 12, 34), или: сочиненіе есть непремѣнная исповѣдь сочинителя, по большей частію имъ не понимаемая и понимаемая только такимъ христіаниномъ, который возведенъ Евангеліемъ въ отвле-

ченную страну помысловъ и чувствъ въ ней различилъ свѣтъ отъ тьмы, то книга Гоголя не можетъ быть принята цѣликомъ и за чистые глаголы истины. Тутъ смѣшеніе. Желательно, чтобы этотъ человекъ, въ которомъ видно самоотверженіе, причалилъ къ пристанищу истины, гдѣ начало всѣхъ благъ. По сей причинѣ совѣтую всѣмъ друзьямъ моимъ по отношенію религіи заниматься исключительно чтеніемъ святыхъ отцовъ, стяжавшихъ очищеніе и просвѣщеніе, какъ и апостолы, и потомъ уже написавшихъ свои книги, изъ коихъ свѣтитъ чистая истина и которыя сообщаютъ читателю вдохновеніе Святаго Духа. Внѣ этого пути, сначала узкаго и прискорбнаго для ума и сердца, всюду мракъ, всюду стремнины и пропасти. Аминь.³⁾

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ.

Феодоръ Михайловичъ Достоевскій, наиболѣе прославленный изъ русскихъ писателей, былъ переведенъ на всѣ иностранные языки и признанъ всемірнымъ гениемъ. Онъ старался насадить въ мірѣ добро и искренно считалъ себя членомъ Православной Церкви. Извѣстно, что онъ умеръ напутствуемый Святыми Тайнами. Образъ Христа былъ чрезвычайно дорогъ душѣ Достоевскаго. Однако, онъ не раздѣлялъ традиціонныхъ вѣрованій Православной Церкви, запечатлѣнныхъ въ Символѣ Вѣры. Извѣстно вліяніе на Достоевскаго В. С. Соловьева, а также его увлеченіе идеями Н. Э. Федорова, утверждавшаго, что «если человечество объединится въ любви, не будетъ катастрофическаго конца свѣта и Страшнаго Суда». Достоевскій вполне воспринимаетъ идеи Федорова: «Скажу, что я въ сущности совершенно согласенъ съ этими мыслями. Ихъ я прочелъ какъ свои». И далѣе: «Мы здѣсь, т. е. я и Соловьевъ, по крайней мѣрѣ, вѣримъ въ воскресеніе реальное, буквальное, личное и въ то, что оно будетъ на землѣ»³⁾. Другими словами, что это воскресеніе и жизнь будущаго вѣка произойдетъ иначе,

³⁾ Оптина Пустынь и паломничество въ нее русскихъ писателей. Истор. Вѣстникъ 1910.

чѣмъ насъ учить Евангеліе (Матѣ. 25, 31-46) и не такъ какъ учить ап. Павелъ (1 Кор. 15, 49-55) ⁴⁾.

О томъ, что міровоззрѣніе Достоевскаго расходится съ традиціонными вѣрованіями Церкви единогогласно свидѣтельствуя всѣ до одного литературовѣды, посвятившіе свои труды раскрытію личности Достоевскаго и его творчества. Мы здѣсь назовемъ:

1. Прот. Проф. В. М. Зѣньковскій «Ист. Рус. Философіи». Т. 1.

2. Проф Зандеръ (на франц. яз.) «Достоевскій». Парижъ 1946 г. 176 стр.

3. Н. Бердяевъ. «Міросозерцаніе Достоевскаго». Парижъ 1963 г. 238 стр.

4. К. Мочульскій. Достоевскій. Жизнь и творчество. Парижъ 1948 г. 561 стр.

Въ своемъ инакомысліи Достоевскій былъ прежде всего послѣдователемъ теоріи Руссо, отрицавшаго наличие у человѣчества первороднаго грѣха. На основаніи этого Достоевскій проповѣдуетъ морализмъ и уклоняется отъ мистическаго богословія. Изъ этого вытекаетъ, что созданный имъ типъ о. Зосимы не совпадаетъ не только съ оптинскими старцами, но даже съ ликомъ всѣхъ преподобныхъ Православной Церкви, цѣль у которыхъ состоитъ въ стяжаніи даровъ Св. Духа. Въ моралистическомъ же, иначе въ «натуральномъ» христіанствѣ, гдѣ всѣ явленія объясняются естественнымъ, натуральнымъ образомъ, нѣтъ ничего вышеестественнаго. Здѣсь можно найти параллель съ «Отцомъ Сергіемъ» Льва Толстого: у него прозорливость, какъ и у о. Зосимы, дѣйствуетъ на основаніи памяти, опыта, наблюдательности. А помощь въ леченіи недуговъ — въ знаніи лечебныхъ средствъ.

При «натуральномъ» христіанствѣ отпадаетъ необходимость въ соблюденіи правилъ святоотеческой аскетики. Такъ о. Зосима велитъ своему ученику: «...землю цѣлуй и неустанно, ненасытно люби, всѣхъ люби, все люби, ищи восторга и изступленія сего. Омочи землю слезами радости твоей и люби сіи слезы твои». Не говоря о томъ, что все это наставленіе идетъ въ прямой разрѣзъ съ правилами св. Отцовъ, можно осо-

⁴⁾ К. Мочульскій. Достоевскій. Жизнь и творчество. Парижъ. стр. 467.

бенно сослаться на слова пр. Іоанна Лѣствичника, который говоритъ, что нельзя довѣрять слезамъ прежде очищенія сердца (Слово 7-ое, 35).

Однако, плѣнительно изображенный образъ о. Зосимы многократно приводитъ читателей къ познанію вѣры. Это нельзя не привѣтствовать. Но пусть такія лица знаютъ, что по заповѣди Апостола: «забывая заднее и простираетъ впередъ» (Филип. 3, 13), имъ должно отнынѣ искать подлинный духовный жемчугъ «маргаритъ», оставляя позади всякое подражаніе, искусственную поддѣлку.

Достоевскій былъ въ Оптиной Пустыни и описалъ въ своемъ романѣ «Братья Карамазовы» все, что видѣлъ и слышалъ, создавая внѣшнюю картину для своего романа. Но онъ остался чуждъ внутреннему духу этой обители.

Послѣсловіе.

Въ 1972-омъ году исполнилось 250-лѣтіе со дня многознаменательнаго рожденія старца схіархимандрита Паисія Величковскаго, покинувшаго свою родину, чтобы плодомъ всей своей жизни явить на ней обновленіе монашескаго духа (См. стр. 46-49.)

Мощи старца Паисія покоятся въ Румыніи въ Немецкомъ монастырѣ на вскрытіи. Наступленіе большевизма помѣшало канонизаціи. Однако, 15-го ноября въ день успенія Преподобнаго ежегодно правится посвященная ему служба, какъ мѣстно прославленному святому.

Въ ранѣе вышедшей книгѣ «Стяжаніе Духа Святаго въ путяхъ древней Руси», которая служитъ какъ бы первымъ томомъ къ настоящей книгѣ, говорится о внутреннемъ дѣланіи и о тягѣ русскихъ паломниковъ на Ближній Востокъ, откуда они приносили съ собой на родину ученіе Святыхъ Отцовъ Православной Церкви. Рядъ неблагоприятныхъ условій помѣшалъ созданію самобытной русской духовной культуры. Только монастыри служили главными свѣточами для народныхъ массъ.

Настоящая книга «Оптина Пустынь и ея время» вначалѣ повѣствуетъ о сущности старчества, вопроса доселѣ не затронутаго въ богословской наукѣ. Эта книга посвящена Петербургскому періоду въ исторіи.

Съ возникновеніемъ Имперіи были внезапно введены бытовыя реформы, въ корнѣ отмѣнившія прежніе обычаи и нравы. Рядъ введенныхъ новшествъ далъ понять обществу, что все на свѣтѣ относительно. Громъ съ небесъ не грянулъ, а посему со всѣми переменами измѣнилось отношеніе и къ страху Божію. Это отразилось на нравахъ, которые стали легкомысленными и порою безнравственными. Многіе волевые люди ушли въ дремучіе лѣса въ старообрядчество. Съ той поры было положено начало той роковой двойственности, которая мѣшала истинному процвѣтанію въ послѣдую-

щее время. При Екатеринѣ появилось вольтеріанство и вольнодумство. О гоненіи на Церковь при Екатеринѣ хорошо сказано у Пушкина⁵⁾: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ своему неограниченному властолюбію и угождая духу времени. Но лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностію. Отъ сего происходитъ въ нашемъ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи... завися, какъ и прочія состоянія, отъ единой власти, но огражденное святыней религіи оно (духовенство) всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человекомъ и божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашей исторіей, слѣдственно просвѣщеніемъ. Екатерина знала все это — и имѣла свои виды».

Послѣ смерти Екатерины въ началѣ царствованія имп. Павла началось духовное возрожденіе въ монашествѣ, рѣчь о которомъ идетъ въ этой книгѣ. Это время отъ Преподобнаго Серафима до Блаженнаго о. Іоанна Кронштадтскаго. Безчисленное число еще понынѣ не прославленныхъ подвижниковъ заблистало подобно звѣздамъ на духовномъ небѣ Россіи.

Въ XIX вѣкѣ Петръ Кирѣевскій, собираетъ народныя пѣсни, настаивалъ на необходимости преданія. Съ нимъ были его единомышленники какъ Пушкинъ, Гоголь и многіе другіе. Рѣчь тогда шла объ оградительномъ націонализмѣ.

Теперь же, если по милости Божіей возможно станетъ возрожденія, все дѣланіе должно исключительно заключаться въ крѣпкомъ храненіи святоотеческаго Православія, на которомъ созидалась и зиждилась Великая Россія. Отнюдь не въ исканія новыхъ путей, а въ твердомъ пребываніи въ той вѣрѣ, въ которой жили и дѣйствовали оптинскіе старцы — эти истинные стяжатели даровъ Духа Святаго.

⁵⁾ Соч. А. С. Пушкина. С.-Пб. 1887. Томъ 5-й, стр. 13.

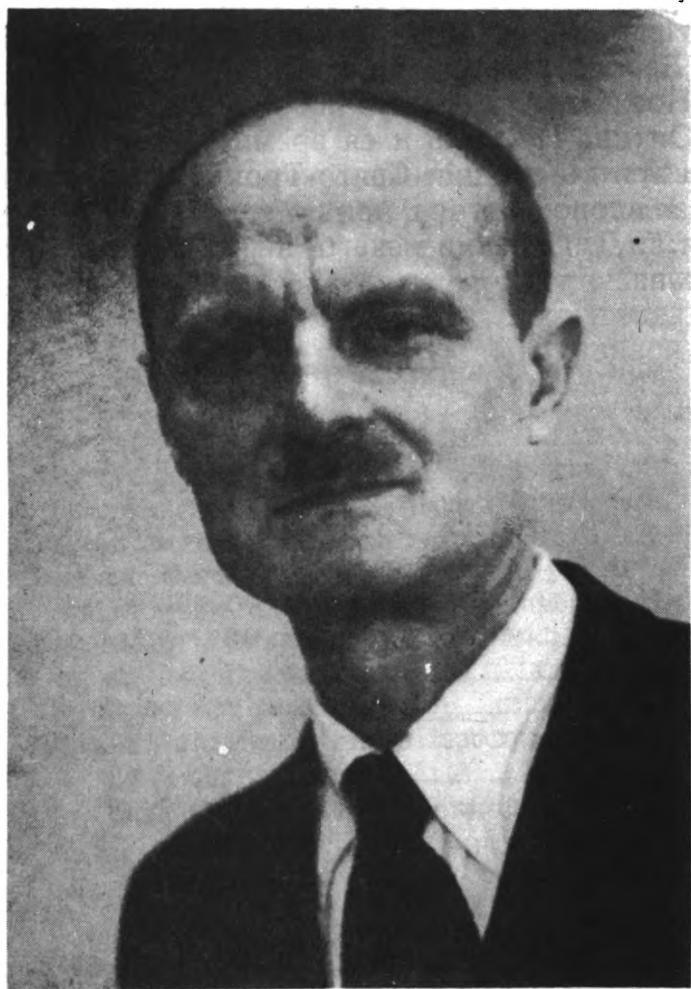
Авторъ книги “Оптина Пустынь и ея время”.

Иванъ Михайловичъ Концевичъ родился въ Варшавѣ 13 октября 1893 г., гдѣ его отецъ занималъ должность въ судебномъ вѣдомствѣ. При переходѣ его отца на должность податнаго инспектора, семья, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Прибалтикѣ, переселилась на Украину. Иванъ Михайловичъ кончилъ въ Полтавѣ гимназію и поступилъ въ Кіевскій Университетъ на математическій факультетъ. Военныя событія въ 1915 г. вынудили его перейти въ Харьковскій Университетъ. Въ этотъ періодъ своей жизни И. М. жилъ въ домѣ о. Николая Загоровскаго, которому часто прислуживалъ въ церкви и постоянно сопровождалъ его. Въ эти годы И. М. бывалъ въ Оптиной Пустыни и съ тѣхъ поръ остался вѣрнымъ сыномъ ея старцевъ. Окончивъ 4. курса Харьковскаго университета, онъ вступилъ въ ряды Добровольческой Арміи, былъ подъ огнемъ и былъ контуженъ. Въ Галлиполи окончилъ Военное Инженерное Училище и былъ произведенъ въ офицеры. Во Франціи онъ окончилъ въ Сорбоннѣ физико-математическій факультетъ и послѣ этого «Высшее Учебное Заведеніе» по электричеству.

Во время НЕПа, когда пріоткрылась возможность переписки, И. М. сталъ пользоваться непосредственнымъ руководствомъ старца Нектарія. Мать его непрерывно ѣздила къ старцу съ младшимъ сыномъ, нынѣ Владыкой Нектаріемъ Сеаттлійскимъ. Старецъ входилъ во всѣ подробности жизни И. М. и давалъ указанія и наставленія, которыя ему были пересылаемы. Такъ продолжалось до смерти старца.

Въ 1935 г. И. М. женился на Е. Ю. Карцовой. Вѣнчалъ ихъ о. Василій Шустинъ въ Алжирѣ, съ которымъ сохранилась духовная связь на всю послѣдующую жизнь.

Во время второй мировой войны И. М. поступилъ въ Парижскій Богословскій Институтъ; окончилъ его со званіемъ Кандидата Богословія.

И. М. Концевичъ.

Благодаря предоставленію ему стипендіи Богословскимъ Институтомъ и благодаря нѣкоторой доли помощи со стороны Его Преосвященства Епископа Серафима, нынѣ Архіепископа Чикагскаго, явилась возможность выпустить въ свѣтъ книгу «Стяжаніе Духа Святаго въ путяхъ древней Руси». 1952 г., служащей первымъ томомъ къ настоящей книгѣ.

Въ 1952-53 гг. Иванъ Михайловичъ преподавалъ Патрологію въ Свято-Троицкой Духовной Семинаріи.

Вторая его книга вышла подъ заглавіемъ: «Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого», Мюнхень 1956.

Иванъ Михайловичъ скончался 6-го іюля 1965 г. въ гор. Берклей, Калифорніи.

Послѣ него осталась неоконченной настоящая книга «Оптина Пустынь и ея время». Нынѣ она выходитъ въ свѣтъ въ изданіи Свято-Троицкой Обители, пополненная вдовою автора, при помощи и любезномъ содѣйствіи Г. Д. Подмошенскаго, нынѣ въ монашествѣ отца Германа.

Оглавленіе.

Введеніе.	5
<i>Глава I.</i> Опредѣленіе понятія старчества.	7
<i>Глава II.</i> Распространеніе “умнаго дѣланія” на Руси.	39
Предварительный обзоръ.	49
Наставленія архимандрита Теофана.	71
Преподобный Серафимъ Саровскій.	73
<i>Глава III.</i> Исторія Оптиной Пустыни. Архимандритъ Моисей.	82
Введеніе.	82
Значеніе Оптиной Пустыни.	84
Исторія возникновенія Оптиной Пустыни.	86
Письмо о. архимандрита Моисея Оптинскаго къ сестрѣ своей м. Максимиллѣ.	94
<i>Глава IV.</i> Основаніе Скита Оптиной Пустыни. Игум. Антоній.	97
<i>Глава V.</i> Начало Оптинскаго Старчества. Іеросхимонахъ Левъ.	105
<i>Глава VI.</i> Митрополитъ Филаретъ Московскій.	126
<i>Глава VII.</i> Старецъ Іеросхимонахъ Макарій.	164
Оптинское книгоиздательство.	177
Письма Оптинскаго Старца Іеросхимон. Макарія.	182
Введеніе.	184
Семь писемъ Старца Макарія къ мірянину.	188
П и с ь м о 1.	188
П и с ь м о 2.	188
П и с ь м о 3.	190
П и с ь м о 4.	196
П и с ь м о 5.	196
П и с ь м о 6.	198
П и с ь м о 7.	199
<i>Глава VIII.</i> М. В. Кирѣвскій.	201
Антропология и гносеология философіи Кирѣвскаго.	212
Письмо И. В. Кирѣвскаго къ старцу Макарію.	220
<i>Глава IX.</i> П. В. Кирѣвскій — праведникъ въ міру.	223
<i>Глава X.</i> Старецъ Іеросхимонахъ Амвросій.	253
Основаніе Шамординскаго монастыря.	284
<i>Глава XI.</i> К. Н. Леонтьевъ.	291
<i>Глава XII.</i> Старецъ Іеросхимонахъ Іосифъ.	297

<i>Глава XIII.</i>	Старець Іеросхимонахъ Анатолій (Зерцаловъ).	309
	Письма Старца Анатолія.	319
<i>Глава XIV.</i>	Старець Іеросхимонахъ Варсонофій.	322
	I. Возрожденіе.	322
	II. Прозорливость Старца Варсонофія.	343
	III. Записи С. А. Нилуса.	349
	1. Языкъ именъ и цифръ.	350
	2. Встрѣча въ трамваѣ.	351
	3. Смерть Оптинскаго Благочин. о. Іліодора.	353
	4. Реставрація чудотворной Иконы Тихвинской Божіей Матери.	355
	5. Антихристъ.	359
	IV. Духовная связь между праведнымъ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ и Старцемъ Варсонофіемъ.	359
	V. Случай исцѣленія.	365
	VI. Старець Варсонофій и Левъ Толстой.	370
	а. Бесѣда Ст. Варсонофія съ С. А. Нилусомъ.	370
	б. Истоки душевной катастрофы Толстого.	375
	VII. "Осень". Оптинская смута и кончина Старца.	381
<i>Глава XV.</i>	Старець Ѳеодосій.	401
<i>Глава XVI.</i>	Старець Анатолій "Младшій".	404
	Старчество о. Анатолія до революціи.	404
	Великій Старець "Тихаго пріюта для отдыха страждущей души.	412
	Прозорливость Старца Анатолія.	416
	1. Разсказъ м. Николаи.	416
	2. Разсказъ Елены Карцовой.	418
	3. Разсказъ О. Н. Т. изъ Австраліи.	420
	4. Изъ частныхъ писемъ И. М. Концевича.	421
	5. Изъ воспоминаній матушки Евгеніи Григорьевны Рымаренко.	422
	"Пустите дѣтей приходить ко Мнѣ".	423
	Блаженная кончина Старца Анатолія.	435
	Отець протоіерей Николай Михайловичъ Сангушко-Загоровскій.	437
<i>Глава XVII.</i>	Старець Іеросхимонахъ Нектарій.	452
	Предувѣдомленіе.	452
	I. Юные годы о. Нектарія и періодъ до старчества.	453
	II. Старчество о. Нектарія въ Оптиной Пустыни.	480
	III. Конецъ Оптиной Пуст. Жизнь въ Холмищахъ.	502
	IV. Наставленія отца Нектарія.	511
	V. Случаи прозорливости и чудесной помощи.	519
	1. Письма монахини Нектарія Концевичъ.	519

2. “Вечеръ” Старца Нектарія.	523
3. “Не гонитесь за большимъ”.	527
4. “... Улетишь какъ птичка, у тебя будетъ много дѣтей”.	536
5. “Ты еще ничего не знаешь, что будетъ”, — продолженіе разсказа м. Николаи.	539
6. Разсказъ актера Михаила Чехова.	541
7. Старецъ и Патріархъ Тихонъ.	544
VI Кончина отца Нектарія.	547
На могилкѣ батюшки Нектарія.	551
Обращеніе спирита.	555
Правила благочестивой жизни.	573
<i>Глава XVIII.</i> Ученики Оптиныхъ Старцевъ.	580
I. Епископъ Іона Ханькоускій.	580
II. Протоіерей Василій Шустинъ.	590
<i>Глава XIX.</i> Оптина Пустынь и писатели ее посѣщавшіе.	593
Н. В. Гоголь.	593
Ө. М. Достоевскій.	597
Послѣсловіе.	600
Авторъ книги “Оптина Пустынь и ея время”.	602

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
7	5 сверху	(Еф. IV, 11; 1 Кор. XIII, 28)	(Еф. IV, 11; 1 Кор. XII, 28)
21	16 сверху	(Іоан. XIV, 13)	(Іоан. XVI, 13)
46	20 сверху	позволяетъ намъ вкратцѣ	позволяетъ намъ только вкратцѣ
67	4 снизу	удивляется	удивляеишя
112	4 снизу	его предыдущаго	предыдущаго
114	14 сверху	дети изъ-за Государя?» «По- тому, о. Леонидъ, не будь	дети обратить на нихъ вни- маніе. «Если изъ за Голицына
123	10 снизу	Митрополитъ	Митрополитъ
136	3 сверху	будущаго епископа Пензен- скаго	будущаго Митрополита Фи- ларета, а также его школь- наго товарища Иннокентія, будущаго епископа Пензен- скаго.
160	2 снизу	бѣдны	бѣдныя
188	1 снизу	(Марк. 16, 16;	(Марк. 15, 16;
189	14 снизу	Всегда	Егда
197	3 сверху	благодѣтелю	Благодѣтелю
198	18 снизу	(Іак. IV, 4)	(Іоан. IV, 4)
209	18 сверху	что раскры-	что раскрывается въ выс- шемъ знаніи, гдѣ достига- ется вновь цѣлост-
214	8 снизу	нія». «Логическое мышленіе, отдѣленное отъ другихъ ніемъ въ истинѣ, т. е. дѣ- ломъ не одного лишь ума, а всей жизни. Знаніе «жи- вое» приобрътается по мѣрѣ вательной способности, свя- занной съ вѣрой, и «есте-	нія». Познаніе истины дол- жно быть пребываніемъ въ истинѣ, т. е. дѣломъ не од- ного лишь ума, а всей жи- зни. Знаніе «живое» приобръ- тается по мѣрѣ внутренняго стремленія къ нравственной высотѣ и цѣль-
228	3 сверху	были	были бы
229	19 сверху	всеношны	всенощныя
251	15 снизу	я не сердился	я сердился
270	18 сверху	«Вѣсной	«Весной
294	8 сверху	Леонтьевъ	Леонтьева
327	17 снизу	Максимовской	Максимовичъ
475	20 сверху		лишняя
506	10 сверху	лѣстника	лѣсника
551	9 снизу	Козловской	Козельской